

Дом
Ангел-Козел
Тернети

Мир
Древнего Египта
и
Древней Греции

приводимые без тайн
и
по общему принципу
с объяснением символов
и
тройной войны

Ответственный редактор: Виктор фон Эрцен-Глерон
Редакторы: Александр Морозов, Татьяна фон Эрцен-Глерон
Художественное оформление: Виталий Сердюков
Перевод: Маричев Евгений Тихонович

Дом Антуан-Жозеф Пернети. Мифы Древнего Египта и Древней Греции. Пер. с фр. — К: ФОП Береза, 2012. — 528 с. Серия “A terra ad solem”.

Эта книга представляет собой необычное, чрезвычайно интересное произведение. Любое академическое издание, касающееся темы мифологии, как и другие научно-популярные исследования в этой области, является своего рода постфактом. Автора этого трактата можно с полным правом сравнить с теми же философами-поэтами, когда-то создававшими мифы не для того, чтобы этим “позабавить народ”, но с помощью аллегорий и языка символов посвятить неофитов в таинства бытия. Поражает глубина того знания, скрытого знания, данное автором этой книги в таком доступном, захватывающем изложении.

Этот трактат представляет интерес для всех, кто изучает мифологию, символизм, а также герметическое толкование таинств Природы, символику цвета и культуру древних народов.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей: студентов, преподавателей школ и вузов и всех тех, кому небезынтересна древность в ее глубине и чистоте, лишенной “мудреных напластований”.

LES FABLES EGYPTIENNES E T GRECQUES

Devoilees & reduites au meme principe,
AVEC
UNE EXPLICATION DES
HIEROGLYPHES,
ET DE
LA GUERRE DE TROYE :

*Par Dom ANTOINE-JOSEPH PERNETY, Religieux Benedictin de la
Congregation de Saint-Maur.*

*Populum Fabulis pascebant Sacerdotes ægyptii ; ipsi autem sub
nomimbus Deorum patriorum philosophabantur. Origl. i. contra
Celsum.*

A PARIS,
Chez DELALAIN l'aîné, Libraire, rue Saint-Jacques, N°. 240.
M. DCC. LXXXVI.
AVEC APPROBATION, ET PRIVILEGE DU ROI.

IN MEMORIAM
Дом Антуан-Жозеф Пернети
монах ордена бенедиктинцев
конгрегации Сен-Мора

МИФЫ

Древнего Египта и Древней Греции

приводимые без тайн и по общему принципу
с объяснением иероглифов и Троянской войны

*Многочисленные мифы заключают в себе таинство
Египта; но с другой стороны они сами философским
образом унаследовали наименование Божества.*

Ориген, кн. I, Против Цельса

Издано в Париже
с одобрения и по привилегии Короля
M.DCC.LXXXVI
Перевод с французского Евгения Маричева

От редакции

Вы держите в руках книгу известного французского ученого Дома Антуана-Жозефа Пернети «Мифы Древнего Египта и Древней Греции, приводимые без тайн и по общему принципу с объяснением иероглифов и Троянской войны», изданную в Париже в 1758 году. Это замечательное исследование, по сути, не имеющее аналогов. Можно добавить, что это первое знакомство русскоязычного читателя с произведениями этого ученого.

Автор этой книги, аббат Дом (сокращение от латинского *Dominus* – господин) Антуан-Жозеф Пернети родился в 1716 году в Руане. Он был монахом-бенедиктинцем конгрегации Сен-Мор, завоевал известность как писатель, сотрудничавший с «*Gallia Christiana*», где опубликовал целый ряд работ, в частности, вышедший в 1757 году «Краткий словарь живописи, скульптуры и гравюры». Перевел на французский язык книгу Эммануэля Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде». В 1766 году Пернети занял должность хранителя берлинской библиотеки прусского короля Фридриха II Великого. В 1775 году он переехал в Геттинген.

Будучи библиотекарем, он встретился с польским графом Тадеушем Леши Грабянкой (1740–1807 гг.), с которым в 1786 году основал «Общество авиньонских иллюминатов» («*Illumine's d'Avignon*»), которое основывалось на герметическом ритуале и учении Сведенборга. Считается, что у Пернети были небесные видения и откровения, и он придавал особый смысл роли и значению Девы Марии Богородицы.

Еще одним дарованием этого «всеобъемлющего любознательки» было, помимо прочего, и рисование, которому он обучался в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре в Париже. После 1763 года Дом Пернети использовал полученные навыки в копировании средневековых трудов, в первую очередь манускриптов, для Дома Фонтено, историка-бенедиктинца, занимавшегося изучением истории провинции Пуату. Сегодня ряд манускриптов, выполненных Пернети, хранится в Муниципальной библиотеке в Пуатье.

В 1763 г. Антуан-Жозеф Пернети принимал участие в экспедиции знаменитого мореплавателя Луи-Антуана де Бутенвиля (1729–1811 гг.) на Мальвинские (Фолклендские) острова.

Помимо прочего, он является автором книг «Мифо-герметический словарь» (1758 г.), фактически являющейся дополнением и неотъемлемой частью «Мифов...» (и которая готовится к публикации в нашем издательстве), «Алхимический трактат о Великом Искусстве», «Алхимический тайный ритуал истинного масонства» (1770 г.).

Умер Дом Антуан-Жозеф Пернети в 1802 г. в Валенсии.

Вот, собственно, и все достоверные сведения о его жизни.

Прежде чем говорить о работах Дома Пернети, хотелось бы сказать пару слов о мифологии как таковой. Разумеется, в нашу задачу не входит детальный анализ данного предмета, поэтому мы ограничимся лишь общими определениями.

«Слово “миф” греческое и буквально означает предание, сказание. Обычно подразумеваются сказания о богах, духах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, действовавших в начале времени и участвовавших прямо или косвенно в создании самого мифа,

его элементов, как природных, так и культурных. Мифология есть совокупность подобных сказаний о богах и героях и, в то же время, система... представлений о мире. <...> Мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. <...> Нынешнее состояние мира – рельеф, небесные светила, породы животных и виды растений, образ жизни, социальные группировки, религиозные установления, орудия труда, приемы охоты и приготовление пищи и т.д. и т.п. – все это оказывается следствием событий давно прошедшего времени и действий мифологических героев, предков, богов. Рассказ о событиях прошлого служит в мифе средством описания мира, способом объяснения его нынешнего состояния. <...> Мифическое время и заполняющие его события, действия предков и богов являются сферой первопричин всего последующего, источником архетипических первообразов, образцом для всех последующих действий. <...> Важнейшая функция мифического времени и самого мифа – создание модели, примера, образца. Оставляя образцы для подражания и воспроизведения, мифическое время и мифические герои одновременно излучают магические духовные силы, которые продолжают поддерживать установленный порядок в природе и обществе; поддержание такого порядка также является важной функцией мифов¹.

Большое внимание разработке концепции мифа уделял знаменитый историк религий и мифолог Мирча Элиаде (который, к слову, всю жизнь был увлечен изучением алхимии, и даже его первое опубликованное произведение, написанное им в 14 лет, называлось «Как я нашел философский камень»). Сам миф он понимает не как «вымысел» или «фантазию», а так, как его понимали в древности, когда миф воспринимался как «подлинное, реальное событие», событие сакральное, произошедшее *in illo tempore*, «во Время Оно». Элиаде считал, что, возможно, «есть где-то и сейчас культуры, где земной мир “открыт” миру сверхприродному, сверхъестественному, сверхисторическому, миру трансцендентальных (вечных) аксиологических ценностей. Эти ценности и открываются в мифе, открываются мифическим предкам, сверхъестественным существам и представляют парадигму всех видов человеческой деятельности»².

Особое значение Элиаде придавал цикличности мифологического времени («миф о вечном возвращении»), считая, что связь с Небом не утрачена окончательно и в определенных моменты возможен возврат к времени сакральному. Он выделял несколько типов соприкосновения с этим временем:

- все в мирской жизни имеет прототип во времени сакральном;
- все, что создается в мирском времени, создается на основе первотворения;
- воссоздание через распад; после хаоса следует новое сотворение.

Место соприкосновения, путь в сакральное время (Время Оно) находится в Центре мира, олицетворяемым Осью мира, Мировым Деревом, Священной горой, радугой и т.д. По мнению Элиаде, этот миф присущ всем культурам, включая египетскую и греческую³.

¹ Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 635–636.

² Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1995. – С. 6.

³ См.: Элиаде М. Аспекты мифа; Он же. Священное и мирское. – М.: Издательство МГУ, 1994; Он же. Миф о вечном возвращении. – СПб: Алетей, 1998.

Близкий ему по взглядам этнолог Бронислав Малиновский в книге «Магия, наука и религия» также указывает: «...Он [миф] отнюдь не лишенная содержания выдумка, а напротив, – живая реальность к которой человек постоянно обращается...»¹. Фактически аналогичные взгляды высказывали А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосев. Так, А.А. Тахо-Годи пишет: «...Миф – это не аллегория, не метафора и не сказка... не только сведение ритуального действия на словесно-изобразительную зашифрованную запись, которую к тому же можно неверно истолковать или объяснить примитивно-эвгемеристически. Нет, миф – это жуткая реальность тысячелетних бездн, миф – это живая жизнь, одна из форм осмысления мира...»². По мнению же А.Ф. Лосева: «Миф – развернутое магическое имя»³ и «...Миф не догмат, а история»⁴.

Фактически, мифические события являются «ячейками» мифической модели мира. Мифическое время – это время изначальное, «время до времени», время первотворения, первопредков, сакральное время.

Формально мифы можно разделить на следующие категории:

Мифы *этиологические*, объясняющие появление различных природных и культурных особенностей. По сути, этиологическая функция присуща большинству мифов и характерна для мифа как такового.

Мифы *космогонические*, более сакрализованные, чем этиологические, рассказывающие о происхождении космоса в целом и его составляющих, связанных в единую систему.

Мифы *антропологические*, которые являются частью космогонических мифов и описывающих происхождение человека, первых людей.

Мифы *астральные* – о звездах и планетах. (Греческие астральные мифы подробно излагаются в сочинении Гигина «Астрономия».)

Мифы *солярные* и *лунарные*, которые, по сути, являются разновидностью астральных мифов.

Мифы *календарные*, повествующие о циклах, сменах эпох. Они связаны, как правило с аграрной магией, обрядами инициации. Эти мифы оказали влияние на мифы героические, эсхатологические, эпические предания.

Мифы *героические*, которые фиксируют наиболее важные моменты жизненного цикла, биографии героя и могут включать в себя его чудесное рождение, испытания, со стороны враждебных демонов, борьбу с чудовищами и другие подвиги.

Мифы *эсхатологические* повествуют о конце мира, о «последних» вещах и т.д.

Следует помнить, что мифология является наиболее древним, архаическим образованием, носящим синкретический характер. Она создает модель, пример, образец и несет в себе начала религии, философии, науки, искусства.

Но вернемся к нашему автору. Наиболее известные произведения Дома Пернети (и которые до сих пор переиздаются на Западе) так или иначе касаются мифологии, но в первую очередь посвящены алхимии.

¹ Цит. по: Элиаде М. Аспекты мифа. – С. 30.

² Тахо-Годи А.А. Роберт Грейвс – мифолог-поэт // Грейвс Р. Мифы древней Греции. – М.: Прогресс, 1992. – С. 584.

³ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 196.

⁴ Там же. – С. 192.

Когда заходит речь о данном предмете, то сразу же возникает ассоциация, что алхимия – это, вроде бы, лженаука; что алхимики якобы занимались только поисками философского камня, позволяющего получить эликсир жизни и достичь бессмертия, а также предоставляющего возможность трансмутировать неблагородные металлы в золото и т.д. В действительности это не совсем так. Во-первых, необходимо отметить вклад алхимиков в развитие химии и фармакологии. Достаточно вспомнить имена Парацельса, Иоганна ван Гельмонта, Роберта Бойля, Иоганна Глаубера и др. Можно отметить, что алхимией были серьезно увлечены Гельвеций и Исаак Ньютон. Во-вторых, не следует забывать и о том, что алхимия – это прежде всего процесс духовного развития. Именно этому – духовному – аспекту алхимии в первую очередь и посвящены произведения Пернети.

В своих книгах он великолепно иллюстрирует идею того, что необходимо знать и понимать самого себя, и что алхимия виделась алхимиком как лучший способ достижения этой цели. Свои выводы он обосновывает, в частности, тем, что устойчивые культурные традиции по своей сути одинаковы от древнего Египта и древней Греции до Индии и Китая, они учат основным законам природы и благодаря работе в лаборатории эти законы постепенно раскрываются, а рабочие процессы позволяют сформировать единую концепцию.

В одной из книг Пернети писал: «Продолжительная работа – это сущность всей работы Природы; она действует просто, постепенно, и все подобные действия в этом смысле приводят к тому же результату. Работа Искусства более коротка; она опережает работу Природы. Работа Бога совершается мгновенно. Алхимия, собственно говоря, это деятельность Природы, совмещенная с работой Искусства. Это дает в наши руки Ключ к Естественной Магии, или Физики».

Что касается предлагаемой вашему вниманию книги, то в ней автор излагает не только свои мысли, но и цитирует авторов, чьи позиции ему чужды. Зачастую он приводит свидетельства некоторых авторов, признающих в непонимании некоторых сюжетов или определенных действий их героев. Время от времени он приводит примеры того, как некоторые комментаторы высказывают определенную точку зрения, но затем, будучи непоследовательными, утверждают прямо противоположное, вступая в противоречие с самими собой.

В своем исследовании Дом Пернети рассматривает язык мифов как язык символов, а соответственно, как неотделимый от образной структуры и отличающийся неисчерпаемой многозначностью своего содержания.

Чтобы мы могли лучше понять многозначность и смысловую нагрузку, которую несут в себе определенные мифы, во вступительной части своего исследования автор предоставляет нам алхимический ключ. К числу его достоинств можно отнести то, что в отличие от большинства алхимических трактатов, он написан ясным и доступным языком. Эта часть важна не только для понимания идей автора, но и для осмысления символики мифов, в которых все – имена персонажей, совершаемые ими действия (зачастую на первый взгляд нелогичные), звери, фантастические создания, птицы, растения, цветовая палитра (sic!) содержат в себе одновременно и загадку, и ответ на нее.

К примеру, подвиги Геркулеса (адепта-алхимика) иллюстрируют сказанное выше. Десятым подвигом Геркулесу Эврисфей назначил привести коров с острова Эрифия (от греч. ἔρυθρος – «красный»). Примечательно, что коровы были крас-

номастными. Любопытная деталь, которая, как правило, не объясняется комментаторами. На этом острове обитал Герион, сын Хрисаора (от греч. χρῆσός – «золото») и Каллирои («Прекраснотекущая»), дочери Океана. Сам же Герион считался самым сильным из живших тогда людей, поскольку имел три головы, шесть рук и три туловища, сросшихся в поясище. Философское Золото (Хрисаор) или его семя красного цвета, идеально растворимое или прекраснотекущее в собственной Воде, порождает Гериона, чье тело символизирует три начала – Сульфур, Соль и Меркурий. В дальнейшем (яблоки Гесперид, одиннадцатый подвиг) эта стадия Делания помогает адепту преобразовать бренное, земную стихию (Антей) – в стихию воздушную (Антей оторван от земли и задушен в воздухе). Так адепт приходит к двенадцатому подвигу. Он спускается в царство Аида за стражем преисподней трехглавым Кербером. Подобное деяние становится возможным только при условии совершения предыдущих подвигов. Десятый подвиг указывает как на алхимическую, так и на духовную операцию. Иными словами, Ученик превращается в Мастера. Его тело, душа и дух становятся едиными. Он больше не тройственен, но триедин, как это показано на алхимической гравюре (Cornelius Petraeus, *Sylva philosophorum*, 17th, Leiden — см. на стр. 12).

Следует также отметить, что автор старается опровергнуть обвинение язычников в многобожии. По его мнению и греческая, и египетская религии были монотеистическими, и боги лишь персонифицируют проявления различных аспектов единого Божества. Насколько ему это удалось, судить вам.

Подобные интерпретации сегодня не редкость. О связи алхимии и мифологии писало достаточно много исследователей. В.Л. Рабинович в книге «Алхимия как феномен средневековой культуры» пишет, ссылаясь на И. Хофера и С.С. Аверинцева, о том, что символы древнеегипетской и древнегреческой мифологии активно использовались средневековыми алхимиками¹.

В частности, он приводит цитату из «Типологии и взаимосвязи литератур древнего мира» С.С. Аверинцева, пишущего об эллинистической литературе (в том числе и алхимической): «Примечательны также иудейско-египетские и греко-египетские симбиозы в алхимической фразеологии александрийской поры – объединение разнородных религиозных пантеонов: *Хонсу-Ях (Яхве), Тот-Ях, Осирис-Ях, Гор-Аполлон*. Чаше – пластическая слитность иного рода: объединение разных, но египетских божеств (*Амун-Ра*)».

Не лишне вспомнить еще раз Мирчу Элиаде, который, сопоставляя индийскую и китайскую мифологии и религии с алхимией, пишет по поводу «мифа о вечном возвращении»: «Существенно, что от ученика требовалось созерцать распад и сотворение миров, а в конце концов пережить внутри себя самого “смерть” (т.е. распад) и “возрождение” (воссоздание) как Вселенной, так и своего тонкого тела. Этот процесс распада и воссоздания соответствует *solve* и *coagula* западной алхимии»².

Много внимания этой же проблеме уделял и Карл Густав Юнг, чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть его работы «Психология и алхимия», «Философское дерево», «Видение Зосима», «Mysterium Coniunctionis» и др.

¹ См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. – М.: Наука, 1979. – С. 88–89.

² Элиаде М. Иогa: Бессмертие и свобода. – СПб: Лань, 1999. – С.326.

В числе других ученых, так или иначе затрагивающих эту тему в своих исследованиях, хотелось бы отметить Дж. Линдсея («Зарождение алхимии в греко-римском Египте»), Ф.Ф. Зелинского («Гермес Трижды-Величайший»), М. Бертло («Происхождение алхимии»), Л. Массиньона («Введение в инвентарь арабской герметической литературы»), Л. Торндайка («История магии и экспериментальной науки»).

И все-таки, невозможно представить себе ни такого же автора, ни книгу подобного содержания, как эти весьма знаменитые и ценимые «Мифы...», которые достаточно долгое время была за пределами внимания широкого круга читателей, за исключением «специалистов». Теории Дома Пернети, а также и его комментарии заслуженно считаются очень ясными и изящными, и если общая перспектива, вдохновляющая нас – и с учетом, что наш бенедиктинец не фантазер, может представляться чересчур категоричной, а суждения время от времени слишком безапелляционными, то автор, тем не менее, четко указывает на одну из главных проблем герметического мировоззрения: символическая интерпретация многочисленных памятников искусства и древних текстов, античного видения, которое до сих пор так полно не интерпретировалось в алхимическом смысле. Правомочность подобного типа герменевтики вполне оправдана, и этими сложностями невозможно пренебречь, поскольку проблема чересчур обширна, чтобы браться за нее влостную, кроме того, она не обрисована историческими источниками, недостаточно полно представлена в библиографиях. Просто запомним, что вопрос – и контрвопрос – не возникли с выходом работ Дома Пернети (поскольку существовали и ранее) и что они не имеют отношения к их анализу. Его работы – это всего лишь частный случай, впрочем, это же относится и к их правомочности и полноте раскрытия оными проблемы.

Разумеется, алхимическая трактовка мифологических сюжетов и произведений античных авторов вовсе не означает, что эти писатели имели какое-либо отношение к алхимии; скорее всего, они даже о ней и не слышали. Но в эллинистическую эпоху алхимия получила достаточно широкое распространение, о чем свидетельствует Суда, сообщают дошедшие до нас трактаты Марии Пророчицы, Клеопатры, Зосима Панаполитанского, Останеса и др. Впрочем, это уже другая тема. Эллинистической алхимии посвящен целый ряд замечательных академических исследований, и интересующимся стоит обратиться к ним.

К числу явных достоинств книги Дома Пернети можно отнести широкую эрудицию автора, ясность и легкость подачи материала. Можно принимать или не принимать идеи автора, но одно бесспорно – чтение его работы занятие весьма увлекательное и полезное.

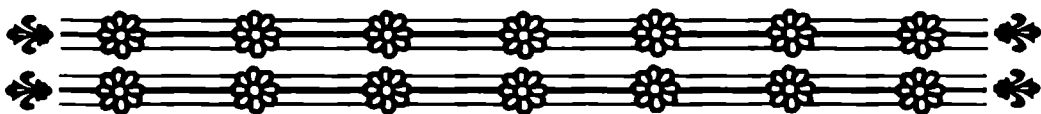
АМ.

МИФЫ

Древнего Египта
и Древней Греции

*Дом Антуан-Жозеф Пернети
монах-бенедиктинец конгрегации Сен-Мора*

Том первый

Предисловие

Философия вообще родилась вместе с миром, ибо во все времена люди думали, размышляли, мыслили; во все времена потрясающее зрелище Универсума приводило их в восхищение и обостряло их природное любопытство. Рожденный для общества, человек искал способы жить в нем с приятностью и удовлетворением, и потому в центре его внимания были здравый смысл, человечность, скромность, воспитанность, любовь к этому обществу. Но сколь бы сильно ни восхищало, или ни поражало его зрелище Универсума, и какую бы пользу он ни мог извлечь из общества — все это как бы не было им самим. Не почувствовал ли он, замыкаясь в самом себе, что сохранение его собственного существа было не менее интересным предметом? Позволительно ли предположить, что он забыл о себе ради того, что его окружало? Подверженный стольким превратностям, сталкивающийся со столькими болезнями, хотя и созданный, чтобы наслаждаться всем, что его окружает, он, несомненно, искал средства для предупреждения или излечения этих болезней, дабы подольше сохранить все время готовую ускользнуть от него жизнь. Ему не пришлось долго думать, чтобы осознать и убедить себя, что первоначало, составляющее его тело, это то, что должно сохранить его в его способе бытия. Уже сам природный аппетит его, к пище, достаточно указывал ему на это. Однако человек вскоре увидел, что пища эта, обреченная на гибель так же, как и он, по причине смешения составляющих ее неоднородных частей, вносила в него вместе с началом жизни и начало смерти. Потребовалось, следовательно, размышлять о существах Универсум, долго думать, чтобы открыть этот плод жизни, способный привести человека почти к бессмертию.

Между тем недостаточно было рассмотреть это сокровище сквозь покрывающую его оболочку и скрыть его от глаз простых смертных. Чтобы добиться от этого плода искомой пользы, необходимо было очистить его от кожуры так, чтоб он предстал во всей своей первоизданной чистоте. Нужно было тщательно изучить Природу, изучить способы, которыми она создает и уничтожает индивидов. Удалось не только узнать, что этот плод жизни есть основа всех поколений, но и что все в конечном счете разрешается, собственно, в его первоначалах.

Был сделан вывод о необходимости следовать Природе, а, следуя за таким вожатым, можно ли было не добиться успеха; и к каким только просторам знаний не привело это открытие! Какие только чудеса стало возможно совершать, если смотришь на Природу как в зеркало и знаешь ее установления!

Можно ли сомневаться, что именно желание найти лекарство от всех болезней, досаждающих человечеству, и отодвинуть, если возможно, границы, отведенные сроку жизни, как раз и было основной целью страстных поисков людей, что и сформировало первых Философов. Открытие плода должно было бесконечно обрадовать его автора, который наверняка щедро возблагодарил божественного Создателя за проявленную таким образом милость. Но в то же самое время он, очевидно, подумал, что, если Бог не дал это знание всем людям, то сделал так потому, что не хотел раскрывать его. Поэтому допускать к нему следовало лишь некоторых близких людей. Так Гермес Трисмегист (или трижды вели-

чайший), первый точно известный из всех философов, передавал его только избранным, тем, чью осторожность и сдержанность он испытал. Те, в свою очередь, передавали знание людям подобного склада, и таким путем открытие распространилось по всему Универсуму. Друиды в Галлии, гимнософисты в Индии, маги в Персии, халдеи в Ассирии, Гомер, Фалес, Орфей, Пифагор и многие другие Философы Греции придерживались согласных начал и обладали почти равным знанием самых редких тайн Природы. Однако это привилегированное знание всегда оставалось замкнутым в очень тесном кругу лиц, а к остальному миру доходили лишь отдельные лучи этого огромного источника света.

Познав эту силу как основу Природы, стало возможным использовать ее сообразно обстоятельствам времени и конкретным потребностям. Привычным в обществе стали металлы, драгоценные камни: одни — по причине необходимости в них, другие — по причине удобства и приятности. Но поскольку они обрели цену благодаря своей красоте и блеску, стали драгоценными в силу своей редкости, то для их умножения нужно было прибегнуть к Философским знаниям. Несовершенные металлы стали превращать в золото и серебро, научились делать драгоценные камни, и секрет этих превращений хранили с таким же тщанием, как и тайну универсальной панацеи. Во-первых, не сообщая об иной, а во-вторых, потому что чувствовали, что раскрытие этих тайн грозило бесконечными осложнениями для общества.

Но как же можно было передавать от поколения к поколению эти чудесные тайны, не открывая их в то же время всем? Делать это изустно означало подвергаться опасности лишиться даже и воспоминания о них, ибо память — слишком хрупкое вместилище, чему можно было бы довериться. Пересказы такого сорта становятся все темнее по мере того, как они удаляются от источника, так что, в конце концов, становится невозможно распутать сумрачный хаос, в котором и предмет, и материя таких сказаний. Доверить эти тайны табличкам, заполненным известными языками и знакомыми знаками, значило рисковать тем, что они станут общедоступными из-за небрежности тех, кто мог бы их потерять, или из-за несдержанности тех, кто мог бы их похитить. Более того, нужно было устранить если не малейшую догадку о существовании этих тайн, то хотя бы то, что их знают. Для этого не могло быть другого способа кроме, употребления иероглифов, символов, аллегорий, мифов и пр., которые можно было объяснять по-разному, которые могли отвести глаза, научить одних, в то время как другие оставались бы в неведении. Этот выбор и был сделан Гермесом, а после него и всеми Герметическими Философами мира. Они забавляли народ баснями, — говорит Ориген, — а басни эти вместе с именами богов страны служили завесой их Философии.

Все эти иероглифы, эти мифы представляли собой в глазах Философов и тех, кого они учили, способ посвятить их в свои тайны, теорию их священнического искусства, другие различные ветви Философии, которые греки заимствовали у египтян.

Обычаи, мода, характеры, иногда даже манера мыслить — неодинаковы в разных странах. Философы Индии, Европы изобретали иероглифы и мифы на свой лад, но всегда с одной целью. Об этом впоследствии писали, но писали при помощи загадочной системы, настолько загадочной, что труды эти, хоть и написаны на известных языках, стали такими же трудными для чтения, как и сами ие-

роглифы. Нарочитая старательность, с которой в них упоминаются древние мифы, помогла открыть то, о чем в них пишется, и именно это побудило меня объяснять мифы согласно их принципам. В таких книгах их достаточно много для того, чтобы можно было их внимательно и упорно изучать, имея при этом довольно мужества, чтобы взять на себя труд объединять или сопоставлять их. В них указывается на предмет искусства лишь по их свойствам, и никогда не приводится имя, под которым оно известно. Что же до способов, требуемых для его философского применения, то они не сокрыты за семью печатями, и авторы не делают тайны о цвете или указующих признаках, проявляющихся один за другим во время операций. Именно это и дало авторам особую пищу для игры воображения, для предполагаемого изображения Богов и героев мифов и приписываемых им деяний, о чем можно будет судить при чтении сего труда. Каждую главу его можно уподобить диссертации, что сильно лишает его занимательности и мешает ему быть таким приятным для чтения, как того можно было бы ожидать от описываемых сюжетов. Я ставил себе целью не писать мифы, а объяснять уже известные нам. Во вступлении изложены причины, по которым я решил предварить сей труд основными принципами физики и трактатом о герметической философии. Это необходимо, чтобы показать читателю ход мыслей и язык философов, коль скоро я решил ввести его и в содержание самих мыслей. Читатель встретит здесь загадки, аллегории, метафоры, которыми изобилуют их писания. Для более подробного объяснения можно обратиться к «Мифо-герметическому словарю», который я составил одновременно.

Люди желают понять, что есть Герметическая Философия — наука, искусство или просто выдумка. Предубежденные склоняются к последнему, но предубеждение не может служить доказательством. Непредубежденный читатель будет судить об этом по своему разумению, если вдумчиво прочитает этот трактат. Нет никакого стыда в том, чтобы отважиться на суждение и ошибиться вместе со столькими учеными, которые во все времена выступали против этого предубеждения. Не будем ли мы невеждами, если станем с презрением опровергать Герметическую Философию, не ознакомившись с ней, вместо того, чтобы допустить возможность ее существования, так прочно обоснованную разумом, ведь ее существование подтверждено столь большим числом авторов, чья добросовестность вне подозрений? По крайней мере, вряд ли можно здраво отрицать, что идея универсального лекарства и идея превращения металлов оказались достаточно привлекательными для того, чтобы разогреть воображение любого человека, который стал бы в результате сочинять мифы, объясняя в них, что он об этом думает. Орфей, Гомер и наидревнейшие авторы говорят о лекарстве, излечивающем все хвори, причем упоминают они о нем настолько утвердительно, что не оставляют никаких сомнений относительно его существования. Эта идея сохранилась до наших дней: обстоятельства в мифах смешиваются, подправляются колоритом, и делания, о которых говорят философы, объясняется в них даже более правдоподобно, нежели в любой иной системе: чего же требовать еще? Конечно же, доказательств. А убеждать неверующих надлежит Герметическим Философам, я же себя к ним не причисляю.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Предисловие	16

ПЕРВЫЙ ТОМ

Вступление	24
Общие начала физики согласно Герметической Философии	42
О первоматерии	45
О Природе	47
О свете и его действии	49
О Человеке	50
О стихиях	55
О земле	57
О воде	58
О воздухе	59
Об огне	60
О действиях Природы	64
Об общем способе существования смешанных	65
О находимых мною различиях между тремя царствами Природы	66
О душе смешанных	66
О зарождении и порче смешанных	68
О свете	70
О сохранении смешанных	72
О влажном начале	73
О гармонии Универсума	75
О движении	75
Трактат о Герметическом Делании	77
Философские советы	78
Афоризм об истинности наук	78
Ключ к наукам	79
О тайне	79
О способах достижения тайны	79
О ключах к Природе	80
О металлических началах	80
Об именах, даваемых древними Философами материи	82
Материя едина и всеобразна	84
Ключ к Камню	87

Определения и свойства Меркурия	91
О сосуде Искусства и о сосуде Природы	93
Названия, данные сосуду древними	93
Об Огне вообще	95
О Философском Огне	96
Начала операций	98
Отдельные начала операций	100
Кальцинация	100
Растворение	100
Ферментация	101
Знаки или указующие начала	101
Об эликсире	106
Практическое получение эликсира по д'Эспанье	107
Квинтэссенция	108
Тинктура	108
Умножение	109
О весе в Делании	109
Общие, весьма поучительные правила	111
Блага лекарства	113
О болезнях металлов	113
О временах камня	114
Заключение	115

МИФЫ И ИЕРОГЛИФЫ ЕГИПТЯН

Книга первая

Введение	117
Глава I. О египетских иероглифах	130
Глава II. О египетских богах	135
Глава III. Легенда об Осирисе	139
Глава IV. Легенда об Исиде	148
Глава V. Легенда о Горе	156
Глава VI. Легенда о Тифоне	159
Глава VII. Гарпократ	163
Глава VIII. Анубис	166
Раздел второй. Фараоны и памятники Египта	171
Раздел третий. О почитавшихся в Египте животных и о иероглифических растениях	182
Глава I. О быке Аписе	182
Глава II. О Собаке и Волке	188
Глава III. О Коте или Элуре	190

Глава IV. О Льве	190
Глава V. О Козле	191
Глава VI. Об Ихневмоне и Крокодиле	192
Глава VII. О Павиане	192
Глава VIII. О Баране	193
Глава IX. Об Орле и Соколе	195
Глава X. Об Ибисе	197
Раздел четвертый. О поселениях египтян	204

Книга вторая

Об аллегориях, имеющих более ощутимую связь с Герметическим Искусством

Глава I. Легенда о Золотом руне	212
<i>Возвращение аргонавтов</i>	228
<i>Сыновья Эола</i>	233
Глава II. Легенда о похищении золотых яблок из сада Гесперид	235
Глава III. Легенда об Аталанте	252
Глава IV. Златорогая лань	255
Глава V. Мидас	258
Глава VI. О золотом веке	263
Глава VII. О золотых дождях	266

ВТОРОЙ ТОМ

МИФЫ Древнего Египта и Древней Греции

Книга третья.

Происхождение богов

Глава I	273
Глава II. О Небе и о Земле	275
Глава III. Легенда о Сатурне	278
Глава IV. Легенда о Юпитере	289
Глава V. Юнона	303
Глава VI. Плутон и преисподняя поэтов	307
Глава VII. Нептун	310
Глава VIII. Венера	315
Глава IX. Паллада	319
Глава X. Марс и Гармония	321
Глава XI. Вулкан	323
Глава XII. Аполлон	326
§ I. Орфей	330
§ II. Эскулап	334

Глава XIII. Диана	337
Глава XIV. О других детях Юпитера	339
§ I. Меркурий	339
§ II. Вакх или Бахус	346
§ III. Персей	355
§ IV. Леда, Кастор, Поллукс, Елена и Клитемнестра	360
§ V. Европа	364
§ VI. Антиона	366

Книга четвертая.

Праздники, обряды, бои и игры в честь богов

Глава I	370
Глава II. Церера	376
Глава III. Похищение Прозерпины	385
Глава IV. Адонис и его культ	393
Глава V.	398
Глава VI. Игры и боги	400
Глава VII. Пифийские игры	405
Глава VIII. Немейские игры	410
Глава IX. Истмийские игры	411

Книга пятая

О подвигах Геркулеса

Глава I	413
Глава II. Немейский лев	422
Глава III. Дочери Теспия	424
Глава IV. Лернейская гидра	425
Глава V. Лань с бронзовыми копытами	426
Глава VI. Победа над кентаврами	426
Глава VII. Эриманфский вепрь	427
Глава VIII. Геркулес вычищает Авгиевы конюшни	428
Глава IX. Геркулес изгоняет стимфалийских птиц	432
Глава X. Бешеный бык на острове Крит	434
Глава XI. Диомед, пожираемый собственными кобылицами	436
Глава XII. Геркулес убивает Гериона и уводит его коров	437
Лигис и Иалебион	439
Гигант Алкионей	440
Эрикс — сын Венеры и Бута	440
Глава XIII. Геркулес побеждает амазонок --и похищает пояс Меланиппы ...	441
Глава XIV. Геркулес спасает Гесиону от морского чудовища	442
Глава XV. Геркулес убивает Антея	446

Глава XVI. Геркулес убивает Бусириса	448
Глава XVII. Освобождение Прометея	450
Глава XVIII. Поединок Геркулеса с Ахелоем	453
Глава XIX. Геркулес пронзает стрелой кентавра Несса	455
Глава XX. Смерть Кака	456
Глава XXI. Освобождение Алкесты	456
Глава XXII. Вызволнение Тесея из преисподней	458

Книга шестая

История Троянской войны и взятия города Трои

Глава I. Первый довод недостоверности истории Троянской войны. О происхождении Трои	466
Глава II. О мифологическом происхождении осаждавших Трою и тех, кто ее защищал	469
Глава III. Причины Троянской войны	479
Глава IV. О невозможности точно определить время Троянской войны	484
Глава V. Рок, довлевший над Троей	488
<i>Предсказание первое Ахилл и его сын Пифр и их необходимое присутствие для взятия Трои</i>	<i>489</i>
<i>Второе роковое обстоятельство. Трою нельзя было взять без стрел Геркулеса</i>	<i>497</i>
<i>Третье роковое обстоятельство. Похищение Палладия</i>	<i>498</i>
<i>Четвертое роковое обстоятельство. Взятие Трои невозможно без мощей Пелопс-а</i>	<i>500</i>
<i>Пятое роковое обстоятельство. О том, что перед взятием города нужно было забрать прах Лаомедонта, хранившийся у Скейских ворот</i>	<i>502</i>
<i>Шестое роковое обстоятельство. Необходимо помешать коням Реса напиться из реки Ксанф и увести их оттуда до того, как они успели бы окунуть в нее свои головы.</i>	<i>503</i>

Мифы Египта и Греции, приводимые без тайн и по общему принципу с объяснением иероглифов и Троянской войны

ВСТУПЛЕНИЕ

Многие авторы, писавшие об египетских иероглифах и о мифах, сочинившие их, настолько противоречат друг другу, что можно с основанием смотреть на их произведения как на новые мифы. Сколь бы хорошо не были сложены, сколь хорошо не согласовывались бы образованные ими системы, несовершенство их видно на каждом шагу, если мы не дадим ослепить себя предубеждению. Одни полагают, что в них подлинная история тех далеких времен, но они, несмотря на это, называют их сказочными. Другие видят в этом лишь духовные начала, хотя достаточно открыть глаза, чтобы увидеть повсюду в них примеры, способные портить нравы. Наконец, третьи, мало удовлетворенные такими объяснениями, черпают свои собственные идеи в физике. И я задаю вопрос физикам-натуралистам наших дней, доставляет ли это им больше удовольствия.

Поскольку ни те, ни другие не добились успеха, то естественно думать, что общее начало, на котором они строили свои системы, никогда не было подлинным началом этих сочинений. Нужно было найти такое начало, при помощи которого можно было объяснить все, вплоть до мельчайших обстоятельств описываемых фактов, какими бы странными, какими бы невероятными они не казались. Система эта не нова, и я далек от мысли присваивать себе ее авторство. Я обнаружил ее в виде отдельных обрывков, разбросанных у разных авторов — как древних, так и современных. Произведения их малоизвестны или малочитаемы, потому что наука, о которой они толкуют, стала жертвой невежества и предубеждений. Наибольшая милость, которую, как считается, следует оказывать тем, кто ею занимается или встает на ее защиту, заключается в том, чтобы смотреть на них как на сумасшедших, по меньшей мере, место для таких в желтых домах. Когда-то они считались мудрейшими из людей, однако разум — и без того никогда не был хозяином положения — вынужден пасть под тиранией предубеждений и моды.

Итак, система эта есть творение этих пресловутых безумцев, каковыми они видятся большинству наших современников, и именно эту систему я хочу здесь

им представить. Но не следует ли мне опасаться, что из-за того, что мои доводы построены на словах этих безумцев, на рассуждения будут смотреть, как на те, о которых говорит Гораций?

...Точь-в-точь на такую похожа картину
Книга, где образы все бессвязны, как бред у больного,
И от макушки до пят ничто не сливается в цельный
Облик

Наука поэзии, 6–9

Я готов к тому, что не получу одобрения этих глубоких тонких и проницательных гениев, которые все видят, все знают, хотя ничего не постигли, которые спорят обо всем и решают без знания все дела. Таких людей не научить, и название *мудрые* принадлежит именно им, а не демокритам, платонам, пифагорам и другим грекам, дышавшим в Египте Герметическим воздухом и приобретшим там безумие, о котором тут говорится. Мой труд — не для мудрецов такого пошиба, ведь в нем повсюду распространен заразный воздух Египта, и они рисковали бы заразиться им, как это случилось с геберами, синезиями, мориенами, арнольдами из виллановы, раймундами луллиями и столькими другими — достаточно пригодными для занятий этой философией. Подобно Диодору Сицилийскому, Плинию, Суде и многим другим древним, они стали бы, возможно, настолько доверчивыми, что посчитали бы эту науку реальной и говорили бы о ней, как о таковой. Они могли бы стать столь же смешны, как боррихии, кункели, бехеры, стали, и достаточно безумны, чтобы сочинять трактаты в ее доказательство и в ее защиту.

Но если пример этих знаменитых людей произведет какое-то впечатление на умы, лишенные претензий и не испорченные предубеждением в этом отношении, среди них, несомненно, найдутся смышленные, чтобы захотеть, наследуя их, познать науку, о которой знают мало правды, но которой занимались во все времена. На необоснованное презрение и осуждение способны лишь тщеславное невежество и чванство. Еще и ста лет не прошло с тех пор, как само слово *алгебра* отвращало от изучения этой науки, а слово *геометрия* могло довести до припадка наших сегодняшних научных мэтров. Но мало-помалу к ним привыкли. Варварские слова, которые торчат из них, как колючки, больше не пугают. Их изучают и развивают. За отвращением и, я бы даже сказал, за презрением к ним пришел почет.

Герметическая Философия все еще пребывает в немилости, а, значит, и в состоянии недоверия к ней. Она полна тайн и, быть может, еще не скоро освободится от тех аллегорических и варварских понятий, подлинный смысл доступен немногим из людей. Более того, изучать ее трудно, так как вечные метафоры вводят в заблуждение тех, кто думает, что слышит ее авторов уже при первом чтении. А ведь сами авторы предупреждают, что наука, подобная этой, не желает, чтобы ее было видно так же ясно, как и другие, из-за печальных последствий, которые могут грозить обычной жизни. Они делают из нее тайну, которую сами стремятся больше затемнить, нежели высветить. Поэтому они постоянно рекомендуют не воспринимать все буквально, а изучать законы и действия природы, сравнивать приемы, о которых они говорят, с приемами природы, и принимать только те из них, которые читатель сочтет соответствующими ей.

К метафорам Герметические Философы добавили символы, иероглифы, мифы, аллегории, и в результате тексты стали почти недоступными для тех, кто долгие учением и упорным трудом пытался проникнуть в их тайны. Те, кто не захотел затруднять себя необходимыми усилиями для их прояснения, или чьи усилия оказались безуспешными, не нашли ничего лучшего, как спрятать свое невежество за негативной стороной этой науки. Они притворяются, что испытывают к ней лишь неприязнь, называя ее химерой, выдумкой.

Единственной силой, которая движет почти всеми, кто трудится над постижением приемов этой науки, есть тщеславие и любовь к богатству. Она сулит им в перспективе золотые горы, крепкое здоровье и долголетие. Какая приманка для души, привязанной к благам этого мира! И люди спешат, бегут, чтобы достичь этой цели, а поскольку они боятся не успеть, то бросаются на первый же путь, обещающий вывести их к цели скорее, но не хотят при этом заставить себя достаточно изучить настоящую дорогу, по которой только и можно дойти. Итак, мы пускаемся в путь, идем, думаем, что дошли до цели, но так как двигались мы вслепую, то натываемся на пропасть и срываемся в нее. Нам кажется тогда, что скрыть позор этого падения можно, если сказать, что эта так называемая цель — всего лишь тень, которую нельзя схватить; обвиняя в вероломстве провожатых, мы доходим, наконец, до отрицания самого результата, ибо не знаем его причин. Так что же? Разве, из-за того, что величайшие натуралисты тратили свое время, трудясь над разгадкой способов, применяемых Природой для создания плода в лоне материи, для зарождения и роста растений, для образования металлов в земле, разве можно из-за этого с легким сердцем отрицать положительный факт? Можно ли по этой причине считать разумным человека, невежество которого послужит основой для отрицания? Чтобы переубедить его, мы не станем утрачивать себя малейшим усилием для приведения доказательств.

Но ведь великие ученые, просвещенные и умелые Артисты учились всю свою жизнь и работали неустанно, чтобы достичь цели. Они не щадили самой своей жизни. И что же, из этого следует, что дело это не реально? Нет, примерно с 550 г. от основания Рима и до наших дней самые искусные люди стремились воссоздать знаменитое пылающее зеркало Архимеда, которым он сжег корабли римлян в сиракузском порту. Однако, поскольку ничего у них не выходило, они стали утверждать, что это выдумка, миф, и что изготовить зеркало не возможно. Но вот г-н Бюффон решает пойти более простым путем, чем его предшественники, проходит его до конца и достигает успеха. Все удивлены и признают в итоге, что сделать это возможно.

Мы можем теперь вполне обосновать вывод, что эти ученые, эти умелые творцы слишком сильно полагались на свои мнимые знания. Вместо того, чтобы следовать прямыми, простыми и только путями Природы, они предполагали существование в ней пустяков, которых в Природе никогда не было. Философы говорят, что герметическое Искусство — это тайна, закрытая для тех, кто слишком доверяет своему собственному знанию. Это — дар Бога, обращающего благосклонный взор на тех, кто смирен, кто боится Его, кто вкладывает все свое доверие в Него, кто — подобно Саломону — настойчиво и упорно просит у Него мудрости, у которой долгоденствие находится в правой руке¹, а богатства в левой

¹ Притч. 3, 16.

руке; мудрости, которую философы предпочитают любым почестям, всем государствам мира, ибо она есть древо жизни для тех, кто приобретает ее¹.

Все герметические Философы утверждают, что хотя философский Камень — вещь естественная и по своей материи, и по работе с ним, но благодаря ему происходят такие удивительные вещи, которые бесконечно возносят дух человека к Создателю его бытия. Они проявляют мудрость и славу, далеко превосходящие человеческий разум, а понимают их лишь те, которым Господь соизволил раскрыть глаза. Достаточно очевидное доказательство тому находим мы в промашках и в малом количестве удач всех этих знаменитых мастеров вульгарной химии, т.к. несмотря на всю свою умелость, на все их мнимое знание Природы, они потратили свой труд, свои деньги, а часто и здоровье на поиски этого бесценного сокровища.

Сколько всяких бехеров, гомбергов, богрэйвов, жофруа и прочих ученых химиков своими неустанными трудами заставили Природу открыть некоторые из ее тайн? При всем тщании, с которым они следили за ее действиями, анализировали ее творения, чтобы поймать ее на деле, но они почти всегда терпели крах, ибо были тиранами этой Природы, а не настоящими ее подражателями. Достаточно поднаторевшие в вульгарной химии и изучившие ее методы, но при этом слепые в химии герметической и увлекаемые традицией, они возводили сублимационные², обжиговые, дистилляционные печи, использовали бесконечное множество сосудов и тигелей, неизвестных в Природе, призвали на помощь себе братоубийственную силу природного огня. Как, применяя столь грубые методы, могли бы они достичь успеха? Они совершенно удалились от метода, которому следуют герметические философы. Как говорит президент д'Эспанье³, «...вульгарные химики незаметно привыкли отдаляться от простого пути Природы своими сублимациями, дистилляциями, растворениями, замораживаниями, коагуляциями, различными вытяжками эфиров и тинктур и множеством других действий — более изощренных, нежели полезных. Они совершали ошибки, вытекавшие одна из другой; они стали палачами этой Природы. Их чересчур проявленная изощренность так и не смогла открыть их глаза свету истины, чтобы разглядеть пути Природы, напротив, она стала тем препятствием, которое помешало этому свету истины дойти до них. И они все больше и больше отдалялись от истины. Единственная, оставшаяся для них надежда заключается в надежном проводнике, который рассеял бы сумрак их разума, и помог бы им увидеть солнце во всей его чистоте.

При наличии пытливого гения, твердого и проницательного разума, пламенной жажды философии, большого знания истинной физики, чистого сердца, цельных нравов, искренней любви к Богу и к ближнему, любой человек, сколь невежественен он не был бы в практике вульгарной химии, может уверенно стремиться стать Философом — подражателем Природы».

«Если бы подлинный отец Философов Гермес, — пишет Космополит⁴, — если бы тонкий Гебер, глубокий Раймунд Луллий и столько других настоящих химиков спустились на землю, наши вульгарные химики не только не захотели бы смотреть на них как на своих учителей, но посчитали бы, что делают им боль-

¹ Притч. 3, 16.

² *Novum lumen Chemicum. Tract. I.*

³ *Arcan. Herm. Philosophiae opus. Canone 6.*

⁴ *Nov. Lum. Chem. Tract. I.*

шую честь, признавая их своими последователями. Правда, они не смогли бы выполнить все эти дистилляции, циркуляции, обжиги, сублимации, и вообще, все эти бесчисленные операции, изобретенные химиками, плохо понявшими книги Философов».

Все настоящие адепты говорят одним языком и, если они говорят верные вещи, то без всех этих трудов, без стольких сосудов, не сжигая столько угля, не опустошая кошельки и не разрушая здоровье, можно вполне трудиться сообща с Природой. Она в свою очередь, ощущая помощь, откликнется на желания мастеров и широко раскроет им свои сокровища. Они научатся у Природы не разрушать тела, которые она порождает, а узнают, как и из чего она их составляет, и в чем они растворяются. Она покажет им эту материю, тот хаос, который Высшее существо создало, чтобы образовать из него Универсум. Они увидят Природу, как в зеркале, и ее отражение покажет им бесконечную мудрость Создателя, который направляет и ведет Природу во всех действиях простым и единым путем, творит всю тайну философского камня.

Но вещь эта, именуемая философским камнем, универсальным лекарством, золотым лекарством, существует ли он в действительности или только в рассуждениях? Почему вот уже столько веков так много людей, которых Небо, казалось, наделило ученостью и мудростью в большей степени, чем остальных смертных, напрасно искали его? Но с другой стороны сколько достойных доверия историков, столько ученых мужей засвидетельствовали ее существование, описали в загадочных и аллегорических произведениях способ ее получения, что сомневаться в этом нет смысла, если согласовать эти писания с принципами Природы.

Герметические Философы абсолютно не похожи на обычных философов или физиков. У последних отсутствует какая-либо прочная система. Они изобретают их ежедневно и, кажется, будто каждая новая система придумана лишь затем, чтобы опровергнуть и разрушить те, которые ей предшествовали. И если какая-нибудь из них становится на ноги, то происходит это на руинах ее предшественницы, и просуществует она, пока не появится новая и не опрокинет ее, чтобы занять это место.

Герметические же философы, напротив, все согласны между собой: ни один из них не опровергает принципы другого. Тот, кто писал тридцать лет тому назад, изъясняется так же, как и тот, что жил две тысячи лет тому назад. Интересно даже, что они не устают повторять аксиому, принятую Церковью¹ как наиболее бесспорный признак истины в предлагаемой ею нам вере: *Кто везде, всегда верует всецело, тот размышляя, верует незыблемо*. Смотрите, — говорят они, — читайте, размышляйте над вещами, которым все философы учили во все времена. Истина содержится в тех местах, где они все согласны.

Какова действительная вероятность, что люди, жившие в столь отдаленные века, в странах так сильно отличающихся языком и, осмелюсь сказать, манерой мыслить, приходят, однако, к согласию по какому-то данному вопросу? Как?! Неужели эти египтяне, арабы, китайцы, греки, евреи, итальянцы, немцы, американцы, французы, англичане и пр., не знавшие друг друга, не говорившие друг с другом, не обменивавшиеся специально своими мыслями, неужели же они договорились согласо-

¹ Vincent de Lerin. Commonit.

ванно говорить и писать о какой-то химере, о плоде разума? Не принимая в расчет все произведения, написанные об этой материи, сожженные, как известно из истории¹ по приказу Диоклетиана, считавшего, что тем самым он лишит египтян возможности получать золото, а, следовательно, и средств на войну против него. Их нам осталось еще немало, и на всех языках мира, чтобы подтвердить неверующим то, что я здесь утверждаю. В одной только Королевской библиотеке хранится презрительнейшее количество древних и современных рукописей об этой науке на разных языках. Вот что говорил по этому поводу Михаэль Майер в эпитафии, помещенной в начале его трактата, озаглавленного «*Symbola aureae mensae*»:

Творения как древних, так и разных современных авторов обстоятельно толкуют о Гармонии.

Чьи бы труды мы ни читали: египтянина Гермеса, евреев Авраама, Исаака Муаросского, цитируемых Авиценной; греков Демокрита, Орфея, Аристотеля², Олимпиодора, Гелиодора³, Стефана⁴ и многих других; африканцев Синезия, Феофила, Абугазала и прочих; арабов Авиценны⁵, Разеса, Гебера, Артефия, Алфиция, Хамуеля Сениора, Розина; немцев Альберта Великого⁶, Бернгарда Тревизана, Василия Валентина; фламандцев или голландцев Иоанна⁷ Исаака отца и сына, Понтана; французов Арнольда из Виллановы, Николая Фламелья, Дионисия Захария, Христофора Парижского, Ги де Монтанора, д'Эспанье Франсуа; итальянцев Морiena, Пьера Доброго Феррарского, анонимного автора «Бракосочетания Солнца и Луны»; Раймунда Луллия Майоркского; англичан и шотландцев Роджера Бэкона⁸, Хортулана, Джона Дастина, Ричарда, Джорджа Рипли, Томаса Нортонна, Филалета и Космополита. Наконец многих анонимных авторов⁹ всех стран и разных веков: ни у одного из них не найдем мы принципов, отличных от других. Разве такое согласие идей и принципов не ведет по меньшей мере к предположению, что в том, чему они учат, есть нечто реальное и достоверное? Если все древние мифы Гомера, Орфея и египтян являются лишь аллегорией этого Искусства, как я стремлюсь доказать это в своем труде, основываясь на сути самих ми-

¹ Postquam (inquit Paulus Diac. in vitâ Diocletiani) Achillem Aegyptiorum Ducem octomenses in Alexandriâ Aegypti obsessum profligasset Diocletianus omnes Chymicae artis libros diligenti studio requisitos conflagravit, ne re pratis opibus Romanis repugnarent. *Орозий говорит то же самое*, ch. 16, l. 7. *Суда так объясняет слово «химия»*: Chemia est auri & argenti confectio, cujus libros Diocletianus perquisitos exuffit, eo quod Aegyptii res nobas contrâ Diocletianus moliti, fuerant, duriter atque hostiliter eos tractavit. Quo tempore etiam libros de Chemiâ auri & argenti à veteribus conscriptos conquisivit & exuffit, ne deinceps Aegyptiis divitiarum ex Arte illâ contingerent, nevé pecuniarum affluentia consisi in posterum Romanis rebellarent.

² De Secretis Secretorum.

³ De rebus Chemicis ad Theodosium Imperatorem.

⁴ De magnâ & sacrâ scientiâ, ad Heraclium Caesarem.

⁵ De re rectâ. Tractatulus Chemicus. Tractatus ad Assem Philosophum. De animâ artis.

⁶ De Alchymiâ. Concordantia Philosophorum. De compositione compositi, &c.

⁷ Liber Chemiae.

⁸ Speculum Alchemiae.

⁹ Turba Philosophorum, seu Codex veritatis.

Clangor Buccinae.

Scala Philosophorum.

Aurora consurgens.

Ludus puerorum.

Thesaurus Philosophiae, &c.

фов, на их истоках, на их согласии с аллегориями почти всех философов, то можно ли убедить себя, что предмет этой науки — всего лишь суетный призрак, никогда не существовавший среди подлинных творений Природы?

Но если у этой науки есть действительный предмет, если это Искусство существовало и если только поверить Философам, про все те замечательные вещи, которые о нем рассказывают, то почему его так презирают, так унижают, так попирают?

Исходя из этого, практика этого Искусства никогда не была предметом ясно-го учения. Все авторы, — как древние, так и современные, пишущие о нем, обучали ему только под покровом иероглифов, загадок, аллегорий и мифов, поэтому все, кто хотел изучать их, попались сообща на удочку. Так образовалась своего рода секта, которая, по причине того, что мало поняла и плохо разъяснила труды философов, ввела новую химию и вообразила, что только она и есть истинная. Многие люди обрели в ней известность. Одни — очень изловчились в своих принципах, другие — чрезвычайно умелые в практике, особенно хорошо владеющие приемами для успешного проведения некоторых операций, но все они объединились против Герметической Химии. Они писали в более доступной для всех манере, доказывая ход своих мыслей при помощи специальных аргументов. Приготавливая, часто наугад, различные смеси и обрабатывая их вслепую, не зная, что это даст, они порождали различных монстров, а тот же случай, что их породил, служил основой и фундаментом для выведения из этого принципа. При повторном приготовлении одних и тех же составов, при повторном выполнении одной и той же работы получался один и тот же результат. Но они не придали значения тому, что этот результат чудовищный, что он схож лишь с чудовищными порождениями Природы, но не с теми, которые появляются в результате операций, когда она замыкается в видах, свойственных каждому миру.

Всякий раз, когда осел покрывает кобылицу, рождается чудовищное животное, зовущееся мулом. Потому что Природа действует всегда одинаково, если дать ей одинаковые вещества, и когда она действует в тех же условиях, при этом порождая либо чудовищ, либо существ, соответствующих их конкретному виду. Если бы мулы прибывали к нам с какого-нибудь далекого острова, где нерушимо хранилась бы тайна их рождения, нам несомненно пришлось бы поверить, что эти животные образуют особый вид, который размножается подобно другим. Мы не подозревали бы, что это монстры. Точно так же действуют на нас результаты почти всех химических действий, и мы принимаем появление монстров за нормальное явление Природы. Таким образом, об этом виде химии можно было бы сказать, что это наука о том, как методично уничтожать смеси, производимые Природой, чтобы образовать из них монстров, имеющих примерно такой же вид и такие же свойства, как и природные смеси. Требовалось ли больше, чтобы получить одобрение публики? Предубежденная и пораженная этой ложной видимостью, обрушившая многочисленные нарекания на герметическую химию, с которой знакомы даже те, кто нападает на нее, — так стоит ли удивляться, что эта публика относится к ней пренебрежительно?

Василий Валентин¹ сравнивает химиков с фарисеями, которые пользовались почетом и авторитетом у толпы по причине своей нарочитой религиозности и набожности. Это были, — говорит он, — двуличные люди, привязанные

¹ Azoth des Philosophes.

единственно к своим землям и своей выгоде, но злоупотреблявшие доверием и доверчивостью народа, который, как правило, попадает на эту удочку, т.к. недостаточно проницателен, чтобы заглянуть в самую суть.

Не следует думать, однако, что такими вот речами я стремлюсь нанести вред химии наших дней. Ее сумели сделать полезной, а тех, кто ее старательно изучает, нельзя недооценивать. Любопытные опыты, проделанные большинством химиков, могут лишь удовлетворять публику. Из нее извлекает столько полезного медицина, что опровергать это — все равно, что желать зла людям. Она немало способствовала улучшению жизни благодаря методам, рожденным ею для усовершенствования металлургии и некоторых других ремесел. Фарфор, фаянс — это тоже плоды химии. Она дает материалы для красок, для изготовления стекла и пр. Но разве из того, что полезность ее признана, следует делать вывод, будто она единственная и истинная химия? Правда, несметное множество людей выдает себя за философов и пользуется доверчивостью глупцов. Но разве в этом повинна герметическая наука? Разве Философы не кричат достаточно громко, чтобы быть услышанными всеми и предостеречь всех от ловушек, которые готовят такие люди? Среди них нет ни одного, кто не говорил бы, что материя этого Искусства стоит очень дешево или даже вовсе ничего не стоит, что огонь, которым ее обрабатывают, стоит не дороже, что нужен всего один сосуд, максимум два на все делание.

Послушаем, что говорит д'Эспанье¹:

Философское делание² требует больше времени и труда, чем затрат, так как тому, кто имеет необходимую материю, остается сделать очень мало. Те, кто требует огромные деньги для выполнения работы, больше доверяют богатству других людей, нежели науке этого Искусства. Пусть же тот, кто любит его, будет настоящим и не попадет в ловушки, расставленные плутами, которые думают лишь о его кошельке, обещая золотые горы. Они требуют солнца, чтобы следовать операциям этого Искусства, потому что ни зги не видят в нем.

Не нужно поэтому ополчаться на Герметическую Химию: она виновата не более, чем в плутовстве виновата честность. Какой-либо ручей может быть грязным, зловонным от нечистот, собираемых им по течению, но исток его не страдает от этого менее чистым, менее красивым и менее прозрачным.

Кто еще чернит герметическую науку, так это отродья вульгарной химии, которых знают под именами суфлеров и искателей философского камня. Это — идолопоклонники Герметической Науки. Все предлагаемые им рецепты для них равносильны божествам, перед которыми они преклоняют колена. Немалое число людей этого сорта очень хорошо знакомы с методами вульгарной химии. Они даже приобрели большую ловкость в работе руками. Но они не изучили принципы Герметической Философии и никогда не добьются успеха. Иные же не знают и принципов вульгарной химии — они то и есть эти суфлеры — дуть-

¹ Can. 31.

² In opere Philosophico plus laboris & temporis quàm sumptuum impenditur, nam conventientem materiam habenti parvae supersunt expensae sustinendae; propterea qui magnam nummorum copiam praecoccupantur, & arduam operis metam in sumptibus ponunt plus alienis opibus, quàm arti suae confidunt. Caveat itaque à praedonibus illia nimium credulus tyro, namdum aureos montes pollicentur auro insidiantur: anteambulonem solem prostulant; quia in tenebris ambulant.

евщики. Именно к ним относится пословица: *Alchemia est ars, cujus initium laborare, medium mentiri, finis mendicare*¹.

Большинство умелых мастеров вульгарной химии не отрицают возможность существования философского камня, и результаты их многочисленных опытов доказывают им это достаточно ясно. Но, будучи рабами, пользующимися уважением людей, они не осмелятся признать публично, что считают его реальным, потому что боятся выставить себя на посмешище невежд и мнимых ученых, ослепленных предрассудками. На людях они разглагольствуют о нем, как и многие другие, или говорят о нем, по крайней мере, с таким же безразличием, чтобы никто даже не заподозрил, будто они верят в его существование, в то время как втайне в своих опытах они стремятся найти его. После стольких лет, безуспешно проведенных у горнов, их тщеславие оказывается уязвленным; им обидно, что они потерпели неудачу, и поэтому они хотят вознаградить себя за нее или отомстить, злословя о предмете, обладания которым они не добились. Эти люди не имели себе равных в теории и практике химии. Они выставляли себя таковыми и доказали это, но с грехом пополам. По мере того, как они утверждали это сами или делали это чужими устами, то и другие начинали верить в это, как и они. И если на закате дней они принимаются поносить Герметическую Философию, то никто не станет задумываться, правы они или нет, — репутация, которую они себе создали, говорит, что они имеют на это право, и никто не посмеет не рукоплескать им. Да, — скажут люди, — если бы эта штука была возможна, она не смогла бы ускользнуть от науки, от проницательности и умения такого мастера. И такие настроения незаметно усиливаются. Другой неудачник, не сумевший добиться больше первого и утративший всякую надежду, присоединяет свой голос к прочим и даже кричит сильнее остальных, если сможет, заставить себя услышать. Предубежденность получает поддержку и, наконец, отсюда люди вместе с ними говорят, что это химера. Больше того, люди пытаются убедить себя, не зная ничего об этом предмете. Те же, чей опыт доказал противоположность, довольны своей судьбой и не ищут рукоплесканий невежественной толпы. *Глупцы только презирают мудрость и наставление*². Некоторые писали в надежде вывести ее из заблуждения³, но толпа не захотела сбросить с себя гнет предубеждения, и все осталось, как есть.

Но, в конце концов, в чем состоит разница между химией вульгарной и химией Герметической? Скажем так, первая — это, собственно, искусство разрушать созданные Природой вещества. Вторая же — это Искусство работать вместе с Природой, чтобы усовершенствовать их. Первая использует неистового разрушающего тирана Природы. Вторая обращается за помощью к ее мягким и добрым силам. Герметическая Философия берет в качестве материи для своего делания второстепенные первоначала вещей, чтобы привести их к совершенству, на которое они способны, путями и способами, согласными с Природой. Вульгарная химия берет смеси, уже достигшие точки совершенства, разлагает их и уничтожает.

¹ Алхимия есть искусство, которое начинается с упорного труда, продолжается посредством заблуждения и заканчивается нищетой (лат.). — *Прим. ред.*

² Притч. 1, 7.

³ Бехер, Сталь, М. Потт, де Жюсти в своих «Мемуарах» открыто встали на ее защиту.

Те, кому любопытно проследить дальше параллель между двумя этими искусстваами, могут воспользоваться трудом одного из крупных антагонистов герметической Философии — иезуита отца Кирхера, помещенным Манже в первый том «Библиотеки любопытной химии». Герметические Философы не упускают случая отметить в своих работах различия между этими искусстваами. Но самая важная черта, по которой можно отличить адепта от химика, заключается в том, что адепт, судя по тому, что об этом говорят все Философы, берет лишь одну вещь или не больше двух одной природы, один сосуд или не больше двух, и один горн, чтобы довести делание до совершенства. Химик же, напротив, работает с любыми видами материи без выбора. Именно этим пробным камнем и нужно проверять плутоватых суфлеров, позарившихся на ваш кошелек, требующих золота, чтобы изготовить его же; тех, которые, вместо обещанного превращения, просто перемещают золото из вашего кошелька в свой собственный. Это замечание также касается добросовестных и честных горновых, полагающих, что они находятся на правильном пути и обманывающих других, обманывая самих себя. Если мой труд произведет достаточное впечатление, чтобы убедить в возможности и реальности Герметической Философии, дай Бог ему послужить и для разубеждения тех, кто тратит свое добро, чтобы раздувать угли, возводить горны, обжигать, возгонять, дистиллировать, а в целом — превращать все в ничто, т.е. в пепел и в дым.

Адепты не гонятся за золотом и серебром, и Мориен прекрасно доказал это королю Калиду. Этот король собрал множество книг о герметической науке, но ничего не мог в них понять, а потому объявил, что щедро вознаградит того, кто объяснит их ему¹. Жажда вознаграждения привела к нему многих суфлеров. И тогда из своей пустыни вышел Мориен, отшельник Мориен, который, однако, не стремился заполучить обещанную награду, но лишь доказать могущество Бога, показать, сколь чудесен он в своих деяниях. Он явился к Калиду и попросил, как и все остальные, предоставить ему место для работы, чтобы делом доказать истинность своих слов. Закончив работу, Мориен оставил совершенный камень в сосуде, на котором написал: *«Те, у которых у самих есть все, что надо, не нуждаются ни в награде, ни в чужой помощи»*. После этого он без лишних слов удалился в место своего уединения. Калид обнаружил сосуд, прочитал надпись и почувствовал, что она означает, а испытав порошок, он выгнал или предал смерти тех, кто хотел его обмануть.

Итак, Философы обоснованно утверждают, что этот камень представляет собой как бы центр и источник добродетели, ибо владеющие им презирают всякую мирскую суету, пустую славу, тщеславие, т.к. для них золото значит не больше, чем песок или ничтожная пыль², а серебро для них — просто грязь. Для них имеет значение только мудрость, а зависть, ревность и другие порочные страсти не вызывают бури в их сердце. У них одно желание — жить, как указал Бог, одно удовлетворение — оказаться втайне полезным ближнему и проникнуть как можно дальше в тайны Природы.

Герметическая Философия — это, следовательно, школа набожности и религии. Те, кому Бог дает это знание, были уже истинно верующими³ либо становятся

¹ Entretien du Roi Calid .

² Прем. 7, 9.

³ *Пламень*. Иероглиф.

ся таковыми. Все Философы начинают свои труды с того, что требуют от читающих их стремиться проникнуть в святилище Природы, обладать прямой и богобоязненной душой: *Начало мудрости, страх Божий*, сочувствием, чтобы помогать бедным; глубокой скромностью и серьезной решимостью делать все во славу Господа, который укрывает свои тайны от претенциозных и мнимых ученых мира и раскрывает их любящим Его¹.

Когда слуха первого Отца нашего достигла весть о первом смертном приговоре, вынесенном за непокорность, он услышал в то же время и обещание Спасителя — спасти весь человеческий род. Господь всемилостивейший не захотел допустить полной гибели лучшего из творений рук своих. Та самая мудрость, которая с такой добротой указала лекарство для души, не забыла, несомненно, и о лекарстве от болезней, осаждающих тело. Но как не все люди пользуются спасительными средствами, которыми сподобил нас Христос и которые Господь предоставляет всем, точно так же не все люди умеют пользоваться лекарством от болезней тела, хотя вещество, из которого делается это лекарство, весьма обычное и находится у них перед глазами, а они употребляют его для других целей, но не для той, какой она собственно служит². Вот доказательство того, что Бог благодетельствует им тех, кто ему по нраву. *Человек неразумный не постигает, и глупец не познает действительное*. Хотя мудрейший из людей — Саломон — сказал нам: «Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа, и удаляйся от зла: это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих»³.

Именно этой материей воспользовался Бог, чтобы явить мудрость свою при сотворении всех живых существ. Он наделил их дыханием духа, парившего над водами до того, как всемогущая сила распутала хаос Универсума. Эта сила содержит в себе все формы, но не имеет при этом ни одной, свойственной именно ей⁴. Поэтому большинство Философов сравнивают получение их камня с сотворением Универсума. В Писании⁵ сказано, что сначала был сплошной мрак, в котором нельзя было никого различить. Земной шар был погружен в воду, содержащую в себе и небо, и семя всего сущего. Не было света, все окружала тьма. Появился свет, и рассеял тьму, а на небосводе расположились звезды. Труд Философов представляет собой то же самое. Вначале это — темный хаос, в котором все кажется настолько смутным, что нельзя различить по отдельности первоначала, составляющие материя камня. Небо философов погружено в воду, вся поверхность которой покрыта тьмой. Но, наконец, отсюда отделяется свет, всплывают луна и солнце, вселяя радость в сердце творца и жизнь в материю.

Хаос этот состоит из сухого и влажного. Сухое образует землю, а влажное — воду. Тьма образует черный цвет, который Философы называют черным чернее самого черного: *nigrum nigro nigrus*. Это философская ночь и ощутимая тьма. Свет при сотворении мира возник раньше солнца. Именно эта, столь желанная белизна приходит на смену черному цвету. Появляется наконец солнце оранжевого цвета, в котором красное усиливается, постепенно достигая пурпурного, и так завершается первое делание.

¹ Мф. 7, 11.

² Василий Валентин, *Azoth des Philosophes & le Cosmopolit*.

³ Притч., 3, 7–8.

⁴ Василий Валентин.

⁵ Быт. 1, 1.

Так, Создатель решил скрепить созданное печатью и сотворил человека, вылепив его из земли, причем из земли, казавшейся неживой, и он вдохнул в него дыхание жизни. То, что Бог сделал тогда в отношении человека, действенная сила Природы, именуемая некоторыми ее *Археем*¹, действующая в земле или в философском иле. Она воздействует на ил своей внутренней силой, так, что ил начинает жить, укрепляться день ото дня, пока не достигнет совершенства. Мориен² подметил эту аналогию и объясняет создание магистерия, сравнивая это с сотворением и умножением человека. Некоторые утверждают даже, что Гермес в своем «Поймандре» говорит о воскрешении тела, делая вывод об этом, исходя из наблюдаемого им развития магистерия. Та же самая материя, которая достигла определенной степени совершенства при первом действии, растворяется и тлеет, и это вполне можно назвать смертью, поскольку Спаситель наш так сказал о высеиваемых зернах³: «Иное [зерно] упало на места каменистые, где не много было места, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло...»⁴. И в этом тлении философская материя становится летучей черной землей, более неуловимой, чем любой другой порошок. Адепты даже называют ее *трупам*, когда она пребывает в этом состоянии, и говорят, что у нее есть запах. Не то чтобы, как говорит Фламель, художник ощущал зловоние, поскольку все ведь происходит в запечатанном сосуде, а просто он так считает по аналогии ее порчи с разложением мертвых тел. Этот порошок или пепел, которым, по словам Мориена, нельзя пренебрегать, потому что он должен возродиться и потому что он содержит диадему короля-философа, постепенно набирая силы, по мере того, как выбирается из лап смерти, т.е. из черноты: он оживает, его блеск, переходит в гораздо более благородное состояние неподверженности порче, чем то, в котором он пребывал до тления.

Когда эту метаморфозу обнаружили египтяне, они пришли к выводу о существовании «Феникса» — птицы пурпурного цвета, возрождавшейся из собственного пепла. Но эта, совершенно сказочная птица есть не что иное, как камень Философов, достигший пурпурного цвета после тления.

Многие из древних Философов, просветленные этими замечательными действиями Природы, вслед за Гермесом, основу учения которого они вынесли из Египта, сделали вывод о существовании другой жизни после того, как смерть лишает нас первой. Именно это они и хотели доказать, говоря о возрождении растений из собственного пепла и о превращении их в новые растения того же вида. Никто другой не говорил о Боге и о человеке так возвышенно и так благородно. Они объясняют даже, почему можно говорить о людях, что они боги. «*Ego dixi Dii estis, & filii excelsi omnes*», — говорит Давид⁵.

А вот, что говорит Гермес⁶:

Ум, Тат, происходит из самой сущности бога, если, конечно, у бога имеется сущность; что же касается того, каковой ей случается быть, то это в точности известно лишь ему самому. Итак, ум не отделен от сущности бога, напротив, он

¹ Парацельс, ван Гельмонт.

² Loco cit.

³ Фламель.

⁴ Мф. 13, 5–6.

⁵ «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81, 6). — *Прим. ред.*

⁶ Corpus Hermeticum, XII, 1. [Пернети вместо категории «ум» использует «душа». — *Прим. ред.*

словно бы простирается из нее, подобно солнечному свету. Этот самый ум в людях есть бог; потому-то и некоторые из людей божественны и их человечность близка божественности...

Каковы же должны быть знания человека? Должно ли удивляться, что он, просветленный Отцом познания, проникает в самые темные и самые скрытые уголки Природы, познает ее свойства и умеет использовать их? Однако Господь сам и по своему усмотрению распределяет свои дары. Он настолько добр, что создал лекарство от болезней, поражающих человечество, и не счел уместным открыть его всем. И потому Мориен говорит¹, что «Магистерий — это лишь тайна тайн Господа Всевышнего, великого, мудрого и Создателя всего сущего; Он сам открыл эту тайну своим святым пророкам, души которых поместил в святой рай».

Нам могут сказать, что если эта тайна есть дар Бога, то ее следует отнести к талантам, которыми Бог нас наделяет и которые нельзя зарывать. Если Философы такие набожные, такие благодетельные, то почему мы видим так мало добрых их дел? Один только Николя Фламель во Франции строил и одаривал церкви и больницы. Эти памятники существуют и ныне в самом сердце Парижа. И если есть такие Философы, то почему они не следуют столь хорошему примеру? Почему не лечат они больных? Почему не помогают они семьям честных людей, изнемогающих от нищеты? Я отвечу на это, что мы не знаем о всем том добром, что делается втайне. Нельзя делать это под громогласные крики. Как учил Христос, Спаситель наш, левая рука не должна знать о добре, которое делает правая. Ведь только после смерти Николя Фламеля стало известно, что он сам творил эти добрые дела. Иероглифические знаки, помещенные им на кладбище Святых Невинных, исполнены только набожности и согласия с религией. И сам он жил в скромности, без роскоши, не дав малейшего повода догадаться о тайне, которой владел. К тому же в те времена для совершения добрых дел он находил такие возможности, которых мы давно уже не видели.

Философы не многочисленны, как врачи. Их очень мало. Они владеют тайной излечения всех болезней, и им не занимать желания делать добро для всех. Однако, сей мир так развращен, что им опасно делать это добро. Они могут делать его только с риском для собственной жизни. Стоит им, как бы чудом, исцелить кого-нибудь, и тут же зашепчутся лекари и прочие люди, и даже те, кто больше всего сомневался в существовании философского лекарства, заподозрят, что оно есть. За таким человеком станут следить, наблюдать, чем он занимается, пойдет молва, и жадные, тщеславные люди будут преследовать его, чтобы завладеть его тайной. Чего же ему остается ждать кроме слежки или добровольного изгнания с родины?

Пример Космополита и Филалета дает тому убедительное доказательство.

Мы, — говорит Филалет, — как бы² окутаны проклятием и позором: мы не можем спокойно наслаждаться обществом наших друзей. Если кто-либо откроет, кто мы на самом деле, он захочет завладеть нашей тайной или же погубить нас, если мы сами не откроем ее. Мир сегодня такой злой и такой развращенный, нажива и тщеславие настолько завладели людьми, что все их дела посвящены лишь одной этой цели. Стоит нам захотеть делать благотворительные дела, как их делали апостолы, и нам за добро отплатят злом. Я испытал это недавно на себе в одном отдаленном месте. Как будто чудом исцелив нескольких безнадежных

¹ Entret. de Calid et de Morien.

² Introit. Apert., c. 13.

больных, покинутых врачами, мне приходилось неоднократно в подобных случаях, чтобы избежать преследования, менять имя, одежду, прическу, сбривать бороду или скрываться с наступлением ночи.

Сколько других опасностей грозят Философу, совершившему превращение, хотя сделал он это без намерения предаваться роскошной жизни, а для того, чтобы помочь нуждающимся. Это золото — чище и красивее обычного, по их словам, скоро будет признано. По одному лишь этому признаку, того, у кого оно окажется, могут заподозрить в фальшивомонетничестве. Каких только страшных последствий не придется опасаться Философу, на которого падет подозрение!

Я знаю, что немало врачей не занимаются своим ремеслом, — как из соображений выгоды, так и из желания оказать услугу людям, но так поступают не все. Одни будут рады, что ближнему можно будет помочь, другие же будут уязвлены от того, что их лишают возможности увеличить свои доходы. Тогда душами не замедлит овладеть зависть, а их месть не заставит себя ждать. Герметической науке не обучают в медицинских школах, хотя мы ничуть не сомневаемся в том, что Гиппократ знакомился с ней. Если хорошо взвесить разбросанные в его трудах выражения и его похвалы в адрес Демокрита, высказанные абдеритам, считавшим, что этот Философ потерял рассудок, потому что, вернувшись из Египта, он роздал им почти все свое состояние, а сам уединился, как истинный Философ, в сельском домике, вдали от шума. Разумеется, одного этого доказательства — недостаточно для подтверждения древности герметической науки, но есть ведь и столько других, отрицать которые может только тот, кто не читал древних авторов. Что означает рассказ Пиндара¹ о том, как величайший из богов обрушил на город Родос золотой снег, полученный благодаря искусству Вулкана? Зосим Панополитанский, Евсевий, Синезий поведали нам, что наукой этой долго занимались в Мемфисе — в Египте. И те, и другие приводят труды Гермеса. Плутарх² утверждает, что древняя теология греков и варваров представляла собой лишь теорию физики, скрытую под покровом мифов. Он пытается даже объяснить ее, и пишет, что Латона означает ночь, Юнона — землю, Аполлон — солнце, Юпитер — жар. Немного далее он заявляет, ссылаясь на египтян, что Осирис — Солнце, Исида — Луна, Юпитер — вселенский разум, охватывающий всю Природу, Вулкан — огонь и т.д. Об этом же много пишет Манефон.

Ориген³ сообщает, что египтяне забавляли народ баснями, прятали Философию под покровом имен богов своей страны. Вопреки всему, что Корингий⁴ написал против Герметической Философии, он вынужден был под давлением определенных доводов признать, что египетские жрецы занимались искусством добывания золота и, что химия зародилась в этой стране. В своих «Строматах» св. Климент Александрийский расточает похвалы шести трудам Гермеса о медицине. Диодор Сицилийский⁵ довольно пространно описывает тайну, которой владели египетские жрецы для извлечения золота из белого мрамора, залегавшего на границах их империи. Страбон упоминает также о некоем черном камне, из которо-

¹ Олимп. 6.

² Theolog. Physico Graecor.

³ Против Цельса, 1.

⁴ Omnino tamen, & ipse existomo Ægyptiorum Hierophantas, omnium mortuum principes κρωοτήσου... & ab his Chemiae profluxisse exordia.

⁵ Antiq. L. 4. C. 2.

го в Мемфисе делали множество растворов¹. Мы увидим дальше из нашего труда, что этот черный камень, этот белый мрамор, это золото были всего лишь аллегориями, обозначающими камень Философов, достигший черного цвета, который сами Философы именовали *раствором*, т.к. материя измельчается и растворяется. Белый мрамор был той же самой материей, но достигшей белизны и именовавшейся мрамором из-за своей неподвижности. Золото же было тем философским золотом, которое извлекается и рождается из этой белизны, или камнем, зафиксированным в красном. Ниже эти объяснения приводятся более подробно.

Филон Еврей [Филон Александрийский]² сообщает, что Моисеи изучил в Египте арифметику, геометрию, музыку и *Философию символическую*, которая всегда записывалась там только священными знаками, астрономию и математику. Св. Климент Александрийский пишет то же, что и Филон, но добавляет медицину и знание иероглифов, которое жрецы передавали только детям фараонов и своим собственным³.

Согласно Диодору Сицилийскому⁴ и Страбону⁵, обучил египтян всем этим наукам Гермес. Отец Кирхер, несмотря на резкие его нападки на герметическую Философию, сам доказывал⁶, что ею занимались в Египте. Можно почитать также Диодора (Antiq. I. c. II) и Юлия Матерна Фирмика (lib. 3. c. I de Petosiri & Nisepso). Вот что говорит по этому поводу св. Климент Александрийский⁷:

У нас есть еще сорок два очень полезных и очень необходимых труда Гермеса. Тридцать шесть из этих книг содержат в себе всю философию египтян, а в остальных шести рассматривается отдельно медицина: одна посвящена строению тела или анатомии, вторая болезням, третья инструментам, четвертая лекарствам, пятая глазам и шестая женским болезням.

Гомер побывал в Египте⁸ и узнал там очень много, общаясь с местными жрецами. Можно даже сказать, что оттуда он и вынес свои мифы. Доказательства тому он помещает в различные места своих произведений, в частности, в своем III гимне к Меркурию, где он сообщает, что этот бог первым «измыслил» искусство добывания огня, πυρὸς δ' ἐφευρέτο τεχνην. v. 108. & v. 111. Ἐρμῆς τοι πρῶτα πυρῆα, πῦρ τ' ἀνέδωκε. Гомер говорит также о Гермесе как о создателе богатств и называет его, соответственно, χρυσόρραος, δάτωρ ἐόν. По этой причине он говорит, что, когда Аполлон пришел спросить у Гермеса (там же ст. 248), что слышно об украденных у него коровах, тот возлежал в своей темной пещере, полной нектара, амброзии,

¹ География, XVII.

² De vit. Mos. L. 1.

³ По достижении подходящего возраста, Моисеи был отдан на воспитание знаменитым египетским учителям, которые учили его арифметике, геометрии, астрономии, науке ритма и гармонии, медицине и музыке и, кроме того, той особой мудрости, что символически изображается иероглифами. Остальные начальные науки, как утверждает Филон в Жизни Моисея, он изучал, как и положено сыну фараона, под руководством проживающих в Египте эллинских наставников. Кроме того, он изучал под руководством египетских учителей египетскую литературу, а халдеи наставляли его в науке о небесных светилах. Поэтому в Деяниях апостолов и говорится, что он обучен был всей премудрости египтян.

Климент Александрийский. Строматы. Кн. I, 23

⁴ Lib. 2. c. 1.

⁵ Lib. 17.

⁶ Oedyp. Aegypt. T. 2, p. 2.

⁷ Строматы, I. 6.

⁸ Диод. Сицил., I, 2.

золота и серебра, «платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной». Об этом нектаре, амбросии и одеяниях нимф будет сказано ниже.

А вот что говорит Ездра в своей третьей книге, гл. 8, ст. 2: «Как если спросишь землю, скажет тебе, что дает очень много земли, из которой делаются глиняные вещи, а не много праха, из которого бывает золото».

Стефан Византийский был настолько убежден, что Гермес изобрел химию, что сам назвал Египет *Ερμεοῦσιος*, а Воссий (*De Idol.*) счел необходимым исправить это слово на *Ερμεοῦσιος*. Несомненно, что именно поэтому Гомер утверждал, что эти растения *Моли* и *Непент*, обладавшие столькими качествами, происходили из Египта. Вот как об этом свидетельствует Плиний¹: «*Homerus quidem primus doctrinarum & antiquitatis parens, multus alias in admiratione Circes, gloriam herbarum Aegyptio tribuit. Herbas certè Aegyptias à Regis uxore traditas sua Helenae plurimas narrat, ac nobile illud nepenthes, oblivionem tristitiae veniamque afferens, ab Helenâ utique omnibus mortalibus propinandum*».

Итак, не может быть сомнений в том, что химическое искусство Гермеса было знакомо египтянам. Еще известно и то, что греки, ездившие в Египет, там научились ему — по крайней мере некоторые из них, а изучив также все иероглифы, они излагали его впоследствии под покровом мифов. Все это можно понять из схолий Евстафия к «Илиаде».

Идея получения золота при помощи Искусства, следовательно, не нова. В подтверждение этому добавим и то, что Плиний² сообщает о Калигуле:

Жажда золота заставила Кая Калигулу потрудиться, чтобы добыть его себе. Он переплавил большое количество аурипигмента и действительно получил из него отличное золото, но так мало, что понес больше убытков, чем извлек прибыли.

Итак, Калигула знал, что золото можно получать искусственным путем, а это значит, что герметическая Философия была уже известна.

Что касается арабов, то никто не сомневается, что и герметическая, и вульгарная химия были всегда у них в ходу. Кроме сообщений Абу-ль-Фараджа³ о том, что арабы сохранили множество трудов халдеев, египтян и греков, переведенных на их язык, у нас имеются сочинения Джабира, Авиценны, Абудали, Ал-фидия, Аль-Кинди и многих других об этих предметах. Можно даже сказать, что именно благодаря им химия распространилась по всей Европе. Архиепископ Регенсбургский Альберт Великий — один из первых ученых, получивших известность после арабов. Среди его произведений, полных учености и эрудиции, о диалектике, математике, физике, метафизике, теологии и медицине мы находим немало трудов по химии, один из которых называется «Алхимия». Впоследствии его отяготили массой добавлений и софистских размышлений. Другой его труд называется «*De Concordentia Philosophorum*», а еще один — «*De Compositione compositi*». Он также написал и трактат о минералах, в конце которого поместил отдельный трактат о философской материи под названием «*Electrum minerale*».

В первом из этих трактатов он пишет:

Желание познать герметическую химию вынудило меня посетить многие города и провинции, познакомиться с учеными мужами, чтобы увидеть эту науку. Я

¹ Lib. 13, c. 2.

² Lib. 33, c. 4.

³ *Dynastiâ nonâ.*

переписал и изучил с большим тщанием и вниманием книги, посвященные ей, однако долгое время я не признавал истинным то, что в них написано. Я встречался со многими канониками, как изучившими, так и не знакомыми с физикой, которые занимались этим Искусством и потратили на него огромные суммы, но, несмотря на их труды, их опыты и деньги, они так и не достигли успеха. Однако ничто из всего этого не оттолкнуло меня. Я стал сам работать, тратить деньги, читал, наблюдал, ездил от одного места к другому и постоянно размышлял над словами Авиценны: *«Если вещь существует, то как? Если вещь не существует, то как?»* Поэтому я работал, упорно учился, пока не нашел то, что искал. Я обязан этим святому Духу, просветлившему меня, а не собственной учености.

В своем трактате о минералах¹ он говорит: «Физики не могут определять и судить о превращении металлических тел и о переходе одного в другое. Это — дело Искусства, именуемого алхимией. Такая наука очень хороша и надежна, потому что учит познавать каждую вещь через ее собственную причину, и ей нетрудно различить в самих вещах случайные части, не относящиеся к природе». А во второй главе этой же книги он добавляет: «Первая материя металлов есть нечто густое и влажное, тонкое и сильно перемешанное с одной из земных материй». Он говорит это, как Философы, согласно тому, что все они об этом говорят, и мы дальше убедимся в этом.

Арнольд из Виллановы, его последователь Раймунд Луллий и Фламель появились немного позже, подобных им становилось больше, и наука эта распространилась по всем королевствам Европы. В прошлом веке были Космополит, д'Эспанье и Филалет. Безусловно, были и другие, несомненно, есть они и сейчас, но число их настолько мало, либо же они так скрытны, что мы не сумеем их открыть для себя. Это — яркое свидетельство того, что они не ищут мирской славы или, по крайней мере, опасаются последствий развращенности. Они скорее пребывают в молчании, т.к. ничего не говорят и не пишут. Нельзя сказать, что время от времени не появляются кое-какие труды по этому предмету, но достаточно почитать и поразмышлять над произведениями настоящих Философов, чтобы быстро убедиться, что они похожи на них лишь варварскими понятиями и загадочным стилем, и ни капли не соответствуют им по сути. Такие авторы читали хорошие книги и довольно часто цитируют их, но делают это так неуместно, что ясно доказывают, что они над ними совсем не думали. Либо же они просто приспособливали изречения Философов к своим ложным идеям, которые предубеждение вложило им в разум по отношению к методам и к материи, совсем не пытаясь направить свои идеи согласно мыслям читаемых ими Философов.

Произведений таких ложных философов имеется множество, ибо всякому хотелось писать, а большинству главным образом для того, чтобы найти в кошельке издателя средства, которых им как раз недоставало, или хотя бы создать себе имя, которого они, разумеется, не заслуживают. Один как-то пожелал, чтобы какой-нибудь настоящий философ смиловился и опубликовал список правильных авторов в этой науке, дабы показать неправильных, вводящих людей в заблуждение. Так, в конце прошлого века Олаус Боррихий выпустил в Дании книгу под названием «*Conspectus Chymicorum celebriorum*». Он поместил в ней по отдельности статьи каждого и достаточно осторожно говорил, что он о них думает. Он исключает многих авторов из числа настоящих Философов, но

¹ Lib. 3, c. I.

можно ли считать таковыми всех тех, которых он называет? К тому же, число их столь велико, что не понятно, кому следует отдавать предпочтение, и потому очень сложно провести такое исследование.

Мы считаем, что лучше придерживаться мудрого совета, который д'Эспанье дает в своем *«Arcanum Hermeticae Philosophiae opus»*: «Тот, кто любит истину этой науки, не должен читать многих авторов, а лишь отмеченных печатью гения». И дальше:

Среди хороших авторов, пишущих об этой физической тайне, наиболее разумно, наиболее солидно и наиболее правдиво говорили из древних Гермес¹ и Мориен Римлянин², из современных — Раймунд Луллий, которого я уважаю и почитаю больше других, и Бернгард, граф Тревизанский, известный под именем доброго Тревизана³. То, что умудренный Раймунд Луллий опустил, не упоминается никем другим. Правильно было бы, поэтому, прочитать, перечитать и серьезно обдумать его старое завещание и приписку к нему как бесценное наследие, подаренные нам всем. К этим двум трудам нужно добавить и две его практики⁴. Мы находим в них все, что можно желать, в особенности истину материи, степени огня, режим, при помощи которого завершается делание, все вещи, которые древние научились прятать более старательно. Никто другой не говорил так ясно и так верно о скрытых причинах вещей, о тайных движениях природы. Он почти ничего не говорит о первой и таинственной воде Философов, но то, что мы читаем у него о ней, очень значительно.

Что касается той прозрачной воды, которую ищут так много людей и так мало нашли, хотя она и является всем и ею пользуются⁵, то о ней, этой воде, составляющей основу камня, достаточно часто упоминает в своих трактатах *«Novum lumen Chemicum»*, *«Parabola»*, *«Enigma»*, *«De Sulphure»*, один польский дворянин⁶, — умный и ученый человек. Он говорит о ней с такой ясностью, что если хотите узнать больше, то вряд ли в этом помогут другие труды.

Философы, — продолжает наш автор, — объясняются более охотно и энергично немymi речами, т.е. аллегорическими и загадочными фигурами, а не письменными трудами. Такова, например, таблица Сениора, аллегорические картины «Розария» или Авраама Еврея, о которых сообщает Фламель, и его собственные. Сюда относятся также и эмблемы Михаеля Майера, так ясно объясняющего тайны древних, что трудно представить себе, кто мог бы сделать это лучше.

Вот авторы, которых по мнению д'Эспанье, человеку, желающему заняться герметической Философией, достаточно, чтобы познакомиться с ней. Он говорит, что недостаточно прочитать один или два раза их книги, их нужно перечитывать без устали десять раз и даже больше. И делать это с чистым сердцем, свободным от утомительных забот века, с подлинным и твердым желанием использовать знание этой науки только во славу Господа и на пользу ближнему.

1 Изумрудная скрижаль.

2 Entret. de Calid et de Morien.

3 La Philosophie des Métaux; Письмо Фоме Булонскому.

4 Большинство других книг Раймунда Луллия, не указанные здесь, более чем бесполезны.

5 Cap. II.

6 Космополит. Когда это писалось д'Эспанье, публика еще не вышла из заблуждения относительно автора этой книги, выпущенной Михаелем Сендивогием Польским под своим именем с использованием анаграммы; однако со временем стало известно, что он получил эту рукопись от вдовы Космополита.

Дабы Господь мог и далее сеять знания и мудрость в умах и сердцах, ибо, как сказал мудрец: мудрость никогда не поселится в нечистом и греховном сердце.

Д'Эспанье подчеркивает также необходимость знания физики, и с этой целью мы поместили после этого вступления сокращенный трактат с основными ее принципами у герметических философов и собранными д'Эспанье в «Энхиридионе». Далее следует герметический трактат, совершенно необходимый для понимания читателем этого произведения. Мы приложили к нему изречения Философов, показывающих их согласие по одним и тем же вопросам.

Нет нужды подчеркивать необходимость изучения физики, ибо она знакомит нас с началами, используемыми природой в строении и образовании представителей трех царств: животного, растительного и минерального. Без такого знания мы будем работать вслепую и для образования какой-либо вещи будем брать то, из чего можно создать тело совершенно иного рода или вида, чем-то, которое мы хотим создать. Ибо человек происходит от человека, бык от быка, растение от своего семени, а металл — от собственного. Поэтому ошибочно искать вне металлической природы способ умножения или усовершенствования металлов. Следует, однако, признать, что природа сама по себе, неспособна умножать металлы, как это делает Герметическое искусство. Известно, что металлы обладают в себе этим качеством умножения, но это, по словам Фламеля, плоды, сорванные незрелыми. Совершенные (Философские) тела или металлы содержат это более совершенное, более обильное семя, но оно так сильно связано с ними, что только герметический раствор способен извлечь его. Все Философы считают, что тот, кто овладеет его секретом, овладеет и секретом великого дела. Чтобы добиться этого, нужно знать те элементы, которыми пользуется природа для обращения смешанных тел в их первоначала, ибо каждое тело состоит из того, в чем оно естественным способом растворяется. Изложенные ниже основы физики послужат светочем, освещающим путь тому, кто захочет проникнуть в кладезь Демокрита и открыть истину, скрытую в густейшей тьме. Ибо кладезь этот состоит лишь из загадок, аллегорий, темных мест, разбросанных в трактатах Философов, научившихся, подобно Демокриту у египтян, не раскрывать тайны мудрости, переданные наследниками отца истинной Философии.

ОБЩИЕ НАЧАЛА ФИЗИКИ согласно Герметической Философии

Не всем дано проникнуть в святилище тайн Природы, и очень немногие люди знают ведущую к ним дорогу. Некоторые — нетерпеливые — идут по тропинкам, желая сократить путь, и неизбежно заблудятся. Другие почти на каждом шагу натыкаются на перекрестки, сбивающие их с толку, сворачивают влево и направляются в царство Тартара, вместо того, чтобы свернуть направо, к Елисейским полям, потому что у них не было, в отличие от Энея¹, Сивиллы в проводни-

¹ Энеида, I, 6.

ках. Третьи идут по самой избитой и самой искоженной дороге, не думая, что ошиблись. После долгих трудностей все, тем не менее, замечают, что так и не дошли до цели, пройдя мимо нее или направившись в противоположную от нее сторону.

Истоки ошибок кроются в предубеждении, но также и в недостатке знаний и надежных указаний. Подлинная дорога может быть только очень простой, т.к. нет ничего проще, чем действия Природы. Но, несмотря на то, что проложена она самой Природой, и по ней мало кто идет, но те, кто идет здесь, считают ревностным долгом засыпать свои следы терниями и колючками. Идти по ней можно, лишь продираясь через мифы и загадки, и весьма трудно там не заблудиться, если перед вами не будет нести зажженный факел опекающий вас ангел.

Итак, нужно познать Природу до того, как решиться подражать ей и браться за совершенствование того, что она оставила на дороге к совершенству. Знание это мы получаем, изучая физику, но не школьную, которая учит только умозрительным построениям и загромождает память лишь более темными, чем разборчивыми понятиями о самой вещи, которую мы хотим объяснить. Не такую физику, которая, являя, что дает нам ясное определение какого-либо тела, говорит, что это — соединение точек или частей: точек, образующих линии, если провести их от одного объекта к другому, или линий, образующих пространство, если их соединить, а отсюда — протяженность и другие размеры. Результатом соединения частей станет образование тела, а результатом их разъединения — делимость до бесконечного или, если хотите, до неопределенности. Физика эта предлагает нам и массу других суждений такого рода, вряд ли способных удовлетворить ум, стремящийся к осязательному и практическому знанию отдельных элементов, составляющих нашу обширную вселенную. Обращаться следует к химической физике. Это практическая наука, основанная на теории, чья истинность подтверждается опытом. Но опыт этот, к сожалению, так редко встречается, что многие сомневаются в его реальности.

Напрасно умные, образованные, весьма ученые в других дисциплинах авторы пытались изобретать системы, чтобы представить нам в цветастой форме образование и рождение мира. Кто-либо из них, попав в водоворот, подхваченный потоком, потерялся вместе с ним. От их первоматерии, поделенной на неуловимое, ветвистое и шаровидное вещество, нам остался лишь предмет для тщетных рассуждений, но в нем нам не узнать, что же представляет собой сущность тел. Иной, не менее изобретательный, решил все подвергнуть расчетам и выдумал взаимное притяжение, способное в лучшем случае помочь нам объяснить движение тел в данный момент, но не проливающее свет на начала, из которых они состоят. Он прекрасно чувствовал, что лишь оживляет под новым именем оккультные свойства перипатетиков, давно изгнанных из школы, и потому говорит об этом своем притяжении, как о догадке, однако ученые сектанты поддерживают эту мысль как реальность.

В голове третьего, подвергнувшегося такому же удару, когда воображаемая комета врезалась в солнце, идеи двигаются такими же неопределенными путями, какие он отводит планетам, образованным, как он утверждает, от частей, отделившихся при этом ударе от раскаленного тела дневного светила.

Выдумки какого-нибудь Теллиамеда и прочих подобных авторов есть лишь плод воображения, заслуживающий только порицания и возмущения. И, наконец, все те, кто отклонился от завещанного нам Мозесом в книге Бытия, запутались в своих тщетных рассуждениях.

Пусть не говорят нам, что Моисеем хотел сделать из людей только христиан, а не философов. Получивший откровения от самого Творца Природы, сам прекрасен знакомый со всеми науками египетских ученых и самых больших знатоков во всех науках, которыми занимаемся мы, он, разумеется, лучше кого бы то ни было другого, мог рассказать нам достоверные вещи об истории вселенной.

Это правда, что его система очень хороша для воспитания христиан, но разве это его качество, отсутствующее у большинства прочих, разве оно несовместимо с истиной? Все в ней свидетельствует о величии, всемогуществе, мудрости Создателя и одновременно показывает нам создание таким, как оно есть. Бог сказал, и все сделалось: *dixit, et facta sunt*. Этого довольно было для христиан, но не для Философов. Моисей добавляет, из чего произошел этот мир, какой порядок было угодно Всевышнему придать образованию каждого царства в Природе. Он идет дальше этого и раскрывает первоначало всего сущего, того, что дает ему жизнь, и движение каждому индивиду. Мог ли он сказать больше столь малым количеством слов? Неужели кто-нибудь скажет, что он должен был описать строение каждого из этих отдельных индивидов? И пусть он даже сделал бы это, разве кто-то стал бы больше считаться с ним? Мы хотим изучать, и хотим этого, потому что сомневаемся, сомневаемся же мы по незнанию, но можно ли построить на таком основании систему, которая тотчас же разрушится?

Мудрец не мог дать лучшего определения этому роду зодчих, этим производителям систем, кроме как сказать, что Господь отдал вселенную на волю их пустых рассуждений¹. Скажем больше: всякий, кто посвящен в науку Природы, признает Моисея человеком, вдохновленным Богом, великим Философом, настоящим физиком. Он описал сотворение мира и человека настолько правдиво, как если бы сам присутствовал при этом. Признаем, однако, что его писания до такой степени возвышенны, что не могут быть достигаемы каждому. Те же, кто выступает против него, не поняли его, ослеплены мраком своего невежества, а системы их являются лишь смутным бредом, родившимся в головах, наполненных тщеславием, отягощенных болезненным честолюбием.

Нет ничего проще физики. Ее предмет, каким бы сложным он не казался невеждам, состоит из одного первоначала, разделенного на части — одна меньше другой. Использование различных пропорций в смесях, объединение и смешение более мелких частей с более крупными образуют всех индивидов Природы. А поскольку сочетания такие почти бесконечны, бесконечно и число смешанных тел.

Бог — есть вечная сущность, бесконечное целое, начало начал всего. Его сущность — это неизмеримый свет, Его сила — это всемогущество, Его желание — это совершенное добро, Его абсолютная воля — это завершенное творение. Тем же, кто захочет узнать о нем больше, останется лишь изумляться, восхищаться, молчать пред ликом непознаваемой бездны Его величия.

До начала творения Он был как бы замкнут сам в себе и самодостаточен. Во время сотворения Он, можно сказать, разродился и произвел на свет свое великое творение, зачатое им из всей вечности. Он рос, видимо расширяясь, и превратил в материальный этот, поначалу идеальный мир, словно желая сделать осязательным образ Божества. Именно это имеет в виду Гермес, когда говорит, что Бог изменил вид всех вещей, что тогда мир проявился и превратился в свет².

¹ Еккл. 3, 11.

² Corpus Hermeticum, I, 4.

Представляется вероятным, что древние предполагали нечто близкое к этому, когда говорили, что Паллада родилась, выйдя из головы Юпитера при помощи Вулкана или света.

Одновременно мудрый в создании соединений и великий в своем творении, Создатель установил такой высший порядок в органической массе Универсума, что высшие вещи смешались, не спутываясь, с низшими и стали похожими по некоторым аналогиям. Крайние оказались очень тесно связаны некой неощутимой средой или тайным узлом этого божественного труженика, и таким образом все согласно подчинено управлению верховного повелителя, причем связь различных частей может быть прервана не только тем, кто их собрал воедино. Прав был, следовательно, Гермес, утверждая¹: то, что внизу, подобно тому, что вверху, чем и завершаются все прекрасные видимые нами вещи.

О ПЕРВОМАТЕРИИ

Некоторые философы предполагали, что до возникновения стихий существовала некая материя, но т.к. они ее не знали, то и говорили о ней туманно и очень путано. Аристотель, повидимому, верил в вечность мира, говорит, однако и о универсальной первоматерии. Хотя и не решается еще глубже проникнуть в извилистые тропки своих мыслей об этом, но высказывается по этому вопросу весьма неоднозначно. Он рассматривал ее как начало всех осязаемых вещей, и очевидно, имел в виду, что стихии образовались в силу определенной антипатии или отвращения, имевшего место между частями этой материи². Он пришел бы к лучшим философским выводам, если бы видел в этом только симпатию и полное согласие, поскольку мы не замечаем какого-либо противоречия в самих стихиях, несмотря на то, что обычно считается, что огонь противостоит воде. Ошибки можно было бы избежать, если обратить внимание на то, что это мнимое противостояние происходит лишь от направленности их свойств и от различия в subtilности их частей, учитывая, что в огне совсем нет воды.

Фалес, Гераклит, Гесиод считали воду первоматерией всех вещей. Мозес в книге Бытия, похоже, также склонен к этому, т.к. называет эту первоматерию бездной и водой. Он, правда, имеет в виду не ту воду, которую мы пьем, а некий пар, влажные, густые и темные испарения. Они затем более или менее сгущаются в зависимости от более или менее плотных вещей, которые Создателю угодно было из них сотворить. Этот туман, эти огромные пары концентрируются, сгущаются или же разрежаются в универсальную и хаотичную воду, которая тем самым становится первоначалом всего существующего сейчас и в будущем³.

По началу вода эта была летучей, подобно туману, но по мере сгущения превращалась в более или менее неподвижное вещество. Но какой бы ни была эта материя — первоначало всех вещей, она создавалась в слишком густом и слишком темном мраке, чтобы человеческий разум мог ясно разобраться в ней. Ее знает только творец Природы, и напрасно теологи и философы пытаются определить, какой она была.

¹ Изумрудная скрижаль.

² De ortu & interitu, l. 2, c. 1 & 2.

³ Cosmog., tr. 4.

Весьма правдоподобно, однако, что эта мрачная бездна, этот хаос был водянистой или влажной материей, такой, которая больше поддавалась и была больше расположена к тому, чтобы быть смягченной, разреженной, сгущенной и своими свойствами послужить для возведения небес и земли.

Священное Писание называет эту бесформенную массу то просто землей, то водой, хотя она не была ни тем, ни другим, а просто чем-то, исполненным силы. Позволительно предположить, следовательно, что она могла быть подобна дыму или густому, мрачному пару, пребывавшему в оцепенении и без движения, отяжелевшему от некоего холода, в бездействии, пока то же слово, создавшее сей пар, вдохнуло в него живительный дух, ставший как бы видимым и ощутимым благодаря действию, произведенному им.

Отделение верхних вод от нижних, о котором упоминается в книге Бытия, очевидно, произошло в результате некой сублимации наиболее субтильных и наиболее мелких частей, которые обладали этим качеством в меньшей степени. Подобно тому, как при дистилляции пары поднимаются и отделяются от наиболее тяжелых, земных частей, занимая верхнее пространство сосуда, тогда как самые грубые части остаются внизу.

Это действие могло совершиться лишь при помощи светлого духа, который вдохнули в эту массу. Ибо свет — это пламенный дух, который, действуя на этот пар и внутри него, сделал некоторые части более тяжелыми, сгустив их, а они стали непроницаемыми, теснее соединившись друг с другом. Дух этот отогнал их в нижнюю область, где они хранят сумерки, окутывавшие их в первоначальный период. Более крепкие части, становившиеся все однороднее, уравниваясь в своей крепости и чистоте, поднялись и направились в верхнюю часть, а там, будучи менее сгущенными, они дали более свободный проход свету, проявившемуся здесь во всем своем великолепии.

То, что мрачная бездна, хаос или первоматерия мироздания была водянистой и влажной массой, подтверждается, кроме приведенных суждений, и достаточно материальным доказательством, находящимся у нас перед глазами. Вода имеет свойство течь, истекать, пока на нее действует тепло и поддерживает ее в состоянии текучести. Неразрывность тел, связанность их частей обеспечиваются водным началом. Оно связывает элементарные частицы тел, как клей или спайка. Пока это начало от них полностью не отделено они сохраняют прочность своей массы. Но если огонь разогреет эти тела выше градуса, необходимого для сохранения их нынешнего состояния, то он изгоняет, растворяет эту влагу, испаряет ее, и тело превращается в порошок, т.к. связующее, объединявшее его части, пропало.

Теплота — есть способ и инструмент, используемый огнем в этих действиях. С его помощью огонь производит два эффекта, которые кажутся противоположными, но целиком соответствуют законам Природы, и показывают нам, что произошло при упорядочении хаоса. Отделяя самую стойкую и самую влажную часть от земной, тепло разрезает первую и сгущает вторую. Так разделением разнородных — совершается объединение однородных.

В Природе мы действительно видим лишь более или менее сгущенную воду. Пространство между небом и землей заполнено дымом, туманом, парами, исходящими из центра и изнутри земли и поднимающимися над ее поверхностью в ту часть, которую мы называем воздухом. Развитость наших органов чувств не позволяет нам видеть тончайшие пары или выделения небесных тел, называемые влия-

ющими силами, которые смешиваются с парами, выделяемыми подлунными телами. Необходимо, чтобы в помощь нашим слабым глазам раскрылись очи разума.

Тела постоянно выделяют неуловимые испарения, видимо, более проявляющиеся летом. Разогретый воздух превращает воду в пар, перекачивает его, притягивает к себе. Когда лучи солнца устремляются на землю после дождя, мы видим, как она дымится и испускает пары. Пары эти перемещаются в воздухе в виде туманов, когда они не удаляются на большую высоту над поверхностью земли. Но когда они поднимаются до средней области, мы видим, как они движутся туда и сюда в виде облаков. И тогда они превращаются в дождь, снег, град, опадают и возвращаются к своим истокам.

Рабочий чувствует это по напряжению, охватывающему его при тяжелой работе. И даже праздные люди испытывают такое напряжение в сильную жару. Наше тело все время потеет, и это легко доказывают струйки пота, текущие по телу.

Те, кто взял на веру пустые мысли раввинов, полагали, что до этой первоматерии существовало еще более древнее начало, которому они дали весьма неподходящее название *Hyle*. Это было не тело, а скорее огромная тень, не вещь, а скорее очень темное изображение вещи, нечто, что вернее было бы назвать темным фантомом Сущего, черной ночью, хранилищем или центром мрака, существующей невидимо вещью — и это человеческий разум способен вообразить только во сне. Но даже и воображение не могло бы представить нам это иначе, как может слепорожденный представить свет солнца. Эти раввинские сектанты додумались утверждать, что Господь извлек из этого первого начала темную бездну, бесформенную, — как будущая материя элементов мира. Но, в конце концов, все согласно указывает нам на воду как на первоматерию вещей.

Дух Господа, паривший над водами, стал тем орудием, которым верховный зодчий мира воспользовался, чтобы придать форму Универсуму. Он зажег свет, обратил в сущность семена вещей, ранее рассеянных в хаосе, и постоянным изменением коагуляций и растворов Он поддерживает всех индивидов. Распространенный во всей массе, он оживляет каждую из ее частей и непрерывным и тайным трудом сообщает движение каждому индивиду согласно роду и виду, им же определенным. Это, собственно, душа мира, и тот, кто не знает или отрицает это, не знает законов Универсума.

О ПРИРОДЕ

К этому первому движителю или началу создания и изменения присоединился второй, овеществленный, который мы зовем *Природой*. Око Господне, не оставляющее своим вниманием творение свое, есть, собственно, сама Природа, а законы, установленные Им для ее сохранения, суть причины всего, что происходит в Универсуме. Природа, которую мы поименовали выше вторым движителем, есть Природа вторичная, верный служитель, в точности исполняющий указания своего господина¹, или инструмент, ведомый рукой никогда не ошибающегося работника. Эта Природа или вторая причина есть универсальный дух, обладающий живительным и оплодотворяющим свойством света, созданного в начале и переданного всем частям макрокосмоса. Зороастр и Гераклит называли

¹ Космополит. трактат 2.

его пламенным духом, невидимым огнем и душой мира. Именно его имеет в виду Вергилий, когда говорит¹: «С самого начала некий пламенный дух был вдохнут в небо, землю и море, в луну и титановы или земные звезды². Дух этот дает им жизнь и сохраняет их. Душа эта, разлившаяся по всему телу, сообщает движение всей массе и каждой из ее частей. Из нее возникают все виды живых существ, четвероногих, птиц, рыб. Этот пламенный дух есть начало их крепости. Сам он — небесного происхождения, а сообщается им производящим их семенем».

Царящий в Универсуме порядок есть лишь развитие цепочки вечных законов, от которых зависит любое движение различных частей массы. Природа беспрестанно создает, меняет, нарушает, а ее вездесущий руководитель постоянно исправляет нарушения этих строений.

Мир можно разделить на три области: верхнюю, среднюю и нижнюю. Герметические Философы называют первую из них сверхчувственной и говорят, что она духовная, бессмертная или нерушимая. Это — наисовершеннейшая область.

Среднюю область называют небесной. Тут содержатся наименее несовершенные тела и некоторые духи³. Эта, находящаяся посередине область, взаимодействует с нижней и верхней. Она служит как бы средой для объединения этих крайних, а также каналом, по которому нижней области без конца передаются живительные духи, проникающие во все ее части. Эта область переживает лишь периодические изменения.

Нижняя или элементарная область включает в себя все подлунные тела. Она получает от двух других живительные духи только для того, чтобы затем, вернуть их снова им. Вот почему все в ней нарушается, искажается, умирает. Всякому происходящему здесь зарождению предшествует порча, и за каждым рождением следует смерть.

Каждая область подчинена той, что находится выше, но действуют они в согласии. Только Создатель может уничтожить живые существа, ибо он один смог извлечь их из небытия. Законы Природы не допустят, чтобы то, имеющее характер существа или вещества, было предназначено к уничтожению. В связи с этим Гермес говорит⁴, что ничто не умирает в этом мире, но все переходит из одного способа жизни в другой. Всякое смешанное состоит из элементов и растворяется, в конце концов, в этих самых элементах постоянным крутоворащением Природы, как писал Лукреций:

Все из которых творит, умножает, питает природа
И на которые после гибели вновь разлагает.

Лукр., I, 56–57

Итак, с самого начала было два первоначала: одно — светлое, близкое к духовной Природе; другое — телесное и темное. Первое из них есть начало света, движения и теплоты; второе — начало темноты, оцепенения и холода⁵. Первое

¹ Вольная интерпретация I книги «Энеиды». См.: Энеида, I, 740 сл. — *Прим. ред.*

² Т.е. минералы и металлы, называемые планетами.

³ Заметим, что Философы не подразумевают под этими духами нематериальных или ангельских духов, а всего лишь физических духов, таких, как пламенный дух, развившийся в Универсуме. Таковым является и духовный характер их верхней области.

⁴ Поймандр.

⁵ Cosmop. tr. I.

из них есть активное начало мужского рода, второе — пассивное начало женского рода. Первое дает движение для процесса зарождения в нашем элементарном мире; от второго же исходят нарушения, давшие начало смерти.

Всякое движение совершается разрежением и сгущением¹. Теплота, как действие чувствительного или нечувствительного света, обуславливает разрежение, холод же вызывает сжатие или сгущение. Всякое зарождение, вегетация или аккреция происходят лишь двумя этими способами, поскольку именно эти два первых фактора и воздействовали на тела. Свет смог распространиться только благодаря разрежению, а сгущение, служащее причиной плотности тел, может остановить прохождение света и способствовать сохранению тьмы.

Когда Мозес говорит, что Бог создал небо и землю, он, очевидно, имеет в виду два начала — формообразующее и материальное или активное и пассивное, которые мы разъясняли, и он, очевидно, не подразумевал под землей ту бесплодную массу, которая возникла после отделения от нее вод. Земля, о которой говорил Мозес, — это материальное начало всего сущего, включающее в себя земле-водо-воздушный шар. Другая же земля так названа, из-за ее сухости, а такую, чтобы отличать ее от скопления вод: «*& vocavit Deus aridam terram, congregationesque aquarum maris*»².

Воздух, вода и земля образуют одну и ту же материю, более или менее крепкую и утонченную, в зависимости от степени ее разрежения. Воздух, будучи наиболее близким к началу, разрежен и является наиболее тонким; за ним идет вода, а за нею — земля.

Учитывая, что, излагая, таким образом, эти основы физики, я стремлюсь рассказать лишь о том, что может помочь просветить любителей Герметической Философии, но я не стану входить в детали образования звезд и их движения.

О СВЕТЕ И ЕГО ДЕЙСТВИИ

После того, как свет воздействовал на части темной массы, ближе всего соседствовавшие с ним, и разредил их в большей или меньшей степени в зависимости от их удаления, он достиг центра, чтобы оживить его во всем его целом, оплодотворить его, с тем, чтобы он произвел все, что являет нашему взору Универсум. Господу было угодно назначить естественным источником Солнце, хотя в нем Он не собрал весь свет полностью. Очевидно, Господь возжелал сделать солнце единственным светилом, чтобы свет, созданный единым Богом, сотворенный изнутри, передавался Его творениям единым органом, как бы указывая нам на его первоисток.

Этот факел несет свет его всем другим, получающим от него свет и блеск, который они отражают на нас, ибо их плотная материя производит по отношению к нам то же действие, что и гладкая сферическая масса или зеркало, на которое падают лучи Солнца. Нам следует судить о небесных телах, как о Луне, один вид которой говорит нам о крепости, об общем для всех земных тел свойстве улавливать лучи Солнца и образовывать тень, на что способны только непрозрачные тела. Из этого нельзя делать вывод, что звезды и планеты не являются прозрач-

¹ *Becher. Phys. subt.*

² «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями» Быт. 1, 10. — *Прим. ред.*

ными телами, т.к. облака, которые представляют собой только пары да воду, также образуют тень, улавливая солнечные лучи.

Некоторые философы называли Солнце *душой мира* и предполагали, что оно находится посреди вселенной, ибо, будучи в центре, ему легче распространять повсюду свое благотворное влияние. До того, как это влияние достигло земли, она пребывала как бы в состоянии праздности, как самка без самца. Когда же это влияние проникло в нее, она сразу же произвела не просто растения, как раньше, а живые существа — животных всех видов.

Таким образом, стихии стали плодом света. А поскольку все они имеют одно начало, то, как может существовать меж ними (согласно вульгарному мнению) антипатия и противоречие? Ведь именно из их союза образовались все тела во всевозможных видах, а их разнообразие происходит лишь от того количества — большего или меньшего, что каждая стихия дает для образования смешанного.

Первый свет посеял семена вещей в матрицы, соответствовавшие каждой вещи, а свет солнца как бы оплодотворил их и прорастил. Поэтому индивид хранит в себе искру этого света, превратившую семена из силы в действие. Дух живых существ — суть луч этого света, и только душа человека являет сам луч, или как бы внутреннее истечение света. Мог ли Господь — вечный, бесконечный и непостижимый свет — явиться миру иначе, как светом? И можно ли дивиться тому, что Он вдохнул столько красоты и благодати в свой образ, созданный им самим, и в котором Он установил престол свой: *«В солнце поставил свое жилище»*¹.

О ЧЕЛОВЕКЕ

Когда Господь, можно сказать, воплотился путем сотворения мира, он не почитал, что довольно уже сделал прекрасных вещей. Он возжелал отметить их божественной печатью и проявиться в еще большем совершенстве, создав человека. Он сотворил его по своему образу и по образу мира. Он наделил его душой, духом и телом, и из этих трех вещей, соединенных в одном индивиде, он создал человечество.

Он сотворил тело человека из глины, извлеченной им из самой чистой субстанции всех созданных тел. Он сотворил его разум из всего, что было совершенного в природе, и дал ему душу, созданную как бы распространением его самого. Так говорит Гермес².

Тело представляет собой подлунный мир, состоящий из земли и воды, — вот почему оно состоит из сухого и влажного или из костей, плоти и крови.

Дух — гораздо более тонкий — занимает как бы промежуток между душой и телом и служит для их связи, ибо два крайних можно соединить лишь серединой. Именно дух своей пламенной добродетелью животворит и движет тело под водительством души, исполнителем воли которой он является. Восставая иногда против ее наказов, он следует собственным представлениям и наклонностям. Он является небосводом, составляющие части которого бесконечно более неулови-

¹ Пс. 18, 5. [В синодальном. переводе Библии: «Он поставил в них жилище солнцу». — *Прим. ред.*]

² Mens, ô Tat, ex propria Dei est aliqua siquidem est Dei essentia. Qualisquique tamen ille fit, haec ipsum sola absolute novit. Mens itaque ab essentiae Dei habitu non est praecisa. Quin etiam velut diffusa, solis splendoris instar. Haec autem mens in hominibus quidem Deus est: ea de caus homines dii sunt, ac ipsorum humanitas divinitat est confinis. *Pymand. cap. 12.* [См. стр. 35. — *Прим. ред.*]

мы, чем те, что образуют землю и воду. Душа, наконец, есть образ самого Господа и светоч человека.

Тело добывает пищу свою из самой чистой субстанции трех царств Природы, которые последовательно переходят из одного в другое, чтобы закончиться человеком, являющимся их итогом, дополнением и сгустком. Сотворенный из земли и воды, он и питаться может лишь точно также, т.е. водой и землей, и обязательно в них растворится.

Дух питается от универсального духа и от квинтэссенции всего, что его составляет, ибо он создан из этого. Душа же человека поддерживается божественным светом, от которого она и произошла.

Сохранение тела поручено духу. Он обрабатывает грубую пищу, добываемую нами у растений и животных, в лабораториях, образованных внутри тела. Он отделяет в них чистое от нечистого, сохраняет и распределяет в открытых ему сосудах квинтэссенцию, подобную той, из которой создано тело, то ли для увеличения его объема, то ли для его сохранения, а нечистое и неоднородное отторгается и удаляется предназначенными для этой цели путями.

Здесь и находится подлинный архей Природы, расположенный, по мнению ван Гельмонта¹, на выходном отверстии желудка, хотя, как кажется, он не имел о нем четкого представления, т.к. говорил о нем настолько путано, что понять его почти невозможно.

Этот архей есть пламенное начало, начало теплоты, движения и жизни, дающее жизнь телу, сохраняющее его способность быть — существовать столько, сколько того допускают его органы. Он питается подобными себе началами, беспрестанно притягивая их дыханием: вот почему за жизнью следует смерть почти сразу после остановки дыхания.

Тело само по себе есть начало смерти, подобное той бесформенной, холодной и темной массе, из которой Бог сотворил мир. Оно представляет собой темноту. Дух присутствует в этой материи, оживляемой духом Бога, который вначале парил над водами, а затем разлитым им светом вдохнул в массу теплоту, дающую движение и жизнь всей Природе, а также оплодотворяющую силу начала зачатия жизни, дающую каждому индивиду желание и способ умножать свой род.

Посылаемый в матрицу с душой или семенем, он возводит и улучшает жилище, где ему предстоит жить, согласно виду и качеству данных ему материалов, соответственно расположению помещения и особенностям материи. Если материалы будут хорошего качества, построенное из них здание будет прочнее, здоровее и крепче. При плохом качестве материалов тело будет слабее, хуже противостоит вечным напастям, которые ему придется сносить пока оно существует. Если материал поддается более свободному, более разнообразному и более совершенному устройству, дух организует его таким образом, чтобы получить впоследствии возможность действовать в нем с наибольшей свободой и легкостью. В этом случае будущее дитя будет более подвижным, более живым, и дух проявится в действиях жизни с еще большим блеском. Однако, если чего-то будет недоставать, если материал окажется грубым и земным, если этот дух окажется слабым сам по себе, в своей силе и в своем количестве, органы будут иметь изъяны или пороки, дух не сможет в полную силу строить свое вместилище, и

¹ Traité des malad.

дителя будет глупым и тягостным для него. При этом данная ему душа не станет менее совершенной, и поскольку руководитель ее сможет выполнять свои обязанности лишь с трудом по причине встречаемых на каждом шагу препятствий, она не сможет предстать во всем своем великолепии и показать себя такой, какой она есть.

На крестьянскую хижину и даже на дом горшечника не скажешь, что это королевские палаты, пусть даже там и ночевал когда-либо король. Что толку, что у него будут все необходимые качества, чтобы править? Что толку, что его министра слушают, и он способен помогать своему государю? Но если устройство государства плохое, если они нельзя добиться полного подчинения, если тому нет никаких лекарств, государство никак не сможет блистать. Ничто в нем не будет ладиться, вся жизнь его будет лишь теплиться, оно будет двигаться к своей гибели, хотя никто не сможет отрицать существование государя или обвинять его в недостатке славы и величия. Более того, и королю и его министру будут отдавать должную им справедливость.

Мы видим таким образом, почему ум проявляется у детей только в определенном возрасте, и у одних раньше, чем у других; и почему по мере того, как слабеют органы, ум тоже как будто слабеет. «Ибо тленное тело отягощает душу, и эта земная хранина подавляет многозаботливый ум»¹. Органам нужно определенное время, чтобы укрепиться и стать совершеннее. Но, в конце концов, они изнашиваются, приходят в упадок и разрушаются. Какой бы высочайшей степени славы не достигло бы государство, но если оно начинает опускаться, и гибель его неизбежна, то, несмотря на всю свою озабоченность, на все свое политическое умение, король и его министр смогут, в лучшем случае, лишь принимать время от времени какие-то меры, подтверждающие их способности. Но меры эти окажутся недостаточными и не смогут остановить разрушение государства.

Разумному человеку достаточно хоть немного всмотреться в глубь себя, попытаться понять свое строение, и он быстро распознает эти три начала своей человеческой сущности — начала действительно отличные друг от друга, но объединенные в одном индивидууме².

Пусть же так называемые «большие умы», невежественные материалисты, мало привыкшие к серьезным размышлениям, сознательно заглянут в самих себя и проследят шаг за шагом за этой деталью человека. Они быстро обнаружат свое заблуждение и непрочность своих принципов. Они увидят, что по причине своего невежества они путают короля с министром и подданными, душу — с духом и с телом. Они увидят, что государь ответствен и за свои собственные действия, и за действия своего министра, выполняющего приказы государя либо действующего с его согласия и одобрения.

Саломон распознал ошибку материалистов своего времени и сообщает нам, что их рассуждения были столь же безумны, как и рассуждения современных нам³:

Неправо умствующие говорили сами в себе: «коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратит-

¹ Прем. 9, 15.

² Фламель Н. Объясн. фигур, гл. 7.

³ Прем. 2, 1–3; 6, 21–23.

ся в прах и дух рассеется, как жидкий воздух... Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью...» Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их, и они не познали таин Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных. Бог создал человека для *нетления* и соделал его образом вечного бытия Своего.

В этих словах ясно сказано об отличии между духом и душой. Дух — это пламенный пар, искра, огонь, дающий животворную жизнь и движение телу, и растворяющийся в воздухе, когда органы разрушаются. Душа — это начало произвольных и обдуманых действий, которая остается и после разрушения тела и после того, как улетучится дух.

В этой главе мы, следовательно, определили смысл слов того же автора¹: «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех».

Этот пламенный пар, эта частичка света оживляет, следовательно, тело человека и приводит в движение все пружины. Напрасно искать место, в котором душа устроила себе жилище и из которого она отдает свои наказания. Искать следовало бы место нахождения духа, но определить его невозможно. Все части тела оживлены, и он распространен по всем им. И если давление мозговой железки или мозолистого тела останавливает деятельность этого духа, это не означает, что именно в них он и находится. Пружины, которыми пользуется дух для работы машины, доходят до этих органов непосредственно или косвенно. Указанное давление не дает им сработать, и тогда дух, хотя он и распространен по всем органам, больше не может управлять ими.

Малость этого пламенного пара такой величины, что органы чувств могут заметить его не иначе, как в результате его действий. Этот пар орудие Бога и души в человеке, и только в животных следует указаниям и законам, предписанным ему Творцом, чтобы одухотворить их, сообщить им движение согласно их видам. Он — все во всем, он распределяется в человеке и в животных соответственно их органам. Этим объясняется подобие действий очень большого количества действий людей и животных. Бог пользуется им как инструментом, при помощи которого животные видят, ощущают вкус и запах, слышат. Он определил ему руководить их действиями под своим началом. Он распределяет его в каждом из них в зависимости от назначения, которое ему было угодно дать их органам. Отсюда проистекает разница в их характерах и поведенческих особенностях, тем не менее, однообразными у каждого в отдельности, следуют всегда одним и тем же путем, чтобы достичь одной и той же цели, если на пути нет препятствий.

Этот дух, называемый обычно инстинктом, когда речь идет о животных, определенный и наверняка распределенный почти в каждом животном, не является таким же распределенным в человеке, т.к. дух человека есть ступень и квинтэссенция всех духов животных. Поэтому у человека отсутствует какой-то особый, свойственный ему характер, как у каждого животного. Всякая собака отличается верностью, ягненок покорностью, лев смелостью и хитростью, кошка коварством и чувственностью. Человек же есть все это вместе: верность, нескромность, коварство, тревоугодие, трезвость, мягкость, гнев, смелость, робость, храбрость... То, каким он будет в каждый момент своей жизни, решают обстоятельства или здравый

¹ Еккл. 3, 19 сл.

смысл. Но ни в одном животном и никогда мы не увидим того разнообразия, которое мы находим у человека, ибо только он один содержит в себе зачаток всего этого. Он мог бы развиваться в каждом человеке, и человек мог бы превращать его из силы в действие, как животное, всякий раз, когда выпадает случай, если бы дух этот не был подчинен другой субстанции, гораздо выше его собственной. Душа, будучи чисто духовной, держит бразды, направляет его и ведет во всех осмысленных действиях. Но иногда он не дает ей времени на приказ и на управление, а действует сам: приводит в движение пружины тела, и тогда человек совершает чисто животные действия. Это так называемые *первые движения* и действия, совершаемые без обдумывания, когда человек ходит взад и вперед, ест, а голова его при этом занята каким-нибудь серьезным делом, полностью поглощающим его.

Животное всегда безошибочно подчиняется своей природной склонности, ибо стремится единственно к сохранению своего смертного и преходящего существа, в котором пребывает все его счастье и блаженство. Напротив, человек не всегда следует этому направлению, ибо хотя и стремится сохранить все, что в нем есть смертного, он ощущает также и иную склонность, побуждающую его трудиться во благо его бессмертной части, которой он убежденно отдает предпочтение.

Итак, Господь создал человека по своему подобию и образовал его как собрание всех своих творений и самое совершенное из телесных существ. Его обоснованно называют *Микрокосмом*. Он — центр, в котором завершение всего: он содержит в себе квинтэссенцию всего Универсума. Он представляет собой свойства и качества всех индивидов. Он обладает неподвижностью металлов и минералов, способностью произрастания растений, способностью животных чувствовать и ощущать, а, кроме того, — разумной и бессмертной душой. Создатель поместил в него, как в ящик Пандоры, все способности и качества высших и низших вещей. Он завершил свое творение, создав человека, потому что сначала нужно было создать Универсум во всю величину, а затем уже ее слепок. А поскольку Всевышний, не имеющий начала, был все-таки началом всего, он решил скрепить свое творение печатью в виде индивида, который, хотя и может быть без начала, был бы, по крайней мере, без конца, как и он сам.

Потому человек не должен бесчестить модель, образом которой является. Он обязан думать о том, что был создан не для того, чтобы жить только согласно своей животности, но также и согласно своей человечности. Он может пить, есть, но он должен молиться, умерять свои страсти, трудиться ради вечной жизни, — этим он отличается от животных и собственно это и делает его человеком.

Тело человека подвержено порче и полному растворению, как и другие смешанные. Действие тепла совершает эти изменения в состоянии всех подлунных индивидов, т.к. поскольку их масса состоит из более грубых, менее чистых, менее связанных и более неоднородных между собой частей, чем звезды или планеты, она в большей степени ощущает на себе действие разрежения.

Нарушения в развитии человека — суть настоящая порча, совершающаяся постепенно и также постепенно располагающая к новому зарождению или к новому способу жизни, ибо гармония Универсума заключается в разнообразной и ступенчатой информации о составляющей ее материи.

Такие изменения формы случаются только с телами этого низшего мира. Причина этого, как считали многие, заключается не в противоречии или в про-

тивостоянии свойств материи, а собственно в темной и слишком пассивной сущности. Она не может придать сама себе какую-то постоянную форму, а потому вынуждена принимать различные и преходящие формы начала ею движущего, в постоянном соответствии с предназначением, которое Богу было угодно определить родам и видам.

Чтобы восполнить этот первозданный недостаток материи, из которой было образовано само тело человека, Бог поместил Адама в земной рай, дабы он мог побороть и победить эту недейственность, вкусив от плода древа жизни, которого он был лишен в наказание за неповиновение. И так он осужден на судьбу других индивидов, не облагодетельствованных Богом таким способом.

Первая материя, из которой все было создано, субстанция, служащая основой для всех смешанных, была, очевидно, после того как получила форму света, настолько растворена и соединена с ними, что отделить ее от них не удалось, не разрушив их. Природа оставила нам образец этой неясной и бесформенной массы в виде ничего не смачивающей сухой воды, которая появляется из гор или выделяется из каких-либо озер, пропитанная семенами вещей и испаряющаяся от малейшего тепла. Это та сухая вода, которая является основой философского камня, по мнению всех философов. Тот, кто смог бы соединить эту совершенно летучую материю с ее мужским соответствием, извлечь из нее элементы и философским путем разделить их, тот смог бы гордиться, по словам д'Эспанье¹ тем, что владеет драгоценнейшей тайной Природы и, если хотите, грустком сущности небес.

О СТИХИЯХ

Итак, с самого начала Природа использовала всего лишь два простых принципа, из которых было образовано все сущее, а именно пассивную первоматерию и серебристый свет, придавшее ей форму. От их взаимодействия появились стихии — как вторичные начала, из смешения которых образовалась вторичная материя, подверженная всем превратностям — зачатия и порчи.

Ошибочно думать, будто при помощи Химического искусства можно добыть и совершенно отделить простые и отличные друг от друга элементы. Человеческий разум их даже не знает. К тому же те, что вульгарный химик называет элементами, фактически вовсе не являются ни простыми, ни однородными. Они настолько смешаны и слиты воедино, что их невозможно разделить.

Чувствительные тела земли, воды, воздуха, которые действительно различаются, не являются теми первыми и простыми стихиями, которые Природа употребляет в различных проявлениях зачатия. Они, скорее всего, лишь матрица для других. Простые стихии неощутимы и неуловимы до тех пор, пока от их соединения не образуется плотная материя, которую мы именуем телом, и к которой в качестве составных частей присоединяются грубые элементы.

Ведь в пустоте находясь, и витая по ней, неизбежно
первоначала вещей уносятся собственным весом
или толчками других.

О природе вещей, II, 83-85

¹ Enchirid. Phys. restit. can. 49.

Стихии, образующие наш земной шар, слишком грубы, нечисты и поэтому непригодны для совершенного размножения. Отсюда, химик и физик неправы, приписывая им свойства настоящих стихий-начал. Одни из них образуют как бы душу смешанных, другие — всего лишь их тело. Искусство творения не имеет дела с первыми, и напрасны были бы попытки довести смешанные до их совершенного состояния: это может сделать только Природа.

Исходя из этих принципов, древние философы делили стихии только на три вида, и считали, что Универсумом правят три брата — дети Сатурна, — которого они называли сыном неба и земли. Если верить Диодору Сицилийскому, то египтяне, у которых древние греческие философы почерпнули свою философию, считали, что Вулкан отец Сатурна. В этом, несомненно, заключается причина, по которой они не относили огонь к стихиям. Но поскольку они предполагали, что источник огня Природы — первоначала элементарного огня — находится в небесах, они решили, что правит им Юпитер. В качестве скипетра и отличительного знака они наделили его трехлучевой молнией, а в супруги определили ему его сестру Юнону, которая, по их мнению, главенствовала над воздухом. Нептун правил морем, а Плутон подземным миром. Эти идеи философов были восприняты поэтами.

Заметим, что философы, прекрасно знавшие Природу, сочли целесообразным разделить ее только на три сферы, т.к. они были убеждены, что области, отделяющие нижнюю часть воздуха от верхней, не являются достаточным основанием, чтобы по-настоящему признать это разделение. Они видели здесь лишь разницу между сухим и влажным, между горячим и холодным, объединенными вместе. И по этой причине они рассматривали оба состояния в одном и том же элементе.

У каждого из трех братьев был трезубый скипетр — знак его владычества, служивший также и для того, чтобы показать, что каждая стихия, как мы ее видим, составлена из трех. Они были действительно братья, ибо вышли из одного начала, дети неба и земли, т.е. одухотворенной первоматерии, из которой и было все создано.

Плутон есть бог богатства и хозяин подземного мира, т.к. земля является источником богатств, и ничто так не терзает людей, как жажда богатства и честолюбие.

С такой же легкостью можно подогнать конец этого мира к физике. Многие авторы упражнялись в этом предмете, пытаясь доказать, что древние выдумывали мифы лишь для познания. Герметические философы, считающие себя подлинными учениками и подражателями Природы, использовали эти принципы по двойному назначению, рассматривая, как-бы в зеркальном отображении действия Природы в своих приемах работы и делании философского камня. Они не делали отличия между началами и одинаково объясняли их. Исходя из этого, они сравнивали все, что происходит в камне, с постепенным развитием создания Универсума, пользуясь некоей аналогией, якобы подмеченной ими.

Стоит ли удивляться тому, что предметом всех их представлений стали эти две вещи? Если над всем этим поразмыслить, то мы вряд ли находили бы столько курьезного в их мифах. Персонафикацией всего они стремились сделать свои мысли более доходчивыми. Следует признать, что нелепые и порочные деяния, приписывавшиеся ими тем мнимым богам, являлись лишь действиями Природы,

которые она совершает ежедневно, и на которые мы не обращаем внимания. В своем желании изъясняться только аллегориями, могли ли они предположить, что вещи сотворены иначе и другими творцами? Только нашим невежеством в физике можно объяснить нашу глупость — подсмеиваться над ними, считая их смехотворными, что они вполне могли бы сделать в отношении нас самих, вернуться они на землю, чтобы объясниться по принятым в нынешнем веке правилам.

Анализ смешанных дает нам лишь сухое и влажное, из чего должно заключить, что тела состоят только из двух чувствительных стихий — земли и воды. Однако этот же опыт показывает нам, что в них сокрыты и две другие стихии. Воздух слишком subtilen, чтобы предстать нашим глазам, поэтому о его существовании нам говорят единственно слух и осязание. Что же касается огня Природы, то проявить его при работе можно только действием, которое он производит.

О ЗЕМЛЕ

Земля по своей природе холодна, ибо в ней больше непроницаемой и темной первоматерии. По этой причине тело ее более тяжелое и более плотное, а плотность эта делает ее менее проникаемой для света, являющегося началом теплоты. Земля была создана среди вод, с которыми она всегда смешана. Очевидно, Создатель сделал поверхность ее достаточно теплой, чтобы она была пригодной для нахождения на ней растений и животных.

Создатель сделал землю губчатой, чтобы облегчить доступ в нее воздуха, воды и огня и, чтобы внутренний огонь, помещенный в нее духом Господа до сотворения Солнца¹, мог направлять от центра к поверхности, по порам, благотворное воздействие стихий. Таким образом, выделяются те влажные пары, которые портят семена вещей легким гниением и подготавливают их к разрушению. Подготовленные таким образом семена затем получают небесное живительное тепло и даже притягивают его к себе магнетической силой любви. Зачаток развивается, и семя производит свой плод.

Теплота, находящаяся внутри земли, способна только на порчу. Влажность ослабляет ее, и она ничего бы не смогла произвести, если не было бы небесной теплоты — чистой и без примеси, которая ведет к зачатию жизни, вызывая к действию внутреннюю теплоту, развивая ее, расширяя и, так сказать, вытягивая из центра семян, где она как бы оцепенела и укрылась. Два эти вида теплоты, в силу своей однородности, совместно способствуют появлению и сохранению смешанных.

Холод в любом виде противоречит зарождению. И если у какой-либо материи именно такой характер, она становится пассивной и способна на зачатие лишь при наличии помощи и поддержки извне. Творец Природы определил, чтобы земля была матрицей смешанных, поэтому постоянно ее подогревает теплом небесных и центрального огня. К этому присоединяется влажный характер воды с тем, чтобы, воспользовавшись помощью двух начал зарождения — теплого и влажного, земля не была бы бесплодной, а стала сосудом, в котором происходят все зарождения². По этой причине говорят, что земля содержит другие элементы.

¹ Космополит, трактат 4.

² Космополит, *ibid.*

Ее можно разделить на землю чистую и землю нечистую. Первая служит основой всех смешанных и производит все посредством смешивания воды и действия огня. Вторая же является как бы одеянием первой: она является составной частью индивидов. Чистая земля одухотворена огнем, живящим смешанных, и сохраняет их в способе их существования, пока холод нечистой земли не возобладает над ней, или пока этот холод не станет слишком активным и терзаемым искусственным и стихийным братоубийственным огнем. То, что в земле есть видимым — неподвижно, то же, что невидимо — является летучим.

О ВОДЕ

Характер плотности воды таков, что она находится посередине между плотностью воздуха и земли. Вода есть истечение Природы и носитель семени. Это — летучее тело, стремящееся избежать воздействия огня и выделяющееся в виде пара при малейшем тепле. Она может принимать любые формы и изменяться лучше Протея. Вода — это как ртуть, принимающая свойства то земельно-водного, то водно-воздушного тела, притягивающая к себе или стремящаяся добыть качества вышних и низших вещей. Таким образом, она становится посланником богов и их посредником; именно с ее помощью осуществляется связь между небом и землей.

В воде находится маслянистая мокрота, о чем пишет в своих наблюдениях Эллер¹. Для растительной жизни — говорит он, — она может быть хорошо очищенной, и свободной от всех неоднородных частей (так пишут и вульгарные химики). Она дает землю — основу крепости растений, и она даже распространяет в ней ту воспламеняющуюся, маслянистую или смолистую часть, которую мы в ней находим.

Если взять землю, очистить и высушить ее огнем, далее убедиться, что в ней нет никаких семян растений, а затем поместить на открытом воздухе в сосуд и поливать дождевой водой, то земля эта произведет множество маленьких растений, и это доказывает, что вода переносит семя.

Поскольку вода по своему характеру ближе к природе первоматерии мира, то она легко становится ее отражением. Хаос, из которого все произошло, представлял собой нечто вроде пара или влажной субстанции, похожей на тонкий дым. Когда свет разрешил ее, из наиболее истонченной части образовались небеса; из менее истонченной образовался воздух. Но из той, которая была несколько грубее, образовалась элементарная вода, а из наиболее плотной, как из осадка, образовалась земля². Итак, обладая природными свойствами и воздуха, и земли, вода располагается между ними. Она легче земли и тяжелее воздуха и постоянно смешана то с тем, то с другим. При малейшем разрежении она, очевидно, покидает землю и принимает свойства воздуха; при малейшем же холоде она сгущается, покидает воздух и соединяется с землей.

Природное свойство воды скорее влажное, нежели холодное, т.к. она более разрежена и более открыта свету, чем земля. Вода сохранила влажность первоматерии хаоса, земля же оставила себе ее холод.

¹ Mem. de l'Acad. de Berlin.

² Lullius R. Testam. Anc. Théor.

Неизменность является следствием и холода, и тепла, а влажное есть главный объект воздействия тепла и холода. Сильный холод сгущает, осушает влажное, и мы видим это на примере снега, льда, града; этим же вызывается и опадание листьев осенью. С усилением холода приходит зима, влажное сгущается в растениях, поры сжимаются, стебель становится слабым из-за недостатка питания, и наконец растения высыхают. Если зима сурова, то она доносит неподвижность до самых корней, поражает жизненное влажное, и растения погибают. Как можно говорить после этого, что холод — свойство воды, если он ее враг, а Природа не терпит, чтобы какой-то элемент воздействовал на самое себя? Нам представляется, что более правильно высказываются те, говорящие, что холод сжигает растения. Холод и жар одинаково обжигают, но каждый по-своему: тепло расширяет, а холод сжимает части смешанного.

То видимое, что нам являет вода, — летучее; внутреннее же ее содержимое неподвижно. Воздух умеряет ее влажность. То, что воздух получает от огня, он передает воде, а вода — земле.

Эту стихию можно разделить на три составляющие: чистое, самое чистое и чистейшее¹. Из последнего были сделаны небеса, из самого чистого — воздух, а просто чистое осталось в сфере. Это обычная вода, образующая с землей один шар. Две эти объединенные стихии совершают все, т.к. содержат обе других. Из их союза возникает ил, который использует Природа для создания всех тел. Этот ил есть ближняя материя всех видов зарождения. Это своего рода хаос, в котором стихии как бы смешаны друг с другом. Наш праотец был слеплен из глины, так же, как и все последовавшие за этим поколения. Из спермы и *menstruum* образуется ил, а из нее — живое существо.

В растительном мире семена сначала гниют и превращаются в суспезь, прежде чем прорасти. Эта суспезь затем уплотняется, укрепляется и становится растительным телом. При зарождении металлов сера и ртуть растворяются в вязкую воду, которая является настоящей суспезью. В процессе варки вода эта сгущается, более или менее фиксируется, и в результате образуются металлы или минералы. При работе над философским камнем сначала получают суспезь из двух субстанций или начал, которые предварительно тщательно очищают. Поскольку тут присутствуют все четыре стихии, то огонь удерживает землю от погружения и от полного растворения, воздух же поддерживает огонь, вода оберегает землю от резкого воздействия огня... И вот так, согласнo действуя друг на друга, они производят некое гармоничное целое, образующее то, что называют философским камнем или Микрокосмосом.

О ВОЗДУХЕ

Воздух легкий и невидимый, но он содержит вещество, способное овеиваться и становиться неподвижным. Природа его образует нечто среднее между тем, что выше и что ниже него, и потому он легко воспринимает свойства своих соседей. Отсюда происходят изменения, как холода, так и тепла, которые мы наблюдаем в нижней области.

¹ *Cosmopol. de l'eau.*

Воздух есть вместилище семян всего, сито Природы, через которое нам передаются добрые качества и влияния других тел. Он проникает сквозь все и во все. Это очень тонкий дым, собственно предмет света и тьмы, дня и ночи; всегда действительно прозрачное тело, более всех восприимчивое к свойствам других и легче других освобождающееся от них. Философы называют его духом, когда речь идет об их камне. Он содержит в себе жизненные духи всех тел, он — пища огня, растений и животных, погибающих, когда его у них отнимают. Ничто в мире не могло бы родиться без его проникающей и нарушающей силы, и ничто не может противостоять его разрежению.

Верхняя область воздуха, соседствующая с луной, является чистой, хотя и не пламенной, как этому издавна учили в школах, основываясь на утверждении кое-кого из древних. Его чистота не оскверняется ни единым испарением, поднимающимся из нижней области.

В среднюю область поступают самые тонкие сернистые испарения, освободившиеся от грубых паров. Здесь они блуждают, и время от времени воспаляются от движения и от взаимных столкновений. Мы видим тут различные метеоры.

В нижней области скапливаются и поднимаются пары земли. Они сгущаются здесь холодом и опадают под собственным весом. Таким образом Природа очищает воду и делает ее способной к совершению зачатий. Вот почему различают верхние и нижние воды. Нижние — примыкают к земле, опираются на нее, как на основание, и образуют единую сферу. Верхние — занимают нижнюю область воздуха, куда они поднялись в виде паров и облаков и где они блуждают по воле ветров. Воздух постоянно наполнен ими, однако они являются нашему взгляду лишь частично, когда сгущаются в туман. Это — продолжение творения. Господь отделил воды небосвода от тех, что находились внизу. Не приходится удивляться, следовательно, что все эти собранные вместе воды смогли покрыть всю поверхность земли и привести к всемирному потопу, т.к. они покрывали ее еще до того, как Бог отделил их от нее. Эти влажные массы, летающие над нашими головами, являются как бы путешественниками, собирающими богатства всех стран, а затем одаривающими ими свою родину.

ОБ ОГНЕ

Некоторые из древних помещали огонь, как четвертую стихию в самую высокую область воздуха, т.к. считали его самым легким и самым тонким. Однако огонь Природы вовсе не отличается от огня небесного, и потому-то Моисей совсем не упоминает о нем в книге Бытия, ибо он говорит, что свет был создан в первый день.

Огонь, которым обычно пользуются, является отчасти природным и отчасти искусственным. Создатель взял у солнца пламенный дух, начало движения и мягкого тепла, такого, какое требуется Природе для ее действий. Он передает его всем телам, возбуждая и раздувая их врожденный огонь, и сохраняет начало зарождения и жизни. Каждый индивид в большей или в меньшей степени участвует в этом. Тот, кто ищет в Природе иную стихию огня, не знает, что такое Солнце и свет.

Он пребывает во влажном начале как в предназначенном для него вместилище. У животных он, очевидно, обосновался в сердце, а оно передает его всем другим частям подобно тому, как Солнце передает его всему Универсуму.

Его первой действующей силой является огонь Природы. Он силу семени превращает в реализующее действие. Стоит ему прекратить свое действие, как прекращается всякое видимое движение и всякое жизненное действие. Первоначалом движения есть свет, а движение есть причина теплоты. Вот почему такое сильное воздействие на тела производит отсутствие Солнца и света. Теплота проникает внутрь самых непрозрачных и твердых тел и оживляет их скрытую и дремлющую природу. Свет же проникает только в прозрачные тела и проявляет существенные изменения смешанных. Итак, Солнце выступает первой природной и универсальной силой.

Исходящий от солнца свет попадает как на небесные, так и на земные плотные тела, приводит в движение их свойства, движет их, отражается ими и разливает их в высшем и в низшем воздухе. Поскольку воздух имеет склонность смешиваться с водой и с землей, он становится переносчиком этих же способностей, сообщая их телам, образованным из них или могущих воспринять их благодаря имеющейся у них с ним аналогии. Именно эти способности и называют *инфлюенциями*. Многие физики отрицают их существование, т.к. не знают их.

Огонь бывает трех видов: небесный, земной (или центральный) и искусственный. Первый из них как начало двух других подразделяется на огонь универсальный и огонь индивидуальный. Универсальный огонь, распространенный повсюду, пробуждает и приводит в движение свойства тел. Он согревает и содействует семенам, посеянным в наш земной шар, служащий им матрицей. Он развивает индивидуальный огонь, смешивает стихии и придает форму материи.

Индивидуальный огонь — прирожденный. Он помещается в каждое смешанное с семенем. Действует он лишь тогда, когда побужден, и тогда он совершает в части Универсума то, что отец его — Солнце — совершает во всем.

Везде, где есть зачатие, обязательно есть огонь — как действенная причина. Древние рассуждали о нем так же, как и мы¹. Удивительно, однако, что они допустили противоречие и противоположность между огнем и водой, но не может быть воды без огня, и действуют они всегда согласно в зарождении индивидов.

Всякое сколько-нибудь ясно видящее око должно, напротив, заметить некую любовь, симпатию, служащую для сохранения Универсума, являющуюся как-бы кубом Природы, самой крепкой связью для объединения элементов, высших вещей с низшими. Сама эта любовь является, так сказать, тем, что следовало бы именовать Природой, министром Создателя, использующим стихии для выполнения Его воли соответственно указанным им законам. Все в мире совершается мирно и согласно, а, значит, не может быть следствием ненависти и противоречия. Природа не была бы так похожа на саму себя при сотворении индивидов одного вида, если бы все в ней не совершалось в согласии. Тогда бы из разнородного семени отцов, пребывающих в вечной вражде, выходили бы только чудища

¹ Душ семени рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.

без конца бьющиеся друг с другом. Разве могли бы движимые ненавистью и противоборством животные размножать свой вид? Будем же судить и о других действиях Природы исходя из этого: законы ее просты и однообразны.

Философия должна, следовательно, перестать приписывать мнимым противоречиям между элементами изменение, порчу, пассивность, распад смешанных. Противоречия эти заключаются в недостатках и слабостях, свойственных первоначальной материи, ибо в хаосе *холодное одолевает тепло, влага сухость*. Все в нем было холодным и влажным, а именно эти качества подходят материнской материи. Горячее и сухое — мужские и определенные качества — пришли к ней от света, и от него же она получила форму. Поэтому землю только после схода вод называли *засушливой* или сухой.

Мы постоянно видим, как форму всему дают горячее и сухое. Горшечнику ни за что не удастся слепить сосуд, если сухость не придаст земле определенную степень связности и крепости. Если земля слишком увлажнена, слишком мягка, то это — грязь, ил без какой-либо определенной формы.

Таким был хаос, пока жар и свет не разрешили его и не выпарили часть влаги. Части его сблизилась, суспезь хаоса стала землей, — и с такой консистенцией, которая способна служить материей для создания всех смешанных в Природе.

Горячее и сухое являются, следовательно, лишь второстепенными качествами первоматерии, и она получила их только, когда приобрела свою форму¹. Поэтому в книге Бытия не говорится, что Бог нашел хаос *очень хорошим*, как это говорится о свете и о других вещах. Бездна обрела какую-то степень совершенства только, когда Бог начал творить. Ее же уделом были смешение, бесформенность, непроницаемая плотность, холод, неудобоваримая влажность, бессилие — качества, указывающие на немощное, больное, склонное к разложению тело. Он сохранил нечто от этой первородной и первоначальной вещи и инфицировал этим все вышедшие из него тела, которые должны были быть помещены в нижнюю область. Вот почему все смешанные пребывают там в преходящем состоянии с точки зрения их индивидуальной и особой формы.

Сколь бы противоположными ни казались свет и мрак, но с тех пор, как они способствовали, первый в качестве действующей, а второй в качестве пассивной силы, сотворению Универсума, в этом их совместном действии они заключили меж собой почти нерушимый мир, перешедший в гомогенную семью стихий. Отсюда последовало мирное зачатие всех индивидов. Природа любит сочетание и делает все в пропорции, по весу и по мере, а не в противоречии.

...Тот, кто диктует и меру, и вкус, и закон нашей речи.

Наука поэзии, 72

Каждому элементу свойственно одно из качеств, о которых мы говорим: горячее, сухое, холодное и влажное, по сути, четыре колеса, используемые Природой для производства медленного, постепенного и кругового движения, которое она вносит в создание всех своих творений.

Огонь — ее универсальный действующий агент, начало стихийного огня, питающегося всеми жирными веществами, ибо все жирное имеет влажный и воздушный характер. И хотя оно может показаться внешне сухим, как, напри-

¹ Быт. 1.

мер, сера, порох и т.п., опыт доказывает нам, что за этим внешним видом скрывается влажное жирное, маслянистое, растворяющееся от тепла.

Те, кто считали, что в воздухе образуются такие твердые тела, как молниеобразные камни, ошибались, когда рассматривали их, как чисто земные тела. Их материя относится к грубой стихии воды: жирное, вязкое выделение, помещенное в облака, как в печь, сгущается там, смешиваясь с сернистыми испарениями, которые, будучи горючими, легко воспламеняются. Находящийся там же и слишком сжатый от сгущения воздух разрежается от тепла и производит такое же действие, что и порох в бомбе: сосуд разрывается, огонь распространяется в воздухе, благодаря движению освобождается от своих уз и вызывает образование света и громкого звука, часто удивляющего самых бесстрашных людей.

Свойства нашего искусственного обычного огня совершенно противоположны характеру огня Природы, хотя он и является ему отцом. Он враг всякого зарождения и живет только разрушением тел. Он питается только тем, что награбит, обращает все в пепел и разрушает все, что создает огонь Природы. Это — отцеубийца, самый главный враг Природы, и если бы люди не возводили на его пути препятствия, он опустошил бы все. Стоит ли суфлерам удивляться, что все гибнет в его объятиях: их добро и здоровье улетучиваются с дымом, а взамен остается ничтожный пепел.

Вопреки тому, что утверждает Потт, вовсе не Сталь первым высказал разумные и связанные мысли о субстанции огня, находящегося в теле, однако он первым назвал его *флогистонам*. Выше мы уже показали, как к этому относятся Герметические Философы. Достаточно раскрыть их книги, чтобы убедиться, что они прекрасно знали эту силу Природы, и Потт ошибался, утверждая, что авторы, предшествовавшие Сталю, высказывались неясно и абсолютно терялись в бесчисленных противоречиях. Возможно, он имеет в виду лишь вульгарных химиков и физиков, но в таком случае он должен был бы сделать исключение для герметических химиков. Их он, несомненно, читал и с ними, по крайней мере, столь часто соглашается в своем Трактате об огне и свете, напечатанном вместе с французским переводом его *Литогеогносии*. Сталь изучал их очень внимательно и доказывает это не только своими рассуждениями, как и они об этой материи, но и большим числом цитат, включенных им в его трактат «*Fundamenta Chemiae dogmaticae & experimentalis*». В нем он называет ртуть *сухой водой*, т.е. так же, как и герметические Философы. Он различает вульгарных и Герметических Химиков (часть I, стр. 124), называя первых *Physici communes*, а вторых — *Chymici alii*. На стр. 2 этого же труда он пишет, что Исаак Голланд, Арнольд из Виллановы, Раймунд Луллий, Василий Валентин, Тритемий, Парацельс и др. заслужили похвалу в Химическом Искусстве.

Не попирая, подобно многим другим, и не отбрасывая как неправильное то, что пишут эти авторы, сей ученый муж довольствуется тем, что говорит и указывает (стр. 183) на то, что они изъяснялись загадками, аллегориями и т.д., чтобы скрыть свои тайны от людей, приводя противоречия, лишь чтобы обмануть невежественных читателей. Еще далее он говорит об этом на стр. 219, называя Герметических Химиков *Философами*. Вслед за этим великим человеком можно использовать это название. Мы вернемся еще к Потту, когда будем касаться света и его действия.

Близость воды и земли приводит к тому, что они почти всегда перемешаны. Вода растворяет землю, а земля сгущает воду, в результате чего образуется ил. Ес-

ли подвергнуть эту смесь действию сильного тепла, то каждый видимый элемент возвращается в свою сферу, а форма тела разрушается.

Находясь между землей и воздухом, вода является собственно причиной пертурбаций, беспорядка, путаницы, волнения и расстройств, наблюдаемых в воздухе и земле. Она наполняет воздух черными и вредными парами, она затопляет землю. Она несет разрушение в воздух и в землю. Своим изобилием или своей скудостью изменяет порядок времен года Природы, принося столько же зла, сколько и блага.

Некоторые из древних говорили, что солнце главенствует над огнем, а луна над водой, т.к. рассматривали солнце как источник огня Природы, а Луну как начало влажного. Отсюда Гиппократ¹ сделал вывод, что стихии огня и воды могут делать все, потому что содержат в себе все.

О ДЕЙСТВИЯХ ПРИРОДЫ

Сублимация, осаждение и варка представляют три инструмента или способа, используемые Природой для завершения ее творений. Первым она удаляет лишнюю влагу, которая задушила бы огонь, и воспрепятствовала бы его действию в земле-матрице. Осаждением Природа возвращает земле влагу, которой ее лишили растения или огонь.

Сублимация происходит путем подъема паров в воздух, где они стужаются в облака. Осаждение происходит в виде дождя и росы. За дождем следует хорошая погода, а за тем — дождь. Если бы дождь шел беспрестанно, он затопил бы все, а если бы постоянно была хорошая погода, то все бы высохло. Дождь выпадает в виде капель, т.к. если бы он лился потоком, то все уничтожил бы, подобно садовнику, поливающему семена ведрами воды. И таким образом Природа распределяет свои блага взвешенно, размеренно и пропорционально.

Варка — это дигерирование сырой влаги, дистиллированной в матке земли, созревание, превращение этой влаги в питательный продукт при помощи ее скрытого огня.

Все эти три действия настолько связаны меж собой, что конец одного становится началом другого. Цель сублимации заключается в том, чтобы превратить тяжелую вещь в легкую, выделения — в пары, очистить грязное и нечистое тело и освободить его от испражнений; придать этим парам качества и свойства высших вещей и, наконец, освободить землю от лишней влаги, препятствующей зачатию.

Как только эти пары сублимированы, они конденсируются в дождь, мгновенно превращаясь из невидимых и парообразных в плотное водянистое тело, чтобы выпасть на землю и пропитать ее небесным нектаром, которым оно насытилось, пребывая в вышине. Земля принимает его, и Природа тотчас приступает к его дигерированию и варке.

Любое животное, до простейшего червяка, представляет собой маленький мир, в котором совершаются все вещи. Человек, ищущий мир вне самого себя, найдет его повсюду. Создатель сотворил их бесконечное множество из одной и той же материи, и отличаются они только формой. Поэтому человеку надлежит быть смиренным, а вся слава принадлежит единственно Богу.

¹ Lib. I^o. de Dietetâ.

Вода содержит в себе некий фермент, живительный дух, стекающий с горных вершин на долины, которым вода пропиталась, когда блуждала в высях и который затем превносит в лоно земли. Фермент этот есть семя жизни, без которого не будет жизни и зарождения ни человека, ни животных, ни растений. Все в Природе дышит, и человек живет не единым хлебом, но и этим воздушным духом, который он постоянно вдыхает.

Только Бог и его подмастерье — Природа умеют подчинять себе материальные элементы — первоначала тел. Искусству не дано овладеть этой способностью, хотя три первоначала, получаемые из него, становятся действенными в растворе — смешанных. Химики называют их серой, солью и ртутием. Это элементы от первоначал. Ртуть образуется смешением воды и земли; сера — смешением земли и воздуха; соль — смешением сгущенных воздуха и воды. Огонь Природы присоединяется к ним как формирующее начало. Ртуть состоит из жирной вязкой земли и прозрачной воды. Сера состоит из очень сухой, очень летучей земли, смешанной с влажностью воздуха. Наконец, соль состоит из грубого связующего и из сырого, спутанного в нем воздуха. См. *«Подземную физику» Бехера*.

Демокрит сказал, что все смешанные состоят из атомов, и это предположение вовсе не кажется далеким от истины, когда вникнешь в то, что внушает нам разум и что доказывает опыт. Этот философ, как и другие, скрыл своей темной манерой изъясняться подлинную смесь стихий, которая, исходя из действий Природы, должна образовываться незаметно или, как говорят: *при помощи наименьшего, и действием неделимых частичек*. Без этого части не образуют неразрывного целого. Смешанные растворяются в очень тонкий пар искусственной дистилляцией, и отсюда, не является ли Природа гораздо более умелым работником, чем самый опытный человек? Это все, что хотел сказать Демокрит.

ОБ ОБЩЕМ СПОСОБЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ СМЕШАНЫХ

Мы отмечаем три способа бытия¹, образующие три рода или три класса, именуемые *царствами*: животное, растительное и минеральное. Минералы закладываются только в земле; растения уходят в землю корнями, но их стебель пребывает в воде и в воздухе; животные рождаются в воздухе, в воде и в земле, и для всех воздух есть начало жизни.

Как бы ни отличались смешанные по своей внешней форме, они не отличаются друг от друга по началам²; основой всех их служат земля и вода, а воздух входит в их состав подобно как инструмент, так же, как и огонь. Свет воздействует на воздух, воздух на воду, вода на землю. Вода часто становится инструментом смешивания в творениях ремесел, но смесь эта всего лишь поверхностна, как мы видим это на примере хлеба, кирпича и т.д. Есть еще и другое тесное смешение, которое Бехер именует *центральным*³. Именно с его помощью вода настолько смешана с землей, что их нельзя разъединить, не нарушив форму смешанного. Мы не будем вдаваться в детали различных степеней этой связи, чтобы не удлинять сей труд. Все это можно прочесть в цитируемом выше произведении.

¹ *Cosmop. Nov. Lum. Chem. Tr.* 7.

² Космополит, трактат 2.

³ *Phys. Sub. Sect.* 1. C. 4.

О НАХОДИМЫХ МНОЮ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ТРЕМЯ ЦАРСТВАМИ ПРИРОДЫ

Минеральное царство

О минералах принято говорить, что они существуют, а не живут, как это говорят о животных или растениях, хотя можно сказать, что металлы определенным образом получают жизнь от минералов. С одной стороны потому, что при их зачатии происходит как бы соитие мужского и женского под именами серы и ртути, которые в результате ферментации, циркуляции и продолжительной варки очищаются при помощи природной соли, спекаются и образуют, в конце концов, массу, называемую металлом. С другой стороны, потому что совершенные металлы содержат жизненное начало или врожденный огонь, который, оказавшись как бы без сил и без движения под твердой, укрывающей его корой, спрятан под ней, подобно сокровищу, вплоть до того момента, когда, высвободившись посредством философского растворения из-под этой коры, он развивается и выделяется растительным движением. И так до наивысшей степени совершенства, что дает ему только Искусство.

Растительное царство

В растениях вдыхает жизнь некая душа или растительный дух, сила которого дает им рост и размножение, однако они не могут чувствовать и двигаться, как животные. Их семя гермафродитно, хотя натуралисты и обнаружили оба пола почти во всех растениях. Растительный не подверженный порче дух развивается при ферментации и гниении семени. Когда зерно гниет в земле, не прорастая, дух этот возвращается в свою сферу.

Животное царство

У животных по сравнению с минералами и растениями, имеется чувствительная душа — начало их жизни и движений. Они служат как бы дополнением Природы к подлунным существам. Бог сделал отличие между двумя полами и сотворил их в этом царстве так, чтобы от двоих произошел третий. Так в самых совершенных вещах наиболее совершенно проявляется образ Троицы.

Человек — полноправный владыка этого нижнего мира. Все способности его поразительны. Волнения, возникающие в его духе, порывы, беспокойства подобны ветрам, молниям, громам, вихрям и метеорам, возникающим в горном мире. Иногда они сотрясают его сердце, кровь, все его тело, но все это подобно землетрясению, и все в нем доказывает, что в миниатюре он воистину является Универсумом. Разве не прав был Давид, воскликнувший, что Бог бесконечно прекрасен в своих творениях¹?

О ДУШЕ СМЕШАНЫХ

У всех совершенных смешанных есть жизнь, душа или дух и тело. Тело состоит из сушеи или из земли и воды. Душа, дающая форму смешанному, есть искра огня Природы или неуловимый луч света, действующий в смешанных согласно

¹ Пс. 91, 6 и 138, 14.

нынешнему расположению материи и состоянию органов, предназначенных каждому из них. Если у животных есть душа, она лишь более или менее отличается от их духа.

Специфика форм смешанных или, если хотим, их душа сохраняет бог весть какое знание об их происхождении. Душа человека часто рефлектирует божественный свет при созерцании. Она как бы хочет проникнуть в это святилище, доступное одному Богу: она без конца стремится сюда и, наконец, возвращается обратно. Души животных, вышедшие из тайных вместилищ небес и сокровищниц Солнца, словно испытывают влечение к этой звезде, предвещая его восход или закат, само перемещение небес, изменение температуры воздуха движениями животных.

Возникающие из воздуха и почти полностью воздушные, души растений тянутся стеблями из всех сил вверх, словно торопясь вернуться на свою родину.

Скалы, камни, образованные из воды и земли, обжигаются в земле подобно гончарному изделию, потому-то они и стремятся к ней, как если бы были ее частью. Однако драгоценные камни больше облагодетельствованы небесным влиянием: они представляют собой как бы слезы неба и застывшую небесную росу — вот почему древние приписывали им столько качеств. Солнце и звезды подобно также выказывают особое внимание металлам, и можно сказать, что Природа поручила им придавать металлам форму. Душа металлов словно заперта в их материи; огонь же Философов может извлекать ее оттуда, чтобы она породила сына, достойного солнца, и замечательную квинтэссенцию, приближающую к нам небо.

Свет есть начало жизни, а мрак — начало смерти. Души смешанных — суть лучи света, а их тела — бездны мрака. Все живет от света, а все, что умирает, лишено его. Именно это начало, которому уделяют так много внимания, имеют в виду, говоря об умершем человеке, что свет его потух, а святой Иоанн¹ говорит: «жизнь была свет человеков».

Каждое смешанное имеет свойственные для него знания. Что касается животных, то достаточно поразмыслить об их действиях, чтобы убедиться в этом. Время спаривания, которое они столь хорошо знают; правильное сочетание всех частей порожденных ими детенышах. Также и то, как они пользуются каждым своим членом; внимание и забота, которые они проявляют как для пропитания детенышей, так и для их защиты; их разнообразные способы выражения удовольствия, страха, привязанности к хозяевам, расположенности к получению от них команд; ловкость в добывании пищи. Осторожность, с которой они избегают того, кто может им повредить, и еще много другого, что может заметить наблюдатель, доказывает, что их душа наделена определенной способностью мыслить.

Растения также имеют определенную жизненную способность и могут каким-то образом знать и предвидеть. Жизненные способности у них — это старание в рождаемости себе подобных, свойствах размножения, питания, увеличения, ощущения и др. Их знание проявляется в предугадании погоды и в ощущении температуры, благоприятной для прорастания и выгона стеблей. Их точные наблюдения перемен, вытекающих из законов Природы, мы видим в выборе свойственного им вида определенного небом. Из того, как нужно заглублять свои корни и выгонять стебли, тянуть ветви, расширять крону, а также, какую форму и какой цвет они должны придавать своим плодам, как превращать

¹ Ин. 1, 4.

элементы в пищу, как передавать своему семени свойства размножения — все в них говорит нам об этом.

Далее, почему одни растения растут только в определенную пору года, при этом сами себя сеют природным падением своих семян, и сеют их только по достижении зрелости? Таким образом, имея свое растительное начало, и все же они развиваются лишь в определенное время, если только Искусство не даст им то, что они нашли бы в свойственной им поре. Почему также растение, посеянное в плохую землю рядом с хорошей, направляет свои корни именно в ее сторону? Кто учит луковицу, посаженную ростком вниз, направлять его к воздуху? Каким образом плющ или другие подобные растения направляют свои слабые ветви к деревьям, которые смогут их поддерживать? Почему тыква удлиняет свой плод, сколько это возможно, в сторону поставленного рядом сосуда с водой? Кто научил растения, имеющих оба пола, располагаться друг подле друга и даже часто наклоняться друг к другу? Сознаемся, что все это выше нашего разумения того, что Природа — не слепа, и что ею руководит сама мудрость.

О ЗАРОЖДЕНИИ И ПОРЧЕ СМЕШАНЫХ

Все возвращается к своему началу. Каждый индивид принадлежит материальному миру еще до того, как появится на свет в своей особой форме, и он вернется в определенное время и как положено туда, откуда вышел — как реки в море, чтобы снова возродиться¹. Может быть, именно таким видел Плутарх метампсихоз, в чем люди не разобрались.

Когда смешанное растворяется под действием порчи на элементы его образующие, эфирная часть его покидает и возвращается на свою родину. Тогда в частях мертвого тела происходит смятение, беспорядок, пуганица по причине отсутствия того, кто сохранял этот порядок. Им завладевают смерть, порча и до тех пор, пока на эту материю снова не подействуют небесные силы, объединяющие рассеянные и блуждающие элементы, чтобы сделать их способными на новое зачатие.

Этот живительный дух не отделяется от материи во время ее зарождающего гниения, ибо это еще не полная порча, которая совершает разрушение смешанного. Это — порча составная, вызванная самим этим духом, чтобы придать материи форму, соответствующую индивиду, в которую он должен вселить жизнь. Иногда он пребывает в ней в бездействии, как это видно в семени; он ждет лишь, чтобы его побудили. А как только это происходит, он приводит материю в движение, и чем больше он действует, тем больше он приобретает новых сил — и так, пока не закончит совершенствование смешанного.

Хорошо бы материалистам — смешным защитникам случайности в образовании смешанных и их сохранении — посмотреть и поразмыслить серьезнее и без предубеждения, над всем тем, о чем мы сказали, а потом объяснить мне: как воображаемое существо может быть действительной причиной чего-то реального и столь хорошо составленного. Пусть они шаг за шагом проследят за Природой, за ее методами, средствами, которые она употребляет, чтобы понять, что и как происходит. Они увидят, если не закроют глаза от света, что зачатие сме-

¹ Еккл. 1, 7.

шанных имеет определенный срок; что все в Универсуме совершается взвешенно и соразмерно, и руководить этим может лишь бесконечная мудрость.

Зачатие элементов начинается с гниения, как начинается и питание пищей. Они растворяются во влажную природу или в первоматерию; тогда возникает хаос, а из хаоса — зачатие. Поэтому физики обоснованно утверждают, что сохранение — это постоянное сотворение, т.к. зачатие каждого индивида аналогичным образом отвечает сотворению и сохранению Макрокосмоса. Природа всегда повторяет саму себя. У нее есть только прямой путь, от которого она отклоняется, лишь натываясь на непреодолимые препятствия, и тогда она порождает чудовищ.

Жизнь — это результат гармонического соединения материи с формой, что составляет совершенство индивида. Смерть есть заранее обусловленный срок, в который происходит разъединение и отделение формы и материи. Умирание начинается, как только начинается разъединение, и растворение смешанного завершает его.

Все живое — будь то растительное, будь то животное — нуждается в пище для своего сохранения, а пища эта может быть двух видов. Растения питаются как воздухом, так и водой, и землей. Соски земли скоро бы истощились, если бы их постоянно не наполняло эфирное молоко. Мозес прекрасно разъясняет нам это словами благословения, данного им сыновьям Иосифа:

Да благословит Господь землю его вожденными дарами неба, росой и дарами бездны, лежащей внизу, вожденными плодами солнца и вожденными произведениями луны, превосходнейшими произведениями гор древних и вожденными дарами холмов вечных, и вожденными дарами земли и того, что наполняет ее!¹...

Неужели только для того, чтобы освежать сердце, Природа позаботилась поместить подле него легкие — эти прекрасные и неутомимые меха? Отнюдь, у них есть более существенное применение: вдыхать и передавать сердцу тот эфирный дух, который приходит на помощь животворным духам, восполняя их потерю, а иногда и умножая их. Поэтому мы дышим чаще, когда приходим в сильное волнение, т.к. тогда мы теряем много животворных духов, то Природа стремится восполнить их.

Философы называют духами или духовными сущностями не только те созданные существа, которые не являются материальными, и их можно познать лишь разумом — как ангелы или демоны, но даже и те, которые, хотя и материальны, не могут быть определены органами чувств по причине их невероятной малости. Такова природа чистого воздуха или эфира, воздействий небесных тел, врожденного огня, семенного, жизненного, растительного духа и т.д. Они — министры Природы, а она воздействует на материю только с их помощью.

Огонь Природы проявляется в животных в их теплоте, которую он возбуждает. Когда он уходит, место его занимает смерть, а элементарное тело или труп остается целым, пока не начнет растворяться. Этот огонь в растениях слишком слаб, чтобы его можно было ощутить прикосновением.

Никто не знает, какова природа обычного огня, материя его столь тонкая, что проявляется лишь посредством других тел, к которым она прикасается. Огонь — это не уголь и не дерево, что горят, не пламя, которое есть лишь горючий дым. Он гаснет и исчезает, когда ему не хватает пищи. Очевидно, он — действие света на горючие тела.

¹ Втор. 33, 13–16.

О СВЕТЕ

Происхождение света подтверждает его духовную природу. Еще до того, как материя начала обретать форму, Бог образовал свет; он тотчас распространился в материи, которая служила ему как бы фитилем для его поддержания. Проявление света стало, следовательно, как бы первым действием, обращенным Богом на материю; первым союзом создателя с творением, духа с телом.

Рассеянный сначала повсюду, свет словно сконцентрировался в Солнце, как несколько лучей соединяются в одной точке. Свет Солнца является, таким образом, светоносным духом, нераздельным с этой звездой, а лучи его окутываются частями эфира, чтобы наши глаза могли их ощутить. Это ручьи, беспрестанно текущие из неистощимого источника и распространяющиеся по ширине просторов Универсума.

Не следует, однако, заключать из этого, что лучи эти чисто духовного свойства. Они образуют тело с эфиром, как пламя с дымом. Если вечно снабжать наши очаги пищей причиняющей дым, мы получим вечное пламя.

Природа света заключается в беспрестанном истечении; и мы условились называть лучами эти истечения Солнца, смешанные с эфиром. Поэтому нельзя путать свет с лучом, либо с сиянием и освещенностью. Свет — причина; освещенность — результат.

Когда гаснет свеча, огненный и светящийся дух, воспламеняющий фитиль, не теряется, как это обычно считается. Исчезает лишь его действие, когда недостает пищи или если ее убрать. Он рассеивается в воздухе, который являетсяместищем света и духовных сущностей материального мира.

Подобно как тела возвращаются через растворение в материю, из которой произошли, точно так же и природные формы индивидов возвращаются в универсальную форму, в свет — живительный дух с лучами Солнца, ибо они всего лишь переносят его. Он же проникает в самый центр земли, когда Солнце уходит с горизонта.

Свет является для нас живым образом Божества. А поскольку божественная любовь не могла, так сказать, пребывать только в себе самой, то она как бы рассеялась вокруг и умножилась в сотворении. Свет также не содержится в световом теле: он распространяется, умножается, он, как и Бог, — неисчерпаемый источник добра. Он отдает себя беспрестанно и при этом не уменьшается. Кажется даже, что он получает новые силы от того, что отдает себя, подобно мастеру, передающему ученикам свои знания, который при этом не утрачивает их, а прочнее закрепляет в своем разуме.

Этот пламенный дух, несомый в тела лучами, легко отличить от них самих. Так, лучи могут передаваться до тех пор, пока не встретят на своем пути непрозрачное тело, прерывающее их течение. Дух же проникает самые плотные тела, ибо мы ощущаем тепло и на той стороне стены, которая противоположна стороне, на которую попадают лучи, хотя они и не смогли проникнуть сюда. Это тепло сохраняется еще и после того, как лучи исчезнут вместе с излучающим телом.

Любое прозрачное тело, в особенности стекло, передает этот пламенный и световой дух, не передавая при этом лучей. Поэтому находящийся далее воздух, снабжающий дух новым телом, освещается и образует новые лучи, и они распространяются, как и прежние. Впрочем, любое прозрачное тело, служащее средой для передачи этого духа, оказывается не просто освещенным, но становится

светящимся, и это прибавление яркости легко заметить, если быть чуточку внимательней. Такого увеличения сияния не происходило бы, если бы прозрачное тело передавало лучи в том виде, в каком получило.

Г-н Потт, очевидно, принял эти идеи Герметических Философов о свете, как читаем в его эссе о наблюдениях химических и физических свойств и воздействия света и огня. Его мысли полностью совпадают с высказываниями д'Эспанье, жившего полтора века тому назад, которые я анализирую в данном труде. Наблюдения, приводимые ученым, берлинским профессором, полностью подтверждают истинность того, о чем мы говорили до сих пор. Он называет свет *великой и чудесной силой Природы*. Далее говорит, что его субстанцию — ввиду малости ее частей — нельзя изучить числом, мерой или весом; что химия не может выразить его внешнюю форму, потому что она не может быть представлена и, тем более, не может быть выражена ни в одной субстанции; что о достоинстве и великолепии света сказано в Святом писании, где Бог называется светом и огнем, т.к. там говорится, что Бог — это свет, что он пребывает в свете, что свет — его одеяние; что жизнь заключается в свете, что его ангелы — есть огненное пламя и, наконец, что многие смотрят на свет больше как на духовную сущность, чем как на телесную субстанцию.

Когда размышляешь о свете, — говорит сей автор, — первое, что бросается мне в глаза и приходит на ум, это свет солнца, и я считаю солнце источником всего света, имеющегося в Природе. Весь свет поступает в нее как в свое круговращение, а оттуда он снова посылается на наш земной шар.

Я не думаю, — добавляет он, — что Солнце содержит в себе горящий, разрушительный огонь; в нем содержится светящаяся, чистая, простая и сконцентрированная субстанция, освещающая все. Я смотрю на свет как на субстанцию, которая радует, оживляет, и от которой делается светло. Одним словом, я смотрю на него как на главное орудие, которым Бог воспользовался и по-прежнему использует в Природе. Отсюда происходит культ солнца у некоторых язычников; отсюда миф о Прометее, похитившем огонь у неба, что бы передать его земле.

Однако внешне, г-н Потт не поддерживает, хотя фактически и делает это, тех, кто считает эфир носителем материи света, потому что, — как говорит он, — они без нужды умножают тем число существ. Но если свет, как он признается, есть такое простое существо, то может ли он проявляться иначе, чем как через какую-нибудь ощутимую субстанцию? Она обладает свойством очень легко проникать в тела благодаря тому, что еще тоньше воздуха, и тому же постепенному движению, такому быстрому, какое только можно вообразить. Автор, однако, не решается определить, связана ли эта быстрота с духовной субстанцией, хотя очевидно, что движущее начало так же вечно, как и сама эта субстанция.

Движение, как таковое, не производит свет, а проявляет его в соответствующих материях. Свет проявляется только в подвижных телах, т.е. в исключительно тонкой, летучей и свойственной быстрому движению материи, и она либо истекает непосредственно из Солнца или из его атмосферы и доходит до нас. Либо же, как он говорит, и что вероятно более правдоподобно, солнце приводит в движение эти чрезвычайно тонкие материи, которыми наполнена наша атмосфера.

Итак, сей носитель света, причем такой, который вовсе не отличается от эфира, т.к. ученый добавляет ниже: «В этом, следовательно, причина движения света, воздействующего на наш эфир и приходящего к нам преимущественно и

более действенно от Солнца». Этот носитель, таким образом, не является — даже, по его мнению, — умножаемой без нужды сущностью.

Он прекрасно отличает огонь от света и отмечает разницу между ними; но, сказав, что свет производит ясность, он пугает последнее со светящимся началом, как можно заключить из приводимых им опытов. Из этого можно было бы заключить, что есть такой огонь и такой свет, которые не горят, т.е. не разрушают тела, к которым они принадлежат, но нельзя считать, что есть свет без огня. Неправильно сделанное различие между началом или причиной сияния с одной стороны, и ясности, как действием этой причины, с другой, стало источником бесчисленного множества ошибок в этом вопросе.

Возможно, это всего лишь вина переводчика, употребившего термины «свет» и «ясность» без различия, и как синонимы. Я склонен думать именно так, ибо после того, как г-н Потт рассказал о различных явлениях фосфорисцирующих веществ — гнилого дерева, светлячков, обутленной и истертой глины и т.п., он утверждает, что субстанция света в своей чистоте либо отделенная от любого другого тела не может быть замечена. Мы наблюдаем ее лишь в оболочке, а знаем о ее присутствии лишь индуктивно. Это, собственно, и означает отличать свет от ясности, являющейся его следствием. При помощи этого отличия легко осознать бесконечное множество явлений, которые без этого объяснить очень трудно.

Теплота, хоть она и является следствием движения, как бы отождествляется с ним. Свет — есть начало огня, а также и начало движения и теплоты. Теплота же является лишь меньшей степенью огня или движения, производимого огнем, более умеренным или более удаленным от тела, на которое он воздействует. Именно этому движению вода обязана своей текучестью, поскольку в отсутствие этой причины она становится льдом.

Итак, не следует путать элементарный Огонь с огнем на кухне; нужно видеть, что элементарный Огонь становится обычным горящим огнем лишь, когда он объединяется с горючими веществами; сам же он не дает ни пламени, ни света. Таким образом, флогистическое, или маслянистая, сернистая, смолистая субстанция, является не началом огня, а материей, способной поддерживать его, питать и проявлять.

Рассуждения г-на Потта доказывают, что отношение д'Эспанье и других Герметических Философов к огню и к свету является обоснованным и вполне соответствует самым точным физико-химическим наблюдениям, поскольку они согласуются с мнением этого ученого, профессора химии в Берлинской Академии наук и литературы. Значит, эти философы знают Природу, а раз они ее знают, то почему бы не попытаться приподнять темную завесу, под которой они укрыли свои приемы загадочными, аллегорическими, мифическими рассказами, вместо того, чтобы отвергать их суждения, потому что они кажутся трудночитаемыми, при этом обвинять их в невежестве и лжи?

О СОХРАНЕНИИ СМЕШАНЫХ

Пламенный дух — это живительное начало, дающее жизнь и крепость смешанным; но этот огонь быстро спалил бы их, если бы его действие не умерялось связывающим их водянистым *эфиром*. Эфир этот постоянно циркулирует во

всем. От него происходит революция в Универсуме, отчего одни смешанные образуются, питаются, увеличиваются в объеме, тогда как в результате его испарения или отсутствия другие смешанные усыхают и гибнут.

Вся махина мира представляет собой единое тело, все части которого связаны срединами, являющимися частями крайних. Связь эта скрыта, а связующий узел невидим, что, правда, не делает его менее реальным. Именно с его помощью все эти части поддерживают друг друга, так как между ними есть определенное отношение и существует подлинный обмен. Эту связь осуществляют и поддерживают духи — эмиссары высших природ; одни приходят, когда уходят другие, одни возвращаются к своим истокам, когда другие исходят из них; вновь пришедшие занимают место ушедших, и в свою очередь уходят, чтобы уступить дорогу новым; и таким постоянным притоком и оттоком Природа обновляет и поддерживает себя. Это — крылья Меркурия, с помощью которых этот посланник богов столь часто посещал обитателей неба и земли.

Это круговращательное чередование духов совершается двумя способами — разрежением и сгущением, используемыми Природой для того, чтобы вдохнуть в тела духовную природу, а духи обрели телесность. Или, выражаясь проще, для того, чтобы смягчить грубые элементы, раскрыть их, возвысить их до самой тонкой природы духовных материй, а затем возвратить снова в состояние грубых и телесных элементов. Они постоянно претерпевают такие метаморфозы. Воздух приносит воде тонкую эфирную субстанцию, которая начинает принимать в ней телесное состояние; вода передает ее земле, и там телесность субстанции еще более усиливается. Она становится пищей для минералов и растений. В последних она становится стеблем, корой, листвой, цветами, плодами, одним словом, телесной, ощущаемой субстанцией.

В животных Природа отделяет самое тонкое, самое духовное от питья и еды, чтобы обратить его в их содержание. Она обращает самую чистую субстанцию в семя, в плоть, в кости и т.д.; грубейшую и самую неоднородную — оставляет как испражнения. Искусство же имитирует Природу в ее *растворениях* и составлениях.

О ВЛАЖНОМ НАЧАЛЕ

Жизнь и сохранение индивидов заключается в тесном союзе формы и материи. Основа же, и связь, образующая этот союз, составляет объединение врожденного огня с влажным началом. Влажное — это наиболее чистая, наиболее переваренная часть материи, подобная некоему маслу после совершенной ректификации в змеевиках Природы. Семя вещей содержит в себе много такого влажного начала, где искра небесного огня имеет свое питание. Попадая в подходящую материю и при получении постоянной помощи, оно совершает все, что необходимо для зачатия.

В этом влажном начале находится нечто бессмертное: со смертью смешанных оно не исчезает и не испаряется. Оно выдерживает даже самый сильный огонь, поскольку мы еще обнаруживаем его в пепле сожженных трупов.

Любое смешанное содержит два влажных: то, о котором мы говорили выше, и элементарное влажное, частью водянистое, частью воздушное. Это влажное не может устоять перед силой огня. Оно улетучивается с дымом, паром, а когда пол-

ностью испарится, от тела останется только пепел или отделенные одна от другой части.

Иначе ведет себя влажное начало: поскольку оно составляет основу смешанных, оно оказывает сопротивление механической силе огня, претерпевает мучения с непреодолимой стойкостью и упорно остается связанным с пеплом смешанного, что явственно указывает его высшую степень чистоту.

Опыт показал суфлерам — людям, как правило, очень невежественным в познании Природы, что это влажное спрятано в пепле. С помощью силы огня они разгадали тайну того, как проявить его, насколько позволяет искусство и мощь искусственного огня. Чтобы произвести стекло, непременно требуется довести пепел до плавления, а плавления не добьешься там, где нет влажного.

Даже не зная, что соли, извлеченные из пепла, обладают самым большим качеством смешанных, земледельцы сжигают стерню и траву, чтобы повысить плодородие своих полей, и это доказывает, что это влажное начало неподвержено воздействию огня. Оно есть начало зачатия, основа смешанных, причем его качество, его активный огонь остаются недействующим лишь до тех пор, пока Земля — общая мать первоначал, — не разовьет их свойства, что мы ежедневно наблюдаем в семенах.

Этот радикальный бальзам является ферментом Природы, распространяющимся в массе всех индивидов. Это — нескончаемая тинктура, обладающая свойством умножаться и проникающая даже в самые грязные экскременты, поскольку их успешно используют для удобрения почвы и увеличения ее плодородия.

Можно обоснованно предположить, что эта основа, как корень смешанных, остающийся жить и после их разрушения, является частью первоматерии, самой чистой и неразрушаемой составляющей, отмеченной печатью света, чью форму он получил. Ибо сочетание этой первоматерии с ее формой неразделимо, а все элементы, воплощенные в индивидах, происходят от этого сочетания. И действительно, разве не нужна была такая материя, служащая нетленной основой и как бы корнем подобным кубу подверженному порче смешаным, ставшая их постоянным, вечным и, тем не менее, материальным началом, вокруг которого вращались бы без конца превратности и изменения, какие материальные существа претерпевают ежедневно?

Если бы было дозволено перенестись во тьму будущего, то разве нельзя было бы сказать, что эта нерушимая субстанция есть основание материального мира и фермент его бессмертия. С ее помощью он будет существовать и после своего разрушения, пройдя через тиранию огня и уже очистившись от своего первородного греха для обновления, чтобы в течение всей вечности стать нерушимой и не подверженной порче субстанцией?

Скорее всего, свет воздействовал пока что только на влажное начало, оставив все остальное во мраке; поэтому оно всегда хранит его искру, нуждающуюся только в том, чтобы ее раздули.

Однако врожденный огонь сильно отличается от влажного. Первый обладает качествами духовной природы света, а природа влажного радикала находится посередине — между чрезвычайно тонкой и духовной материей света и грубой, элементарной, телесной материей. В нем есть свойства и от одного, и от другого, и он связывает эти два. Это печать видимого и осязаемого договора света и тьмы; точка соединения между солнцем и землей.

Нельзя, следовательно, путать это влажное начало с врожденным огнем. Огонь сей — житель, тогда как влажное — жилище, обиталище. Во всех смешанных оно является лабораторией Вулкана, очагом, в котором сохраняется этот бессмертный огонь, первый созданный двигатель всех свойств индивидов, универсальный бальзам, самый ценный эликсир Природы, совершенным образом сублимированный и обработанный жизненный меркурий, который Природа распределяет по весу и мере между всеми смешанными. Итак, тот, кто сможет извлечь этот клад из ядра, из скрытого центра созидания в нашем мире, кто сможет освободить его от толстой элементарной коры, прячущей его от наших взоров и выпустить его из мрачной тюрьмы, в которой он заточен и пребывает в бездействии, тот сможет гордиться тем, что овладел ценнейшим лекарством для оказания помощи человеческому телу.

О ГАРМОНИИ УНИВЕРСУМА

Верхние и низшие тела мира, происходящие из одного и того же источника, и имеющие началом одну и ту же материю, сохранили между собой такую симпатию, что самые чистые, самые благородные, самые сильные отдают более слабым то совершенство, на которое они способны. Но когда органы смешанных оказываются плохо расположенными от природы или волей несчастного случая, такая передача ухудшается или делается невозможной. Порядок, установленный для такого обмена, нарушается и слабое, которому помогают меньше, слабеет. Оно впадает в изнеможение и становится первоначалом собственного разрушения — *жертвою разрушающим благосостояние*¹.

Четыре свойства стихий: холод, теплота, сухость и влажность являются как бы гармоническими тонами Природы. Между собой у них наблюдается не больше противоречий, чем у низкого и высокого тонов в музыке; но они разные и словно отделены интервалами, либо же все средние — близкие к обоим крайностям. Как при помощи средних тонов сочиняют очень красивые гармонии, так и Природа умеет объединять свойства стихий таким образом, чтобы получился темперамент, надлежащий смешанным.

О ДВИЖЕНИИ

В Природе нет действительного или собственного покоя². Она не может оставаться праздною, и если бы она позволила за движением последовать покою хотя бы на мгновенье, вся машина Универсума пришла бы в негодность. Движение как бы извлекло ее из небытия; покой вновь бы вверг ее в небытие. То, что мы именуем покоем, есть лишь замедленное, менее заметное движение. Движение, следовательно, постоянно в каждой части, как в целом. Природа действует всегда внутри смешанных: даже труп не находится в покое, поскольку он портится, а порча не может совершаться без движения.

В способе приведения в движение машины мира царят порядок и однообразие; но в движении этом имеются различные ступени, а само движение неодина-

¹ Космополит, трактат 2.

² Космополит, трактат 4.

ково и происходит поразному в неодинаковых вещах. Даже геометрия требует этого закона неодинаковости, и можно сказать, что небесные тела обладают подобным движением в соответствии геометрии, т.е. в зависимости от разности в величине, от их расстояния и от их природы.

На протяжении времен года мы легко видим, что пути, которыми следует Природа, отличаются лишь внешне. Зимой кажется, что она недвижима, мертва или, по крайней мере, оцепеневшая. Однако в это как бы мертвое время она готовит семя, дает ему созреть и располагает к зачатию. Весной она, так сказать, разрожается, летом питает, возвращает и доводит до зрелости некоторые плоды, оставляя созревание прочих на осень, если им необходим для этого больший срок. По окончании же сезона все вновь замирает, чтобы приготовиться к новому зачатию.

Человек в этой жизни сам переживает изменения четырех времен года. Его зима — это не время старости, как обычно говорят, — это время, которое он проводит в утробе матери без видимого действия, словно во мраке, поскольку он еще не испытал на себе благотворное воздействие солнечного света. Но, рождаясь, он начинает расти: он вступает в свою весну, длящуюся до тех пор, пока он не сможет вынашивать свои плоды. За этим наступает его лето: он крепнет, готовит, возвращает жизненное начало, которое должно дать жизнь другим. Когда плод его созрел, им завладевает осень, и он усыхает и вянет. И так он клонится к началу, к которому его влечет собственная природа, падает в него, умирает, и его больше нет.

Разнообразие времен года происходит, в частности, от различающегося расстояния от Земли до Солнца. Философ, желающий заняться подражанием Природе в операциях великого делания, должен очень серьезно это обдумывать.

Я не буду вдаваться здесь в детали различных движений небесных тел. Мозес объяснил нам исключительно, что касается земного шара, на котором мы живем. Но почти ничего не сказал о других созданиях — без сомнения для того, чтобы человеческое любопытство находило скорее предмет для восхищения, нежели аргументы для спора. И все же беспорядочное желание все знать по-прежнему тиранит слабый дух человека. Он не владеет собой и достаточно безумен, чтобы предписывать Создателю правила управления Универсумом. Он изображает системы и разговаривает таким решительным тоном, что можно подумать, будто бы Бог советовался с ним, как извлечь мир из небытия, или он под-сказал Создателю законы, которые сохраняют гармонию в целом и в частности движения мира. К счастью, рассуждения этих мнимых философов никак не влияют на эту гармонию. Мы могли бы опасаться неприятных для нас последствий, вытекающих из смехотворных принципов. Но мы можем быть спокойны: мир будет идти своим путем столько времени, сколько его Творцу будет угодно его сохранять. Не будем же тратить время столь краткой нашей жизни на споры о вещах, которых мы не знаем. Станем же лучше искать лекарство от осаждающих нас болезней; станем же молиться тому, кто создал *лекарство* земли, чтобы Он дал нам познать ее, и чтобы, как мы удостоимся этого чудесного знания, мы использовали это только на пользу ближнему нашему, во имя любви к высшему Сущему, коему единому слава вовеки веков.

ТРАКТАТ о Герметическом Делании

Предмет этого искусства — источник здоровья и богатств, две основы, на которых зиждется счастье нашей жизни. Искусство это всегда было тайной, и те, кто обращались к нему, говорили о нем во все времена как о науке, в практике которой есть нечто удивительное, а результат похож на чудо само по себе и в своем действии. Бог, творец Природы, которому Философ намеревается подражать, единственный может просветить и направить дух человеческий в поисках этого бесценного сокровища в лабиринте операций этого искусства. Посему все эти авторы советуют обращаться к Создателю, прося у него этой благодати искренне и настойчиво.

Должно ли удивляться, что обладатели такой прекрасной тайны окутывают ее покровом иероглифов, мифов, аллегорий, метафор, загадок, чтобы не дать познать ее любому простаку? Они писали только для тех, которых Бог удостоит ее пониманием. Тот, кто поносит их, кто повышает голос против самой науки, потому что сам безуспешно пытался постичь ее, предается низкой мести, вредит собственной репутации, признается в невежестве и бессилии достичь ее. Пусть лучше ругают дутьевщиков, этих сжигателей угля, которые, став жертвой собственного невежества, хотят обмануть других, — пусть. Я охотно сам присоединюсь к такой критике: и хотел бы обладать громогласным голосом, чтобы быть услышанным. Но кто те люди, что осмеливаются выступать и писать против Герметической Философии? Готов биться об заклад, что им неведомо даже ее определение, а отрицательное к ней отношение вызвано только предубеждением. Взываю же к их добросовестности: пусть вдумаются и разберутся, знают ли они то, что критикуют; перечитали ли они двадцать раз и больше достойных авторов, описывающих эту материю? Кто тот Эдип, который дал им разумение этих загадок и аллегорий? Кто та Сивилла, которая ввела их в свое святилище? Пусть же пребывают они в ограниченности своих знаний: *Ne sutor ultra crepidam*¹. Либо же, — раз пришла такая мода, — пусть лают себе на это великое сокровище, обладать которым, у них нет никакой надежды. Слабое утешение, но одно оно им только и остается!

И дай Бог, чтобы крики их были услышаны теми, кто неразумно тратит свое добро, преследуя то, что ускользает от них за незнанием простых путей Природы.

Господин де Мопертюи думает совершенно иначе: «В каком аспекте ни рассматривать камень Философов, утверждает этот знаменитый академик, нельзя доказать его невероятность; однако ценность его, добавляет он, недостаточна, чтобы уравновесить малость надежды найти его». Генеральный директор шахт Ее Величества королевы Венгрии господин де Жюсти доказывает в публично произнесенной им речи, не только возможность, но и существование его, причем аргументирует, основываясь на собственном опыте.

¹ Пусть сапожник судит не выше сапога. — Прим. ред.

ФИЛОСОФСКИЕ СОВЕТЫ

Поклоняйтесь только Богу, любите Его всем сердцем и любите ближнего, как самого себя. Совершайте все ваши деяния всегда во славу Господа: взывайте к Нему, и Он облагодетельствует вас; славьте Его, и Он возвысит вас.

Не произносите поспешных слов и не совершайте поспешных действий. Не руководствуйтесь вашей осторожностью, вашими познаниями, словами и богатством людей, особенно сильных мира сего. Полагайтесь только на Бога. Проявите данный Им вам талант.

Дорожите временем: оно бесконечно коротко для человека, использующего его. Не откладывайте на завтра, те необходимые дела, которые вы можете сделать сегодня. Общайтесь с хорошими и умными людьми. Человек рожден, чтобы учиться, чему несомненным доказательством служит его природное любопытство, поэтому проводить время в праздности и невежестве значит вести человечество к упадку. Чем больше знаний у человека, тем скорее он приближается к Творцу своего бытия, свершающего все. Пользуйтесь же знаниями ученых; принимайте их наставления с легкостью, а их замечания всегда берите в расчет. Избегайте встреч со злыми людьми, не ведите много дел и не ищите много друзей.

Наука приобретается только в учении, размышлении, а отнюдь не в спорах. Не учите сразу много; часто повторяйте выученное: дух может все, если занят не многим, и не может ничего, если желать объять им все.

Истинную мудрость дает наука, соединенная с опытом. Когда же ее нет, нам приходится сомневаться, предполагать, прибегать к мнению других, к авторитетам.

Субъектами науки являются Бог, макрокосмос и человек. Человек был создан для Бога, женщина — Богом и мужчиной, а другие твари — для мужчины и женщины¹, чтобы они воспользовались ими для своих занятий, для собственного сохранения и во славу их Творца. Ведите себя так, чтобы никогда не ссориться с Богом и ближним вашим.

Мсть — это слабость в людях. Никогда не наживайте себе врагов, а если кто-то захочет причинить вам зло или причинит его, лучшей и благодарнейшей мстью для вас будет сделать ему добро.

АФОРИЗМ ОБ ИСТИННОСТИ НАУК

Есть два вида наук и не больше. Религия и физика², т.е. наука о Боге и о Природе, все же остальное — лишь их ответвления. Есть среди них даже незаконнорожденные, но они скорее ошибки, чем науки.

Бог отводит первое место по совершенству: святым и небесным детям. Он просветляет разум человека, дабы тот мог принять вторую науку, тогда же как демон насылает на него тучи, чтобы внедрить незаконнорожденные науки.

¹ Прем. 9, 2 сл.

² Физика или естествознание. — *Прим. ред.*

Религия нисходит с небес, и это истинная наука, ибо творцом ее есть Бог — источник всякой истины. Физика — это знание Природы, и с ее помощью человек совершает удивительные вещи. *Mens humana mirabilium effectrix*¹.

Сила человека больше, чем можно себе представить. Он может все с Богом, и ничего без Бога, кроме зла.

КЛЮЧ К НАУКАМ

Первый шаг к мудрости — это богобоязненность, второй — познание Природы, а далее можно подняться до познания ее Творца². Природа преподает проникательным герметическую физику. Труд Природы всегда долог: но она действует просто, последовательно и всегда одними и теми же путями, чтобы произвести одни и те же вещи. Искусство делания менее долго; оно значительно ускоряет действия Природы. Дело Бога свершается в мгновение. Собственно, алхимия есть операция Природы, которой помогает Искусство. Она дает нам в руки ключ природной магии или физики и делает нас заметными, возвышая над заурядным.

О ТАИНЕ

Статуя Гарпократа, держащего палец у рта, служила древним мудрецам эмблемой тайны, скрепленной молчанием, ибо при ее раскрытии, наносится урон и она профанируется. Спаситель наш, Иисус Христос, раскрывал наши тайны только ученикам своим, а с народом всегда говорил аллегориями и притчами. *«Вам дано знать тайны Царствия Небесного... а им не дано... потому говорю с ними притчами»*³.

Египетские жрецы, персидские маги, еврейские мекубалы и каббалисты, индийские брамины, эфиопские гимнософисты, греческие орфеи, гомеры, пифагоры, платоны, порфирии, западные друиды говорили о тайных науках исключительно загадками и аллегориями: если бы они рассказали, каков их истинный предмет, то не было бы больше тайны, и священное смешалось бы с мирским.

О СПОСОБАХ ДОСТИЖЕНИЯ ТАЙНЫ

Средствами, необходимыми для раскрытия тайны, являются знание Природы и самого себя. Первое из этих двух знаний и второе можно получить лишь с помощью алхимии, любовью к мудрости, отвращением к преступлению и ко лжи: избегая какохимиков, общаясь с учеными мужами, взывая к Святому Духу, не нагромождая тайны на тайну, приверженностью только к одному предмету, ибо Бог и Природа любят единство и простоту.

Поскольку человек есть сгусток Природы, он должен научиться видеть себя как отражение ее в миниатюре. Его духовная часть есть частица всех бессмертных созданий, а материальная — всего того, что бренно в Универсуме.

¹ Мысль человека источник чудесного. — Прим. ред.

² Рим. 1, 20.

³ Мф. 13, 11, 34; Мк 4, 11.

О КЛЮЧАХ К ПРИРОДЕ

Из всех материальных вещей образуется пепел; из пепла получают соль, из соли выделяют воду и ртуть, из ртути готовят эликсир или квинтэссенцию. Тело превращается в пепел, чтобы очиститься от своих горючих частей; в соль, — чтобы отделились его землянистые части, в воду, — чтобы гнить и разлагаться, в дух, — чтобы стать квинтэссенцией.

Соли являются, следовательно, ключами Искусства и Природы; без этого знания невозможно подражать Природе в ее действиях. Нужно знать об их симпатии и антипатии к металлам и одной к другой. Есть, собственно, лишь одна природная соль, но она делится на три вида, чтобы образовать начала вещей. Три эти вида — селитра, винный камень и витриол; все остальные происходят от них.

Селитра получается из первой соли ослаблением, утончением и очищением сырой и холодной землянистости, которая с ней смешана. Солнце варит ее, дигерирует во всех ее частях, смешивает в ней стихии и пропитывает семенными качествами, которые оно затем несет с дождем в землю как общую матрицу.

Соль винного камня — это та же селитра, но больше варенная, больше дигерированная теплотой матки, в которую она была вложена, потому что эта матка служит влагищем Природе. Так из селитры и винного камня образуются растения. Эта соль находится всюду, где была отложена селитра, но особенно на поверхности земли, куда ее в изобилии приносят роса и дождь.

Витриол есть та же самая соль селитры, которая, пройдя через природу винного камня, становится минеральной солью после более долгой варки и в более жарких печах. Ее находят в изобилии во внутренностях, впадинах и пористостях земли, где она соединяется с маслянистым выделением, от чего становится металлической.

О МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ

Из солей, о которых мы говорили выше, из их паров образуется ртуть, названный древними *минеральным семенем*. Из этого ртути и из чистой либо нечистой серы образованы все металлы во внутренностях земли и на ее поверхности.

Когда овеществленные своим союзом стихии принимают форму селитры, винного камня и витриола, огонь Природы, возбуждаемый солнечным жаром, дигерирует влажность, притягиваемую сухостью этих солей, и затем, отделяя чистое от нечистого, соль от земли, однородные части от неоднородных, уплотняет ее в живое серебро, потом в чистый или нечистый металл — соответственно смеси и качеству матрицы.

Разнообразие более или менее чистых, более или менее дигерированных серы и ртути, их союз и их различные сочетания образуют многочисленное разнообразие минерального царства. Причем, камни, марказиты, минералы отличаются еще между собой в зависимости от разности их матриц и от большей или меньшей длительности варки.

Философы обычно говорили о материи так, чтобы скрыть ее, по крайней мере, когда речь шла о ее названии. Но если они о ней вообще говорят, то много распространяются о ее качествах и свойствах. Они все дают ей имена индивидов Универсума, потому что, как они утверждают, она его начало и основа.

Подумайте, — говорит Космополит¹, — соответствует ли то, что вы собираетесь делать, тому, что может сделать Природа. Посмотрите, какими материями она пользуется и каким сосудом. Если вы хотите сделать только то, что делает она, следуйте за ней шаг за шагом. Если вы хотите сделать что-то лучше, найдите то, что может послужить вам для этой цели; но имейте дело всегда с природой одного рода. Если, например, вы желаете довести какой-нибудь металл за пределы совершенства, которым он наделен Природой, нужно брать вещества металлического происхождения, и всегда мужское и женское, иначе ничего не получится. Ибо напрасно было бы пытаться получить металл из травы или из животной природы, точно так же, как из собаки или из любой другой твари вы не сможете произвести дерево.

Эту первоматерию чаще называют серой и живым серебром. Раймунд Луллий² называет их двумя крайними камня и всех металлов. Другие говорят, как правило, что отец ее — Солнце, а мать — Луна; что она мужская и женская; что состоит она из четырех, трех, двух и одного — и все это, чтобы скрыть ее. Она находится всюду: в земле и в море, в долинах, в горах и т.д. Тот же автор пишет, что материя их едина и, что камень состоит из нескольких индивидуальных начал. Все эти противоречия, однако, лишь видимость, т.к. они не говорят о материи с какой-то одной точки зрения, а имеют в виду ее общие начала или же разные состояния, в которых она пребывает при операциях.

Очевидно, что во всей Природе существует одно только начало, и относится оно как к камню, так и ко всем вообще вещам. Нужно поэтому уметь отличать то, что философы говорят о материи вообще, оттого, что они говорят о ней в частности. Существует также лишь один неподвижный дух, состоящий из очень чистого и негорящего огня, устроившего себе жилище во влажном начале смешанных. Он более совершенен в золоте, чем в любой другой вещи, и единственно меркурий Философов способен высвободить его из его заточения, предать его порче и расположить к зачатию. Живое серебро — есть начало летучести, мягкости и минеральности; неподвижный дух золота ничего не может без него. Золото увлажняется, отсыревает, улетучивается и подвергается гниению воздействием меркурия, — он же дигерируется, варится, сгущается, осушается и фиксируется действием золота Философов, которое делает его, таким образом, металлической тинктурой.

Это — философские меркурий и сера. Но недостаточно ввести в действие металлическую серу в качестве дрожжей. Нужно еще ввести такую, которая была бы спермой или семенем сернистой природы, чтобы объединиться с семенем меркуриальной субстанции. Эта сера и этот меркурий изображались древними в виде двух змей — самца и самки, обвившихся вокруг золотого жезла Меркурия. Золотой жезл — это неподвижный дух, к которому они должны быть привязаны. Именно их Юнона послала умертвить Геракла, когда этот герой еще лежал в колыбели.

¹ Тракт. I.

² Codicit. C. 9.

Итак, сера есть душа тел, и начало пышного расцвета их тинктуры; вульгарная ртуть лишена этого. Вульгарные золото и серебро содержат ее лишь для себя. Меркурий, подходящий для делания, должен поэтому прежде всего пропитаться невидимой серой¹, чтобы стать более восприимчивым к видимой тинктуре совершенных тел и чтобы затем с пользой передавать ее.

Многие химики истекают потом и кровью, чтобы извлечь тинктуру вульгарного золота. Они воображают, что, подвергая его мучению, они смогут заставить его изрыгнуть ее, а затем откроют тайну того, как ее умножить и увеличить, но:

В конце концов тщетна надежда земледельца
Путающего сроки.

Вергилий. Георгики.

Ибо невозможно, чтобы солнечная тинктура полностью отделилась от своего тела. В этом виде Искусство не сможет разрушить то, что Природа так хорошо соединила. Если им удастся извлечь из золота фиксированную и окрашенную жидкость силой огня или травлением кислотой, то нужно смотреть на нее только как на часть вещества, а не как на тинктуру; ибо то, что составляет, собственно, тинктуру, не может быть отделено от золота. Именно это понятие тинктуры вводит в заблуждение большинство мастеров. Пусть это будет тинктура, но они, по крайней мере, должны были бы согласиться, что она была нарушена силой огня или кислот, она не может пригодиться для делания, и не сможет придать летучим телам устойчивость золота, от которого ее отделили. По этой причине д'Эспанье² советует им не тратить свои деньги и золото в столь тяжелой работе, из чего им не извлечь никаких плодов.

ОБ ИМЕНАХ, ДАВАЕМЫХ ДРЕВНИМИ ФИЛОСОФАМИ МАТЕРИИ

Древние Философы скрывали настоящее название материи философского камня так же тщательно, как и современные. Они говорили о ней лишь аллегориями и символами. Египтяне изображали ее в своих иероглифах в виде быка, бывшего одновременно и символом Осириса и Исиды, которых считали братом и сестрой, мужем и женой, внуками неба и земли. Другие дали ей имя Венеры. Они называли ее также Андрогинной, Андромедой, женой Сатурна, дочерью бога Нептуна; Латоной, Майей, Семелой, Ледой, Церерой, а Гомер многократно удостоил ее титула матери богов. Она была известна также под именем Реи — текущей, плавящейся земли, и под бесчисленными другими женскими именами, в зависимости от различных обстоятельств, в которых она оказывалась в течение разных последовательных операций делания. Они персонифицируют ее, и каждое обстоятельство давало им сюжет для бог знает скольких аллегорических басен, которые они придумывали, как им заблагорассудится, — доказательства тому мы увидим в продолжение нашего труда.

Герметический философ говорит, что *Латунь* (имя, которое он также давал их материи) состоит из сырых, летучих золота и серебра и полна черноты во время гниения, называемую *чревом Сатурна*, где была зачата Венера. Поэто-

¹ D'Espagnet, Can. 30.

² Can. 34.

му-то и считается, что она родилась из моря Философского. Добываемая из него соль представлена Купидоном, сыном Венеры и Меркурия; потому что тогда Венера означала серу, а Меркурий — живое серебро или философский меркурий.

Николя Фламель изображал первоматерию в иероглифических фигурах в виде двух драконов — одного крылатого, другого бескрылого, чтобы обозначить, говорит он¹, —

...фиксированное, или мужское начало, или серу; а тем, что имеет крылья, — летучее начало или влажность, или женское, или живое серебро. Это, — добавляет он, — Солнце и Луна меркуриального источника. Этих змей и драконов рисовали египтяне в виде круга, в котором голова заглатывает хвост, чтобы показать, что они вышли из одной и той же вещи и, что она одна была самодостаточна и в своем очертании и в своем кружении сама себя довершала. Именно этих драконов, не знающих сна, древние поэты-философы заставляли сторожить золотые яблоки сада Гесперид. Отправившийся за Золотым руном Ясон, именно в них плеснул снадобъем, приготовленным прекрасной Медеей. Речами о них наполнены книги Философов, и нет ни одного не упоминавшего о них — начиная от правдивого Гермеса Трисмегиста, Орфея, Пифагора, Артефия, Мориена и кончая всеми остальными, вплоть до меня самого.

Именно этих двух змей, посланных Юноной, которая представляет металлическое начало, должен задушить в своей колыбели сильный Гераклес, т.е. мудрец; он должен их победить и убить, чтобы предать их гниению, порче и зачатию для начала своего делания. Эти же две змеи обвилились вокруг кадуцея Меркурия, и с их помощью он являет свою великую мощь, перевоплощается и меняется как ему угодно.

Символом материи у древних была и черепаха, потому что она несет на своем панцире своего рода изображение этой фигуры Сатурна ♄. Также Венеру иногда изображали несущейся на козле, голова которого, как и голова овна ♈, примерно похожа на знак Меркурия, а правая нога ее опирается на черепаху. На одной из философских эмблем видим мастера, готовящего черепахе сок из винограда. А когда у одного Философа спросили: какова сия материя, он ответил: «*Testudo solis cum pinguedine vitis*»².

Знак Сатурна ♄ был в большом почете у аборигенов; они украшали им свои медальоны, колонны, обелиски и т.д. Они изображали Сатурна в образе старца, на вид, однако, мужественного и крепкого, испускающего мочу в виде струи; именно в этой жидкости для них состояла лучшая часть их лекарства и их богатств. Другие присоединяли к этому растение, именовавшееся *Molybdanos*, или сатурнианское растение, о котором они говорили, что корень его из свинца, стебель из серебра, а цветы из золота. Именно о нем упоминает Гомер³ под названием *Мали*. Мы еще вернемся к нему, объясняя сошествие Энея в ад, — в конце данного труда.

Греки также сочинили массу мифов по этому случаю и образовали соответственно имя Меркурий из *Μηρός* — *пах* и из *Κύρις* — *дитя*, потому что философский Меркурий — это вода, которую многие авторы, и, в частности, Раймунд Лул-

¹ Объяснение иероглифических фигур, гл. 3.

² Солнечная черепаха с разросшейся виноградной лозой (лат.). — *Прим. ред.*

³ Одиссея, X, 305.

лий¹, называли *детской мочой*. Отсюда также и миф об Орионе, рожденном из мочи Юпитера, Нептуна и Меркурия.

МАТЕРИЯ ЕДИНА И ВСЕОБРАЗНА

Философы, всегда тщательно скрывавшие как свою материю, так и свои приемы, называют своей материей эту одну и ту же материю во всех ее состояниях, в которых она находится во время операций. Они дают ей с этой целью много имен, которые подходят ей лишь в целом, у смешанного же никогда не бывает столько имен. Она одна и всеобразна, — говорят они, — потому что она — коренное начало всех смешанных. Она есть во всем и похожа на все, потому что она может иметь все формы, но это еще до того, как ее определяют к какому-нибудь одному из трех царств Природы. Когда ее предназначено минеральное царство, они говорят, что она похожа на золото, потому что является его основой, началом и источником, вот почему они называют ее сырым золотом, летучим золотом, прокаженным золотом. Она аналогична металлам, поскольку она — ртуть, из которого они состоят. Дух этого ртути настолько уплотняющий, что его зовут отцом как драгоценных, так и обычных камней. Он — мать, которая их порождает, их питающее влажное, и материя, которая их образует.

Минералы также образованы из нее, и поскольку антимоний является Протеом химии, а также минералом, имеющим больше всего качеств и свойств, Артефий назвал материю философского камня *антимонием Сатурна*. Но хотя он и дает настоящий ртуть, не следует думать, что этот ртуть получается из обычного антимония или, что это — обычная ртуть. Филалет уверяет², что как бы ни обрабатывать обычную ртуть, из нее ни за что не получить ртуть Философов. Космополит говорит, что этот ртуть — подлинный, а что обычный ртуть лишь его незаконнорожденный брат³. Когда ртуть Философов смешивают с серебром и с золотом, его называют электром Философов, нашей бронзой, оловом, медью, сталью. Но в операциях называют — наш яд, наш мышьяк, аурипигмент, свинец, латунь, которые необходимо выбелить, а также Сатурном, Юпитером, Марсом, Венерой, Луной и Солнцем.

Этот ртуть — горячая вода, имеющая свойство растворять все смешанные, минералы, камни; и все, что другие истечения и крепкие воды не могут сделать, доделывается косою старика Сатурна; потому ей и дали имя универсального растворителя.

Парацельс так говорил о Сатурне⁴: «Опрометчивым нужно бы убедиться и даже узнать о свойствах, сокрытых внутри Сатурна, и обо всем, что можно сделать с ним и его помощью. Если бы люди знали это, все бы алхимики оставили всякую другую материю, чтобы работать только с ним».

В заключение того, что я хочу сказать о материи философского камня, приведу определение некоторых Философов для некой материи, которую суфлеры

¹ Lib. Secretorium & alibi.

² Introitus apertus.

³ Dialog. Mercur. Alkemistae & Naturae.

⁴ Coelum Philosoph. Can. de Saturno.

обычно берут для приготовления золотого лекарства или философского камня. Вот что говорит Рипли:

Я провел много опытов со всеми вещами, называемыми Философами в их трудах, чтобы изготовить золото и серебро, и хочу рассказать о них. Я работал с кинноварью, но она ни на что не годилась, работал с сублимированной ртутью, стоившей довольно дорого. Я совершил множество возгонок спирта, ферментов, соли, солей железа, и его окарины, веря, что таким способом и такими веществами мне удастся получить камень; но я увидел, в конце концов, что потерял время, деньги и труд. А ведь я в точности следовал всему, что предписывают авторы, я нашел, что все приемы, которым они учат, неверны. Затем я приготовил крепкую воду, едкую воду, горючую воду и применял их по-всякому, но каждый раз напрасно. После этого я использовал яичную скорлупу, серу, купорос, который безумные артисты принимают за зеленого льва Философов, мышьяк, аурипигмент, аммиачную соль, стекловидную соль, селитру, содовую соль, тинкаровую соль, соль винного камня, алебровую соль. Но, поверьте мне, что надо остерегаться всех этих веществ. Избегайте несовершенных покрасневших металлов, паров ртути, сублимированной или осажденной ртути, иначе вы ошибетесь так же, как и я.

Я испытывал все: кровь, волосы, душу Сатурна, марказиты, Марсов шафран, чешую и железную окарину, свинцовый глет, сурьму — все это не стоит выделенного яйца. Я много трудился, чтобы получить масло и соль серебра; я обугливал этот металл приготовленной солью и без соли, с водкой; я извлекал едкие масла, но все это было бесполезно. Я использовал масла, молоко, вина, сыворотку, сперму звезд, опадающую на землю, чистотел, удобрения и множество других вещей, — и все без пользы. Я смешивал ртуть с металлами, я истирал их в порошок, думая, что из этого выйдет толк; я искал в самом пепле, но поверьте мне и, ради Бога, не делайте таких глупостей. Я нашел лишь один настоящий камень.

Треvizан¹ высказывается примерно в этом же смысле:

И таким образом мы увидели и узнали многих и многих, бесконечно надрывающихся в совершении амальгам и умножений белым и красным, со всеми веществами, которые только можно вообразить, со всеми возможными работами, продолжениями и постоянном труде. Но никогда мы не видели, чтобы наше золото или наше серебро умножилось на треть, на половину или хоть на малую часть. И видели мы столько примеров отбеливания и доведения до красноты, а также мудрствования: в Риме, Наварре, Испании, Турции, Греции, Александрии, у варваров, в Персии, в Мессине, на Родосе, во Франции, в Шотландии, Италии, Англии, Германии, в Святой Земле и чуть ли не во всем мире. Но повсюду мы встречали лишь людей, трудящихся над мудреными вещами и травяными, растительными вещами и сажаемыми веществами, минеральными камнями, солями, квасцами и крепкой водой, совершающих дистилляцию и разделение элементов, возгонку, кальцинирование, конгеляцию живого серебра травами, камнями, водами, маслами, навозом и огнем в очень странных сосудах. Но никогда мы не видели, чтобы они работали над нужным веществом. Мы находили все же в этих странах таких, кто знает камень, но никогда нам не удавалось вызвать их на откровенность... и поэтому я стал читать книги, прежде чем умножить свои усилия, убедившись, что не смогу достичь результата при помощи других людей, ибо, даже если они и знают это, то никогда не согласятся раскрыть свое знание... А раз так, стал я внимательно изучать те места, где больше всего написано в книгах совпадает, т.к. они могут говорить правду только об одной какой-то вещи. И таким вот образом я нашел истину. Ибо, где они больше согласуются, там и есть

¹ Philosoph. des Métaux.

правда; сколько бы каждый не называл его по-своему, все равно *это и есть суть этих слов*.

Познал я также, что ложное лежит в разнообразии, а вовсе не в однообразии; ибо, если бы это была истина, то *они вложили бы в нее только одно вещество*, какие бы названия и какие бы фигуры они ей ни присваивали... И клянусь Богом, но они писали в своих книгах уклончиво и фигурально, говоря о волосах, моче, крови, сперме, травах, овощах, животных, растениях, камнях и минералах, а также о соли, квасцах и купоросе, буре и магнезии о всяких камнях и воде. Я полагаю и говорю, что это ничего им не стоило или, что все это не требовало больших трудов, или, что они поступали весьма немилосердно... Ибо знайте, что ни одна книга не описывает истинными словами, а только вокруг да около, то есть символически. Однако же, человек должен видеть и чаще пересматривать действительность того, что они говорят, и способы, каковые Природа применяет в своих действиях.

Сим заключаю я, и верьте мне. Оставьте подделки всем тем, кто верит этому: избегайте их возгонок, сосдинений, разъединений и других разочарований... И пусть умолкнут те, кто берет не нашу тинктуру, не истинную, не дающую какой-либо пользы. И пусть молчат те, кто оговаривают и ругают не нашу серу, сокрытую внутри магнезии (философской), кто хочет извлечь живое серебро не из красного слугителя, и не нашу воду, которая постоянна и соединяется только со своей природой, и которая не смачивает ничего, кроме того, что представляет единство с ее природой...

Оставьте квасцы, купоросы, соли и всякие магниты, буру, крепкие водки, животных, зверей и все, что может от них произойти: волосы, кровь, мочу, сперму, плоть, яйца, камни и всякие минералы. Оставьте все отдельные металлы: ибо вход должен быть без них, а наша материя — по словам всех Философов — должна состоять из живого серебра. А живое серебро находится ни в чем ином как в металлах, как сказано Гебером, в великом «Розарии», в кодексе всякой истины, Мориеном, Гали, Калибом, Авиценной, Бенгедидом, Есидом, Серапионом, Сарном, выпустившим книгу под названием «*Lilium*», Евклидом в его семидесятой главе «Опровержений» и Философом (Аристотелем) в третьей главе «Метеорологии»...

И потому говорят Аристотель и Демокрит в книге физики, третья глава Метеоров — стало это великой пищей для алхимиков; ибо никогда не изменить им форму металлов, если не сократить их первоматерию... Знайте же, как говорит Носк, бывший королем Албании, что от человека получается только человек; от летучего только летучее, а от дикого зверя только дикий же зверь. Природа изменяет себя только в своей собственной природе, а не какой-либо другой.

То, что мы взяли от этих двух авторов, это — урок для суфлеров. Он ясно показывает им, что они не на правильном пути; он может также защитить тех, кого они задумают обмануть, потому что всякий раз, как кто-то пообещает изготовить камень из упомянутых выше веществ, можно будет заключить, что это или невежда, или плут. Ясно также из данных рассуждений Тревизана, что материя философского камня должна быть минеральной и металлической природы; но какова же именно эта материя? Никто точно не называет ее.

КЛЮЧ К КАМНЮ

Василий Валентин¹ говорит, что имеющий муку сделает тесто, имеющий же тесто найдет печь, чтобы испечь его. Это все равно, как если б он сказал, что мастер, имеющий подлинную философскую материю, не будет терзаться незнанием того, как пустить ее в дело: если верить Философам, то правда, что созидание камня есть вещь очень простая, для этого нужно больше времени и терпения, чем затрат. К тому же, несомненно, это должно относиться лишь к некоторым обстоятельствам делания, когда достигнута определенная ступень. Фламель² говорит, что *приготовление действующих стихий труднее всего в мире*. Августин³ уверяет нас, что для этого требуется геркулесов труд:

Второй золоченый, как водоворот, означает соблазн
Как начало ошибки, так возможно погружение в пучину;
Ибо тяжесть его глубоко проникает.

И д'Эспанье ясно говорит, что работы требуется немало⁴. «При философской сублимации ртути или первом приготовлении нужен труд Геркулеса, ибо без него Ясон никогда бы не решился пуститься на поиски Золотого руна». Не следует полагать, однако, что эта сублимация совершается подобно химической возгонке, и потому-то он назвал ее *Философской*. Сказанное им далее нужно разуметь так, что она состоит в растворении и в гниении материи; потому что эта сублимация не что иное, как отделение чистого от нечистого, или же очищение материи, которая по своей природе может быть сублимирована только гниением. Ввиду этого д'Эспанье приводит следующие слова Вергилия. Поэт, — говорит он, — очевидно, ощутил нечто от природы, от свойства и от культуры философской земли такими словами:

Ранней весною, когда от седых вершин ледяная
Льется вода и земля под Зефиром становится рыхлой,
Пусть начинает стелзть, со вдавленным двигаясь плугом,
Вол...

Георгики, I, 43–46

Ключом делания, следовательно, является растворение. Все Философы согласны с этим и все одинаково об этом говорят. Но в делании имеется две задачи: одна, чтобы получить камень, другая, чтобы получить эликсир. Начать нужно с приготовления действующих элементов; и вот об этом-то приготовлении Философы ничего не говорили, ибо все зависит от него, второе же делание по их словам — лишь детская игра и женская забава. Нельзя, поэтому, путать операции второго делания с первым, хотя Мориен⁵ и уверяет нас, что второе делание, именуемое им *растворением*, есть лишь повторение первого. Можно предположить, тем не менее, что это не так уж трудно и сложно, т.к. они либо не говорят об этом ни слова, либо говорят так, чтобы скрыть. Исходя из того, каким должно быть это приготовление, совершенно очевидно, что оно должно начинаться с

¹ Приложение к 12 ключам.

² Объяснение иероглифических фигур.

³ Chrysop. L. 2.

⁴ Can. 42.

⁵ Entret. de Calid et de Morien.

растворения материи, хотя многие называли это кальцинацией или сублимацией; но поскольку они не пожелали ясно об этом высказаться, то можно, по крайней мере, извлечь из операций второго делания некоторые выводы, проливающие свет на операции первого.

Сначала необходимо получить философский меркурий или растворитель при помощи материи, содержащей в себе два свойства и которая была бы частично летучей, а частично фиксированной. О том, что нужно растворение, говорит Космополит, указывающий нам, что следует искать материю, из которой можно было бы получить воду, растворяющую золото естественным путем и без насилия. Однако материю можно превратить в воду растворением, только если не пользоваться дистилляцией вульгарной химии, которую исключает делание.

Стоит заметить, что все термины вульгарной химии, используемые Философами в их книгах, нужно воспринимать не в обычном значении, а в философском. По этой причине Филалет¹ предупреждает нас, что дистилляция, сублимация, кальцинация, осаждение, реверберация, разложение, осаждение, коагуляция означают одну и ту же операцию, совершаемую в одном и том же сосуде, т.е. варку материи. Разницу между ними мы увидим ниже, когда будем рассматривать каждую в отдельности.

Следует также заметить, что показательные признаки делания, упоминаемые Философами, касаются в особенности второго делания. Заметим также, что большинство герметических авторов начинают свои трактаты именно с этой второй операции, считая, что меркурий и сера ими уже получены. Описания, даваемые ими в загадках, аллегориях, мифах, взяты почти все из того, что происходит по этому, второму положению Мориена. Отсюда же вытекают и явные противоречия, обнаруживаемые в их трудах, когда один говорит, что требуется два вещества, другие — что только одно, или три, или четыре, и т.д. Так, чтобы изъясняться согласно идеям Философов, нужно следовать им на каждом шагу. А поскольку я не хочу ни в чем отклоняться от их принципов и от способа, которым они их выводят, то буду приводить их слово в слово, с тем, чтобы читатель не принимал мои объяснения мифов просто за плод моего воображения. Одним из тех, кто больше всех пользуется ими, является Василий Валентин с его трактатом о 12 ключах, однако использует он их, чтобы составлять свои allegории, а не для того, чтобы показать, какой была мысль их авторов. Фламель, напротив, приводит время от времени некоторые из них в том значении, которое им придают авторы, и потому я буду ссылаться на него чаще, да и в этом труде его высказывания составляют немалую часть.

Два дракона, взятых им в качестве иероглифического символа материи, это, говорит он² — две змеи, посланные Юноной — металлической природой, которых силач Гёркулес, т.е. мудрец, должен задушить в собственной колыбели, я имею в виду победить и убить, чтобы вызвать их гниение, порчу и зачатие в *начале его делания*. Вот ключ делания или так называемое растворение — змеи, драконы, химера, сфинкс, гарпии и другие чудовища мифов, которых должно убить. А поскольку гниение следует за смертью, Фламель говорит, «что нужно вызвать в них гниение и порчу. Помещенные вместе в сосуд для гниения, они жес-

¹ Ennaratio method. trium Gebri medicin.

² Loco cit.

токо грызут друг друга, изливая на себя сильный свой яд и неистовую ярость, не расцепляются ни на миг с того момента, как сцепились и схватились (если им не воспрепятствует холод), пока не покроют друг друга истекающим ядом и смертельными ранами и не обескровят все части тела своего. И так, в конце концов, убьют себя, задохнутся в собственном яде, который превратит их после смерти в *живую и фиксированную воду*».

Эта вода и есть собственно Меркурий Философов.

Это мужская и женская спермы, — добавляет он, — описанные в начале моего философского рассмотрения, (говорит Разес, Авиценна и Авраам Еврей) и зачинаются в чреслах, в чреве и действии четырех стихий. Это — изначальная влажность металлов, сера и живое серебро, — но не вульгарные, продающиеся торговцами-аптекарями, а те, что дают нам эти два, столь любимые нами, красивые и ценные вещи. Эти две спермы, — говорил Демокрит, — не найти на земле живых. Авиценна утверждает то же самое, но добавляет, что их собирают из помета, грязи и гнили Солнца и Луны.

Гниение определяется следующим образом: «Причина, по которой я нарисовал эти две спермы в виде Драконов, состоит в том, что они издают очень сильное зловоние, подобно драконам, а испарения, поднимающиеся в реторте, — темные, черные, синие и желтоватые... Философ никогда не обоняет этого зловония, если только не разобьет сосуды; он просто именно так считает, глядя, как меняются цвета, порождаемые гниением его материй». Пусть же химики или суфлеры, ищущие философский камень в своих кальцинациях и тиглях, оценят по этим словам Фламеля, соответствуют ли их операции тем, что совершал он, и решат, правильно ли они делают, вдыхая пары зловонных веществ и мышьяка, над которыми они трудятся.

Итак, гниение вещества в сосуде — начало и причина проявляющихся цветов; первым же, достаточно постоянным или имеющим определенный срок, или могущий таковым показаться, — есть черный цвет, который они зовут просто *чернотой*, а также и множеством других названий, приводимых и далее в нашем труде или в словаре терминов, присущих Герметической Философии.

Этот цвет означает, таким образом, гниение и следующее из него зачатие, даваемое нам *растворением* наших совершенных тел. Последние слова указывают, что Фламель говорит о второй, а не о первой операции. «Это растворение происходит при помощи внешнего жара и тончайшей высшей огненности, и горького замечательного свойства яда нашего ртути, обращающего и растворяющего просто в пыль и, даже, в почти неосязаемый порошок то, что ему сопротивляется. Таким образом, жар, действующий в и против металлической, вязкой и маслянистой изначальной влажности вызывает в теле черноту. Она является тем черным парусом на корабле Тесея, когда он вернулся с победой с Крита, и который стал причиной смерти его отца. Значит, отец должен умереть, чтобы из пепла этого Феникса возродился новый и чтобы сын стал королем».

Подлинным ключом делания есть эта чернота в начале операции; а если до нее появляется другой — красный или белый цвета, то это доказывает, что операция не удалась. Или, как говорит наш автор, «надо все время стремиться к этой черноте, и если ее не видно в дни делания камня, то каков бы ни был другой цвет, ее именно и недостает магистерии, и этим хаосом довершить ее уже нельзя... Истинно говорю я тебе, что даже если будешь трудиться с правильными веществами, но если в начале, после того как поместишь приготовления в философское

яйцо, т.е., через какое-то время после того, как очень раздражил их, ты не увидишь *черным пречерную эту воронью голову*, надо начинать сначала, — ибо эта ошибка непоправима. А главное — нужно опасаться оранжевого или полукрасного цвета, поскольку, если ты увидишь его в твоём яйце в начале, то, значит, ты сжигаешь или сжег силу и жизнь камня».

Синеватый и желтоватый цвета указывают, что гниение и растворение еще далеко не закончены. Знаком совершенного растворения есть чернота. Тогда материя растворяется в порошок, так сказать, в более тонкие, чем частицы, кувыркающиеся в лучах солнца, и эти атомы превращаются в чистую воду. Философы называют это растворение: *смертью, разрушением и погибелью, адом, Тартаром, мраком, ночью, покровом тьмы, гробницей, склепом, ядовитой водой, углем, навозом, черной землей, черной завесой, сернистой землей, меланхолией, черной магнезией, грязью, зловонным выделением, дымом, сажей, ядовитым огнем, тучей, свинцом, черным свинцом, Сатурном, презренной вещью, гнусной вещью, печатью Гермеса, зловонным духом, зашедшим солнцем или затмением солнца, конским навозом, порчей, черной коркой, пеной испражнений, покровом ила, колпаком алембика, нефтой, нечистотами мертвеца, трупом, маслом Сатурна, черным, чернее самого черного*. Они называют его всеми именами, которые способны выразить или обозначить порчу, растворение и черноту. Именно это дает Философам пищу для стольких аллегорий о мертвых и могилах. Некоторые называли его также *кальцинацией, денудацией, сепарацией, размельчением, осаждением* — по причине измельчения веществ в очень тонкий порошок. Другие называют его *превращением в первоматерию, размягчением, экстракцией, смешением, сжижением, превращением элементов, утончением, разделением, погребением, превращением в тестообразную массу и дистилляцией*. Прочие давали ему имя *эликсира, киммерийских теней, бездны, зачатия, ингрессии, погружения, усложнения, соединения и пропитывание*. Когда на эти вещества действует теплота, они сначала обращаются в порошок, в жирную и липкую жидкость, которая поднимается в виде пара вверх сосуда, вновь опускается в виде росы или дождя на дно сосуда¹, где становится похожей на черный жирноватый бульон. Поэтому процесс этот называли сублимацией, возгонкой, восхождением и нисхождением. При дальнейшей коагуляции жидкость становится похожей на черный вар, благодаря чему ее именуют зловонной и вонючей землей. От нее исходит запах затхлости склепов и могил. Гермес называл ее землей листьев. «Но ее подлинное имя, — говорит Фламель, — *это латунь, или желтая медь, которую нужно отбелить*. Древние мудрецы описывали ее историей дракона посланного Марсом, пожравшего спутников Кадма, который затем убил его, пригвоздив его к пустому в середине дубу». См. замечания об этом дубе.

Но чтобы достичь этого гниения, нужно средство или растворитель, аналогичный материи, которую предстоит растворить. Это растворимое вещество называется мужским семенем; растворитель же — это растворяющий дух, именуемый женским семенем. Когда они соединяются в сосуде, Философы называют их *Рибисам*, по поводу чего Мерлин говорит так:

Res rebis est bina conjuncta, sed tamen una².

¹ Артефий.

² Тело ребиса есть соединение двоих, но все же это одно. — Прим. ред.

А вот как высказывается Филалет об этом растворителе¹: «Это женское семя есть одно из главных начал нашего магистерия; нужно, следовательно, глубоко поразмыслить над этим, как над веществом, без которого удача невозможна, поскольку хоть это и живое серебро, на самом деле это не природное живое серебро в его собственной природе, а некий иной меркурий, содействующий новому зачатию, который в обмен на свою чистоту требует длительной и поразительной подготовки, дающей ему ее целое и невредимое однородное минеральное свойство. Ибо, если отнять у этого растворяющего духа его текучесть и меркуриальность, он станет бесполезным для философского делания, т.к. потеряет при этом свою растворяющую природу; если же его обратить в какой бы то ни было порошок, он теряется, утрачивает с прежним всякие отношения и пропорции и должен быть отринут от нашего делания. Поэтому безумны и неправильно думают те, кто разрушает живое серебро до того, как оно соединится с металлическими видами. Ибо этот меркурий, который не является вульгарным, это — материя всех металлов, и как бы их вода, своей основой однородная с ними. Смешиваясь с ними, она воспринимает их природу и принимает все их свойства, потому что она похожа на небесный меркурий, тот, который приобретает качества планет, с которыми он объединяется».

Никакая вода не может полностью и естественным способом растворить металлические вещи, если она не их природы, и если она не может быть конглобирована с ними. Нужно, чтобы она проникала в металлы, как питательное вещество, которое всасывается в них и становится однородным с ними веществом. Тот же, кто отнимает у ртути его влажность при помощи солей, купоросов или других портящих веществ, действует неразумно. Не меньше ошибаются и те, которые надеются извлечь из природной ртути чистую и прозрачную воду, которая послужила бы им для получения замечательных вещей. Даже, если бы им удалось получить такую воду, она никогда не будет пригодной для делания.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СВОЙСТВА МЕРКУРИЯ

Меркурий — это вещество, растворяющее металлы естественным растворением, приводящее их дух из случайного состояния в действие.

Меркурий — это вещество, делающее материю металлов прозрачной, ясной и незатемненной, т.е. очищающее их от загрязнений и извлекающее изнутри совершенных металлов их природу и сокрытое в ней семя.

Растворяющий меркурий — это сухой, не вязкий, содержащий много кислотности, очень легкий, очень летучий от разогревания пар, обладающий высокой способностью проникать в металлы и растворять их при приготовлении; и совершая это растворение, — кроме того, что труд этот длителен, — мы навлекаем на себя очень большую опасность, — говорит Филалет. Поэтому он советует беречь глаза, уши и нос.

Изготовление этого меркурия, — добавляет этот же автор, — составляет одну из величайших тайн Природы; узнать ее возможно лишь Божьим откровением или откровением друга, так как по книгам раскрыть ее почти невозможно.

¹ Vera confect. lapid. Philosop., p. 13 et al.

Растворяющий меркурий — это меркурий Философов не до его приготовления, а после, и он есть начало лекарства третьей степени. То, что подразумевается под этими ступенями лекарства, описано в предлагаемом словаре.

Большая ошибка тех, которые вместо этого меркурия используют для философского делания природную или сублимированную ртуть, либо же ртуть в виде обугленного или осажденного порошка.

Растворяющий меркурий — это элемент земли, куда нужно посеять зерно золота. Он портит солнце, подвергает его гниению, растворяет его в меркурий, делает его летучим и похожим на него самого. Он обращается в солнце и в луну, и становится такой же, как меркурий металлов. Он извлекает наружу души тел, похищает их и варит. Именно это позволило древним мудрецам утверждать, что бог Меркурий извлекал души из живых тел, и отводил их в царство Плутона. Поэтому Гомер очень часто называет меркурий *Ἀργεῖφόντης, Argicida*¹.

Растворяющий меркурий не должен быть сухим, т.к. все Философы уверяют нас, что в таком виде он не способен растворять. Нужно, следовательно, взять женское семя, которое по форме близко и похоже на семя металлов. Искусство делает его *menstruum* металлов; при помощи операций первого лекарства, или несовершенного приготовления, оно проходит через все свойства металлов, вплоть до свойств Солнца. Сера несовершенных металлов коагулирует его, и он принимает свойства того металла, чья сера скоагулировала его. Если растворяющий меркурий не оживлен, напрасно будет пытаться использовать его как для универсального, так и для отдельного делания.

Растворяющий меркурий есть единственный сосуд Философов, в котором и совершается весь магистерий. Философы давали ему различные имена и в т.ч. такие: *уксус, уксус Философов, поле, алудель, вода, результат искусства, горючая вода, божественная вода, родниковая вода, очищающая вода, фиксированная вода, первая вода, простая вода, баня, небо, тюрьма, верхнее веко, решето, дым, влажность, огонь, искусственный огонь, портящий огонь, противоестественный огонь, влажный огонь, иордан, жидкость, сырая растительная жидкость, луна, материя, лунная материя, первая добродетель, мать, сырой меркурий, готовящая ртуть, первый министр, беглый служитель, нимфы, вакханки, музы, женщина; море, сырой дух, вареный дух, склеп, меркуриальная сперма, стигийская вода, страусиный желудок, сосуд, сосуд Философов, инспектор спрятанных вещей, сырое живое серебро, просто извлеченное из копи; однако не следует забывать, что это не та ртуть, которую продают в лавках аптекарей.*

Когда меркурий соединяется с растворимым телом, Философы рассматривают оба их, как одно; и тогда они говорят, что мудрецы находят в меркурии все, что им нужно. Поэтому нельзя обманываться разнообразием названий, и чтобы избежать подобных ошибок, приведем основные из них: *сгущенная вода, наша вода, вторая вода, аркан, добро, многоликая добродетель, хаос, ворота, наш компост, наше приготовление, спутанное тело, смешанное тело, медь, Медь Философов, латунь, навоз, водянистый дым, жгучая влажность, чуждый огонь, неприродный огонь, камень, минеральный камень, единственный камень, единственная материя металлов, menstruum, копи металлов, меркурий, сгущенный меркурий, монета, яйцо, яйцо философов, корень, единственный корень, камень*

¹ Убийца Аргоса, стоглазого стража Ио; эпитет Гермеса. — Прим. ред.

ведомый в главах книг. Наконец, именно этой смесью или меркурием большинство авторов начинают свои книги и трактаты о делании.

О СОСУДЕ ИСКУССТВА И О СОСУДЕ ПРИРОДЫ

Существует три вида матриц. Первая — это земля, универсальная матрица мира, вместилище элементов, великий сосуд Природы, место, в котором происходит порча семени, это склеп и живая могила всех тварей. Она, например, матрица растительности и минералов.

Вторая матрица — это matka животных, яйцо у птиц, и единственно каменная — это матрица золота и серебра.

Третья — матрица металла — известна немногим; поскольку матрица вместе со спермой есть причина проявления металла.

Знание этого драгоценного сосуда и фиксированного духа, помещенного в нем, было одной из величайших тайн кабалы египтян. Пришлось, таким образом, искать сосуд, аналогичный тому, который использует Природа для образования металлов, — сосуд, ставший матрицей золотого древа Философов, и лучшего, чем стекло, не нашли. Добавили к этому способ его запечатывания, подражая Природе, чтобы ни одно из начал не улетучилось из него. Ибо, как говорит Раймунд Луллий, состав, образующийся из субстанции выделяющихся паров, ниспадающих на материю в процессе порчи, чтобы увлажнить, растворить ее, и есть гниение. Поэтому форма такого сосуда должна облегчать циркуляцию духов, а толщина и плотность его выдерживать их бурность.

НАЗВАНИЯ, ДАННЫЕ СОСУДУ ДРЕВНИМИ

Философы называли этот сосуд в своих аллегориях так, чтобы не возникло ни малейшего подозрения в отношении того, что им о нем известно. То это была башня, то корабль, то сундук, то корзина. Это были богиня данайцев, сундук Девкалиона, могила Осириса, корзина, бурдюк Бахуса, бутылка, золотая амфора или сосуд Вулкана, кубок, который Юнона подала Фетиде, корабль Ясона, Лернейское озеро, называвшееся также *λάρναξ*¹, *capsa*, *loculus*, ларец Эрихтония, ящик, в который заключили Тенеса с его сестрой Гимитией², спальня Леды, яйца, из которых родились Кастор, Поллукс, Клитемнестра и Елена. Далее, город Троя, пещеры чудищ, сосуды, подаренные Вулканом Юпитеру, ларец, который Фетида дала Ахиллесу, и куда сложили кости Патрокла и его друга. Кубок, с которым Геркулес переплыл море, отправляясь за коровами Гериона; пещера горы Геликон, служившая жилищем Музам и Фебу; и столько всего другого в мифах, придуманных о великом делании. Ложе, на котором Венеру застали с Марсом, шкура, в которой был зачат Орион, клепсидра или рог Амалтеи от греческого *κλεπίω* «прячу» и *ὕδωρ* «воду». Египтяне имели в виду то же самое, говоря о своих колодцах, склепах, урнах, мавзолеях в виде пирамид.

Но что еще больше вводило в заблуждение тех, которые изучали Герметическую Философию по книгам, — это то, что в них, как правило, не делалось различия

¹ Ящик, гроб, урна (гр.). — *Прим. ред.*

² См.: *Апаллодор*. Эпитома, III, 24–25. — *Прим. ред.*

между сосудом Искусства и сосудом Природы. Они упоминают то один, то другой из них в зависимости от того, куда ведет их рассказ, никак их не различая. Обычно они упоминают тройной ковчег. Фламель изобразил его в своих «Иероглифах», как чернильницу. «Этот глиняный сосуд в виде чернильницы в нише, — говорит он, — называется тройным судном, ибо в середине есть ступенка, на которой стоит блюдо, наполненное теплой золой. В ней лежит философское яйцо, представляющее собой стеклянную колбу, которую ты видишь нарисованной в виде письменного прибора и которая заполнена приготовленным при помощи Искусства веществом, т.е. *пенной Красного моря и жиром ртутиального ветра*». Но из описанного им тройного судна видно, что он говорит не только о сосуде, но и о печи.

Чтобы делание удалось, совершенно необходимо знать сосуд и его форму. Так, сосуд Искусства должен быть стеклянный, овальной формы. Что же до сосуда Природы, то Философы говорят нам, что нужно иметь точные сведения об его количестве и качестве. Это — земля камня или женское, матрица, в которую падает семя, где оно гниет и готовится к зачатию. Мориен описывает его следующим образом: «Вы должны знать, о, добрый король, что сей магистерий есть тайна тайн Всевышнего; Он доверил ее своим пророкам, души которых забрал к себе в рай. И если бы их наследники — мудрецы не поняли, что те говорят о *качестве* сосуда, в котором делается магистерий, они никогда не смогли бы совершить делание».

«Сосуд этот, — говорит Филалет, — есть алудель, но не из стекла, а из земли; он — вместилище тинктур; и, подобно камню он должен содержать (в начале халдейского года) двадцать четыре полные флорентийские меры — ни больше, ни меньше».

Философы говорили о разных сосудах, чтобы обмануть невежд. Они стремились даже сделать из этого тайну, как и из всего остального. Вот почему называли они его разными именами, давали различные названия, следуя различным состояниям материи. Так, они писали об алембике, о перегонном кубе, о сублимационных, калыцинационных и прочих сосудах. Однако д'Эспанье описывает так только один сосуд Искусства¹:

Если изречь истину и говорить с прямодушием, нужен всего лишь один сосуд, дабы довести до совершенства обе серы, и еще один нужен для эликсира. Разнообразие видов дигерирования не требует смены сосуда; напротив, его нельзя открывать или заменять до конца первого делания. Сосуд сей должен быть стеклянный, с круглым или овальным дном, с горлышком длиной с ладонь, но узким, как у бутылки. Стекло же должно быть толстым во всех его частях, без бугорков и трещин, чтобы долго выдерживать временами сильный огонь.

Второй сосуд Искусства должен быть изготовлен из двух полых в середине дубовых полусфер, куда помещают высушиваемое яйцо.

А вот как Тревизан упоминает о дубовом стволе²:

Затем, для того чтобы фонтан был сильнее и чтобы ни лошади, ни другие дикие звери не зашли в него, он водрузил в нем ствол дуба, срубленный посередине, сохраняющий солнце и его тень.

Наконец третий сосуд — это печь, в которой помещаются и хранятся два других сосуда вместе с содержащимся в них веществом. Фламель говорит, что

¹ Can. L. 12 et al.

² Philosoph. des métaux, Part. 4.

никогда не догадался бы о ее форме, если бы Авраам Еврей не описал ее вместе с умеренным огнем в своих иероглифических фигурах. В самом деле, Philosophы внесли ее в число своих тайн и назвали ее *Атанор* по причине постоянно, хотя и не всегда одинаково поддерживаемого в ней огня, т.к. вместилище печи и количество вещества требуют умеренности огня. Что до ее устройства, то можно посмотреть, как об этом пишет д'Эспанье.

ОБ ОГНЕ ВООБЩЕ

Хотя мы уже достаточно говорили об огне в части, посвященной основам физики, предшествующей данному трактату, не мешает сказать о нем еще несколько слов в отношении того, что касается делания. Нам известны три вида огня: огонь небесный, огонь наших очагов и огонь центральный. Первый огонь — очень чистый, простой, не горящий сам по себе; второй нечистый, густой и горящий; центральный — чистый сам по себе, но смешанный и умеренный. Первый — зачинающий, светится, не горя; второй — разрушающий, горит, освещает, вместо того, чтобы служить началу. Третий зачинает и иногда светится, не горя, а иногда горит, не освещая. Первый огонь — мягкий; второй — едкий и портящий; третий — соленый и мягкий. Первый — сам по себе бесцветный и без запаха; второй — зловонный и окрашенный в зависимости от горючего; третий — невидим, хотя может и иметь любой цвет и запах. Небесный огонь проявляется только в его действиях; второй можно видеть и ощущать органами чувств; а центральный проявляется только благодаря его свойствам.

Огонь очень сильный в животном, глубинный и связанный в металле, умеренный в растении, кипящий и обжигающий в минеральных парах.

Сферой небесного огня является эфирная область, откуда он поступает к нам. Огонь стихийный обретается на поверхности земли и в нашей атмосфере; центральный огонь находится в середине материи. Этот огонь стойкий, тягучий, клейкий, врожденный в материи; он дигерирует и ведет к созреванию, не горячий и не обжигающий на ощупь; он рассеивается и поглощает очень мало, потому что его теплота умеряется холодом.

Небесный огонь — ощутимый, жизненный, активный в животном, более горячий на ощупь, менее дигерирующий, заметен при его выделении.

Огонь стихийный — разрушающий, невероятно прожорливый, разрушает все вокруг, обжигает; он не дигерирует, не варит и ничего не зачинает. В животном он является тем, что врачи называют лихорадочным и неприродным жаром; он сжигает или разрушает влажное начало нашей жизни.

Небесный огонь переходит в природу центрального огня, становится внутренним, зачинающим; второй огонь является внешним и разделяющим; центральный же является внутренним, объединяющим и гомогенным.

Свет или огонь солнца, облаченный в сконцентрированные и отраженные от поверхности земли лучи эфира, принимает характер огня элементарного или огня наших очагов. А этот огонь переходит в природу небесного огня — по мере своего расширения и становится центральным — по мере того как концентрируется в веществе. Мы видим пример этих трех видов огня в зажженной свече: распространяющийся свет представляет небесный огонь, пламя — стихийный, а фитиль — центральный.

Поскольку огонь животного обладает невероятной способностью рассеиваться, которая больше всего проявляется при его произвольном потении, Философы стремились найти способ уменьшить эту потерю. Видя, что добиться этого нельзя при помощи нечистого и портящегося, как само животное, они прибегли к такому веществу, в котором этот требуемый жар был бы сконцентрирован в изобилии. Искусство медицины не может воспрепятствовать этим потерям, и не знает быстрых способов их устранения. Потому она довольствуется тем, что берется лечить болезни, разрушающие нашу субстанцию, что происходит то ли из-за пороков органов, то ли из-за бурного состояния крови, духов, испарений, из-за их обилия или нехватки. Это затем неизбежно приводит к смерти, если не найти более эффективного лекарства, о котором врачи, как они сами признают, знают слишком мало.

О ФИЛОСОФСКОМ ОГНЕ

Причина, побуждавшая Мудрецов древности окутывать их сосуд тайной, заключалась в недостатке знаний, накопленных в те далекие времена об изготовлении стекла. Когда впоследствии был найден способ его получения, Философы уже так не скрывали вещество и форму их сосуда. Совсем иначе обстоит дело с их тайным огнем, — это лабиринт, откуда не выбраться и самым просвещенным.

Огонь Солнца не может быть этим тайным огнем, т.к. он прерывистый и неодинаковый, не может давать жар, равномерный по градусам, силе и длительности. Его жар не может проникнуть в толщу гор или разогреть холодный мрамор и скалы, получающие пары минералов, из которых образованы золото и серебро.

Огонь наших очагов препятствует объединению способных смешиваться материй, он сжигает их и выпаривает то, что связывает между собой их составные части; он — их тиран.

Центральный или врожденный огонь в веществе обладает способностью смешивать субстанции и зачинать; но он не может быть этим столь превозносимым Философским жаром, который совершает порчу металлического семени; ибо то, что есть само по себе началом порчи, может быть началом зачатия лишь случайно. Именно случайно, потому что жар зачинающий есть жар внутренний, врожденный жар материи, а тот жар, что портит — внешний и чуждый.

Этот жар совершенно разный при зачатии индивидов трех царств. В животном он гораздо активнее, чем в растении. Жар сосуда при образовании металла должен отвечать и быть пропорциональным характеру семени, которое очень трудно подвергнуть порче. Нужно, поэтому, заключить, что поскольку нет зачатия без порчи, а порчи нет без жара, необходимо, чтобы жар соответствовал семени, используемому для зачатия.

Таким образом, существуют два вида жара: один внешний, гнилостный, а другой — жизненный или зачинающий внутренне. Врожденный огонь подчиняется жару сосуда пока — после того как освободится и выберется из темницы, — сам не станет его хозяином. На помощь ему приходит жар, вызывающий гниение, переходя в состояние жара жизненного, и после этого они действуют сообща.

Итак, сосуд производит жар, способный совершать порчу, и семя, дающее огонь, свойственный зачатию, но поскольку жар этого сосуда известен для металла меньше, чем для животных или растений, нужно вспомнить то, что мы го-

ворили об огне вообще, чтобы найти этот жар. Природа настолько пропорционально отмерила его для животных, что его нельзя ни увеличивать, ни уменьшать, и матрица в этом случае есть подлинный атанор.

Говоря же о жаре сосуда для порчи семян растений, то он должен быть очень малым, т.к. солнце дает его достаточно; однако все обстоит иначе в Герметическом Искусстве. Для матрицы, изобретенной мастером, требуется им же изобретенный огонь, пропорциональный тому, который Природа дает сосуду для зачатия минеральных веществ. Неизвестный автор сообщает, что для того, чтобы узнать материю этого огня, достаточно знать, как элементарный огонь принимает форму огня небесного, а вся тайна его формы заключается в форме и в составе атанора, посредством которого сей огонь становится равномерным, мягким, постоянным и настолько уравновешенным, что материя начинает подвергаться порче, после чего должно совершиться зачатие серы, которая на какое-то время станет главенствовать и управлять остальной частью делания. Именно поэтому Философы утверждают, что женское начало главенствует во время порчи, а горячее и сухое мужское начало — во время зачатия.

Больше всех о философском огне писал Артефий, причем Понган признается, что осознал и исправил свою ошибку, прочитав трактат этого Философа. Вот, как он об этом говорит: «Наш огонь — минеральный, равномерный и постоянный, он не испаряется, если его сильно не возбуждать; он есть частица серы; берется он не из материи. Он все разрушает, растворяет, конгелирует и кальцинирует. Чтобы найти его и сделать, требуется искусство. Он не стоит ничего или, по крайней мере, очень мало. Кроме того, он влажный, пароподобный, дигерирующий, нарушающий, проникающий, тонкий, воздушный, не резкий, не сжигающий или такой, что не горит, обволакивающий, содержащий и единый. Он также — фонтан живой воды, которая окружает и содержит место, где король и королева купаются и совершают омовение. Этот влажный огонь достаточен во время делания при его начале, в середине и в конце, потому что все Искусство заключается в этом огне. Еще есть природный огонь, негорящий огонь и, наконец, есть огонь горячий, сухой, влажный, холодный. Поразмыслите же хорошенько над тем, что я сказал, и делайте правильно, не пользуясь никакой чужой материей». То, что сей же автор добавляет впоследствии, по сути, является подлинным объяснением этих трех огней, но поскольку он называет их: *огонь лампы, огонь тепла, природный огонь нашей земли*, то понятно, что он прибег к обману. Тот, кто захочет более подробно познакомиться с философским огнем, может обратиться к Завещанию Раймунда Луллия и дополнению к нему. Так же много о нем говорит и д'Эспанье — от 98-го до 118-го канона. Другие Философы, если и упоминали о нем, то лишь для того, чтобы спрятать его, либо же указывали на него, только указывая его свойства. Когда же начинались аллегории или мифы, они давали этому огню имя меча, копья, стрел, дротика, топора и т.п. Таким топором, например, Вулкан ударил Юпитера, чтобы тот разродился Палладой; такой меч тот же Вулкан дал Пелею — отцу Ахилла; Геркулесу он подарил палицу; от Аполлона указанный герой получил лук. Вспомним меч Персея, копьё Беллерофонта и т.д. Именно этот огонь похитил Прометей у неба, и им же пользовался Вулкан для изготовления молний Юпитера и оружия богов. Это также пояс Венеры, золотой трон Властителя небес и пр. Это, наконец, — огонь Весты, столь тщательно поддерживавшийся в Риме, что смертная кара ожидала девственных весталок,

которым поручено было поддерживать его, если по недосмотру или по другой причине он у них потух.

НАЧАЛА ОПЕРАЦИЙ

Приготовление состоит из четырех частей. Первая из них заключается в растворении вещества в меркуриальную воду; вторая — в приготовлении меркурия Философов; третья — в порче; четвертая — в зачатии и создании серы Философов. Первая делается посредством минерального семени земли; во время — второй тела становятся летучими и семейными; в третьей части происходит разделение субстанций и их очищение; в четвертой — субстанции соединяются и фиксируются, что и есть создание камня. Философы сравнивали приготовление с сотворением мира, который вначале был темной массой, хаосом, голой, бесформенной и мрачной материей, бывшей ничем в частности, но всем вообще. Вторая часть есть форма уравновешенной и вязкой воды, наполненной оккультным духом своей серы, а третья — в виде земли, явившейся пустынной после разделения вод.

По слову Божьему возник свет, вышедший по его воле и помещенный им превыше всего. И тогда мрак расступился пред ним, хаос и смешение уступили место порядку, ночь дню и, можно сказать, небытие бытию.

Бог возгласил во второй раз, и тогда спутанные стихии разделились, самые легкие разместились сверху, а самые тяжелые внизу, и явилась земля, освобожденная от своих влажных бездн: — и оказалось, что она способна произвести все.

Такое отделение воды от земли, при котором появился воздух и распространился огонь, есть лишь последовательное изменение материи в этой двойной форме, и потому Философы считают, что основой всего делания является вода, без которой земля не может растворяться, гнить и приготовиться; земля же — это тело, в котором все влажные элементы фиксируются, конгелируются и определенным образом укутываются, чтобы начать более упорядоченную жизнь.

В результате начинается циркуляция, при первом движении которой материя разрезается и сублимируется, при втором — она конгелируется и опускается, и все, наконец, завершается чем-то вроде покоя или, скорее, внутренним движением, неосязаемой варкой материи.

Первый круг этого круговращения элементов, как показывает его д'Эспанье, заключается в превращении материи в воду, когда и начинается зачатие, после чего происходит затмение солнца и луны. Второй круг есть удаление лишней влаги и коагуляция материи в состояние вязкой и металлической земли. Третий круг завершает разделение и очистку субстанций; воды отделяются от вод. Все превращается в испарения или становится летучим; Солнце и Луна вновь обретают свой блеск, и свет начинает появляться на земле. Четвертый круг есть создание серы.

«От первого дигерирования, — пишет приведенный нами автор¹, — тело растворяется, происходит соитие мужского и женского, и их семя смешивается, за этим следует гниение, и элементы растворяются в однородную воду. Солнце и Луна прячутся за голову дракона, и в конце концов все возвращается и переходит в древний хаос и в мрачную бездну. Это первое дигерирование совершается,

¹ Can. 68 & suiv.

как и в желудке, от слабого тепла, более способствующего порче, нежели зачатию.

При втором дигерировании дух Божий витает над водами, появляется свет, и воды отделяются от вод; вновь показываются Солнце и Луна; стихии выходят из хаоса и образуют новый мир, новое небо и новую землю. Воронята меняют перья и становятся голубками, орел и лев соединяются нерасторжимыми узами.

Сия регенерация совершается пламенеющим огнем, который нисходит в виде воды, чтобы смыть с материи ее первородный грех и принести ей золотосное семя, ибо вода Философов — это огонь. Однако приложите все свое внимание к тому, чтобы разделение вод делалось по весу и мере, с тем, чтобы те, пребывающие под небесами, не затопили землю или чтобы они не поднялись в слишком большом количестве и не оставили землю слишком сухой и обезвоженной.

Третье дигерирование дает рождающейся земле горячее молоко и сообщает ей все духовные качества квинтэссенции, как связующую душу с телом при помощи духа. Земля тогда прячет у себя на груди большое сокровище и становится сначала похожей на луну, а затем на солнце. Первое называется землей Луны, второе — землей Солнца, а рождены они, чтобы соединиться в нерасторжимом браке, т.к. ни та, ни другая не боятся больше посягательств огня.

Четвертое дигерирование завершает все тайны мира; земля при этом становится драгоценным ферментом, сбраживающим все в совершенные тела, как дрожжи дают тесту свою природу; она обрела эти свойства, став небесной квинтэссенцией. Ее благо, выделившееся из универсального духа мира, это панацея или универсальное лекарство от всех неизлечимых болезней тварей. Тайная печь Философов преподнесет вам это чудо Искусства и Природы, если повторять операции первого делания».

Весь философский прием состоит в растворении материи и конгеляции духа, и все делается одной и той же операцией. Фиксированное и летучее тесно смешивается, но этого не происходило бы, если бы фиксированное не стало прежде летучим. В конце концов, они сливаются в объятиях и становятся нерушимыми от убавления.

Операционных начал, именуемых также ключами делания или режимом, насчитывается таким образом четыре: первое — это растворение или сжижение; второе — очищение; третье — редукция; четвертое — фиксация. При помощи растворения тела возвращаются в свою первоматерию и закрепляются варкой. И тогда муж и жена сочетаются, и родится от этого ворон. Камень растворяется на четыре смешанных воедино элемента; небо и земля сочетаются, чтобы произвести на свет Сатурна. Очищение служит для отбеливания ворона и для рождения Сатурном Юпитера: так совершается превращение материи в дух. Действо редукции заключается в том, чтобы вернуть телу его дух, которого оно лишилось, когда стало летучим, а затем питать его духовным молоком в виде росы до тех пор, пока маленький Юпитер не достигнет совершенной силы.

Д'Эспанье говорит:

В течение этих двух последних операций сошедший с небес дракон элится на самого себя; он пожирает свой хвост и постепенно заглатывает себя, пока, в конце концов, не превратится в камень.

Таков дракон, о котором говорит Гомер: он подлинный образ или настоящий символ двух этих операций. Одиссей говорил грекам:

Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
где из-под корня древесного, била блестящая влага.
Там явилось чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
страшный для взора, самим Олимпийцем на свет извлеченный,
вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листьями таяся,
восемь птенцов вороньих сидели, бесперые дети,
и девятая мать, недавно родившая пташек..
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
Мать кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он взвившись, схватил за крыло и стнящую мать.
Но, едва проглотил он и юных пернатых, и птицу,
чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
в камень его превращает сын хитроумного Крона...

Илиада, II, 306–319

Оставляю читателю толковать сказанное.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАЧАЛА ОПЕРАЦИЙ

Кальцинация

Вульгарная или обычная кальцинация есть не что иное, как смерть и умерщвление смешаного путем отделения духа или же влажного, связывающего его части. Это, собственно, разрушение огнем и превращение материи в известь, в пепел, землю, цветы и т.д.

Философская кальцинация — это извлечение субстанции из воды, соли, масла, духа и осадка земли, а также изменение случайностей, нарушение количества, порча субстанции таким способом, однако, чтобы все эти разделенные вещи могли объединиться с целью достижения более совершенной материи. Вульгарная кальцинация происходит от действия известного нам кухонного огня или сконцентрированных лучей солнца; действующей же силой философской кальцинации является вода. В связи с этим Философы говорят: *Химики сжигают огнем, мы же сжигаем водой*, отсюда следует заключить, что вульгарная химия так же отличается от Герметической, как огонь от воды.

Растворение

В химическом смысле растворение — это смягчение или разжижение вещества в воду, масло, дух или жидкость. Философское же растворение представляет собой превращение вещества в первоматерию или, другими словами природное разъединение частей смешаного и коагуляцию духовных частей. Поэтому Философы называют это растворением тела и коагуляцией духа. В результате субстанции делается водянистой, растворяется, очищается, закрепляется, разваривается, освобождается от своей землистости, смешаное теряет телесность и превращается в сперму.

Гниение

Гниение — это в каком-то роде ключ всех операций, хотя и не является первой из них. Мы открываем им внутреннее содержание смешаного, оно — инструмент, разрывающий узы между частями; оно, по словам Философов, делает тайное явным. Гниение — это начало изменения форм, смерть случайных форм, первый шаг к зачатию, начало и конец жизни, состояние между небытием и бытием.

Философы стремятся к тому, чтобы оно происходило путем природного растворения, когда растворенное тело подвергается гнилоственному действию теплоты. Дистилляция и сублимация есть операции как подражание Природе, действующей этими способами в отношении стихий, чья склонность или расположенность к разрежению и к возгонке, к конденсации и осаждению составляет все смешение и все творения Природы.

Дистилляция отличается от сублимации тем, что в первой осуществляется возгонка влажных вещей, дистиллируемых затем капля по капле, тогда как сублимация и возгонка сухой материи привязаны к сосуду. И та, и другая относятся к вульгарным операциям.

С философской точки зрения дистилляция и сублимация — суть очищение, утончение и ректификация материи.

Коагуляция и фиксация являются двумя великими инструментами Природы и Искусства.

Ферментация

Фермент представляет собой в делании то же, что дрожжи для выпечки хлеба. Как хлеб без дрожжей, так и золото нельзя произвести без золота. Следовательно, золото — это душа, которая определяет внутреннюю форму камня. Не стоит стесняться того, что золото и серебро делают так же, как булочник выпекает хлеб, который состоит лишь из воды да замешанной и ферментированной муки, а все различие между ними состоит в варке. Точно так же и золотое лекарство есть лишь смесь земли и воды, т.е. серы и ртути, сброженных с золотом, но не с физическим золотом. Ибо, как нельзя получить дрожжи из испеченного хлеба, так нельзя получить их при помощи вульгарного золота, пока оно остается вульгарным.

Меркурий или меркуриальная вода это та вода, а сера та мука, которые в результате долгой ферментации окисляются и становятся дрожжами, и с их помощью делаются золото и серебро. А поскольку дрожжи постоянно умножаются и всегда используются для выпечки хлеба, то также умножается и лекарство Философов, и вечно служит дрожжами для златоделания.

ЗНАКИ ИЛИ УКАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА

Цвета, принимаемые материей Философов в течение операций делания, представляют собой указательные признаки, показывающие мастеру, что он действовал правильно. Меняются они мгновенно и по порядку, и если порядок нарушается, то это доказывает, что работа выполнялась неверно. Основных цветов три; черный, именуемый вороньей головой и многими другими названиями, которые мы приводили выше в разделе «*Ключ делания*».

Появление этой черноты указывает, что огонь Природы начинает действовать и что материя растворяется. Когда черный цвет достигнет совершенства, достигнет его и раствор, и стихии смешаются. Зерно загнивает, чтобы подготовиться к зачатию.

Артефий сказал:

То, что не почернеет, не сможет побелеть, потому что чернота есть начало белизны, и это признак гниения и порчи. Вот как это происходит. При гниении, совершающемся в нашей воде, прежде всего, появляется чернота, похожая на жирный бульон, в который насыпали перец. Когда затем эта жидкость загустеет, она становится как черная земля; она белеет, если продолжать ее варку... и точно так же, как действующий на влажное жар производит черноту, которая есть первый появляющийся цвет, так и жар, все время продолжая свое действие, производит белизну — второй основной цвет делания.

Такое действие огня на влажное совершает в делании все, как совершает оно все в Природе для зарождения смешанных. Еще Овидий сказал:

Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.

Метаморфозы, I, 18–20

Во время этого гниения философское мужское или сера смешивается с женским так, что они образуют одно и то же тело, именуемое Философами Гермафродитом. Фламель говорит¹:

Это — андрогин древних, голова ворона и обращенные стихии. Так описываю я тебя здесь — имеющую две примирившиеся природы, способные образовать зародыш в чреве сосуда, чтобы потом родить тебе очень сильного, непобедимого и не подверженного порче короля... Наша материя в таком состоянии — это змей Пифон, который зародился от порчи ила земли и должен быть умерщвлен и сражен стрелами бога Аполлона, ясным Солнцем, т.е. нашим огнем, подобным огню Солнца. То, что промывает, или, скорее, очищения, нужно продолжать со второй половиной, это зубы змея, которые мудрый деятель, благоразумный Кадм посеет в ту же самую землю, из которой рождаются солдаты, уничтожающие самих себя, дав растворить себя в ту же самую природу земли... Скрытные Философы называли это приготовление Ребис, а еще *Нумус, Эфелия, Арена, Боритис, Корсуфль, Камбар, Альбар, Аэрис, Дуенех, Рандерик, Кужуль, Фабитрис, Эбисмет, Иксир* и т.д., и этим они вызывали побеление.

Я достаточно много сказал об этой черноте в главе об операционных началах, — читатель может вернуться к ней.

Второй указательный знак или второй основной цвет — это белый цвет. Гермес² говорил: «Знайте, дети науки, что стервятник кричит с вершины горы, я белое черного, потому что за чернотой идет белизна». Мориен называет эту белизну белым дымом. Алфидий сообщает нам, что эта материя или этот белый дым есть корень Искусства и живое серебро Мудрых. Филалет³ уверяет нас, что это живое серебро — есть подлинный меркурий Философов. «Это живое серебро, —

¹ Loco cit.

² Sept. chap.

³ Narrat. method., p. 36.

говорит он, — извлеченное из этого тела, есть меркурий Философов с его белой и красной серой, естественным образом смешанными вместе в их недрах».

Философы давали ему и другие имена: *белая медь, агнец, незапятнанный агнец, белизна, альборак, святая вода, тяжелая вода, тальк, оживленное живое серебро, коагулированный меркурий, очищенный меркурий, серебро, зотикон, мышьяк, аурипигмент, золото, белое золото, азох, баурак, бура, бык, камбар, каспа, свинцовые белила, круглое стекло, шайа, комериссон, белое тело, неправильно названное тело, декабрь, Е, электр, эссенция, белая эссенция, Евфрат, Ева, фада, фавоний, фундамент искусства, драгоценный камень из гивинис, диамант, известь, белая резина, гермафродит, хе, ипостась, хиле, враг, бесцветный, молоко, молоко девственницы, известняк, минеральный камень, единственный камень, луна, полная луна, белая магнезия, квасцы, мать, единая материя минералов, срединный порядок, *menstruum*, заходящий меркурий, масло, живое масло, овощ, яйцо, флегма, белый свинец, точка, корень, корень искусства, единый корень, ребис, соль, щелочная соль, соль алейрот, соль алемброт, субтильная соль, природная соль, каменная соль, соль металлов, мыло мудрецов, боб, удобритель, седон, старость, серинех, беглый раб, левая рука, спутник, сестра, сперма металлов, дух, олово, сублимированное, сож, сера, белая сера, маслянистая сера, земля, слоеная земля, вторичная земля, потенциальная земля, поле, куда нужно сеять золото, тивас, тинкар, пар, вечерняя звезда, ветер, вираго, стекло, стекло фараона, двадцать один, детская моча, стервятник, зибах, зива, вуаль, белая вуаль, нарисс, лилия, белая роза, обугленная кость, яичная скорлупа и т.д.*

Артефий говорит, что белизна происходит оттого, что душа материи плавают над водой, как белый крем, и что духи при этом так крепко соединяются, что уже не могут удалиться, т.к. утратили летучесть.

Великая тайна делания заключается, следовательно, в том, как выбелить латунь, оставив, наконец, все книги, дабы более не утруждать себя чтением их и не извлечь из них мыслей, могущих привести к выполнению бесполезной и дорогостоящей работы. Эта белизна — есть камень, доведенный до совершенной белизны; это драгоценное тело, которое благодаря ферментации стало белым эликсиром, переполненное чудесной tinkтурой, которую оно может передавать все другим металлам. Бывшие до этого летучими, духи становятся теперь фиксированными. Новое тело возрождается красивым, белым, бессмертным, победоносным. Вот почему его называли *воскрешение, свет, день* и давали ему все имена, указывающие на белизну, неподвижность и неподверженность порче.

Фламель изобразил этот цвет в своих «Иероглифических фигурах» в виде женщины, обвитой белым полотном, чтобы показать, говорит он,

...что Ребис начинает отбеливаться точно так же, сначала белея по краям вокруг этого белого круга. В «Лестнице Философов»¹ сказано: «Первичным признаком совершенной белизны называют появление узкого кольца, напоминающего ореол волос вокруг головы, по краям сосуда вокруг материи, по цвету приближающегося к оранжевому».

¹ Scala Philosop.

По словам того же Фламеля, Философы изображали такую же белизну в виде сверкающего обнаженного меча. Сей автор добавляет:

Когда отбелишь, то победишь заколдованных тельцов, изрыгавших из ноздрей своих дым и пламя. Геркулес очистил конюшни, полные грязи, гнили и черноты. Ясон облил соком дракона в Колхиде, а ты владеешь рогом Амалтеи, который, — хотя и просто белый, может наполнить остаток всей твоей жизни славой, почестями и богатством. Чтобы заполучить его, тебе пришлось храбро сражаться, как Геркулесу. Ибо этот Ахелой, эта влажная река (чернота, черная вода реки Эзеп) наделена очень большой силой, кроме того, она очень часто меняет свою форму.

Поскольку черное и белое представляют собой, так сказать, две крайности, а две крайности соединяет только срединная материя, лишаясь черного цвета, и не становится белой сразу; в качестве промежуточного выступает серый цвет, т.к. присутствует и в том, и в другом.

Философы присвоили ему имя Юпитер, потому что он идет следом за черным, а его они именуют Сатурном. В связи с этим д'Эспанье утверждает, что воздух последует за водой после того, как она завершит семь обращений, которые Фламель называет *ингибциями*. Когда материя зафиксирована внизу сосуда, — добавляет д'Эспанье, — Юпитер изгоняет Сатурна, завладевает царством и берет на себя правление им. При его пришествии образуется философское дитя, питающееся в матке и появляющееся, наконец, на свет с красивым сверкающим и белым, как луна, лицом. Эта белая материя становится отныне универсальным лекарством от всех болезней в человеческом теле.

Наконец третий, основной цвет — красный, дополнение и совершенство камня. Красноту сию получают простым продолжением варки материи. После первого делания его называют *мужским семенем, философским золотом, огнем камня, королевской короной, сыном Солнца, минералом небесного огня*.

Мы говорили уже, что большинство Философов начинают свои трактаты о делании с камня, доведенного до красного цвета. Читая эти труды, нужно очень внимательно отнестись к этому моменту. Ибо здесь таится источник ошибок — как оттого, что мы не сможем разгадать, о какой именно материи говорят Философы, так и по причине незнания операций, пропорций веществ, которые во втором делании или при изготовлении эликсира сильно отличаются оттого, что мы наблюдаем в первом. Хотя Мориен и уверяет нас, что вторая операция — есть лишь повторение первой, тут стоит заметить то, что они называют огнем, воздухом, землей и водой в одном случае, вовсе не соответствует вещам с этими же именами в другом. Свой меркурий они называют меркурием, как в жидком, так и в сухом состоянии. Те, например, которые читают Алфидия, воображают, видя, когда он называет материю делания *красной материей*, что для первого начала операций надо искать красное вещество. Поэтому одни работают с киноварью, другие с суриком, третьи с аурипигментом, четвертые с железной ржавчиной, т.к. они не знают, что эта красная материя есть доведенный до красноты камень и что Алфидий начинает свое делание только от этого момента. Поэтому, чтобы те, кто прочитает сей труд и захочет сам поработать, не впали в ошибку, приводим некое количество названий, даваемых камню, доведенному до красноты: *кислота, острота, адам, адума, альмагра, альтум или возвышенный, азернар, душа, овен, золото, живое золото, измененное золото, рак, кадмия, камерех, желчь, хибур, пепел, пепел винного камня, корсуфль, тело, собственно тело, красное тело, прямая,*

дееб, дехаб, Лето, железо, форма, форма человека, брат, плод, петух, петушинный гребень, габриций, габрин, гофрит, эфиопское зерно, резина, красная резина, хатгеральзарнард, человек, огонь, природный огонь, бесконечность, молодость, гебрит, камень, индийский камень, камень лазули, красный камень, золотой свинцовый глет, красный свинцовый глет, свет, утро, Марс, мартек, самец, красная магnezия, метрос, рудник, нейзи, Марсово масло, негорючее масло, красное масло, маслина, вечная маслина, восток, отец, одна часть, звездный камень, физон, король, реезон, жилище, краснота, рубин, соль, красная соль, семя, серикон, солнце, сера, красная сера, живая сера, тамна, тринадцатое, красная земля, териак, талина, тион, тита, тоарек, вара, жила, кровь, мак, красное вино, вино, вираго, яичный желток, красный куторос, халицитис, колхотар, кошениль, стекло, зааф, сахау, зит, зумех, зумелазули, соль урины и т.д.

Однако, все эти имена давались ему не по одной и той же причине. В этих различных наименованиях авторы основывались на подходе к нему либо с точки зрения цвета, либо с точки зрения его качеств. Такие, например, названия, как кислота, адам, лето, альмагра, душа, овен, золото, рак, камарет, пепел винного камня, корсуфль, дееб, брат, плот, петух, молодость, кибрит, индрадемный камень, мартек, самец, отец, солнце, третье, нейфис, маслина, тион, стекло, зааф — давались этой материи или камню, доведенному до красноты, лишь по причине нарушения его состояния. Те, же, которые имели в виду только цвет, называли его красной резиной, красным маслом, рубином, сериконом, красной серой, яичным желтком, красным витриолом и т.д. Фламель пишет:

В этой операции краснения, даже если ты будешь пропитывать, ты получишь вовсе не черный, а фиолетовый, синий и цвета павлиньего хвоста, ибо наш камень до такой степени стоек, что как только коснется его твой меркурий, его природа возрадуется ее природе, соединяется с ней и жадно пьет ее; а тогда черное, происходящее от влажного, может показаться лишь немного в своих фиолетовых и синих цветах, тем более, что стойкость теперь правит абсолютно... Помни же, что краснение нужно начинать с привнесения красного оранжеватого меркурия; однако его нельзя вливать, и всего лишь один или два раза по твоему усмотрению, ибо эта операция делается сухим огнем, сухой сублимацией и кальцинацией. Воистину, я открываю тебе тайну, которую редко найдешь.

При этой операции фиксированное вещество становится летучим, оно поднимается и опускается, перемещаясь в сосуде, до тех пор, пока фиксированное не возьмет верх над летучим и не устремится вместе с ним на дно, уже в виде материи абсолютно зафиксированной природы. Приведенные нами слова Фламеля должны относиться к эликсиру, о котором мы поговорим ниже, а что касается операций первого делания или способа получать серу Философов, то д'Эспанье описывает это следующим образом¹:

Возьмите красного смелого дракона, ничего не утратившего еще от своей природной силы, затем семь или девять девственных, храбрых орлов, чьи глаза не смогли бы быть ослеплены лучами Солнца; поместите их вместе с драконом в светлую, прозрачную, хорошо закрытую тюрьму над горячей баней, чтобы принудить их сразиться. Они не замедлят схватиться друг с другом; битва будет долгой и очень тяжелой, до сорок пятого или пятидесятого дня, когда орлы начнут пожирать дракона. Умиравший дракон заполнит всю тюрьму своей испорчен-

¹ Lum. 109.

ной кровью и чернейшим ядом, силе которого орлы не смогут противостоять, и тоже издохнут. От гниения их трупов родится ворон, и будет мало-помалу поднимать голову; при усилении нагрева бани он развернет крылья и начнет летать, а ветер и тучи будут гонять его из стороны в сторону. Устав от таких терзаний, он станет стремиться на свободу, потому постарайтесь закрыть ему все выходы. Когда же, наконец, его вымоет и отбелит долгий непрерывный дождь и небесная роса, он преобразится в лебедя. Рождение ворона укажет на смерть дракона.

Если вы захотите довести до красноты, добавьте элемент огня, недостающий для белизны и, не прикасаясь к сосуду и не шевеля его, постепенно усиливайте огонь, чтобы от его действия на вещество скрытое стало явным, а укажет на это цитриновый цвет. После этого управляйте огнем четвертой ступени, опять-таки с требуемой последованностью пока, с помощью Вулкана, вы не увидите, как распускаются красные розы, превращающиеся в амаранты цвета крови. Однако, продолжайте воздействовать огнем до момента, когда увидите, как все превратилось в очень красный и неошутимый пепел.

Эта сера Философов представляет собой землю чрезвычайной крепости, внутренней пламенности и сухости. В ней содержится очень сильный по природе огонь, называемый *огонь камня*. Он обладает свойством раскрывать тела металлов и проникать в них, а также обращать их в свою собственную природу, чем объясняется такое его название, как *отец и мужское семя*.

Три цвета: черный, белый и красный должны обязательно следовать друг за другом в описанном нами порядке, однако проявляются не одни они. Последние указывают на главные изменения, происходящие с материей, тогда как другие цвета — почти бесконечные числом и подобные цветам радуги, появляются на очень короткое время и исчезают. Это своего рода пары, воздействующие больше на воздух, чем на землю, изгоняющие друг друга и рассеивающиеся, уступая место трем основным, о чем мы упоминали.

Эти чуждые цвета являются иногда все же признаками неправильного режима или неправильно проведенной операции. Повторяющаяся чернота, бесспорно, указывает на это, ибо согласно, д'Эспанье¹, воронята не должны возвращаться в гнездо после того, как покинут его. О том же свидетельствует и преждевременная краснота, т.к. она должна появиться лишь в конце — как доказательство зрелости зерна и наступления поры сбора урожая.

ОБ ЭЛИКСИРЕ

Получить серу Философов, как описано выше, оказывается недостаточно. Многие обманывались при этом и прекращали делание в этом состоянии, полагая, что довели его до совершенства. Причина этой ошибки кроется в незнании приемов Природы и Искусства. Напрасно было бы пытаться перенести опыт с серой на доведенный до красноты камень. Философский камень может быть доведен лишь в конце второго делания, именуемого *Эликсиром*.

Из той, первой серы добывается вторая, которую потом можно умножать до бесконечности. Поэтому нужно тщательно хранить сей рудник небесного огня для требуемых употреблений.

¹ Can. 66.

Согласно д'Эспанье, эликсир состоит из тройной материи, а именно из металлической воды или философски сублимированного ртути, белого фермента, если мы хотим получить эликсир с белым, или красного фермента для эликсира с красным и, наконец, из второй серы, причем три эти части взяты в соответствии весу и пропорциям Философов. Эликсир должен обладать пятью качествами: быть плавким, устойчивым, проникающим, окрашивающим и умножающим. Сера он обязан тинктурой и фиксацией, плавкостью — живому серебру, служащему для объединения тинктур фермента и серы, свойство умножения дается ему духом квинтэссенции, которым он владеет естественным образом.

Оба совершенных металла дают совершенную тинктуру, ибо собственно она получена ими от чистой серы Природы; поэтому ее фермент следует искать не иначе, как в двух этих вещах. Окрасьте же ваш белый эликсир Луной, а красный — Солнцем. Меркурий сначала получает эту тинктуру, а затем передает ее. Будьте осторожны, чтобы не ошибиться в смеси ферментов и не принять один из них за другой, — иначе, вы рискуете потерять все. Это второе делание совершается в том же сосуде или в сосуде, похожем на первый, в той же печи и при помощи тех же степеней огня, но длится оно гораздо меньше.

Доведение эликсира до совершенства состоит в сочетании и в прекрасном союзе сухого и влажного, которые, таким образом, должны стать неразлучными, причем влажное придает сухому способность плавиться от малейшего тепла. Испытать это свойство можно, нанеся небольшое количество эликсира на разогретую медную или железную пластину: если вещество плавится с самого начала без дыма, вы получили желаемое.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ЭЛИКСИРА ПО Д'ЭСПАНЬЕ

Красной земли или красного фермента взять три части; воды и воздуха, взятых вместе, — шесть частей; смешайте все это и измельчите, чтобы сделать амальгаму или металлическую пасту в консистенции масла так, чтобы земля была неощутима на ощупь; добавьте туда полторы части огня и поместите все это в тщательно закупоренный сосуд. Подвергните это действию огня первой степени для дигерирования, после этого извлекайте элементы надлежащими им степенями огня, пока все они не будут доведены до состояния фиксированной земли. Материя станет похожей на сверкающий, прозрачный красный камень и будет отныне в состоянии совершенства. Возьмите ее сколько угодно, поместите в тигель на слабый огонь и пропитайте эту часть ее красным маслом, добавляя его, капля по капле, пока оно расплавится и потечет без дыма. Не опасайтесь, что ваш меркурий испарится, ибо земля впитает с удовольствием и с жадностью эту влагу, отвечающую ее природе. Теперь вы обладаете вашим совершенным эликсиром. Возблагодарите же Бога за оказанную вам милость; пользуйтесь им во благо и храните его в тайне.

Белый эликсир готовится так же, как и красный, но с белыми ферментами и белым маслом.

КВИНТЭССЕНЦИЯ

Квинтэссенция — есть экстракт из самой духовной и начальной субстанции материи; она получается разделением элементов, состоящих в небесной и неподверженной порче эссенции, выделенной из всей гетерогенности. Аристотель называет ее чистейшей субстанцией, входящей в некую материю, свободную от нарушающих примесей. Гераклит называет ее небесной эссенцией, принимающей имя места, из которого она происходит. Парацельс считает ее сущностью нашего центрального неба; Плиний — физической эссенцией, лишенной все же всякой материальности и свободной от обмена материей. Ее называли в связи с этим духовным телом или телесным духом, образованным из эфирной субстанции. Все эти качества обусловили ее название — квинтэссенция, т.е. пятая субстанция, являющаяся результатом союза самых чистых частей элементов.

Философская тайна заключается в том, чтобы отделить элементы смешанных, ректифицировать их и путем объединения их очищенных, однородных и одухотворенных частей получить эту квинтэссенцию, обладающую всеми этими свойствами, которые не подвержены их изменениям.

ТИНКТУРА

Когда людям, несведущим в Герметической Философии, встречается термин *тинктура* в трудах, посвященных этой науке, они думают, что его следует отнести лишь к цвету металлов, например, оранжеватому для золота и белому для серебра. И поскольку в этих же трудах говорится, что началом тинктуры есть сера, а для извлечения этой серы пользуются крепкими водками или царской водкой, прибегают к кальцинации и другим операциям вульгарной химии. Идея Философов, собственно, состоит не только в том, что касается операций, но и тинктуры самой по себе. Так, тинктуру золота нельзя отделить от ее тела, потому что она его душа, но извлечь ее можно, только разрушив тело, что не по силам вульгарной химии, как отлично известно всем, кто пытался провести такой опыт.

В философском понимании, тинктура — это тот самый эликсир, но приведенный в фиксированность, плавкий, проникающий и окрашивающий порченное, а также и другие действия, о которых было сказано. Таким образом, эта тинктура заключается не во внешнем цвете, а в самой субстанции, дающей тинктуру в металлическом виде. Она действует, как шафран в воде, проникает сильнее, чем масло, пропитывающее бумагу, тесно смешивается, как воск с воском, как вода с водой, т.к. смешиваются два тела одной природы. Именно этим качеством объясняется ее свойство чудесной панацеи от хворей трех царств Природы, в которых она черпает коренное и жизненное начало, и освобождает его от гетерогенности, отягчающей его и держащей в оковах. Тинктура приходит ему на помощь и присоединяется к нему, чтобы бороться с его врагами. Они действуют сообща и одерживают полную победу. Эта квинтэссенция изгоняет нечистоту из тел, как огонь выпаривает влагу из дерева; она оберегает здоровье, давая силы жизненному началу, чтобы противостоять нападкам болезней и отделить подлинную, питательную субстанцию от той, которая лишь переносит питательные элементы.

УМНОЖЕНИЕ

Под философским умножением подразумевается увеличение в количестве и в качестве выше нашего представления. Умножение качества — есть умножение тинктуры порчей, придание летучести и фиксация, повторяющаяся столько раз, сколько заблагорассудится мастеру. Вторым умножением увеличивается лишь количество тинктуры, а свойства ее не умножаются.

Вторая сера умножается с той же материей, из которой она была получена, но с добавлением небольшой части первой, согласно требуемому весу и мере. Существует, тем не менее, три способа умножения, если верить д'Эспанье, который описывает их следующим образом. Первый заключается в том, чтобы взять одну часть совершенного красного эликсира и смешать его с девятью частями его красной воды, поставить сосуд на баню, чтобы растворить все в воде. После растворения эту воду варят до тех пор, пока она не коагулирует в вещество, похожее на рубин, а затем это вещество добавляют подобно эликсиру. Уже от этой первой операции лекарство приобретает вдесятеро больше качеств, чем у него было. Если повторить проделанное еще раз, оно множится во сто крат, после третьего в тысячу — и так далее, каждый раз, умножаясь на десять.

Второй способ заключается в смешивании нужного количества эликсира с его водой, сохраняя пропорции того и другого. Затем смесь помещают в хорошо закупоренный сосуд, растворяют на бане и выдерживают весь режим второго, последовательно дистиллируя элементы их собственным огнем, пока все не обратится в камень. После этого добавляют, как описано в первом случае, и сила эликсира умножается во сто крат с первого раза, однако сей путь дольше. Операцию повторяют, как и первую, чтобы еще больше увеличить силу.

Третий способ — это, собственно, умножение в количестве. Берут одну унцию умноженного в качестве эликсира на сто унций обычной очищенной ртути; ставят ртуть на медленный огонь, где она вскоре превратится в эликсир. Если всыпать одну унцию этого нового эликсира на сто унций обычной очищенной ртути, то она станет чистейшим золотом. Умножение белого эликсира выполняют точно так же, но вместо красного эликсира берут белый и его воду.

Чем больше повторять умножение в качестве, тем больше будет его эффект на выходе; но это не касается третьего способа умножения, о котором мы говорили, ибо сила слабеет при каждом выходе. Однако повторение это нельзя делать больше четырех или пяти раз, т.к. лекарство станет тогда таким активным и таким пламенным, что операции делались бы мгновенно, поскольку время процессов сокращается при каждом повторении. Впрочем, качество достаточно велико и на четвертом или пятом повторении, чтобы удовлетворить желания мастера, так как уже с первого — одна крупица может превратить сто крупиц ртути в золото, при втором — тысячу, при третьем — десять тысяч, при четвертом — сто тысяч и т.д. Это лекарство можно сравнить с зерном, умножающимся при посеве.

О ВЕСЕ В ДЕЛАНИИ

Нет ничего более запутанного, чем вес и пропорции, необходимые для философского делания. Все авторы говорят о них, но ни один не объясняет их ясно. Один пишет, что нужно измерять свой огонь при помощи печи (Фламель), другой — геометрически (д'Эспанье, Артефий). Один пишет, что нужно соизме-

рять его в зависимости от теплоты солнца с весны и до осени, другой, — что нужно использовать колеблющуюся теплоту и т.д. А Тревизан советует поддерживать медленный и слабый огонь, никак не сильный, потому что в этом случае мы рискуем лишь завершить делание позднее, тогда, как, усиливая огонь, мы подвергаемся очевидной опасности все потерять.

Состав смешанных и сама их жизнь определяются только мерой и весом элементов, объединенных и пропорционально данных так, чтобы один не возобладал над другим, как тиран. Если воды слишком много, задохнется семенной и коренной дух, если слишком много воздуха и земли, состав окажется или слишком, или недостаточно консистентным, и ни один из элементов не сможет действовать свободно.

Это не является все же такой большой трудностью, как кажется сначала при первом прочтении Философов. Так, один из них (Тревизан) предупреждает нас, что у Природы всегда есть в руках весы для взвешивания этих стихий и приготовления из них настолько пропорциональных смесей, чтобы всегда получалось желаемое ею смешанное, если только во время операций ей не воспрепятствует ущербность матрицы, в которой она оперирует, или недостаток семян, даваемых ей, или какие-либо другие нарушения. Даже вульгарная химия доказывает, что два неоднородных тела не смешиваются воедино или не могут долго оставаться соединенными; если вода растворила некое количество соли, она не может растворить ее больше. Чем больше у тел сходства, тем сильнее они стремятся друг к другу, при этом покидая тех, с которыми сходства меньше, и объединяясь с теми, у которых его больше всего. Это все известно, в частности, в отношении минералов и металлов.

Мастер великого делания берет в качестве образца Природу; для того же, чтобы подражать ей, нужно у нее учиться. Но как найти меру веса и сочетаний? Когда Природа хочет создать какое-нибудь смешанное, она не просит у нас совета, как и не приглашает участвовать в своих действиях ни для того, чтобы взглянуть на используемые материалы, ни для того, чтобы посмотреть, как именно она использует их. Герметические Философы без устали призывают нас следовать Природе; они несомненно знают ее, т.к. утверждают, что они ее ученики. Следовательно, научиться подражать ей, можно было бы из их трудов. Но один (Артефий) говорит, что

...Для завершения делания нужна только одна вещь, чтобы последовательно получить белое и красное, имеется только один камень, одно средство, один сосуд, один режим, одно расположение или способ. Так, хотя мы и говорим, — продолжает этот же автор, — возьми то, возьми это, мы не подразумеваем, что нужно взять больше одной вещи, поместить ее один раз в сосуд, и закупорить его затем до тех пор, пока делание совершается и завершится... Что мастер должен заниматься только тем, чтобы как следует готовить материал внешне, потому что материя делает внутренне все, что нужно, чтобы стать совершенной... ты лишь готовь и расположи материал, а Природа сделает все остальное.

Раймунд Луллий предупреждает нас, что эта единая вещь не является единственной, отдельно взятой вещью, а двумя вещами одинаковой природы, образующими одну; если нужно смешивать две или более вещей, делать это следует, соблюдая пропорцию, вес и меру. Мы говорили об этом в разделе, об указывающих признаках, приводя названия орла и дракона; мы также дали пропорции ве-

ществ, требуемые для умножения. Из этого ясно, что пропорции материалов не-одинаковы в первом и во втором деланиях.

ОБЩИЕ, ВЕСЬМА ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА

Не следует почти никогда принимать слова Философов буквально, т.к. все их термины и выражения имеют двойственный смысл, и они специально используют двусмысленные понятия. Либо же, когда они пользуются известными и применяемыми в обычной речи понятиями¹, то, чем проще, яснее и естественнее кажется то, что они говорят, тем подозрительнее надо к этому относиться. *Timeo Danaos et dona ferentes* («Боюсь данайцев, даже приносящих дары»). Больше всего должно обращать внимание, напротив, на места запутанные, затемненные и мало понятные. В них скрыта правда.

Чтобы лучше раскрыть эту правду, нужно все сравнивать друг с другом, сопоставлять их выражения с тем, чтобы понять, что они говорят, т.к. некоторые из них иногда обронят то, что другие опустили нарочно². Однако и в этом сборнике текстов нужно быть осторожным, чтобы не путать то, что один говорит о первом приготовлении с тем, что другой говорит о третьем.

Прежде чем взяться за делание, нужно до такой степени все испробовать в разных сочетаниях, чтобы в словах Философов³ нельзя больше было найти ничего невозможного для объяснения операций, которые мы собираемся проводить. Для этого необходимо быть уверенным в материи, которую придется использовать, убедиться, что она действительно обладает всеми качествами и свойствами, которыми ее обозначают Философы. Поскольку они признают, что не называли ее тем именем, под которым она известна вообще. Следует заметить, что это вещество ничего не стоит или стоит недорого, что лекарство, которое Филалет⁴ вслед за Гебером называет лекарством первого порядка или первым приготовлением, получается без больших затрат, в любом месте, в любое время, любым человеком — лишь бы иметь достаточно материала.

Природа совершенствует смешанные лишь при помощи вещей той же природы⁵, поэтому нельзя деревом совершенствовать металл. Животное рождает животного, растение производит растение, а металлическая природа — металлы. Основные начала металла — суть сера и живое серебро, но не вульгарные; вульгарные входят в качестве дополнительных, в качестве даже составных начал, однако начал горючих, случайных и отделяемых от настоящего корневого начала, являющегося фиксированным и нерушимым. Выше, в разделе о материи приводятся сведения о ней согласно тому, что об этом говорят Философы.

Всякое нарушение смешанного представляет растворение в воду или в порошок, а совершенствовать его можно лишь отделением чистого от нечистого. Любое превращение из одного состояния в другое делается при помощи некоей движущей силы и в определенное время. Природа оперирует последовательно, и так же должен действовать мастер.

¹ Гебер, д'Эспанье.

² Филалет.

³ Захарий.

⁴ Enarr. Meth. Trium. Gebr. medic.

⁵ Космополит.

Такие понятия, как конверсия, высушивание, умерщвление, инспирация, препарация, изменение означают одно и то же в Герметическом Искусстве. Что же до таких терминов, как сублимация, осаждение, дистилляция, гниение, кальцинация, конгеляция, фиксация, пропитывание, то они сами по себе разные, однако в делании они соответствуют одной и той же операции, проводимой в том же сосуде. Философы присвоили все эти названия лишь различным действиям или изменениям, наблюдавшимся ими в сосуде. Когда материя выделяла тонкий дым, поднимающийся кверху сосуда, они называли это вознесение *сублимацией*. Когда же затем пар этот опускался на дно сосуда, они называли это *нисхождением, дистилляцией*. Исходя из этого, Морием говорит: все наше действие заключается в том, чтобы извлечь из земли воду, а затем поместить ее туда вновь, пока земля не загниет и не очистится. Заметив, что эта вода, смешанная с землей, коагулирует или сгущается, становясь черной и зловонной, они сказали, что это — гниение, начало зачатия. Гниение продолжается до тех пор, пока материя не станет белой.

Черная же материя превращается в порошок, когда начинает сереть, и это появление пепла привело к таким названиям, как кальцинация, обработка воском, сжигание, отбеливание; когда же материя достигает настоящей белизны, они называют это совершенной кальцинацией. Но вот материя принимает твердую консистенцию, больше не течет, — и это уже *конгеляция, индурация*: вот почему они говорили, что весь магистерий заключается в природном растворении и коагулировании.

Получив конгелированную и затвердевшую материю, больше не растворяющуюся в воде, они пришли к выводу, что ее нужно высушить и зафиксировать. Поэтому этой придуманной операции были даны имена: *дессикация, фиксация, воцение*, т.к. они объясняют эти понятия совершенным союзом летучей части с фиксированной — в виде порошка или белого камня.

Таким образом, эту операцию надо понимать как единую, но выражаемую разными понятиями. Заметим еще раз, что все приводимые ниже выражения означают, следовательно, одно и то же. Дистиллировать алембиком, отделять душу от тела, сжигать, сжимать, обугливать, испепелять, поить, приспособливать друг к другу, кормить, собирать, исправлять, просеивать, разрывать клещами, разделять, соединять стихии, извлекать стихии, возносить стихии, обращать стихии, превращать стихии друг в друга, резать ножом, рубить мечом, топором, тесаком, пронзать копьем, дротиком, стрелой, оглушать, раздавливать, связывать, развязывать, портить, расслаивать, плавить, зарождать, зачинать, производить на свет, черпать, смачивать, орошать, пропитывать, откармливать, амальгамировать, зарывать, сжигать, мыть, мыть огнем, смягчать, полировать, шлифовать, бить молотком, умерщвлять, чернить, гноить, обтачивать на станке, перемещать, делать пурпурным, растворять, сублимировать, стирать, хоронить, воскрешать, отражать, дробить, молотить в порошок, толочь в ступе, измельчать в порошок на плите и многие другие подобные выражения означают всего лишь: варить в одном режиме до темно-красного цвета. Следует поэтому остерегаться шевелить сосуд, т.к., если материя охладится, все будет потеряно.

БЛАГА ЛЕКАРСТВА

Все Философы утверждают, что лекарство является источником богатств и здоровья, ибо с его помощью можно делать золото и серебро в изобилии и излечиваться не только от всех неизлечимых болезней, но умеренным его употреблением можно их и предупреждать. Одна единственная крупница этого лекарства или красного эликсира, данная паралитику, страдающему водянкой, подагрику, прокаженному, излечит каждого, если принимать одинаковое количество всего несколько дней. Эпилепсия, колики, простуда, воспаления, буйство и любая другая внутренняя болезнь не могут устоять перед этим жизненным началом. Некоторые адепты говорили, что оно возвращает слух глухим и зрение слепым, что оно — верное средство от всяких глазных болезней, абсцессов, язв, ран, рака, фистул, болезней типа «неприкасаемых» и любых болезней кожи, если растворить крупницу в стакане воды или вина и смачивать затем пораженные места. Оно постепенно растворяет камни в мочевом пузыре, изгоняет любой яд или отраву, если принимать его, как указано выше.

Раймунд Луллий¹ утверждает, что оно является, как правило, сильнейшим средством против всех болезней, досаждающих человечеству — с ног и до головы; так, оно излечивает в один день болезнь, длившуюся месяц, в двенадцать дней болезнь, длившуюся год, в месяц любую продолжительную болезнь.

Арнольд из Виллановы² сообщает, что по своей действительности оно неизменно лучше всех лекарств Гиппократ, Гален, Александра, Авиценны и всей традиционной медицины, вообще, оно радует сердце, придает крепости и силы, сохраняет молодость, омолаживает старых. По сути, излечивает все болезни — горячие и холодные, сухие и влажные.

Гебер³ не перечисляет болезни, излечиваемые этим лекарством, а ограничивается, говоря, что оно способно перебороть все болезни, которые обычные врачи считают неизлечимыми, что оно омолаживает старых и поддерживает здоровье на долгие годы и даже сверх обычного века жизни, если принимать его два-три раза в неделю натошак по одной крупнице размером с горчичное семечко.

Филалет⁴ добавляет к этому, что оно очищает кожу от всяких пятен, морщин и т.п. Оно также облегчает муки женщины при родах и рождении мертвого ребенка, если просто поднести к ее носу этот порошок. При этом он ссылается на Гермеса. Сам же он утверждает, что вырвал из лап смерти немало больных, брошенных врачами. Способ употребления лекарства описан, в частности, в трудах Раймунда Луллия и Арнольда из Виллановы.

О БОЛЕЗНЯХ МЕТАЛЛОВ

Один порок металлов происходит от первой смеси начал с живым серебром, а другой — от союза серы и ртути. Чем лучше очищены элементы, тем пропорциональнее они смешаны и однородны, тем больше их вес, ковкость, плавкость, растяжимость, текучесть и постоянная неподверженность порче.

¹ Testam. antiq.

² Rosarium.

³ Summa.

⁴ Introit. Apert. & ennarat. Method.

Отсюда, существует два вида болезней в металлах: первая — первородная и неизлечимая, вторая — вытекает из разнообразия серы, являющегося причиной их несовершенства и болезней, таких, как сатурнова проказа, венерина желтуха, юпитерова простуда, меркуриева водянка, марсова парша.

Меркурий болеет водянкой лишь от избытка водянистости и сырости, причина которых заключена в холоде матрицы, где она зачинается, а также от недостаточного времени варки. Этот порок представляет собой первородный грех, касающийся и всех остальных металлов. Этот холод, эта сырость, эта водянистость могут быть излечены теплотой и огненностью крепкой серы.

Кроме этой болезни, у иных металлов бывает болезнь, происходящая от их внутренней и внешней серы. Поскольку последняя является случайной, ее можно легко отделить, т.е. она не относится к первому смешению элементов. Она черная, нечистая, зловонная, не смешивается с начальной серой, т.к. не является однородной с ней. Она не поддается варке, способной сделать ее корневой и совершенной.

Начальная сера очищает, сгущает, фиксирует начальный меркурий в совершенном теле, тогда как другая душит ее, поглощает и коагулирует со своими собственными нечистотами и сырыми элементами, производя, таким образом, несовершенные металлы. Свидетельством тому — коагуляция вульгарной ртути, образуемой парами серы Сатурна, которую гасят пары Юпитера.

В этой нечистой сере и коренится все различие между несовершенными металлами. Болезнь металлов, следовательно, всего лишь случайность, и, значит, существует лекарство для их лечения, и лекарство это — философский порошок или камень Философов, именуемый *проецирующим порошком*. Если речь идет о металлах, то применяют его следующим образом: поместить небольшое количество в воск пропорционально количеству металла, который требуется преобразить, и бросить на ртуть, находящуюся в тигле на огне, в тот момент, когда ртуть начинает дымиться. Нужно, чтобы другие металлы были расплавлены и очищены. Тигель оставляют на огне вплоть до дегонации, после чего снимают либо же оставляют охлаждаться в огне.

О ВРЕМЕНАХ КАМНЯ

Д'Эспанье сообщает:

Времена камня указаны, водой философской и астрономической. Первое делание получения белезны должно быть закончено в доме луны, второе — во втором доме Меркурия. Первое делание получения красноты — во втором жилище Венеры, а второе или последнее — в доме славы Юпитера, ибо от него наш король должен получить свой скипетр и украшенную драгоценными рубинами корону.

Филалет¹ неустанно советует мастеру правильно определить вес и меру времени и огня, предупреждая, что никогда не видеть ему удачи, если он не будет знать пяти следующих правил, относящихся к лекарству третьей степени.

Философы переводят годы в месяцы, месяцы в недели, а недели в дни.

Любая сухая вещь жадно впитывает влагу своего вида.

¹ Loco cit. p. 156.

Пропитавшись этой влагой, она воздействует на нее гораздо сильнее и активнее, чем раньше.

Чем больше взять земли и меньше воды, тем совершеннее будет раствор, Настоящий природный раствор может получиться только из веществ одной природы, и то, что растворяет Луну, растворяет также и Солнце.

Что же до определенного времени и срока для совершения делания, нельзя сделать какой-то точный вывод из того, что об этом говорят Философы, т.к. одни для его определения ни словом не указывают на время, требуемое для приготовления действующих сил, другие говорят только об эликсире; третьи смешивают оба делания. Те, кто описывают делание до красного, совсем не касаются умножения, другие пишут только о делании до белого, у третьих какие-то особые намерения. Вот почему в трудах об этом предмете встречается столько различий. Один говорит, что нужно двенадцать лет, другой — десять, семь, три, полтора года, пятнадцать месяцев, третий утверждает, что хватит и нескольких недель. Некий Философ назвал свой труд «Деяние за три дня». Другой сказал, что нужный срок — четыре дня. Плиний Старший сообщает, что философский месяц равен сорока дням. Короче говоря, все у Философов скрыто тайной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь наш трактат взят у философских авторов; я почти все время пользовался их собственными высказываниями. Я неоднократно ссылаюсь на них, чтобы показать, что основываюсь на их трудах. И если я где-то не привожу их сочинения, это значит, что в тот момент у меня их не было под рукой. Можно заметить полное согласие, хоть они и говорят только загадками и аллегориями. Я собирался сначала привести много высказываний, взятых из «Двенадцати ключей» Василия Валентина, т.к. он чаще других пользуется аллегориями мифических богов, и они, следовательно, были бы больше связаны с нижеследующим трактатом, однако загадкой загадку не объяснить; к тому же это произведение достаточно простое, чего не скажешь о других.

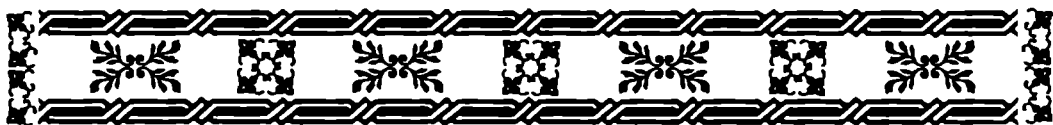
Чтобы легче понять объяснения, даваемые мною в трактате об иероглифах, следует знать, что Философы дают обычно имя мужа или отца серному началу, а имя жены меркуриальному. Фиксированное есть мужское или действующая сила; летучее — женское или воспринимающее. Результат же соития — философское дитя, обычно мужского рода, иногда женского, когда материя достигла только безлесья, потому что еще не обладает полной фиксированностью, которая требуется. Поэтому Философы именуют ее Луной, Дианой, а красноту — Солнцем, Аполлоном, Фебом. Меркуриальная вода и летучая земля всегда женщина, часто мать, как Церера, Латона, Семела, Европа и т.д. Воде, как правило, дают девичьи имена: наяды, нимфы. Внутренний огонь всегда мужской и всегда в действии. Нечистоты называются чудовищами.

Упомянувшийся выше Василий Валентин вводит мифических богов или планеты в качестве собеседников в своей сжатой практике, помещенной им в начале его трактата о двенадцати ключах. Вот его суть.

«Раствори хорошее золото, как учит Природа — пишет сей автор, — и ты найдешь семя, являющееся началом, серединой и концом делания, которым производится наше золото и его жена, а именно тонкий и проникающий дух, чи-

стая, ясная и тонкая душа, вещество или соль — бальзам звезд. Три эти вещи объединены в нашей меркуриальной воде. Воду эту приписывают богу Меркурию, ее отцу, и он взял ее в жены; из этого произошло негорючее масло. Меркурий сбросил свои орлиные крылья, заглотнул хвост дракона и напал на Марса, пленившего его и приставившего к нему стражем Вулкана. Явился Сатурн и призвал других богов отомстить за причиненное ему Марсом зло. Юпитер принял жалобы Сатурна и отдал приказы, которые и были исполнены. Тогда прибыл Марс с пылающим мечом, окрашенным в восхитительные цвета, и вручил его Вулкану, чтобы тот исполнил приговор, вынесенный Меркурию, и стер в порошок кости этого бога. Диана или Луна пожаловалась, что Меркурий держит в темнице ее брата, и нужно его вызволить. Вулкан не стал слушать это просьбу и не прислушался даже к красавице Венере, явившейся во всей своей прелести. Но, наконец, прибыло Солнце, одетое в свою пурпурную мантию, во всем своем сиянии».

Заканчиваю этот трактат той же аллегорией, что и д'Эспанье. Золотое руно охраняет трехглавый дракон. Первая голова его вышла из воды, вторая из земли, третья из воздуха. В результате операций эти три головы должны в конце концов соединиться в одну, которая будет достаточно сильной и мощной, чтобы поглотить всех других драконов. Воззовите же к Богу, чтобы он просветил вас, и если он удостоит вас Золотым руном, пользуйтесь им только во славу Его, на пользу ближнему и для своего спасения.

МИФЫ И ИЕРОГЛИФЫ ЕГИПТЯН

Книга первая

ВВЕДЕНИЕ

По свидетельству св. Климента Александрийского¹, все у египтян имело таинственный вид. Их дома, храмы, инструменты, одежды, надевавшиеся ими как во время культовых церемоний, так и на торжества и всеобщие празднества, сами движения их и жесты были символами, представлением чего-то великого. Они почерпнули вкус к этому в поучениях величайшего из когда-либо живших людей. Сам он был египтянин, и соотечественники называли его *Тотх* или *Птах*, финикийцы² называли его *Тот*, а греки — *Гермес Трисмегист*. Природа как бы сделала его своим избранником и соответственно наделила его всеми необходимыми качествами для ее изучения и совершенного познания. Бог вдохнул, так сказать, в него знание искусства и науки, чтобы он обучил им весь мир.

Видя, что в Египет заносятся суеверия и как они затемняют мысли, полученные предками от Бога, он всерьез озаботился предупреждением идолопоклонства, грозившего незаметно укорениться в божественный культ. Однако он почувствовал, что не наступило еще время раскрыть величайшие тайны Природы и ее Творца народу, столь же мало способному изумиться их величию, сколь и познать их. Убежденный, что рано или поздно этот народ обратит их во зло, он решил изобрести такие загадочные и такие сложные для понимания символы, в каких могли бы разобраться только мудрецы и самые проницательные гении, а остальной люд видел бы в них только предмет для восхищения. Но, исполненный желания передать свои ясные и чистые мысли потомкам, он не намеревался делать из них загадки, лишенные определенного своего значения, не объяснив их некоторым людям. С этой целью он отобрал некое число мужей, коих считал более достойными для хранения его тайны, принадлежавших к тем, кто

¹ Строматы, I, 6.

² Евсев. I, 7.

мог претендовать на трон. Он собрал их, обучил всем наукам и искусствам, разъяснил, что означают придуманные им символы и иероглифы, а после этого назначил их жрецами живого Бога. Еврейский автор книги «Дом Мельхиседека» так описывает Гермеса:

Из рода ханаанского вышел человек, преисполненный мудрости, по имени *Адрис* или *Гермес*. Он первым основал школы, изобрел буквы и математические науки, сообщил людям порядок времен, дал им законы, показал, как жить в обществе и вести спокойную и благолепную жизнь. От него узнали они как поклоняться Богу и обо всем, что может помочь им жить счастливо. Посему, все, кто после него снискал себе репутацию в искусствах и науках, стремились носить то же самое имя — *Адрис*.

В числе этих искусств и наук была одна, которую он передал жрецам лишь с условием, что они сохраняют ее только для себя, не нарушая тайну. Он клятвой обязал их открывать ее лишь тем, кто после долгих испытаний будет сочтен достойным наследовать им; фараоны же вовсе запретили раскрывать ее под страхом смерти. Искусство это называлось *Искусство жрецов*, как сообщают об этом Саламас¹, Мухаммад ибн Аль-Масхауди², Исмаил Сиахинсиа и сам Гелалдиниа³. Вот, что пишет о Гермесе Аль-Кинди: «Во времена Авраама жил в Египте Гермес или Идрис второй — да будет мир с ним! Прозвали его Трисмегистом, ибо он был пророк, фараон и философ. Он обучал Искусству металлов, алхимии, астрологии, магии, науке духов. Пифагор, Эмпедокл, жрец Архелий, оратор и философ Сократ, Платон, логик Аристотель почерпнули свою науку в писаниях Гермеса». Ссылаясь на Манефона, Евсевий прямо заявляет, что Гермес придумал иероглифы и определил их порядок, а потом открыл жрецам; так Манефон, великий языческий жрец, объяснил их по-гречески Птолемею Филадельфскому. Иероглифы эти считались священными, и их прятали в самых потаенных местах храмов⁴.

Благодаря великой тайне, хранимой жрецами, и высоким наукам, чем они занимались, их почитали и уважали во всем Египте — как в те долгие годы, когда они вовсе не общались с чужеземцами, так и после того, как они разрешили им свободную торговлю. Египет всегда считался средоточием наук и искусств, и тайна, которой их окутывали жрецы, лишь сильнее возбуждала любопытство. Гонимый жаждой знаний, Пифагор⁵ решился даже подвергнуть себя обрезанию, чтобы попасть в число посвященных. Действительно, лестно было отличаться от прочего люда не такой тайной, предмет которой оказался бы химерным, а знанием истинных наук, которые без знаний нельзя было постичь, поскольку они

¹ De mirabil mundi.

² Fuit autem Nacraus artis sacerdotalis & magiae peritus; fecit autem ope magiae mirabilia multa & magna... & cum Nacraus fuisset mortuus, successit filius ejus Nathras; fuitque sicut pater artis sacerdotalis & magiae peritus. Hist. Aegypt.

³ Et cum mortuus esset Nathras, regnavit post eum frater ejus Mesram, fuitque sicut coeteri pertus artis sacerdotalis & magiae.

⁴ Ex scriptis Manethonis sebenniae, qui tempore Ptolomaei Philadelphaei Archisacerdos idolorum, quae sunt in Aegyptio, oraculo doctus imaginum jacentium in terra Syradica, sacra dialecto inscriptorum sacrisque litteris insculptorum à Thoyt primo Hermete, quas interpretatus es post Cataclysmum ex sacra dialecto in linguam Graecam litteris hieroglyphicis, & posuit eas in libro Agatho iemon fecundus Hermes, pater Tat, in adytis templorum Aegyptiorum, quas pronuntiavit ipsi Philadelphio Regi fecundo Ptolomaeo, qui in libros sothios, ita scribit: Regi magno Ptolomaeo, &c.

⁵ Св. Климент Александрийский. Строматы. Кн. I.

сообщаются лишь в глубине святилища¹ и только достойным ученикам наделенных гениальностью и честностью.

Но, поскольку, и на самый мудрый закон найдется нарушитель, и самые лучшие установления никогда не остаются навечно, в одном и том же состоянии, то иероглифические фигуры, долженствующие служить непоколебимой основой крепости истинной религии и поддержания ее во всей ее чистоте, стали причиной невежества и падения для народа. Жрецы, хранившие тайну в отношении некоторых наук, боясь нарушить ее, объясняли иероглифы только в религиозном смысле, т.к. они, очевидно, считали, что среди простого люда найдется достаточно трезвомыслящих, которые заподозрят, что эти же иероглифы служат завесой для неких других тайн, и которые, в конце концов, проникнут в них. Поэтому приходилось иногда кое-что разъяснять, но такие вынужденные объяснения стали сознательным обманом. Придуманые Гермесом иероглифы они даже дополнили некоторыми произвольными символами; они выдумывали мифы, которые со временем множились, и постепенно вошло в привычку считать божествами те вещи, которые народу представляли лишь для того, чтобы напомнить ему о существовании одного единственного живого Бога.

Неудивительно, что народ слепо поверил столь нелепым идеям. Мало привыкший размышлять о том, что не грозило его интересам или его жизни, простой народ предоставляет размышления и заботу об их учении тем, у кого больше свободного времени. Жрецы же общались с ними только при помощи символов, а народ все воспринимал буквально. Поначалу у него должны были быть свои понятия о Боге и о Природе; очевидно, что большинство сохранили их и до наших дней. Но разве могли египтяне, считавшиеся наиболее духовными и наиболее просвещенными из людей, верить в столь грубые абсурды и в столь нелепые выдумки, которые им приписывают? Поэтому, нельзя верить даже грекам, отправлявшимся в Египет за науками, которые можно было постичь только при помощи иероглифов. Если даже жрецы им раскрыли и не все тайны *жреческого Искусства*, то, по крайней мере, они не скрывали от них вещи, относившиеся к теологии и физике. Орфей, так сказать, претерпел метаморфозу в Египте и усвоил тамошние идеи и суждения до такой степени, что в гимнах и в их содержании² угадывается скорее египетский жрец, нежели греческий поэт. Он первый перенес в Грецию мифы египтян; однако, мало вероятно, чтобы человек, которого Диодор Сицилийский называл *ученейшим из греков*, достойным уважения за свой ум и знания, решил рассказывать на своей родине мифы, как были. А другие поэты, такие, как Гомер, Гесиод, неужели же они решили сознательно обманывать людей, описывая под видом подлинных историй нереальные истории и героев, никогда не существовавших на самом деле?

Последователь, став учителем, дает, как правило, свои знания и наставления в той манере и тем способом, какими он сам их воспринял. Их учили при помощи мифов, иероглифов, аллегорий, загадок, и сами они также пользовались этим. Поскольку речь шла о тайнах, то и писали они таинственно. Предупреж-

¹ Justin. quaest. Ad orthod.

² Quod vel inde patet, quod Orphei Hymni nescio quid Aegyptiacum oleant; imo hieroglyphicam doctrinam mysteriosis suis allegoriis ita exacte exhibeant; ut non à Graeco, sed Aegypto sacerdote compositi videantur.

Kircher. Ob. Pamph. L. 2. C. 3.

Это свидетельство о. Кирхера не смогло убедить ученых, считавших труды Орфея вымышленными.

дать об этом читателей не было необходимости, — заметить это могли и наименее проницательные. Стоит внимательнее приглядеться к названиям произведений Эвмола, Менандра, Мелантия, Ямвлиха, Эванта и труды других, наполненные мифами, и мы быстро увидим, что они намеренно скрывали тайны под покровом вымысла, а в их сочинениях содержится много такого, что нельзя заметить с первого взгляда даже и при внимательном чтении.

Ямвлих дает такое пояснение в начале своего труда:

«Бог Гермес, повелитель слов, с древности справедливо почитается всеми жрецами за общего. Он единственный стоит также во главе истинного знания о богах, один и тот же повсюду. Наши предки приписывали ему открытия собственной мудрости, подписывая именем Гермеса все свои сочинения... Ибо не подобает, чтобы Пифагор, Платон, Демокрит, Евдокс и многие другие древние эллины получили надлежащее поучение от тогдашних толкователей священных текстов, а ты, живя в наше время и придерживаясь одинакового с ними мнения, не получишь бы наставления от ныне живущих и называющихся всеобщими наставниками... Итак, мы передадим тебе с величайшей точностью и истинностью представление о старинных преданиях ассирийцев и ясно откроем тебе наши собственные, частью выводя познавательные умозаключения относительно них на основании бесчисленных древних писем, а частью — того, как древние позднее свели в законченную книгу знание о божественном.

Если же ты предложишь некий философский вопрос, мы ответим тебе на него в соответствии с древними скрижалями Гермеса, прочтя которые, Платон, а до него и Пифагор составили свою собственную философию, кротко и благожелательно опровергая иноземные исследования, даже если они обнаруживали некую враждебность; в иных случаях мы покажем их несообразность».

После того как Камбиз разрушил многие города и разорил почти весь Египет, большинство жрецов рассеялись по соседним странам, в том числе и в Грецию. Они принесли с собой и свои знания, но продолжали, несомненно, преподносить их так, как это было принято в Египте, т.е. таинственным способом. Не желая раскрывать их всем, они еще больше окутывали их непроницаемостью мифов и иероглифов, чтобы простые люди, узрев их, истину не увидели, слыша их, ничего не понимали. Из этого источника черпали все, но одни брали из него чистую и ясную воду, взмучив ее для других, которым оставалась только грязь.

Это и есть тот источник бессмыслиц, наводнявших землю в течение стольких веков. Эти тайны, укрытые тщательными покровами, не понятые и плохо объясненные, распространились в Греции, а оттуда — по всему миру.

Мрак этот, в лоне которого зародилось идолопоклонство, сгущался все больше. Большинство поэтов, мало знакомых с сутью этих тайн, еще больше усложняли мифы египтян; итак, зло это усиливалось вплоть до пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа, открывшего народам глаза на заблуждения, в которые ввергли их эти мифы. Еще Гермес предвидел такой упадок почитания Бога и непонимание мифов, которые должны были наследовать ему¹:

Придет время, когда будет казаться, будто Египет напрасно служил божественному своим благочестивым умом и постоянным поклонением ему и что все священные культы окажутся напрасными и превратятся в ничто... О, Египет, Египет!

¹ Асклепий, 24b.

От твоих благочестивых культах останутся только неясные предания, в которые потомки твои, как и все остальные люди, уже не будут верить; останутся лишь слова благочестия, высеченные на камне, где перечислены твои свершения.

Очевидно, что ни Гермес, ни египетские жрецы не признавали многобожия. Если вчитаться в гимны Орфея, особенно в гимн Сатурну¹, где говорится, что этот бог находится во всех частях, составляющих Универсум, если вдуматься в Гермесова «Асклепия», в слова пифагорейца Парменида, всмотреться в труды того же Пифагора, то можно у всех найти высказывания, отражающие их веру в единство Бога — начала всего, как не имеющего начала, а остальные боги, упоминаемые ими, есть лишь разные названия либо его атрибутов, либо действий Природы. Ямвлих² — единственный, кто способен нас в этом убедить тем, что он говорил о тайнах египтян, когда ученики спрашивали его, что есть первопричина и первоначало всего.

Таким образом, Гермес и другие мудрецы преподносили, народам фигуры понятий как богов лишь для того, чтобы показать им одного и единого Бога во всем сущем. Ибо тот, кто видит, как проявляются в этом мире мудрость³, провидение и любовь Бога, видит и самого Бога, т.к. все создания суть лишь зеркала, отражающие на нас мудрость Божью. Можно обратиться, например, к сочинению Пауля Эрнеста Яблонски, прекрасно обосновавшему смехотворно приписываемое египтянам идолопоклонство⁴.

И египтяне, и греки не всегда принимали иероглифы как просто символы Бога. Идею эту сохранили только жрецы, греческие философы, персидские маги и т.д. В то время как в народе укоренялась идея многобожия, а принципы мудро-

¹ См.: Орфические гимны, IV. — *Прим. ред.*

² Оставив в стороне это, как ты говоришь, ты хочешь, чтобы тебе было разъяснено, чем, как полагают египтяне, является первая причина: умом ли или чем-то превыше ума, и единственная ли она или существует совместно с другой или с другими, и бестелесна ли она или телесна, и тождественна ли демиургу или предшествует ему, и из одного ли все или из многого, и знают ли они материю или первичные телесные качества, и не рождена ли материя или рождена... Все эти начала полностью показал Гермес в двадцати тысячах книг, как их учел Селевк, или в тридцати шести тысячах пятистах двадцати пяти, как рассказывает Манефон. Различные древние авторы, отбирая разные начала применительно к отдельным сущностям, много раз толковали их. Нужно найти истину для всех них и растолковать ее тебе по возможности кратко. Сперва послушай ответ в отношении того, что ты спросил в первую очередь.

Превыше истинно сущего и всех начал стоит единый бог, превосходящий даже первого бога и царя, пребывающий неподвижным в единстве собственной единичности. Ведь к нему не примешивается ни умопостигаемое, ни что-либо другое. Наличествует некая парадигма своего собственного прародителя, своего собственного потомка и единого порождающего бога, истинного блага. Ведь она является чем-то весьма великим и изначальным, источником всего и основанием первых существующих мыслимых идей. Благодаря этому единому не нуждающийся в посторонней помощи бог освещает самого себя, и потому-то он и является прародителем самого себя и не нуждается в посторонней помощи. Ведь он — начало и бог богов, единица из единого, предсущность и начало сущности. Ибо от него — сущностность и сущность, почему именно он и называется прародителем сущности. Ведь он сам — предсущее сущее, начало умопостигаемого, почему он и именуется властителем ума. Итак, вот каковы важнейшие начала всего, которые Гермес ставит превыше эфирных, огненных и небесных богов, посвятив сто книг исследованию огненных богов, и равное им число — исследованию эфирных, и тысячу — небесных.

О египетских мистериях, VIII, 1–2

³ Св. Дионисий Ареопагит.

⁴ Pantheon Aegyptiorum. Francofurti, 1751.

сти и философии были не всегда так сильны, чтобы превозмочь робость человеческой слабости в тех, кто мог бы открыть народу глаза и указать ему на его заблуждение. Более того, публично Философы признавали абсурдность этих мифов, что дало повод одному египетскому жрецу, со скрежетом зубным переносившему детскую доверчивость греков, заметить однажды некоторым из них: «Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!»¹

Эта манера изображать Бога, его атрибуты, его природу, его принципы и деяния использовалась во все древние времена и во всех странах. Раскрывать простонародью столь возвышенные и столь тонкие тайны считалось невозможным. Характер иероглифа и символа заключается в том, чтобы привести к познанию какой-то вещи путем изображения другой, совершенно отличной от нее. По свидетельству Плутарха², Пифагор был настолько восхищен тем, как египетские жрецы преподают науки, что решил подражать их таинственной символике, облекая учение в иносказание, и так преуспел в этом, что его сочинения пестрят двусмысленностями, а сентенции его завуалированы весьма таинственной манерой изъясняться. Если положиться на Рамбама³, то Моисей тоже писал свои книги весьма загадочно:

Все что содержится в законе еврейском, написано в аллегорическом или выражениями в буквальном смысле, следующими из неких арифметических расчетов или из неких геометрических фигур, измененных, перенесенных или построенных гармонически соответственно их значению букв. Все это вытекает из формы знаков, их соединений и разъединений, наклона, изгиба, прямизны, из недостающего или избыточного в них, из их большого или малого размера, раскрытия и т.п.

Саломон считал иероглифы, изречения и загадки предметом, достойным изучения мудрыми людьми, и во всех его писаниях можно встретить восхваления им. «Разумный найдет мудрые советы⁴; чтобы разуметь притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их. Он все испытывал, исследовал, и составил много притчей»⁵.

Египтяне не всегда изъяснялись иероглифами или загадками, а только если нужно было вести речь о Боге или о самом сокровенном из того, что происходило при действиях Природы. При этом иероглифы, использовавшиеся одними, могли не соответствовать иероглифам других. Письменность египтян была изобретена Гермесом, однако сейчас нет единого мнения в отношении изображения знаков, введенных им первоначально в обиход. Известно все же, что их было четыре типа. К первому⁶ относились знаки вульгарного (простого) письма, известного всем и используемого в повседневной жизни. Знаки второго типа использовались лишь мудрыми при обсуждении тайн Природы; третий — состоял из смеси знаков и символов; к четвертому — относится священное письмо, известное жрецам и служившее им, чтобы писать о Божестве и его атрибутах. Таким образом, нельзя смешивать различные способы, которыми пользовались егип-

¹ Платон. Тимей.

² Об Исиде и Осирисе., 10.

³ In exordio Geneseos.

⁴ Прем. 1, 5.

⁵ Еккл. 12, 9.

⁶ Abenephi.

тяне для описания и выражения своих мыслей. Многие исследователи древности, пренебрегшие этим различием, впадали в заблуждение, т.к. имели в виду только один предмет обсуждения и объясняли все древние памятники согласно этому предмету. Отсюда такое множество сочинений различных авторов, расходящихся между собой. Чтобы добиться полного понимания, нужно было бы иметь образцы всех этих знаков. И то, что было бы написано у древних одним изображением знаков, объяснялось бы вещами, выражаемыми данными знаками. Первым египтянином было бы написано о вещах повседневной жизни, истории и т.д.; вторым — о вещах Природы; третьим — о том, что относилось к Богу, его почитанию или к мифам. Тогда не пришлось бы прибегать к догадкам и объяснять какой-нибудь древний памятник иной вещью, тогда, как на самом деле он посвящен совсем другому. Но нам из всего этого остались только мифы, как и предсказывал Гермес в Апулеевом Асклепии, что приводилось выше по этому поводу.

Всякий разумный человек, добросовестно размышляющий, — не абсурдны ли мифы, обязательно будет видеть богов как вымышленных, поскольку языческие божества происходят от божеств, выдуманных египтянами. Однако Орфей и те, кто переносили эти мифы в Грецию, рассказывали их так и с таким же смыслом, как они этому научились в Египте. И если там они были выдуманы для объяснения при помощи символов того, что происходит в Природе, ее начал, приемов, действий и, даже, иногда отдельных тайных операций Искусства, подражающего Природе, то для достижения той же цели, греческие мифы, во всяком случае, древние, поведенные Орфеем, Мелампом, Лином, Гомером, Гесиодом и пр., следует, бесспорно, объяснять в том же смысле и согласно намерениям их авторов, бравших в качестве образца египтян. Большинство мифических сочинений дошло до нас, а потому их можно вдумчиво проанализировать, посмотреть, не отыщутся ли в них некоторые особые черты, раскрывающие предмет, который имел в виду автор. Все, что есть наивного, абсурдного, что поражает в этих мифах, показывает, что их авторы не собирались говорить об истинном Божестве. В трудах Гермеса, в общении с египетскими жрецами они почерпнули слишком чистые и очень возвышенные представления о Боге и его деяниях, чтобы говорить об этом в заведомо неприличной и столь странной манере. Когда речь заходит о высших тайнах Бога, то они касаются их с большой возвышенностью мыслей, чувств и выражений, как и должно быть. И тут уже не встречаются ни кровосмешения, ни адюльтеры, ни отцеубийства, ни прочее. Следовательно, они могли подразумевать только Природу и, действуя в манере египтян, они персонифицировали применяемые ей начала и ее действия, представили это разными мифами, хотя и подразумевали подо всем этим одно и то же. Они умело присовокупили сюда уроки политики, морали, общие понятия физики, иногда для создания своих аллегорий они брали какой-нибудь исторический факт, но все эти вещи совершенно случайные и не являются основой и предметом мифа. Напрасно было бы трудиться над объяснением мифических иероглифов с их помощью. Тот, кто пытался сделать это исходя из истории, должен был признать существование этих богов, богинь, героев и героинь, по меньшей мере, в качестве королей, королев или людей, о чьих деяниях слагают предания. Однако задача расстановки всего этого по правилам подлинной хронологии становилась для них непреодолимой трудностью, лабиринтом, из

которого им никогда не выбраться. Предмет истории во все времена заключался в том, чтобы предложить достойные подражания образцы добродетели, примеры для воспитания нравов. Вряд ли авторы этих мифов задавались такой целью, поскольку в их сочинениях столько абсурдного, столько непристойного, что они гораздо больше способны развращать нравы, нежели их направлять. Поэтому было бы, по меньшей мере, бесполезно так же мучиться ради того, чтобы найти в их смысле мораль.

Тем не менее, есть, вероятно, возможность различать четыре вида смысла, придаваемых этим иероглифам и египтянами, и греками, и другими народами, где их использовали. Люди несведущие, а из них состоит общая масса народа, воспринимали историю богов буквально, так же, как и возникшие в связи с этим мифы, — вот источник суеверий, к которым так склонны народы. К другой категории относились те, кто, чувствуя, что истории эти всего лишь выдумка, проникали в таинственный и сокровенный смысл мифов и иероглифов, связывали их с причинами, следствиями и действиями Природы. А так как они обладали совершенным знанием, обретенным посредством тайных учений, всегда передававшихся от одних к другим, соответственно полученных от Гермеса, то им удалось добиться поразительных результатов, используя одни лишь действия Природы, которой они подражали для достижения такой же цели. Именно эти следствия, составляли предмет *жреческого Искусства* — Искусства, тайну которого они поклялись беречь. Тайну эту им было запрещено под страхом смерти, каким бы то ни было образом, раскрывать кому-либо, кроме тех, кого они сочтут достойными посвящения в священнический орден, из которого выходили фараоны. Это Искусство заключалось в создании такой вещи, которая могла бы стать источником счастья и благодати человека в этой жизни, т.е. источником здоровья, богатства и знания всей Природы. У этой столь достойной тайны не могло быть другого предмета.

Когда Гермес изобрел иероглифы, у него не было намерения ни основывать идолопоклонство, ни скрывать в тайне понятия, существовавшие о Божестве. Его цель состояла еще в том, чтобы дать знание о Боге, как о Боге едином, и воспрепятствовать тому, чтобы народ поклонялся другим. Он желал, чтобы его можно было познать во всех индивидах, подчеркивая в каждом черты божественной мудрости. И если он укрыв под покровом иероглифов некоторые возвышенные тайны, то не столько, чтобы скрыть их от людей, а потому, что тайны эти были выше их возможностей, так как он не смог бы удержать их в границах благоразумного знания и наверняка пренебрег бы наставлениями, данными ему в этом отношении. Жрецы были единственными, кому это знание доверялось после нескольких лет испытания. Таким образом, очевидно, что у тайны этой была иная цель. Некоторые из древних сообщают нам, что она заключалась в знании того, кем на самом деле были Осирис, Исида, Гор и другие придуманные боги, и, что под страхом смерти запрещалось говорить, что они были людьми. Однако, вполне ли были уверены эти авторы в том, что сами утверждали? И даже если бы то, что они говорят, было правдой, то предметом этой тайны все же не был бы Бог, тайны Божества и его культ. Ибо Гермес, обязавший жрецов хранить эту тайну, хорошо знал, что ни Осирис, ни Исида и пр. не были богами, и он их таковыми и не преподнес бы жрецам, преподнося им истинное учение, одновременно вводя в заблуждение народ. Трудно заподо-

зреть такого великого человека в столь неприглядном поступке, который никак не соответствует его имеющемуся образу.

Третий смысл, заключающийся в этих иероглифах, был смыслом морали или правил поведения. И, наконец, четвертый — был, собственно, смысл великой мудрости. При помощи этих вымышленных историй о богах, объяснялось все, что было возвышенного в религии, в Боге и в Универсуме. Именно здесь Философы черпали все, что они говорили о Боге. Они не делали из этого тайны для тех, кто мог это понять. Греческие Философы получили это знание при общении с египетскими жрецами, и тому много доказательств мы находим во всех их сочинениях. Все авторы подтверждают это; называют даже тех, у кого эти философы учились. Так, Евдокс учился у Конофея из Мемфиса; Солон у Сонхиса из Саиса; Пифагор у Енуфея из Гелиополиса и т.д. Несмотря на то, что от большинства этих Философов не скрывалось ничего такого, что касалось Божества, а также морали и физики Философии, учителя не всем им преподали упоминавшееся выше *жреческое Искусство*. Упомянутое Искусство, в первую очередь, практикуемая вещь. Познание Бога — это не искусство, так же, как и знание морали и даже Философии. От древних авторов мы узнаем, что Гермес научил египтян искусству металлов и *алхимии*. Отец Кирхер сам признает, приводя в свидетели историю и всю древность, что Гермес укрыл Искусство златоделания под покровом загадок и иероглифов, причем тех самых иероглифов, при помощи которых простой люд отлучали от знания тайн Бога и Природы.

Этот автор говорит¹:

То, что эти первые люди владели искусством златоделания — то ли путем его извлечения из всевозможных веществ, то ли путем трансмутации металлов — настолько верно, что тот, кто в этом усомнился бы или решил бы отрицать это, показал бы себя совершенным невеждой в истории. Обучены этому были жрецы, фараоны и главы кланов. Искусство сие всегда держали в большой тайне, а владевшие ею хранили глубокое молчание о ней из опасения, что если самые сокровенные лаборатории и святилища Природы будут раскрыты невежественным людом, он воспользуется этим знанием во вред и гибель обществу. Изобретательный и благоразумный Гермес, предвидевший такую опасность, грозившую государству, правильно сделал, что упрятал это искусство златоделания под непонимаемой завесой и теми же непонятными иероглифами, которыми он пользовался, чтобы скрыть от невежественного люда ту часть Философии, которая касается Бога, Ангелов и Универсума.

В этом случае отца Кирхера трудно в чем-то заподозрить, т.к. он, когда ему представлялась возможность, всякий раз восставал против камня Философов. Потребовалась неопровержимость очевидного и правды, чтобы исторгнуть у него эти признания, без чего довольно трудно примирить его с самим собой.

Так, в предисловии к «Алхимии Египтян» он пишет:

Какой-нибудь Аристарх несомненно восстанет против меня из-за того, что я берусь говорить об Искусстве, которое многие считают одиозным, лживым, софистским, полным обмана, в то время, как многие другие смотрят на него как на науку в высочайшей степени проявляющую божественную и человеческую мудрость. Пусть он знает, однако, что поскольку вознамерился, взяв на себя роль Эдипа, объяснить все, что египтяне сокрыли за своими иероглифами, мне предстоит говорить и об этой науке, закутанной ими в такую же тьму символов. Дело

¹ Oedipus Aegypti. T. II., P. 2 de Alchym. C. I.

не в том, что я ее одобряю или думаю, что из науки сей можно извлечь какую-либо пользу в отношении искусства златоделания, а в том, что о ней говорит вся досточтимая древность, передавшая нам ее в виде бесконечного числа иероглифов и символических знаков. Очевидно то, что из всех искусств и всех наук, возбуждающих человеческое любопытство и которыми занимается человек, я не знаю другой такой науки, на которую бы нападали с большей силой и которая была бы лучше защищена.

В этом своем сочинении он приводит множество свидетельств того, что наука эта была известна египтянам, что Гермес передал знание жрецам, что она так высоко чтилась в этой стране, что поведать о ней кому-либо другому кроме жрецов, фараонов или философов Египта считалось преступлением, достойным смерти¹.

Тот же автор заключает, вопреки всем этим свидетельствам², что египтяне совсем не были знакомы с камнем Философов, и иероглифы к нему не относились. Странно, и это после того, как он прочитал посвященные этому труды, чтобы объяснить описываемый им, герметический иероглиф. Причем он приводит для этого чуть ли не дословно такие из них, как двенадцать трактатов Космополита и «*Arcanum Hermeticae Philosophiae opus*» д'Эспанье и пр. Кирхер осмеливается утверждать, что та, или иная фигура и другие иероглифы, не относятся к камню Философов, о котором выше упомянутые авторы пишут, как говорится, *ex professo*. А поскольку все, что эти авторы говорят, касается камня Философов, отец Кирхер мог использовать их рассуждения только в связи с этим предметом. Он говорит³:

Египтяне вовсе не имели в виду практическое обращение с этим камнем. Если даже они касаются кое-чего из приготовления металлов и раскрывают самые сокровенные сокровища минералов, они подразумевали под этим не то, что подразумевают древние и современные алхимики. Они просто указывали на некую субстанцию низшего мира, которая подобно Солнцу, наделена чудесными качествами и столь удивительными свойствами, что они ставят ее намного выше человеческого разума, т.е. квинтэссенцию, сокрытую во всех смешанных, пропитанную силой универсального мирового духа. Так, что тот, кто, вдохновленный Богом и просветленный его божественным светом, найдет способ добыть ее, избавится с ее помощью от всяческих болезней и будет вести жизнь, полную неги и удовольствий. Таким образом, они говорили не о камне Философов, а об эликсире.

1 Major hujus arcanæ scientiæ honor habebatur Aegyptiis, qui præter Reges, Sacerdotes & Philosophos summo & acuto ingenio prædios homines, nullum olum hominum eam callere, crimen rebantur non nisi morte piandum; unde non sine ratione tot ac tantis abstrusis symbolorum notis eandem obvelabant, ne in plebeia insipientiæ abusum eam cum notabili regne præjudicio, imo ruinâ, verti contingeret.

Kirch. loc. cit.

Fuit autem datâ operâ summo silentio à possessoribus ideo suppressa, ne arcaniora plebi aperta in conclamatam Reipublicæ perniciem cederent, regnoque ultimam merito ruinam adducerent. Unde non sine ratione ingeniosissimus Mercurius tanta damna prævidens, sicut diviniorem de Deo, Angelis, Mundo, Philosophiæ portionem, reconditissimis symbolis, ne communi usui paterent, obvelavit; sic & hanc artem auriferam inter eas scientias, quæ sublunaris subterraneique mundi æconomiam contemplantur, arcanissimam, divinissimam que merito iisdem hieroglyphicarum notarum obscurtatibus à profanorum lectione longe semotissimam abtexit.

Ibid. cap. I.

2 De Alchym. Aegypt., c. 7.

3 Loco cit.

Если приведенные нами слова отца Кирхера не относятся к камню Философов, то я просто не знаю тогда, в чем же он состоит. Когда его понятие о нем не соответствовало тому, что о нем говорят авторы, то все, что он выдвигает против него, к камню не относится. Об этом можно судить как по тому, что было сказано до сих пор, так и по тому, что еще будет сказано ниже. Целью и древних, и современных Герметических Философов было всегда добыть естественным путем из некой субстанции тот эликсир или квинтэссенцию, о чем пишет отец Кирхер. Затем, оперируя согласно законам Природы, отделить ее от гетерогенных частей, в которые она закутана, чтобы дать ей возможность действовать без препятствий, дабы освободить три царства Природы от их болезней, а то, что это осуществимо, нельзя отрицать, ибо, поскольку этот универсальный дух есть душа Природы и основа всех смешанных, он полностью аналогичен им, как подобен солнцу в своих действиях и свойствах. Потому-то Философы говорят, что отец ее — Солнце, а мать — Луна.

Не следует путать Герметических Философов или настоящих Алхимиков с суфлерами стремящимися получить немедленно из используемых ими материалов только золото, тогда как первые добиваются получения квинтэссенции, которая служила бы универсальной панацеей для излечения всех болезней человеческого тела, и эликсира для трансмутации несовершенных металлов в золото. Вот, собственно, две цели, которые ставили себе египтяне, как утверждают и древние, и современные авторы. Это и есть то Искусство священнодействия, которое они скрывали как большую тайну и которое Философы всегда будут хранить в виде символов и таинственных иероглифов. Они лишь уподобятся Калиду¹, говоря вслед за ним:

Во всех смешанных имеется радикальная, первостепенная ненарушаемая сущность; она находится во всех вещах и во всех местах; счастлив тот, кто может познать и открыть эту тайную сущность и обработать ее как следует! Гермес говорит также, что тайна этой вещи — вода, и что вода получает свою пищу от людей. Маркунес с легкостью убеждает, что все, что есть в мире, продается дороже этой воды, ибо она есть у каждого и всем нужна. Абуамил говорит об этой воде, что ее находят в любом месте, в долинах, на равнинах, в горах, у богатого и у бедного, у сильного и у слабого. Таково слово Гермеса и мудрых об их камне: это некая вода, влажный дух; тем самым Гермес окутал знание под видом сокровеннейших, и наисложнейших для истолкования символических знаков.

Материя, из которой извлекается эта сущность, содержит в себе скрытый огонь и влажный дух; неудивительно поэтому, что Гермес представил ее нам в виде иероглифической эмблемы Осириса, означающей *скрытый огонь*², и Исиды, которую считают Луной и влажной природой. Эту истину подтверждает Диодор Сицилийский, согласно которому египтяне относятся к Осирису и Исиде как к богам. Полагают, что они беспрестанно переносятся по всему свету, питают и возвращают все вокруг в течение трех времен года: весны, лета и зимы; что природа сих богов в огромной степени бесконечно способствует зачатию животных, т.к. один из них пламенный и духовный, второй — влажный и холодный. Философы считают также, что общим для них обоих является воздух, что они за-

¹ Comment. in Hermet.

² Kirch. Oedip. Aegypt. T. 1, p. 176.

рождают все тела, что Солнце и Луна совершенствуют природу вещей¹. Плутарх², со своей стороны, уверяет нас, что все, что покоит и рассказывают нам греки о гигантах, о титанах, о преступлении Сатурна и других богов, о схватке Аполлона с Пифоном, о скитании Бахуса, о поисках и путешествиях Цереры ничуть не отличается от того, что говорилось об Осирисе и Исиде. Он утверждает, что все, что было выдуманно похожего с достаточной вольностью в распространяемых мифах, должно восприниматься точно так же, как и то, что мы видим в священных таинствах, которые, как нам говорят, преступно раскрывать народу.

Поскольку все в Природе начинается от горячего и от влажного, египтяне присвоили таковым имена Осириса и Исиды, утверждая, что они были братом и сестрой, мужем и женой. Их всегда принимали за саму Природу, как мы увидим ниже.

Если не прибегать к различным тонкостям, то можно легко видеть то, что египтяне, греки и др. подразумевали под своими иероглифами и мифами. Они настолько изобретательно сложили их, что под одним и тем же образом спрятаны одновременно несколько вещей; и точно также различные иероглифы и символы скрывали одну и ту же вещь. Названия, фигуры, сами истории были разные, однако суть и предмет их были совершенно одинаковы.

Известно — и достаточно открыть труды Герметических Философов, чтобы с первого взгляда убедиться в этом, — что во все времена они не только следовали правилам египтян при описании камня Философов, но также использовали те же самые иероглифы и те же мифы либо полностью, либо частично — в зависимости от ситуации, под влиянием которой они находились. Больше всех подражали египтянам арабы, т.к. они перевели на свой язык большое количество герметических и прочих трактатов, написанных на египетском языке и в его стиле. Этому, очевидно, во многом способствовали близость Египта и, следовательно, поездки туда и торговля с ним. Такое единодушие идей и многовековая традиция являются если и не бесспорным доказательством, то, по крайней мере, вероятностью того, что египетские иероглифы и мифы складывались именно для великого делания. Они сочинялись для обучения теории и практике лишь отдельных людей, а в силу вытекающих из этого злоупотреблений и неудобств и эта теория, и эта практика содержались в тайне от народа и от тех, которых не считали достойными их.

Таким образом, не мне первому пришла в голову мысль объяснить эти иероглифы и мифы основами, операциями и результатами великого делания, имеваемого также камнем Философов и золотым лекарством. Они ведь рассыпаны почти везде в трудах, посвященных этому таинственному Искусству. Некоторые химики написали даже трактаты под тем же углом зрения, что и я. В прошлом ве-

¹ *Hos Deos arbitrati (Ægyptii) dicunt cos universum circumire orbem, aut nitrire augereque corpora tribus anni temporibus motu continuo perficientes orbem, Vere, Aestate ac Hyeme; quorum Deorum natura plurimum conferat ad omnium animantium generationem; cum alter igneus ac spiritualis existat, altera humida & frigida; aër utique communis: ab eis itaque generari, atque nutriti corpora omnia, rerumque naturam à Sole & Luna perfici.*

Diodor. T. 1, c. 1.

² Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона, и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Бахуса, и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь.

Об Исиде и Осирисе, 25.

ке Фабри де Кастельнаудари¹ писал о трудах Геркулеса в сочинении «Hercules Philochymicus». Якоб Толль описывает все мифы в небольшой книге Fortuita. Не стоит удивляться, что ни тот, ни другой не добились полного успеха. Первый, похоже, читал Герметических Философов, но поверхностно, ибо не смог представить их с соответствующей связностью и проникнуть в их истинные принципы. Второй, слишком увлеченный вульгарной химией, признавал только Василия Валентина, которого, несомненно, не понимал, т.к. он почти всегда объясняет его буквально. Хотя, если судить по Олаусу Боррихию², Василий Валентин относится к наиболее сложным для понимания герметическим авторам как по причине искажений, которым подверглись его труды, так и по причине сложности загадок, двусмысленностей и иероглифических фигур, которыми он наполнил свои труды.

Множество сочинений посвятил этому предмету Михаэль Майер. Их перечень содержится в «Каталоге химических и металлургических авторов и герметических Философов», приложенном аббатом Ленгле к его истории Герметической Философии. Из трудов Майера д'Эспанье ценил его трактат об эмблемах, т.к., по его словам, он представляет с достаточной ясностью глазам видящих самое тайное и сокровенное из имеющегося в великом делании. Я внимательно прочел некоторые из трактатов Михаэля Майера, и они оказались мне настолько полезными, что, например, трактат *Arcana Arcanissima* послужил канвой для моего собственного сочинения, по крайней мере, в смысле его строения, ибо мыслям его я следовал не всегда. Этот автор запутывал рассуждения, когда не хотел или не мог объяснить некоторые особенности мифа — то ли потому, что так сильно придерживался тайны, столь соблюдаемой Философами, и боялся показаться проболтавшимся, то ли потому (что можно было бы предполагать), что его к этому принудили.

Герметические Философы, прибегавшие к аллегориям мифа, изъясняются для непосвященных не менее туманно, чем передан сам миф. И если они проливали свет на какой-то миф, то лишь столько, сколько нужно, чтобы дать нам понять, что его тайны не являются тайнами для них. «Хорошо помните об этом, — говорит Василий Валентин³, — трудитесь так, чтобы Парис мог защитить прекрасную и благородную Елену; воспрепятствуйте тому, чтобы греки снова не опустошили город Трои; постарайтесь, чтобы Приам и Менелай больше не воевали друг с другом и не враждовали; чтобы Гектор и Ахилл были в согласии и не сражались за королевскую кровь, чтобы они создали такое государство, в котором мирно жили бы их потомки». Сей автор вводит всех главных богов мифологии в свои «Двенадцать ключей». Раймунд Луллий часто говорит о Египте и Эфиопии. Наконец, первый использует один миф, а второй — другой, но во всех случаях с помощью аллегорий.

Все объяснения, приводимые мною, взяты у этих авторов или основываются на их текстах и их рассуждениях. Объяснения мои будут настолько естественны, что из них легко заключить, что источником мифов была настоящая химия, что в мифах этих содержатся все ее начала и действия, и напрасно было мучить-

¹ Вероятно, имеется в виду книга: *Fabry Pierre-Jean. Hercules pio-chymicus.* — Toulouse, 1624. — *Прим ред.*

² *Prospect. Chym. celebr.*

³ Трактат о Витриоле.

ся, пытаясь ясно объяснить их другими способами. Не думаю, что все с этим согласятся. Уже широко распространился обычай объяснять древность посредством истории и морали. Обычай этот занял даже главенствующее место и укоренился настолько, что в силу предубеждения всякое иное объяснение рассматривают как измышление. Каждый может смотреть на них, как ему заблагорассудится — это личное дело каждого. Я пишу для тех, кто захочет меня читать, для тех, кто, запутавшись в лабиринте, последовав за указанными выше системами, будут искать здесь нить Ариадны, которую они несомненно найдут; а также для тех, кто упорно читая Герметических Философов еще больше способен вынести здоровое и бескорыстное суждение. Они найдут здесь возможность укрепить свои нечеткие и неопределенные представления о материи великого делания и о способах его совершить. Что же до тех, кто, ослепленный предубеждением или злыми намерениями, приписывает египтянам, пифагорам, платонам, сократам и другим великим людям такие абсурдные мысли, как многобожие, то я прошу их просто сопоставить такие суждения с великой идеей мудрости, которая видна в их сочинениях и которую не безосновательно признают за ними. Я посоветовал бы им более серьезно и вдумчиво перечитать такие сочинения, дабы найти в них то, что ускользнуло от взора читателя. Я не рассчитываю на овации лишь тех, кому Герметическая Философия абсолютно неизвестна, ибо они смогут судить о моем труде так же, как слепой судит о красках.

ГЛАВА I

О египетских иероглифах

Если мифы Египта воспринимать буквально и пытаться объяснять их, подразумевая божественное, то получается нечто совершенно странное, смешное, экстравагантное. Этой системы, как правило, придерживались исследователи древности в своих рассказах о сохранившихся памятниках. Признаюсь, что очень часто вижу в этом признаки суеверия, распространенного в народе во времена, последовавшие за тем, когда Гермес изобрел иероглифы. Однако, чтобы раскрыть то, что в них сокрыто, абсолютно необходимо вернуться к их истокам и проникнуть в намерения их создателей. В этой задаче мы не должны руководствоваться рассуждениями народа, с этим никак не связанными, ни с теми представлениями, что были о мифах у греческих и латинских авторов — пусть даже и очень ученых в разных областях. И если они общались только с народом, то у них могли быть лишь его представления об этом. Нужно удостовериться, действительно ли они были посвящены в тайны Осириса, Исиды и пр., а также научены жрецами, коим было доверено разумение этих иероглифов. В своем диалоге с Асклепием Гермес неоднократно заявляет, что Бог не может изображаться какой-либо фигурой, что ему нельзя дать имя, ибо, будучи единственным, он не нуждается в нем; что он недвижим, потому что он всюду; что он — на-

чало самого себя и сам себе отец. Таким образом, видно, что он не желал изображать его рисунками или хотел заставить поклоняться ему под именем Осириса, Исида и т.д.

Некоторые древние авторы, мало знакомые с истинными мыслями Гермеса и его последователей жрецов, принялись распространять ложные представления, утверждая, что египтяне говорили о божестве то, что они на самом деле говорили, подразумевая Природу. Когда Гермес решил научить избранных им жрецов, он говорил им, что у вещей два начала: одно хорошее, а второе плохое. И, если верить Плутарху, на этом основывалась вся религия египтян. Многие другие авторы высказывались так же, как Плутарх, не стремясь глубже узнать, не основывалось ли это утверждение на людских ошибках, и действительно ли жрецы, учившие народ, именно так относились к божеству или к началам смешанных: началу жизни и началу смерти. Исходя из этого утверждения Плутарха, поддерживаемого другими авторами, исследователи античности выдвинули объяснения отдельных, сохранных временем памятников, и их идеи были приняты, т.к. более правдоподобных не находилось. Правда и то, однако, что немало исследователей древности достаточно сдержаны, чтобы признать, что во многих случаях они говорят лишь догадками, и что правильное объяснение некоторых памятников можно найти, только отгадав его¹. Первый же, представший перед нами в лице де Монфокона и его «Исследования древности с пояснениями», уже дает хороший пример полученной системы: сей ученый предупреждает нас, что в его сочинении встречаются и много других подобных объяснений. Тем не менее, в этом памятнике нет ничего трудного для понимания, и редко кто так просто излагает свой предмет. Любой человек, слегка знакомый с герметической наукой, поймет его с первого взгляда, и ему не нужно будет прибегать к помощи Эдипа или к догадкам, чтобы объяснить его. Об этом можно судить, если сравнить объяснение де Монфокона с моим.

Наш автор пишет:

Этот памятник есть надгробный камень, который назывался *Ара*, и который Гермес Гереннулейский соорудил для своей жены, для себя самого и своих детей, и для потомства. Сам он изображен посреди надписи в момент принесения жертвы манам — обоготворенным душам умерших. С другой стороны камня — две змеи, выпрямившиеся на хвостах и обращенные друг к другу, одна из которых держит в пасти яйцо, а вторая как бы стремится вырвать его.

Владелец данного памятника, Фабрети, хотел объяснить этот символ; но поскольку это объяснение не удовлетворяло де Монфокона, он так описывает его:

Прежде чем высказать свое предположение об этом памятнике, следует заметить, что в Риме и в Италии находят массу таких знаков египетских суеверий, перенятых римлянами. Этот знак также относится к их числу: образ сей может быть только символическим. Древние египтяне признавали одно доброе начало, создавшее мир, и аллегорически представляли его в виде змеи, держащей в пасти яйцо. Яйцо же это означало сотворенный мир. Таким образом, змея эта с яйцом в пасти и есть то доброе начало, которое сотворило мир и поддерживает его. Но поскольку египтяне допускали два начала — одно доброе, а второе злое, то надо сказать, что вторая змея, противостоящая первой, есть образ злого начала, желающего отобрать мир у первого.

¹ 2. р.Т. II. р. 271, fig. 105.

Дабы предоставить читателю возможность судить, является ли мое объяснение вернее, в отличие от данного де Монфоконом, я опишу этот якобы надгробный камень. Змеи вытянулись кверху, стоят на свернутом в кольцо хвосте. Одна держит в зубах яйцо, другая положила на него голову, и приоткрыла пасть, как бы желая укусить первую и отобрать у нее яйцо. У обеих почти квадратная верхушка головы. С другой стороны камня — изображение стоящего человека в длинном одеянии с засученными по локоть рукавами. В вытянутой правой руке он держит что-то вроде обода, в середине которого видно другое маленькое кольцо или кулак. Левой рукой он подобрал полу до бедра. Вокруг этой фигуры выбита надпись: *A Herennuleius Hermes fecit conjugi bene merenti Juliae LFLatinae sibi & suis posterque eor.*

Нет нужды обращаться к религии египтян для объяснения этого памятника. Два начала, которые признавали египетские жрецы, следует относить к двум началам в Природе: доброму и злему, всегда переплетенные в смешанных и присутствующие в их составе. Поэтому они заявляли, что Осирис и Тифон — братья, и второй всегда воевал с первым. Осирис был доброе начало или изначальная влага, основа смешанного и чистая и однородная часть. Тифон был плохим началом — или гетерогенными и случайными частями, началом разрушения и смерти, тогда как Осирис был жизненным началом и хранителем его.

Обе змеи на памятнике изображают на самом деле два начала, но такие, которые Природа использует при создании индивидов: их по аналогии называют мужским и женским. Таковы две змеи, обвинившиеся вокруг кадуцея Меркурия, одна — самец, другая — самка, также противостоящие друг другу, а между ними — какой-то крылатый шар, который они, как кажется, хотят укусить. Квадратные гребни змей с описываемого памятника представляют собой символы элементов, из которых образованы большой и малый миры, а яйцо — это результат соединения этих двух начал Природы. Но поскольку в составе смешанных имеются чистые и однородные, а также нечистые и неоднородные начала, то между ними существует некая враждебность: нечистое постоянно стремится испортить чистое, что и изображено змеей, которая как бы хочет забрать яйцо у той, что его держит. Уничтожение индивидов происходит именно в этом поединке.

Вот, что можно сказать для общего объяснения этой части интересующего нас памятника. Но его автор подразумевал, несомненно, другое, менее общее представление. Он, наверняка, хотел выразить нечто особенное. Сравним все символические части этого памятника: имеющаяся между ними связь раскроет нам это особенное.

Заказал этот памятник человек по имени *Гереннулей Гермес*, и одет он в длинные одежды, как Философы. Поэтому вполне вероятно, что этот Гереннулей был одним из ученых, посвященных в герметические мистерии (что видно из его прозвища Гермес), и, как я говорил выше, знал эти тайны и взял себе имя Атиса или Гермеса. В правой руке он держит какой-то обруч, который де Монфокон, конечно же, принял как *патеру* или чашу, что и привело к ошибке, т.к. он подумал, что Гермес приносит жертву манам, ведь ничто другое не указывает на вид иного действия. Обруч этот — вовсе не чаша, это — символический знак золота или земного и герметического золота. Оно даже вульгарными химиками еще и сегодня изображается таким образом: ☉. Именно к этой стороне памятника следует отнести, в частности, иероглиф с двумя змеями и яйцом, находящимися на

противоположной стороне, чтобы получить одно целое, результатом чего станет то философское золото, которое держит Гереннулей. Поэтому нужно объяснить этот памятник вот как:

Две змеи суть два начала священнического или герметического искусства; одна — мужское или огонь, фиксированная земля и сера; вторая — женское, летучая и меркуриальная вода. Они вместе способствуют образованию и зачатию Герметического камня, именовавшегося Философами яйцом и малым миром, состоящего из четырех стихий, изображенных двумя квадратными гребнями, но из которых видно всего две — землю и воду. Можно также объяснить яйцо сосуда, в котором образуется яйцо, как борьба фиксированного и летучего, которые, наконец, соединяются друг с другом и составляют уже лишь одно фиксированное целое, называемое Философским золотом или Герметическим солнцем. Именно это золото Гереннулей показывает как результат своего искусства. Большая часть Философов, писавших об этой науке, изображали два эти начала под символом двух змей. Мы найдем массу доказательств тому в настоящем труде. Из надписи на памятнике мы узнаем только, что Гереннулей делал это золото ради источника здоровья и богатства для себя самого, своей нежно любимой супруги, своих детей и потомков.

Я привел данный пример, чтобы показать, сколь легко объяснять иероглифы некоторых египетских, греческих и прочих памятников, если привести их к Герметической Философии, без света которой они становятся неясными и необъяснимыми. Я не претендую, однако, на то, что с ее помощью можно объяснить все. Хотя она и была истоком, основой и фундаментом иероглифов, она не стала предметом всех иероглифических памятников, дошедших до нас. Большинство из них посвящены истории или изображают отдельные части мифов, часто подгоняемые в зависимости от фантазии того, кто заказывал их художнику, или от фантазии самого художника. А поскольку последний не был посвящен в тайны египтян, греков, римлян и пр., то он просто сохранял идею, следуя весьма неточным и мало что объяснявшим указаниям, а в остальном они полагались на собственный вкус и воображение.

... Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!

Наука поэзии, 9–10

И Цицерон в своем трактате «De Natura Deorum» заявляет, что боги выглядят так, как захотелось их изобразить художникам и скульпторам.

... Чтобы иметь изображения богов, поклоняясь которым, люди верили бы, что обращаются к самим богам. А поэты, живописцы, скульпторы добавили еще больше к этому.

О природе богов, I, 76

Итак, до наших дней сохранились всевозможные иероглифические памятники. Те, что оставлены египтянами, посвящены обычно Осирису, Исиде, Горы и Тифону с некоторыми моментами их мифической жизни. Одни обезображены невежественными художниками, другие сохраняют чистоту их создания, если они были выполнены или разъяснены Философами или высокообразованными

людьми. Еще и поныне у нас перед глазами примеры этого. Скульптор создает группу статуй, художник пишет картину: и тот, и другой имеют определенный образ — хорошо, если они изобразят этот образ так, чтобы его узнавали с первого взгляда, да еще и сохранили одеяние во всем, что необходимо для изображения фигур и действия. Но сколько художников добавляют ненужные фигуры или, говоря языком искусства, *наемные фигуры*? Сколько из них произвольно вставляют украшения, раковины, цветы, иногда животных, камни и т.д.? И если даже образованные художники впадают подчас в такую ошибку, то что же говорить о несведущих, у которых зачастую только и есть, что умелая рука да богатое воображение, зарождающее все, что они производят на свет? Было бы безумием пытаться объяснять все их творения. Но разве меньше таких, которые сочиняют полные исследований и эрудиции диссертации о пустяках и малоинтересных вещах, встречающихся во многих памятниках античности?

Очевидно, что иероглифы появились в Египте, и, согласно широко распространенному мнению, изобрел их Гермес, хотя и древнейшие авторы истории Египта точно не сообщают нам абсолютно ничего относительно происхождения знаков письма и наук. Даже те положительные сведения, что имеются о первых властителях мира, полны противоречий. Некоторые авторы умудрились написать, что первые люди выросли из земли, как грибы, другие считали, что люди были созданы в Египте, предполагая несомненно, что они появились из земли подобно тем крысам, которые в большом количестве вылезают из трещин в иле Нила, после того, как солнце высушит его влагу. Диодор Сицилийский, побывавший на большей части Европы, Азии и Египта, признается, что не смог открыть ничего определенного о первых правителях всех этих стран. Самое верное, что дошло до нас, — это египетские иероглифы и именно в том, что касается письменности; однако в том, что касается их фараонов, мы располагаем только мифами. Тот же Диодор говорит, что первые люди поклонялись Солнцу и Луне как вечным богам; что Солнце они называли Осирисом, а Луну Исидой, что вполне соответствует тому, как нам представляют народ Египта. Мы, которые узнали более определенно из Святого Письма, кто есть единый истинный Бог других богов, кто был первым человеком и на какой земле он жил, мы огорчимся от тщеславия египтян, с которым они указывают древность своей нации и генеалогию своих фараонов больше чем на двадцать тысяч лет назад.

Дело не в том, что египетские ученые приняли эту мысль; они слишком хорошо знали, что есть лишь единый Бог. К тому же, как они могли бы согласовать вечность Осириса и Исиды с отцовством Сатурна или Вулкана, чьими детьми, по их словам, были Осирис и Исида? Это очевидное доказательство того, что Диодору были известны только простонародные представления. Египтяне же понимали совсем другое под этими сыновьями Сатурна. У нас есть масса доказательств, показывающих, что в Египте занимались наукой о Природе; что Герметическую Философию знали жрецы и древнейшие фараоны этой страны; и больше нет сомнений, что для того, чтобы передать ее их мудрым наследникам в тайне от народа, они изобрели иероглифы, взяв их от животных, от людей и т.д., а затем, чтобы объяснить эти знаки, они выдумали аллегории и сказки, о несуществующих людях и о якобы совершенных ими деяниях.

Подробнее к иероглифам мы вернемся дальше, по ходу нашего повествования.

ГЛАВА II

О египетских богах

Нет сомнений, что народ Египта принял многобожие. Древнейшие из историков уверяют нас также, что и у греков, как и у других народов, не было иных богов, кроме как египетских, только под иными именами. Геродот насчитал двенадцать главных богов, взятых греками у египтян с их собственными именами, и говорит, что они первыми возводили алтари и храмы богам. Однако также верно и то, что сколь бы суверен не был этот народ, в нем ясно виделись следы этой религии. Весьма значительная часть Египта — Фиваида, по словам Плутарха, не признавала смертного бога, а признавала Бога без начала и бессмертного, которого на языке этого края называли *Кнеф*, Страбон же называет его *Кнуфис*. То, что мы рассказывали о Гермесе, о Ямвлихе и др., еще явственнее доказывает, что тайны египтян вовсе не касались богов как Бога, а культ их не был культом божества.

Исида и Осирис, на которых зиждется вся египетская теология, оба принадлежали язычеству, и покорили чувства различных авторов. По их словам Исида — это Церера, Юнона, Луна, Земля, Минерва, Прозерпина, Тетис, мать богов или Кибела, Венера, Диана, Беллона, Рамнузия, сама Природа — одним словом все богини. Из-за этого ее называли *Мирионимой* или богиней с тысячею именами. Подобно тому, как Исиду принимали за всех богинь, Осириса принимали за всех богов. Одни говорят, что Осирис был Бахус, другие отождествляют его с Сераписом, Солнцем, Плутоном, Юпитером, Аммоном, Паном. Третьи, что Осирис это: Аттис, Адонис, Апис, Титан, Аполлон, Феб, Митра, Океан и т.д. Я пощажу читателя от деталей, которые можно найти у многих других авторов.

Плохо понятые разъяснения иероглифов, придуманных Философами и жрецами, привели к возникновению такой массы богов, которых Гесиод¹ насчитал тридцать тысяч. Трисмегист, Ямвлих, Пселл и многие другие не определяли их число, хотя утверждали, что ими полны небеса, воздух и земля. Максим Тирский, говорит о Гомере, что сей поэт считал, будто на земле нет ни единого места, где нет своего бога. В понимании большинства язычников, даже божество было двуполым, и они называют его Гермафродитом, по поводу чего Валерий Соран написал:

Юпитер! Всевластный над царями, делами мирскими и богами,
Праотец и Праматерь богов, бог Единый и Всеобъемлющий².

Такое множество имен и самих богов должно убедить нас, что те, кто их придумал, могли иметь в виду только Природу, ее действия, и ее творения. А поскольку великое делание есть одно из ее замечательнейших творений, то первые из совершивших его и исследовавших его материю, форму, различные изменения,

¹ Теогония.

² Соран Квинт Валерий — римский писатель и филолог, сторонник учения пифагорейцев и орфиков. Данный фрагмент приводится у св. Августина и цитируется по В.А. Шмакову. — *Прим. ред.*

происходившие во время операций, его удивительные свойства, увидели, что во всем этом Природа принимает участие как бы с главными основами Универсума¹, такими, как Солнце, Луна, звезды, огонь, воздух, земля и вода, и потому решили дать ей все эти имена. Все, что образуется в Природе, есть результат действия двоих: движущей силы и воспринимавшей материи, которые аналогичны мужскому и женскому у животных; первое из них — горячее, сухое, огненное, а второе — холодное и влажное. Египетские жрецы персонифицировали свое искусство священнодействия и назвали Осирисом или скрытым огнем активное начало, действующее как мужское, а Исидой — пассивное начало, играющее женскую роль. Одно они назвали Солнцем по причине начала теплоты и жизни, распространяемого им Природе, а второе — Луной, т.к. считали, что у нее холодная и влажная природа. Фиксированное и летучее, горячее и влажное считались ими составными частями смешанных, к которым всегда примешиваются и некоторые гетерогенные части, являющиеся причиной уничтожения индивидов, и потому они присовокупили к первым двоим Тифона или злое начало. Осирису и Исиде назначили в помощника Меркурия, чтобы противостоять проискам Тифона, потому что Меркурий — это как бы связь и среда, объединяющая горячее и холодное, влажное и сухое. Он как бы узел, при помощи которого тонкое и густое, чистое и нечистое объединяются, а, кроме того, Солнце не может соединиться с Луной, пока не появится Меркурий — сосед Солнца.

Таким образом, в Осирисе и Исиде видели мужа и жену, брата и сестру — детей Сатурна, по словам одних², или Неба (*Coelus*), по мнению других³. Тифон же считался всего лишь их единоутробным братом, потому что связь однородных, неподверженных порче и начальных частей гетерогенными, нечистыми и случайными частями смешанных происходит в одной и той же матрице или в недрах земли. Из всех тех плохих свойств, которые приписывались Тифону, прекрасно видно, что же именно он должен был обозначать. Далее мы подробно остановимся на этом.

Эти четыре лица: Осирис, Исида, Меркурий и Тифон были у египтян и главнейшими, и самыми знаменитыми. Трое первых считались богами, а Тифон — злым духом. Но боги эти имели природу таких, о которых Гермес говорит Асклепию, т.е. богов, искусно вылепленных рукою человека⁴. К этим четырем они добавили изобретателя огня Вулкана, которого Диодор определил отцом Сатурна, ибо в герметическом делании абсолютно необходим философский огонь. Присоединили к ним также Палладу или мудрость, — осторожность и умение при поддержании режима в операциях. Затем появились отец богов Океан и мать их Тетис вместе с Нилом, т.е. водой, и, наконец, Земля — мать всего сущего, ибо, согласно Орфею, земля дает нам богатства, затем приняли в сей круг Сатурна, Юпитера, Венеру, Аполлона и некоторых других богов, а Гора объявили сыном Осириса и Исиды.

¹ *Maier*. Arcana Arcaniss.

² *Diod. Sic.*

³ *Kircher*, p. 179.

⁴ *Асклепий*. О Трисмегисте, ты, я надеюсь, имеешь в виду не статуи? *Гермес*. Конечно статуи, Асклепий. Видишь, сколь велики сомнения даже у тебя. Одушевленные статуи, наделенные сознанием и духом, которые совершают великие и необыкновенные дела...»

По понятиям народа не только вещи, но и их физические добродетели и свойства становились богами, по мере того, как сему пытались приписывать их великолепные качества. Св. Августин¹, Лактанций, Евсевий и многие другие христианские и языческие авторы говорят нам об этом в разных местах. Цицерон², Дионисий Галикарнасский³ считают, что разнообразный и множественный характер богов язычества зародился из наблюдений, делавшихся учеными о свойствах неба, сущности стихий, влиянии звезд, достоинства смешанных и т.д. Они считали, что нет на земле растений, животных, металлов или камней, у которых не было бы своей звезды или руководящего гения⁴.

Кроме богов, о которых мы говорили выше, именуемых Геродотом *великими богами*, и которых египтяне считали небожителями, у них были еще, как пишет Диодор «гении, бывшие когда-то людьми, но которые в течение своей жизни отличались мудростью и снискали уважение своими благодеяниями в отношении человечества. Некоторые из них были фараонами и именовали себя, как небесных богов; другие жили под собственными именами. Солнце, Сатурн, Рея, Юпитер, звавшийся Аммоном, Юнона, Вулкан, Веста и, наконец, Меркурий. Первого звали Солнце, как и светящую нам звезду. Однако многие из их жрецов утверждали, что огонь был изобретен Вулканом, что и побудило египтян сделать его их фараоном». Этот же автор добавляет, что после Вулкана правил Сатурн, что он женился на Рее и был отцом Осириса, Исида, Юпитера и Юноны, а двое последних завладели всем светом благодаря своему уму и решительности.

Если верить Плутарху, Юпитер и Юнона⁵ произвели на свет пять богов соответственно пяти дополнительным дням египтян, а именно Осириса, Исиду, Тифона, Аполлона и Венеру. Осириса прозвали Бахусом, а Исиду — Церерой. Почти все авторы согласны, что Осирис был братом и мужем Исида, как Юпитер — братом и мужем Юноны; однако Лактанций и Минуций Феликс утверждают, что он был сыном Исида; Евсевий называет его ее мужем, братом и сыном.

Трудно вообразить себе, как сочетаются все эти качества и названия в одном и том же лице, но не менее трудно объяснить, каким образом (согласно египтянам) Осирис и Исида смогли сочетаться браком в утробе их матери, причем Исида уже там понесла Аруэра⁶ или старшего Гора, считавшегося сыном Исида. Как бы не толковали эту выдумку, она всегда будет казаться экстравагантной любому человеку, глядящему на нее глазами мифологов, объясняющих ее с исторической, политической или моральной точек зрения. Она не вписывается ни в одну из этих систем, однако, система Герметической Философии дает ей очень ясное объяснение, как мы увидим ниже.

¹ De Civit. Dei, 4.

² О природе богов, II.

³ L. 2. Antiquit. Roman.

⁴ Videtis-ne igitur ut à phycis rebus bene & utiliter inventis, ratio sit tracta ad commentitios Deos? Quares genuit falsas opiniones, erroresque turbulentos, & superstitiones penè aniles.

Eusebius.

Non est τριπλή η έρβα, αυτ έρβαντα, αυτ αλιδ ένφερους, κυ αν έστ έρβαντα έν έρβαντα, κυ έρβαντα έν έρβαντα, & έρβαντα έν έρβαντα. Rab. Mos. ou Rambab in Moreh Nebuchim.

Kircher. Obelisc. Pamph., p. 187.

⁵ Об Исиде и Осирисе, 12.

⁶ Манефон у Плутарха.

По словам Плутарха, египтяне рассказывали много других историй, отмеченных такой же запутанностью или нелепостью. Так, например, Рея познала тайком Вулкана, а потом имела дело с Солнцем, после него — с Меркурием; она родила Осириса, а в момент его появления на свет¹ чей-то голос произнес: «Родился великий правитель и благодетель». На следующий день родился Аруэрис или Аполлон, или старший Гор. На третий день — Тифон, появившийся на свет невовремя и не должным образом, а выскочив из бока матери, пробив его ударом. Четвертой появилась Исида, и пятой — Нефтида.

Что бы ни говорилось во всех этих баснях, Геродот сообщает нам, что Исида и Осирис были самые уважаемые боги Египта и почитались во всех странах, тогда как многих других чтили лишь в отдельных *намах*². История их жизни сильно затемнена и запутана тем, что во времена, следовавшие за теми, когда были придуманы эти боги, некоторые ученые, недостаточно проникшие в мысли и намерения Меркурия Трисмегиста, воспринимали этих богов как людей, некогда правивших Египтом с большой мудростью и благоразумием; другие же считали их бессмертными по своей природе существами, которые создали мир и придали материи тот вид, который она сохранила поныне.

Такая разница в суждениях привела к потере самого предмета, придуманного автором этих выдумок, который, впрочем, так сильно прикрыл их покровом иероглифов, что понять и объяснить их подлинный смысл могли только жрецы, единственные, посвященные в тайну Искусства священнодействия. Каким бы доверчивым не был народ, любые вещи преподносить ему следует правдоподобно. Для этого нужно было придумать связную историю, что и было сделано, а внесенные в нее мотивы, не соответствующие тому, что обычно происходит в Природе, стали в народе лишь предметом восхищения.

Эта таинственная история или, скорее, эта выдумка стала впоследствии основой египетской теологии, которая оказалась укрытой за символами двух этих божеств, в то время как Философы и жрецы видели в них величайшие тайны Природы. Для несведущих Осирис был Солнцем или дневным светилом, а Исида — Луной. Жрецы усматривали в них оба начала Природы и герметического Искусства. Даже этимология их имен способствовала этой иллюзии. Одни, как, например, Плутарх, утверждали, что Осирис означает имя, составленное из слов *святой* и *священный*, другие — Диодор, Гор-Аполлон, Евсевий, Макробий — говорили, что имя означает *многоглазый, ясновидящий*. Отсюда, соответственно, Осириса считали Солнцем. Но Философы в имени этого бога — земного Солнца — видели скрытый огонь Природы, пламенное, фиксированное и коренное начало, одухотворяющее все сущее.

Для простых людей Исида была лишь *Древней* или Луной; для жрецов же она была сама Природа, материальное и пассивное начало всего. Вот почему Апулей³ вкладывает такие речи в уста этой богини:

Вот предстаю я тебе, Луций, твоими тронутая мольбами, родительница вещей природных, госпожа всех элементов, предвечное довременное порождение, верховная среди божеств, владычица душ усопших...

¹ Diod. Sic.

² Это слово означает «провинция».

³ Метаморфозы, XI, 5.

Однако Геродот пишет, что египтяне считали Исиду также Церерой, а Аполлона и Диану ее детьми. К тому же он утверждает, что Аполлон и Гор, Диана или Баст, и Церера не отличаются от Исиды. А это доказывает, что тайна жрецов все-таки немного проникла в народ; поскольку, несмотря на это явное противоречие, все это понятно в Герметическом делании, где мать, сын, брат и сестра, супруг и супруга объединены в едином лице. Таким образом, жрецы нашли способ скрывать свои тайны — то, представляя Осириса смертным человеком, историю жизни которого они рассказывали, то, утверждая, что это был вовсе не смертный, а звезда, осыпавшая весь Универсум, и в частности Египет, столькими благодеяниями, дающая плодородие и изобилие. Они тем самым смогли обмануть даже тех, кто, заподозрив нечто таинственное, пытался проникнуть в него и узнать больше. Далее, теоретические и практические начала Священного или Герметического Искусства могли применяться и для познания Природы вообще и также ее творений (а Искусство взяло Природу себе за образец), поэтому жрецы давали таким любопытным уроки физики: и многие греческие Философы черпнули свою философию из такого рода учений.

ГЛАВА III

Легенда об Осирисе

Осирис и Исида сочетались браком и принялись осчастливливать своих подданных. Союз их был прекрасен, и потому трудились они сообща. Они взялись «отвратить от скудного и звероподобного образа жизни» свой народ, научить его земледелию, дать ему законы, обучить ремеслам, необходимым для жизни¹. Так, они научили людей пользоваться орудиями и посвятили их в механику, научили изготавливать оружие, выращивать виноград и оливковые деревья, рассказали о знаках письменности, которым их научил Меркурий или Гермес или Тот. В честь своих родителей, Юпитера и Юноны, Исида построила храм, известный своими размерами и великолепием. Она построила также еще и два маленьких золотых храма: один в честь Юпитера — небесного или венценосного отца своего, которого иные звали Аполлоном. Но никак нельзя было забыть и Вулкана: он также получил свой роскошный храм, и каждому богу возведен был его храм, — продолжает Диодор, — каждому был культ, свои жрецы, свои жертвы.

Исида и Осирис учили своих подданных почитать своих богов, уважать тех, кто изобрел или совершенствовал ремесла. В Фивах были ремесленники, работавшие с разными металлами. Одни ковали оружие для охоты на зверей, другие изготавливали орудия и инструменты для земледелия и прочих ремесел. Ювелиры также создавали маленькие золотые храмы и помещали в них золотые статуи богов. Как добавляет наш автор, египтяне утверждали даже, что Осирис особенно чтит Гермеса как изобретателя многих полезных в жизни вещей. Именно Гермес,

¹ Diod. Sic., I, c. 1; и Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 13.

— говорили они, — показал людям, как излагать письменно свои мысли, как упорядочивать речь, чтобы выходило связно. Он дал соответствующие имена многим вещам, ввел церемонии, которые необходимо соблюдать при отправлении культа каждого бога. Он наблюдал за движением звезд, изобрел музыку, различные упражнения для тела, арифметику, медицину, ремесло металлов, трехструнную лиру, отладил три тона голоса, взяв высокий у лета, низкий у зимы, а средний у весны. Он же научил греков толковать понятия, за это они и прозвали его *Гермесом*, т.е. *толкователем*. Наконец, каждый, кто во времена Осириса пользовался священными буквами, научился этому у Меркурия.

Вот так мудро, распорядившись всем и сделав державы цветущими, Осирис возжелал дать это счастье всему Универсуму. Для этого он собрал большую армию, чтобы завоевывать мир, не столько силой оружия, сколько мягкостью и человечностью, ибо был убежден, что если сделает людей образованными, научит их возделывать землю, разводить домашних животных и многому другому полезному, то снискает себе вечную славу.

Перед тем, как отправиться в свой поход, он все привел в порядок в собственном государстве. Правление им он передал Исиде, а при ней оставил Меркурия, дабы он был ей советчиком, а также Геркулеса, поручив ему правление провинциями. Затем он разделил свое государство на области. Финикия и морское побережье достались Бусирису; Ливия, Эфиопия и некоторые близлежащие страны — Антею. После этого он отправился в поход и был в нем так удачлив, что все страны, куда он входил, подчинились его империи.

Осирис взял с собою брата, которого греки зовут Аполлоном — покровителя лавра. Вместе с Осирисом отправились и его сыновья Анубис и Македон, отличавшиеся своей храбростью друг перед другом: у первого боевым знаком была собака, у второго — волк. Поэтому египтяне, уважая и почитая этих животных, обычно изображают одного с собачьей головой, а другого — с волчьей. Осириса сопровождал также Пан, в честь которого египтяне позднее построили город в Фиваиде и назвали его *Хемним* или *Город хлеба*. В поход ушли и Марон, и Триптолем. Первый учил народы виноградарству, второй — выращиванию зерна.

Итак, Осирис, выступил в поход, и нам сообщают, что он уделял большое внимание своей шевелюре, вплоть до самого возвращения. Путь свой он направил через Эфиопию, где встретил сатиров, у которых волосы достигали пояса. Он очень любил музыку и танцы, и потому взял с собой много музыкантов, в числе которых особо заметны были девять девушек, ведомых Аполлоном, их греки называли музами, говоря, что Аполлон был их предводителем, а посему объявили его самого музыкантом и изобретателем музыки.

В те времена, как пишут древние авторы, при восходе Сириуса в Большом Псе, т.е. с началом зноя, Нил затопил большую часть Египта, и в частности ту, которой правил Прометей. При виде беды постигшей его страну и его народ этот мудрый правитель так сильно огорчился, что хотел покончить с собой. К счастью, на помощь прибыл Геркулес, и своими советами и трудами сумел вернуть Нил в его русло. Быстрота течения и полноводность этой реки послужили причиной того, что ее называли *Орлом*.

Осирис тогда находился в Эфиопии и, видя опасность наводнения для всей этой страны, приказал насыпать дамбы по обоим берегам реки, так, чтобы, удерживая воды в русле, можно было, тем не менее, отбирать нужное количество во-

ды для орошения полей. Оттуда он пошел в Аравию и пересек ее, достигнув границ Индии, где построил несколько городов, одному из которых было дано название *Низа* — в память о городе его детства. Он посадил там плющ — единственный кустарник, растущий в этих двух городах. Он прошел по многим другим странам Азии, откуда достиг Европы через Геллеспонт. Будучи во Фракии, он убил правителя варваров Ликурга, ставшего у него на пути, а вместо него место поставил старика Марона. Македон стал сыном правителя Македонии, а Триптолем направлен в Аттику для обучения народа земледелию. Осирис всюду оставлял следы своих благодеяний, направляя совершенно диких людей на благой путь цивилизованного общества, обучая их строить города и селения. В Египет он вернулся через Красное море, неся на себе венец славы, а в местах, которые посетил, оставил после себя колонны и другие памятники с высеченным на них описанием его подвигов. В конце концов, этот великий фараон покинул мир людей и присоединился к богам. Исида и Меркурий ввели в его память почести и мистериальные церемонии в его культ, чтобы возвеличить силу Осириса.

Такова история похода этого предполагаемого фараона Египта, как ее приводит Диодор Сицилийский, который передает ее без сомнения так, как ее пересказывали в стране. Легенда о смерти этого фараона не менее интересна, и мы к ней еще вернемся, после того, как остановимся на основных событиях его жизни.

Понятно, что Осирис¹ считался очень набожным и глубоко почитавшим Вулкана и Меркурия, — ведь он получил все свои качества от этих богов. По словам приводимого автора, Вулкан был его предок, изобретший огонь, и главная действующая сила Природы, тогда как сам Осирис был скрытым огнем. Но что же за огонь изобрел Вулкан? Может быть, тот, о котором говорит Диодор: «Однажды зимой от молнии загорелось дерево, и огонь этот перекинулся на соседние деревья. На место прибыл Вулкан и, чувствуя, как ему стало тепло, как теплота придает ему силы, стал подбрасывать огню новые горючие вещества, а, поддерживая его, таким образом, привел туда других людей, дабы они подивились этому зрелищу, и объявил себя его творцом». Я не думаю, что кто-то может поверить этому утверждению Диодора. Этот огонь — тот, который знаком нам и на кухне, его знали хорошо еще до потопа. И Каин, и Авель использовали его для своих жертвоприношений. Тувалкаин пользовался им при обработке железа, меди и других металлов. Вряд ли Диодор или египтяне видели в Вулкане Каина или Авеля. Огонь этот, изобретение которого приписывают Вулкану, был не такой, как в наших кузницах, хотя Вулкана и считают обычно богом кузнецов. Огонь этот, согласно Гермесу, был тот огонь, который так тщательно прячут Философы. Огонь, изобрести который, как пишет Артефий, мог лишь умелый и изобретательный человек, знающий науку о Природе. Огонь, который следует применять геометрически, как пишут тот же Артефий и д'Эспанье, управляемый, — как пишет Фламель, и соразмерный, как утверждает Раймунд Луллий. Об этом огне можно сказать, что он был изобретен, но уж никак не об огне кухонном, известном каждому, причем, по всей видимости, известен он был с самого сотворения мира. Египтяне, у которых Диодор, без сомнения, позаимствовал то, что он говорил о Вулкане, не знали никакого другого огня, кроме обычного, и поэтому говорить он мог только об этом же. Жрецы же и Философы, просвещенные Гер-

1 Diod. Loco cit.

месом, знали тот другой огонь — главную действующую силу священнодействующего Искусства или герметического Искусства, но они остерегались говорить что-либо о нем, т.к. он принадлежал к доверенным им тайнам. Огнем этим был персонифицированный ими Вулкан, который таким образом и оказался предком Осириса или огня, сокрытого в камне Философов, именуемом *д'Эспанье огненной жилой*.

Чтобы примирить все очевидные противоречия авторов относительно родословной Осириса, нужно представить себе перед глазами все, что происходит в герметическом действе; имена, которые Философы давали во все времена различным состояниям и различным главным цветам материи в процессе операций. Материя же состоит из такого нечто, содержащего две субстанции: одну фиксированную, а другую летучую, или воду и землю. Одну они называли мужским, другую — женским; а из этих соединенных двух рождается третье — их сын, хотя он и не отличается от отца и от матери своих, ибо содержит в себе их как начальную субстанцию. Второе делание подобно первому.

Эта же материя помещается в сосуд на огонь Философов, именуемый Вулканом, или как говорят изобретенный, Вулканом, растворяется, разлагается и становится черной от действия данного огня. Затем она превращается в Сатурн Философов или в Герметический Сатурн, следовательно, становится сыном Вулкана, как называет ее Диодор. Черный цвет исчезает, уступая место белому и красному, материя фиксируется, и образует огненный камень Василия Валентина¹, огненную жилу *д'Эспанье*, *скрытый огонь*, обозначаемый Осирисом. Вот он, — этот Осирис, сын Сатурна.

Не трудно объяснить и мнение тех, кто называет его сыном Юпитера, и в частности, так. Когда черный цвет пропадает, материя переходит в белый цвет, но посредством серого цвета. Философы называли этот серый цвет Юпитером. Если поразмыслить всерьез над тем, что я сейчас сказал, можно без труда и сложностей понять, почему Осирис и Исида могли быть братом и сестрой, мужем и женой, сыновьями Сатурна, детьми Юпитера, и даже, как Осирис мог быть отцом Исиды. Ибо если Осирис — это скрытый огонь материи, то именно он и придает ей форму, консистенцию и то фиксированное состояние, которое она впоследствии принимает. В двух словах, египтяне разумели под Исидой и Осирисом как летучую субстанцию и фиксированную субстанцию материи делания, так и белый и красный цвет, принимаемый ею во время операций.

Кто-то может возразить, что эти объяснения не согласуются с мифом, согласно которому Вулкан — сын Юпитера и Юноны, а, значит, не может быть отцом Сатурна. Отвечу, что противоречия эти всего лишь видимость, и мы убедимся в этом, когда прочитаем главу о Вулкане, к которой я и отсылаю читателя, а сам возвращаюсь к Осирису и его походу.

Стоит только услышать эту легенду, и любой здравомыслящий человек поймет, что это — вымысел. Задумать отправиться на завоевание всей земли, собрать для этого войско, состоящее из мужчин и женщин, сатиров, музыкантов, танцовщиков; задаться целью научить людей тому, что они уже знают — даже одно только это, выглядит не очень складно. Но предположить, что некий фараон с тако-

¹ Триумфальная колесница Антимония.

го рода войском прошел всю Африку, Азию, Европу от начала до конца, не пропустив ни единого уголка, как гласит надпись:

Я — старший сын Сатурна, отпрыск знаменитого корня и благородной крови, брат света. Нет места, в котором я бы не побывал, и я благосклонно осыпал своими благодеяниями весь род человеческий¹.

Все это неправдоподобно, а посему сложно было бы понять, почему аббат Банье² столь спокойно рассказывает об этом, если не знать, что он легко и без особой критики принимает все, что отвечает его системе. Даже и то, что пишут авторы, к которым, как он сам неоднократно указывает, не стоит относиться все-речь.

По меньшей мере, бесполезно ссылаться на поход Осириса, чтобы определить время, когда начали заниматься земледелием в Аттике и в других странах Азии и Европы. В Священном Писании — старейшей и правдивейшей книге из всех историй — указывается, что земледелие было известно еще до потопа. Даже если не обращать внимания на недостоверность и нелепость этой легенды, понимаемой буквально, достаточно предложить ее человеку, немного знакомому с трудами Герметических Философов, чтобы он с первого же раза определил, что она — их фактический символ. Но поскольку я должен предположить, что многие читатели не знакомы со всеми операциями этого Искусства, я рассмотрю все основные обстоятельства этой истории.

Как мы уже говорили, Исида и Осирис — это активное и пассивное начала в одном и том же субъекте. Осирис уходит в поход и направляется сначала в Эфиопию, чтобы достичь Красное море, омывавшее Египет, и Эфиопию. Это не был кратчайший путь, но это был путь, который необходимо соблюдать в операциях великого делания, где красный цвет и черный цвет — два крайних фактора. Чернота проявляется сначала в операциях, обозначенных походом Осириса в Эфиопию; ибо — то ли потому, что д'Эспанье, Раймунд Луллий, Филалет и пр. намекают на этот поход Осириса или Бахуса, то ли по другой причине — они говорят нам, что успеха в делании не добиться, если не пройти по Эфиопии. Поэтому следует для начала побывать в Эфиопии, т.е. увидеть черный цвет, т.к. он есть вход и ключ Герметического Искусства. Фламель³ и Разес⁴ говорят:

Эти вещи создаются в нашей земле Эфиопии. Отбелите вашу ворону; если вы хотите сделать это египетским Нилом, затем он, пройдя через Эфиопию, станет беловатым, потом, когда провести его по тем и *этим* тайнствам Персии проявится красный цвет — такой же, как у мака в пустыне.

Когда Осирис был в Эфиопии, он построил дамбы, чтобы защитить страну, но не от разлива Нила, а от наводнения, способного разорить сей край, т.к. вода этой реки совершенно необходима для его плодородия. Вот что пишет об этом д'Эспанье:

Действие этого второго круга (круговорота элементов, происходящего во время растворения и почернения) должно быть медленным, особенно в начале раство-

¹ Diod. Sic.

² Mythol. V. I.

³ Desir désiré.

⁴ Can. 88.

рения, с тем, чтобы вороняты не залило и не затопило в их гнезде и чтобы рождающийся мир не погиб от потопа¹.

Этот круговорот должен распределять воду на землях соразмерно, а также в геометрической пропорции². Нужно поэтому возводить дамбы: либо, чтобы вернуть реку в ее русло, как это сделал Гераклес в краю Прометея, либо, чтобы помешать наводнению, как это сделал Осирис в Эфиопии.

Автор истории придуманных деяний Осириса не забыл ничего из того, что было нужно, чтобы выразить иероглифами мысль — как о том, что составляет делание, так и о необходимых действиях и о признаках. Сначала он отмечает, что во время пребывания Осириса в Эфиопии Нил вышел из берегов, и этот фараон приказал возвести дамбы, чтобы уберечь край от разрушений, которые могло причинить наводнение. Данный автор хотел показать этим растворение материи в воду, подобно землям при разливе Нила в Египте, где фараоном или правителем был Прометей. Мастер, выполняющий великое делание, должен учесть, что Эфиопия не была затоплена, а провинцию Прометея затопило. Дело в том, что часть той земной материи, которая гниет и чернеет, всплывает над раствором, а фиксированная часть, в которой находится врожденный огонь, похищенный Прометеем у неба и переданный людям, пребывает погруженным на дне сосуда. В помещенном ниже примечании³ очень точно указывается, на что должен обратить особое внимание мастер, олицетворяемый Гераклесом. В главе, посвященной Бахусу, мы объясним, что следует понимать под сатирами, а в главе об Оресте поясним рассказ о шевелюре Осириса. Девять нимф или муз и музыканты, сопровождающие Осириса, — это летучие части, или девять орлов, которые требуются вместе с фиксированной частью, обозначенной Аполлоном. Подробнее мы остановимся на этом в главе о Персее, где объясним их родословную и их действия.

Севом зерна руководит Триптолем, которому Осирис поручил научить людей всему, что касается земледелия. В сочинениях, посвященных герметическому Искусству, не найти более общих аллегорий, чем аллегория земледелия. В них без конца говорится о зерне, о том, как его выбирать, о земле, в которую его надо высевать, и о том, как это делать. Примеры тому мы увидим, когда будем рассказывать, как Церера учила Триптолема. Раймунд Луллий⁴, Рипли и многие другие Философы называют их меркуриальную воду *белым вином и красным вином*.

Несмотря на то, что Осирис прекрасно знал мудрость Исиды и ее способность управлять страной в его отсутствие, он, тем не менее, оставил подле нее Меркурия в качестве советчика. Он чувствовал необходимость в таком советнике, ибо Меркурий — есть меркурий Философов, без которого нельзя ничего сде-

¹ Liv. des lumiPres.

² Этот круг взвешивает воду и испытывает ее меру, потому что он делит ее согласно правилам геометрии. *D'Espagnet, Can. 88.*

³ Закон движения этого круга заключается в том, что оно осторожно и медленно вращается, чтобы не было поспешности его *измерением* и врожденный его огонь, являющийся мастером-строителем делания, не был бы подавлен или погашен водой. Также и питание и питье осуществляется обобщенным образом, чтобы лучше осуществлялось *дигерирование*, с тем чтобы привести в лучший *темперамент* влажность и сухость. Потому что неугасимое соединение этих двух является завершением и целью этого делания. Поэтом смотри, чтобы ты из-за добавления слишком большого количества влаги для подкрепления утраченных сил, уменьшившихся из-за обжига, не удушил огня. *D'Espagnet, Can. 89.*

⁴ Testam. Codic. liv. de la quintess. и др.

лать в начале, в середине и в конце делания. Именно он вместе с Геркулесом или мастером, назначенным наместником всей империи, должен всем управлять, править и все делать. Меркурий — это главная внутренняя действующая сила в делании; она горячая и влажная; она растворяет, она разлагает, она предрасполагает к зачатию, тогда как мастер — это внешняя движущая сила. Все это подробно объясняется по ходу данного сочинения, в частности, в главе о Меркурии и в рассказах о подвигах Геркулеса.

Если внимательно посмотреть на все подробности похода Осириса, можно ясно увидеть, что нет ни одной из них, которая не была бы вставлена в его легенду сознательно и к месту, вплоть до церемоний культа Осириса, введенных, как говорят, Исидой, которой своими советами помогал Гермес. Правильнее было бы сказать, что культ этот был введен самим Гермесом, ибо все говорит о том, что именно он сочинил историю Исиды и Осириса и он же создал их мистериальный культ в Египте. Но зачем вся эта таинственность, если нужно всего лишь рассказать реальную историю и создать некоторые ритуалы, чтоб о ней помнили? Для увековечения их обоих достаточно было бы простого рассказа о событиях, празднеств и триумфальных шествий. Более естественным было бы поддерживать память о них представлениями, взятыми из сути самой этой истории. Если уж так хотелось рассказать об этом народу, надо было сделать это ему доступным, а не изобретать иероглифы, ключ к пониманию которых находился только у жрецов. Следовало поэтому подозревать наличие в этой мистерии каких-то тайн, сокрытых за иероглифами, которые раскрывались только посвященным или тем, кого хотели посвятить в священническое Искусство.

Оба делания, являющиеся предметом данного Искусства, содержатся — одно в походе Осириса, а другое — в его смерти и апофеозе. Первым делают камень, вторым — эликсир. Осирис прошел походом через Эфиопию, Индию, Европу и вернулся в Египет по Красному морю, чтобы вкусить от добытой им славы, однако здесь его настигла смерть. Это равнозначно следующему: в первом делании материя проходит сначала через черный цвет, затем через разные цвета — серый, белый, и, наконец, появляется красный — совершенство первого делания, цвет камня или философской серы. Эти различные цвета более откровенно названы и более ясно обозначены леопардами и тиграми, которых, согласно легенде, Бахус взял с собой в поход, подобно походу Осириса, ибо все согласятся, что Осирис и Бахус — одно и то же лицо или, лучше сказать, два символа одного и того же.

Второе делание прекрасно изображено смертью, которой умер Осирис, и возданными ему почестями. Посмотрим, как это описывает Диодор. В древних тайных писаниях жрецов, живших во времена Осириса, открылось, — пишет он, — что сей фараон справедливо и мудро правил Египтом, что его подлый и коварный брат Тифон убил его, разрубив на 25 частей. Он роздал их своим сообщникам, чтобы усугубить их вину и принудить защищать и поддерживать его, когда он захватит власть. Далее, Исида — сестра и жена Осириса, желая отомстить за смерть супруга, призвала на помощь сына своего Гора, убила в схватке Тифона и его сообщников и завладела тронном вместе с сыном. Битва между ними происходила на берегу некой реки в той части Аравии, где находится город, названный Антеем в честь того, что Геркулес во времена Осириса убил фараона-тирана, носившего имя этого города. Исида нашла разрозненные части тела своего

супруга, тщательно собрала их, однако некоторые из них найдены не были, но их изображения она освятила. Отсюда — использование фаллоса, ставшее столь распространенным в религиозных церемониях египтян. Из этих частей тела Исида изготовила человеческие фигуры, добавив туда благовоний и воску. Она созвала египетских жрецов и вручила каждому из них по такой реликвии, заявив, что каждый получает целое тело Осириса, посоветовав никогда и никому не говорить, что они владеют этим сокровищем. Она также обязала оказывать ему поклонение и почести, которые им предписаны. Чтобы надежнее заручиться их преданностью, она отдала им третью часть полей, возделывавшихся в Египте.

То ли жрецы были убеждены в достоинствах Осириса (так говорит Диодор), то ли на них подействовала щедрость Исиды, но они сделали все, что она им советовала, и каждый из них и по сей день мнит себя хранителем гробницы Осириса. Они чтят животных, посвящавшихся этому фараону с самого начала, а когда эти животные умирают, жрецы возобновляют плач и траур, соблюдавшийся по смерти Осириса. Они приносят ему в жертву священных быков, одного из которых зовут Апис, а второго Мневис. Первый содержался в Мемфисе, второй — в Гелиополе, и весь народ почитает этих животных как богов.

Согласно жреческой традиции, Исида поклялась после смерти мужа, что больше ни за кого не выйдет. Она сдержала слово, и управление ее было таким славным, что ни один из носивших корону после нее не превзошел ее. Когда она умерла, ей воздали почести богов и погребли в Мемфисе в роще Вулкана, где и до сих пор показывают ее гробницу. Многие, — добавляет Диодор, — считают, что тел этих богов нет в тех местах, на которые указывают народу, а что они были похоронены в горах Египта и Эфиопии неподалеку от острова, именуемого *Врата Нила*, по причине поля, посвященного этим богам. Такое мнение подкрепляется некоторыми памятниками. Так, на этом острове есть мавзолей, возведенный в честь Осириса, и ежедневно местные жрецы наполняют молоком триста шестьдесят урн и напоминают о трауре по фараону и его супруге, называя их богом и богиней. По этой причине ни один иностранец не имеет права высаживаться на этом острове. Жители Фив, считающегося самым древним городом Египта, больше всего чтут клятву, даваемую именем Осириса, живущего на небесах, но утверждают, что хранят все части его тела, собранные Исидой. Они заявляют, что прошло десять, а то и двадцать тысяч лет между правлением Осириса и Исиды и правлением Александра Македонского, построившего в Египте город, названный его именем.

О том же, как Тифон лишил жизни Осириса, нам сообщает Плутарх¹. Тифон пригласил его на роскошный пир, а после трапезы предложил гостям забраться в великолепной работы саркофаг, пообещав подарить его тому, кому он окажется по размеру. Когда в саркофаг лег Осирис, заговорщики встали из-за стола, захлопнули крышку, заколотили и сбросили его в Нил.

Получив весть о трагической кончине супруга, Исида отправилась на поиски его тела, а узнав, что оно находится в Финикии, под тамариндовым деревом, куда его вынесли волны, она пришла в город Библос ко двору и осталась служить Астарте, чтобы легче было найти тело. В конце концов, она его нашла и разразилась такими стенаниями, что сын правителя из Библоса от огорчения умер, и это

¹ Об Исиде и Осирисе, 13–18.

так растрогало его отца, что он позволил Исиде забрать тело и вернуться с ним в Египет. Тифон же, узнав о трауре своей золовки, завладел саркофагом, открыл его, разрубил на куски тело Осириса и разослал их в разные уголки Египта. Исида тщательно собрала рассеянные части тела, поместила их в саркофаги, и осыатила изображение тех частей, которые отыскать не смогла. Наконец, пролив много слез, она похоронила его в городе Абидосе, расположенном к западу от Нила. И если древние указывают на разные места захоронения Осириса, то это потому, что Исида построила гробницу для каждой части тела своего супруга в том месте, где эту часть нашла.

Я привел здесь этот рассказ Плутарха лишь для того, чтобы показать, что авторы согласны по сути, хотя и по-разному описывают обстоятельства. Служба Исиды у правителя из Библоса вполне могла быть приписана к службе Цереры у отца Триптолема в Элевсине, раз уж признается, что Исида и Церера — одно и то же лицо.

Признаем по совести: что если бы даже Святое Письмо и историки не убедили нас в неправильности хронологических подсчетов египтян, то существует ли хоть намек на правдоподобие конца этой истории? Возможно ли, чтобы столь великая и знаменитая владычица, как Исида, отправилась в услужение к соседнему правителю? Чтобы сын этого правителя умер от огорчения при виде ее стеланий над телом убитого мужа? Что она нашла его тело под каким-то тамариндовым деревом и забрала в Египет и т.п.? Подобные истории даже не заслуживают, на их опровержение. Их абсурдность столь очевидна, и стоит лишь удивляться, что Плутарх сообразовал сохранить их для нас, а еще удивительнее то, что ученые авторы поддерживают их правдивость. Однако эти обстоятельства смерти Осириса и то, что за ней последовало, вовсе не кажутся абсурдными, если взглянуть на них в аллегорическом смысле Искусства священнодействия, напротив, они таят в себе великие истины. В доказательство тому напомним, что происходит при получении эликсира.

Поскольку вторая операция подобна первой, то ключ к ней лежит в растворении материи или в разделении тела Осириса на множество частей. Саркофаг, в котором заперт сей фараон, — это герметически закупоренный философский сосуд. Тифон и его сообщники — силы растворения (мы увидим это ниже, в рассказе о Тифоне). Разбрасывание частей тела Осириса — это улетучивание философского золота; соединение их означает фиксацию. Происходит она стараниями Исиды или земли, которая, по словам Философов, подобно магниту притягивает к себе улетучившиеся части; и тогда с помощью своего сына Гора Исида сражается с Тифоном, убивает его, правит во славе и воссоединяется, наконец, со своим дорогим супругом в одной гробнице. То есть, материя растворяется, сгущается и фиксируется в одном и том же сосуде, ибо, как гласит одна из аксиом Философов, *растворение тела есть коагулирование духа*.

Все авторы признают, что сын Осириса и Исиды Гор — есть то же лицо, что и Аполлон. Известно также, что Аполлон убил змея Пифона своими стрелами. Пифон — это анаграмма Тифона. Однако под Аполлоном следует разуметь Солнце или философское золото, являющееся причиной коагуляции и фиксации. Подробнее эти вопросы освещаются в главе, посвященной Аполлону.

Наконец, Осирис был причислен к лику богов Исидой, женой его, и Меркурием, основавшим его культ. По этому поводу следует отметить два момента:

1) боги, к которым был отнесен Осирис, могли быть созданы только человеком, т.е. это химические или герметические боги, что подтверждает Меркурий Трисмегист¹ в уже приведенных нами словах; 2) *Меркурий* — это также название Меркурия Философов и имя Гермеса Трисмегиста. Они оба вместе с Исидой способствовали обожествлению Осириса. Философская ртуть — воздействием в сосуде вместе с Исидой; Философ — управлением операциями извне; благодаря чему их обоих называли советчиками Исиды, ничего не предпринимавшей без них. Таким образом, культ этот был основан Трисмегистом, и им же были закреплены церемонии мистерий, ставшие символами и постоянными аллегориями, как материи, так и операций Герметического Искусства или священнодействия.

ГЛАВА IV Легенда об Исиде

Составляя родословную Осириса, мы, собственно, составляли ее и для Исиды, поскольку она была его сестрой. Принято считать, что она была символом Луны, подобно тому, как Осирис был символом Солнца. Однако ее также определяли и как Природу вообще и как землю, согласно Макробию. С этим связано, — говорит он, — то, что богиню сию изображали с телом, покрытым соками. Апулей придерживается того же мнения, что и Макробий, и дает следующее описание²:

Прежде всего длинные густые волосы, незаметно на пряди разбросанные, свободно и мягко рассыпались за божественной шеей: макушку стягивали всевозможные пестрые цветы, причем как раз посередине лба круглая пластинка излучала свет, словно зеркало или само отражение Луны. Справа и слева круг завершали поднявшиеся аспиды, положенные вокруг хлебных колосьев. Тело ее облекал многоцветный виссон, то белизной сверкающий, то пылающий, как алая роза. Но что больше всего поразило мой взгляд, так это чернейший ее плащ, отливающий темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римские тоги, он свешивался густыми складками, по краям обшитый бахромою.

По краям в виде фона вытканы были блистающие звезды, а посреди них полная Луна излучала пламенное сияние. Там же, где ниспадало широкими волнами дивное это покрывало, отдельные венки были вышиты всевозможных цветов и плодов. И атрибуты были у нее один с другим несхожие. В правой руке держала она медный сistr, выгнутая наподобие подпрутки основа которого пересекалась посередине небольшими палочками, и они при тройном встряхивании издавали пронзительный звук. На левой же руке повешена золотая лодочка, на ручках которой с лицевой стороны змей подымал голову с непомерно вздутой шеей. Блаженные ноги обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев. В таком-то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии Счастливой, удостоила она меня следующих слов:

¹ В Асклепии.

² Метаморфозы, 11, 3–5.

— Вот предстаю я тебе, Луций, твоими тронутая мольбами, родительница вещей природных, госпожа всех элементов, превечное довременное порождение, верховная среди божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны лазурный свод неба, моря целительное дуновение, оплаканное безмолвие преисподней. Единая сущность моя под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами чтится Универсумом. Там фригийские перворожденные зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут аттические прирожденные насельцы — Минервой Кекропической, здесь приморские кипряне — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, троязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой, древней богиней, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнунсией¹, но эфиопы, которых первые лучи восходящего солнца раньше других озаряют, арии и египтяне, богатые древним учением и чтущие меня соответствующими мне церемониями, зовут меня настоящим моим именем — владычицей Исидой.

Собственно Исиду под ее именем знали за пределами Египта больше, чем Осириса, ибо ее считали матерью и природой вещей. Такое всеобщее отношение должно было бы раскрыть глаза тем, кто смотрит на нее, как на действительную повелительницу Египта, и кто, в связи с этим приспособливает ее измышленную историю к подлинной истории фараонов этой страны. По словам Диодора, египетские жрецы насчитали двадцать тысяч лет от начала правления Солнца до тех времен, когда Александр Великий пришел в Азию. Они утверждали также, что каждый из этих древних богов правил больше тысячи двухсот лет, а их потомки правили не меньше трехсот лет, что объясняется определенным движением Луны, а не Солнца, даже если считать месяцы за годы. Евсевий, занимавшийся хронологией египетских фараонов, датирует Океана — первого из всех, 1802 г. со дня сотворения мира, когда Немрод начал присваивать себе превосходство над другими людьми. Согласно Евсебию, Океану наследовали Осирис и Исида. Затем 103 года правили Пасторы, затем 348 лет правила династия Политанов, последним из которых был Мирис или фараон по прозвищу Менофис, ок. 2550 года от сотворения мира. За этой династией последовала династия Ларфов, просуществовавшая 194 года, а после нее 177 лет правила династия Диаполитан.

Однако, если отнять от времени существования мира тысячу двадцать лет до воцарения Александра, царствование Солнца, или Гора, наследовавшего Исиде, придется примерно на 2608 г., т.е. на время, когда, согласно Евсебию, правил Зет, непосредственно наследовавший Мирису. Таким образом, отталкиваясь от этого расчета, не остается места, где можно было бы поместить правление: Осириса, Исиды, Солнца, Меркурия, Вулкана, Сатурна, Юпитера, Нила и Океана. Мне известно, однако, — пишет Диодор, — что, по мнению некоторых авторов, могилы этих фараонов-богов находятся в городе Ниса в Аравии, откуда и происходит данное Бахусу прозвище Нисей. Поскольку хронология правления египетских фараонов не является предметом данного сочинения, оставим другим возможность разрешить все эти хронологические вопросы; я же возвращаюсь к Исиде как главному началу Природы и материальному началу Герметического Искусства.

Портрет Исиды, приведенный нами со слов Апулея, — есть аллегория делания, легко объяснимая для тех, кто внимательно читал посвященные этому тру-

¹ Рамнунсия, т.е. Немисида, богиня справедливого возмездия. Центр культа Немесиды был в греческом городе Рамнунте. — *Прим. ред.*

ды. Ее венец и цвета ее одеяний указывают на все в целом и в частности. Исида считалась Луной, Землей и Природой. Об этом всех извещает сверкающий, как Луна, венец в виде шара. Две змеи, поддерживающие сей шар, — те самые, о которых шла речь в первой главе этой книги, при описании памятника Гермеса Гереннулея. Шар — есть то же, что и яйцо в упомянутом памятнике. Выходящие из него два колоса означают, что материя герметического Искусства подобна той, которой пользуется Природа для взращивания всего в Универсуме. А те цвета, которые принимает эта материя во время операций, не они ли точно названы при перечислении цветов одеяний Исиды? Мантия или длинное платье, поражающее своей глубокой чернотой, *palla nigerrima splendens atro nitore*, настолько покрывает тело Исиды, что позволяет заметить сверху лишь краешек другого платья из тонкого льна — сначала белого, затем шафранового и наконец огненного цвета. *Multicolor bysso tenui proetexta; nunc albo candore lucida, nunc croceo flore lutea, nunc roseo rubore flammea* Апулей, без сомнения, переписал это описание у какого-то Философа, ибо все они изъясняются одинаково об этом. Они называют черный цвет черным, чернее самого черного — *nigrum nigro nigrius*. Гомер пишет о подобном цвете Фетиды, когда она собирается просить милостей и защиты у Юпитера для своего сына Ахилла¹. Во всем мире, — говорит поэт, — не существовало одеяний чернее, чем ее. После черного приходит белый цвет, на смену ему шафрановый, точно так же, как описывает Апулей. Об этом можно снова почитать в помещенном выше трактате о делании. Так, в частности, д'Эспанье полностью соблюдает описание, данное Апулеем, и называет эти четыре цвета характерными признаками делания². Похоже на то, что Апулей хотел сказать нам: все эти цвета рождаются один из другого; что белый содержится в черном, желтый в белом, а красный в желтом, и потому черный содержит все остальные. Мне, возможно, могли бы возразить, что это черное платье — символ ночи, на что ясно указывает помещенный посередине полумесяц и звезды, которыми оно усыпано; однако остальные детали вовсе не говорят об этом. Но ничего удивительного в том, что платье Исиды украсили полумесяцем, — ведь ее считали Луной; но поскольку ночь затрудняет различение цветов предметов, то Апулей был бы неправ, говоря, что четыре цвета одеяний Исиды выделялись каждый сам по себе и так сверкали, что ослепили его. К тому же, сей автор никак не упоминает ни ночь, ни Луну, а говорит только об Исиде как о творящем начале всего.

Такая природа, что вовсе не характерно для Луны небесной, касается лишь Луны Философов, т.к. Луна небесная являет нам только белый цвет, а не шафрановый и красный.

Далее, пшеничные колосья доказывают, что Исида и Церера были лишь одним и тем же символом, цитра и сосуд или ведро — это предметы, необходи-

¹ Так говоря, облеклась Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
Так устремилась...

Илиада, XXIV, 93–95

² Media demonstrativa или указатель знамений красок показывает как они одна за другой, по их порядку облачают материю, что происходит и что она претерпевает... Первый цвет черный... ночь есть знак совершенного растворения и смешения элементов... Черному цвету следует белый... Третьей краской является желтый цвет... Он как бы предвещает утреннюю зарю, которая с ее желтыми волосами предвещает восходящее Солнце. Четвертым цветом является красный или кровавый, извлекаемый из белого только при помощи огня.

мые для делания, т.е., *латона* Философов и меркуриальная вода. Ибо цитра была обычно медным инструментом, а пересекавшие ее прутья были также из меди или иногда из железа. Греки сложили также миф о Геркулесе, изгоняющем птиц со Стимфалийского болота, играя на бронзовых трещетках. И тот, и другой случай должны объясняться одинаково. Мы поговорим об этом ниже, когда пойдет речь о подвигах Геркулеса.

Обычно Исиду изображали не только с цитрой в руке, но и с ведром или другим сосудом в руке или также подле нее, чтобы показать, что она ничего не может без меркуриальной воды или Меркурия, оставленной ей в помощь. Она — земля или *латона* Философов, но латунь ни на что не способна сама по себе, утверждают они, — если ее не очистить и не отбелить азотом или меркуриальной водой. По этой же причине Исиду очень часто изображают с кувшином на голове; также часто с рогом изобилия в руке, чтобы показать ее как Природу вообще, обильно снабжающую всем, а в частности — как источник счастья, здоровья и богатства, — и все находится в Герметическом делании. В греческих памятниках¹ ее иногда обвивает змея или же находится рядом с ней, потому что змея была символом Эскулапа, бога медицины, изобретенной, как считали египтяне, Исидой. У нас, однако, больше оснований считать ее саму материей Философов или универсальным лекарством, использовавшимся египетскими жрецами для излечения всяческих болезней, не объясняя людям, как они это делают² и чем, ибо способ приготовления этого лекарства содержался в книгах Гермеса, читать которые имели право только жрецы. И лишь они могли понимать их, т.к. все в них было сокрыто тайной иероглифов. Сам Трисмегист³ сообщает нам, что первооткрывателем искусства врачевания является не Исида, а предок Асклепия или Гермес, чье имя он носит.

Поэтому не следует полагаться на Диодора или на народные египетские предания, опираясь на которые он говорит, что Исида не только изобрела много лекарств от лечения болезней, но что она даже нашла средство, способное давать бессмертие, и использовала его для своего сына Гора, убитого титанами, и он действительно стал бессмертным. Читатель согласится со мной, что все это должно объясняться аллегорически, и, что исходя из объяснений, даваемых нам Герметическим Искусством, Исида во многом способствовала совершенствованию медицины, ведь она была материей, из которой готовили наилучшее лекарство, когда-либо существующее в Природе. Тем не менее, одной Исиды недостаточно для его приготовления; обязательно нужно, чтобы она сочеталась с Осирисом, ибо оба начала должны быть объединены в едином целом, поскольку с самого начала делания они были единой материей, в котором содержались обе субстанции — мужская и женская.

Путешествие Исиды в Финикию за телом мужа, ее плач, дерево, под которым было спрятано тело, — все это отмечено печатью священнодействующего Ис-

¹ То, что я говорю здесь об атрибутах Исиды, подтверждается описанием памятников древности, приводимым Бернаром де Монфоконом в его «Описаниях древности».

² Qui quidem libri (Medici) nonnisi ab iis qui sacerdotalis ordinis erant legebantur; unde & hieroglyphicis variis obvelati, morbo quidem oppressis applicati ad salutem ita conferebant, ut ratio tamen eorum ipsam plebem lateret, ut in sequentibus probaturi sumus.

Kircher, *Oedip. Aegypt. T. II, 2, part. Cl. lx. P. 347.*

³ Асклепий, XIII, 37. — *Прим. ред.*

кусства. Действительно, мертвого Осириса бросают в море, т.е. погружают в меркуриальную воду, или море Философов. Исида, говорят нам, проливает слезы, т.к. будучи еще летучей материей, эта Исида, поднимается в виде испарений, конденсируется и выпадает в виде капель. Она нежная супруга, в тревоге ищет своего мужа, с плачем и стенаниями, и находит его лишь под тамариндовым деревом. Но дело в том, что летучая часть соединяется с фиксированной тогда, когда появляется белизна и тогда проявляется краснота в месте, где спрятан под тамариндовым деревом Осирис, т.к. цветы этого дерева белые, а корни красные. На этот цвет более точно указывает даже само название Финикии, происходящее от понятия φοῖνῖξ «красный», «пурпурный».

Исида пережила своего супруга и после славного правления была причислена к богам. Меркурий утвердил ее культ, также он создал и культ Осириса; потому что во второй операции, именуемой вторым деланием, или вторым расположением по Мориену¹, Луна Философов или их Диана, или материя, доведенная до белого, обозначается также Исидой, появляется снова и после растворения или смерти Осириса. Тем самым она оказывается возвышенной до богов, но богов Философских, т.к. их Диана или Луна — одна из главных богинь Египта: вполне понятно, почему это обожествление приписывается Меркурию.

Но если вся эта история не вымысел, как утверждает аббат Банье², поскольку он заявляет, что верит, будто Осирис — это тот же Мицраим, сын Хама, заселивший Египет через какое-то время после потопа. Он добавляет даже, что, несмотря на весь мрак, царящий в легенде об Осирисе, ученые вынуждены согласиться, что он был одним из первых потомков Ноя (через Хама) и что он правил Египтом, куда удалился его отец... Так, Диодор Сицилийский уверяет нас, будто этот фараон — Менес, первый фараон Египта, и что именно этого и надо придерживаться. И вот что интересно было бы услышать от всех этих ученых: почему никто из всех древних авторов, говоривших о Мицраиме и Менесе, никак не упоминают в рассказах о знаменитом путешествии или о пресловутом походе, который мнимый Осирис совершил в Африку, Азию и остальному миру. Что согласно надписи, открытой на древних памятниках и приводимой Диодором от всех авторов, рассказывавших ему об Осирисе, а также аббатом Банье, хотя он приводит ее и не точно.

Сатурн, самый молодой из всех богов, был мой отец. Я — Осирис, фараон. Я прошел весь Универсум, до края пустыни в Индии, а оттуда на север до истоков Истра; а затем другие части света до самого океана.

Я — старший сын Сатурна, вышедший из великого рода и благородной крови, у которой не было семени. Нет места, где-бы я не побывал. Я посетил все державы, чтобы научить их всему, что я изобрел.

Не думаю, что можно отдать авторство содержания этой надписи какому-либо из фараонов Египта, особенно *зачатие без семени*. Вместо этого, скажем просто, что последнее находим в Герметическом Искусстве, где под Сатурном разумеют черный цвет, из которого рождаются белизна или Исида и краснота или Осирис. Первую зовут *Луной*, а вторую Солнцем или Аполлоном.

¹ Entret. de Calid et de Morien.

² Mythol., T. I, p. 483, 484.

Не менее трудно или скорее невозможно применить к какой-нибудь правительнице следующую надпись, приведенную на колонне Исиды и называемую теми же авторами:

Я — Исида, правительница страны этой — Египта, и первым министром моим был Меркурий. Никто не сможет отменить установленные мною законы и помешать выполнению указанного мною.

Я — старшая дочь Сатурна, самого молодого из богов.

Я — сестра и жена Осириса.

Я — мать фараона Гора.

Я — первая создательница земледелия.

Я — сверкающий пес среди звезд.

Город Бубастис был построен в мою честь.

Радуйся же, о, Египет, вскормивший меня.

Но если объяснять это материей священного Искусства, если сравнить эти слова с выражениями герметических Философов, то мы найдем в них столько соответствия друг другу, что придется согласиться, что автор этих надписей имел в виду тот же предмет, что и Философы. Диодор утверждает, что в его время прочесть можно было лишь приведенный нами текст, т.к. остальное стерлось от времени. Далее он говорит, что невозможно было даже получить какое-то разъяснение по этому поводу, потому что жрецы нерушимо хранили доверенную им тайну, предпочитая не раскрывать истину народу из страха подвергнуться наказанию, налагаемому на того, кто тайну сию откроет. Но все же, какие это были тайны? Те, кто вслед за Цицероном заявляют, будто они заключались в том, чтобы не говорить, что Осирис был человеком, но могут ли они убедить нас, что именно так и думают? Выдать эти тайны могло лишь предполагаемое поведение Исиды по отношению к жрецам, однако поведение жрецов по отношению к народу выдавало их еще больше. Так что же? Нас хотят заставить поверить, что Осирис никогда не был человеком, и при этом показывают его гробницу? А из боязни того, чтобы никто не усомнился в его смерти, и как бы желая не дать о ней забыть, число этих гробниц еще и увеличивают. Каждый жрец утверждает, что именно он владеет ею.

Итак, признаем же, что тайна эта плохо объяснена. Да и вообще, к чему нерушимо хранить тайну гробницы фараона, столь горячо любимого своими подданными? Зачем скрывать место гробницы Осириса? Считалось, что Гермес посоветовал Исиде скрыть гробницу ее мужа, чтобы лишить народ повода к идолопоклонству, т.к. он прекрасно понимал, что великая любовь народа к Осирису за все его благодеяния могла привести к поклонению ему из благодарности. Такое мнение вполне соответствовало бы нашему представлению об истинной натуры Гермеса. Но вместо того, чтобы скрыть гробницу, Исида соорудила для каждой части тела Осириса по гробнице, да еще и убеждала, что в каждой из них лежало все его тело, а не части, а это, напротив, только усугубляло сомнения и споры. Из Священного Писания мы узнаем, что Иисус Навин совсем иначе повел себя в отношении сынов Израиля, когда умер Моисей¹, чтобы, без сомнения, евреи не смогли подражать египтянам в таком идолопоклонстве.

Следовательно, тайну гробницы Осириса хранили не для того, чтобы скрыть от народа представляемую человеческую природу Осириса. Поскольку под страхом суровых наказаний запрещалось говорить, что Исида и ее муж были людьми,

¹ Втор. 34, 9–12.

это только подтверждает, что на самом деле они ими не были. Такой запрет, никак не согласовывался с выставлением их гробницы на всеобщее обозрение, должен был бы вызвать подозрения о существовании некой тайны, скрытой за этим противоречием. Великая тайна, оберегаемая жрецами, должна была бы обострить любопытство. Однако народ не стремится к столь глубокому выяснению вещей, а принимает их так, как ему их преподносят, не пытаясь разобраться в них. К тому же речь идет о тайне какой-то гробницы и ее содержимого...

Рассмотрим же этот вопрос аллегорически; почитаем Философов и найдем в их трудах столь же таинственные гробницы. Василий Валентин¹ использует эту аллгорию два или три раза; Нортон² говорит, что король должен умереть и быть погребен. Раймунд Луллий, Фламель, Тревизан, Арислей в «Turba» и многие другие высказываются примерно так же; но все они тщательно скрывают гробницу и то, что находится в ней, т.е. сосуд и содержащуюся в нем материю. Тревизан говорит³, что король приходит купаться в воде родника, он очень любит эту воду, а она любит его. Ибо он из нее вышел, в ней умирает, и она ему служит гробницей. Потребовалось бы слишком много времени, чтобы пересказать все аллгории авторов, доказывающие тем, кто не даст ослепить себя предубеждению, что эта была тайна священного Искусства, которую столь настоятельно рекомендовали всем адептам. Обученные Гермесом жрецы преследовали, следовательно, другую цель, а не ту, с которой не могли согласоваться все разные качества матери и сына, супруга и супруги, брата и сестры, отца и дочери, присутствующие в различных легендах об Осирисе и Исида. Зато они прекрасно согласуются с герметическим деланием, если рассматривать его единую материю под разными углами зрения.

Давайте поразмыслим немного над некоторыми моментами этой легенды. Почему Исида собирает части тела Осириса все, кроме естественных? Почему после смерти мужа она клянется, что не выйдет за другого? Почему она просит похоронить себя в роще Вулкана? Что это за естественные части тела, если не черные, земляные и удобряющие части материи Философов, в которых она образовалась, родилась и которые нужно отбросить как бесполезные. Части, с которыми она больше не может соединиться, потому что они стали для нее гетерогенными. Если Исида и держит данное ей слово, то потому, что после совершенного растворения, обозначаемого смертью, она никаким способом больше не может быть отделена от Осириса. Мы увидим дальше, почему утверждают, что она погребена в роще Вулкана. А пока можно сказать⁴, что философское погребение это ничто иное, как фиксация или возврат улетучившихся частей и их соединение с фиксированными и огненными частями, от которых они были сепарированы; вот почему говорят, что Исида и Осирис — внуки Вулкана.

Нужно ли удивляться после всего сказанного до сих пор, что Осирис и Исида, как считалось, весьма почитали Вулкана и Меркурия? Меркурия считают изобретателем ремесел и иероглифических знаков, потому что Гермес изобрел их для меркурия Философов. Он обучал риторике, астрономии, геометрии, арифметике и музыке, потом показал, как говорить о делании, указал на содержащиеся

¹ 12 ключей.

² Ordinale.

³ Philosoph. des Métaux.

⁴ См. Philalet. Ennaratio methodica; d'Espagnet.

ся в нем звезды, на пропорции, веса и меры, которые необходимо тут соблюдать, чтобы подражать Природе. Потому-то Раймунд Луллий¹ и говорит:

Природа содержит в себе самой Философию и науку семи свободных искусств; она содержит все геометрические формы и их пропорции; она завершает все вещи арифметическим расчетом, равенством точно известного числа, а разумным и риторическим знанием она ведет разум от предположения к действию.

Вот как Меркурий стал истолкователем всего и советчиком Исиды. Она ничего не могла бы сделать без Меркурия, ибо он есть основа делания и без него ничего нельзя добиться. Нельзя сознательно приписывать Меркурию или Гермесу все изобретения, т.к. мы знаем, что ремесла были известны до потопа, а после потопа еще одним доказательством тому служит Вавилонская башня.

Согласно Диодору, Исида строила храмы из чистого золота *delubra aurea*² в честь Юпитера и других богов. Известно ли из истории хоть одно место в мире или хоть одно столетие, когда был бы построен где хоть один подобный храм? Никогда раньше не добывалось столько золота из месторождений, сколько его добывают сейчас. И несмотря на это изобилие, есть ли хоть один народ, которому удалось это сделать? А может быть, этим хотели сказать, что храмы эти были одинаковой природы с находившимися в них богами? Не правильнее ли думать, что это было не что иное, как герметические храмы и боги, т.е. золотоносная материя и цвета деяния, которые Исида и в самом деле сотворила, ибо она и есть их материя? По этой же причине говорят, что Исида бесконечно чтит мастеров по золоту и другим металлам. Она была золотой богиней, золотой Венерой всей Азии.

Что касается египетской хронологии, то она так же таинственна. И здесь между египтянами нет, видно, согласия, не потому, что его нет на самом деле, а потому что они намеренно запутывают ее, а вовсе не из желания (как то утверждают некоторые) установить вечность мира. Они в этом похожи на адептов во все времена, потому что последние всегда следовали их заблуждениям. Один говорит, что на делание нужно четыре дня, другой утверждает, что нужен год; третий — полтора года, четвертый — три года, семь, десять лет. Когда видишь все это несогласие, то разве не возникнет мысль, что все они спорят друг с другом? Однако, как говорит Майер, тот, кто знаком с делом, сумеет быстро привести их к согласию. Нужно лишь учитывать, что один говорит об одной операции, а другой — об иной; что в некоторых случаях годы Философов сокращаются до месяцев согласно Филалету³; месяцы до недель, недели до дней и т.д.; что Философы считают дни иногда подобно всем остальным, а иногда по-своему; что в обычном году четыре времени и столько же в философском; что для доведения делания до конца существует три операции: операция камня или серы, операция эликсира и умножение; что у каждой операции свое время года; что каждая из них составляет год, и что объединенные вместе, они тоже составляют лишь год, оканчивающийся осенью, ибо это время сбора плодов и наслаждения результатами труда.

¹ Théor. Métam. c. 50.

² *Delubrum* (лат.) — храм, святилище. — Прим. ред.

³ Enarrat. Method. 3. Medecin. Gebri.

ГЛАВА V

Легенда о Горе

Многие авторы путали Гора или Ора с Гарпократом, однако, мы не станем обсуждать здесь причины, которые могли склонять их к этому. Согласно наиболее распространенному из представлений Гор, был сыном Осириса и Исиды, а также и последним из богов Египта, но был им не по заслугам, а по определению его культа, т.к. он действительно является последним из химических богов, будучи герметическим золотом или результатом делания. Именно ради этого Ора или Аполлона Осирис и предпринял столь длинное путешествие и претерпел столько трудов и тягот. Он есть сокровище Философов, жрецов и египетских фараонов; философское дитя, рожденное от Осириса и Исиды, либо, если вам понравится больше, Аполлон, рожденный от Юпитера и Латоны. Могут сказать, однако, что некоторые авторы считали Аполлона, Осириса и Исиду детьми Юпитера и Юноны, и посему Аполлон не может быть сыном Исиды и Осириса. Некоторые утверждают даже, что первым фараоном Египта было Солнце, затем Вулкан, потом Сатурн и, наконец, Осирис и Гор. Признаюсь, все это может ввергнуть в смятение и составить непреодолимые трудности в исторической системе, но в том, что касается Герметического делания, нет никакой трудности, а есть лишь новое доказательство, что именно оно и было предметом всех этих вымыслов. Поскольку активное и пассивное начало в делании однородны, они соединяются, чтобы произвести подобного себе третьего, происходящего от них обоих. Его отец и мать — Солнце и Луна, — говорит Гермес, и ему вторят другие Философы. Тот факт, что имена Солнца и Луны давались многим вещам, приводит к двусмысленности, за которой и следуют все эти сложности. Из этого-то источника и вышли все определения отца, матери, сына, дочери, предка, брата, сестры, дяди, супруга, супруги и множество других подобных названий, служащие для объяснения мнимых кровосмешений и измен, столь часто встречающихся в древних мифах.

Нужно было быть Философом Герметизма или египетским жрецом, чтобы изложить все это. Однако Гарпократ рекомендует соблюдать тайну, и не стоит надеяться, что она будет нарушена, по меньшей мере, явно. Единственное, что можно заключить из добросовестности и изобретательности скорее чем из нескромности некоторых авторов, это то, что материя делания есть коренное начало всего, но что она, в частности — активное и формное начало золота, — вот почему она становится философским золотом через операции делания, перенятые у Природы. Материя эта образуется в недрах земли, а привносится она туда дождевыми водами, движимыми универсальным духом, разлившимся в воздухе, дух же этот получает свою плодovitость от влияния Солнца и Луны, которые таким образом становятся отцом и матерью этой материи. Земля — это матрица, в которую вносится семя и где оно вскармливается. Образующееся от этого золото есть земное Солнце. Эта материя или предмет делания состоит из двух субстанций: одной фиксированной, второй летучей; первая из них — огненная и ак-

тивная, вторая — влажная и пассивная, а называли их Небо и Земля, Сатурн и Рея, Осирис и Исида, Юпитер и Юнона. Содержащееся в них огненное начало или природный огонь зовется: Вулкан, Прометей, Веста и т.д. Таким образом, Вулкан и Веста, являющиеся огнем влажной и летучей части, собственно суть отец и мать Сатурна, так же, как и Земля с Небом. Потому что имена этих богов даются материи не только, когда она еще сырая и неперевариваемая, взятая до подготовки, чему мастер вместе с Природой подвергнет ее, но также во время подготовки и следующих за ней операций. Всякий раз, как эта материя становится черной, она превращается в Сатурн Философов — сына Вулкана и Весты, которые сами являются детьми Солнца по изложенным причинам. Став после черной серой, материя эта — уже Юпитер, когда она побелеет, это — Луна, Исида, Диана. Когда же она достигнет красного, это — Аполлон, Феб, Солнце, Осирис. Юпитер, следовательно, сын Сатурна, Исида и Осирис — дети Юпитера. Но поскольку серый цвет не относится к главным цветам делания, большинство Философов опускают его, и при внезапном переходе от черного к белому Исида и Осирис сближаются с Сатурном, становясь, естественно, его перворожденными детьми, согласно приводившимся нами надписям. Таким образом, Исида и Осирис — это брат и сестра, как на них ни смотреть, т.е., то ли как на начала делания, то ли как на детей Сатурна или Юпитера, Исида оказывается даже и матерью Осириса, т.к. красный цвет рождается от белого. Но как, спросят нас, могут они быть мужем и женой? Если внимательно вспомнить все, что уже говорилось, мы увидим, что они являются супругами, с какой бы точки зрения на них ни смотреть; однако более явно при делании философского Солнца, именуемого Гор, Аполлон или сера Философов. Потому как она образуется от этих двух — фиксированной и летучей субстанций, объединенных в одно фиксированное, названное Осирисом.

Если отбросить приготовление или первую операцию делания (что довольно часто встречается у Философов, начинающих свои трактаты о священном или герметическом Искусстве лишь со второй операции), поскольку философское золото уже сделано, то его нужно использовать как основу второго делания, и тогда Солнце оказывается первым фараоном Египта. Оно содержит в себе природный огонь. Огонь этот воздействует на вещества и вызывает гниение и черноту, и мы видим снова Вулкана — сына Солнца и Сатурна — сына Вулкана. Затем появятся Осирис и Исида и, наконец, Ор, чтобы соединить отца и мать.

Именно к этой второй операции следует отнести слова Философов: *нужно поженить мать с сыном*; т.е., после первой варки нужно смешать его с сырой материей, из которой он вышел, и варить его до тех пор, пока они не соединятся и не станут одним целым. В течение этой операции сырая материя растворяет и разлагает дигерирующую материю: это мать, убивающая свое дитя и помещающая его в свою утробу, чтобы возродить снова. Во время этого растворения Титаны убивают Ора, а мать затем возвращает его к жизни. Сын же, любящий свою мать меньше, чем она его, как говорят Философы¹, убивает ее и занимает ее место на троне. Это значит, что фиксированное — Ор закрепляет летучее или Исиду, которая сделала его в свое время летучим, т.к. убивать, связывать, охлаждать, коагулировать или фиксировать — это все синонимические понятия на

¹ Turba.

языке Философов, точно так же, как слова давать жизнь, возрождать, отпирать, развязывать, путешествовать означают то же, что и делать летучим.

Итак, Осирис и Исида по праву считаются главными богами Египта вместе с Гором, который и в самом деле правит последним, т.к. он — результат всего Искусства священнодействия. По этой причине, очевидно, некоторые путали его с богом тайны Гарпократом, ибо предмет сей тайны никто иной, как Ор, которого также с основанием называли Солнцем или Аполлоном, т.к. он — Солнце или Аполлон Философов. Если бы исследователи древности изучали Философию Герметизма, им бы удалось без труда отыскать причину, по которой египтяне изображали Гора в виде ребенка, часто даже спеленатого. Они узнали бы при этом, что Ор — это философское дитя, рожденное от Исиды и Осириса или от белой жены и красного мужа¹, в силу чего на памятниках он часто изображается сидящим на руках у кормящей его Исиды.

Эти объяснения могут осветить дорогу мифологам, стремящимся проникнуть в темень легенд, пестрящих супружескими изменами, кровосмешением отца с дочерью, как, например, Кинира с Миррой, сына с матерью, как это было у Эдипа, Юпитера с Юноной, и т.д. Убийства отца или матери станут понятными и раскрытыми аллегориями, а не вселяющими в людей ужас преступлений, которым не должно быть места в истории. Любители Герметической Философии поняли бы, как нужно разумеать следующие тексты адептов. «Устройте свадьбу, — говорит Гебер, — уложите мужа с женой на брачное ложе; окропите их небесной росой: жена зачнет сына, которого она затем вскормит; когда он вырастет, он победит своих врагов и будет увенчан красной диадемой». «Придите, о, сыны мудрости, — говорит Гермес, — и возрадуемся немедля, смерть побеждена, наш сын стал монархом, на нем красные одежды, и он принял окраску огня». «Какое-то чудовище разбрасывает мои члены² после того, как расчленило меня на части, но моя мать соединяет их. Я — факел моих близких, я проливаю в пути свет отца моего Сатурна». «Открою тайну, — говорит автор великой тайны, — я большой грешник; я люблю полюбезничать и позабавиться со своей матерью, носившей меня в своей утробе; я любовно обнимаю ее; она зачинает и умножает число моих детей; она увеличивает мне подобных, как говорил Гермес; мой отец — Солнце, а моя мать — Луна». «Нужно, — говорит Раймунд Луллий³, — чтобы мать, родившая сына, была погребена в утробе этого сына и чтобы она в свою очередь была им порождена».

Если Осирис гордится тем, что он гораздо совершеннее других людей, т.к. был зачат от отца без семени, то у философского дитяти такое же преимущество, а его мать, хотя и зачала и родила его, остается по-прежнему девственной, согласно следующему свидетельству д'Эспанье⁴: «Возьмите крылатую девственницу, оплодотворенную духовным семенем первого мужа, но сохраняющую, тем не менее, славу нетронутой девственности, несмотря на беременность». Я никогда не смог бы привести все тексты Философов, имеющие отношение к деталям жизнеописания Осириса, Исиды и Гора. Приведенного выше достаточно тем, кто захочет сравнить все и как-то использовать.

¹ Le Code de vérité.

² Белен в "Turba".

³ Codic. 4.

⁴ Can. 58.

ГЛАВА VI

Легенда о Тифоне

Диодор¹ утверждает, что Тифон родился от Титанов. Плутарх² говорит, что он сын Осириса и Исиды. Другие заявляют, что он родился от Земли, когда рассерженная Юнона топнула по ней ногой; и, опасаясь Юпитера, он скрылся в Египте, а там, не вынеся жары, бросился в озеро и погиб в нем. Гесиод оставил нам одно из ужаснейших его описаний³, подхваченное, как кажется, Аполлодором. Земля, — говорят они, — возмущенная тем, что Юпитер поразил молнией Титанов, объединилась с Тартаром и в последнем усилии разродилась Тифоном. Это страшное чудовище было наделено ростом и силой, каких не имели все остальные взятые вместе. Он был так огромен, что намного превосходил самые высокие горы, а голова его доставала до звезд. Вытянутые руки его простирались от востока до запада, а из ладоней его торчали сто злобных драконов, беспрестанно выбрасывавшие из пасти свои трехконечные языки. Бесчисленные змеи лезли из его ног и ляжек и, извиваясь, вытягивались по всей длине его тела с таким ужасным шипением, что пугались и самые бесстрашные. Из рта его вырывалось пламя, и глаза его были, как горящие угли, а голосом своим страшнее грома, он то ревел, как бык, то рычал, как лев, а иногда и лаял, как собака. Вся верхняя часть его тела была покрыта перьями, а нижняя — чешуей. Таким был этот Тифон, коего страшились и сами боги. Он посмел бросать в небо скалы и горы с ужасающими воплями, и боги так сильно испугались его, что, не считая себя в безопасности на небе, они убежали в Египет, и скрылись там от преследований этого чудовища, приняв вид разных животных.

Делалось немало попыток объяснить с моральной, исторической и физической точек зрения то, что древние авторы говорили о Тифоне. Некоторые из этих объяснений оказывались иногда довольно удачными, однако мифологам никогда не удавалось объяснить этот миф целиком по одной и той же системе. Женившись на Ехидне, он стал отцом разных чудищ, достойных своего происхождения, таких, как Горгона, Кербер, Лернейская Гидра, Сфинкс, Орел, разрывавший несчастного Прометея, дракон, охранявший Золотое руно в саду Гесперид, и т.д. Чтобы выйти из затруднения, в которое их ввергал этот миф, ставший для них одной из наиболее темных тайн мифологии⁴, исследователи мифов утверждали, что поскольку греки и латиняне не знали происхождения этого мифа, то они лишь еще больше затемнили его, желая перенести его по обычаю из истории Египта в свою собственную. Основываясь на преданиях, ставших известными им благодаря связям с египтянами; они превратили Тифона в ужасное и диковинное чудовище, которое ревнивая Юнона вызвала из земли, чтобы отмстить сопернице своей Латоне.

¹ L. I. c. 2.

² Об Исиде и Осирисе, 12. — *Прим. ред.*

³ Теогония, 307 сл. — *Прим. ред.*

⁴ M. l'Abbé Banier. Mythol. T. I. p. 468.

То, что нам описывают Диодор и Плутарх, не по нраву аббату Банье, и очевидно потому, что это никак не согласуются с его собственной системой. По его мнению, эти авторы,

...как это свойственно обычаям их народа, без устали примешивают к своим рассказам много смехотворных вымыслов, к тому же неточных по хронологии; они очень смутно представляют себе историю обновления мира после потопа и, в частности, разъяняемую мною историю (Тифона). За этими проводниками нужно следовать с большой осторожностью.

Хотя аббат Банье прав, считая, что два эти автора не знали сути истории Тифона, не менее справедливо и то, что они почерпнули свои рассказы из преданий, сохраненных египтянами. И если даже они включили туда некоторые обстоятельства, чтобы сделать эти рассказы ближе к мифам своей страны, то суть их осталась нетронутой и все такой же сказочной. Напрасно Герард Воссий¹ утверждает, что Васанский правитель Ог — это тот же Тифон, основываясь на сходстве этих имен; т.к. по его словам «Тифон» происходит от греческого *Típhō, uro, accendo*, а «Ог» означает *ussit, ustulavit*. Напрасно также г-н Юэ² утверждает, что он был законодателем Израиля, ставшим ненавистным египтянам после гибели их старших сыновей. Неправ аббат Севен, ставя его на место Куша, как неправ и аббат Банье, помещая его на место Себона, как об этом писал Плутарх, ссылаясь на Манефона. Впрочем, трудно бывает примириться Плутарху с самим собой. Больше, чем все называвшиеся авторы, преуспел Бошар³, утверждая, что Тифон — это Энкелад, но он просто угадал, т.к. не знал, почему поэты называли его по-разному и почему оба они умирают у них одинаковой смертью. Поэты гораздо лучше историков донесли до нас подлинный смысл мифов и, собственно говоря, меньше, чем историки, искажали их, потому что они лишь передавали их, хотя иногда и приукрашая. Но при этом не рассуждали, почему, как и в какие времена могли происходить события, тогда как историки стремились приспособить их к истории, и с этой целью удаляли из них какие-то детали, включали собственные догадки, порой подменяли имена и т.д.

Но какой же вывод можно сделать, исходя из стольких разных суждений? Строить наше представление о Тифоне мы должны на основе тех черт и характеристик, которые совпадают или мало отличаются у историков, поэтов и мифологов. И поэты, и мифологи согласны в том, что Тифон был сброшен под гору Этну, но могилу его древние устроили не там, а в сернистых местах, известных своими подземными огнями. Как, например, в Кампанье или вблизи Везувия, как утверждает Диодор, либо же во Флегрейских полях, как пишет Страбон, или где-то в Азии, там, где из земли иногда выходит вода, а иногда огонь, как сообщает Павсаний⁴. Одним словом, в горах или в любом другом месте, где наблюдались сернистые выделения. Наконец, египтяне говорили, что он был поражен молнией и погиб в огненном вихре.

Сравним все это с некоторыми обстоятельствами жизни Тифона, и если только упрямо не прятать глаза от света, то нельзя не признать, что вся история этого придуманного чудовища это всего лишь аллегория, относящаяся к числу

¹ De Idol. L I. 26.

² Demonst. Ev. prop. 4.

³ Chan.

⁴ Описание Эллады, VIII.

придуманных жрецами или самим Гермесом, чтобы скрыть Искусство священнодействий. Поскольку даже аббат Банье признает¹, что греческие и латинские поэты, и историки донесли до нас вместе с самыми нелепыми их мифами предания Египта, и, следовательно, мы должны опираться именно на эти предания. Мы узнаем из них, что Тифон был братом Осириса и преследовал его, пока не погубил, как уже было сказано, что затем его победила Исида с помощью Гора, и что, в конце концов, он погиб в огне. Историки также рассказывают, что египтяне не любили море, считая, что оно-то и есть Тифон, и называли его *пена* или *слюна Тифона*², причем так же они называли и морскую соль. Учившийся у египтян Пифагор говорил про море, что это слеза Сатурна. Связано это было с тем, что, по их мнению, море было началом порчи, поскольку приносивший им столько благ Нил портился от смешивания с ним. Из этих преданий мы узнаем также, что Тифон сбросил Осириса в море, где он и погиб, а Исида впоследствии вытащила его оттуда и оживила.

Мы говорили уже, что Осирис был огненное, мягкое и зачинающее начало, используемое Природой при образовании смешанных. Исида же была его влажным началом, ибо нельзя путать их между собой, т.к. они отличаются друг от друга, как дым и пламя, свет и воздух, сера и ртуть. Начальная влага в смешанных служит вместилищем и пищей врожденной теплоты или природного и небесного огня; она становится как бы его связью с элементарным телом, а это огненное свойство представляется как бы формой и душой смешанного. Вот почему оно играет роль мужа, а влажное начало, являясь влажным, играет роль жены, а их соитие является основой смешанного. Однако смешанные эти состоят не только из влажного начала. При их образовании к нему присоединяются гомогенные, нечистые и земные части, чтобы дополнить тело смешанного, а эти грубые примеси являются началом коррупции по причине наличия в них горючей, едкой и портящей серы, постоянно воздействующей на чистую и негорючую серу. Обе эти серы или огни — братья, но братья-враги; и, видя, день за днем как гибнут индивиды, приходится сознавать, что нечистое одерживает верх над чистым. Это те два начала — доброе и злое, о которых мы говорили в первой и во второй главах книги.

С учетом сказанного нетрудно догадаться, почему Тифона изображали ужасным чудовищем, всегда настроенным делать зло, осмелившимся даже воевать с богами. В металлах в изобилии содержится эта нечистая и горючая сера, которая поджигает их и обращает в ржавчину каждого из них в своем виде. Боги дали металлам свои имена, и потому Геродот пишет, что у египтян было сначала восемь великих богов, т.е. семь металлов и начало, из которого они состояли. Тифон родился из земли, но из земли грубой — начала коррупции. Он стал причиной гибели Осириса, т.к. порча происходит только от растворения, которое мы описывали в рассказе о смерти этого фараона. Перья, покрывавшие верхнюю часть тела Тифона, и его рост, при котором голова его достигала туч, указывают на его летучесть и на его испаряемость. Покрытые чешуей ноги, змеи, торчащие во все стороны — это символ его портящей и разлагающей водянистости. Изрыгаемый им огонь указывает на его портящую горючесть, а также на мнимое братское

¹ Mythol. T. I, p. 478.

² Kirch. Obelis. Pamph. p. 155.

родство с Осирисом, ибо он есть скрытый природный и живительный огонь, тогда как Тифон — это огонь тиранический и разрушающий. Вот почему д'Эспанье называет его *тираном Тифоном и братоубийцей* природного огня, что вполне соответствует образу Тифона. Змеи у Философов являются обычным иероглифом растворения и разложения, а посему следует согласиться, что Тифон ничуть не отличается от змея Пифона, убитого Аполлоном. Известно также, что Аполлон и Гор считались одним и тем же богом.

Чудовище это не довольствовалось только тем, что убило брата своего Осириса, оно также сбросило в море и своего племянника Гора, захватив его с помощью некой эфиопской правительницы. Можно ли было еще точнее описать растворение в воде философского Гора, или Аполлона, кроме, как, сказав, что он был сброшен в море? Упомянутая же эфиопская правительница есть чернота, или признак совершенного растворения и гниения, именуемого адептами *смертью*. А эта испорченная и разложившаяся материя как раз и представляет собой пену или слюну Тифона, в которую был сброшен Ор и которой он был поглощен. Она в самом деле слеза Сатурна, ибо черный цвет — это философский Сатурн. Наконец, Исида воскресила Гора, т.е. после того, как философский Аполлон был растворен, сгнил и стал черным, он перешел от черноты к белизне, называемой воскрешением и жизнью в герметической науке. Тогда отец и мать соединились воедино, чтобы победить Тифона или порчу, а победив, славно правили: сначала мать или Исида, т.е. белизна, а после нее — ее сын Ор, или краснота. Не прибегая даже к стольким объяснениям, можно сказать, что уже из одних только предполагаемых могил Тифона становится ясно, что думали об этом чудовище — отце стольких других, а о них мы скажем в посвященных им главах.

Одни говорят, что Тифон бросился в болото, где и утонул; другие, что его поразила молнией Юпитер: — и он сгорел. Две эти смерти совершенно разные, и устранить противоречие способна лишь Герметическая Химия. Тифон здесь действительно гибнет — от воды и от огня одновременно, т.к. вода Философов или зловонное выделение, или море Философов есть одна и та же вода, образованная растворением материи, которая является также и болотом, ибо, будучи заключенной в сосуд, она не имеет возможности течь. Эта вода есть настоящий огонь, утверждают почти все Философы, т.к. горит гораздо сильнее и действеннее, чем огонь элементарный. *«Химики сжигают огнем, а мы сжигаем водой»*, — пишут Раймунд Луллий и Рипли. *«Наша вода это огонь»*, — добавляет Рипли, — *который сжигает и терзает тела сильнее, чем адский огонь»*.

Когда говорят, что Юпитер поразил его молнией, это значит, что серый цвет или философский Юпитер как первый химический бог, победивший Титанов, вышел победителем из черноты и порчи. Тогда начинает возвышаться природный огонь. Гор приходит на помощь матери, и Тифон побежден. Достаточно сравнить историю или, скорее, миф о Пифоне с мифом о Тифоне, чтобы ясно увидеть, что приведенные мною объяснения отражают подлинное намерение автора этих аллегорий. В самом деле: змей Пифон рождается в грязи и иле, и Тифон родился из земли; первый гибнет в той самой мути, в которой родился, после битвы с Аполлоном; второй тонет в болоте, как сказано, после сражения с богами, в частности с Гором, т.е. тем же Аполлоном, победившим его. Эти факты не требуют никаких пояснений.

ГЛАВА VII Гарпократ

Относительно Гарпократа мнение у всех авторов одно и то же: они считают его богом молчания. И действительно, на всех памятниках, он изображен с пальцем, приложенным у рта, чтобы показать, как говорил Плутарх¹, что знавшие богов люди, в чьих храмах стоял Гарпократ, не должны откровенно высказываться о них. Этот образ отличает его от всех других богов Египта, с которыми он общался при помощи символов присущих ему. С этим связано то, что многие авторы путали его с Гором, говорили, что он — сын Исиды и Осириса. Во всех храмах Исиды и Сераписа стоял и другой идол с пальцем у рта, и, несомненно, именно о нем говорит св. Августин² по словам Варрона, утверждавшего, что в Египте существовал закон, под страхом смерти запрещавший говорить, что эти боги были когда-то людьми. Этим идиолом мог быть только Гарпократ, которого Авзоний называл *Сигалеоном*, ἀπό τῷ σιγᾷ καὶ λέει.

Те, кто путали Гора с Гарпократом, говорили, что тот и другой есть символы Солнца, и на самом деле, эту ошибку усугубляли некоторые изображения Гарпократа, украшенные лучами и колчаном стрел. Что до таких случаев, то следовало бы сказать, что у египтян было совсем иное представление о воздержанности Солнца, чем у греков. Если Гарпократ был богом молчания и одновременно символом Солнца у первых, то он все же не мог быть тем и другим у греков, т.к. Аполлон, или Солнце, по мнению греков не смог сохранить в тайне прелюбодеяние Марса и Венеры. Однако, и те, и другие одинаково представляли себе Гарпократа, считая его богом тайны, сохраняющегося в молчании и гибнущего от ее раскрытия. Следовательно, Гарпократ не был символом Солнца, но иероглифы, которыми сопровождалась его статуя, имели символическое отношение к Солнцу, т.е. к Солнцу Философов, одним из иероглифов которого был Гор.

Авторы, сообщаящие нам, что Гарпократ был сыном Исиды и Осириса, говорят правду, т.к. сами они об этом узнали от египетских жрецов; но упомянутые авторы воспринимали сведения об их родственных узлах в естественном смысле, тогда как жрецы-философы имели в виду смысл аллегорический. Учитывая, что все греки и латиняне были убеждены, что жрецы эти всегда примешивали нечто таинственное к своим речам, жестам, деяниям, рассказам и рисункам, которые все считались символами, приходится удивляться, что наши авторы восприняли буквально столько вещей, которые они передают нам о египтянах. Кстати сказать, сами их рассказы выдают их с головой. Наши мифологи и знатоки древности должны были бы быть внимательнее. Тайна, богом чего был Гарпократ, это, на самом деле, тайна вообще, которую мы должны хранить, чего бы она ни касалась. Однако атрибуты Гарпократа указывают нам на предмет этой особой тайны, которую имели в виду египетские жрецы. Так вот, тайна эта касалась Исиды, Осириса, Гора или, скорее того, что они символически представляли. Именно

¹ Об Исиде и Осирисе, 68.

² О Граде Божьем, I, 18, с. 5.

они были ее содержанием и питали ее, они породили ее, и именно благодаря им она и существовала, а, значит, можно было сказать, что Гарпократ есть сын Исиды и Осириса.

Если, как это пытался доказать знаменитейший Купер в своем трактате о Гарпократе, этого бога следует считать одним и тем же в лице Ора, то почему же все древние различали их, почему Ор никогда не считался богом молчания? Почему ни на одном памятнике он не изображен в том же виде, и с теми же атрибутами? Мне в этом видится лишь одно сходство: и тот, и другой изображались в виде ребенка, однако Ор почти всегда в пеленках или на коленях кормящей его Исиды, тогда как Гарпократ очень часто предстает юношей и даже молодым человеком.

Неясыть, собака, змея никогда не были символами Ора, и общего у них могли быть только лучи, окружающие голову Гарпократа, да рог изобилия, какие мы встречаем в трактате о древнем Искусстве Дома Бернара де Монфокона. Не мешает заметить при этом, что Гарпократ никогда не изображался просто с лучами вокруг головы и без какого-либо другого символа. Как бы там ни было, змея, неясыть и собака — это все символы, прекрасно подходящие богу тайны, а вовсе не Ору, считавшемуся Солнцем. Неясыть или сова богини мудрости Минервы; змея всегда была символом осторожности, а собака — символом верности. Теперь читатель сам может сделать вывод, к кому они относятся.

Другие символы, присваивавшиеся Гарпократу, означали сам предмет тайны, о которой он предупреждал, прикладывая палец ко рту, т.е. это герметическое золото или солнце. О том же говорят и цветок лотоса, на котором он иногда сидит или который носит на голове, лучи, окружающие его голову, рог изобилия в руке, поскольку результатом великого делания или эликсира Философов является настоящий рог Амалфеи — источник богатства и здоровья.

Плутарх справедливо утверждает, что статую Гарпократа устанавливали при входе в храм, чтобы предупредить тех, кто знал этих богов, что о них нельзя говорить открыто. Таким образом, предупреждение это не относилось к народу; он же воспринимал буквально то, что ему говорили о богах и, следовательно, не мог понимать смысла иносказаний. У жрецов же перед глазами постоянно находился бог молчания, напоминавший им о необходимости хранить доверенную им тайну. Их обязывали к этому под страхом смерти, и это было разумно. Египту угрожали бы большие опасности, если бы в других государствах наверняка узнали, что египетские жрецы владеют секретом златоделания и излечения всех болезней, досаждающих человеческому телу. Египту пришлось бы ввязаться в кровопролитные войны и навсегда отказаться от благ мира. Сами жрецы поставили бы под угрозу собственную жизнь, ибо, с одной стороны фараоны могли наказать их за разглашение тайны, а с другой их уничтожил бы простой народ за отказ выдать эту тайну. Последствия разглашения тайны были бы чрезвычайно пагубны и для самого государства, т.к. исчезло бы повиновение, общество, и весь порядок был бы нарушен. Причины эти были настолько серьезны и производили такое действие на Герметических Философов, что никто из древних не решился даже указать предмет выдуманных ими аллегорий и мифов.

Существует еще множество сочинений, в которых великое делание описывается загадками или аллегориями; сочинения эти доступны всем, но только герметические Философы могут понять смысл, вложенный в них автором, остальным же не дано даже догадаться о нем. Сколько ученых проявляли свою

эрудицию, чтобы составить к ним свои комментарии, и при этом вовсе не удовлетворили разумных людей, чувствующих, что все предлагаемые объяснения надуманы. Точно так же следует относиться и почти ко всем древним авторам, пишущим о культе богов Египта. Они пишут об этом, основываясь лишь на преданиях народа, на самом деле не знавшего его смысла. Даже такие авторы, как Геродот и Диодор Сицилийский, которые общались со жрецами и ссылаются на них, не в состоянии объяснить нам больше. Жрецы обманывали их, как они обманывали простой народ. Рассказывают даже, что жрец по имени Лев повел себя так с Александром, расспрашивавшим его о религии Египта. Он ответил, что почитаемые народом боги были всего лишь давними египетскими фараонами, такими же смертными, как и другие люди. Александр поверил тому, что ему рассказали, и направил жреца к своей матери Олимпии, посоветовав бросить его письмо в огонь, чтобы народ Греции, поклонявшийся тем же богам, ничего не узнал об этом, и чтобы страх, внушенный ему к этим богам, удерживал его в повиновении.

Те, кто составлял законы о наследовании трона, по всем указанным причинам благоразумно избегали каких-либо беспорядков, предписывая, чтобы фараоны избирались из числа жрецов, передававших тайну только их детям, которые также становились жрецами, или тем, которых они сочтут достойными после длительного испытательного срока. Именно поэтому они так долго запрещали иностранцам приезжать в Египет, либо же заставляли покидать эту страну оскорбляя и угрожая, когда им удавалось в нее проникнуть. Первым фараоном, разрешившим своим подданным общаться с чужеземцами, был Псамметих, после чего некоторые греки, желавшие учиться, приехали в Египет и после необходимых испытаний были посвящены в тайны Исиды, а затем перенесли их на свою родину в виде легенд и аллегорий, скопированных с египетских. Так же поступали и некоторые египетские жрецы, основывавшие колонии за пределами своей страны, однако все они тщательно хранили доверенную им тайну и, не меняя ее предмета, меняли сами легенды, за которыми они ее скрывали. Отсюда и возникли все греческие и другие мифы, как мы увидим дальше.

Тайны всегда были достоянием мудрых, и Саломон учит нас, что нельзя раскрывать премудрость тем, кто может неправильно воспользоваться ею, или не сможет благоразумно хранить ее¹. Вот почему все древние изъяснялись загадками, притчами, символами, иероглифами и т.д., чтобы их поняли только мудрецы.

1 «Мудрые сберегают знание». Притч. 10, 14.

«Человек рассудительный скрывает знание». Притч. 12, 23.

«Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну». Притч. 20, 19.

«Слава Божия — облекать тайною дело, а слава царей — исследовать дело». Притч. 25, 2.

ГЛАВА VIII Анубис

По словам Диодора Сицилийского, Анубис был один из тех, кто сопровождал Осириса в его походе в Индию, сыном Осириса, носившим вместо военных доспехов собачью шкуру. Аббат Банье¹ утверждает, что он был начальником стражи фараона. Диодор пишет о нем то, что узнал в Египте, и передает все верно. Аббат Банье несправедливо упрекает греческую мифологию в том, что она путает *Анубиса с Гермесом Трисмегистом, столь знаменитым в Египте своими чудесными открытиями, изобретением букв и огромным количеством книг, написанных им о всевозможных науках*. Те, кто переносил египетские легенды в Грецию, например, Мусей, Орфей, Меламп, Эвмолп, Гомер и др., отнюдь не отклонялись от египтян и никогда не путали Анубиса с Трисмегистом. Но путали они его с другим Меркурием, о котором аббату Банье ничего не было известно, по крайней мере, в том смысле, который ему придавали эти распространители мифов. Из-за того, что так мало знали о том Меркурии, который действительно сопровождал Осириса в его походе, и возникли ложные суждения многих авторов об Анубисе. Поэтому строить догадки и предположения, основанные на их свидетельствах, нельзя.

Отец Кирхер² как раз один из тех, кто несправедливо, хотя и с присущей ему решительностью отождествляет Меркурия Трисмегиста с Анубисом, ошибочно считая, что египтяне изображали его в облике Анубиса. *«Unde posteri virum tam admirandâ scientiâ praeeditum inter Deos relatum divinis honoribus coluerunt, eum Anubin vocantes, hoc est, canem, ab admirabilem huius in rebus, quâ investigandis, quâ investigandis sagacitatem»*. Его наверняка ввело в заблуждение объяснение египетских иероглифов, сделанное Гореполлоном, заявляющим, что собака была символом министра, советника, государственного секретаря, пророка, ученого и т.д. Плутарх, возможно, тоже способствовал заблуждению наших мифологов, т.к. дал этому богу имя *Герм-Анубис*³, что значит Меркурий-Анубис. От ошибки их мог бы избавить Апулей, если бы они вчитались в то, что он о нем пишет:

Вот наводняющий ужас посредник между небесным и подземным миром, то с темным, то с сияющим ликом, высоко возносящий собачью морду Анубис, в левой руке держа кадуцей, правой потрясая зеленой пальмовой ветвью⁴.

Один из древних, сведения о котором донесли до нас Буассар, отец Кирхер, а также и Дом де Монфокон в своей «Описании древности» (т. II, р. II, с. 314...), и которого, если судить по надписи сделанной одним главным жрецом, звали Изисом, ясно показывает, что именно подразумевали египтяне под Анубисом. Этот Изис посвящает этот иероглиф *богам братьям*, θεοί ἀδελφοί, и говорит, что эти боги, т.е. Серапис или Осирис, Апис и Анубис — представляют собой син-

¹ Mythol. T. I, с. 496.

² Obelisc. Pamph. p. 292.

³ См.: Об Исиде и Осирисе, 12 и комментарии. — *Прим. ред.*

⁴ Метаморфозы, XII, 11. — *Прим. ред.*

хронных богов Египта или сидят в Египте на одном троне. Этой подписью Иззиас показал, что он знал о природе этих богов и об их родословной больше, чем многие древние греческие и латинские авторы, а также наши нынешние мифологи. Наличие братских уз между этими тремя богами подрывает основу всех их объяснений. Они опровергают и Плутарха, полагавшего, что Анубис есть сын Нефтиды, родившей его, как он пишет, до наступления срока, от страха, внушенного ей ее мужем Тифоном, и что именно он, хотя и был тогда совсем еще юн, первым принес тетке своей Исиде весть о смерти Осириса. Наличие между ними братских уз не согласуется и с Диодором, утверждающим, что Анубис — сын Осириса. Однако, если бы наши мифологи глубже проникли в мысль Иззиаса, они вскоре увидели бы, что противоречия эти лишь видимые, и что все эти три автора пишут об одном и том же, хотя и по-разному. Диодор и Плутарх пересказывают египетские предания в том виде, в котором сами узнали их, не поняв, что они означают; Иззиас же знал о скрытых в них тайнах. Ниже мы убедимся в этом.

В Египте было два Меркурия: один, прозванный Трисмегистом, — изобретатель иероглифов египетских богов, т.е. богов, сотворенных людьми и бывших предметом священнического Искусства. Второй Меркурий, звавшийся Анубисом, был одним из тех богов, ради которых и изобретались эти иероглифы. Оба эти Меркурия были назначены в советники Исиде: Трисмегист для внешнего правления, а Анубис для внутреннего. Но как же такое могло быть, — скажут нам, — ведь Диодор пишет, что Анубис сопровождал в походе Осириса? Мы сейчас укажем, как увязать эти противоречия, и увидим также, что Анубис — это сын и, к тому же, брат Осириса.

Мы говорили уже, что Осирис и Исида были символами материи герметического Искусства; что один из них представлял огонь Природы, огненное и заставляющее начало, мужа и активную силу. Второй или Исида означал влажное начало, землю или матрицу и средоточие этого огня, пассивное начало или жену; а оба они образовывали единое целое, состоящее из двух этих субстанций. Осирис был то же, что и Серапис или Амун (Амон, Аммон), изображавшийся головой Овна или с рогами его; т.к. это животное, по мнению авторов цитируемых отцом Кирхером¹, имеет горячую и влажную природу. Исиду изображали с головой Тельца, потому что ее принимали за Луну, чей полумесяц виделся, как рога этого животного, к тому же, оно большое, тяжелое и земное. В «Античности» Буассара Анубис находится между Сераписом и Аписом, — и этим показано, что он состоит из них обоих или же происходит от них. Таким образом, он сын Осириса и Исиды, и вот как это получается. Означенная материя священнического Искусства, помещенная в сосуд, растворяется в меркуриальную воду, а вода эта образует философский Меркурий или Анубиса. Плутарх пишет, что, хотя он и был совсем юный, именно Анубис первым сообщил Исиде о смерти Осириса, т.к. сей Меркурий появляется лишь после растворения и разложения, обозначаемые смертью сего фараона. А поскольку Тифон и Нефтида — это начала разрушения и причины этого растворения, то нам говорят, что Анубис сын этого чудовища и его жены. Таков Анубис — в действительности сын Осириса и Исиды, рожденный ими. Тифон и Нефтида тоже его отец и мать, но только как случайная причина. Так считает и Раймунд Луллий².

¹ Kircher. Obel. Pamph., p. 295.

² Vade mecum.

У моего сына, нашего ребенка, два отца и две матери. Эта вода зовется водой мудрости, т.к. она вся из золота и серебра, и в ней пребывает дух квинтэссенции, совершающий все, а без нее сделать ничего нельзя.

Этот огонь, эта земля и эта вода, находящиеся в этой же самой материи делания, являющиеся братьями, как являются братьями элементы. Потому Изиаас называет их θεοὶ ἀδελφοί. Он говорит также, что они представляют собой синхронных богов Египта, или одинаково чтимые египтянами боги, делящие один трон и одни почести, чтобы дать нам понять, что трое образуют одно, что означают они одно и то же, хотя и носят разные имена. Такое единство или три эти начала, объединяющиеся, чтобы создать одно целое, явственно обозначено треугольником на памятнике.

Поняв, что же такое этот Анубис, легко догадаться, как он мог сопровождать Осириса в его путешествии, ибо философский Меркурий все время находится в сосуде, проходит через черноту, или Эфиопию, через белизну и т.д., а остальное мы видели в легенде об Осирисе. Что же до собачьей головы, которую присваивают Анубису, то мы видели, что у египтян собака была символом государственного министра, и это прекрасно подходит к Меркурию Философов, т.к. именно он руководит всей внутренней частью делания. О том, что он — Меркурий, говорит только кадуцей. А временами черное и временами золотое лицо, описываемое Апулеем, разве оно не указывает ясно на цвета делания? Из труда Раймунда Луллия видно, что Осирис, Исида и Анубис или Серапис, Апис и Анубис содержатся в одном и том же предмете, ибо Осирис есть символ Солнца, а Исида — символ Луны. Они находятся в меркуриальной воде, т.к. Философы называют Солнцем или золотом их серу, доведенную до красноты, а Луной или серебром — их материю, зафиксированную в белизне. Крокодил, земноводное животное, на котором Изиаас изобразил стоящего Анубиса, означает, что Меркурий или бог Анубис состоит или рождается из земли и воды, а чтобы не ошибиться в этом, рядом стоят кувшин и чаша, т.е. сосуды, в которые помещают воду или другие жидкости. Тюк, не объясненный отцом Кирхером, который де Монфокон принимает за *обязанную подушку*, признаваясь при этом, что он не знает, зачем она, означает торговлю, ведущуюся при помощи золота, а шар в правой руке Анубиса является ее символом. В египетских иероглифах шар присутствует часто, т.к. предметом их было Искусство священнодействия. Когда рядом с шаром крест, это означает, что золото состоит из четырех так сильно соединенных меж собой элементов, что они ничуть не разрушают друг друга. Когда шар снабжен крыльями, это значит, что нужно сделать золото летучим, чтобы придать ему трансмутационные свойства. Если шар обвит змеей или если змея опирается на него, это знак гниения, через которое оно должно пройти перед тем, как стать летучим. Иногда он изображается с крыльями и с прицепившейся снизу змеей¹, и тогда он означает гниение и улетучивание как его следствие. Нужно только иметь в виду, что мы говорим о золоте Философов или Герметическом Солнце. Это замечание мне кажется уместным из опасения, что какой-нибудь суфлер воспользуется этим и станет пытаться получить обычное золото при помощи крепких водок или других подобных растворителей и вообразит, что достиг цели, когда ему удастся поместить их вместе в сосуд.

¹ Kirch. Obel. Pamph., p. 399.

ГЛАВА IX Канопа

Мифологи приводят массу догадок физического, астрономического и морального свойства о Канопах; среди них попадаются и довольно изощренные, но и даже они ясности нам не прибавят. Каждый поворачивает аллегорию той стороной, которая больше всего поразила его воображение, но ни один не достиг цели, которую ставили себе египтяне, изобретя и изображая бога Канопу. Если бы они последовали моей системе, им не пришлось бы столь сильно терзать свой разум, чтобы разгадать, что может означать этот бог-урна. Покажите Герметическому Философу Канопу, и он не колеблясь скажет, что это, даже если никогда не слышал о египетском Канопе, ни о покрывающих его иероглифах, потому что он узнает в нем символическое изображение всего, что необходимо для делания Мудрых. И действительно, этот бог всегда изображается на египетских памятниках в виде сосуда с мужской или женской головой сверху, причем волосы у них всегда охвачены лентой, подобно тому, как закупоривают бутылку, чтобы не дать жидкости испариться. Неужели нужно быть Эдипом, чтобы распознать вещь, саму говорящую за себя? Канопа — это ничто иное, как изображение сосуда, в который помещают материю Искусства священнодействия. Горлышко сосуда обозначается человеческой шеей; голова и волосы показывают, как его нужно закупорить, а иероглифы на поверхности указывают на вещи, содержащиеся в этом сосуде, а также на различные изменения формы, цвета и состояния материи. «Сосуд искусства, — говорит д'Эспанье¹, — должен быть круглой или овальной формы, с горлышком высотой с пальму или еще выше и узким отверстием. Философы сделали из него тайну и снабдили разными именами. Они называли его кукурбит или слепой сосуд, т.к. глаз ему закрывают герметической печатью, дабы ничто в него не попало, и чтобы духи не испарялись из него».

Мифологи неправильно рассудили, что бог Канопа был только иероглифом водной стихии. Предметы, имеющие маленькие отверстия или сосцы, по которым вытекает вода, были сделаны наподобие каноп не просто для того, чтобы изобразить водную стихию, а чтобы показать, что меркуриальная вода Философов, содержащаяся в канопах, — это влажное и оплодотворяющее начало Природы. Именно эту воду имели в виду, когда говорили Плутарху, что Канопа был лоцманом судна Осириса; т.к. меркуриальная вода ведет и правит всем, что происходит внутри сосуда. Укус змеи, напавшей на Канопу, указывает на гниение меркурия, а следующая за ним смерть указывает на закрепление этой летучей субстанции. Все это прекрасно показано иероглифами Каноп. А поскольку я их уже немало объяснял в предыдущих главах, то читатель может обратиться к ним. Что же касается животных, то о них мы еще поговорим.

В одном из устьев Нила находился город Каноп, в котором у этого бога был великолепный храм. Св. Климент Александрийский, Строматы, I, 6 говорит, что

¹ Can. 113.

в этом городе была самая знаменитая во всем Египте академия наук; что в ней изучали всю египетскую теологию, иероглифические знаки, посвящали жрецов в священные тайны. И не было другого места, в котором их объясняли бы с большим тщанием и точностью; и потому сюда столь часто приезжали греки. Разумеется, когда рассказывали о боге Канопе, то приходилось при этом разъяснять все тайны, укрытые тенью иероглифов, которыми было испещрено тело сего бога. В других же городах, где поклонялись Осирису, Исиде и пр., рассказывали историю самого только бога, который там особенно почитался.

Вот главные боги Египта, по которым можно понять и всех остальных. Геродот называет также Пана как старейшего из всех богов этой страны и сообщает, что на египетском языке его звали *Мендес*. Диодор уверяет нас, что его так сильно там почитали, что статуи его были установлены во всех храмах, и что он был среди тех, кто сопровождал Осириса в его индийском походе. Но поскольку этот бог означает ничто иное, как начало зачатия всего, то часто его путают с Осирисом, и говорить об этом больше нечего. В третьем разделе мы скажем несколько слов о Сераписе. Культовые почести отдавались также Сатурну, Вулкану, Юпитеру, Меркурию, Геркулесу и др. На этом мы остановимся ниже, когда коснемся греческой мифологии.

Раздел второй

Фараоны и памятники Египта

История не сообщает нам о первых фараонах Египта ничего более точно, чем о правителях Греции и других государств. По словам Диодора, египетский трон не был наследственным. Египтяне избирали фараонами самых достойных людей, добившихся признания либо благодаря изобретению каких-либо полезных ремесел, либо благодаря оказанным народу благодеяниям. Если верить арабам, то первым фараоном был *Ганух*, он же *Генок*, сын *Яреда*, звавшийся также *Идрис* или *Идарис*, о котором отец Кирхер говорит, что он — одно лицо с Осирисом, ссылаясь на писания Абенефи и некоторых других арабов. Мы, однако, не будем ради забавы выяснять, правду ли говорят эти арабы и Манефон I из Сибеннита о времени, предшествовавшем потопу, а просто будем отталкиваться от этой замечательной эпохи. Многие авторы уверены даже, что Манефон, будучи египетским жрецом, создавал свои династии и писал о многом другом, основываясь на легендах, сочиненных и разошедшихся задолго до него. Такое мнение тем более справедливо, что легенды эти содержали историю мнимого наследования трона в стране, историю, о которой жрецы хранили тайну, и раскрывать ее, им было запрещено под страхом смерти. Будучи жрецом, Манефон обязан был писать соответственно тому, что рассказывалось народу. Однако данная им клятва хранить тайну не обязывала его искажать то, что было подлинного в истории, и он, по крайней мере, частично донес это до нас.

Обсуждение порядка наследования трона египетских фараонов может увести нас в такие дебри, которые совсем не отвечают цели настоящего сочинения. Оставим это занятие для тех, кто хочет исследовать историю этой страны. Нам же для достижения нашей цели достаточно вспомнить фараонов, о которых пишут, что они оставили после себя памятники, доказывающие, что священническое или герметическое Искусство было известно и практиковалось в Египте.

Первым после Великого потопа там правил Хам, сын Ноя, которого, по словам Абенефи, звали Зороастр и Осирис, т.е. *огонь, распространенный во всей Природе*. Хаму наследовал Мицраим. Александрийский папирус дает ему прозвище Зороастр, а Опмект называет его Осирисом. Хам и Мицраим или Мисраим предстают в описаниях как фараоны-идолопоклонники, святотатцы, предающиеся всяческим порокам и разврату, что не соответствует Осирису, заботившемуся лишь о том, чтобы возродить подлинный культ Бога, добиться расцвета религии и искусств, осчастливить народы под мудрым, благоразумным и уважительным руководством несравненного Гермеса Трисмегиста. Уже одно это различие должно было бы разуверить тех, кто утверждает, что Хам, или его сын Мицраим, был тем же лицом, что Осирис. Естественнее думать, что мнимый Зороастр или Осирис, означающий «Скрытый огонь» или «огонь, распространенный во всем Универсуме», никогда не имел никакого государства кроме Приро-

ды, чем рассматривать это имя как прозвище человека, пусть даже и фараона, т.к. оно не соответствовало бы даже и всему собранному огню человечества.

В Александрийском папирусе пишется, что после Мицраима престол занял Меркурий, правивший 35 лет; что в Египет он прибыл из Италии и занимался там философией в золототканых одеждах, обучая людей бесчисленным наукам¹. Мы узнаем из летописи, что египтяне объявили его Богом и называли *Золотым богом* по причине великих богатств, которые он им помогал обрести. Плутарх² говорит, что Меркурий правил 38 лет. Если следовать Диодору, то, несомненно, именно этот Меркурий и был дан в советчики Исиде.

Но если все было так, то куда поместить правление богов? Если Вулкан, Солнце, Юпитер, Сатурн и т.д. были фараонами Египта и каждый правил не меньше тысячи двухсот лет, как мы уже говорили, то, возможно ли все это увязать, даже если нам скажут, что эти имена богов были лишь прозвища, данным настоящим фараонам? Вся эта история становится еще менее правдоподобной, если следовать Александрийской хронике, согласно которой Меркурию наследовал Вулкан, а Вулкану Солнце. После Солнца хроника ставит Сосина или Сорхина, или Сохина. После Сосина является Осирис, затем Гор, потом Тулен, который может быть тем, кого Евсевий называет Туоисом, а Геродот — Тонисом. Весь порядок этого мнимого наследования нарушается Диодором, и возникшая из-за этого путаница образует лабиринт сложностей, из которого невозможно выбраться. Но поскольку нужно все же на что-то опираться, то вслед за Геродотом и Диодором мы скажем, что первым фараоном, правившим в Египте после богов, был некто Менас или Менес, научивший народ культу богов и необходимым для этого обрядам. Вот так и началось в Египте правление людей, длившееся, согласно некоторым, до сто восьмидесятой Олимпиады, т.е. до времени, когда в Египте побывал Диодор и когда там правил Птолемей IX по прозвищу Бахус.

Менас написал египтянам законы, издававшиеся им, как он говорил, по указанию Меркурия в качестве начала и залога их благоденствия. Видно, что Меркурий присутствует всюду — то во время господства богов, правивших, как утверждается около восьми тысяч лет, то во время господства людей, начавшегося с Менаса. Из этого следует заключить, вопреки мнению отца Кирхера³, что этот Менас не может быть одним лицом с Митрой и Осирисом, поскольку последний был отцом Гора. Однако последуем за Диодором. Династия Менаса дала 52 фараона за 1040 лет. После этого фараоном был избран Бусирис, а за ним правили восемь его потомков. Последний из них, тоже Бусирис, построил город Фивы или город Солнца, имевший сто сорок стадий в окружности. Страбон пишет, что город имел восемьдесят стадий в длину. У него было сто ворот, и через каждые из них проходили по двести человек вместе с повозками и

¹ Convasato ingenti auri pondere Italiâ excessit, atque in Aegyptum se contulit ad stirpem à Chamo Noëmi filio patrono suo oriundam, à quâ perhonorificè exceptus est, qui dum tibi ageret, prae se contemplit omnes, aureumque amiculum industus philosophabatur apud Aegyptios, multa mirabiliadocens eos, & multa eit praedicebat eventura, naturâ enim erat ingeniosus. Aegyptii ergo eum Mercurium Deum proclamârunt, ut qui futura praenunciaret, illisque à Deo oracula & responsa de futuris, veluti internuacius referret, aurumque subministraret, quem opum largitorem appelabant, aureumque Deum vocabant.

² Об Исиде и Осирисе. [Неточность автора. У Плутарха говорится, что Осирис не то жил, не то правил 28 лет. См.: Об Исиде и Осирисе, 42. — *Прим. ред.*]

³ Oedip. V. I, p. 93.

лошадьми¹. Все здания в городе были великолепные и отличались такой роскошью, которую трудно было даже вообразить. Правившие после Бусириса фараоны прославляли себя тем, что продолжали украшать этот город храмами, огромных размеров статуями из золота, серебра и слоновой кости. Они возводили в нем монолитные обелиски и превратили его в лучший среди всех других городов мира. Так говорит о нем Диодор Сицилийский, и не противоречит в этом Страбону.

Этот город, ставший знаменитым во всем мире и о котором греки, знавшие о нем только понаслышке, могли говорить лишь приблизительно, что он построен в честь Ора или Аполлона он же Солнце, как последнего из богов, правивших в Египте, но не в честь носящей это имя звезды, как свидетельствуют его памятники. И разве столь богатый город на золото и серебро, доставленных в Египет Меркурием, который, как мы говорили, ссылаясь на других авторов, научил египтян делать их, разве этот город не является убедительным доказательством того, что египтяне знали Философию или герметическое Искусство? В этом городе, — продолжает Диодор, — было сорок семь усыпальниц фараонов, семнадцать из которых стояли еще во времена Птолемея Лага. После пожаров, случившихся при Камбизе, золото и серебро города были вывезены им в Персию, а всего там было найдено 300 талантов золота и 2300 талантов серебра.

Основатель города — Бусирис был сыном фараона и, следовательно, Философом, знавшим священническое Искусство; он был даже жрецом Вулкана. Чужеземцам въезд в город был запрещен, и это стало, несомненно, одной из причин, побудившей греков столь громко обвинять Бусириса — того самого, который упоминается в легенде о подвигах Геракла. На что только не способны зависть и ревность? Грекам оставалось лишь завидовать на богатства, на которые самим им рассчитывать можно было только в далеком будущем.

Одних обелисков было бы достаточно, чтобы доказать, что возводившие их были прекрасно знакомы с герметическим Искусством. Испещренные иероглифами, огромные расходы, которые необходимо было нести, и сам материал их, а скорее тот факт, что для них выбрали именно камень, — во всем этом проявляется эта наука. Не буду даже приводить в качестве доказательства слова Кирхера² о том, что первым изобретателем обелисков был один из сыновей Осириса — *Месраму-тисис*, строивший себе дворец в Гелиополе и соорудивший первый обелиск, т.к. он был обучен науке Гермеса и постоянно общался со жрецами. Скажу лишь вслед за этим автором³, что, стремясь спрятать загадки в обелисках, изобретатели иероглифических знаков выбрали даже и материал, подходящий для этих тайн.

«Камнем для обелисков, — пишет этот же автор⁴, — служил определенного сорта мрамор, различные цвета которого, казалось, были собраны капля по кап-

¹ Даже хоть все, что приносят в Орхомен или Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают...

Илиада, IX, 381.

² Obelisc. Pamph., p. 48.

³ Ne quicquam mysteriorum tam arcanae Obeliscorum machinationi deesset, materiam lapidis, primi illi hieroglyphicae literaturae inventores elegerunt, mysteriis quae continebant congruam. *Ibid.*, p. 49.

⁴ Loc. cit.

ле; твердость его не уступала порфиру, который греки именуют *πυροπόικλον*, латиняне — *фивским камнем*», а итальянцы — *розовым гранитом*. Карьер, откуда добывали этот камень, находился неподалеку от знаменитого города Фивы, где раньше жили фараоны Египта — близ гор, возвышавшихся над Эфиопией и истоками Нила по направлению к югу. Нет ни одного вида мрамора, который не добывался бы в Египте, и я не пойму, почему *иеромисты* выбирали для обелисков именно этот, а не какой-то другой. Здесь наверняка была скрыта какая-нибудь тайна, и касалась она, несомненно, тайн Природы». Могут сказать, что этот мрамор предпочитали другим по причине его крепости и твердости, способности противостоять времени. Однако, столь распространенный в этой стране, порфир был так же крепок, а, значит, и так же стоек. И почему, скажем, не были так щепетильны при возведении других памятников — лишь только обелисков, и где использовали другие виды мрамора? Можно сказать, — добавляет цитируемый автор, — что, поскольку обелиски возводились в честь бога Солнца, то для их изготовления выбирали такой материал, который обладал некоторыми качествами этого божества или который имел бы с ним определенное сходство.

Отец Кирхер справедливо подозревал наличие тайны в том, что преимущество отдавалось именно этому мрамору, имевшему четыре постоянных цвета. Он столкнулся даже с немалым их числом, когда говорит, что все это было связано с определенным сходством с Солнцем; он вполне мог бы утверждать и это, если бы в своих пояснениях следовал нашей системе. Ибо он бы ясно увидел, что цвета этого мрамора те же, которые принимает материя в операциях великого делания для получения философского Солнца, в честь которого и на память всем возводились обелиски. Об этом можно судить по следующему описанию, взятому у того же автора¹: «Природа смешала четыре материала, образовавших этот египетский пирит; главный, образующий как бы его основание и дно, ярко-красного цвета, и в него словно инкрустированы кусочки хрусталя, а остальные — это аметисты — одни пепельные, другие синие, третьи черные, разбросанные по всему телу камня. Египтяне, видевшие эту смесь, сочли этот материал наиболее пригодным для изображения своих тайн». Любой Герметический Философ высказался бы так же, как и отец Кирхер, но мыслил он бы совсем другое. Известно, и мы это часто повторяли, что тремя основными цветами делания являются черный, белый и красный. Разве не такие же цвета у этого мрамора? Разве пепельный цвет это не тот, который Философы называют Юпитером — средним между черным, именуемым Сатурном, и белым по имени Луна или Диана? А обладающий в этом мраморе красный цвет — разве он не указывает ясно на тот, который в книгах герметических Философов сравнивается с цветом полевых маков и является совершенством Солнца или Аполлона мудрых? Синий цвет — это не тот ли, что предшествует черноте в делании, о которой Фламель² и Филалет³ пишут, что это признак того, что гниение еще несовершенно. Мы остановимся на этом подробнее в IV разделе, посвященном Церере, когда речь пойдет о Кианейском озере, через которое бежал Плутон с похищенной им Прозерпиной.

Итак, мы раскрыли всю тайну. И вот причина, по которой египтяне отдавали предпочтение этому мрамору при возведении обелисков. Как видим, на это бы-

¹ Ibid. c.50.

² Объясн. иероглифических знаков.

³ Enarrat. Method. 3. Gebri Medic.

ли основания, т.к. возводились они в честь Гора или Солнца Философов, а на грани их наносились иероглифы, в которых были сокрыты и материя, из которой делался Гор, и необходимые для этого операции. Я не утверждаю, однако, что это была единственная цель сооружения обелисков и пирамид. Мы ведь знаем, что при помощи иероглифов в них была запечатлена вся Философия Природы, что Пифагор, Сократ, Платон и большинство других греческих Философов почерпнули свои знания из этого скрытого от всех источника, проникнуть куда было невозможно, если только египетские жрецы не освещали путь к нему светочами своей учености. Но нам также известно, как утверждали Философы¹, знание великого делания дает познание всей Природы, и что все операции и приемы в ней видны, как в зеркале.

С мнением Диодора о первом фараоне Египта, начавшим строить обелиски, не согласен Плиний², приписывающий их изобретение Митресу или Митрасу: *«Trabes ex os feckre Reges, quodam certamine Obeliscos vocantes Solis Numini sacratos; radorum ejus argumentum in effigie est, & ita significat in nomine Aegyptio. Primas omnium id instituit Mitres, qui id urbe Solis (Heliopole seu Thebis intellige) primus regnabat, somnio iussus, & hoc ipsum scriptum in eo»*. Расхождение это связано без сомнения с тем, что Митрес (или Митрас) означал Солнце, а Менас — Луну. Очень даже похоже, что Митрас и Менас были идентичны Осирису и Исиде; не потому, что они возводили обелиски — они ведь никогда не существовали как люди, — а потому что обелиски возводили в их честь. Их действительное существование не больше доказывают и те, кто говорит, что они построили Мемфис³ или какой-нибудь другой город Египта; поскольку Вулкан, Нептун и Аполлон не менее мифические герои, якобы основавшие Трою, как мы это стараемся доказать далее в нашем труде, в частности, в книге IV.

Не вдаваясь подробно в хронологию правления египетских фараонов, ибо это не входит в наши планы, мы коснемся некоторых из тех, которые оставили особенные памятники Герметического делания, а чтобы избежать споров, последуем в этом за Диодором Сицилийским.

Со слов Диодора и Гекатея, удивительные вещи оставил в Фивах Симандий, превзойдя своими делами предшественников. Он соорудил памятник, замечательный своими размерами и искусной отделкой. Величина его равнялась десяти стадиям; входные ворота имели два арпана в длину и сорок пять локтей в высоту. На монументе высечена была следующая надпись:

Я — Симандий, владыка владык.
Желающий знать, кем я был и где я,
пусть взглянет на мои деяния.

Опустим описание этого великолепного памятника, — его можно найти у приведенных авторов; скажу лишь вслед за ними, что среди картин и скульптур, помещенных на одной из сторон этого знаменитого перистилия, был изображен Симандий, приносящий в дар богам золото и серебро, изготовлявшихся им каждый год. Там была указана и стоимость этих даров, равнявшаяся по Диодору 131200000000 мин.

¹ Cosmopol. Novum lunem chemic. Д'Эспанье, Раймунд Луллий.

² L. 36. С. 8.

³ Геродот. История, II.

Рядом с памятником виднелась сакральная библиотека, на воротах которой было начертано: «Лекарство для ума». Позади находился красивый дом с 20 подушками или маленькими ложами для Юпитера и Юноны, статуей фараона и его гробницей. Вокруг располагались различные помещения, украшенные живописными изображениями почитаемых в Египте животных, причем все они как бы направлялись в сторону гробницы. Этот памятник был опоясан кольцом из массивного золота в один локоть толщиной и 365 по окружности. Каждый локоть представлял собой золотой куб с делениями. На каждом делении были указаны дни, годы, время восхода и захода звезд, и все, что означало это согласно астрологическим наблюдениям египтян. Кольцо, как говорят, было снято во времена правления в Египте Камбиза и персов.

Рассказанное выше о великолепии Симандия достаточно ясно показывает, принимая во внимание как материал, из которого все это было сделано, так и приданную этим предметам форму, почему и с какой целью все это было сделано именно так. Как бы ни трактовали это историки, вряд ли они смогут предположить, что Симандий смог получить то ли из рудников, то ли путем налогов столь большое количество золота. И даже, если предположить такое, то разве мог бы Симандий особо гордиться этим и представлять это делом рук своих? Будь у других фараонов такие же доходы, могли бы они также кичиться этим, как он? Безумием было бы высечь на его гробнице, что он получил эти богатства только произволом, и было бы нелепо указывать размеры богатства, извлекаемых им ежегодно из недр. Такая сумма в действительности кажется невероятной; однако, она не кажется таковой тем, кто знает, во что можно трансмутировать унцию порошка с умноженным до бесконечности качеством.

Надпись, помещенная над входом в библиотеку, сообщает, как полезно чтение; однако создается впечатление, что она сделана лишь для того, чтобы указать на скрытое там сокровище, т.е. книги, названные египтянами *священными*, или те, в которых в виде аллегорий и иероглифов содержалась вся Философия Герметизма или искусство златоделания и приготовления лекарства от всех болезней; итак, обладание этим искусством устраняет источник всех болезней духа, тщеславие, скупость и прочие терзающие его страсти. Так как это была наука мудрости, то можно сказать вслед за Саломоном¹, что золото ничтожный песок по сравнению с мудростью, а серебро — грязь. Приобретение мудрости лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота... и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею. Долгоденствие в правой руке ее², а в левой у нее — богатства и слава. Пути ее — пути приятные, и все стези ее мирные; совершаются они не наскоро и не в спешке, но с терпением и усердием, долгим трудом. Она — древо жизни которые приобретают ее, и которые сохраняют ее.

Известно общее объяснение этих слов о мудрости и набожности. Но хотя мы и владеем всем, когда несем в себе Иисуса Христа, и хоть мы строго соблюдаем закон его, опыт всех времен говорит нам, что здоровье, долголетие, слава и богатства не были достоянием всех святых. Почему бы было Саломону и не сказать так о Герметической мудрости, раз уж все к ней так хорошо подходит и составляет, собственно, ее определение?

¹ Прем. 7, 9.

² Притч. 3, 14–18.

Восьмым фараоном Египта после Симандия или Смендеса, звавшегося еще и Осимандриасом, был Ухоренс, если верить Диодору, на которого мы решили ссылаться. Он основал Мемфис, расширил его до ста пятидесяти стадий в окружности и сделал красивейшим городом Египта, который избрали местом своего пребывания правившие после него фараоны. Двенадцатый из династии, Мирис, пристроил к храму в Мемфисе северный придел, великолепие которого не уступало тому, что построили его предшественники. Он также вырыл озеро Мерис окружностью три тысячи шестьсот стадий и глубиной пятьдесят сажений, чтобы в него стекали воды Нила, когда он становится слишком полноводным, с тем чтобы их можно было направлять на близлежащие поля, когда в крае их не хватало. При каждом выпускании или наполнении водой нужно было платить пятьдесят талантов. Посредине этого озера Мирис возвел мавзолей из двух пирамид высотой в стадию, — одну для себя, а другую для своей супруги, на одеяния для которой он выделил весь сбор от податей за выловленную в озере рыбу. На каждой пирамиде сооружена была восседающая на троне каменная статуя великолепной работы.

Затем на трон взшел Сесострид, превзошедший всех правивших раньше славой и роскошью. После его рождения отцу его привиделся во сне Вулкан, возвестивший, что сын его Сесострид будет править всей вселенной. Потому отец воспитывал его в обществе с другими детьми его возраста, заставлял его выполнять вместе с ними трудные упражнения, не желая давать ему никакого другого воспитания, как такого, чтобы от общения они сблизились, так и такого, чтобы закалить его трудом. Чтобы заручиться всеобщей любовью, он расточал благодеяния, дарил подарки, вел себя мягко и даже оставлял без наказания тех, кто его обижал. Убедившись в должном к нему отношении военачальников и солдат, он предпринял тот большой поход, память о котором сохранили для нас историки. По возвращении в Египет он выстроил множество дорогих и красивых памятников, чтобы увековечить свое имя. Начал он с возведения в каждом городе своих владений великолепного храма в честь бога, которому там поклонялись. А в каждом храме была сделана надпись, уведомлявшая потомков, что все храмы были построены за его счет, без каких-либо поборов с народа. Он нагромоздил холмы в виде гор, построил на этих возвышенностях города, и населил их жителями, приведенными с нижних городов, слишком подвергавшихся опасности быть затопленными, когда Нил выходит из берегов. По его приказанию прорыли множество соединительных каналов, как для облегчения торговли, так и чтобы преградить врагам путь в Египет.

Он построил из кедрового дерева корабль длиной 280 локтей, крытый золотом снаружи и серебром изнутри, и принес его в жертву богу, которого особо почитали в Фивах. В храме Вулкана в Мемфисе он установил статуи этого бога и его супруги, высеченные из цельного камня, высотой в тридцать локтей, а также статуи его детей в двадцать локтей высотой. Он снискал такую славу, и память его так сильно чтили, что когда несколькими веками позже Дарий, отец Ксеркса решил установить свою статую перед статуей Сесострида в мемфисском храме, главный жрец воспротивился этому, указав ему, что он не совершил еще столько и таких великих вещей, как Сесострид. Дарий не рассердился на главного жреца, а ответил ему, что приложит все усилия, дабы достичь того же, а если небо сохранит ему жизнь, он постарается ни в чем не уступить ему.

Сесострид умер после тридцати трех лет правления, а наследовавший ему сын ничем столь же великолепным не отличился, если не считать двух обелисков, изготовленных каждый из цельного камня высотой сто локтей и шириной восемь, возведенных в честь бога — покровителя Гелиополя, т.е. Солнца или Гора. Геродот именует этого сына Сесострида *Фероном* и говорит, что после него на престол взошел Протей, тогда как Диодор считает, что между ними правили и другие, и не называет никого вплоть до Амасиса, которому наследовал Актизан Эфиопский, а после Менидес, которого некоторые именуют Марусом. Это он построил тот знаменитый лабиринт, который так очаровал Дедала, что затем он соорудил такой же на Крите при Миносе. Этот лабиринт во времена Диодора уже не существовал, тогда как египетский был еще цел.

После Менидеса правил Цетес, которого греки звали *Протеем*, бывший умельцем во всех искусствах. Именно этот греческий Протей принимал облик всяческих образов, обращаясь то львом, то быком, драконом, деревом, огнем. В последующих главах мы объясним, почему это происходило.

Девятым после Протея на трон в Египте сел Хеопс, который правил 50 лет и построил самую большую из трех пирамид, относимых к числу чудес света. Ее основание занимает сторону в семь арпанов, высота равна шести арпанам, а ширина каждой из четырех ее сторон, сужающаяся по высоте, равняется шестидесяти пяти локтям. Все сооружение выполнено из чрезвычайно крепкого камня, плохо поддающегося обработке. При виде этого изумительного творения трудно прийти в себя от удивления. Некоторые утверждают, — продолжает Диодор, — что это огромное сооружение было построено больше трех тысяч лет тому назад, и, тем не менее, оно все еще сохраняется в целости. Пирамиды эти тем более удивительны, что они находятся на песчаной местности, вдалеке от каких-либо карьеров, а каждый камень самой большой из пирамид имел не меньше тридцати футов длины по лицевой стороне, как сообщает Геродот. Согласно местному преданию, камни эти доставили с Аравийских гор. Из надписи, высеченной на этой пирамиде, можно было узнать, что на лук, чеснок и репу, выдававшиеся рабочим, занятым на ее возведении, было истрачено тысяча шестьсот талантов серебра, и там, в течение двадцати лет работало триста шестьдесят тысяч человек, что на доставку, резку и установку камней пошло двенадцать миллионов талантов золота. Согласно Аммиану Марцелину, не меньше было израсходовано на лабиринт. Сколько же было потрачено, — вопрошает Геродот, — на железо, одежду рабочих и другие нужные вещи?¹ Правившие после Хеопса Хефрен и Микерин также построили величественные пирамиды соответственно их возможностям, но такие огромные суммы. Затем правил Бокхорус, после него Сабахус, отрекшийся впоследствии от престола и удалившийся в Эфиопию. После этого Египтом правили в течение пятнадцати лет двенадцать старейшин, а по истечении этого срока избрали фараоном одного из них — по имени Псамметих. Он первым привлек в Египет иностранцев и обеспечил им защиту, которой они никогда ранее не пользовались у его предшественников, т.к. те их убивали или обращали в рабство. Жестокость, проявлявшаяся египтянами по отношению к чужеземцам при Бусирисе, дала повод грекам, — говорит Диодор, — обли-

¹ См.: История, II, 125. — Прим. ред.

чать этого фараона в своих мифах, хотя все, что они сообщают о нем, противоречит правде.

После смерти Псамметеха Египтом стала править четвертая династия фараонов — рода Априеса, который во время бунта под предводительством Амасиса был схвачен и задушен. На его место избрали Амасиса, и произошло это в год 3390 от сотворения мира, т.е. в год, когда Пифагор вернулся на свою родину, в Грецию. Во время правления вступившего на престол после Амасиса персидский государь Камбиз в третьем году шестьдесят третьей Олимпиады покорил Египет. На египетском троне побывали эфиопы, персы, македонцы, и среди них было шесть женщин.

Полезно будет немного поразмышлять о том, что мы рассказали со слов Диодора. Великолепные памятники, уничтоженные временем, но еще существовавшие, когда этот автор был в Египте; огромные средства, потребовавшиеся на их сооружение; обычай избирать фараонов из числа жрецов и много других вещей, приходящих на ум, являются убедительным доказательством владения египтянами химико-герметической наукой. Диодор говорит как историк и, конечно же, он не знал о существовании этого священнического Искусства, этой незнакомой ему Химии в этой стране. Он даже не подозревал, что золото можно добывать не только из рудников. То, что он говорил¹, как его добывали из пограничных с Аравией и Эфиопией земель; огромный труд, требовавшийся для этого; большое число работников — позволяет утверждать, что он не знал о добывании золота другим путем. Значит, он не был посвящен в тайны этой страны. Не похоже даже, чтобы у него были какие-нибудь особые связи со жрецами. Он рассказывает лишь о том, что видел или узнал от тех, кто, как и он, не подозревали о наличии в этом чего-либо таинственного. Тем не менее, он иногда признает, что рассказываемое им очень похоже на легенду, однако ему не приходит в голову проникнуть под ее покров. Он говорит, что жрецы нерушимо хранили какую-то тайну, передававшуюся ими от одного другому. Но он относился к людям, считаящим, что видят ясно то, чего они не видят вовсе, к таким, которые думали, будто тайна сия касается только гробницы Осириса и, возможно, так называемых культовых церемоний в честь этого бога, Вулкана и других. Если бы он обратил внимание на особый культ, посвященный Осирису, Исиде, Гору, считавшимися всего лишь людьми, на культ Вулкана, храм которого в Мемфисе считали своим долгом украшать все фараоны, на особые церемонии, характеризовавшие сей культ; если бы он обратил внимание на то, что всех фараонов прозывали *жрецы Вулкана*, в то время как в других странах на Вулкана смотрели как на жалкого бога, согнанного с небес за уродство и приговоренного работать на них... Если бы Диодор поразмыслил над тем упорством, с каким египетские фараоны — до Псамметиха — запрещали въезжать в их страну чужеземцам, то он без труда увидел бы, что на это у них были причины. Учитывая, сколько богатства могли принести Египту чужеземные торговцы, принося их другим странам, со стороны египтян было бы неразумно отказывать им в этом.

Диодор, как и все остальные авторы, убежден, что египтяне были самым мудрым из народов, но эта мысль не могла согласоваться с наполнявшими их культовые отправления нелепостями, если только не предположить, что в них были

¹ Rer. Antiq. I. 3. c.2.

скрыты высочайшие тайны, отвечавшие тем представлениям об их глубокой мудрости. Поскольку ни золото, ни серебро не доставлялись в Египет от торговли, у них, несомненно, был иной способ добывать эти металлы у себя дома. Но если предположить вслед за Диодором, что золото, по крайней мере, добывали из какого-то чернозема и белого мрамора, то можно ли считать, что они добывали его достаточно, чтобы фараоны могли расходовать его в огромных количествах на постройку своих чудес света? Могли ли эти металлы стать настолько обычными, чтобы народ владел ими в таком изобилии, как о том указывается в Писании в истории бегства евреев из Египта? Если бы рудники были столь богаты, разве потребовалось бы столько труда на их разработку? Можно предположить, что Диодор рассказывает об этих рудниках только понаслышке. Эта черная земля, этот белый мрамор, из которых добывали золото, представляются мне лишь черной землей и белым мрамором Герметических Философов, т.е. черным цветом, из которого Гермес и им обученные, умели извлекать герметическое золото. В этом и заключалась тайна священнического Искусства жрецов, из числа которых выбирали фараонов.

Далее Диодор говорит, что египтяне очень давно знали, как делать металлы, научившись этому от первых фараонов страны. Пусть современные металлурги испытают в собственной работе столь хорошо описываемые Диодором способы и скажут, какого успеха они добились. Отец Кирхер чувствовал их неполноценность и неосуществимость, когда, в доказательство того, что Герметическая Философия или искусство златоделания не были известны египтянам, он приводит свидетельство Диодора, чтобы доказать, что они добывали золото из рудников, и в конце концов говорит, что египтяне владели тайной добытия этого металла из всяких других веществ. Следовательно, тайна эта предполагает, что золото находится во всех смешанных. Герметические Философы говорят, правда, что оно в них находится потенциально; вот почему, — утверждают они, — эта их материя находится всюду и во всем. Но о. Кирхер иначе относился к этим утверждениям: и тайна извлечения золота из всех смешанных есть необоснованное предположение. И все же источником всех этих богатств египетских фараонов были Герметическая наука и Искусство священнодействия, столь таинственно скрывавшиеся под покровом их придуманной религии.

Какая другая причина могла бы побудить их изъясняться только иероглифами? Разве должна такая важная вещь, как религия, объясняться знаками, понятными лишь жрецам? В том, что суть религии или скорее ее предмет являются тайной, нет ничего удивительного; всем известно, что разум человеческий слишком ограничен, чтобы ясно понять все, что относится к Богу и его атрибутам, но кто захотел все это делать еще более непонятным, пряча за почти непроницаемыми потемками иероглифов? Гермес и жрецы, желавшие дать народу знание о Боге, могли воспользоваться более подходящими им средствами, что вовсе не соответствовало, и даже противоречило бы доверенной им и нерушимо хранившейся ими тайне. Это означало бы просто использовать средства, которыми нельзя было достичь их цели.

Я знаю, что из некоторых египетских легенд можно было бы составить образец морали, но остальные для этого никак не годились. Значит, имеется большая вероятность того, что они касались не религии, а чего-то другого. Изобрете-

ны многочисленные системы, объясняющие иероглифы и легенды. Г-н Пелюш¹, вторя идеям некоторых, доказывает, что они относились только ко временам года и представляли собой лишь указания народу по возделыванию земли. Но какая связь может быть у всего этого со всеми роскошными памятниками, с огромными богатствами, пирамидами, где, как уверяют нас авторы, почерпнули свою философию греки? Эти мудрецы видели в них, следовательно, то, что создатели иероглифов и не собирались в них вкладывать; скажем, больше, что изобретатели системы г-на Пелюша сами ничего в этом не видели. Разве занятый только земледелием и не торговавший с другими странами народ смог бы найти, ходя за плугом, такие сокровища, позволявшие столь великие расходы? Каким образом г-н Пелюш согласует эту, столь хранимую тайну, со своей системой? Какая тайна может быть в том, чтобы изображать иероглифами то, что затем открыто объясняется всем? Можно ли одновременно скрывать и раскрывать одно и то же? Такие тайны бывают только в комедиях. Нельзя считать правдоподобным то, что окутывали тайной всем известное, но одинаково запрещали под страхом смерти раскрывать эту тайну. Рассмотрим же некоторые из этих иероглифов, и при помощи объяснений, почерпнутых в Герметической Философии, убедимся в иллюзорности представлений г-на Пелюша и многих других.

¹ Hist. du Ciel.

Раздел третий

О почитавшихся в Египте животных и о иероглифических растениях

ГЛАВА I

О быке Аписе

Все пишущие о Египте историки упоминают о священном быке, Диодор (кн. 1, стр. 4) пишет: «К тому, что мы рассказывали о культе животных, мы добавим, с каким вниманием и почитанием относятся египтяне к священному быку, которого они называют *Апис*. Когда этот бык умирает, и его торжественно хоронят, специально назначенные жрецы ищут похожего, и когда такого быка находят, траур народа прекращается. Доверенные жрецы отводят это молодое животное в город Нил и откармливают его в течение сорока дней. После этого его приводят на закрытый корабль, где ему уже подготовлено золотое помещение, и отвозят со всеми приличествующими божеству почестями в Мемфис, в храм Вулкана. В течение всего этого времени быка могут видеть только женщины, причем они предстают перед ним в очень неприличном виде. Видеть его они могут только в это время». Страбон¹ пишет, что бык сей должен быть черный с одной белой отметиной, как полумесяц на лбу или на боку. Так же описывает его и Плиний². В свою очередь Геродот, говоря об Аписе, которого греки зовут Эпафом, указывает, что он должен быть зачат громом, что он должен быть совершенно черный с квадратной отметиной на лбу, со знаком в виде орла на спине, со знаком скарабея на нёбе и раздвоенной щетиной на хвосте³. В описании Аписа с Геродотом согласны Помпоний Мела, а также и Элий. «Греки, — пишет последний, — называют его *Эпаф* и считают, что он происходит от Ио Аргийской — дочери Инаха. Однако египтяне отрицают это и доказывают свою правоту, утверждая, что Эпафус греков появился многими веками позже Аписа. Египтяне считают его великим богом, зачатым коровой при ударе молнии». Быка откармливали четыре года, после чего его с большой торжественностью вели к роднику жрецов, в котором его топили, а затем хоронили в великолепной гробнице.

¹ Géogr. liv. dern.

² Bos ab Aegyptiis numinis vice cultus Apis vocatur, ac candicanti maculâ in dextro latere, ac cornibus lunae crescentis insignibus, nodum sub lingua habet quem cantharum appellant. Hunc Bovem certis vitae annis transactis, mersum in sacerdotum fonte enecant; interim luctu alium quem substituant quaesituri donec inveniant derasis capitibus lugent, inventus deducitur à sacerdotibus Memphim.

L. 8. C. 28.

³ Этот Апис, или Эпаф, должен происходить от коровы, которая после отела уже никогда не сможет иметь другого теленка. По словам египтян, на эту корову с неба нисходит луч света и от него-то она рождает Аписа. А теленок этот, называемый Аписом, имеет вот какие признаки: он черный, на лбу у него белый четырехугольник, на спине изображение орла, на хвосте двойные волосы, а под языком — изображение жука.

Многие авторы пишут о величественных дворцах и о роскошных помещениях, строившихся в Мемфисе для священного быка. Жрецы ухаживали за ним с огромным тщанием, а народ усердно поклонялся ему. Диодор сообщает нам, что в его времена культ быка был еще в силе, и культ этот существовал издревле. Доказательство этому мы находим в истории о золотом тельце, сделанном евреями в пустыне. Бежав из Египта, этот народ унес с собой и привычку к идолопоклонству. Много веков прошло от времени Моисея до Диодора, который, по его собственным словам, жил в эпоху Юлия Цезаря, а Египет посетил при Птолемеях Августе, ок. 55 г. до Рождества Христова.

Во времена посещения Диодором Египта жители этой страны, очевидно, не знали подлинного происхождения культа быка Аписа, т.к. мнения их по этому вопросу расходятся. Одни, — пишет он, — считают, что поклоняются этому быку, потому что душа Осириса после его смерти переселилась в тело животного, а от него переходила к его потомкам. Другие рассказывают, что некий Апис подобрал разбросанные части тела Осириса, убитого Тифоном, сложил их в деревянного быка, покрытого белой шкурой настоящего быка, и поэтому город называли именем Бусириса. Историк этот передает народные предания, но сам же признает¹, что у жрецов было иное, тайное предание, сохранившееся даже в письменной форме. Причины поклонения египтян животным, выводимые Диодором — с их же слов, показались ему настолько сказочными и, действительно, представляются настолько неправдоподобными, что я счел своим долгом обойти их молчанием. Неудивительно, что ни народ, ни Диодор не разглядели истинных причин, т.к. нерушимо хранившие тайну жрецы остерегались раскрывать ее. Именно эти ложные причины и сделали столь нелепым культ животных у египтян.

Считавшиеся во все времена самыми мудрыми, самыми искушенными, самыми изобретательными людьми, источником, откуда греки и другие народы почерпнули свою философию и мудрость, как могли египтяне верить столь очевидным нелепостям? Пифагор, Демокрит, Платон, Сократ конечно же, знали, что в этих нелепостях крылись какие-то тайны, которых народ не знал, но которые были прекрасно известны жрецам. Сам этот культ был до такой степени наивным, что он не пришел бы в голову столь великого человека, как Гермес Тризмегист, бывшего его создателем, если бы у него не было мыслей о будущем, которые он не счел нужным раскрывать никому, кроме жрецов. Полагая, что наставления, дававшиеся народу, чтобы он знал одного только Бога и поклонялся ему, — были достаточны, дабы не дать ему впасть в идолопоклонство. Увы, несмотря на ежедневные поучения об истинной религии и о долженствующих ей обрядах, разве мало народов привносят в нее свои суеверия? Вряд ли, — говорит аббат Банье², — есть в мире религия, свободная от этого недостатка, если смотреть только на традиции народа, часто представляющие собой лишь темные предрассудки.

¹ Multa alia de Api fabulantur, quae longum effret singulatim referre. Omnia verb miranda & fide majora de hujusmodi animalium honore differentes Aegyptii, dubitationem haud parvam quaerentibus causas injecerunt. Sacerdotes secretiora quaedam scripta, ut jam diximus habent. Multi Aegyptiorum tres causas reddunt, quarum prima praesertim, omnino fabulosa est, & antiquorum simplicitate digna.

L. I, rerum Antiq. c. 4.

² Mythol. T. I, p. 512.

Итак, тайна доверенная египетским жрецам, не касалась культа истинного Бога, и с тайной этой был связан культ животных. Устрашенные мыслью о смертной каре, и к тому же, зная об ужасных последствиях раскрытия тайны, жрецы нерушимо хранили ее. Народу не были известны подлинные причины этого придуманного культа животных, а посему люди объясняли его легкомысленными, предположительными и мифическими причинами. Узнать их можно было бы от посвященных, но они хранили молчание. Историки, не относившиеся к числу посвященных, оказались в том же положении, что и Диодор. И сквозь облака мифических преданий можно видеть лишь несколько лучей света, которым дали возможность просочиться жрецы и Философы. Сам Гореполлон лишь следовал народным преданиям в своем истолковании египетских иероглифов. Посему прислушиваться следует не к тем объяснениям, которые предлагают сии авторы, ибо хорошо известно, что они не были в числе посвященных и что жрецы своей тайны им не раскрывали. Нужно просто вчитаться в предлагаемые ими рассказы и посмотреть, нельзя ли обнаружить основу, на которой все это может стоять, и цель, к которой, взяв самих по себе животных и церемонии их культа, могут стремиться и относиться ко всему, по крайней мере, для их первоначального образования.

Все те, кто подобно отцу Кирхеру хотели предложить собственные идеи или построить свои толкования из уже предложенных историками, своими натянутыми объяснениями доказали, что на них полагаться нельзя. Основа, которую имею в виду я, — Герметическая Философия, и предмет этого культа есть не что иное, как материя, требуемая для священнического Искусства, и цвета, принимаемые ей во время операций, все это в большинстве своем указывалось видом животных и обрядами, соблюдавшимися по их культу. Дабы убедить тех, кто не хочет и теперь расставаться со своими сомнениями, рассмотрим каждую вещь в отдельности.

Нужен был черный бык с белой отметиной на лбу или на боку, причем некоторые авторы говорят, что отметина должна быть в форме полумесяца. Бык этот, даже, был якобы зачат от удара молнии. Вряд ли можно лучше указать на материю герметического Искусства. Что касается его зачатия, то Хеймо¹ ясно говорит, что оно произошло между молнией и громом. Черное — это вернейшее свойство подлинной материи, как в один голос твердят все Герметические Философы, потому что черный цвет — это начало и ключ делания. Белая отметина в форме полумесяца — это иероглиф являющегося вслед за черным белого цвета, который Философы называли *Луной*. Через два эти цвета Бык был связан с Солнцем и с Луной — отцом и матерью материи, согласно Гермесу². Подтверждает эту мысль и Порфирий³, указывающий, что египтяне посвятили быка Аписа Солнцу

¹ Jam ostendam vobis fideliter locum ubi lapidem nostrum tolletis. Ite secrete & morosè cum magno silentio, & accedite posteriora mundi, & audietis tonitrum sonantem, sentietis ventum stautem, & videbitis grandinem & pluviam cadentem, & haec est res quam desideratis.

Epist.

² Изумрудная скрижаль.

³ Lunae praeterea taurum dedicarunt Aegyptii, quem Apim muncupant, nigrum prae caeteris & signa Solis & Lunae habentem; mutuatur autem ex Sole Luna lumen, solis symbolum est nigredo; nam & folis ardor nigriora reddit corpora humana, & qui sub lingua est scarabaeus Lunae verò coloris divisio.

Porph. Lib de abstinentia

и Луне, поскольку он носил на себе их признаки в виде черного и белого цветов и в виде скарабея, который должен был находиться у него на языке. Апис был особенным символом Луны: как по причине рогов, изображавших полумесяц, так и потому, что когда луна молодая, то одна ее часть обозначается черным, а вторая — белым, ясная и сверкающая, отличается белой отметиной или отметиной в виде полумесяца.

Этих причин было достаточно, чтобы выбрать подобного вида быка в качестве иероглифического знака, отдав ему предпочтение перед всяким другим животным, однако у жрецов были и другие причины, не менее разумно обоснованные. Материю эту производит Солнце, Луна зачинает ее; земля служит матрицей, в которой она вскармливается. Именно она дает нам ее, как и все остальное, требующееся для жизни; а бык как самое что ни на есть полезное для человека, если иметь в виду его силу, его послушание, его труд в поле, причем Философы без конца прибегают к этой аллегории для описания операций Герметического Искусства. Именно поэтому египтяне аллегорически говорили, что Исида и Осирис изобрели земледелие, и представляли их символами Солнца и Луны. Осирис и Исида достаточно верно обозначались быком, даже если принять те идеи, которые определенные авторы приписывают египтянам по этому поводу. Осирис означает скрытый огонь, огонь, движущийся в Природе и являющийся началом зачатия и жизни смешанных. Согласно Абенефи¹, египтяне считали, что в быке живут гений и душа мира, что все знаки или признаки Аписа являются символическими признаками Природы. Евсебий пишет, что египтяне видели в быке многие свойства солнца, и что Осирис или Солнце они могли изобразить только этим животным.

Но нам скажут, если египетские жрецы не стремились сделать из Аписа бога для народа, то зачем нужен был его культ со всеми обрядами? Отвечу на это, что культ этот не был собственно культом или настоящим поклонением, а культом относительным, с обрядами, которые часто встречаются на народных празднествах, либо подобно тому, как курят фимиам живым людям, или фигурам, изображенным на их могилах. Это чистое проявление уважения к их положению или к их памяти, и никто не собирался отдавать им те же почести, что и божеству. У жрецов, кстати говоря, было две серьезные причины действовать именно так. Исполненные благодарности к Создателю за ниспосланную им благодать знания священнического Искусства, они не просто хотели воздать ему, но желали также, чтобы и весь народ благодарил его, т.к. он тоже пользовался этой благодатью, сам не зная того, извлекая блага произведенные герметическим Искусством. И потому народу, жившему более чувствами, указывали самое полезное и самое необходимое животное, чтобы направить его к мысли о Создателе и о том, как нужно обращаться к нему, чтобы вызвать у народа размышления о божественных благодеяниях. Народ не мог видеть Бога. Будучи занятым земными делами, народ нуждался в таком тонком предмете, который бы ему постоянно напоминал о нем, а особенно в определенные моменты, т.е. в предназначенные для этого дни празднеств. Именно так и нужно понимать действия египетских жре-

¹ Dicebant autem Aegyptii quod sub Bove habitaret genius, ipse est anima mundi; & omne signum, quod observabant in corpore ijus, illud putabant signum quoddam & characterem Naturae.

Abenephcius. De cultu Aegypt.

цов в этом смысле. Следует, поэтому, признать вслед за отцом Кирхером¹ и за многими другими учеными, что эти жрецы, ставшие учителями тех Философов, которых последующие поколения стали почитать за наивысших мудрецов, были слишком умны, чтобы буквально принимать сказки об Осирисе, Исиде, Горе, Тифоне и пр., либо, чтобы поклоняться животным или другим знакам божества. Свидетельств самого Гермеса Трисмегиста или Ямвлиха о тайнах египтян, тех, что пишет Плотин в своей третьей книге об Ипостасях, тех, что говорят Геродот, Диодор Сицилийский, Плутарх и пр., более чем достаточно, чтобы утвердить нас в том, что мы должны думать об этом. Будем же осторожнее подходить к греческим и латинским авторам, которые не всегда были достаточно знакомы с тайнами египтян и скрывавшимися от них жрецами.

Вторая причина заключается в том, что, поскольку тайну священнического Искусства нельзя было передавать, не подвергнув испытанию сдержанность и осторожность тех, кто был предназначен к посвящению; молодые жрецы, которых готовили к этому наставлениями и которые все время видели перед глазами эти иероглифы, чувствовали, как пробуждается их любопытство, и испытывали потребность уже от одного этого доискиваться их значения. В течение первых семи лет они получали наставления, обучались тому, что представляли эти животные, в совершенстве постигая теорию, прежде чем приступить к практике.

Нужно было также скрывать суть тайны от народа, пользуясь для этого мнимыми объяснениями, которым придавался правдоподобный вид, дабы помешать разглядеть подлинный смысл. Без такого умения жрецы не смогли бы спокойно хранить тайну, пользу от которой почувствовал бы народ. Приспособленные к ней впоследствии религиозные цели стали также сдерживать любопытство народа. Постоянно поддерживаемый в храме Вулкана огонь мог бы пробудить его интерес, однако выдуманные объяснения, аллегорические мифы, рассказывавшиеся по этому поводу, не давали присмотреться к подлинному предмету тайны.

Итак, материю философского Искусства обозначали Осирис и Исида, иероглифическим знаком которых был бык, в которого, как считали египтяне, переселились души этих богов после смерти. А посему его называли Сераписом и предписали воздавать ему те же почести, что и Осирису с Исидой. Об этом еще будет сказано ниже.

Выучившиеся у египтян греки также изображали философскую материю одним или несколькими быками, как это видно в мифе о Минотавре, сидевшем в Критском лабиринте и побежденном Тесеем при помощи нити Ариадны. Изображали они ее также волами, утнанными Геркулесом у Гериона; авгиевыми конюшнями; солнечными быками, похищенными Меркурием при переходе в Тринакрию; быками, которым Ясон надел ярмо, чтобы похитить Золотое руно, и многими другими, описанными в мифах. Все эти быки не были черными с бе-

¹ Quicquid igitur portentorum coluit Aegyptus: quicquid fabularum de Diis suis, Osiride, Iside, Typhone, Horo aliisque tradidit, iis sacerdotes sapientissimos, nequaquam existimandum est, vel fidem habuisse; aut stolidâ quâdam, ac insipiente persuasione (uti plebs faciebat) inductos, simulachra veluti numina quaedam adorasse, hoc enim quam ab animo sapienti alienum esse nemo non novit. Sed magna iis mysteria significasse, neque haec ratione carere, sed certas causas habere, vel historiâ, vel naturâ introductas, symboliis istis tam multiformibus luculenter confessi sunt.

лым, каким должен был быть Апис: напр., Герионовы быки были красные. Но здесь нужно заметить, что черный цвет и следующий за ним в операциях делания белый не являются единственными цветами, которые принимает материя, ведь после белого появляется и красный, а, значит, те, кто придумывал эти мифы, имели в виду эти различные обстоятельства. Паруса на корабле Тесея были черные, даже когда он одолел Минотавра; черными же были и паруса у Одиссея, когда он вез Хрисиду к ее отцу; однако на обратный путь он поставил белые, ибо два эти обстоятельства сильно отличались друг от друга, как мы увидим в дальнейшем.

Апис должен был быть молодым, здоровым, смелым быком; вот почему Философы говорят, что нужно выбирать материю свежую, новую, во всей ее силе; не берите ее, если она не свежая и не сырая, предостерегает Хеймо¹. Алиса вскармливала всего четыре года, и помещался он при этом в храме Вулкана. По истечении этого времени его нужно было утопить в роднике жрецов, затем начинали искать другого, полностью похожего на него. Это значит, что с окончанием первого делания в философском горниле нужно начинать второе, похожее на первое, как свидетельствует Мориен². Тайное горнило Философов — это храм Вулкана, в котором поддерживался постоянный огонь, дабы показать, что философский огонь также нужно поддерживать непрерывно, и поэтому этому тайному горнилу ими было дано имя *Атанор*. Известно, что Вулкан означает только огонь. Если бы огонь этот погас хоть на мгновение, то, как утверждают Филалет, Раймунд Луллий, Арнольд из Виллановы и все Философы, делание было бы испорчено. Они приводят для такого случая пример с курицей-наседкой; стоит яйцам охладиться хотя бы на мгновение, и цыпленок погибнет. Четыре времени года Философов и четыре основных цвета, которые должны появляться при каждом делании, — это четыре года вскармливания Аписа, причем и эти четыре года, взятые в их естественном смысле, тоже что-то значат; но когда Философы говорят о продолжительности каждой *диспозиции*, пользуясь термином Мориена, то они делают это столь же таинственно, как и все остальное, и не желают объяснять, почему быка топят на пятом году. Мы дадим наши пояснения, когда коснемся древних праздников и игр.

Аналогично тому, как у Философов бык был символом хаоса, так и другие животные олицетворяли различные качества материи, такие как: фиксированность, летучесть, отражаемость, поглощаемость; ее различные цвета соответственно разным стадиям делания; ее свойства относительно элементов соответственно природе этих животных. Видя их скульптуры или изображения рядом с Осирисом, Аписом, Исидой, Тифоном, Гором, народ вначале в определенной степени стал почитать их, постепенно перенося на них часть почитания богов, подле которых они находились. Мало-помалу это почитание усиливалось, к нему примешивались суеверия, — и вот уже начинают воздавать им особые почести, в частности Апису. Было не сложно, хотя не уместнее ли создать культ поклонения барану, чем быку или льву и т.д. — но это оттого, что подходило народу.

Потихоньку зарождаются суеверия и так же потихоньку укореняются, и до такой степени, что их невозможно выкорчевать. Жрецы часто осознают это тогда, когда лекарство способно только усугубить болезнь. Процесс тем временем про-

¹ Epist.

² Entret. de Calid et de Morien.

должается и становится необратимым. Последователи Гермеса могли, конечно, избавить египетский народ от его заблуждений; и они, несомненно, это делали, о чем свидетельствует ответ главного жреца Александру в наставлениях, данных им грекам и другим народам, получившим науку от египтян. Но жрецы должны были действовать осторожно и бдительно — ведь, раскрывая народу глаза, они могли раскрыть ему и свою тайну. Если бы, например, рассказывая о походе Осириса, они сказали, что поход нельзя понимать как настоящий, что представленные наставления, дававшиеся разным народам о том, как возделывать землю, засеивать ее, собирать ее плоды, следует относить к возделыванию совершенно иного поля, а не привычного для всех. И если бы их спросили: что же это за поле такое, — смогли бы они ответить, не нарушая тайны, что поле это — покрытая листьями земля Философов¹, в которую, по мнению всех адептов, следует сажать их золото? Василий Валентин изобразил об этом эмблему своего восьмого ключа. Далее им пришлось бы рассказать, что они подразумевают под этой землей. В подобном же смысле и греки говорили о Церере, о Триптоleme, о Дионисии и т.д.

Заблуждение относительно животных незаметно привело народ к нелепым культам, в которых и погрязли египтяне. По причине невежества, символы принимались за действительность, и так от суеверия к суеверию, от ошибки к ошибке это зло все росло и росло, и заразило почти всех. Каждый город стремился выбрать себе бога по своей фантазии и принимал его имя, как если бы тот или иной бог в виде этого животного был его основателем. И вот Бубаст называется Быком, Леонтополис — Львом, Ликополис — Волком и т.д. Говоря о поклонении египтян животным, Страбон сообщает, что саисцы и фиванцы особенно поклонялись Быку; летополитанцы — Латусу, нильской рыбе; ликополитанцы — Волку; гермополитанцы — Павиану; вавилоняне — Киту. Жители Фив поклонялись также Орлу; жители Мендеса — Козлу и Козе; жители Атрибита — Крысе, Пауку. Мы упомянем здесь лишь некоторых из них: Собаку, Волка, Кошку, Козла, Ихневмона, Павиана, Крокодила, Орла, Сокола, Ибиса, а по ним можно будет судить и о других.

ГЛАВА II О Собаке и Волке

Животное это было посвящено Меркурию, благодаря своей верности, настоящей и трудолюбию. Оно даже было иероглифическим знаком этого бога, и потому его изображали с собачьей головой, и называли *Анубис*; о чем сказал Вергилий:

...Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружием...

Энеида, VIII, 698

Горатоллон называет причину, по которой египтяне принимали Собаку за символ Меркурия: дело в том, — говорит он, — что это животное пристально наблюдает за превращениями богов, чего другие животные не делают, и, что Соба-

¹ Майер. *Atalanta fugiens*, эмбл. VI.

ка у них — это иероглиф секретаря или министра. Хотя, как кажется, эта первая причина не имеет видимой и ощутимой связи со священническим Искусством, герметические Философы вряд ли изъяснялись бы иначе в своем загадочном стиле. Все они говорят, что их Меркурий это единственный, кто может воздействовать на их металлы, которым они присваивают имена богов или планет. Что их Меркурий — это Орел, глядящий на Солнце, не мигая и не слепнув. Они дают своему Меркурию имена *Кораскенского пса* и *Армянской собаки*. В главе об Анубисе мы приводили и другие причины.

Поскольку Волк сильно похож на Собаку, да, собственно, и является просто дикой Собакой, неудивительно, что и он вкусил от тех же почестей, что и Собака. Он также имел некоторое отношение к Осирису, т.к. египтяне считали, будто Осирис обернулся в Волка, чтобы прийти на помощь Исиде и Гору в схватке с Тифоном. Этот миф кажется смешным, если искать в нем только исторический смысл, но он вовсе не смешон в философском смысле, ибо герметические Философы прячут под именем *Волка* свою материю, доведенную до определенного уровня совершенства. Василий Валентин¹ говорит, что нужно взять хищного и голодного волка, рыскающего по пустыне в поисках добычи. Тот, кто внимательно читал нашу главу об Осирисе и о схватке Исиды с Тифоном, легко обнаружит аналогию между Осирисом и Волком в некоторые моменты делания, а также поймет, почему египтяне распространяли эту легенду. Для этого достаточно заметить, что волк был посвящен Аполлону, из-за чего его называли *Apollo Lycius*. В легенде говорилось также, согласно некоторым авторам, что, стремясь избежать гнева и ревности Юноны, Латона укрывалась под обликом волчицы и именно так родила на свет Аполлона. Известно, что Осирис и Гор были иероглифами Аполлона, и под этим надо понимать Солнце или золото Философов. «Наш Волк, — говорит Разес², — находился на востоке, а наше Солнце — на западе. Они набрасываются друг на друга, приходят в бешенство и загрызают друг друга. От их разложения образуется яд, превращающийся впоследствии в противоядие». Незвестный автор «Немецких рифм» пишет: «Мы узнаем от Философа Александра, что в этой глине были возвращены волк и собака, и оба они были одинакового происхождения». Происхождение это указано в легенде о походе Осириса, где говорится, что фараона сопровождали два его сына: Анубис в облике собаки и Македон в облике волка. Таким образом, эти животные иероглифически представляют собой лишь две вещи, взятые из одинаковых предметов или одинаковых субстанций, одна из которых легче поддается обработке, а вторая более жесткая. В надписи на колонне Исиды сказано, что она есть сверкающий посреди звезд пес, которого мы называем Сириус.

¹ 12 ключей. К. 1.

² Epist.

ГЛАВА III О Коте или Элуре

Египтяне глубоко почитали кошку, т.к. она была посвящена Исиде. Это животное часто изображали на верхнем кончике цитры, инструмента, который богиня нередко держит в руке. Когда кошка умирала, египтяне торжественно относили ее в город Бубастис, где особенно чтили Исиду. Было бы удивительно, если бы кошке не воздавались такие же почести, как и многим другим животным, тем народом, который столь необычно познавал природу вещей и их действительные или представляемые взаимоотношения. Коль скоро Исида была символом Луны, они не могли не выбрать животное, имевшее большое отношение к этому светилу, ибо всем известно, что кошачьи зрачки как бы следуют за всеми изменениями, происходящими с Луной, — от новой и до ущербной. Глаза этого животного сверкают ночью, как звезды небосвода. Некоторые авторы пытались даже убедить нас, будто кошка рождает за год столько котят, сколько дней в лунном месяце. Такие элементы сходства, несомненно, послужили поводом утверждать, что Луна, или Диана, укрылась под видом кошки, когда бежала в Египет вместе с двумя другими богами, чтобы избежать преследований Тифона.

...Кошкой — Делийца сестра...

Метаморфозы, V, 330

Всех этих сходств было более, чем достаточно, чтобы египтяне сделали из кошки символ небесной Луны; однако жрецы, имевшие более глубокие намерения, наградили этот символ атрибутами, таинственный смысл которых был известен только им. Божество Кошки изображено на различных памятниках — то с цитрой в руке и с сосудом в другой, как Исида, то сидящее с крестом, прикрепленным к кольцу. Известно, что крест был у египтян символом четырех стихий; другие же атрибуты мы описывали в главе об Исиде.

ГЛАВА IV О Льве

Лев занимал одно из первых мест в культе животных у египтян. Благодаря своей силе, храбрости и другим качествам, которыми он далеко превосходил всех других, он считался у египтян владыкой зверей. Трон Гора, например, держался на львах. Элий пишет, что египтяне посвящали львов Вулкану, потому что у этого животного пылкая и полная огня натура. То, как он описывает Вулкана, совпадает с нашим описанием. *«Eos ideo Vulcano consecrant, (est autem Vulcanus nihil aliud, nisi ignea quedam solis subterranei virtus, & fulgure elucescens) quod sint naturae vehementer ignitae, atque ideo exteriorem ignem, ob interioris vehementiam agerrime intuentur»*. Данная Элием интерпретация достаточно хорошо показывает, чем

руководствовались жрецы, когда посвящали Льва Вулкану. Все объяснения, которые я мог бы привести, полностью к нему относятся, т.к. мы уже говорили, что Вулкан — это огонь Философов. Почти все Философы взяли льва в качестве символа Герметического Искусства. Никакое другое животное не упоминается столь часто в посвященных ему трудах и всегда в том смысле, который придает этому животному Элий. Нам еще много предстоит говорить о нем, поэтому пока ограничимся сказанным.

ГЛАВА V О Козле

Все народы видят в козле символ плодородия. Он был символом Пана или оплодотворяющего начала Природы, т.е. врожденного огня, начала жизни и зарождения. Потому-то египтяне посвятили козла Осирису. Рассказывая об одном египетском иероглифе, Евсевий¹ излагает нам представления народа об этом животном; но если внимательнее вчитаться в описание им этого иероглифа, можно увидеть в нашей системе скрытый смысл, придававшийся ему жрецами. «Когда, — пишет он, — они хотят изобразить плодородие весны и изобилие, источником которого он является, они рисуют ребенка, сидящего на козле лицом к Меркурию». Я скорее вижу здесь, так же, как и жрецы, аналогию Солнца с Меркурием, и плодородие, материя Философов которого есть начало во всем сущем; именно эта материя — универсальный воплотившийся дух, начало роста, он становится маслом в маслине, вином в винограде, смолой, соком в деревьях и т.д. Если Солнце, благодаря своему жару, есть начало роста, то проявляясь таковым, оно возбуждает огонь, дремлющий в семенах, пребывающий там как бы в застое пока его не разбудит и не оживит внешняя сила. То же самое происходит и в операциях герметического Искусства, где меркурий Философов воздействует на фиксированную материю и где врожденный огонь пребывает как бы в тюрьме; он разрывает путы и приводит огонь в состояние действия, чтобы довести дело до совершенства. Вот он-то и есть сидящий на козле ребенок и одновременно причина, по которой он смотрит на Меркурия. Осирис как врожденный огонь не отличается от Пана; и потому козел посвящен и тому, и другому. По этой же причине он является и одним из атрибутов Бахуса.

¹ De praepar. Ev. I. 2. c. I.

ГЛАВА VI

Об Ихневмоне и Крокодиле

Это животное считалось заклятым врагом крокодила, а поскольку было оно разнообразностью мангуста и силой одолеть крокодила не могло, то использовало хитрость. Когда крокодил спит, ихневмон, как говорили, пробирается в разверзнутую пасть, достигает его внутренностей и прогрызает их. Примерно то же наблюдается и в операциях делания. Фиксированное кажется сначала чем-то незначительным или, скорее, заключенный в нем огонь кажется без сил; в течение долгого времени над ним властвует летучее, но, постепенно развиваясь, он пробирается в него и одолевает его в конце концов и убивает, т.е. делает таким же фиксированным, как он сам. Мы говорили о крокодиле в главе, посвященной Анубису, но мы скажем о нем еще несколько слов.

Крокодил представлял естественный иероглиф материи Философов, состоящей из воды и земли, т.к. это животное — амфибия, и поэтому он часто изображался рядом с Осирисом и Исидой. Евсевий¹ говорит, что египтяне изображали солнце в корабле в виде кормчего, а корабль этот нес на себе крокодил, чтобы показать движение солнца во влажном, а также, чтобы подчеркнуть, что материя философского Искусства есть начало или основа золота или Солнце Философов. Вода, в которой плавает крокодил — это ртуть или материя, обращенная в воду. Корабль изображает Природу-сосуд, в котором Солнце или огненное сульфурное начало действует как кормчий. Потому что своим воздействием на влажное или на ртуть он проводит делание. Крокодил был также иероглифом самого Египта, и особенно Нижнего Египта, где было много болотистых мест.

ГЛАВА VII

О Павиане

Среди египетских иероглифов ни один не встречается чаще, чем павиан, потому что это была собственно фигура Анубиса или Меркурия; ведь тело этого животного похоже на человеческое, а голова похожа на собачью. О нем упоминает св. Августин², а Тома де Валуа говорит, что св. Августин подразумевал под павианом Меркурия или египетского Гермеса. Согласно Исидору³, у Гермеса была собачья голова. Вергилий, Овидий, Проперций, Пруденций, Аммиан называли его *лающим*. Египтяне заметили столько общего между павианом и Солнцем и Луной, что часто пользовались им как символом этих светил, если верить Горуполлону. Животное это мочилось каждый час днем и ночью во время равноденствия. Оно становилось печальным и задумчивым в течение двух или трех пер-

¹ Praepar. Evang. I. 3. c. 3.

² L. 2 de la Cité de Dieu, c. 14.

³ L. 8. c. dern.

вых дней Луны, когда она не показывалась людям, и оплакивало ее, как если бы ее похитили. Египтяне полагали также, что павиан показал Исиде, где лежит тело Осириса, и поэтому часто помещали его рядом с ними двумя.

Все эти рассказы — не более чем аллегории; а истина в том, что Павиан был иероглиф Меркурия и меркурия Философов, всегда сопровождавших Исиду в качестве ее министра, ибо, как мы уже отмечали в главах, отведенных этим богам, без меркурия Исида и Осирис ничего не могут сделать в делании. Поскольку Гермеса или Философского Меркурия путают, по причине одноименности, с меркурием Философов, которого он же, как полагают, и изобрел, неудивительно, что египтяне и непосвященные авторы путали изобретенную вещь с изобретателем. Потому как у них было одно и то же имя, и они принимали иероглиф одного за иероглиф другого. Когда павиан изображается с кадуцеем, несколькими сосудами или с полумесяцем, или с цветком лотоса, либо же с чем-нибудь водным или летучим, он тогда является иероглифом меркурия Философов. Но когда мы видим его со стеблем тростника или со свитком папируса, он изображает Гермеса, считающегося изобретателем письменности и наук, а также еще секретарем и советником Исиды. Мысль использовать это животное в качестве символа Гермеса появилась оттого, что египтяне полагали, будто павиан умел в действительности писать буквы, которыми пользовались в их стране. Поэтому, когда павиана приносили жрецам в храм для вскармливания вместе с другими, то ему подавали кусочек тростника или камышинку, чернила и бумагу, чтобы выяснить, принадлежит ли он к той породе, которая знает письменность и умеет ли писать. Гореполлон упоминает об этом обычае в 14-й главе первой книги его толкования египетских иероглифов и говорит, что именно по этой причине павиан был посвящен Гермесу.

ГЛАВА VIII О Баране

Природа барана, считавшаяся горячей и влажной, в совершенстве отвечала природе меркурия Философов, и египтяне не преминули причислить это животное к сонму своих основных иероглифов. В дальнейшем они выдумали сказку о бегстве богов в Египет, где Юпитер скрывается в облике барана. В соответствии с этим его изображали с головой этого животного и дали ему имя Амун или Аммон.

Стада вождем, — говорит, — стал сам Юпитер: Либийский
Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!

Метаморфозы, V, 327–328

Все остальные мифы, рассказывавшиеся по этому поводу, не заслуживают того, чтобы их упоминать. Хватит и одного, дабы увидеть, что они были придуманы именно, чтобы указать на меркурий Философов. Когда Бахус со своим войском был в Ливии, их охватила жажда, и он воззвал к Юпитеру, чтобы тот помог им справиться с этой бедой. Юпитер явился к нему в виде барана и вывел его че-

рез пустыню к роднику, из которого Бахус с войском утолил жажду и где в память об этом событии они соорудили храм в честь Юпитера, назвав его *Юпитер-Аммон*, и изобразили этого бога с головой барана. Мои предположения подтверждает то, что это животное было одним из символов Меркурия¹. Баран явился Бахусу в Ливии; потому что Ливия означает камень, из-под которого течет вода, от *λίψ*, происходящего от *λείψω*: дистиллирую. Меркурий, имеющий горячую и влажную природу, образуется лишь растворением материи Философов в воду. Космополит говорит²:

Ищите такую материю, из которой вы смогли бы извлечь воду, способную растворить золото естественным путем без насилия и без порчи. Эта вода есть наш меркурий, который мы извлекаем с помощью нашего же магнита, находящегося в чреве барана.

Геродот³ рассказывает, что Юпитер явился Геркулесу в том же облике, и поэтому барана посвятили отцу богов и людей, и изображают его с головой этого животного. Милость эта, оказанная Юпитером Геркулесу, прекрасно характеризует страстное желание всех Герметических Мастеров увидеть Юпитера Философов, который может явиться только в Ливии, т.е., когда материя прошла через растворение, потому что тогда они получают вожденный меркурий. Мы покажем в пятой книге, что как в Египте, так и в Греции, Геркулес всегда был символом герметического мастера или Философа. Аллегория родника использовали многие адепты, в частности, Тревизан⁴, Авраам Еврей — в иероглифических знаках, приводимых Николя Фламелем. Мы еще вернемся к барану, когда будем говорить о Золотом руне. Баран служил жертвой, приносившейся почти всем богам, потому что Меркурий, символом которого он был, сопровождает их во всех операциях священнического Искусства. Однако о Меркурии, которого называли посланником богов, говорили, что он, главным образом, посланник Юпитера, особенно в том, что касалось посланий любезных, тогда как Исиду посылали только в неприятных случаях, таких, как войны, сражения и т.д. Причина этого совершенно ясна для Философа, ибо он знает, что под Исидой следует разумеать лишь разные цвета радуги, проявляющиеся в материи лишь при ее растворении, — т.е., когда между собой вступают в сражение фиксированное и летучее.

¹ Описание Эллады, II.

² Nov. Sum. Chem.

³ По рассказам фиванцев и всех тех, кто по их побуждению воздерживается от баранины, обычай этот установлен вот почему. Геркулес захотел однажды непременно увидеть Зевса, а тот вовсе не пожелал, чтобы Геркулес его видел. Когда Геркулес стал настойчиво добиваться [свидания], Зевс придумал хитрость: он ободрал барана и отрезал ему голову, затем надел на себя руно и, держа голову перед собой, показался Геркулесу. Поэтому-то египтяне и изображают Зевса с ликом барана, а от египтян переняли такой способ изображения аммония (они происходят от египтян и эфиопов, а язык у них смешанный из языков этих народов).

⁴ Philosoph. des Métaux.

ГЛАВА IX

Об Орле и Соколе

У этих двух птиц достаточно много общего: и та, и другая сильные, смелые, сообразительные, с горячим, пламенным, кипящим темпераментом. Причины, побудившие египтян, по мнению Горapolloна, включить сокола в число иероглифов, очень хорошо согласуются с теми, которыми воспользовались Философы, чтобы назвать его именем материя, достигшую определенной степени совершенства, когда она приобретает особо характеризующую ее огненность, т.е., когда она становится философской серой. Именно это ее состояние Раймунд Луллий¹ называет *нашим Соколом* или первой фиксированной материей двух великих *светильников*.

Орел — это властелин птиц, посвященный Юпитеру, ибо он послужил добрым предзнаменованием этому богу, когда тот смог победить отца своего — Сатурна, а также доставил оружие тому же Юпитеру, когда он бился с Титанами, и т.д. В его колесницу впряжены два орла, и самого его никогда не изображают без этой птицы. Даже немного почитав сочинения герметических Философов, понимаешь замысел тех, кто придумывал эти легенды. Все называют *Орлом* их меркурий или летучую часть их материи. Это наиболее распространенное название, дававшейся ей ими во все времена. С этим согласны адепты всех стран. Для них Лев — это фиксированная часть, а Орел — летучая. Они только и говорят, что о схватках между этими двумя животными. Нет смысла, поэтому, цитировать их. Не сомневаюсь, что большинство моих читателей хотя бы полистали их труды.

Было справедливо придумано, что Орел явился добрым предзнаменованием Юпитеру, т.к. материя становится летучей, когда Юпитер одолевает Сатурна, т.е., когда на смену черному цвету приходит серый. Таким же образом он приносит оружие этому богу в его битве с Титанами, как мы увидим это в главе, посвященной Юпитеру, где и объясним эти события. По той же причине говорят, что колесницу его было впряжено два орла.

Но почему Осириса изображали с головой сокола? Те, кто внимательно читал соответствующую главу, легко поймут, что Сокол — птица, нападающая на всех других, раздирающая их и превращающая в свою собственную природу, изменяя их в свою собственную субстанцию, т.к. они служат ему пищей. Осирис — это огненное и фиксированное начало, связывающее все летучие части материи, обозначаемые птицами. Приводившийся мною текст Раймунда Луллия подтверждает правильность нашего истолкования. Мы говорили также, что Осирис есть золото, солнце, сера Философов, а сокол — символ солнца. Гомер² называет его послем Аполлона, когда описывает, как собиравшийся возвратиться на Итаку Телемах увидел сокола, рвущего когтями горного голубя, и понял из этого, что он одержит верх над своими соперниками. Египтяне объясняли культ этой птицы тем, что она прилетела из краев, неведомых в Фивах, и принесла книгу, напи-

¹ Lib. Experim., 13.

² Одиссея, XV, 525–534.

санную красными буквами, в которой был описан весь церемониал их религиозного культа.

Всякий увидит, сколь все это похоже на сказку, однако чувствуется, что придумана она была не без оснований. Могут сказать, конечно, что жрецы рассказывали эту сказку, чтобы вызвать больше уважения со стороны народа, уверяя его, что некий бог послал к ним эту птицу с поручением. Но тогда они противоречили бы сами себе, т.к. в то же время они утверждали, что культ этот так же, как и связанные с ним церемонии, был создан Гермесом и Исидой. Так что, хотя бы без одного противоречия не обошлось, ибо, по сути, все прекрасно согласовывалось. Представляемая книга была написана красными буквами, потому что философский магистерий, совершенный эликсир жреческого Искусства, Осирис, символом которого был сокол, или Аполлон Философов имеют красный цвет, цвет полевых маков. В книге был записан церемониал их культа, т.к. в нем аллегорически отражались операции и все, что происходит от начала делания и до получения совершенства, т.е. в течение времени, когда показывается сокол. Поэтому-то и считалось, что книгу принес именно он, — такова выдумка. С другой стороны, Гермес создал этот церемониал и назначил жрецов, которым доверил свою тайну, чтобы соблюдать его, — это правда. Исида была связана с этим, т.к. являлась значительной частью культа, будучи его предметом, а как материя она привела к нему. Люди, описывавшие этот культ у египтян, по словам Диодора, носили красные шапки с крылом сокола по описанным выше причинам.

Отсюда вытекает еще одно противоречие, хотя и согласующееся с тем, что говорили египтяне. Осирис и Гор не были одним и тем же лицом, поскольку один был отец, а другой — сын. Согласимся, однако, что и тот, и другой были символом Солнца или Аполлона. Спросим же у мифологов: как смогут они разрешить эту задачу при помощи различных систем? Два разных человека, два фараона правили один после другого, а между ними даже правила Исида. Можно ли после этого считать их одним лицом? Даже из мифической истории правления богов в Египте не следует, что там дважды правило Солнце. Мы узнаем из нее, что Осирис погиб от коварства и ухищрений Тифона; но в ней не говорится о его воскрешении. Осирис был, все же, тем же лицом, что и Аполлон, а Солнце — это тот же Аполлон. Поэтому я не вижу, как наши мифологи смогут выбраться из этого лабиринта. Но справедливость нашей системы прекрасно доказывает то, что, следуя ей, египтяне не могли сочинить эту историю иначе, не отклоняясь от правды, т.е., не меняя порядок последовательно происходящего в ходе делания. И действительно, имеется две операции или, если хотите, два делания, непосредственно следующие друг за другом. В первом, — говорит д'Эспанье, — создается сера, а во втором получается эликсир, — сера и живое золото Философов, их Солнце или Осирис. Во втором делании этого Осириса надо умертвить растворением и разложением, после чего главенствует Исида или Луна, т.е. белый цвет, называемый Философами *Луной*. Этот цвет исчезает, уступая место желто-шафрановому; это умирает Исида и приходит Гор или Аполлон герметического Искусства. Нет смысла распространяться об этом дальше, — мы уже достаточно объясняли все это как в трактате об этом Искусстве, так и в главах, посвященным названным богам.

ГЛАВА X Об Ибисе

Геродот¹ сообщает, что в Египте есть два вида ибисов: один совершенно черный, нападающий на крылатых змеев, чтобы не дать им залететь в страну, когда по весне они летят стаями из Аравии; второй — бело-черный. Именно второй вид и изображает Ибиса. Геродот не говорит, что видел этих крылатых змеев, но упоминает о горах змеиных скелетов. Таким образом, о том, что они крылатые, ему известно лишь понаслышке. Вполне возможно, что такого в действительности и не было, но если бы даже это было правдой, то аллегория стала бы еще справедливей. Элий, Плутарх, Гореполлон, Абенефи, Платон, Цицерон, Помпоний Мела, Диодор Сицилийский и столько других авторов так много говорят об Ибисе, о его связи с Луной и Меркурием, что бессмысленно пытаться искать им подтверждения.

Огромная польза, которую приносила эта птица всему Египту, — то ли убивая змей, о которых говорилось выше, то ли разбивая яйца крокодилов, вполне могла склонить египтян воздавать ей те же почести, что и другим животным. Но у них были и другие причины включить ее в иероглифы. Спасаясь от Тифона, Меркурий принял вид Ибиса, и в этом же виде, согласно Абенефи², он заботился о благополучии египтян и обучал их всяческим наукам. В его цвете, в его повадках, в его действиях они видели много общего с Луной, чьим символом и был Ибис. Вот почему эту богиню изображали с головой Ибиса, и почему она одновременно была посвящена Меркурию. Ибо, мы видим между Исидой и Меркурием столько сходства и столько общего, что их почти никогда не отделяем друг от друга. Считалось, что Гермес был советником этой повелительницы, и что они всегда действовали сообща. И на это были основания, т.к. Луна и Меркурий Философов в некоторых случаях являются одним и тем же, и Философы называют одно другим и наоборот. Д'Эспанье говорит:

¹ Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Буто. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи [змеиных] хребтов лежали там — большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что с наступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет. Ибисы же летят им навстречу до этой теснины и, не пропуская змей, умерщвляют их. Поэтому-то, по словам арабов; египтяне воздают такие великие почести ибису. И сами египтяне согласны, что именно поэтому они и почитают этих птиц.

Внешний вид ибиса вот какой. Он совершенно черный, ноги, как у журавля, с сильно загнутым клювом, величиной с птицу крек. Таков этот черный ибис, воюющий со змеями. У другой же породы, которая стаями держится около людей (есть ведь два рода ибисов), голова и шея лысые, оперенье белое (кроме головы, затылка, концов крыльев и хвоста, — все эти части совершенно черные); ноги и клюв такие же, как у другой породы. А крылатые змеи видом похожи на водяных змей. Крылья же у них перепончатые, а не из перьев, скорее всего похожие на крылья летучих мышей

История, II, 75–76

² De cultu Aegypti.

Кто будет говорить, что Луна Философов или, что то же самое, их Меркурий, — есть вульгарный Меркурий, намеренно стремится к обману или обманывает сам себя, те же, кто считает материей Камня серу и меркурий, понимают под серой золото и обычное серебро, а под меркурием Луну Философов¹.

Своими черным и белым цветами Ибис имеет с Луной ту же связь, что и бык Апис, и становится, таким образом, символом материи священнического Искусства. Черный Ибис, убивавший крылатых змеев, указывал на битву, происходящую между частями материи во время растворения; смерть этих змеев означала разложение, являющееся следствием растворения, когда материя чернеет. Фламель предполагал в этом случае битву двух драконов — одного крылатого, а второго бескрылого, из чего и возникает меркурий. Многие другие авторы использовали похожие аллегории. После гниения материя становится частью черной, а частью белой, пока образуется меркурий; это второй вид Ибиса, чей облик принимал Меркурий.

Таковы простые и естественные причины, по которым египетские жрецы вводили животных в свой видимый религиозный культ и в иероглифы. Они придумали и множество других знаков, которые мы видим на пирамидах и других памятниках Египта. Но все они имели определенную отдаленную или близкую связь с тайнами герметического Искусства. Напрасно было бы тратить силы на обширные комментарии, чтобы объяснить эти иероглифы нехимическим смыслом. Если в основе всех этих объяснений нет Вулкана и Меркурия, то нас на каждом шагу будут подстерегать непреодолимые трудности. А после мучительных поисков правдоподобных объяснений, подобно Плутарху, Диодору и другим грекам древности и нового времени мы увидим, что и они притянуты за уши, натянуты и, короче, не могут удовлетворять. У нас перед глазами постоянно будет стоять Гарпократ с пальцем у рта, без устали повторяющий, что весь этот культ, эти церемонии, эти иероглифы содержат тайны, в которые не всем дано проникнуть; что над ними нужно размышлять молча, что народ их не знает и что их нельзя раскрывать людям, приезжавшим в Египет, как были убеждены жрецы, лишь для удовлетворения своего любопытства. К этому числу относятся историки, и их объяснения внушают не больше доверия, чем предания египтян, поклонявшихся животным из-за того, что им было сказано, что боги принимали их облик.

Будто потом и туда появился Тифей земнородный,
И что бессмертным пришлось под обманными видами скрыться.
«Стада вождем, — говорит, — стал сам Юпитер: Либийский
Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!
Вороном сделался Феб, козлом — порожденье Семелы.
Кошкой — Делийца сестра, Сатурния — белой коровой.
Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей».

Метаморфозы, V, 325–331

¹ Can. 44, 24.

ГЛАВА XI

О Лотосе и египетском Бобе

Лотос — это растение типа лилии, обильно разрастающееся после разлива Нила¹. Египтяне срезали его, сушили на солнце и из части растения, похожей на мак, готовили хлеб. Корень у него круглый, величиной с яблоко и очень вкусный.

Тот же автор пишет, что плод лотоса похож на плод мастикового дерева, так же приятен на вкус, как и плод пальмового дерева. Так называемые «лотофаги», люди, питавшиеся исключительно этим плодом, изготавливали из него вино. Как описывает Плутарх², египтяне изображали Солнце, рождающимся из цветка лотоса, но не потому, что верили, будто оно так и появилось, а потому, что они аллегорически представляют большинство вещей.

В 1716 г. г-н Маюдель выступил в Академии надписей и изящной словесности с очень ученым и пространным меморандумом о различных растениях Египта, встречающихся на памятниках этой страны, и тех, которые служат в качестве украшений и атрибутов Осириса, Исиды и пр. По его мнению, лотос есть разновидность белой *водяной кувшинки* (*Nymphaea*), отличающейся от египетского боба лишь цветом, который у боба белый, а у лотоса ярко красный, что соответствует описанию Геродота в приведенной цитате. Нет смысла искать его описание у Теофраста, Плиния и Диоскорида, которые не видели это растение на его родине. Если бы г-н Маюдель посчитал, что цвет плода и корня лотоса и египетского боба заслуживают внимания, он не преминул бы детально описать их; однако он видел только плод и цветок на памятниках и интересовался, собственно лишь этим. В иероглифических замыслах египтян в определенной степени учитывался и листок, поскольку он каким-то образом изображает солнце своей округлостью и своими фибрами, расходящимися из кружка, расположенного в центре листа, во все стороны подобно лучам, доходя до краев окружности. Распустившийся цветок представляет собой примерно то же. И цветок этот присутствует на всех частях растения. Мы видим его чаще всего на голове Исиды, Осириса и даже их жрецов. Взаимосвязь, которую египтяне видели у цветка лотоса с солнцем, потому что цветок этот появлялся на поверхности воды с восходом солнца и вновь уходил под воду после его захода, была не единственной, способствовавшей его культу. Если бы знатоки древности могли различить или хотя бы

¹ Когда на реке начинается половодье и поля затоплены, в воде вырастает много лилий, которые египтяне называют лотосом; египтяне срезают эти лилии, высушивают на солнце, затем толкут семенные зернышки, похожие на мак из цветочного мешочка лотоса, и пекут из них хлеб на огне. Корень этого растения также съедобен, довольно приятен на вкус, круглый, величиной с яблоко. Есть там и другие, похожие на розы, лилии, также растущие в реке. Их плод не находится в цветочной чашечке, но вырастает из корня в особой [побочной] чашечке, по виду весьма схожей с осиними сотами. В этой [чашечке] — множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку.

² Об Исиде и Осирисе, 38.

внимательно присмотрелись к окраске цветов, изображавшихся на голове Осириса и Исиды, то они увидели бы несомненно, что алый цветок египетского боба никогда не находился на голове Исиды, а был на ней лишь белый цветок лотоса, тогда как цветок боба украшал Осириса. Большое сходство этих растений помешало заподозрить наличие тайны в их выборе и заметить указанную нами разницу. Мы покажем ее на примере некоторых раскрашенных египетских памятников.

Создатели иероглифов сделали так, что каждый из них был связан с обозначаемой им вещью. Плутарх видел эту связь в цвете плода растений, о которых мы говорим, имевшего вид дароносицы, и так и называвшегося у греков. Увидев изображенного сидящим на плоде ребенка, он сказал, что этот ребенок означает сумерки, исходя из сходства цвета этого красивого момента дня с цветом плода. Стоило поэтому обратить внимание на сам цвет этих атрибутов, чтобы дать им правильное и соответствующее замыслу их создателей истолкование. Мы уже отмечали, что желтый и красный цвета есть цвета Осириса и Гора, а белый — цвет Исиды; потому что первые два — это цвета Солнца, а белый — цвет Луны по самой герметической системе. Вероятно, поэтому египтяне использовали лотос и египетский боб в своих иероглифах из-за их разного цвета, ибо, в силу их общего сходства достаточно было бы и одного из этих растений. Большинство сосудов, на сторонах которых изображен сидящий ребенок, представляют собой плод лотоса.

ГЛАВА XII О Кувшинке

Кувшинка (*Colocasia*) является разновидностью аронника, растущая в водных местах. Листья у нее большие, с множеством жилок снизу, держатся они на длинных и тонких стеблях. Цветок ее похож на цветок аронника и имеет форму ослиных ушей или рожка, в котором лежит плод, состоящий из нескольких красных ягод, образующих как бы гроздь вдоль своеобразного пестика, торчащего из донца цветка. Его съедобный корень широко используют арабы.

Этот цветок встречается на многих изображениях божеств и чаще на изображениях Гарпократа — не потому, что он символизирует плодородие, как утверждают некоторые, а потому что красный цвет его плодов соответствовал Гору Герметиков. С ним часто путали Гарпократа, и потому что этот бог молчания был создан лишь для того, чтобы подчеркнуть необходимость хранить тайну о том же Горе.

ГЛАВА XIII Авокадо¹

Это дерево произрастает в окрестностях большого Каира. Листья его очень похожи на листья лаврового дерева, но больше по размеру. Его плод напоминает грушу внутри с ядром вкуса каштана.

Из-за красоты этого вечнозеленого дерева, из-за сходства его листьев с языком, а плода с сердцем, его посвящали богу молчания, на голове которого его изображение чаще, чем на головах любого другого божества. Иногда плод изображен целым, иногда разрезанным, чтобы было видно ядро, а изображали его всегда так, чтобы научить, что необходимо уметь управлять своей речью и хранить в сердце тайну Исиды, Осириса и других золотых божеств Египта. Поэтому мы видим его иногда на голове Гарпократа, откуда расходятся лучи, или на полумесяце².

ГЛАВА XIV О Мусе или Амузе

Некоторые ботаники и многие историки считают это растение деревом, хотя у него и нет веток. Ствол его обычно не толще человеческой ноги, имеет губчатое строение и покрыт несколькими слоями коры или чешуйчатых листьев, наслаивающихся друг на друга. У него широкие, округлые листья, часто больше семи локтей длиной³. Посредине листа на всю его длину проходит толстая и широкая жила, а на верхушке стебля растут красные или желтоватые цветы. Плоды его держатся прямо на стебле и растут как бы из него, причем похожи они на огурцы. Корень длинный и толстый, снаружи черного цвета, мясистый и белый внутри. Если корень надрезать, из него вытекает белый сок, который затем краснеет.

Г-н Маюдель, как и многие другие исследователи древности, видит в этом растении только красивый предмет, чем и руководствовались якобы египтяне, посвящая его божествам тех мест, где оно произрастало в изобилии. Но поскольку у этого народа все было покрыто тайной, поскольку он изображал его в иероглифах, то, несомненно, растению этому придавался особый смысл, и люди замечали какую-то связь растения с божествами. Султаны на голове Осириса, его жрецов и Исиды, где иногда встречаются эти листья, разрезанный плод между листьями, образующими султан, наконец, сама Исида, протягивающая усеянный цветами стебель своему супругу — все это мы неоднократно видим на скинжалы жрецов Исиды. Можно ли считать, что лишь красота этого растения тому причина? Не вернее ли будет предположить, что столь приверженный тайнам народ

¹ В оригинале — *Persea* — авокадо или персея прекраснейшая. — *Прим. ред.*

² *Antiq. Explicat. de P. de Montfaucon*, T. II.

³ *Atem. de l'Acad. des Inscript. et Bell. Lett.* T. III.

делал все это с определенным смыслом? Тут тоже могла быть некая тайна, и так оно и было на самом деле. Однако, тайну эту очень легко раскрыть тому, кто, поразмыслив немного над тем, что мы говорили выше, увидит в описании этого растения четыре главных цвета великого делания. Мы находим черный цвет в его корне, и там же виден белый цвет; такого же цвета и мякоть плода. Цветы, протягиваемые Исидой Осирису, желтые и красные, а оболочка плода золотистая. Луна Философов — это материя, достигшая белого цвета; желто-шафрановый и красный цвет, являющиеся вслед за белым, — это Солнце или Осирис Искусства. Поэтому Исиду обоснованно изображали подающей красный цветок Осирису. В конце концов, можно заметить, что атрибуты Осириса полностью или частично находим в красном, желтом или шафрановом цвете, а атрибуты Исиды — в черном и в белом, взятые порознь или смешанные. Итак, египетские памятники изображают эти божества в зависимости от состояния материи, в котором она пребывает в процессе делания. Поэтому встречаются изображения Осириса всевозможных цветов, но главное при этом учитывать атрибуты, которые сопровождают его. Если автору памятника были известны тайны Египта, и он желал изобразить Осириса в ореоле славы, то атрибуты будут красные или, по крайней мере, шафрановые. Когда речь идет о его индийском походе, цвета их меняются, о чем говорит наличие тигров и леопардов, сопровождавших Бахуса. Когда мы попадаем в Эфиопию, т.е. в страну, где он умер, цвета становятся черными или фиолетовыми, но никогда мы не увидим там чисто белого, как никогда не увидим и никакого чисто красного атрибута Исиды. Желательно было бы, когда открывают какой-нибудь раскрашенный древний памятник, снабжать специальными метками все, что на нем изображено, или, чтобы тот, кто описывает его, точно называл цвета, имеющиеся на памятнике. Не мешало бы также, чтобы художники изображали памятники в их подлинном виде, не меняя их пропорций и положение фигур под предлогом исправления невежества древних авторов и не приукрашая эти фигуры. Точность совершенно необходима, особенно при передаче атрибутов. Замечание это вызвано недавно вышедшим трудом о древности.

Римляне и греки, считавшие варварским все, что приходило к ним не из Рима или Афин, делали исключение для египтян в таких своих несправедливых суждениях. Их лучшие авторы, отказавшиеся от подражания Ювеналу, Вергилию, Марциалу и в особенности Лукиану, изощренно высмеивавшие суеверия египтян, расточают похвалы их образованности и знаниям. Они признают, что великие люди их стран именно в Египте почерпнули все эти прекрасные познания, которыми они наполняли впоследствии свои произведения. Даже если мы и не должны полностью согласиться с абсурдностью и нелепостью культа, воздававшегося египтянами животным, не стоит приписывать жрецам и ученым этой страны те действия, которые они не могли совершать в силу своей мудрости и учености. По мере того, как предания удаляются от своего источника, смысл их порой становится темнее. Появившиеся в таком количестве иероглифы с течением времени могли объясняться людьми, мало или совсем не знавшими их истинного значения. Авторы, черпавшие из этого заиленного источника, передавали эти сведения в том виде, в котором они их получали, а, может быть, и в еще более искаженном. Похоже, что даже и Геродот, и Диодор Сицилийский, и Плутарх, и некоторые другие стремятся найти причины, чтобы извинить египтян,

приводя правдоподобные мотивы культа животных у этого народа. По их мнению, египтяне через животных поклонялись божеству, качества которого проявлялись в каждом животном, как солнце в капле воды, на которую падают его лучи¹. Совершенно очевидно также, что не всякий культ является религиозным и вовсе не всегда он является обожествленным, т.е. не все, что установлено в храмах, пусть даже и для поклонения, соответствует божественной высоте. Следовательно, историки могли ошибаться в своих описаниях богов Египта, тайны которых им были неизвестны, даже и с точки зрения почестей, воздаваемых им народом, и уж тем более с точки зрения почитания их жрецами и философами.

Символическое письмо, известное как иероглифическое, не противоречило замыслам египтян в отношении будущего. Но в этом смысле граф де Гейлюс² не проникся их идеями. Иероглифы эти являлись тайной уже тогда, когда создавались, как остаются тайной и сейчас, и останутся ею навсегда для тех, кто пытается объяснить их не так, как предлагаем мы. Создатели иероглифов не стремились к тому, чтобы все их знали, когда высекали их на памятниках на века. Они действовали, как герметические Философы, которые, можно сказать, пишут для тех, кто знаком с их наукой, или, чтобы пролить лучи света в такой крошечной тьме, что даже самый проницательный глаз разглядит их лишь после длительных поисков и глубоких размышлений.

Итак, мы не можем похвалиться, что нам удалось разгадать тайны большинства египетских древностей. Любые объяснения, которые пытаются давать, чтобы связать их с историей, будут сводиться к догадкам, ибо во всем этом чувствуется присутствие тайны, царившей в этой стране, а, пытаясь обосновать рассуждения о взаимосвязи фактов, мы видим, что связующее их звено цепи приводит нас к мифам. Поэтому именно к этим мифам и следует обращаться и, глядя на них как на мифы, стараться проникнуть в их подлинное значение. И если находится какая-то система, очевидно раскрывающая их, то ею и нужно руководствоваться. Все те системы, которыми пользовались до сих пор, признаются недостаточными всеми авторами, писавшими о древностях. С ними мы наталкиваемся на каждом шагу на непреодолимые препятствия. Это значит, что они не станут для нас подлинной путеводной нитью, которая могла бы вывести нас из этого лабиринта, и, следовательно, их нужно оставить в стороне. Руководствуясь же принципами Герметической Философии и достаточно глубоко изучая, чтобы иметь возможность правильно их применять, мы сможем объяснить большинство иероглифов. Мы не станем принимать за исторические факты чисто мифические деяния и удалять из этих фактов характеризующие их особо обстоятельства под тем предлогом, что они были присовокуплены, чтобы украсить повествование и сделать его еще сказочнее. Таким методом пользовался аббат Банье в своей «Мифологии», но какими бы ни были его преимущества, ему часто доводится сознаваться в нереальности распутать этот запутанный клубок.

¹ Об Исиде и Осирисе, 50.

² Recueil d'Antiq., p. 2.

Раздел четвертый

О поселениях египтян

Герметическая Философия не всегда была заточена в пределах Египта, где, как предполагается, ее взрастил Гермес. Когда население этой страны стало слишком большим, некоторые жители оседали вначале по соседству с ней, а затем и в более отдаленных краях. Многие родоначальники основывали в них свои поселения и забирали с собой ученых жрецов. Поселившийся на Евфрате Бел основал колонии в Вавилоне, названные халдейскими. Они приобрели известность знаниями, полученными при наблюдении звезд, как это делалось в Египте. Некоторые ученые считают, что своеобразное идолопоклонство в отношении светил и планет или «сабизм», возникло в Халдее, где поселились эти египетские Философы. Однако, вероятнее всего, они вынесли его из покинутого ими Египта, где поклонялись Осирису как Солнцу и Исиде как Луне, т.к. Геродот утверждает, что астрология зародилась в Египте и развивалась там, как признано всеми, с самых давних времен. Название «халдейская», которое она носила издавна, доказывает всего лишь, что астрологи Халдеи стали более известными, чем астрологи других стран.

Похоже, что столица Вавилон, хотя она и считалась самой идолопоклоннической в мире, как о том говорит пророк Иеремия, называя ее землей идолов — *terra sculptilium*, заимствовала своих богов в Египте, и все они, вплоть до чудовищ, были в ней сохранены. Жрецы, обученные тем же наукам, что и оставшиеся на их родине, знали, конечно же, как относиться к культу идолов; но, будучи обязаны соблюдать ту же тайну, что и египетские, они также считали своим долгом не раскрывать ее. То, что Белу присваивали имена Сатурна и Юпитера, ясно доказывает, что в Халдее знали генеалогию герметических богов египтян.

Данай также решил обосноваться за пределами своей страны, и он покинул Египет со своими пятьюдесятью дочерьми от разных жен вместе с несколькими египтянами, решившимися следовать за ним. Сначала, как говорят, он остановился на Родосе, где возвел статую Минервы — одной из великих богинь Египта. Затем прибыл в Грецию, где, по словам Диодора, основал город Аргос, а в Лидии — город Кипр, в котором построил храм Минервы и, несомненно, наладил отправление жрецами такого же культа, который воздавали этой богине в Египте. Судя по тому, что дочерей Даная звали Белеиды, можно утверждать, что он был близок к Белу, поэтому некоторые авторы действительно считают Бела отцом Даная. Аллегории, приводимые поэтами о наказании данаид и об избиении их мужей, служат еще одним доказательством того, что они заимствованы из Египта, где, как поведал Диодор, 360 ахантских жрецов ходили по воду с дырявыми сосудами. В следующих разделах мы расскажем об этих аллегориях.

Кекроп, уехав из Египта, обосновался в Аттике. Вместе с законами своей страны он принес сюда и культ тамошних богов, в частности, культ Минервы, которой поклонялись на его родине — в Саисе, также культ Юпитера и других бо-

гов, о чем свидетельствуют все сочинения об античности. Евсебий утверждает, что именно он назвал Юпитера богом, построил в его честь алтарь и возвел статую в честь Минервы. То же самое говорит св. Епифаний, и еще до них обоих об этом же сообщал Павсаний, но последний замечает, что он приносил в жертвы только неодушевленные предметы. Итак, Афины, венец искусств и наук, образованности и учености обязаны началом своего восхождения Египту.

Сколь бы ни было правды в этой истории, но афиняне сами соглашались с ней, гордясь тем, что происходят от саисцев. Некоторые утверждали, что Дипетес — отец афинского властителя Мнестея был египтянин, точно так же, как и Эрехфей, первым завезший сюда зерно из Египта и учивший выращивать его, за что и был поставлен правителем. Он научил также культу Цереры Елевсинской подобному культу, соблюдавшемуся египтянами, и потому афиняне считали этого правителя современником Цереры. Описывававший это, Диодор наверняка не знал, что Церера и Исида были одним и тем же божеством. Ему следовало бы припомнить, что то же самое он сообщал и о Триптоleme.

По мнению Диодора и Геродота, египетскими переселенцами были и жители Колхиды, причем Геродот приводит в доказательство этого много причин, таких, например, как-то, что они обрезали своих детей согласно принесенного из Египта обычая. Ему, конечно же, не было известно Священное Писание, столь точно указывающее на происхождение обрезания. По той же причине Диодор заключает, что жившие между Аравией и Сирией евреи вышли из Египта; но он описывает этих евреев уже после того, как они покинули эту страну, и в этом кроется его ошибка. Бегство евреев удивительно, включая события, предшествовавшие ему и последовавшие за ним. Обстоятельство же, которое имеет больше всего отношения к нашему труду, это огромное количество золота и серебра, находившееся тогда в руках египтян. Мозес приказал евреям попросить у их хозяев столько золотых и серебряных сосудов, сколько у них можно было получить. Но кто же были эти, их хозяева? — Обычные люди. А кому давали они займы эти сосуды? — Своим рабам евреям, презиравшим, ненавистым, нищим, тем людям, о которых было всем известно, что они стремятся уйти из этой страны и вырваться из рабства. Но если простые люди были так богаты, то что же думать о их фараонах и жрецах, которые, как сообщает Геродот, строили целые здания для хранения своих сокровищ?

Из египетских Фив происходил Кадм, посланный отцом, финикийским правителем Агенором на поиски своей сестры и застигнутый в море жестокой бурей, вынудившей его пристать к Родосу, где он основал храм Нептуна, поручив его попечению финикийцам, оставленных им на этом острове. Он принес в дар Минерве красивейшую медную вазу античной формы с надписью, гласившей, что остров Родос будет наводнен змеями. Уже одна эта надпись указывает, что вся эта история есть аллегория священнического Искусства. Ибо, зачем было преподносить Минерве древнюю вазу, да еще из меди? Следует, очевидно, полагать, что Кадм жил в очень отдаленные времена. Каков же тогда возраст этой вазы? Скорее всего, нужно иметь в виду не ее форму, а материал.

Материал ее — это родосская земля или красная земля Философов, на которую должны были напасть змеи; т.е. земля, которую должна растворить вода Философов, часто именуемая змеей. Кадму, знавшему все эти тайны, не составляло труда предсказать это разорение. Медная ваза, пусть и древняя, вряд ли имела та-

кую ценность, чтобы быть принесенной в дар богине мудрости. Более достойны ее были бы золото или камня. Но здесь, несомненно, и кроется тайна: нужна была ваза из меди, но не из обычной меди, а из бронзы Философов, которую изобретатели Минервы, мудрые Философы называют обычно *laton* или желтой медью. Отбелите латунь, говорит Мориен, и можете порвать ваши книги. Вам достаточно будет азота и латуни.

Вся легенда о Кадме всегда будет считаться чистым вымыслом, который покажется смехотворным всякому здравомыслящему человеку, если не разглядывать ее с точки зрения Герметической Химии. И впрямь, зачем понадобилось следовать за разномастным быком, строить город там, где он остановился, посылать людей к роднику, где их разодрал на части страшный дракон — сын Тифона и Ехидны, убитый впоследствии Кадмом, вырвавшим у него зубы и посеявшим их в поле, словно зерно? Из них выросли люди и напали на Кадма, но из-за брошенного в них камня они почти все перебили друг друга. Мы покажем в дальнейшем, что вся эта легенда есть аллегория происходящего во время операций философского делания.

Аббат Банье говорит, что Кадм принес в Грецию тайны Бахуса и Осириса. Из мифа мы узнаем, однако, что Бахус был внуком Кадма. Правда, сей мифовед описывает другого Бахуса, сына Семелы, чтобы подправить свою легенду, но на чем же он основывается? Позволительно ли так, по одному своему разумению, вводить новых персонажей, чтобы выпутаться из сложного положения? Когда Орфей переносил в Грецию египетские мифы, он одел их в греческие одежды и показал в них Бахуса, ничем не отличающегося от Осириса египтян и от Бахуса латинян; а ведь этот Бахус или Осирис был знаменит в Египте задолго до появления рассказов о Кадме. Вот почему египтяне смеялись над греками, когда те говорили, что Бахус родился в их стране.

Другие приписывают Мелампу основание культа Бахуса в Греции, легенду о Сатурне и войны титанов. Утверждают, что знаменитый вестибюль храма Вулкана в Мемфисе был построен Дедалом. Однако греки, говорит Диодор, воспользовались египетскими легендами и аллегориями, чтобы сочинить свои собственные по их образцу. И действительно, похоже, что и поэты, и теологи язычества просто скопировали египетские мифы, перенесенные в Грецию Орфеем, Мусеем, Мелампом и Гомером. Законодатели творили свои законы, подражая Ликургу; отцы философских сект черпали свою систему у Пифагора, Платона, Евдокса, Демокрита. И если они и отличались друг от друга, то лишь потому, что не все они были знакомы с тайнами египтян и, следовательно, неправильно толковали аллегории.

Колонны Меркурия, откуда эти первые Философы черпали свою науку благодаря объяснениям египетских жрецов, вполне могли быть колоннами Осириса и Исиды, о которых мы говорили. Возможно, это те обелиски, которые еще стоят в Риме и которые были перевезены туда из Египта. На их гранях полно треугольников, кругов, квадратов и иероглифических знаков. Немало авторов мучились над их прочтением. Отец Кирхер написал специальный трактат, но, несмотря на его уверенный тон, и, учитывая его обширные знания, никто не поверил ему на слово. Объяснение символов следовало бы искать у древних авторов, учившихся в Египте, однако, чтобы понять большинство из них понадобилась бы помощь нового Эдипа, т.к. они писали аллегориями, как и их учителя.

Вот почему, не имея надежных вожатых, самые знаменитые из авторов отличаются в своих писаниях друг от друга. Согласно Бошару, Меркурий есть одно лицо с Ханааном, а согласно Гуэ — с Моисеем. Один говорит, что Гёркулес — это Самсон, а другой — что это Иисус Навин. Один говорит, что Ной — это Сатурн, а другой, что это Авраам. Один утверждает, что Церера была владычицей Сицилии, другой — что это Исида, которая не ступала и ногой в эту страну. Даже у самых древних авторов отсутствует взаимное согласие, и, помимо противоречий, сколько других, мягко говоря, неубедительных свидетельств мы у них находим! Что же до параллелей, коими полны книги некоторых современных ученых, то можно спросить, готовы ли мы признать, что Тамас-Кули-Хан есть тот же Тамерлан, ибо в умонастроениях и в деяниях этих двух властителей находят много схожего?

По нашему мнению, можно извлечь много полезного из произведений древнегреческих авторов для проникновения во тьму мифов. Это не значит, что мы должны именно в них искать подлинное происхождение древних народов, т.к. то, что они говорят об этом, почти всегда носит сказочный характер. Важно знать при этом, что все они подражали египтянам — первым создателям мифов, и если провести параллель между древнегреческими и египетскими мифами, можно легко заметить, что все они вытекли из одного родника и похожи на путешествие, одевающегося в каждой пересекаемой им стране по принятой там моде. Творения египтян, которые могли бы как-то просветить нас об их манере мыслить, творения Гермеса и других Философов не дошли до нас, и мы не устанем оплакивать печальной памяти пепел Александрийской библиотеки. Нам остались только творения греков — последователей ученых египетских жрецов, и, значит, именно ими нам и надлежит пользоваться, веря, что они проникли в мысли учителей, от которых получали свои познания.

Странно, что в этом смысле аббат Банье столь сильно противоречит сам себе: утверждая и приводя все мыслимые причины, чтобы доказать, что не у греческих писателей следует искать истоки древних народов и памятников древности; сей ученый именно их приводит в качестве доказательства того, что он строит всем своим сочинением. Правда, он с совершенным вниманием особо отбирает все, что есть у авторов благоприятного для его системы, и отбрасывает, как сказки все, что может ей противоречить. Все это он совершает тоном судьи в последней инстанции. Но поскольку он не всегда пребывает в согласии с самим собой и довольно часто заявляет, что не стоит верить и его источникам, это позволяет нам быть уверенными в нашем собственном мнении и свободно думать обо всех этих вопросах то, что нам хочется.

Мы могли бы согласиться с Диодором в том, что касается названий некоторых древних городов, гор, рек и т.д. Он утверждает, что древние Философы вывели большинство этих названий из своих учений, называя определенные места соответственно связи, которую они усматривали в них с некоторыми признаками своей науки. Однако, никто не сомневается, что это та наука, которую они познали в Египте. Ямвлих уверяет нас, что она была высечена на стелах Гермеса¹.

Иосиф упоминает о двух колоннах: каменной и кирпичной, возведенных еще до потопа, где были выгравированы принципы Искусства. Бернгард, граф из Тревизо, просвещенный чтением древних книг, говорит, что Гермес нашел в Хе-

¹ См.: О египетских мистериях, I, 2. — *Прим. ред.*

вронской долине семь скрижалей с высеченными на них началами свободных искусств. Но независимо от того, нашел ли их Гермес или создал сам, весьма вероятно, что эти начала были выражены иероглифами; а такая манера обучения показывает, что в основе этой науки лежала тайна, которую не хотели открывать остальным, и, следовательно, использовавшиеся там понятия и названия были частью этой тайны, из чего мы должны заключить, что названия, дававшиеся древними философами тем или иным местам, каким-то образом были связаны с тайнами египтян.

Всякий, кто не цепляется упрямо за свои предрассудки, должен увидеть в том, что мы сказали, какова же была цель этих тайн. Расточительство фараонов Египта, которые, если верить Плинию, возводили чудеса света лишь для того, чтобы было куда потратить их несметные богатства, служит зримым доказательством Герметического Искусства. Семирамида построила в Вавилоне храм Юпитера с тремя золотыми статуями, изображавшими самого этого бога, Юнону и богиню Опис. По словам Диодора, статуя Юпитера, еще стоявшая там в его времена, имела 40 футов в высоту и весила тысячу вавилонских талантов. Весившая столько же статуя Опис стояла тогда в золотом зале. Рядом с ней, как пишет этот автор, находились два льва и огромные серебряные змеи. Каждая из этих фигур весила по тридцать талантов. В правой руке богиня держала змеиную голову, а в левой — каменный скипетр. В том же зале находился и золотой стол длиной 40 и шириной 12 футов, весивший 50 талантов. Статуя Юноны весила 800 талантов.

Диодор и другие историки приводят много свидетельств огромных богатств египтян и вавилонян, причем, как мы знаем, вавилоняне происходили от Бела из Египта. Но что должно было бы удивить этих историков и всех, кто видел статую Опис, то это ее вид и атрибуты. Пусть наши ученые объяснят нам, почему в одну руку этой богине вложили каменный скипетр, а в другую змею. Разве бывают у золотых статуй каменные скипетры? И разве не показалось бы это нелепым тем, кто не увидел бы здесь никакой аллегории? Но если посмотреть на богиню Опис, с герметической точки зрения, то станет ясно, что такое изображение было вполне естественно, т.к. золото Философов зовется Камнем, а их меркурий — змеей. Опис или Земля, бывшая их материей, держала в руках два эти символа, показывая, что она естьместилище этих двух начал Искусства. А поскольку Искусство это было источником богатств, то Опис считалась его богиней. А чтобы завуалировать это понятие, рядом с Опис поставили двух львов и двух змей, так как Философы часто использовали аллегории этих тварей, чтобы обозначить материальные начала делания во время выполнения операций.

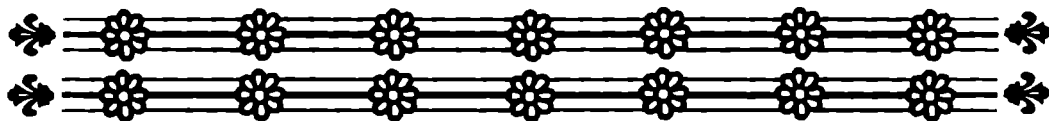
Юпитер и Юнона как брат и сестра, муж и жена находились в этом зале вместе с их бабкой, а перед ними стоял общий золотой стол, т.к. они вышли из одного золотоносного начала, из которого извлекают две вещи: воздушную меркуриальную влажность и фиксированную огненную землю. От их соединения образуется то единое, что называют герметическим золотом, общим для них троих, поскольку состоит из них. Оно же есть подлинное лекарство духа, о котором мы говорили и которое Диодор называет «Непент», ибо оно делается якобы из одноименной травы. Гомер говорит, что в Египте из нее готовят средство, от которого проходит всякая боль и благодаря которому человек живет, не зная болезней и печали, — все это и есть столь восхваляемые качества герметического золота. Гомер добавляет,

что это было лекарство дочери Юпитера Елены, из-за которой разразилась Троянская война. Ниже мы еще остановимся на причинах войны.

Египетское происхождение лекарства и способ его приготовления — суть доказательство, как бы мимоходом даваемое Гомером, что он был знаком с природой этого лекарства, с его свойствами и знал, в каких краях им пользуются. Поэтому он смог использовать его в качестве сюжета своей аллегории с взятием Трои или, по крайней мере, воспользовался реальной войной и осадой для изображения с ее помощью аллегории великого делания, и мы сможем это доказать, разбирая обстоятельства этой войны. Совершенно непонятно, на чем основывается аббат Банье, утверждающий, что еще до Гомера другие поэты описывали Троянскую войну и сочиняли свою «Илиаду». В качестве аргумента сей ученый приводит утверждение, согласно которому греческая поэзия начиналась не с шедевров. Предоставим читателю судить о справедливости этого довода. В сочинении почтенного аббата, весьма ученом и складном, есть изрядное количество подобных аргументов. Если Гомер в стремлении придать правдоподобие своему произведению ввел в него названия существовавших городов и народов, то мы вынуждены признать, что Итака, киммерийцы, остров Калипсо и многое другое известны только по его поэмам. Кто, где и когда видел аримаспов, исседонов, гиперборейцев, ацефалов и пр.? Мы согласимся, однако, что мифы эти египетского или финикийского происхождения, и исходя из легенд, ходивших в этих странах, следует понимать и оценивать все остальные, по крайней мере, самые древние.

Вряд ли кто станет возражать против такого суждения. Но все ли согласятся с нашим мнением о том, что все памятники, о которых мы упоминали, убедительно доказывают, что Герметическое Искусство было известно египтянам и применялось у них? Сколь бы мало ни были согласны между собой ученые, они лишь укрепили своими трудами предрассудок, возникший из рассказов древних историков. Ведь многие полагают, коль скоро сии историки были ближе нас к тем далеким временам, то лучше всего идти по дороге, начертанной ими для нас, и верить, что они знали, о чем писали. Известно, однако, и древние авторы сами об этом говорят, что египетские жрецы хранили нерушимую тайну о подлинном значении своих иероглифов, но над этим задумывались пока недостаточно. Необходимо, следовательно, избавиться от всяких предрассудков по этому поводу, рассматривать все без предубеждения и сравнивать объяснения иероглифов и египетских мифов, даваемые исследователями античности или мифологами, с теми, которые приводим мы, и затем судить уже об истинности тех и других. Этот метод позволит определить, черпали ли свой смысл басни и иероглифы в морали, религии, физике и истории. А не проще ли видеть в них один-единственный предмет — тайну столь большой ценности и содержательности, какой может быть тайна, помогающая человечеству сохранить состояние совершенства, на которое оно способно, и предоставляющая ему источник богатств и здоровья.

Книга вторая

ОБ АЛЛЕГОРИЯХ, имеющих более осязательную связь с Герметическим Искусством

Нет больше в мире другой такой плодотворной на мифы страны, как Греция. Тех, что она наследовала из Египта, ей было мало, и она сочиняла их без числа. Египтяне, собственно, признавали богами только Осириса, Исиду и Ора, но, умножив их имена, им пришлось умножить и их легенды. Вот так и появились двенадцать главных богов: Юпитер, Нептун, Марс, Меркурий, Вулкан, Аполлон, Юнона, Веста, Церера, Венера, Диана и Минерва — шесть мужского и шесть женского рода. Лишь эти двенадцать, считавшиеся великими богами, изображались золотыми статуями. Впоследствии были придуманы и другие, названные полубогами, и которые не были известны во времена Геродота, или которых он, по меньшей мере, не упоминает под их названиями. Их фигуры вырезались из дерева, высекались из камня или лепились из глины. Тот же Геродот говорит, что египтяне первые указали эти двенадцать имен, заимствованных у них греками.

По утверждению Диодора Сицилийского, первыми греками, побывавшими в Египте, были Орфей, Мусей, Меламп и те, о которых мы говорили в предыдущей книге. Там они почерпнули начала Философии и других наук и перенесли их в свою страну, где преподавали их так, как этому научились, т.е. под покровом инсказаний и мифов. Орфей вынес оттуда темы для своих гимнов о богах и оргических песен¹. Тот факт, что эти торжественные песни были, так сказать, «родом» из Египта, подтверждается и мифологами, и исследователями античности, и доказывать это нет необходимости. Орфей ввел в культ Бахуса те же церемонии, которые наблюдались в культе Осириса, а культ Цереры напоминал почитание Исиды. Он первым рассказал о каре для нечестивцев, о Елисейских полях и ввел обычай ставить статуи. Он распространил утверждение, что Меркурий — это проводник душ усопших, и он же подражал египтянам в массе прочих выдумок.

Когда греки увидели, что Псамметих защищает чужестранцев, и что они могут отправляться в Египет, не рискуя жизнью, многие из них совершили это путешествие — одни, чтобы удовлетворить свое любопытство о, ставших известными, чудесах этой страны, другие — чтобы поучиться. Вот так в Египте побывали Орфей, Мусей, Лин, Меламп, Гомер. Именно они вместе с Гесиодом распространяли в Греции мифы, создавая свои мифологические поэмы. Нет сомнения, что эти великие люди не восприняли и не распространяли бы сознательно столько явных нелепостей, если бы они, по крайней мере, не подозревали наличие скрытого, разумного смысла и реального предмета, окутанного какой-то тайной. Может быть, они это делали

¹ М. l'Abbé Banier. Myth., T. II, p. 273.

смеха ради, чтобы обманывать людей? Но если они всерьез полагали, что их герои — боги, которых они должны были представлять образцами совершенства и поведения, то разве стали бы они приписывать им супружеские измены, кровосмешение, отцеубийства и столько других всевозможных преступлений? Тона, которым рассказывает об этом Гомер, достаточно, чтобы дать нам понять подлинные его мысли на этот счет. Более вероятно, следовательно, что они распространяли эти выдумки лишь как символы и аллегории и стремились сделать их более понятными, персонифицируя и обожествляя деяния Природы. Следуя этому замыслу, они выделили отдельную область «деятельности» каждому из этих возведенных в ранг божества героев, оставив всеобщую власть над Универсумом только одному и единственному Богу. Орфей довольно ясно объясняет это, когда говорит, что все они — это всего лишь одно и то же, названное разными именами. Вот его слова: «Вестник для всех — толкователь Килленский. Нимфы — это вода, Церера — зерно, Вулкан — огонь, Нептун — море, Марс — война, Венера — мир, Фемида — правосудие, Аполлон, мечущий стрелы, — это излучающее свет Солнце, как на него ни смотреть — то ли как находящееся вдали или вблизи, то ли как на оракула, авгура или как на бога Эпидавра, исцеляющего больных. Все эти вещи суть одно и то же, хотя и носят разные имена». Гермесианакс утверждает, что Плутон, Персефона, Церера, Венера и Амур, Тритоны, Нерей, Фетида, Нептун, Меркурий, Юнона, Вулкан, Юпитер, Пан, Диана и Феб олицетворение одного и того же бога.

Таким образом, все уделы Природы стали в руках поэтов богами, но богами, подчиненными единому верховному Богу, и все согласно тому, чему научили поэтов в Египте. Но все эти частные атрибуты Природы относились к разным предметам, скрытым от народа, но известным только Философам.

Если некоторые из этих сочинений касались всего универсума вообще, то нельзя отрицать, что огромное большинство их относились к совершенно определенному предмету, а некоторые настолько конкретны, что не может быть никакой ошибки. Достаточно просмотреть главные из них, чтобы правильно оценить и все остальные. Поэтому мы, прежде всего, поговорим о походе за Золотым руном, о золотых яблоках сада Гесперид и некоторых других историях, лучше других показывающих намерение их авторов спрятать в них тайны Герметического Искусства.

Первым сообщил о плавании за Золотым руном Орфей, если допустить, что сочинения Орфея принадлежали именно этому первому греческому поэту. Но мы не будем вдаваться в этот ученый спор, ибо для нас не имеет значения, это его произведения или нет. Достаточно того, что они вышли из-под «очень древнего и ученого пера», руководимого умом, знавшим тайны египтян и греков. Именно в этом смысле об Орфее говорят св. Юстин, Лактанций и св. Климент Александрийский в своем «Увещании к эллинам».

Орфей придал этой легенде вид исторического события, и именно так к ней относятся даже и наши современные мифологи, хотя они и не могут уточнить ее деталей и обстоятельств. Они предпочитают воспринимать ее как таковую, не жели видеть скрытый в ней таинственный смысл, который и сам ее автор довольно ясно показал, ссылаясь в самом этом повествовании на некоторые другие свои сочинения, такие, как «Трактат о малых камнях» или трактат *«О пещере Меркурия как источнике всех благ»*. Нетрудно догадаться, о каком Меркурии идет речь, поскольку он представляет его как часть, поставленной Ясоном, цели при добыче Золотого руна.

ГЛАВА I

Легенда о Золотом руне

Немного найдется древних авторов, которые бы не писали об этом знаменитом подвиге. Легенда эта стала предметом упражнений для ума многих ученых, посвятивших ей не одну диссертацию. А аббат Банье, включивший многие из них в «Мемуары Французской Академии», считает этот факт настолько непреложным, что не представляет себе¹, как его можно оторвать от древней истории Греции, не исказив при этом все родоописания тех времен. По этому поводу имеется поэма, написанная Орфеем. Однако Воссий заявляет, что не он является ее автором и что поэма эта не старше Писистрата². Некоторые приписывают ее авторство Ономакриту, причем считается, что она появилась около 55-й Олимпиады. Вполне возможно, что Ономакрит не написал ее, а просто восстановил или же собрал все ее разрозненные части, как Аристарх собирал куски гомеровских сочинений. Ближе к эпохе династии Птолемеев подобная поэма была написана Аполлонием Родосским. О Золотом руне во времена четвертой Олимпиады и третьих Истмийских игр довольно подробно писал Пиндар. И многие другие поэты часто упоминают это событие.

Древний возраст этого мифа подтверждается тем, что в двенадцатой книге своей Одиссеи его касается двумя словами Гомер. Аббат Банье находит ошибку в этом месте поэмы, там, где Цирцея рассказывает о неких блуждающих скалах, якобы расположенных в проливе, отделяющем Сицилию от Италии, тогда как, по его мнению, они на самом деле находятся у входа в Понт Эвксинский. Если рассматривать данный факт с точки зрения аббата Банье, то действительно, эти скалы не могут быть там, где указал Гомер. Нам, однако, кажется, что лучше было бы попытаться согласовать мысли аббата Банье с Гомером, а не упрекать поэта за ошибки, для того, чтобы понять возникающие в связи с этим отрывком неясности. Понять их легко, если пользоваться Гомеровым же подходом. Гомер, конечно же, не напрасно поместил блуждающие скалы именно в этом месте, т.к. большинство неясностей, которые мы находим у него, равно как и у других творцов мифов, сделаны как бы нарочно, чтобы показать потомкам, что все это чистый вымысел, а не подлинная история. Места, которыми проходят аргонавты и куда они прибывают, настолько удалены от дороги, по которой они должны были бы и могли двигаться, к тому же невозможность воспользоваться указанным Орфеем путем столь очевидна, что совершенно ясно, — он хотел лишь рассказать нам миф.

Многочисленные трудности, которые возникают перед мифологом, желающим обнаружить подлинные факты в этой легенде, не остановили большинство ученых. Один из древних, — Евстафий, считал, что это был военный поход, целью которого, кроме добычи Золотого руна, т.е. возврата богатств, увезенных в Колхи-

¹ Mythol. T. III, p. 198.

² Quae verò nunc Orphei nomen ferunt, non sunt antiquiora Phisistrati temporibus.

Vossius. De Poëtis Graecis & Latinis, cap. 9.

ду Фриксом, было и налаживание торговли на берегах Понта Евксинского и организация там купеческих поселений. Те же, кто подобно отцу Томассену и г-ну Гуэ пытаются объяснить многие мифы Святым Письмом, видят в этой легенде историю Авраама, Агари и Сары, Мозеса и Иисуса Навина. Если следовать этому направлению, то любой миф, если он настоящий, можно объяснить таким способом.

В доказательство своих предположений Евстафий утверждает, что в экспедиции участвовало много кораблей, а «Арго» был главным среди них, но поэты говорят только об одном судне и о начальниках только этого плавания. Вряд ли данному автору можно верить на слово, ибо он строит свои доказательства на здравом смысле, требующем, чтобы события происходили именно так, как это необходимо, дабы его доводы выглядели убедительно. Аббат Банье, как верный последователь Евстафия в доказательствах такого рода, смело решает, что этот поход не относится к тайнам великого делания. Но с полным ли знанием сути этого дела вынес он этот приговор? Читал ли он Философов? Правильно ли он вообще понимает великое делание? Мы сказали бы, что ему известно лишь название, а основ его он совсем не знает.

Чтобы правильно понять эту легенду, нужно вернуться к ее истокам, разобравшись как это мифическое Золотое руно оказалось в Колхиде, и еще раз пересмотреть всю историю Афаманта, Ино, Нефелы, Геллы и Фрикса, Леарха и Меликерта, но поскольку нам предстоит вернуться к этому в четвертой книге, когда речь пойдет об Истмийских играх, то рассмотрим подробности этой легенды, следуя лишь тому, что о ней сообщали Орфей и Аполлоний.

Отцом Ясона был Эсон, дедом — Кретея, прадедом — Эол, а прапрадедом — Юпитер. Его матерью была Полимеда, которую еще называют Алкимедой, и все это тоже подходит для канвы этой легенды согласно нашей системе. Тиро есть дочь Салмоней, воспитанная его братом Кретеем, понравилась Нептуну и родила от него Нелея и Пелия. Впоследствии она вышла за своего дядю Кретея и родила от него трех сыновей: Эсона, Ферета и Амифаона. Кретея основал город Иолк, ставший столицей его владений, и завещал свой трон Эсону. Пелию Эсон не дал никаких земель, т.к. тот не был его сыном. При помощи всяких интриг, Пелий со временем вошел в силу и свергнул Эсона. Родившийся тем временем Ясон вызывал зависть и беспокойство Пелия, решившего любой ценой погубить его. Но Эсон с женой разгадали злобные замыслы узурпатора и отвезли юного Ясона, которого звали тогда Диомедом, к Хирону, сыну Сатурна и нимфы Филиры, жившему на горе Пелион, и поручили ему воспитание их сына. Сей кентавр считался в те времена мудрейшим и самым ученым, и Ясон выучился у него медицине и другим полезным в жизни наукам.

Юный наследник вырос и смог пробиться к иолкскому двору после того, как выполнил все до последнего указания оракула. Пелий не сомневался, что Ясон быстро добьется расположения к себе народа и его властителей. Исполненный зависти и стремясь найти удобный предлог, чтобы избавиться от соперника, он предложил Ясону отправиться за Золотым руном, будучи уверенным, что тот не упустит столь благоприятного случая приобрести славу. Пелий же знал обо всех опасностях, с которыми должен был встретиться Ясон, и рассчитывал, что живым ему не вернуться. Но Ясону тоже были известны опасности, которым он будет подвергаться, однако предложение это оказалось ему по вкусу, и его храбрость не позволила ему отказаться.

Он совершил необходимые приготовления и по совету Паллады построил корабль, снабдив его мачтой из дуба, срубленного в роще Додоны. Корабль он назвал «Арго», но почему именно так, авторы согласно объяснить не могут. Аполлоний, Диодор Сицилийский, Сервий и некоторые другие считают, что название это было ему дано в честь Аргуса, но расходятся мнения и о самом Аргусе, т.к. они утверждают, что это тот Аргус, сын Арестора, которому Юнона поручила стеречь Ио. Однако Мецидиак¹ предлагает читать у Аполлония Родосского: *сын Алектора*, а не *сын Арестора*. Не будем же касаться деталей различных мнений относительно названия этого судна, которые можно встретить у многих авторов; скажем только, что построено оно было из дерева с горы Пелион, по мнению большинства авторов. Со слов Фотия, Птолемей Эфестион утверждает, что строил его сам Гераклес. Доводы, приводимые аббатом Банье, чтобы опровергнуть это утверждение, нас совсем не убеждают. Что касается формы корабля, то и тут у авторов нет согласия: одни говорят, что он был продолговатый, другие говорят, что круглый; одни говорят, что корабль был пятидесятивесельный, другие — шестидесятивесельный. Орфей и древнейшие авторы, писавшие о событии, ничего не говорили о форме судна, а, значит, все, что об этом пишут другие, все-го лишь их домыслы.

Во всех обстоятельствах этого придуманного предприятия полно противоречий. Мнения расходятся и по поводу предводителя, и по числу его спутников. Некоторые утверждают, что первоначально предводителем был Гераклес, а Ясон заменил его, лишь тогда, когда Гераклес сошел на берег в Троаде в поисках Гиласа. Другие считают, что Гераклеса там вовсе не было; но все же преобладает мнение, что он отправился в поход вместе с аргонавтами. Число участников экспедиции точно установить нельзя, поскольку разные авторы пишут об этом по-разному. Принято считать, что их было около пятидесяти, причем все были божественного происхождения. Там и сыновья Нептуна, Меркурия, Марса, Бахуса, Юпитера. С их именами и кратким жизнеописанием можно познакомиться в третьем томе «Мифологии» аббата Банье, где он все объясняет сообразно своим идеям и, как обычно, отбрасывает все, что им не соответствует. Так, например, он включает в число аргонавтов Акаста, сына Пелия, и Нелея, его брата. Можно ли верить в то, если предположить, что этот поход действительно состоялся, что Пелий, этот заклятый враг Ясона, побудивший своего племянника отправиться в опасное путешествие лишь потому, что он был убежден в его будущей гибели, и что этот Пелий позволил бы своему сыну Акасту сопровождать Ясона, поскольку известно, что Пелий хотел лишь избавиться от него, чтобы сохранить трон для своего сына? С таким же основанием можно отрицать и участие в экспедиции других героев, доказав, что их там не могло быть согласно системе сего ученого мужа, но этот спор не входит в наши планы.

Когда с приготовлениями было покончено, это небольшое войско героев взошло на борт и, дождавшись попутного ветра, подняло паруса. Первая остановка его была сделана на Лемносе, чтобы расположить к себе Вулкана. Когда-то, как говорят, женщины этого острова неуважительно отнеслись к Венере, а она в наказание наделила их непереносимым запахом, из-за чего мужчины острова стали их презирать. Уязвленные лемносийки сговорились убить их всех, когда те

¹ Sur l'Ep. d'Hypsiphile à Jason.

спали. Только Гипсипила пощадила своего отца Фоанта, тогдашнего властителя острова. Ясон снискал расположение Гипсипилы и прижил с нею детей.

Когда аргонавты покинули Лемнос, на них напали тирренцы, и произошла кровавая битва, в которой были ранены все герои, а Гилас пропал, и стал затем одним из морских божеств¹. Оттуда корабль повернул к Азии, приставал к Марсию, к Киосу, к Кизику, к берегам Иберии. Затем они остановились в Бебриции (так когда-то называлась Вифиния, если верить Сервию). Правивший там Амик имел обычай вызывать на бой цестусом² тех, кто появлялся в его владениях. Вызов принял Поллукс и убил его. После этого наши герои прибыли к ливийским Сиртам, откуда открывался путь в Египет. Не желая подвергать себя опасности во время перехода через Сирты, Ясон и его спутники подняли свое судно на плечи и несли его так двенадцать дней через Ливийскую пустыню и, наконец, снова вышли к морю и спустили корабль на воду. Далее они посетили слепого властителя Финей, беспрестанно терзаемого гарпиями, от которых его избавили крылатые сыновья Борея — Калаид и Зет. Финей, видевший больше и дальше своим разумом, чем другие глазами, указал им путь, которым надлежало следовать. Сначала он изрек, что нужно побывать на Кианейских островах (называвшихся некоторыми *Симплегадами*, т.е. сталкивающимися между собой подводными рифами). Эти острова, — говорил он, — извергают много пламени, но вам удастся избежать опасности, если вы пошлете туда голубку. Оттуда вы пойдете на Вифинию, оставив в стороне остров Тиниаду. Вы побываете в Мариандине, Ахерузии, в Городе Энетов, Карамбисе, Халиме, Ирисе, Темискире, Каппадокии, на Калибах и наконец достигнете реки Фасиды, омывающей землю Цирцеи, а оттуда попадете в Колхиду, где и находится Золотое руно. Перед тем как добраться до места аргонавты лишились своего кормчего Тифия и заменили его Анкеем.

В конце концов, отряд высадился на землях Ээта, сына Солнца, правителя Колхиды, оказавшего им очень любезный прием. Он, однако, чрезвычайно дорожил своим сокровищем, и, когда Ясон предстал перед ним и рассказал о цели, приведшей его сюда, он, казалось, согласился на его просьбу, но обязал его многочисленными условиями, которые надлежало выполнить. Препятствия, содержащиеся в условиях Ээта, были настолько трудные, что вполне могли обескуражить Ясона. Но покровительница Ясона Юнона договорилась с Минервой о том, чтобы влюбить в Ясона Медею, которая, благодаря своему искусству волшебства, поможет ему пройти через все испытания. Так и случилось: Медея прониклась нежным чувством к Ясону, наполнила его смелостью и обещала всю свою помощь, если он поклянется верить в нее.

Золотое руно висело в Марсовой роще, за крепкой стеной, проникнуть за которую можно было через единственные ворота, охранявшиеся страшным Драконом, сыном Тифона и Ехидны. Ясону следовало надеть ярмо на двух подаренных ему Вулканом быков с бронзовыми рогами и копытами, изрыгавшими из пасти и ноздрей клубы пламени, запрячь их в плуг, пропахать Марсово поле и посеять в него зубы предварительно убитого им Дракона. Из посеянных зубов Дракона должны были вырасти вооруженные воины, которых надо было уничтожить всех до одного, и только тогда можно будет за все получить в награду Золотое руно.

¹ Аргонавтика, I, 1207 сл.

² Цестус — кастет кулачных бойцов. — Прим. перев.

Возлюбленная Ясона научила его, как выполнить все условия. Она снабдила его мазью, которой он натер все свое тело, чтобы защититься от яда Дракона и огня быков. Во-вторых, она дала ему снотворное снадобье, которое должно было усыпить Дракона, как только Ясон бросит его ему в пасть. В-третьих, она дала ему чистой воды, чтобы погасить пламя, изрыгаемое быками, и, в-четвертых, вручила ему знак с изображением Солнца и Луны.

Снаряженный таким образом Ясон на другой день приближается к Дракону и бросает в него волшебное снадобье, после чего Дракон засыпает, раздувается и издыхает. Ясон отрубает ему голову и вырывает зубы. Едва он покончил с этим, как появляются быки, изрыгающие снопы пламени. Он уберегает себя от огня чистой водой, и вот быки уже укрощены. Ясон хватает их, надевает на них ярмо, вспахивает поле и высевает в него зубы Дракона. Из земли сразу же начинают расти воины, но, следуя советам Медеи, он немного отступает и бросает в них камень, что приводит их в ярость, и они обращают оружие друг против друга и перебивают самих себя. Преодолевший все опасности Ясон устремляется к Золотому руну, срывает его и победоносно возвращается к своему кораблю, чтобы вернуться на родину вместе с Медеей.

Таков вкратце рассказ Орфея или, если хотите, Ономакрита. Аббат Банье утверждает, что аргонавт Орфей записал рассказ об этом походе на финикийском языке. Непонятно, на чем сей мифолог строит это предположение. Эту мысль аббату наверняка подсказал Брошар, заявлявший, что нашел объяснение этих легенд в этимологии финикийских имен. Но эту систему нельзя применять к аргонавтам, имевшим греческие имена, а не финикийские. Если Ономакрит написал свою греческую поэму с финикийской поэмы Орфея, хотя, как утверждает аббат Банье, и не знал этого языка, то как бы Ономакрит смог прочитать ее? Если бы нам дали какую-нибудь поэму на китайском языке, а мы его не знаем, то разве мы смогли бы перевести ее или скопировать?

Рассказ Аполлония Родосского и Валерия Флакка ничем не отличается от повествования Орфея, однако, многие древние авторы добывали в них свои истории, которые нет смысла пересказывать. Так, они пишут, что когда Медея убегала вместе с Ясоном, она убила своего брата Апсирта, разрубила его тело на куски и разбросала их на дороге, чтобы задержать преследовавших ее отца с солдатами. Прибыв в страну Ясона, она омолодила своего тестя Эсона, и совершила много других чудесных дел. Мы читаем у этих авторов, что Фрикс переплыл Геллеспонт на баране, прибыл в Колхиду, принес барана в жертву Меркурию и повесил его шкуру, позолоченную этим богом, в Марсовой роще; и из всех, кто пытался добыть Золотое руно, Медея помогла только Ясону, а без ее помощи сделать это было невозможно.

Перед тем, как перейти к детальному Герметическому объяснению этой легенды, рассмотрим в нескольких словах, что думают на этот счет некоторые авторитетные ученые. Большинство из них считают эту легенду рассказом о подлинном походе, который способствовал прояснению истории века, изучение которого сопряжено с бесчисленными трудностями. Г-н Ле Клер¹ пишет, что это просто описание путешествия греческих купцов, задумавших торговать на восточных берегах Понта Эвксинского. Другие полагают, что Ясон отправился в

¹ Bibliot. Univers., c. 21.

Колхиду за богатствами, увезенными туда Фриксом; третьи думают, что это аллегорический рассказ. Многие авторы считают, что под этим мнимым Золотым руном подразумевается золото, вымывавшееся реками из недр Колхиды и собиравшееся при помощи баранных шкур, причем в некоторых местах так добывают золото и поныне. Такое мнение высказывал, в частности, Страбон. Однако Плиний и Варрон полагают, что поход был предпринят ради красивой шерсти, которую получали в этих краях, и о которой ходили всякие легенды. Палейфат объясняет эти события на свой лад и предполагает, что под символическим Золотым руном имелась в виду красивая золотая статуя, отлитая по заказу матери Пелопса и увезенная Фриксом в Колхиду. Суда считает, что Золотое руно — это пергамент с записанным на нем Герметическим Искусством или секретом златоделания. По мнению аббата Банье, эта версия была подхвачена Якобом Толлем, а за ним и всеми алхимиками.

Действительно, Якоб Толль высказывает такую мысль в своем трактате «Fortuita». Но когда аббат Банье заявляет, что этого же мнения придерживались и все алхимики, то этим лишь подтверждает, что не читал трудов Герметических Философов, рассматривающих легенду о Золотом руне не так, как Суда и Толль, а как аллереорию великого делания и того, что происходит в течение его операций. В этом можно убедиться, если почитать Николая Фламелья, Авгурелли, д'Эспанье, Филалета и др. Некоторые авторы пытались придать этой легенде чисто поучительный смысл, но и их постигла неудача. Другие были вынуждены, в конце концов, признать, что она содержит аллереорию, объясняющую тайны Природы и операции Герметического Искусства. К таким авторам принадлежит Ноэль ле Конт, хотя он и отрицает наличие такого же смысла в других легендах. Из числа древних, Евстафий так же объясняет эту историю в своих заметках о Дионисии Периегете.

Рассмотрим же коротко эти различные мнения, а потом читатель сам сможет судить, какое из них справедливее. Сколь бы различными и необычными, по крайней мере, внешне, не были описания похода и возвращения аргонавтов, авторы считают эту легенду достоверной, исходя из действительного существования мест, по которым прошли герои. Такой подход был полностью или частично принят и серьезными историками, такими, как Гекатей Милетский, Тимаген, Тимей и др. Даже не веривший во все это, Страбон упоминает о памятниках, обнаруженных в называемых поэтами местах. Но разве мы не знаем, что любое сочинение, любой роман выглядят тем привлекательнее, чем ближе к правде то, что в них выводится на сцену? Из-за такого правдоподобия их принимают за настоящую историю, а не будь в них этого, их принимали бы за чистые выдумки, такие же нелепые и детские, как волшебные сказки. Впрочем, реальное существование мест в этих краях и странах не может служить доказательством и даже предположением для установления истинности этой легенды, если вспомнить Диодора Сицилийского, утверждающего, что большинство районов Греции получили свои названия от Мусея, Орфея и т.д. Известно, однако, что свою ученость эти поэты получили от египетских жрецов, а, как мы видели выше, наукой жрецов была философия Гермеса или священническое Искусство, именуемое ныне Герметическим Искусством.

Но это ясно показывает, что легенда об аргонавтах — миф, и что время, лица и их деяния, обстоятельства их действий отнюдь не соответствуют истине.

Во-первых, нельзя не видеть, как ошибались те, кто хотел определить время тех событий. Ученые отмечают здесь такую путаницу, что не могут прийти к согласию. Почти все принимают за верную точку отсчета Троянскую войну, потому что Гомер в «Илиаде» называет некоторых из этих воинов, либо их сыновей или внуков, которые якобы принимали в ней участие. Но, чтобы иметь четкую исходную точку, с которой можно было бы сравнивать, следовало бы сначала определить время самой Троянской войны. Даты этих событий одинаково недостоверны и, следовательно, не могут служить доказательствами, а потому все суждения, выстраиваемые учеными на этой основе, рушатся. Вся ученость, которую высказывают по этому поводу, всего лишь пыль, которую нам пускают в глаза. Если даже Кастор, Поллукс, Филоктет, Эвриал, Нестор, Аскалаф, Ялмен и некоторые другие участвовали в обоих событиях, то это доказывает всего лишь, что между ними не было большого промежутка, но не указывает на точную дату. Одни, подобно Евсевию, считают, что эти события разделяют 96 лет; другие, вслед за Скалигером, отделяют их друг от друга всего 20 годами, а аббат Банье оценивает промежуток лишь в 35 лет.

У Аполлодора Геркулес умирает за 53 года до Троянской войны¹. Геродот считает, что Гомер жил за 400 лет до него, а Геркулес за 500 лет до Гомера, хотя разделяет Гомера и осаду Трои 160 годами. Согласно Геродоту, Геркулес умер больше чем за 300 лет до Трои, и, если считать, что он участвовал в походе аргонавтов, то поход этот состоялся за 300 лет до взятия Трои. Но если верить этому рассказу, то как могли отдельные аргонавты или их сыновья попасть на эту войну? Далее, красота Елены, как причина войны, к этому времени должна уже была быть перезревшей и вряд ли могла служить наградой по суду Париса. Это несоответствие преодолеть было настолько сложно, что некоторые авторы просто изображают Елену бессмертной, т.к. она была дочерью Юпитера. Но раз уж и все аргонавты были детьми или потомками того или иного бога, то не могли ли и они обладать бессмертием? Геродот действительно говорит об осаде Трои, но при этом делает сам себе немало замечаний относительно реальности этого события, а его ответы хорошо показывают, что он по-настоящему в это не верил.

Не менее сложную для разрешения задачу ставит Тесей и его мать Эфра. Тесей похитил Ариадну и бросил ее на острове Наксос, где на ней женился Бахус, и у них родился Тоант, владыка Лемноса, отец Гипсипилы, принимавший у себя на острове Ясона. Следовательно, Тесей мог бы быть дедом Гипсипилы, а Эфра — его прабабкой. Каким же образом она могла оказаться рабыней Елены во время Троянской войны? Все эти факты согласовать невозможно, даже если допустить, подобно аббату Банье, что эти события разделяли всего 35 лет.

Тесею было не меньше 30 лет, когда он отправился на остров Крит, чтобы освободить свою родину от уплаты дани Миносу, ибо к тому времени он уже совершил почти все великие подвиги, приписываемые ему, и был признан владыкой Афин. Это значит, что Эфре должно было быть хотя бы 45 лет. От путешествия Тесея до похода аргонавтов должно было пройти около 40 лет, т.к. за это время Ариадна родила Фоанта, он вырос, успел управлять островом Лемнос и прижил детей, в т.ч. Гипсипилу, правившую на острове, когда туда прибыл Ясон. Авторы

¹ Клем. Александр. Строматы, I.

пишут даже, что Ясон поведал Гипсипиле историю Тесея как историю давно минувших времен.

Новая задача. Все древние согласны в том, что Тесей, которому было уже, по крайней мере, пятьдесят лет и который был уже знаменит сотней своих подвигов, узнал о красоте Елены и решил похитить ее. Разумеется, она должна была быть в брачном возрасте, т.к. древние авторы уверяют, что Тесей оставил ее беременной на попечение своей матери Эфры, а потом ее забрали братья Кастор и Поллукс. Это должно было произойти до похода за Золотым руном, в котором участвовали оба брата. Пусть же наши мифологи рассеют все эти и другие сомнения. И даже если им удастся удовлетворить самые пытливые умы, то смогут ли они похвалиться тем, что точно определили время похода аргонавтов? Далекий от достижения поставленной цели в своих «Мемуарах», представленных Французской Академии, и в своей «Мифологии», аббат Банье, кажется, писал лишь для того, чтобы вызвать еще больше сомнений в этом событии.

Но вернемся к нашему вопросу. Можно ли смотреть, как на подлинное, на событие, которое вероятно было выдуманно, чтобы забавлять детей? Могут ли люди со здравым смыслом поверить, что был построен корабль из говорящего дуба, что быки извергали клубы пламени из пасти, что из посеянных в поле зубов дракона тотчас выросли воины, перебившие друг друга из-за брошенного в них камня. И можно ли, наконец, верить во все остальные нелепицы, присутствующие во всех без исключения моментах этого знаменитого похода? Есть ли среди них, хоть одно не похожее на сказку, причем довольно нескладную, если не рассматривать ее с аллегорической точки зрения? Именно это поразило тех, кто предположил аллгорию в упоминании о золотых копиях, якобы имевшихся в Колхиде. Они приблизились к истине, но еще ближе к ней подошли те, кто объяснял легенду, как рассказ о пергаменте, описывающем способ златоделания. Но кто был человек, решившийся ради этой цели подвергнуть себя опасностям, которые преодолел Ясон? Зачем ему могли понадобиться советы Медеи, ее мазь, вода, волшебные снадобья, знак Солнца и Луны, и пр.? Какая связь была между изрыгающими пламя быками и охранявшим ворота драконом, вырастающими из земли воинами, и пергаментом, или золотом, собираемым на овечьи шкуры? Действительно ли нужно было, чтобы Ясон (что значит «целитель») обучался для всего этого под руководством Хирона? Какую связь с этим могло иметь омоложение Эсона Медеей после завершения похода?

Известно, что мифологи предпринимали попытки объяснить все эти события. Давалось объяснение колеснице Медеи с двумя запряженными в нее драконами, кораблю под названием «Дракон», а когда таким способом удалось придать им какой-то смысл, то все решили, что узел проблемы, наконец, разрублен, и можно было сказать вслед за аббатом Банье: *«Вот еще одна сказка, лишенная всякой основы»*. Прекрасное решение! Можно ли найти лучший выход из затруднений, с которыми сталкивается мифолог? Но разве может такой ответ удовлетворить человека, наделенного здравым смыслом, для которого совершенно естественно полагать, что у авторов этих легенд были свои причины для включения в них всех этих подробностей? Почти все объяснения, даваемые мифологами, либо не касаются ничего конкретного, либо просто надуманы, чтобы обойти трудные места.

Очевидно, следовало бы воспринимать рассказ о добыче Золотого руна как аллегорию. Рассмотрим же каждую деталь в отдельности. Кто такой Ясон? Его имя, означающее по-гречески «целитель», «исцеление», ἀπό τῷ ἰάσθαι, & ἰασις, его воспитание, его поступки дают нам представление об этом. Его отдали на воспитание Хирону, тому самому, который опекал Геркулеса и Ахилла — героев, один из которых проявил себя непобедимым в Троянской войне, а другой очищал землю от наводнявших ее чудищ. Итак, у Ясона было два наставника: Хирон и Медей. Первый преподавал ему начала науки, вторая направляла его в практике своими точными советами. Без их помощи мастеру не достичь успеха, напротив, его будут постоянно подстерегать ошибки. Не имея такой поддержки, как говорят Бернар Тревизан и Дионисий Захарий, мастер утратит всякую надежду освоить практическую сторону Искусства, ибо не будет своевременно получать указаний, необходимых для избежания ошибок.

Ясон принадлежал к роду богов. Но как мог он воспитываться у Хирона, если ни отец последнего, Сатурн, ни его мать, Филира, никогда не существовали? Нам говорят, что супруга Ясона Медей была внучкой Солнца и Океана, дочерью Ээта — брата Пасифаи и волшебницы Кирки. Признаем, что такая родня вполне подходила Ясону во всех случаях его жизни. Все в нем дышит божественным, вплоть до его спутников.

В этой легенде требуют объяснения и многие другие детали. Корабль «Арго» был построен, по словам некоторых, на горе Пелион из говорящих дубов рощи Додоны или, по крайней мере, это дерево пошло на изготовление мачты, кормы или носа. Строительством руководила Паллада или «мудрость». Кормчим был назначен Орфей вместе с Тифисом и Анкеем, как пишут некоторые авторы. Аргонавты несли корабль на плечах двенадцать дней по Ливийской пустыне. Однажды Ясон захотел укрыться под уже сильно износившимся кораблем, и тот развалился, а Ясон погиб под его обломками. В конце концов «Арго» был отправлен к звездам.

Все это указывает, что строителем и кормчим корабля был Орфей, т.е. поэт сам говорит, что он — автор этой легенды, и он же поместил корабль в число звезд, чтобы память о нем лучше сохранилась у потомков. То, что он управлял кораблем звучанием лиры, означает, что он сложил о нем рассказ в стихах. Он строил корабль, следуя советам Паллады, т.к. Минерва, или Паллада, считалась богиней наук, и бесполезно было, как говорят, пытаться слагать стихи без покровительства Минервы.

Это дуб, из которого строили корабль, тот самый, о который Кадм убил змея, пожравшего его спутников. Это тот дулистый дуб, у подножия которого рос розовый куст Авраама Еврея, упоминаемого Фламельем¹; это тот дуб, что рос у родника у Тревизана², и тот же, что упоминает д'Эспанье в 114-м каноне своего трактата. Итак, ствол дуба должен быть полым, из-за чего и называли «судном». Мы

¹ На пятом листке изображался красивый розовый куст, цветущий посреди чудесного сада у дулистого дуба. У его подножия журчал родник чистой воды, низвергавшийся в бездну. Объяснение иерогл. фигур.

² Однажды ночью я долго размышлял, готовясь к завтрашней беседе, и так, прохаживаясь, я наткнулся на маленький красивый и чистый родник в обрамлении красивых камней. Камни находились на верхушке дулистого дуба. Вот родник Кадма и дуб, к которому он пригвоздил дракона.

выяснили также, что одним из кормчих был Тифис, т.к. руководит деланием огонь, ибо Τύφω, *sumtum excito in flammo*. В помощники ему дали Анкея, дабы показать, что нужно использовать тот же огонь, что и для высживания яиц, как говорят Философы, ибо Анкей происходит от αἰκία, *ulnae*.

Теперь последуем за Ясоном. Первая его остановка в пути была на острове Лемнос. А почему? — чтобы заручиться, говорят нам, благорасположением Вулкана. Какое отношение и какую связь имеет бог огня с богом морей Нептуном? Если бы поэт действительно хотел показать, что от этой остановки зависело плавание, он вряд ли бы впал в такую грубую ошибку. Он ведь не мог не знать, что просить расположения надо было у морского бога. Оказывается, однако, что требовалось убажить Вулкана, т.к. огонь был совершенно необходим. Но какой огонь? Это огонь порчи и разложения. Аргонавты познакомились с его действием на Лемносе: они увидели здесь женщин, источавших нестерпимое зловоние. Такой запах приобретает материя Философов, когда начинает гнить. Поскольку всякое гниение вызывается влажностью и действующим на нее внутренним огнем, материю нельзя было изобразить лучше, чем женщинами, которые являются ее обычным символом в герметической науке. Мориен пишет, что запах у матки напоминает трупный, а некоторые Философы называют материю в этом состоянии *Assa foetida*. Истребление этими женщинами их мужей означает растворение фиксированного воздействием летучего, обычно изображаемого женщинами.

Так в эпизоде похода аргонавтов летучесть представлена отцом Гипсипилы Фоантом (φοῦς, *celer*, *быстрый*, φοῦξω *celeriter moveo*, *ускорять движение*), а также его дочерью, чье имя означает «любящая высоту». Именно так ее все время называют аббат Банье и некоторые другие авторы, хотя Гомер¹ и Аполлоний² называют ее Гипсипилой, ὑψιπύληα. Это также соответствует летучей части материи, которая поднимается до входа или до устья запечатанного сосуда, закрытого так плотно, как замурованная дверь.

Аргонавтам понравилось жить на острове, и они как бы забыли о цели своего путешествия. От этого забвения их пробудил Геркулес, уговоривший их покинуть эти места³. Не успели они отплыть от берегов острова, как на них напали тирренцы, завязалась кровавая битва, в которой все были ранены, а Гилас исчез. Это было сражение летучего и фиксированного, затем приходит чернота, а ей предшествует синий цвет. Так, Аполлоний добавляет в ст. 922:

Шли оттуда на веслах они по глубинам Меланским;
Фракии слева земля, а справа за водным простором,
Имброс средь моря лежал...⁴

Аргонавтика, I, 922–924

А поскольку Философы называют эту черноту *ночь, тьма*, тот же автор продолжает:

...И как раз при заходе светила

¹ Илиада, VII, 469.

² Аргонавтика, I, 637.

³ Аргонавтика, I, 864.

⁴ В оригинале: Illinc profunda nigri pelagi remis transmiserunt.
Ut hac Thracum tellurem, hac contrariam
Haberent superius imbrum.

Близко подплыли они...

Аргонавты приплыли на некий остров и соорудили на нем алтарь из мелких камней в честь матери богов, или Кибелы, Диндимены, т.е. Земли. Не были забыты Титий и Меркурий, единственные, кто помогал нашим героям. На это тоже имелись причины. Когда материя начинает фиксироваться, она превращается в землю, становящуюся матерью герметических богов. В состоянии черноты первым из всех выступает Сатурн. Его супруга Кибела или Рея — это та первая земля Философов, которая становится матерью Юпитера или серым цветом, принимаемым этой землей. Титий — это тот знаменитый гигант, сын Юпитера и нимфы Эллары, укрытый Юпитером в земле от гнева Юноны. Гомер говорит, что Титий был сыном самой Земли:

Тития также увидел я, сына прославленной Гей;
...недвижим там он лежал...

Одиссея, XI, 576

Поскольку объем земли Философов постоянно увеличивается по мере того, как вода коагулирует и фиксируется, поэты решили, что Титий все время рос, пока не достиг огромных размеров. Он хотел, как нам рассказывают, посягнуть на честь Латоны, матери Аполлона и Дианы, и те убили его из своих луков. Это значит, что еще не полностью зафиксировавшаяся земля Философов, представленная Латоной, становится фиксированной, когда появляется белизна, называемая Дианой или Луной Философов, и краснота или Аполлон. Что же до почестей, воздаваемых Меркурию, то их причина нам известна — ведь он одна из главных действующих сил делания. Аполлоний называет только этих трех лиц единственными защитниками и проводниками аргонавтов¹: и действительно, на этом отрезке делания присутствуют только эти три вещи: Земля, ее сын и вода или Меркурий.

После того, как наши герои проплыли вдоль маленькой Мисии и Троады, они остановились в Бебриции, где Поллукс убил Амика, вызвавшего его на поединок, т.е. материя начала фиксироваться после улетучивания, обозначенного их боем. Еще сильнее улетучивание символизируется Гарпиями с их когтистыми лапами и крыльями, изгоняемыми сыновьями Борея Калаидом и Зетом, т.к. Философы называют свою материю в этом состоянии *бронзой* или *латунью*, *laton*: «*Белите латунь и разрушите тело, но не терзайте душу*» (Мориен и почти все другие авторы). Покинув Бебрикию, аргонавты прибыли в страну, где Гарпии беспрестанно терзали слепого прорицателя Финея, сына Агенора. Они забирали приносимое ему мясо, а то, что оставалось, портили. Делать что-либо летучим означает — забирать, похищать. Калаид (а это название камня) и Зет изгнали гарпий и заточили их на острове Плот, т.е. «плавающий», потому что материя при коагулировании образует плавающий остров, похожий на Делос, где Латона родила Диану.

А вот как описывает Василий Валентин сыновей Борея:

1 ..Тития клича с Килленом,
Что лишь один «сопребстольников» и «сопричастников» имя
Матери носят идейской...

Тогда на материю должны подуть два ветра: Вултурн, или восточный ветер, и Нот, — южный ветер. Ветры эти должны дуть без перерыва, пока воздух не станет водой, а тогда можете быть уверены, что духовное станет телесным, т.е. летучие части фиксируются¹.

По мнению Брошара, имена Гарпий означают нечто летучее и темное: *Окипета* — быстрая; *Келано* — тьма, мрачная; *Азлио* — вихрь. Из этого он заключает, что они соответствовали саранче. Они были дочерьми Нептуна и Земли, т.е. земли и меркуриальной воды Философов. Когда нам говорят, что Гарпии — это сестры Ириды, мы согласны, ибо Ирида — есть цвета радуги, меняющиеся в материи после разложения, когда она начинает улетучиваться.

Согласно Аполлонию, Финей был сыном Агенора и пребывал в противоположной от Вифинии стороне. Аббат Банье утверждает, что он есть сын правителя Салмидесы Феникса, хотя и не объясняет происхождения этого Феникса. Мало вероятно, чтобы Финей дожил до времени аргонавтов и оказался во Фракии, т.к. даже по подсчетам аббата Банье, от времени Агенора до Троянской войны прошло два века. Следовательно, если брать его предположения, Финей должно было быть тогда не меньше 165 лет. Если считать его внуком Агенора по линии Феникса, то объяснение не станет более простым, ибо сей мифолог утверждает, со слов Гигина², что в поисках своей сестры Европы Феникс оказался в Африке. Финей же был слепой, и это обстоятельство введено, чтобы показать черноту, называемую *ночь* и *тьма*, потому что слепой живет во мраке. Гарпии стали мучить его только после того, как Нептун лишил его зрения, т.е. когда меркуриальная вода вызвала начало разложения. Эти чудовища — символы летучих частей — имели крылья и облик женщин, чтобы подчеркнуть их легкость, ибо, как писал один из древних:

Что разгоняет дым? Дуновение. Что дует? Ветер.

Что ветренно? Женщина. Что превыше женщины? Ничто.

Когда утверждают, что Финей был прорицатель, это значит, что чернота есть ключ делания, извещающая мастера об успехе, мастер же, знающий теорию дальнейшего хода операций, видит все, что должно произойти в дальнейшем.

Дабы читатель смог убедиться в справедливости приведенных нами объяснений, достаточно посмотреть, что по этому поводу сказал Фламель, а у него Гарпии изображены крылатыми драконами, портящими и разлагающими еду Финей, а затем скрываются. Теперь можно сравнить их с описанием Вергилия³ и Овидия⁴ и заключить, что их вполне резонно именуют драконами.

Фламель пишет:

¹ 12 ключей, кл. I, 6.

² См.: Мифы, 178. — *Прим. ред.*

³ Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев.
С гнусным воплем напад, расхищают чудовища яства,
Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым.

Энеида, III, 226–228

⁴ Головы их велики, очи зорки, а клюв беспощаден,
В крыльях видна седина, крючьями когти торчат.
Ночью летают, хватают детей в пеленах колыбельных
И оскверняют тела этих младенцев грудных.
Клювами щиплют они, говорят, ребячьи утробы
И наполняют себе выпитой кровью зобы.

Фасты, VI, 133–138.

Причина, по которой я описал эти две спермы в виде драконов, заключается в их страшном зловонии, как у драконов, а выделения, испаряющиеся в колбе, темные, черные, синие, желтоватые, как у описанных драконов. Их сила и сила растворенных тел настолько ядовита, что поистине нет в мире большей отравы, ибо своей силой и зловонием он способен умертвить и убить все живое. Философ никогда не ощущает этого зловония, если не разбить сосуд; он лишь определяет его зрительно и по смене цветов, происходящей от гниения его материалов.

В то же время материя растворяется, разлагается, чернеет и зачинает, чтобы родить, ибо всякое разложение есть зарождение, и должно всегда стремиться к этой черноте... Она же есть тот черный парус, под которым Тесей победоносно возвращается с берегов Крита, ставшего причиной смерти его отца. Иными словами, отец должен умереть, чтобы из пепла этого Феникса родился другой и чтобы сын стал королем.

И действительно, кто не видел этой черноты в начале своих операций в течение дней делания Камня! Если он видит другой цвет, то не может достичь магистерия и не сможет его довершить в этом хаосе. Ибо, не подвергнуть гниению — значит ошибаться, т.е. не разлагать и не зачинать. И истинно говорю тебе теперь, что даже, если будешь ты оперировать с правильными материалами, но, если в самом начале, когда поместишь твои вещества в философское яйцо, и через какое-то время после того, как огонь действует на них, ты не увидишь *эту голову чернейшего ворона*, ты должен будешь начать все сначала. Пусть же те, кто не получит этого главного *предзнаменования*, вовремя прекращают операции, дабы избежать несомненной неудачи... Какое-то время спустя вода начинает сгущаться и коагулировать сильнее, становясь похожей на черную сажу; и, наконец, появляются тело и земля, которую завистники называют *смердящая и зловонная земля*. Ибо тогда, по причине совершенного гниения, являющегося таким же естественным, как и всякое другое, эта земля источает зловоние и выделяет запах, как у гниющих трупов или как у еще наполненных природными выделениями скелетов. Гермес назвал ее *навозной землей*; но все же, более свойственным и точным для нее будет имя *laton* или *laiton*, под которым она затем белеет. Древние кабалисты описывали ее метаморфозы в различных историях и, среди прочих, в легенде о Марсовом змее, пожравшем спутников Кадма, который потом убил его, пригвоздив своим копьем к дулистому дубу.

Обратим внимание на дуб!

В первые сорок дней нельзя получить более благоприятного знамения, чем эта чернота — или слепой Финей. То есть, после того, как при первом делании материя приобрела красный цвет и столько великолепия и блеска, что заслужила имя Феникса и Солнца, наступает второе делание — сумрачное, затемненное, без света, и выразить это невозможно лучше, чем потерей зрения. Финей, как говорят, получил дар предвидения от Аполлона, потому что Финей есть сам Аполлон Философов в первом делании или в первом приготовлении. Фламель утверждает, что приведенное нами описание его относится ко второй операции. «Я описываю тебе здесь два тела: одно мужское, а другое женское, — пишет он в начале IV главы, чтобы пояснить тебе, что в этой *второй операции* ты уже по-настоящему имеешь, но еще не совершенно, две природы соединенные и вступившие в брак: мужскую и женскую или, скорее, четыре стихии».

Орфей или автор этого рассказа о плавании аргонавтов был знаком с деланием, и потому ему нетрудно было вложить в уста Финею указание о пути, которым надлежало следовать, и о том, что нужно делать впоследствии. Поэтому мудрый и осторожный кормчий Орфей ведет их под звуки своих струн и извещает

о том, как нужно себя вести, чтобы уберечься от опасностей, уготовленных им Сиртами, Сиренами, Сциллой, Харибдой, Киановыми скалами и прочими подводными рифами. Последние представляют собою две бесформенные груды скал на входе в Понт Эвксинский, одна из которых расположена со стороны Азии, а другая — со стороны Европы, и, по словам Страбона, разделены они пространством всего лишь в двадцать стадий. Древние говорили, что скалы эти подвижные, что они сближались друг с другом, чтобы поглотить корабли, и потому их называли *Symplegades*, т.е. «бьющиеся друг о друга».

Эти два рифа действительно были страшны для наших героев; уже от одного их описания, сделанного Финеем, можно было набраться страху, если бы он одновременно не научил их, как преодолеть опасность. На подходе к ним нужно было выпустить дикую голубку, и, если она пролетит там, можно продолжать путь, в противном же случае следовало повернуть назад.

Нельзя не оценить тщание, с которым автор этой легенды описывает все серьезные события, происходящие в течение операций. Когда черный цвет начинает светлеть, материя покрывается темно-синим цветом, в котором есть и черное, и синее, и хотя эти два цвета отличаются друг от друга, через какое-то время они как бы вместе образуют фиолетовый. Вот почему Фламель говорит: «Я описал поле, в котором находятся эти лазурная и синяя фигуры, чтобы показать, что материя только начинает выходить из черной-пречерной черноты. Ибо лазурный и синий цвета это первые, показывающие нам темную жену, т.е. влажность, постепенно уступающую место теплу и сухости... Когда возобладает сухость, все станет белым». В этом описании можно рассмотреть Кианейские скалы, если мы знаем, что это название *Κυάνεος* или *Κυάνος* означает по-гречески «черновато-синий цвет». Прежде, чем проплыть между ними, надо было пропустить вперед себя голубку, т.е., сделать материя летучей, и это был единственный способ, т.к. иначе на удачу рассчитывать не приходилось.

Пройдя Кианейские скалы, наши герои должны были оставить по правую руку Вифинию, вплотную проплыв к острову Тиерею и остановиться у мариандинцев. Финей предупредил их, что уже недалеко оттуда должны были находиться могилы пафлагонийцев, которыми когда-то правил Пелопс, и родством с которыми они гордились. И он был прав, поскольку в тот момент материя только начинала освобождаться от черного цвета, происходящего от «Пелопс» или *πέλος*, *niger* и *ὄψ*, *oculus* — глаз. Этот цвет, возникающий от разложения, послужил Философам, как утверждает Фламель, для сочинения их аллегорий о могилах и для того, чтобы так назвать его. С противоположной стороны, по направлению к Большой Медведице, из моря вставала гора Карамбис, над которой вызывал грозы Аквилон.

Авраам Еврей использовал этот символ для того же, и кроме этого, мы находим его в иероглифических знаках, приводимых Фламелем:

С другой стороны четвертого листка находился красивый цветок на вершине очень высокой горы, жестоко сотрясаемой Аквилоном. У него был синий стебель, белые и красные цветы, листья, сверкавшие чистым золотом, а вокруг него аквилонские драконы и грифоны устраивали свои гнезда и жилища.

Недалеко от этих мест, — продолжает Аполлоний, — катит свои серебристые воды речка Ирис, впадающая в море. Пройдя устье Фермодонта, землю халибов, обрабатывающих железо, и мыс гостеприимного Юпитера, вы попадете на

необитаемый остров, с которого вам нужно будет изгнать всех, в огромном числе живущих там, птиц. Вы увидите там храм, построенный амазонками Отрерой и Антиопой после их походов в честь Марса. Обязательно побывайте там, чтобы увидеть необычайно устроенное море. По другую сторону живут филиры, выше — макроны, затем визеры, и, наконец, вы придёте в Колхиду. Доберётесь до нее вы через китеидскую землю, простирающуюся до гор амарантов, потом через земли, омываемые Фазисом, из устья которой вы увидите дворец Ээта и Марсову рощу, где висит Золотое руно.

Финей указал им такой путь, причем вовсе неспроста призывал их ничего не пропускать. После черного цвета появляется серый цвет, за которым следует белый или серебро — Луна Философов. Финей указывает на него серебристыми водами меленькой речки Ирис и определяет ее огненную природу рекой Фермодонт. После белого цвета появляется цвет ржавого железа, именуемый философским Марсом. Финей называет его жилищем кузнецов халибов, островом и храмом Марса, возведенным амазонками Отрерой и Антиопой, т.е. воздействие летучих частей на фиксированное, что подразумевается словом экспедиция. Нужно прогнать с этого острова всех птиц, т.е. зафиксировать все, что есть летучего, т.к., когда материя приобретет цвет ржавчины, она станет совершенно фиксированной и ей останется лишь закрепить свой цвет. Вот почему Финей говорит, что они пройдут через Китеидскую землю или через цвет цветка граната, ведущую к горам амарантов. Известно, что амарант — это пурпурный цветок, разновидность бессмертника. Этот цвет указывает на совершенство камня или серы Философов. О появлении всех красок д'Эспанье коротко сообщает так:

Нужно искать и обязательно найти три вида красивейших цветков в саду Мудрых. Фиалки, лилии и бессмертные амаранты пурпурного цвета. Фиалки находятся у самого входа. Орошающая их золотистая река придает им цвет сапфира; умело потрудившись, можно потом найти лилию, за которой незаметно появится амарант.

Разве не содержится в этих кратких указаниях все описание похода аргонавтов? Что же надлежало делать дальше? Войти в реку Фасиду, или «несущую золото». И они действительно поплыли по ней. наших героев встретили сыновья Фрикса. Ясона отвели к сыну Солнца — Ээту, взявшему в жены дочь Океана и имеющему с ней дочь Медею. Итак, всем этим сокровищем владеет сын Солнца, а внучка Солнца помогает завладеть им. Это значит, что окончательное приготовление вещественных начал делания завершено, и что мастер достиг процесса зачатия сына Солнца Философов. Однако для завершения делания в целом необходимо выполнить три задания. Первое представлено плаванием аргонавтов в Колхиду; второе — подвигами, совершенными Ясоном, чтобы захватить Золотое руно; третье — их возвращением домой.

Мы достаточно подробно объясняли первое задание, чтобы дать представление об остальных, а посему долго на них задерживаться не станем.

На пути Ясона встает бесчисленное количество препятствий и опасностей. Золотое руно охраняет дракон размером с пятидесятивесельный корабль: его нужно победить, но кто мог взяться за это без покровительства Паллады и искусства Медеи? Об этом драконе пишут многие Философы, и мы приведем здесь лишь некоторые из их высказываний. «Нужно, — говорит Раймунд Луллий, — извлечь из этих трех вещей большого дракона — коренное и главное начало постоянного разрушения». И дальше: «По этой причине аллегорически можно ска-

зять, что дракон вышел из четырех стихий». «В этой жидкости ректифицируется большой дракон». «Дракон живет во всем, другими словами это огонь, в котором пребывает наш воздушный камень. Это свойство присутствует во всех индивидах мира». «Внутренний огонь заключается в гнилом выделении, преобразующем наш камень в некоего ядовитого, сильного и прожорливого дракона, оплодотворяющего собственную мать».

Аллегория дракона используется большинство Философов, и мы увидим тому еще немало примеров. Если, следуя выражению Раймунда Луллия, этот дракон есть огонь, то неудивительно, что и дракон, стороживший Золотое руно, изрыгал огонь из пасти и ноздрей. Убить его можно, лишь бросив ему в пасть наркотического и снотворного зелья, т.е. добиться разложения фиксированной материи можно лишь при помощи меркуриальной воды, которая, очевидно, гасит огонь и растворяет. Только таким способом можно вырвать у него зубы, т.е. семя золота Философов, которое затем должно быть высеяно.

Поскольку каждая операция является лишь повторением предыдущей, что проявляется в продвижении вперед, поэтому, зная одну, легко объяснить другую. Итак, очередная операция, как и предыдущая, начинается с гниения; а вид смерти дракона и то, что ей сопутствует, описаны в завещании Арнольда из Виллано-вы¹. Д'Эспанье также говорит, что покончить с философским драконом можно, лишь окатив его водой. Именно такой чистой водой снабдила Ясона Медея.

Но убить дракона недостаточно. Появляются огнедышащие быки, которых нужно тоже укротить и надеть на них ярмо. Мы уже разъясняли в главе об Аписе, что нужно подразумевать под быками, а именно подлинную первичную материю делания. С помощью этих животных следует вспахать поле Философов и засеять в него приготовленное и подходящее семя. Ясон воспользовался также хитростью, чтобы избавиться от дракона и приручить быков, но главным при этом было то, что он надел на себя знак Солнца и Луны. Имея такой талисман, можно быть уверенным в удаче. Найдет же он в предыдущих операциях, и ни о чем другом так много не говорят Философы, как об этих двух светилах.

Едва зубы дракона попадают в землю, как из нее вырастают воины, убивающие друг друга, т.е., как только златоносное семя брошено в землю, фиксированная и летучая природы начинают воздействовать друг на друга. Происходит брожение, вызванное материей, фиксированной в камень; завязывается битва, поднимаются и опускаются испарения до тех пор, пока все не оседет и не образуется фиксированная и постоянная субстанция, обладание которой приводит и к овладению Золотым руном. Вот как описывает быков Вергилий:

Пусть не вспахали быки, огонь выдыхая ноздрями,
Эти места, и зубов тут не сеяно гидры свирепой,
Дроты и копья мужей не всходили тут частою нивой...

Георгики, II, 140–142

1 Lapis Philosophicum de terra scaturiens, in igne perficitur; exaltatur limpidissimae aquae potu satiat, sopitur & ad minus toris duodecim undique visibiliter tumescit. Deinde in furno aëris mediocriter calidi decoquitur quousque in pulverem redigi, & sit aptus contritioni. Quibus pereactis lac virgineum exprimitur ex purissimis ejus partibus; quod protinus in ovum Philosophorum positum tandiu ab igne varlatur, dum varii colores cessent in candore fixo; & tandem purpureo diademate infat coronetur.

Итак, одни говорят, что это руно было белое; другие — пурпурное; однако мы узнаем из легенды, что оно прежде было позолочено Меркурием до того, как его развесили в Марсовой роще. Следовательно, цвета его менялись от белого к желтому, затем к ржавому и, наконец, к пурпурному. Меркурий позолотил его, поскольку цвет цитрины, промежуточный между белым и ржавым, таков результат действия ртути.

Нелишне отметить, как это сделал Аполлоний, — что Медея и Ариадна — и та и другая внучки Солнца — снабдили Ясона и Тесея средствами для победы над чудовищами, с которыми тем предстояло сразиться. Сходство походов двух этих августейших отпрысков ясно доказывает, что обе эти легенды касаются одного предмета. Они повествуют, что оба отбывают в плавание с горсткой соратников. Тесей по прибытии на место должен сразиться с чудовищем — Минотавром. Ясону же нужно победить быков. Чтобы добраться до Минотавра, Тесею придется пройти всеми закоулками лабиринта, постоянно подвергаясь смертельной опасности. Путь Ясона не менее труден и опасен, полон препятствий и встреч с врагами. Тесея полюбила Ариадна и, вопреки интересам своего отца, передает возлюбленному средство для преодоления всех подстерегающих его напастей. То же самое происходит и с Медеей, и она также снабжает Ясона всем, что нужно для победы. Ариадна покидает отца, родину вместе с Тесеем, потом бросившего ее на острове Наксос, чтобы жениться на Федре, с которой приживет Ипполита и Демофонта. Но ранее, по утверждению некоторых авторов, Ариадна родила ему Энопиона и Стафила. Медея также уезжает с Ясоном, родит ему двух детей, а он затем бросает ее ради Креусы. Дети и тех, и других были несчастны, как и их матери. Тесей был сброшен с высокой скалы в море и так погиб. Ясон погиб под обломками корабля «Арго». Брошенная Ясоном Медея вышла за Эгея, а Ариадна за Бахуса. В общем, нельзя не видеть, что обе эти легенды представляют собой рассказ об одном и том же, изложенный при помощи аллегорий, но с разными событиями, чтобы представить его как две разные легенды. Если бы мифологи взяли на себя труд подумать над этим сходством, то, несомненно, обнаружили бы свою ошибку и не стали бы тратить столько сил на пересказ истории, которая в действительности является чистым вымыслом.

Такая непосредственная связь характерна не только для этих двух легенд. Так, легенда о Кадме не меньше похожа на легенду о Ясоне. Тот же дракон, которого нужно убить, те же зубы, которые нужно посеять, те же воины, вырастающие из земли и убивающие друг друга. Там — бык, от которого Кадм убегает; здесь — быки, которых побеждает Ясон. Если попытаться сравнить все эти древние легенды, нетрудно увидеть, что у нас есть все основания свести их все к одному и тому же началу, ибо их и вправду объединяет один и тот же предмет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРГОНАВТОВ

Еще меньше согласия мы находим у авторов по поводу пути, которым аргонавты возвращались в Грецию, а потому нельзя обычным историкам или поэтам, не знакомым с Герметической Философией, описывать происходящее при операциях этого Искусства.

Геродот приводит не так много подробностей возвращения, чтобы аббат Банье мог заявить, что этот историк только способствует уточнению других повест-

вований; из его описаний можно лишь предположить, что аргонавты возвращались примерно тем же самым путем. Гекатей Милетский считает, что после реки Фасиды герои переправились в океан. Оттуда в Нил, затем в Тирренское или Средиземное море и, наконец, достигли своей родины. Артемидор Эфесский опровергает этого автора, доказывая, что Фасида не сообщается с океаном, Тимаген, Тимей и некоторые другие заявляют, что аргонавты прошли по всем местам, указанным Орфеем, Аполлонию Родосским и пр., утверждая, что в их времена в этих местах еще встречались свидетельства того, что тут проходили аргонавты. Вряд ли такие свидетельства, несомненно, вымышленные в этих самих легендах, но приводившиеся данными поэтами ввиду того, что подходили к обстоятельствам, которые были включены в их сочинения, могли сделать возможным невозможное.

У Орфея аргонавты движутся восточными берегами Азии, пересекают Киммерийский Босфор, Мэотидские море, затем никогда не существовавший залив, по которому через девять дней они вышли в южный океан; отсюда они прибыли на остров Певкет, известный кормчему Анкею; далее на остров Кирки, достигли Геркулесовых Столпов, вошли в Средиземное море, проплыли мимо Сицилии, с помощью Фетиды, беспокоившейся за жизнь своего мужа Пелея, и благополучно миновали Сциллу и Харибду. Затем пристали в стране феаков, после того как были спасены от сирен пением и музыкой Орфея, отсюда были брошены на африканские Сирты и спасены Тритоном при помощи треноги. В конце концов, они достигли мыса Малей, а затем и берегов Фессалии.

Создается впечатление, что Орфей ясно показывал, что его рассказ есть полный вымысел, — так как в нем мало правдоподобного. Однако Аполлоний Родосский намного превзошел Орфея. По его словам аргонавты вспомнили, что Финей советовал им возвращаться в Грецию иным путем, означенным в свое время фиванскими жрецами в Египте. Двинувшись же этим путем, они вошли в большую реку, которая в какой-то момент пересохла, и им пришлось двенадцать дней нести свой корабль на плечах, пока не вышли они к морю, причем их преследовал брат Медеи Алсирт, и, чтобы отделаться от него, им пришлось его убить и разрубить на куски. Тогда дуб Додоны изрек прорицание, предсказав Ясону, что он вернется на родину не раньше, чем совершит искупительную церемонию после упомянутого убийства. Для этого аргонавты направились на Эю, где жила Кирка — сестра правителя Колхиды и тетка Медеи. Она совершила все положенные обряды искупления и отправила их дальше.

В течение какого-то времени плавание их было довольно удачным, но затем они были брошены к африканским Сиртам, а отсюда они выбрались с большим трудом, так, как это описано Орфеем.

Очевидно, что в этих легендах нет ни капли правды. Можно простить их авторам незнание географии, а также навигации, которая в те времена еще не была достаточно совершенна. Но ошибки эти настолько грубы и настолько зримы, что аббат Банье, как и многие другие мифологи, верящие в правдивость рассказов об этом походе, не могли не отметить, что все эти авторы проявили верх невежества и прибегли к смехотворным вымыслам. И все лишь для того, чтобы подтвердить то, что было известно в их времена о народах, населявших эти дальние страны. Сей ученый мифолог признает также, что большинство этих народов неизвестны, и они даже не существовали во времена Орфея или Ономатра. Тем не менее, нужно было найти у этих поэтов что-нибудь такое, на чем бы абба-

ту Батье можно было строить свою историческую систему. Фундамент, предоставленный ему Аполлоном, на поверку оказался совсем непрочным. Об этом говорят придуманные колхидские колонны, на которых, по утверждению поэта, были высечены все известные тогда пути. Согласно нашему мифологу, колонны эти были возведены Сезострисом. К сожалению, Сезострис появился на свет гораздо позже этого выдуманного похода, если даже допустить, что он действительно состоялся во времена, указанные нашим ученым. Но для него вовсе неважно такое несоответствие! Он пишет, что Аполлоний *без сомнения знал историю жизни Сезостриса, и, хотя последний жил уже после похода аргонавтов, он мог предугадать существование памятников, оставленных этим завоевателем в Колхиде*. Предоставляю читателю самому судить о прочности этого доказательства.

На наш же взгляд, лучше всего толковать Аполлония его же словами и сказать, что путь, которым у него движутся аргонавты, тот же, что был им указан египетскими жрецами. А это значит, и что нужно признать: все это — чистый вымысел, аллегорический рассказ о том, что происходит при операциях священнического или герметического Искусства. Именно от этих жрецов Орфей, Аполлоний и многие другие узнали о пути, которого нужно придерживаться, для достижения цели, ставшейся в практике этого Искусства. По всей видимости, эти колонны были той же природы, что и Орфеевы, Бахусовы и Геркулесовы столпы, т.е. белый камень и красный камень, являющиеся конечными пунктами путешествия героев туда и обратно. Географические неточности, в чем упрекают этих поэтов, становятся неточностями, лишь если рассматривать их как часть подлинной истории, а если видеть в них аллегорию, то они перестают быть ошибками, ибо прекрасно в нее вписываются. Места, в действительности находящиеся на пути из Колхиды в Грецию, не могли отражать аллегории, используемые нашими поэтами, которые не очень заботились о географической точности, принеся ее в жертву тому, что составляло их главную цель.

На пути из Греции в Колхиду все располагалось, как положено: сначала шел остров Лемнос, затем Кианеи и все остальное, но Финей правильно указал аргонавтам возвращаться другим путем, т.к., поскольку это возвращение, которое обозначало операцию, должно быть похоже на операцию, описанную путешествием в Колхиду. Без данного указания они бы не попали на Лемнос, выйдя из Фасиды, ни на Кианейские скалы. Это значило бы исказить последовательность происходящего в последней операции. Растворение материи, следующий за этим черный цвет и разложение, обозначенное Лемносом с дурным запахом живших на нем женщин, оказались бы тогда в рассказе лишь в конце делания, вместо того, чтобы фигурировать с самого начала, ибо все это — его ключи. Потребовалось, следовательно, создать иную аллегорию, рискуя отдалиться от географической точности.

Так, указанное растворение было обозначено при возвращении аргонавтов убийством Апсирта и отделением его членов, подарком, сделанным Эврипилом Ясону, т.е. горстью земли, упавшей в воду, при виде растворения которой Медея предсказала много благоприятного аргонавтам. Земля эта есть земля Философов, образовавшаяся из воды, и, чтобы добиться удачи, ее нужно превратить в ее первоматерию, а именно в воду; вот почему было придумано, чтобы один из сыновей Нептуна сделал подарок, отданный на хранение Эвфему, сыну того же бо-

га, и Мекione или Орис — дочери реки Эврот (другие авторы называют ее матерью Европу, дочь знаменитого Тития). Аполлоний Родосский и Гигин восхваляют легкость бега Эвфема, рассказывая, что, когда он бежал по морю, то едва касался воды ногами. Павсаний приписывает ему мастерское умение управлять колесницей. Аполлоний уделяет этому так много внимания, что устаивает его тех же эпитетов, которыми Гомер характеризует в Илиаде Ахилла. Поэтому первый из них был сыном Фетиды, дочери Нерея, а второй сыном Орисы, дочери реки Эврот, т.е. воды. В доказательство того, что два эти поэта одинаково представляли себе этих героев, можно привести тот факт, что Аполлоний также призывает на помощь Фетиду, т.к. среди них находится ее супруг Пелей, чтобы помочь аргонавтам пройти Сциллу и Харибду.

Манера, в которой данный поэт описывает событие с горстью земли, ясно показывает тому, кто внимательно читал наши предыдущие пояснения, что это чистейшая аллегория того, что происходит в делании — от растворения материи и до ее возврата в состояние земли и окрашивания в белый цвет. Когда аргонавты находились на острове Анафе, одном из Спорадских островов, соседним с Терой, Эвфем вспомнил сон, приснившийся ему в ночь после того, когда Тритон вручил Эврипилу горсть земли, и рассказал сон Ясону и другим аргонавтам. Во сне он видел, что держит в руках эту горсть земли, а из его груди на нее капает молоко, и по мере того, как земля размокает, она принимает вид приятной девушки. Он влюбился в нее, как только она достигла совершенства, и без труда уговорил ее удовлетворить его желание, однако раскаялся, приступив было к делу, которое он счел кровосмешением. Девушка успокоила его, уверив, что не он ее отец, что она дочь Тритона и Ливии и что она станет однажды кормилицей его детей. Еще она сказала, что живет неподалеку от острова Анафы и что в нужное время появится на поверхности вод. Напомним читателю то, что мы говорили выше о плавучем острове, об острове Делос, на котором Латона родила Диану. Зная, что материя начинает улетучиваться после растворения, понятно, почему говорят, что Эвфем был настолько быстр в беге, что едва замочил ноги, когда мчался по морю.

Заметим кстати, что подаренный Ясоном Тритону и поставленный в его храм треножник был медный. Мы приводим это замечание, чтобы показать, насколько все описанные обстоятельства согласуются с операциями Герметического Искусства, когда они достигают точки, о которой мы говорим, ибо Философы присваивают также название «медь» своей материи в том состоянии, когда имеют в виду *отбеливание латуни*.

Морские богини и гении, являющиеся аргонавтам у Аполлония, это не жители берегов Ливии, а крылатый конь, выпряженный из колесницы Нептуна, — это не корабль Эврипила, а сублимирующиеся водянистые и летучие части. Поскольку корабль «Арго» был всего лишь веществом, плавающим в море или на море Философов, т.е. их меркуриальной водой, то им нетрудно было нести его по суше и соблюдать сделанный им наказ идти по следам крылатого коня, несшегося со скоростью легкой птицы. Сопоставим наши мифы и вспомним, что один из героев преподнес в дар Минерве медную вазу. Диодор Сицилийский, тоже упоминающий о треножнике, говорит, что на нем была надпись, сделанная очень древними письменами.

До нас дошли и многие другие подробности возвращения аргонавтов, но мы полагаем, что данные выше объяснения освобождают нас от необходимости приводить новые детали, ибо для этого пришлось бы, так сказать, составить комментарий с заметками относительно всего, что пишут эти авторы. Ограничимся поэтому двумя словами о том, что произошло после возвращения Ясона.

У всех авторов мы читаем, что по приезде на родину своего возлюбленного Медея омолодила Эсона, предварительно разрубив его на куски и сварив. То же самое рассказывает о кормилицах Бахуса Эсхил. И то же самое рассказывают нам о Бахусе и Осирисе. Герметические Философы согласны с этими авторами и приписывают возможность омоложения свойствам своего лекарства, но если воспринимать их буквально, то невозможно не ошибиться.

Бальгус¹ сообщает нам, каким был этот старик:

Возьмите белое дерево, постройте ему круглый затемненный дом, окруженный росой; поместите внутрь вместе с ним столетнего старика, плотно закройте дом так, чтобы туда не проникали ни дождь, ни ветер, и оставьте их на 80 дней. Истинно говорю вам, что этот старик не перестанет вкушать от плодов сего дерева, пока не помолодеет. О, как замечательна Природа, превращающая душу этого старика в молодое и сильное тело и делающая из отца сына! Благословен будь Бог — Создатель наш!

Последние слова объясняют поступок Медеи по отношению к Пелию, о котором рассказывают Овидий и Павсаний. Чтобы обмануть дочерей Пелия, после омоложения Эсона Медея взяла старого барана, разрубив его на куски, бросила в котел, сварила и вынула его из котла уже ягненком. Думая, что им удастся совершить то же самое с их отцом, дочери Пелия разрубили его, бросили в котел с кипящей водой, где он сварился настолько, что не осталось никаких останков. Медея же взойшла на свою колесницу, влекомую двумя крылатыми драконами, и умчалась в небеса. Вот вам и два крылатых дракона Николя Фламелья, т.е. летучие части. Именно потому бегству Медеи предшествует смерть Пелия, указывающая на растворение и на черноту, на превращение в черный ил, πῆλος или τέλος.

Столь трудное путешествие, столь опасное плавание, путь, которым следовали аргонавты туда и обратно, требовали больше времени, чем считают некоторые авторы. Одни полагают, что все это заняло один год, хотя это и не согласуется с тем, что Ясон провел два года только на острове Лемнос. Значит, нужно считать три года, т.е. столько, сколько нужно было кораблям Саломона, чтобы привезти золото с острова Офир. Однако напрасно было бы мифологам пытаться определить срок плавания аргонавтов. Даже если Ясон и был молод, когда отправлялся в Колхиду, ясно, что ни Эсон, ни Пелий не были стариками. Авторы же представляют их престарелыми мужами по возвращении аргонавтов. В доказательство тому приведем небольшую генеалогическую таблицу.

¹ Turba.

СЫНОВЬЯ ЭОЛА

Из таблицы видно, что Пелий, Эсон и Фрикс были примерно одного возраста. Жена Фрикса Халкиопа была сестрой Медеи и сделала все возможное, чтобы вызвать у Ясона страсть к сестре. Фрикс женился на Халкиопе еще молодым, и она еще не была старой, когда двадцатилетний Ясон прибыл в Колхиду, и сестра ее Медея также была молода. Таким образом, мифологам придется заключить, что плавание аргонавтов длилось много лет, или, что Пелий и Эсон не были настолько стары, как утверждается.

Это явное несоответствие объяснить мифологам не так-то просто. Хотя авторы рассказов о путешествии в Колхиду не очень были озабочены такими несущностями. Те, кто был знаком с Герметическим Искусством, хорошо знали, что эти мнимые трудности исчезнут для Философов, ибо они ведут счет месяцам и годам совсем не так, как это принято у хронологов. Мы видели в трактате о священническом Искусстве, что у адептов свои времена года, свои месяцы, свои недели и что их система счета меняется даже в зависимости от состояния или операций делания. Вот почему у них отсутствует согласие при определении длительности делания, т.к. одни оценивают ее в год, другие — в пятнадцать, восемнадцать месяцев, в три года. Некоторые даже устанавливают ее в десять, двенадцать лет. Вообще, можно сказать, что делание совершается в двенадцать месяцев или за четыре философских времени года. Но хотя этот срок и разбит на одинаковые времена года, он бесконечно сокращается при умножении Камня, причем каждое новое умножение короче предыдущего. Эти времена года разъясняются в мифо-герметическом словаре, являющимся необходимым продолжением данного сочинения. Именно в этом смысле надлежит толковать длительность путешествий Осириса и Бахуса, и при этом нужно иметь в виду, что не всегда тот или иной миф есть полная аллегория всего делания. Большинство авторов описывают лишь частью его, а чаще всего оба делания с серой и эликсиром, особенно последний этап, так как он считается завершением делания перед умножением, которое можно при желании и не совершать.

Признаем, положив руку на сердце, что когда прочтешь мифы об Афаманте, об Ино, о Нефеле, о Фриксе и Гелле, о Леархе и Меликерте, связанные с завладением Золотым руном, когда поразмыслишь о мифах, о Пелии, об Эсоне, о Ясоне, о путешествии аргонавтов, то разве удастся удовлетворить непредубежденный ум тем, как описывает их аббат Банье и как объясняет их этот мифолог и другие ученые? Сомнения, кажется, еще больше увеличиваются по мере того, как они пыгаются их устранили. Им беспрестанно приходится признавать, что те или иные события явля-

ются чистым вымыслом, и если изъять из этих легенд все, что они объявляют вымыслом, то не останется, возможно, ни одного события, которому можно было бы и вправду дать историческое объяснение. И это легко доказать. Так, легенда о Нефеле является мифом, — заявляет аббат Банье. Легенда о вывозе Золотого руна в Колхиду тоже миф, коль скоро он говорит: «Для объяснения столь явно вымышленных обстоятельств, древние мифологи выдумали новый миф...» Не приходится сомневаться, что путешествие Ясона с горы Пелион в Колхиду, потеря им башмака, переход через реку Анавр или Энипею, согласно Гомеру, на плечах Юноны отмечены тем же клеймом. Нельзя, разумеется, поверить, что корабль «Арго» был построен из говорящих дубов. Почти все детали, касающиеся вообще спутников Ясона и каждого из них в отдельности, признаются сказочными как в отношении их происхождения, ибо все они считаются сыновьями богов, так и относительно их собственных потомков. Нет смысла подробно останавливаться на этих деталях. Посмотрим на то, что предшествовало их отплытию, и на само плавание. Напасть, насланная Венерой на всех женщин Лемноса, неправдоподобна, даже если и сбросить со счетов гнев богини. Либо же это могло значить, что по грубости манер сами аргонавты не уступали лемносцам. Они, конечно же, не прожили на этом острове два года, но как они смогли провести там хотя бы два дня? Высадка Геркулеса в Троеде, дабы он отправился на поиски Гиласа, похищенного нимфами; шестирукие и шестиногие кизикские гиганты; родник, забивший из-под земли по велению матери богов, чтобы Ясон смог искупить невольное убийство Кизика, — могло ли все это быть?

Посещение Финея, беспрерывно терзаемого гарпиями, изгнанными сыном Борея, *представляет собой вымысел, скрывающий, несомненно, какую-то правду*¹; столкновение между собой Кианейских скал или Симплегад — вымысел (там же, 231). *Неподвижность* этих скал, голубка, теряющая свой хвост, пролетая между ними, — во всем этом правды не более. Птицы с острова Ареса, метавшие смертоносные перья в аргонавтов, также никогда не существовали.

Но вот они в Колхиде, и все, что там происходило, все это тоже *сказки, столь же необычные, сколь и трудные для объяснения* (там же, 233). Волшебница Медея, дракон и быки с бронзовыми копытами, воины, вырастающие из земли, заколдованная трава, напиток; победа Ясона, его отъезд с Медеей... *можно сказать только, что все эти сказки есть чистая игра воображения поэтов* (там же, 235).

Обратимся к возвращению аргонавтов. *Поэты придумали убийство Ансирта* (там же, 238). *Рассказы об их обратном пути абсолютно необычны. Повествование Ономакрита неправдоподобно, а рассказ Аполлония и того меньше* (там же, 240). *Все это вымысел* (241). *Народы, упоминаемые этими авторами, либо неизвестны, либо не существовали при жизни данных поэтов, либо же приводятся наобум* (242). *То, что произошло на озере Тритона, — сказка, которой нельзя верить* (244). В истории Ясона и Медеи примешано столько вымыслов, опровергающих друг друга, что весьма трудно установить что-либо определенное по их поводу (там же, 253).

Разве не удивительно, что после таких признаний аббат Банье решил представить эти сказки подлинными событиями, да еще и потратил столько сил на поиски доказательств? Мы не собираемся анализировать все его объяснения; предоставим судить о них тем, кто не даст ослепить себя его высокой эрудиции.

¹ М. l'Abbé Banier, Op. cit., c. 229.

ГЛАВА II

**Легенда о похищении золотых яблок
из сада Гесперид**

После легенды о Золотом руне никакая другая так не подходит к теме нашего повествования, как легенда о подвиге Геркулеса, отправившегося на поиски этих знаменитых плодов, известных столь малому числу людей, что даже писавшие о них авторы не имеют общего мнения об их настоящем названии. Древние поэты давали волю своему воображению в этом вопросе, а историки, говорившие об этом только со слов баснописцев и напрасно искавшие место, где находился этот сад, название и характер этих плодов, — все, как один, противоречат друг другу. Да и как могли бы они сказать что-либо достоверное о том, чего никогда не было. Нет смысла пускаться в рассуждения и пытаться найти преимущества одних перед другими, т.к. все они заблуждаются. А потому можно с полным основанием считать пустыми и химерными объяснения большинства мифологов, желающих все привязать к истории, как бы изобретательны и блестящи они ни были и на каких великих знаменитостях они бы ни ссылались. Мы здесь только возвращаем мифологам аргумент, брошенный одним из них¹ против Михаэля Майера, ну а достаточно ли у нас для этого оснований, можно увидеть ниже.

Не стоит относиться к первым греческим поэтам так же, как к тем, кто всего лишь, так сказать, подражал им, то ли выбирая одинаковые с ними сюжеты, то ли работая над другими, но в том же духе. Первые учились у египтян, у них же заимствовали темы для своих поэм и перенесли их в Грецию сообразно возможностям родного языка и традициям своего народа. Пораженные величием взятого ими предмета, который они не желали раскрывать остальным людям, они описывали его волшебными аллегориями, вызывавшими восхищение и изумление. Они часто не имели никакой связи с правдой, чтобы люди благоразумные не принимали за подлинные события то, что было лишь вымыслом, но чтобы они в то же время догадывались, что аллегии эти относятся к чему-то реальному.

Поэты, творившие позднее и не знавшие об истоках вдохновения первых, видели в их сочинениях только чудесные мотивы. Они воспроизводили их сюжеты соответственно своему таланту и злоупотребляли возможностью писать все что угодно.

...Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!

Наука поэзии, 9–10

Исходя из этого принципа, когда они брали для своих сочинений уже описанные когда-то сюжеты, то сохраняли их суть, но при этом добавляли или отнимали некоторые моменты. Либо меняли их по своему усмотрению, стараясь только возбуждать восхищение и удивление описываемыми чудесами, причем,

1 M. l'Abbé Massieu. Mémoires des Belles-Lettres, T. III. p. 49.

не ставя никакой другой цели, кроме цели понравиться. Что же удивительного в том, что мы находим у них мотивы, которые связаны с предметом, уже описывавшимся их предшественниками. Но поскольку для каждого сюжета можно найти тысячи разных аллегорий, каждый поэт подходил к нему по-своему. Мы не утверждаем, что все мифы можно объяснить нашей системой. Это относится лишь к древним, основанным на египетских и финикийских легендах, т.к. известно, что древнегреческие поэты именно там заимствовали их, а доказать это будет нетрудно, проведя сопоставление, ясно указывающее на их общий предмет.

Итак, не все легенды являются хитроумной выдумкой, а лишь те, что сочинялись с единственной целью развлечь слушателя. Тот, о котором речь пойдет далее, и почти все мифы Орфея, Гомера и древнейших поэтов представляют собой аллегории, в которых под покровом родословных, а также вымысла деяний богов, богинь или их потомков скрыты определенные указания.

Если пытаться представить миф о Гесперидах в историческом плане, то непонятно, с какой стороны к нему подходить, чтобы найти хоть что-либо определенное. Каждый историк считает, что верить следует только ему, хотя и не представляет при этом никаких прочных доказательств своей теории. Они высказывают столько различных мнений, что не знаешь, какому из них доверять. Самый древний из историков — Геродот, очень хорошо знавший все мифы, не упоминает ни легенду о Гесперидах, ни многие другие, несомненно, потому, что считал их вымыслом. Посему, чем ближе предания к своим истокам, тем они чище, он мог бы скорее других историков оставить нам нечто менее сомнительное, хотя его и обвиняют в некоторой доверчивости. Должны ли мы верить Палефату? Но все мифологи сходятся в том, что этот, весьма ненадежный автор имел обыкновение придумывать объяснения и никогда не существовавших героев.

Он пишет, что Геспер был богатым выходцем из Милета, решившим обосноваться в Карию. У него было две дочери, Геспериды, владевшие многочисленными стадами овец, которых за красоту прозвали *золотыми овечками*. Сторожил стада пастух по имени *Дракон*; но прибывший в их край Геркулес похитил и пастуха, и его стада. Проще этого объяснения Палефата ничего быть не может, и вся чудесная основа этой легенды сводится тогда к столь незначительному, что, конечно же, не заслуживает быть зачисленной в число знаменитых подвигов сына Юпитера и Алкмены.

Если подражать Палефату, то любую легенду можно объяснить столь же просто, однако позволительно ли при этом изменять имена, места, обстоятельства событий и сам характер вещей? Несмотря на слабость рассуждений этого автора, несмотря на недостаток согласия между его пояснениями и событиями, описываемыми поэтами, еще один историк, Агроэт, цитируемый древними учеными, похоже идет тем же путем, что и Палефат, и пишет, что это были не яблоки, а овцы, прозванные *золотыми овцами* за их красоту. А стороживший их пастух был вовсе не *Дракон*, а человек, звавшийся этим именем за то, что обладал зоркостью и свирепостью этого животного. Эта мысль была подхвачена Варроном и Сервием. И тем не менее, у этого утверждения не оказалось столько сторонников, сколько было тех, кто придерживался высказываний поэтов. Они считали, что прочие были введены в заблуждение двусмысленностью греческого слова *μῦθος*, означающего одновременно и *овца*, и *яблоко*, и трудно увидеть другие причины их заблуждения. Те, кто считает эти плоды существовавшими плодами, ни-

чтоже сумняшеся определяют и их вид. По их словам, золотые яблоки не могут расти на деревьях, а называли их так потому, что плоды были превосходные, или же потому, что деревья, где их собирали, были чрезвычайно плодоносными, либо же потому, что цвет этих плодов был похож на золотой.

Не будучи уверенным, какого берега держаться, Диодор Сицилийский оставляет выбор за нами и говорит, что это были или плоды, или овцы. Он сочинил по этому поводу историю, совершенно противоречащую тому, что обо всем этом говорили поэты. Аббат Массье считает эту историю наиболее правдоподобной из всего, что у нас имеется по этому вопросу, хотя в ней никак не упоминаются ни наказания Эврисфея, ни то, что предшествовало похищению плодов, ни хотя бы одно из обстоятельств этого подвига. Согласно Диодору, после одного из своих подвигов Геракл случайно оказался на берегах моря Атлантиды, где повстречал дочерей Атланта, похищенных когда-то неким пиратом по приказу Бусирида. Он убил корсаров и отвез Гесперид к их отцу, который в знак признательности подарил Гераклу плоды, или овец, которых дочери сторожили или возвращали с чрезвычайным тщанием. Атлант, большой знаток науки о светилах, решил также преподавать герою начала астрономии и подарил ему шар. Вот, в основном, история, рассказанная Диодором, считающим, что это событие произошло в самой западной части Африки, тогда как по Палефату это случилось в Карию.

Плиний Старший не знает, в какое место их поместить. Поскольку он вторит тем, кто высказывался в пользу плодов, то нужно было найти также и сад, в котором они росли. В его времена одни считали, что он находился в ливийском городе Беренике, другие — в мавританском городе Ликсе. Он же считает, что мысль о Драконе поэтам подсказал извивавшийся вокруг города морской рукав. Ученые склоняются к последнему предположению.

Такая разница во мнениях доказывает отсутствие уверенности у историков по данному вопросу. Даже сопоставив и сравнив их утверждения, неизвестно, кому из них отдать предпочтение. Палефат полагает, что было всего две Геспериды, дочери Геспера Милетского; Диодор же утверждает, что это были семь дочерей Атласа, жившие в Мавритании. По мнению некоторых, Геракл явился с оружием в руках, чтобы завладеть яблоками; другие же считают, что он прибыл туда как освободитель. Одни утверждают, что овец сторожил свирепый и грубый человек; по словам других, это был ни человек и ни дракон, а морской пролив. Если попытаться сделать какой-либо исторический вывод из всего этого, то все сведется к тому лишь, чтобы сказать, что были некие сестры, звавшиеся Гесперидами, выращивавшие красивые плоды или ухаживавшие за красивыми овцами, и что Геракл унес или увез их с собой в Грецию. Но даже и в этой малости не обойтись без сложных вопросов: нужно выяснить, был ли когда-нибудь сын Алкмены в Мавритании; жил ли он во времена Атланта, и жил ли сам Атлант во времена Бусирида. По каждому из этих вопросов потребовалось бы написать диссертацию, из которой нельзя сделать никаких достоверных выводов.

Если допустить хоть на миг, что эти золотые яблоки были действительно плодами, хотя ученые абсолютно не уверены в их сорте, точно так же, как они не знают, в каком месте они произрастали, и все это приводит к бурным спорам между ними. Буде¹ считает, что это была айва, Сомез и Спанхейм утверждают,

¹ Комент. к Феофрасту.

что это были апельсины, другие ученые, — что это были лимоны. Первый берет за основу цвет айвы, которую часто называли золотым яблоком, χρυσόμηλα. Но такой же цвет и у апельсинов, и у лимонов, что дает основание другим ученым считать их золотыми яблоками. Они, правда, приводят и некоторые другие, столь же слабые доказательства, и потому мы не станем их цитировать. К тому же, настолько ли редки были эти плоды, что их нужно было сторожить чудовищному дракону? Странно, что Палефат и те, кто присоединились к его мнению, удовлетворились столь мало естественным объяснением. Двойное значение греческого слова μέλα не может оправдать их, т.к. овцы не растут на деревьях, как плоды. Что касается тех, кто принимает эти яблоки за апельсины или лимоны, то им следовало бы знать, что поэты не говорят, будто это были яблоки цвета золота, а именно золотые яблоки, и даже сами деревья эти были золотые.

Неких деревьев листва — из лучистого золота зелень —
Там золотые суки и плоды золотые скрывала.

Метаморфозы, IV, 637–638

Что же именно рассказывали поэты об этом знаменитом саде? Место, где жили Геспериды, было садом, в котором было собрано все красивое из созданного природой. Золото сверкало там повсюду; это было средоточие улады и фей. Обитавшие в саду феи чудесно пели¹ и любили изображать различные фигуры, поражать видевших их внезапными превращениями. Если верить этому же поэту, то аргонавты посетили Гесперид и умоляли их указать им хоть какой-нибудь источник воды, ибо они были изнурены жаждой. Но, вместо ответа, те вдруг превратились в прах и в пыль:

Ταὶ δ' αἰψὰ κόνις καὶ γαῖα κiónτων
Εσσιμένως ἐγένοντο καχαιόθι.²

Аргонавтика, 1408–140

Знавший силу их волшебства, Орфей не растерялся, а вновь воззвал к дочерям Океана, и они благосклонно выслушали его, но, прежде чем исполнить его просьбу, превратились в траву, медленно выраставшую из земли. Постепенно поднимаясь вверх, эти растения покрывались ветвями и листьями, и через какое-то время Геспера стала тополем, Эрифей — молодым вязом, Эгла — ивой. Пораженные этим зрелищем, аргонавты не знали, что думать и что делать, и тогда превратившаяся в дерево Эгла успокоила их, рассказав, что к счастью для них накануне здесь побывал смельчак, убивший сторожившего золотые яблоки дракона и забравший плоды с собою. У человека этого был гордый взгляд, мужественное лицо, одет он был в львиную шкуру и вооружен палицей и луком, из которого он и убил чудовищного дракона. Его тоже мучила жажда, и он не знал, где найти воды. Но, наконец, то ли опыт, то ли интуиция что-то подсказали ему, и он топнул ногой, и из земли в том месте забил живительный родник, и он жад-

¹ Аргонавтика, IV, 1396 сл.

² К ним подошли, но вмиг при их появлении нимфы
В пыль обратились и в прах...

но напился из него. Аргонавты заметили, что во время своего рассказа Эгла помахала рукой, как бы указывая им на бывший из-под скалы источник. Они бросились в этом направлении и смогли, в конце концов, утолить жажду, воздав должное Геркулесу, оказавшему столь великолепную услугу своим товарищам, хотя его с ними и не было.

После того, как поэты превратили дочерей Атланта в волшебниц, им оставалось теперь лишь сделать из них богинь. И если древним поэтам, возможно, это не пришло в голову, то пробел этот восполнил Вергилий¹. Он придумал для них храм и жрицу, устрашавшую своей безраздельной властью над всей природой. Она — хранительница священных ветвей и она же кормит дракона, нагнетает невыносимую печаль, останавливает течение рек, заставляет тускнеть светила и выходить из могил мертвецов.

Вот так описывают поэты Гесперид, и если не все они согласны относительно числа этих нимф или места, где находился этот чудесный сад, то, по крайней мере, они единогласны в том, что там были золотые яблоки, а не овцы, что сад этот сторожил дракон, а Геркулес убил его и похитил яблоки. Говорят, что Юнона принесла в приданое Юпитеру деревья, на которых росли эти золотые яблоки. Юпитер был восхищен ими и постарался оградить их от посягательств тех, кто мог бы на них позариться. Он поручил их заботам нимф Гесперид, которые обнесли стенами место, где были посажены эти деревья, а охранять вход посадили дракона.

Принято считать, что было всего три нимфы Геспериды, дочери Геспера — брата Атланта. Звали их Эгла, Аретуса и Гесперза. Некоторые поэты добавляют к ним четвертую — Гесперу, пятую — Эрифей, шестую — Весту. Диодор Сицилийский увеличивает их число до семи. Гесиод называет Ночь их матерью. Это удивляет аббата Банье, и он говорит, *что не может понять, почему поэт дает такую уродливую мать столь красивым девушкам*. Ниже мы укажем на истинную причину этого. Херестат считает их дочерьми морских божеств Форкис и Кето. Что касается дракона, то Ферекид утверждает, что он был сыном Тифона и Ехидны, а Писандр говорит, что его матерью была Земля, и это соответствует нашей системе. Тот факт, что у авторов так мало согласия относительно расположения сада Гесперид, определенным образом доказывает, что он на самом деле не существовал. Большинство поэтов помещают его в горы Атласа, на западном побережье Африки.

Там, где течет Океан и в него погружается солнце,
Место есть на краю Эфиопской земли, где огромный
Держит Атлант на могучих плечах небосвод многозвездный.

Энеида, IV, 480–482

¹ Храм Гесперид охраняла она и кормила дракона,
Также плоды стерегла на ветвях священных деревьев,
Мед возливала и сок снотворный алого мака.
Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце;
Рек течение она остановит, и звезд обращенье
Вспять повернет, и в ночи из Орка вызовет тени,
Землю заставит стонать и вязы спускаться по склонам.
Боги свидетели мне, твоей головою клянусь я,
Что против воли, сестра, к волшебке прибегаю и чарам.
Втайне сложи ты костер во дворе под небом открытым...

Энеида, IV, 484–495

Историки считают, что сад находился недалеко от Ликсы, мавританского города на границе с Эфиопией; другие — такие, как Плиний, полагают, что он находился в Тинге. Но Гесиод переносит его за океан, а прочие, следуя его примеру, помещают его на Канарские или «счастливые» острова — без сомнения по той же причине, по которой Бошар предположил, что эти яблоки или овцы означали лишь богатства Атланта. Ибо финикийское слово *мелон*, переделанное греками в *малон*, имеет значения также *богатства* и *яблоки*. Последнее предположение к истине ближе других, поскольку имеет более непосредственное отношение к подлинному смыслу аллегории. Но раз уж историки не могут прийти к какому-либо твердому выводу из-за различных мнений, то им следовало бы признать, что это вымысел. Для этого у них имеются веские основания, т.к. они ссылаются только на поэтов. Но даже если бы в их сочинениях и было хоть что-либо правдивой историей, а так как она настолько размыта чистым вымыслом, то просто невозможно выделить ее из вымысла. Та нарочитость, с которой они пытаются представить события мало правдоподобными, должна естественно склонить нас к мысли, что они никогда и не стремились сохранить для нас подлинные исторические факты.

Среди тех, кто видел в этой легенде аллегория, — Нозль ле Конт, усмотревший здесь самую красивую притчу в мире. Он считает, что стороживший золотые яблоки дракон это — настоящее воплощение скупцов, черствых и безжалостных людей, не смыкающих очей ни днем, ни ночью, сжигаемых своей безумной страстью и не позволяющих никому прикасаться к золоту, которым они совершенно не пользуются.

Цец, а вслед за ним и Воссий находят в этой легенде солнце, звезды и все светящиеся тела небосвода. Геспериды для них — это последние часы дня. Их сад есть небосвод, а золотые яблоки — звезды. Дракон — это или горизонт, делящий экватор под косыми углами, или же зодиак, протянувшийся наискосок от одного тропика к другому. Геркулес же это Солнце, ибо его имя *Ἡ ῥασηκλεος* по-гречески означает воздушную славу. Солнце, появляющееся на горизонте, как бы убивает звезды, это и есть Геркулес, похищающий золотые яблоки.

Стремясь объяснить что-то, нужно стараться сделать так, чтобы объяснение это подходило к любым обстоятельствам. Каким бы изобретательным и блестящим оно ни было, ему не будет хватать обоснованности и прочности, если какие-либо из обстоятельств не соответствуют объяснению. Именно в этом положении оказались мифологи и историки относительно разбираемого нами мифа, как мы увидим далее. Напрасно было бы порицать тех, кто берет на себя труд пытаться объяснить мифы, — ведь цель их весьма похвальна. Моралисты стремятся воспитывать нравы; историкам хочется пролить свет на некоторые моменты древней истории. И те, и другие трудятся на всеобщее благо, а посему заслуживают благодарности. Хотя мы и не видим связи между золотыми яблоками, растущими на деревьях, и звездами, мерцающими на небосводе; между Геркулесом, убивающим дракона, солнцем, движущимся по зодиаку; между яблоками, отнесенными Эврисфеею, и свегилами, остающимися на небе, но Цец нельзя порицать больше, чем тех, кто разрубает этот миф на части, чтобы взять из него лишь то, что подходит для их системы. И даже если это предубеждение, то оно неблагоприятно для правдоподобности их объяснений; но мы стараемся

не оставлять необъясненным ни одно из обстоятельств этого мифа, что должно склонить весы в пользу нашей системы. Итак, мы приступаем.

Фемида предсказала Атланту, что один из сыновей Юпитера похитит однажды эти яблоки¹: такие попытки предпринимались многими, но лишь Геркулесу суждено было достичь цели. Не зная, где расположен сад, он решил посоветоваться с четырьмя нимфами Юпитера и Фемиды, пребывавшими в какой-то пещере. Они отослали его к Нерею, а тот к Прометею, который, по словам некоторых авторов, посоветовал ему отправить за плодами Атланта, а самому держать на плечах небо до его возвращения. Согласно другим источникам Геркулес выслушал совет Прометея и отправился прямо в сад, убил дракона, забрал яблоки и отнес их Эврисфею, как ему и было предписано. Таким образом, нам надлежит раскрыть тайну, спрятанную под этой оболочкой, не воспринимая слова буквально и не путая яблоки из сада Гесперид с теми, о которых пишет в своих «Эклогах» Вергилий:

...Яблоко десятков послал золотых и еще к ним добавлю.

Буколики, III, 71

Яблоки, о которых идет речь, растут на деревьях, принесенных Юноной в приданое Юпитеру. Это золотые плоды, дающие золотые семена и растущие на деревьях, листья и ветви которых состоят из того же металла. Это те самые ветви, что упоминает Вергилий в «Энеиде»:

В чаще таится
Ветвь, из золота вся, и листья на ней золотые.
Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени лощины глубокой.

... Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.

Энеида, VI, 136–144

Мы видели выше, что Овидий говорит то же самое о яблоках из сада Гесперид. Нет смысла поэтому говорить о лимонах, апельсинах, айве, овцах для того, чтобы получить простое и естественное объяснение этого мифа, который, подобно многим другим, стал подражанием египетским мифам. Чтобы показать недостоверность истории, придуманной Диодором, достаточно сказать, что Бусирис жил тогда же, когда и Осирис, а, значит, не мог быть современником греческого Геркулеса, которому приписывают сей подвиг, т.к. он появился на свет многими веками позже Бусириса. Могут возразить, конечно, что этот тиран, убитый Геркулесом, был не тот, который хотел похитить дочерей Атланта. Однако, весьма похоже, что сколь Диодор и наши современные ученые мужи перенесли Атланта из Финикии или из соседних с ней земель на западное побережье Африки, то им столь же легко было перенести оттуда Бусириса и сделать его королем

¹ Тот же о древнем

Помнил вещанье, из уст прозвучавшем парнасской Фемиды:

«Время настанет, Атлант, и ограблено золото будет

Древа, и лучшая часть достанется Зевсову сыну».

Метаморфозы, IV, 641–644

Испании. Первым из древних об этом упомянул Диодор. Но ведь знаменитая в те времена, как и сейчас, гора Атлас содержит немало минералов и изобилует веществом, из которого образуется золото. Не удивительно, что именно на ней и разместили сад Гесперид. По этой же причине говорят, что Меркурий был сыном Майи, одной из дочерей Атланта, ибо меркурий Философов состоит из этой первоначальной материи золота, а потому прозвана была *Атлантидой*.

Вершина горы Атлас почти всегда покрыта облаками, а посему, не видя ее, можно было думать, что она вздымается до самого неба. Нужно ли было что-нибудь еще, чтобы персонифицировать эту гору и представить ее несущей небо на своих плечах? Добавим к этому, что в Египте и в Африке небо чистое, и в мире нет другого столь же благоприятного места для наблюдения за светилами, особенно такого, как гора Атлас по причине ее большой высоты. Нет смысла, поэтому, превращать Атланта в Астронома, изобретателя Сферы, а еще менее правдоподобно представлять его властителем Мавритании, превратившимся в эту гору при виде поднесенной ему Персеем головы Медузы. Мы вернемся к истокам этого вымысла в рассказе о Персее.

Многие авторы путали с Гесперидами Плеяд, считая всех их дочерьми Атланта. Однако дочерьми Атланта были семеро Плеяд: Майя, мать Меркурия, Электра, мать Дардана, Тайгета, Стеропа, Мeroпа, Алкиона и Келено, а Геспериды были дочерьми Геспера. Мы находим в этой родословной еще одно доказательство того, что вся мнимая история Гесперид всего лишь вымысел. Все мифологи согласны, что Электра была матерью Дардана, основателя Дардании и первого владыку троянцев. Отсюда Атлант — это дед Дардана. И это почти сходится с расчетами Теофила Антиохского относительно Талоса, когда он утверждает, что Кронос, или Сатурн, — брат Атланта, и он жил за 321 год до взятия Трои. И если кто-то не хочет согласиться, что данная Электра была той же, что и Электра — дочь Атланта, потому что мать Дардана считают нимфой, дочерью Океана и Фетиды, то следовало бы признать хотя бы то, что дочь Атланта была племянницей Сатурна. Аббат Банье уверяет, что придерживается по этому поводу свидетельства Диодора. Сей ученый мифолог признает, тем не менее, что Электра есть мать Дардана, и была дочерью Атланта, а влюбившийся в нее Юпитер жил примерно за 150 лет до Троянской войны. Таким образом, если оставить Теофила Антиохского и принять расчет Диодора, или даже расчет аббата Банье, то невозможно, чтобы сын Алкмены Геркулес похитил золотые яблоки из сада Гесперид, поскольку отец Алкида, Юпитер, *по словам нашего мифолога, жил всего лишь за 60–80 лет до взятия Трои*. Правда, данный автор часто противоречит сам себе, и не стоит слишком полагаться на то, о чем он настойчиво утверждает, ибо если верить ему, то Геркулес умер всего за 30 лет до падения Трои, а если учесть, что он прожил 52 года, то мог ли он видеть Атланта и Гесперид? Но довольно вести дискуссию, которая может завести нас слишком далеко: если мы захотим сравнивать все упоминаемые им эпохи, нам никогда не закончить.

Гора Атлас включает в себя почти все горы, возвышающиеся вдоль западного побережья Африки, как обычно называют гору Тавр, Альпы, Золотую гору, Пиренеи, — т.е. это горная цепь, а не одна-единственная гора. Невысокие горы, смежные с Атласскими и с Гесперидами, как бы вырастают из них, из-за чего их можно считать их детьми, и потому их называют *Атлантидами*. Видимо ошибается Майер, когда, объясняя эту легенду, говорит, что эти горы называли Геспери-

дами и что они охраняли золотые яблоки, потому что материал, из которого они образовывались, содержался в этих небольших горах. Он не впал бы в эту ошибку, если бы обратил внимание на то, что Меркурий Философов, сын Майи — одной из них — рождается вовсе не на этих горах, а в сосуде священнического или Герметического Искусства. Три имени были даны Гесперидам только потому, что они означают три главные состояния материи делания перед тем, как они становятся собственно, золотом Философов. Геспера — это дочь Геспера, или заката дня, а это означает ночь или черноту. Ретуса или Аретеуса получила свое имя от материи, улетающей во время и после черноты, ἔσπερος, diei finis, *вечер*, & ὄω, impetu feror, *бушевать*. Эгла означает белизну, следующую за чернотой, αἴγλη, splendor, fulgor, *сияние*, т.к. когда материя достигает белизны, она блестит и сверкает. Из сказанного видно, почему Гесиод называет ночь матерью Гесперид; но аббат Банье не смог это разгадать, т.к. знал, несомненно, Герметическое Искусство лишь понаслышке, но не имел понятия о том, что происходит при его операциях. Обвиняя Майера в придумывании всяческих химер, он показывает всему миру свое незнание этого искусства, а своими необоснованными суждениями доказывает, что руководствовался при этом предубеждением.

Аполлоний Родосский видел в именах, даваемых им Гесперидам, лишь три основных цвета делания: черный под именем Гесперы, белый под именем Эглы и красный под именем Эритеи, Эрифий, ἔριφιος, rubor. Он пытался даже объяснить все это превращениями, происходившими, по его мнению, с ними. Будучи первоначально нимфами, они превратились в землю и в пыль при появлении аргонавтов. Гермес в «Изумрудной скрижали» говорит, что материя делания имеет полную силу или мощь, если ее превратить в землю. Все герметические Философы утверждают, что делание невозможно, если не превратить воду в землю. Аполлоний упоминает о другой метаморфозе: из этой земли по его словам возникли три растения, и каждая Гесперида незаметно превратилась в дерево, отвечавшее ее природе. Деревья эти — тополь, ива и вяз любят больше влажные места. Первое, черный тополь это то, в которое превратилась Геспера, т.к. она означает черный цвет. Автор мифа о посещении Геркулесом подземного царства также сообщает, что герой увидел тополь, листья которого были черные с одной стороны и белые с другой, как бы желая дать понять, что белый цвет сменяет собою черный. Аполлоний обозначает белизну Эглой, превратившуюся в иву, потому что листья у этого дерева пушистые и беловатые. Эритея, как красный цвет философского Камня, не может быть обозначена лучше, чем вязом, древесина которого имеет желтый цвет, когда оно растет, и постепенно краснеет по мере того, как дерево высыхает. То же самое наблюдается и в операциях делания, когда цитриновый цвет следует за белым, а за цитриновым красный, как это описывал Гермес. Те, кто причислил к Гесперидам Весту, учитывали пламенные свойства меркуриальной воды Философов, что они отражали таким образом: *отмывать огнем и сжигать водой*. Рипли пишет¹:

Наш влажный огонь, или незыблемый огонь нашей воды горит сильнее и активнее, чем огонь обыкновенный, т.к. он растворяет и кальцинирует золото, чего обычным огнем добиться нельзя.

¹ 12 Port.

Дочери Атланта, Плеяды, указывают на приближение дождливой погоды в обычном течении времен года. А Плеяды Философов действительно представляют собой пары, исходящие из вещества, конденсирующиеся вверху сосуда и выпадающие вниз в виде дождя, называемого майской или весенней росой Философов, потому что она возникает после разложения и растворения материи, именуемых ими как «зима». Одна из Плеяд, Электра, жена Дардана, скрылась во время Троянской войны, — говорится в мифе, — и больше не показывалась, и не потому, что одна из этих небесных плеяд действительно исчезла незадолго до начала осады Трои (которой никогда и не было), а потому, что часть этого дождя или росы Философов превращается в землю, и исчезнуть — это значит не появляться больше в известном всем виде. Земля эта есть то, из чего образовалась Троя. Когда она была еще в виде воды, она была матерью Дардана, основателя Троянской империи. Время, когда вода превращается в землю, — это время осады, но об этом мы поговорим ниже. Еще следует отметить, что землю эту обозначают именем Электры, т.к. Философы называют ее своим *Солнцем*, *Н'лэктр*, *Н'лэктвр*, когда она становится фиксированной. Многие герметические авторы, и среди них Альберт Великий и Парацельс, именуют *Электрой* материю Искусства.

Сад Философов охраняется драконом Гесперид, говорит д'Эспанье. Примечательно здесь то, что дракон этот был сыном Тифона и Ехидны, и, следовательно, братом дракона, сторожившего Золотое руно; братом дракона, сожравшего спутников Кадма; братом дракона, сторожившего быков Гериона, братом Кербера, Сфинкса, Химеры и столько других чудовищ, на которых мы еще остановимся. Однако, все касающиеся этого события происходили в совершенно разных странах, и в совершенно разные времена. Возможно ли, чтобы авторы этих сочинений были настолько согласны между собой и описывали одно и то же, при одних и тех же обстоятельствах, если бы они не имели в виду один и тот же предмет? Одно это уже должно было бы заставить поразмыслить некоторых мифологов и побудить их достичь большего согласия в их пояснениях. Но даже если бы они и захотели этого добиться, удалось ли бы им это? Они разделяли различные мнения, что не позволяло им сближаться, они нападают друг на друга, и потому их мнения не совпадают, — известно ведь, что любому разделенному государству грозит гибель. Чтобы определить природу этих чудовищ, надо было бы знать природу их общего отца. Отсюда, если считать Тифона египетским фараоном, то нельзя видеть в нем отца чудовищ, какое бы ни придумывать для этого объяснение. Поэтому они вынуждены были признать, что все это было лишь вымысел, и чтобы убедиться в этом, достаточно было познакомиться с «Теогонией» Гесиода. Приводимая им родословная Тифона, Ехидны и их детей не поддается никакому историческому объяснению, каким бы мало-мальски правдоподобным оно ни было.

Это отнюдь не касается объяснений, даваемых Герметическими Философами. В них Тифон предстает активным, резким, сернистым, огненным, растворяющим духом, бурным и ядовитым, все отравляющим ветром. В Ехидне мы видим испорченную воду, смешанную с черной, зловонной землей и принявшую вид черноглазой нимфы. Могло ли от таких родителей родиться что-либо другое, кроме этих чудовищ и подобных таким, как: Лернская гидра, зачатая в болоте; изрыгающие пламя драконы, имеющие ту же огненную природу, что и Тифон? Наконец, они же стали началом гибели и разрушения мест, в которых они оби-

тали, показав тем самым свою растворяющую, разлагающую сущность, результатом которой становится гниение.

Именно из всего этого Герметические Философы, вторя поэтам, которых они хорошо знали, и извлекли свои аллегории, такие, как вавилонский дракон Фламель, два других дракона у этого же автора: один крылатый, как драконы Медеи и Цереры, другой бескрылый, как дракон Кадма, Золотого руна, Гесперид и т.д. Это также дракон, описываемый Василием Валентином и многими, многими другими.

Некоторым химикам показалось, что эти драконы присутствуют в мышьяковых частях минералов, и потому они считали их материей философского Камня. Многих в этой мысли утвердил Филалет тем, что он пишет по этому поводу в гл. «De investigatione Magisterii» своего «Introitus apertus ad occultum Regis palatium», где он достаточно ясно указывает на антимоний. Однако Артефий, Синезий и многие другие Философы просто говорят, что эта материя — один из видов антимония, т.к. обладает ее свойствами. Тревизан пишет¹:

Они сообщают, что арсеник, купоросы, бура, квасцы, селитра, соли, и богатые, средние, бедные руды и простые металлы вовсе не являются материей, требующейся для магистерия. Поэтому понапрасну суфлеры терзают эти металлы огнем и водой, чтобы получить из них делание Гермеса. Они добудут лишь золу, а добьются только труда да лишений, ибо *те философы, что рассказывают об этом, либо хотели обмануть всех, либо же и сами обманывались, когда работали над камнем.*

Вряд ли можно найти столь же яркое описание или, скорее, столь же яркую картину, как та, которой Аполлоний рисует издыхающего дракона Гесперид: «Ладон, змей, еще вчера охранявший золотые яблоки, за которыми там заботливо ухаживали нимфы Геспериды, это чудовище, пронзенное стрелами Геркулеса, лежит у подножия дерева; конец хвоста его еще шевелится, но все остальное тело безжизненно и недвижимо. Стаи мух слетаются на его черный труп и сосут из ран его гнилую кровь и горькую желчь Лернской гидры, чем были пропитаны стрелы. Удрученные этим мрачным зрелищем Геспериды закрывают лицами свои лица в бело-желтой вуали и плачут, издавая громкие стенания»².

Если аллегория Аполлония захватывает красотой картины тех, кто не знает ее смысла, то как же это может не нравиться Герметическому Философу, видящему в ней, как в зеркале, то, что происходит в сосуде его Искусства во время и после разложения материи? Еще вчера стороживший золотые яблоки Ладон, этот земной змей, ὄφις ἑρμῆος, которого кормили нимфы, лежит теперь мертвый, пронзенный стрелами. Все это как бы говорит нам: эта земная неподвижная масса, которую так трудно растворить и которая по этой причине упорно и старательно охраняла золотиносное семя, или содержащейся в ней золотой плод, ныне растворена действием летучих частей. Конец хвоста еще шевелится, но остальное тело недвижимо и безжизненно; стаи мух слетаются на его *черный* труп и сосут *гнилую* кровь из его ран; т.е. до совершенного растворения осталось совсем немного. Уже заметно гниение и виден черный цвет; все более приходят в движение летучие части, унося с собой растворенные фиксированные части. Плачут и

¹ Philos. des métaux.

² Пересказ эпизода из IV книги «Аргонавтики» Аполлония Родосского. См.: Аргонавтика, IV, 1432–1448. — Прим. ред.

убиваются удрученные горем нимфы с бело-желтым покрывалом на голове. Расстворение в воду состоялось, и эти водянистые улетучившиеся части выпадают каплями, как слезы, и при этом начинает проявляться белизна.

То, как Вергилий описывает вид и силу жрицы Гесперид, соответствует в точности свойствам меркурия Философов. Именно она питает дракона Философов; она же заставляет отступать звезды, — т.е. растворяет металлы и возвращает их в первоматерию. Она поднимает покойников из могил, или, доведя металлы до разложения, называемого *смертью*, возрождает их, переводя из черного цвета в белый, именуемый *жизнью*, другими словами делая летучим фиксированное, т.к. фиксированность на языке Философов это состояние смерти, а летучесть — состояние жизни, и в дальнейшем мы увидим немало примеров того и другого.

Но рассмотрим подробнее все обстоятельства этой легенды. Гераклес приходит за советом к нимфам Юпитера и Фемиды, находящимся в пещере на берегу реки Эридан, известной ныне под названием реки По в Италии. Εἰς, ἰδο, греческое слово «совет» имеет также значение «спор», «ссора», из чего следуют в начале делания водянистые меркуриальные части вызывают брожение, спор. Вот вам и нимфы реки Эридан. Нимф сих было четыре, по числу стихий, о которых Философы говорят, что их материя есть как бы сгусток, доведенный природой до квинтэссенции, сообразно весу, размерам и пропорциям, которые мастер, или Гераклес, должен брать как образец. Вот почему их называют нимфами Юпитера или Фемиды.

С тем же, что мастер должен советоваться с Природой¹ и повторять ее операции для успешного проведения операции Герметического Искусства, согласны все Философы, причем они даже утверждают, что без этого напрасно было бы и трудиться. Гебер и другие говорят, что любой человек, не знающий Природы и ее приемов, никогда не достигнет своей цели без помощи Бога, или если друг не откроет ему все. И хотя Василий Валентин говорит: «Наша материя низка и отвратительна, а делание, осуществляемое только посредством регулирования огня, легко совершить... Тебе не нужны другие указания, чтобы управлять огнем и сложить печь, как и человек, имеющий муку, без труда найдет печь и сможет выпекать хлеб». Но Космополит предупреждает со своей стороны, что, когда Философы убеждают в легкости делания, они должны еще добавить, что легко оно для *знающих*. Понтан сообщает нам, что блуждал больше двухсот раз, работая с настоящей материей, т.к. не знал огня Философов. Трудность поэтому заключается в том, чтобы найти эту материю, и об этом-то и спрашивает Гераклес нимф, отсылающих его к самому старому, по мнению Орфея, из богов Нерею, сыну Земли и Воды, или Океана и Фетиды, предсказавшему разрушение Трои, отцу матери Ахилла Фетиды. Гомер² называет его *старцем*, а имя его означает *влажный*. Такова эта столь обычная, столь низкая, столь презренная материя. Когда Гераклес приходил к нему, то не мог узнать его и одержать над ним верх, т.к. тот принимал все время новый облик, но, наконец, он узнал его и так настойчиво обратился к нему, что вынудил его все рассказать. Эти превращения взяты из самой природы данной материи, о которой Василий Валентин, Хеймо

¹ Denique nolite vobis res adeo subtiles imaginari, de quibus natura nihil scit; sed manete, manete inquam in via naturae simplici; quia in simplicitate rem citius palpare, quam eandem in subtilitate videre poteritis. Cosmpol. Praesat. in Aenigma Philosophicum.

² Илиада, XVIII, 36.

и многие другие говорили, что у нее нет никакой определенной формы. Но она способна принимать любую; что она становится маслом в орехе и в маслине, вином в винограде, горечью в абсенте, сладостью в сахаре, ядом в одном теле, противоядием в другом. Гераклес видел Нерей во всех его разных формах, хотя хотел видеть его в ином. Поэтому он, в конце концов, добился того, что увидел его в определенном виде, который не отличается ничем таким особенным, но именно какой есть материя Философов. Необходимо, следовательно, обратиться к Нерей. Но, поскольку, недостаточно просто найти настоящую материю делания, чтобы достичь цели Нерей отсылает Гераклеса к Прометею, похитившему огонь с неба, чтобы передать его людям, т.е. к огню Философов, дающему жизнь данной материи, без которого ничего нельзя было бы добиться. Прометей всегда считали огненным Титаном, другом Океана. У него был общий с Палладой и Вулканом алтарь, т.к. имя его означало *предусмотрительный, аккуратный*, что подходит Палладе, богине мудрости и благоразумия, а огонь Прометея то же самое, что Вулкан. Этим также стремились указать на рассудительность и умение, необходимые мастеру для придания огню требуемого режима.

Этот рассудительный Титан побудил Юпитера свергнуть своего отца Сатурна. Юпитер последовал его советам и успешно совершил задуманное. Но, тем не менее, он счел необходимым наказать его за сделанную кражу и приговорил приковать его к горе Тавр, где у него гриф должен был выклевывать печень, причем печень вырастала у него снова, пока гриф пожирал ее. Привести наказание к исполнению поручено было Меркурию, а длилось оно, до тех пор, пока Гераклес в знак благодарности не убил грифа или орла и не вызволил Прометея. Ограничимся пока двумя словами об этой легенде. Прометей или огонь Философов вызывает все изменения цветов, происходящие с материей в сосуде. Сатурн — первый или черный цвет; Юпитер — следующий за ним серый. Таким образом, Юпитер свергает своего отца по совету и с помощью Прометея, но этот титан похищает небесный огонь и получает за это наказание. Украденный огонь — это врожденный огонь материи. Она была пропитана им как бы от притяжения; его вдохнули в материю отец и мать огня, Солнце и Луна по выражению Гермеса¹: *Солнце — его отец, Луна — мать его*; поэтому его и называли огнем небесным. После этого Прометей приковывают к скале: это соответствует тому, что огонь этот концентрируется и проникает материю, которая начинает коагулировать в камень после появления серого цвета, и это происходит от воздействия меркурия Философов. Летучая часть, беспрестанно воздействующая на огненную и фиксированную часть, не могла быть лучше обозначена ничем иным, как орлом или грифом, а сконцентрированный огонь — печенью. Птицы эти хищные и прожорливые; печень — это как бы средоточие природного огня в животных. Летучее действует, следовательно, пока мастер, символом которого выступает Гераклес, не убьет орла, т.е. зафиксирует летучее.

Сменяющие друг друга цвета — это боги и металлы Философов, давших им имена семи планет. Первый среди главных — черный цвет, свинец Мудрых или Сатурн. Следующий за ним серый цвет принадлежит Юпитеру и носит его имя. Цвет павлиньего хвоста принадлежит Меркурию, белый — Луне, желтый — Венере, красноватый — Марсу, пурпурный — Солнцу. Они даже называли *господством*

¹ Изумрудная скрижаль.

время, которое сопровождает каждый цвет. Таковы металлы Философов, а не металлы обычные, которым химики дали те же имена. Давайте поразмыслим над этим. Если тело, состоящее из двух составляющих — одной водянистой и летучей, а другой земной и фиксированной, поместить в сосуд, в котором произойдут брожение и растворение, то возникнут цвета, которые либо сменяют друг друга, либо проявляются в смешанном виде, как, например, цвета павлиньего хвоста или радуги. Мы полагаем, что человек разумный, владеющий ремеслом и богатым воображением, мог захотеть персонифицировать материю сложного тела и появляющиеся в ней цвета. Затем, познав при помощи наблюдений борьбу, происходящую между фиксированным и летучим, различные изменения и смены цветов, он мог пожелать изложить все это в виде сказки, аллегорического вымысла, романа, заполненного действием вымышленных персонажей, подсказанных ему его воображением. Так ли уж трудно будет ему придать такому вымыслу вид правдивой истории? Ибо, по словам Горация:

Но если придется
Новые знаки найти для еще неизвестных предметов,
Изобретая слова, каких не слышали Цетеги, —
Будет и здесь позволение дано и принято с толком...

Наука поэзии, 48–51

Чтобы достичь этой цели, разве не достаточно будет ввести в сочинение известные места, так или иначе подходящие для того, что нужно выразить аллегорически? И таким образом трудно будет даже и предположить, что поход происходил в каком-то отдаленном и неизвестном месте. И если автор желает, чтобы его сказка принималась как аллегория, то правдоподобие не будет его больше стеснять, и он может писать о чудесах сколько душе его угодно. Он может выдумать страны и народы, которые никогда не существовали, и будет лишь стремиться угодить читателю, сохраняя, однако при этом хорошо размеренные намеки в вымышленных событиях — как относительно необходимого характера действующих сил, так и относительно изменений состояния и цвета, претерпеваемых материей при операциях.

Таковы истоки мифов. А поскольку вымысел такого рода может любой изменять бесконечно, еще если он наделен определенным умением, то мифов таких возникло чрезвычайное множество. Отсюда же и такое количество аллегорических произведений, сочиненных о теории и практике Герметического Искусства. Космополит прекрасно отдавал себе отчет о том, как легко сочинять о столь благодатном предмете, когда говорил: «*Vobis dico ut sitis simplices, et non nimium prudentes, donec arcanum inveneritis, quo habito necessario aderit prudentia, tunc vobis non deerit libros infinitos scribendi facilitas*»¹. Да простит меня читатель за это отступление: если оно сделано и не в нужном месте, то не так уж некстати.

Вернемся же к мифу о Гесперидах: он обладает всеми чертами, о которых говорено выше. После того, как Геркулес повидался и посоветовался с Нереем и Прометеем, он уже не сомневается в успехе, а направляется к саду Гесперид и, зная, что ему надлежит делать, выполняет задуманное. Едва он достиг сада, как путь ему преграждает чудовищный дракон. Геркулес нападает на него и убивает, в результате чего чу-

¹ Praesat. in Aenigma Philosoph.

довище начинает разлагаться, как мы об этом рассказывали. Намек не был бы точен, если бы оно не было убито у входа в сад, ибо чернота есть следствие порчи и является ключом делания, как то доказывает Синезий: «Когда наша материя Hyle перестает подниматься и опускаться, становится дымящейся субстанцией и начинает разлагаться, она становится темной, — и это называется черным платьем или вороной головой... Поэтому в нашем камне всего два точных элемента: земля и вода; но земля содержит в своей субстанции качества и фиксированность воды; а вода включает в себя воздух с его влагой... Заметьте, что чернота есть признак гниения (которое мы называем Сатурном), а начало растворения есть признак соединения обеих материй... Однако, сын мой, милостью Божией у вас уже есть один элемент нашего камня — черная голова, воронья голова, являющаяся основой и ключом всего магистерия, без чего вам никогда не видать удачи». В этом же смысле высказывается и Мориен: «Знайте же теперь, о великолепный король, что все в этом магистерии движется, рождается и растет только после черноты разложения и после того, как произойдет взаимный бой чередования и изменения. И поэтому мудрец сказал, что вся сила магистерия появляется лишь после гниения».

Использовавший аллереорию дракона Николая Фламель тоже говорит: «В это же время материя растворяется, разлагается, чернеет и зачинает для зарождения; потому что всякая порча есть зачатие, и нужно всегда желать этой черноты... Конечно, если кто не видит сей черноты в первые дни камня, то какой бы другой цвет он ни видел, он полностью отклоняется от магистерия, и не может совершить его при таком хаосе, ибо он работает плохо и совсем не разлагает». Василий Валентин говорит об этом в своих «Двенадцати ключах», Рипли — в своих «Двенадцати вратах», как говорят об этом и все остальные Философы, на цитирование которых не хватит места. Замечая, что растворение совершается влажностью и разложением, и, считая черноту своим Сатурном, древние имели обыкновение украшать Тритоном храм этого сына Солнца и Земли, а мы знаем, что Тритон имел непосредственное отношение к Нерее. Майер уверяет нас, что первые монеты чеканились под покровительством Сатурна, и на них были выбиты изображения овцы и корабля, что указывало на Золотое руно и на корабль «Арго».

Авторы, утверждающие, что Геркулес не прибежал к силе, чтобы добыть золотые яблоки, а получил их из рук Атланта, не обратили внимания на то, что в мифе совершенно точно указывается на необходимость убить ужасного дракона, сторожившего сад, чтобы проникнуть туда. Но одинаково правы и те, кто считает так, и те, кто высказывает противоположное мнение. Те, абсолютно вымышленные действия, которые Ферекид приписывает Геркулесу и Атланту в этих обстоятельствах, уж очень недостойны их и слишком плохо согласуются, чтобы заслуживать внимания. Геркулес воспользовался силой, убив дракона, но в том смысле и таким образом, как мы об этом говорим. И можно также сказать, что он получил яблоки из рук Атланта, т.к. этот мнимый правитель Мавритании означает лишь скалу, в которую он был обращен. То есть, скалу или камень Философов, откуда образуется золото Мудрых, которое отдельные Философы называли плодом Солнца или золотыми яблоками.

Но зачем древним и современным Философам понадобилось выдумывать золотые яблоки? Такая мысль должна естественным образом возникнуть у человека, знающего, что жилы в рудниках тянутся под землей примерно, как корни деревьев. Сернистые и меркуриальные вещества, встречающиеся в породах и жи-

лах земли, и в скалах, коагулируют и образуют минералы и металлы, точно так же, как земля и вода, пропитанные различными фиксированными и летучими солями, участвуют в развитии ростков и размножении растений. Таким образом, эта аллегория металлических деревьев взята из самой природы вещей.

Почти все герметические Философы говорили об этих минеральных деревьях каждый по-своему, однако, так, что все они сходятся на одной и той же цели. Фламель говорит:

фиксированное зерно является как бы яблоком, а ртуть — деревом; поэтому нельзя отделять плод от дерева до достижения им зрелости, т.к. иначе он не сможет созреть, не получая питания... Нужно, не срывая плод, пересадить дерево в плодородную, жирную и более благородную землю, которая даст плоду больше питания за день, чем первая земля не дала бы ему и за сто лет по причине постоянного влияния ветров. Поскольку вторая земля близка к солнцу, постоянно прогревается его лучами и беспрестанно впитывает в себя росу, она способствует буйному росту дерева, посаженного в саду Философов.

Сколь бы сильно не приближалась аллегория Фламеля к аллегории сада Гесперид, аллегория Космополита еще более точна:

Нептун проводил меня в луг, посреди которого был разбит сад с разными замечательными деревьями. Он показал мне семь деревьев с особыми названиями и обратил мое внимание на два из них — гораздо красивее и выше остальных. На одном были плоды, сверкавшие, как солнце, а листья его напоминали золото. Плоды второго были белее лилии, а листья его были похожи на чистейшее серебро. Нептун назвал первое *Солнечное дерево*, а второе — *Лунное дерево*.

Еще один автор назвал свой трактат по этому вопросу «*Arbor solaris*» («Солнечное дерево»). Его можно прочитать в шестом томе «Химического театра».

Когда мы видим столь тесную связь, со сказанным выше, можно ли утверждать, что и древние, и современные аллегории не относятся к одному и тому же предмету? А если это не так, то возможно ли, чтобы Герметические Философы использовали аллегории для объяснения своих операций и материи магии, и чтобы они так согласовывались одна с другой? Нам могут сказать, что не поэты заимствовали свои мифы у Философов, а Философы черпали темы для своих аллегорий в мифах поэтов. Но если так и было на самом деле, если поэты только передавали древнюю историю или писали поучительные сочинения, тогда как же случилось, что последовательный ход всех событий, описываемых поэтами, и события почти всех мифов пригодны для аллегорического объяснения всего, что последовательно происходит в операциях делания? И как можно объяснить одно другим? Если бы таких мифов было всего один-два, то возможно, изрядно помучившись с ними, подобно мифологам, подвизавшимся на ниве истории или морали, можно было бы с горем пополам пристегнуть их к великому деланию. Но тот факт, что нет ни одного из древнеегипетских и древнегреческих мифов, который нельзя было бы объяснить, вплоть до таких обстоятельств, которые кажутся прочим мифологам самыми неинтересными, но необходимы в нашей системе, — это аргумент, разрешить который нашим мифологам было бы очень трудно.

И все же Орфей и древние поэты не ставили своей целью аллегорически описать полную последовательность делания в каждом мифе, а многие Герметические Философы также описывали лишь ту его часть, которая их больше всего поразила. Один описывал намеками то, что происходит в делании серы; другой касался опе-

раций эликсира; третий говорил лишь об умножении. Иногда, чтобы ввести читателя в заблуждение, они смешивали операции того и другого делания. Именно поэтому их так трудно понять человеку, не умеющему проводить различие. И именно поэтому так часто мы натываемся на явные противоречия в их трудах, когда пытаемся сравнивать их. Например, некий герметический Философ, указывая на вещества, входящие в состав эликсира, говорит, что их нужно несколько, а тот, кто описывает состав серы, говорит, что для него нужно всего одно вещество. Оба они правы: чтобы привести их к согласию, достаточно было бы заметить, что они говорят о разных стадиях делания. Мысль о противоречии, которое при этом отмечается, подтверждается тем, что описание операций часто совпадает в том и в другом случае. Но они снова правы и в этом, поскольку один из них, Мориен, уверяет нас, как и многие другие Философы, что второе делание, именуемое им диспозицией, целиком похоже по операциям на первое.

О мифах следует судить точно так же. Взятые по отдельности подвиги Геракла не отражают все труды в делании; однако, экспедиция за Золотым руном содержит в себе все делание целиком. Вот почему в этой легенде мы часто видим факты, отличающиеся сами по себе относительно мест событий и действий героев, но, рассматриваемые в аллегорическом смысле, они означают одно и то же. Поскольку путь, которым аргонавты естественным образом должны были вернуться на родину, не отвечал замыслу Орфея, он придумал другой путь с никогда не существовавшими местами, а также писал, будто они проходили по известным местам, но найти их на этом пути невозможно. Это замечание касается и других легенд, как мы это увидим ниже.

Полученная Мидасом от Бахуса способность превращать в золото все, чего он касался, представляет собой лишь аллерию перехода или трансмутации металлов в золото. Искусство ежедневно подает нам примеры трансмутации в растительном мире, что доказывает ее возможность и для металлов. Разве мы не замечали, как маленький черенок, срезанный с культурного дерева и привитый на дикое, дает плоды того же сорта, что и плоды дерева, с которого он был взят? Почему же Искусство не может добиться успеха в минеральном царстве, привив черенок-дикку металлической природы и действуя вместе с ней? У природы уходит целый год на то, чтобы яблоня родила листья, цветки и плоды. Но если в начале декабря, до наступления морозов, срезать с яблони плодую веточку и поставить ее в воду, то через несколько дней мы увидим, как на ней появятся листки и цветки. Что же делают Философы? Они берут ветку со своей герметической яблони, ставят ее в свою воду в умеренно теплом месте, и в свое время она принесет им листья и цветки. С помощью Искусства Природа сокращает, таким образом, длительность своих обычных операций. У каждого мира есть свои приемы, но те, которыми природа пользуется для одного из них, пригодны и для другого, т.к. она действует всегда простым и прямым путем; Искусство же должно следовать ей, но оно пользуется различными средствами, когда преследует разные цели.

Миф о Гесперидах является доказательством того, что Герметический Философ должен сверяться с Природой перед тем, как приступить к работе, копировать ее приемы в своих операциях, если он хочет, подобно Гераклу, добыть золотые яблоки. Именно в этом саду было сорвано яблоко, ставшее первым зерном Троянского раздора. Здесь же Венера сорвала яблоки, которые затем подарила Гиппомену, чтобы тот мог обогнать Атланту...

ГЛАВА III

Легенда об Аталанте

Миф об Аталанте настолько связан с мифом о саде Гесперид, что полностью им и объясняется, поскольку именно там Венера сорвала яблоки, которые потом дала Гиппомену. Овидий наверняка вычитал у какого-нибудь из древних поэтов, что Венера набрала яблок в Тамазейском поприще на Кипре¹. Тот, кто выдумал это обстоятельство, намекал на действие этих яблок, т.к. название поля, в котором они якобы произрастали, означает «побеждать», «укрощать» — от *δαμόω*, *subigo*, *domo*; а как раз таким качеством и обладают золотые яблоки Сада Философов, что вытекает из самой природы вещей, как мы это увидим ниже.

Приводились разные сведения о родителях этой героини. Одни говорят, что она, как и Аполлодора, дочь Иаса, а другие утверждают, что отец ее — Схеней, повелитель Аркадии. Некоторые авторы говорят вообще о другой Аталанте, дочери Меналиона, которая была так быстронога, что ни один мужчина, сколь бы крепок он ни был, не мог догнать ее. Аббат Банье, по-видимому, отличает ее от той, что участвовала в охоте на Калидонского вепря, однако поэты считают ее дочерью Схенея — повелителя Онхесты. Она была девственницей и обладала поразительной красотой. Она решила сохранить девственность, потому что оракул, у которого она спросила: следует ли ей выходить замуж, — ответил, что ей нельзя связывать себя узами с супругом, но избежать ей этого все-таки не удастся. Красота ее привлекала многих, но она всех отваживала, ставя сложные задачи тем, кто стремился взять ее в жены. Она предлагала им померяться с ней в беге, определяя условия: — они будут бежать без оружия, а она станет преследовать их с копьем. Тех, кого догонит до конца дистанции, пронзит им, но первый же, кто добежит раньше нее, станет ее супругом. Некоторые попытались счастья, но погибли в этом испытании. Правнук бога воды, Гиппомен, пораженный молвой и красотой Аталанты, не остановился перед искушением, хотя и знал о том, что случилось с другими претендентами на обладание красавицей. Он воззвал к Венере, и она дала ему три золотых яблока, с которыми он и явился состязаться в беге с Аталантой на тех же условиях, что и остальные. Поскольку юноша, как о том было условлено, бежал первым, то воспользовался тем, что, преодолевая дистанцию, бросал яблоки, а Аталанта, видя их у себя под ногами, останавливалась, чтобы подобрать, и таким вот образом он и достиг цели первым. Выйдя, благодаря своей хитрости, победителем, он смог жениться на дочери Схенея. Аталанта очень любила охоту и часто предавалась этому занятию. Однажды она очень устала на охоте, и вблизи одного из храмов Эскулапа ее охватила сильная жажда. Она стукнула о скалу, говорится в предании, и из нее забил родник чистой воды, которой она испила. Далее, за то, что они вместе с Гиппоменом осквернили храм Кибелы, их превратили во льва и львицу.

Как бы кому ни хотелось воспринимать этот миф как подлинную историю, все обстоятельства выглядят настолько сказочно, что сам аббат Банье ограни-

¹ Метаморфозы, X, 644.

чился лишь пересказом того, как об этом говорят различные авторы, не делая никаких комментариев. Что же до тех, кто находят во всех мифах правила, которым должны соответствовать нравы, то добьются ли они большего успеха, утверждая, что этот миф изображает скупость и сладострастие, поскольку стремительный бег свидетельствует о непостоянстве, перебороть которое можно только при помощи золотой приманки. Что же до превращения их в животных, то это показывает на потерю человеческого облика теми, кто неумеренно предаётся сладострастию. Как бы ни были эти пояснения малоправдоподобны, но, сколько в этом мире можно найти других обстоятельств, которые бы опровергали их и не могли бы на них наложиться? Однако ни одно из обстоятельств не представляет собой сложности в моей системе.

Отец Аталанты — Схеней, *σχοῖος*, *juncus*, или растущее в болотах растение, камыш; Аталанта была девственницей и поразительно красивой, и такой быстрой, что Гиппомену показалось, будто бег ее так же скор, как полет стрелы или птицы:

...Пока про себя Гиппомен рассуждает
Юноша видит ее аонийской, — как мчится быстрее
Пущенной скифом стрелы, — но сильнее девичьей красою
Он поражен...

Метаморфозы, X, 148–151

Меркуриальная вода Философов обладает всеми этими качествами. Это крылатая дева, чрезвычайно красивая¹, родившаяся из заболоченной воды моря или озера Философов. У нее алые ланиты, она королевского происхождения, и вот как описывает ее Овидий в цитируемом отрывке:

Алого цвета покров искусственный сумрак наводит.

Метаморфозы, X, 596

Что может быть летучее этой меркуриальной воды? И приходится ли удивляться, следовательно, что она обгоняла всех своих женихов. Философы часто даже дают ей имена птичьих стрел. Именно такими стрелами Аполлон убил змея Пифона, Диана стреляла ими на охоте, Гераклес использовал их в своих сражениях с чудовищами. По этой же причине можно предположить, что Аталанта пронзала бежавших впереди нее женихов не копьем, а дротиком. Единственным, кто победил ее, оказался Гиппомен, и это не только потому, что он был потомком бога воды, а, следовательно, одного происхождения с Аталантой, но и благодаря золотым яблокам из сада Гесперид, которые являются не чем иным, как золотом или фиксированной и закрепляющей материей Философов. Единственно, что способно связать меркурий Философов — Золото, путем коагулирования и превращения ртути в землю. Аталанта бежит. Гиппомен бежит ради нее, ибо иначе не сможет жениться на ней. И действительно, совершенно необходимо, чтобы в Делании фиксированное сначала становится летучим, чтобы потом связать летучее. Обе эти материи не могут, следовательно, соединиться до тех пор, пока

¹ Возьми крылатую Деву, которую отмываешь и очищаешь... отмывая пестрые краски, двигайся вперед
D'Espagne. Arcan. Hermet. Philosoph. Opus, Can. 58.

не совершится такая последовательность действий. Потому-то и утверждали, что Гиппомен якобы бросал яблоки на определенном расстоянии друг от друга.

Аталанта, наконец, влюбляется в того, кто победил ее, и становится его женой. Они живут в добром согласии и даже неразлучны, но все еще участвуют в охоте, т.е. после того, как летучая часть соединилась с фиксированной и состоялось соитие — это пресловутое бракосочетание, о котором Философы говорят во всех своих трактатах. Но поскольку материя еще не стала тогда совершенно фиксированной, предполагается, что Аталанта и Гиппомен все еще увлекаются охотой. Жажда, охватившая Аталанту, такая же, как и та, которая сжигала Геркулеса и аргонавтов вблизи сада Гесперид, а представляемый храм Эскулапа отличается от него разве что названием. Геркулес, когда с ним это приключилось, так же, как и Аталанта, заставил бить родник из скалы, но сделал это подобно Философам, у которых камень превращается в воду. Ибо, как говорит Синезий, все наше Искусство заключается в умении добывать воду из камня, или из земли, и в возвращении этой воды в землю. Примерно то же самое говорит и Рипли: «Наше Искусство производит воду из земли и масло из наитвердейшей скалы». «Если вы не превратите наш камень в воду, — говорит Гермес, — а нашу воду в камень, вам ничего не удастся». Вот вам фонтан Тревизана, живая вода Философов. Упомянутый выше Синезий признавал в камне некую Аталанту и некоего Гиппомена, когда говорил:

Однако, если они собирались понять меня, не зная природу стихий и созданных вещей, не имея точного понятия о нашем богатом металле, они бы ошиблись и трудились бы напрасно. Но если они знают материи, которые текут, и те, которые идут следом, то смогут, милостью Божией, достичь того, к чему устремлены их желания».

Михаэль Майер написал трактат о герметических символах, который он озаглавил соответственно «*Atalanta fugiens*».

Те из древних, кто говорили, что Гиппомен был сыном Марса, по сути, вовсе не противоречат тем, кто утверждал, что он потомок Нептуна¹, т.к. Марс Философов образуется из земли, возникшей из воды Философов, которую они называют их морем. Эта фиксированная материя есть, собственно, бог воды. Из нее образован остров Делос, который, как говорят, Нептун зафиксировал, чтобы способствовать уединению и разрешению от родов Латоны, произведшей на свет Аполлона и Диану: т.е. камень белый и камень красный. А они суть Луна и Солнце для Философов и вовсе не отличаются от Аталанты, превращенной в львицу, и Гиппомена, обращенного во льва. Оба они имеют огненную природу и обладают силой, позволяющей им пожирать несовершенные металлы, представленные животными которые слабее их, и превращать оных в их собственную субстанцию, как это делает белый и красный порошки, превращая эти низкие металлы в серебро или в золото — в зависимости от их качества. Храм Кибелы,

¹ Ему же

Дедом — Нептун. Властелину морей, выходит, я правнук
Доблесть не меньше, чем род. Победив Гиппомена, получишь...

Метаморфозы, X, 605–607

Неведомо: сын Мегарея...
Тогда наконец-то Нептунов
Правнук...

Метаморфозы, X, 659–665

подвергшийся осквернению, за чем последовало превращение, это сосуд Философов, в котором находится земля Мудрых, мать Богов химии.

Хотя Аполлодор следовал несколько отличающемуся преданию от того, которое мы привели, суть его такая же, и объясняется оно столь же легко. Согласно этому автору, она после рождения оказалась одна в пустыне, где была подобрана и воспитана охотниками, чем и вызван ее большой интерес к охоте. Она участвовала в охоте на чудовищного Калидонского вепря, а затем в поединках и в играх в честь Пелия, где ей довелось состязаться с Пелеем, и она выиграла приз. Затем она нашла своих родителей, и в ответ на их уговоры выйти замуж согласилась стать женой того, кто победит ее в беге, как уже о том говорилось.

Пустыня, в которой оставили Аталанту, есть именно то место, где находится материя Философов — дочь Луны согласно Гермесу: *В разрушенной земле пребывает; Солнце ее отец, а Луна ее мать*¹, поскольку основой для Аталанты был Меналион, имя которого, как говорили, происходит от Μῆνη, Луна, и λῆιον, пашня. Нашедшие ее охотники — это мастера, которых Раймонд Луллий называет охотниками по этому случаю. *Этот улов (материи) осуществляется посредством охоты, из земли сопротивляющейся сеется в эту воду или в прах, но в целом течет обратно.* Мастер заботится о ней, кладет ее в сосуд и прививает ей вкус к охоте, т.е. предрасполагает ее к улетучиванию. Когда она достигла такого возраста, что могла переносить усталость, и приобрела умение, она приняла участие в охоте на Калидонского вепря, т.е. в схватке летучего с фиксированным, где первое воздействует на второе и преодолевает его. Так Аталанта первой ранила *стрелой* гордое животное, благодаря чему его захватили, и потому дали ей в награду его голову и шкуру. За этой схваткой последовали растворение и чернота в виде поединков в честь Пелия, о которых еще будет идти речь. Наконец, одержав здесь победу над Пелеем, она нашла своих родителей, т.е. после исчезновения черного цвета материя начинает фиксироваться, становиться Луной и Солнцем Философов, отцом и матерью их материи. О прочем, мы уже говорили выше. То, что мы говорили о Калидонской войне, могло бы, казалось, требовать более детального изложения данной темы. Но поскольку этот миф не такой, как те, что мы наметили объяснить во второй книге, ввиду их более явной связи с Герметическим Искусством, мы не будем широко освещать его.

ГЛАВА IV

Златорогая лань

История о поимке златорогой лани с бронзовыми копытами до такой степени мифична, что никакому мифологу не придет в голову смотреть на нее иначе. Сам аббат Банье почувствовал, что рога, а тем более золотые рога, присвоенные лани, у которой их в природе вообще нет, являлись таким обстоятельством, которое делало эту историю, по меньшей мере, аллегоричной, а бронзовые копыта должны были на что-то намекать. Но он просто рассказал о

¹ Изумрудная скрижаль. — Прим. ред.

рогах, не прибегая ни к каким объяснениям, как бы сильно ему ни хотелось представить этот вымысел подлинной историей. Правильнее было бы с его стороны ничего не говорить и о бронзовых копытах. Он пишет:

Геркулес год гонялся за ланью, которую Эврисфей приказал доставить ему живьем, а потом, стали писать, что у нее были бронзовые копыта, образно выражая тем самым быстроту ее бега.

Сочтет ли и читатель вслед за этим мифологом, что бронзовые копыта могут придать легкость животному и ускорить его бег? Лично мы, если бы нам захотелось объяснить этот миф по системе данного ученого, предположили бы, напротив, что автор этого мифа ввел в него бронзовые копыта для большего правдоподобия, а не для того, чтобы поверили в сами бронзовые копыта, но также, чтобы фигурально дать понять: эта лань была гораздо тяжелее, чем обычные лани, и, значит, человеку, преследовавшему ее, было легче ее догнать.

Далее, помимо этой трудности остаются еще золотые рога, целый год погоны, невозможность убить ее каким бы то ни было оружием, невозможность догнать ее никому другому, кроме такого героя, как Геркулес, короче говоря — все остальные обстоятельства этой легенды. Рассказ такого рода мог бы стать просто детской сказкой или событием, очень мало достойным быть включенным в число подвигов великого героя, если бы не крылись в нем некоторые тайны.

Как утверждают, лань эта была посвящена Диане. Обитала она на горе Метал, и на нее запрещалось охотиться с собаками или с луком; нужно было поймать ее живьем, не пролив ни капли ее крови. Итак, Эврисфей приказал Геркулесу поймать ее, и Геркулес преследовал ее без передышки целый год, пока не поймал ее, наконец, в роще Артемиды, посвященной Диане, когда лань собиралась переплывать реку Ладон.

Лань — это одно из наиболее быстрых животных, и никакой человек не мог бы льстить себя надеждой догнать ее. Но у этой лани есть золотые рога и бронзовые копыта, что делает ее менее легкой, а, значит, поймать ее будет проще. И, несмотря на это, для охоты на нее требовался Геркулес. При любых других обстоятельствах человек, задумавший поймать лань, посвященную Диане, да еще в роще этой богини, обязательно испытал бы на себе гнев сестры Аполлона, весьма ревностно следившей за тем, что ей принадлежало, и строго каравшей тех, кто забывал об уважении к ней. Однако, в данном случае Диана, похоже, действовала заодно с Алкидом, хотя, казалось, она должна была бы скорее задавать работу герою, чему примером служит Немейский лев и Эриманфский вепрь. Геркулес пускал стрелы даже в Солнце, и ему ли было страшиться гнева Дианы? Но каким бы не был неустрашимым наш герой, пришедший в мир, чтобы очищать его от кишевших в нем чудовищ и злодеев, разве осмелился бы он тягаться с богами, если бы знал, что это — настоящие боги, или если бы не знал, что люди могут безнаказанно нападать на них? Он бросает вызов Нептуну, Плутону, Вулкану, Юноне. Все вокруг пытаются навредить ему, помешать, но он выходит победителем. Но таковы боги, созданные Герметическим Искусством: они заставляют потрудиться мастера, а он вдруг начинает нападать на них с луком или с дубинкой и добивается, в конце концов, чего хотел. Преследуя лань, он не использует это оружие, однако само золото, из которого сделаны рога животного, и бронзовые копыта облегчают ему задачу. Ведь именно это и требуется в химическом Искусстве, где летучая часть, изображаемая легким бегом лани, достигла бы такой сте-

пени летучести, что связать ее можно ничем иным, как золотом. Автор «Розария» употребляет образные выражения, значащие то же самое: «Живое летучее серебро ни на что не годится, если оно не умервщлено своим телом, а тело это имеет природу *Солнца*». «В нашем лесу обитают два животных, — говорит древний немецкий Философ¹, — одно живое, легкое, резвое, красивое, большое и сильное, как олень, другое — единорог».

Вот что пишет Василий Валентин в одной из аллегорий о магистерии: «Закопанный в землю осел сгнил и разложился, и из него родился олень с золотыми рогами и красивыми белыми бронзовыми копытами, т.к. существо с красной головой, черными глазами и белыми ногами является магистерием». Философы часто говорят о латуни, которую нужно отбелить. Эта латунь или материя, достигшая черноты своим разложением, составляет основу делания. Отбелите *laton*, и можете выкинуть свои книги, — говорит Морием; вам достаточно будет азота и *laton*. Поэтому и утверждалось не без основания, что у этой лани были бронзовые копыта. Из такой же бронзы были изготовлены те древние сосуды, которые герои мифа принесли в дар Минерве, треножник, принесенный аргонавтами в дар Аполлону. Также инструмент, звуками которого Геркулес прогнал птиц со Стимфалийского озера, башня, в которой была заточена Даная, и пр.

Все в этом мифе непосредственно связано с Дианой. Ей была посвящена лань, обитавшая на горе Менал или «Лунный камень», и пойманная в роще Артемиды, т.е. Дианы. Луна и Диана *μήνη*, луна и *λῆας*, камень суть одно и то же, а Философы называют *Луной* летучую или меркуриальную часть их материи. Когда *Луну* Философов или тот же *меркурий* называют *вульгарным меркурием*, или намеренно вводят в заблуждение, или сами ошибаются². Они называют такую *Дианой* материю, доведенную до белизны: *По истечение года умный увидит Диану без одежды (подумай о сказанном), смысл высшего и низшего предназначения этого*, — пишет Космополит в предисловии к своим Двенадцати трактатам. Вот тут-то лань и дает себя поймать, т.е. летучая материя становится фиксированной. Предел ее бегу был положен рекой Ладон, потому что после долгого кружения она опускается на дно сосуда в меркуриальную воду, где летучее и фиксированное соединяются. Эта фиксированность представляется подарком, сделанным Геркулесом Эврисфею. Объяснение к Эврисфею — *Εὐρύς, широкий, крупный, важный*, и *στάω, стоять, оставаться*. Это представляет *Εὐροσθενή, незыблемый, или могущественный*, *Εὐρύς широкий* и *σθένος, мощь, сила*. Это равносильно тому, как если бы мы сказали, что мастер, потрудившись нужное время, т.е. год над тем, чтобы зафиксировать лунную материю, смог сделать из нее Диану или довести до белого цвета, а затем привести ее к последней стадии фиксированности, обозначенной Эврисфеем. Срок в один год не следует понимать как обычный год, а как год Философов, протяженность которого также не является обычным временем года. Мы уже объясняли это в Герметическом трактате в начале нашего труда.

Год охоты на лань должен был бы заставить заподозрить наличие некой тайны, спрятанной за этим вымыслом. Но поскольку мифологи не знали этой тайны, то и видели во всем этом только сказочную сторону. Каждой вещи строго определено время для достижения совершенства. Природа всегда действует

¹ Rythmi German.

² D'Espagn. Can. 44.

медленно, и хотя мастер может сократить свои операции, ему не видать успеха, если он будет слишком ускорять действия. Мягким, но более живым, чем у Природы, теплом можно ускорить созревание плода или цветка; однако слишком сильное тепло сожжет растение еще до того, как оно даст ожидаемое. Мастеру требуется больше терпения и времени, чем тяжелого труда и затрат, — говорит д'Эспанье. Рипли и многие другие уверяют, что нужен год, чтобы достичь совершенства Камня, доведенного до белого цвета, или Дианы Философов, которую данный автор именует *известью*. «Нам нужен год, — пишет он, — чтобы наша известь стала плавкой, фиксированной и приняла постоянный цвет». Захарий и большинство Философов говорят, что нужно 90 дней и столько же ночей, чтобы довести делание до красного цвета после настоящего белого, и 275 дней, чтобы достичь этого белого, что и составляет целый год. Тревизан добавляет к нему еще семь дней.

Некоторые мифологи дали этому мифу довольно необычную трактовку. По их словам, Геркулес обозначает солнце, совершающее свой круг каждый год. Когда же им требуется объяснить, что же это за лань, за которой гонится Солнце, то они не находят что сказать по этому поводу, настолько все их аргументы являются неубедительными.

ГЛАВА V Мидас

Несмотря на то, что в мифе о Мидасе не содержится ни единого события, которое можно было бы обоснованно трактовать как историческое, аббат Банье утверждает, что все в нем правда. «Ведь греки, — пишет он, — любили изображать историю в виде мифов. Я говорю «историю», т.к. это и есть подлинная история». Авторы этого вымысла могли бы с большим основанием сказать об аббате Банье: «Вот так этот ученый изображает историю о том, что никогда не было чем-то большим, чем плод нашего воображения, ибо представленная история Мидаса есть чистый миф». И вправду, разве все действующие лица этой пьесы не вымышлены? Мы представили мать Мидаса, Кибелу, матерью богов, а нашему мифологу угодно сделать ее повелительницей Фригии, дочерью Диндимены и Меона — властителя Фригии и Лидии. Силен у нас был воспитателем никогда не существовавшего бога Бахуса. Он же превращает его в философа, одинаково знаменитого своей ученостью и своим пьянством. Известно, что многие древние авторы придерживаются того же мнения и считают это пьянство, о чем столько говорено, лишь неким таинственным опьянением, означающим, что Силен зашел очень глубоко в своих умозаклключениях. Цицерон, Плутарх и многие другие примерно также воспринимали его, но одни из них ссылаются на других, и если подняться к истокам, то мы видим Силена как настоящего пьяницу — наставника бога Бахуса.

Странность самого приключения, в результате которого Силен оказался в руках Мидаса, и то, что за этим последовало, нельзя рассматривать иначе, как чистый вымысел. Может ли быть правдой, что Мидас, считавшийся скупейшим из

людей, расточал вино так, что наполнил им бассейн, чтобы побудить Силена напиться, а затем захватить его? Скупец мог бы найти и другой способ, более соответствующий его скупости, да и стоило ли применять столь дорогую стратегию, чтобы заполучить столь легкую добычу? То, как Мидас действовал в отношении Силена, если судить об этом, по словам аббата Банье, совершенно не отвечает действительности. Мифолог пишет:

Силен мыкался по этому краю верхом на осле и часто останавливался у источника, чтобы протрезветь и отдохнуть от усталости. Случай показался Мидасу удобным: он приказал налить вина в бассейн источника и отправил нескольких крестьян в засаду. И однажды Силен выпил уж слишком много этого вина, крестьяне увидели, что он пьян, набросились на него, связали гирляндами цветов и в таком виде отвели его к государю. Их государь, сам посвященный в тайны Бахуса, принял Силена с большими почестями, а затем, отправив вместе с ним оргии в течение десяти дней и, послушав его речи о многих вещах, отвел его к Бахусу. Этот бог, обрадовавшийся при виде своего наставника, чье отсутствие очень его беспокоило, приказал Мидасу просить у него, чего тот пожелает. Известный своей чрезвычайной скупостью, Мидас попросил сделать так, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото.

Если верить тому же автору, Силен был учнейший философ, чьими познаниями Мидас и воспользовался для создания новой религии, которая изменила верования лидийцев. Для подтверждения истинности этой вымышленной истории аббат Банье цитирует Геродота, вкладывая в его уста слова, которых тот не говорил. Другие его объяснения столь мало убедительны и так далеки от правдоподобия, что мы не считаем нужным приводить их здесь.

Если Силен был философ, то с какой стати он должен был быть воспитателем Бахуса? И разве философия совместима с пьянством? Человек, регулярно предающийся этому пороку, вовсе не способен на глубокие размышления, которых требует наука. Поскольку этот мнимый философ имел привычку приходить протрезвляться к источнику, где его и захватили, то нужны ли были все эти предосторожности, чтобы похитить его? Должны ли мы согласиться с схолиастом Аристофаном и аббатом Банье, что Мидаса изображали с ослиными ушами лишь потому, что у него повсюду были шпионы, которых он внимательно расспрашивал и выслушивал? Следует ли нам верить нашему мифологу, когда он говорит, что Мидас передал свое умение златоделания реке Пактол, а затем он заставлял своих подданных собирать золото, влекомое ее водами? А если правда то, что он был необычайно груб и глуп, то, как же ему хватило ума дать лидийцам законы и ввести религиозные церемонии; затем добиться уважения своего народа, чтобы прослыть вторым Нумой; вести торговлю, сделавшую его столь богатым, что считалось, будто он все превращает в золото?

Таковы объяснения или, скорее, противоречия сего ученого мифолога, ловко использующего сочинения других авторов для достижения своей цели. То Мидас властвует над землями в долине реки Сангариос, то он правит в долине реки Пактол. Причем, сначала это грубый и глупый человек достойный того, чтобы его изображали с ослиными ушами. Затем — он уже умный человек с обширными познаниями, способный на большие предприятия, заслуживающий сравнения с Нумой, человек, понявший, как можно знать все при помощи шпионов, и вместе с тем давший повод изображать его с ослиными ушами.

Поэты не смогли найти столь изобретательной развязки для этой легенды. Как пишет Овидий, Аполлон решил, что не сможет никак лучше наказать Мидаса, чем дать ему ослиные уши, дабы весь мир узнал, сколь слабодушен был этот государь, отдавший Пану победу над богом музыки. Это довольно ясно показывает, что историки недостаточно вникли в замыслы поэтов, желая представить нам Мидаса умным и сообразительным. Но посмотрим на вещи так, как их нам подают поэты. По их словам, Мидас был фригийским государем, которого Орфей посвятил в таинства оргий. Когда Бахус как-то решил побывать в этих краях, его воспитатель Силен отстал от него, задержавшись у фонтана с вином в одном из садов Мидаса, где выросли сами по себе самые красивые розы в мире. Силен напился там допьяна и заснул. Мидас проведал об этом и, зная, в какое беспокойство сына Семелы повергло отсутствие Силена, он захватил Силена, увенчал его гирляндами всевозможных цветов, оказал ему изысканнейший прием и препроводил его к Бахусу. Тот обрадовался возвращению своего наставника и, желая отблагодарить Мидаса, пообещал дать ему все, что тот ни попросит. Мидас попросил сделать так, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото, и просьба его была исполнена. Но исполнение этого желания обошлось ему слишком дорого, потому что подававшиеся ему блюда тоже делались золотом, стоило ему к ним дотронуться. Опасаясь умереть от голода, он обратился к тому же богу, чтобы тот освободил его от столь неудобного свойства. Бахус согласился и приказал ему вымыть руки в Пактоле. Мидас так и сделал и передал реке роковое умение, от которого ему удалось избавиться.

Когда известно, что происходит в герметическом делании при работе над эликсиром, то видно, что миф о Мидасе отображает это, как в зеркале. Вспомним, что когда образуется Осирис, Бахус или Вахх Философов, возникает некая земля. Эта земля, или Бахус, посещающий Фригию, по причине своих огненных, обжигающих и сухих качеств, отсюда и *φρυγία*, Фригия значит жаркая и сухая земля, *φρυγίω*, *τογgeo*, *αεγασίο*. Предполагается, что там правит Мидас; однако, чтобы ясно указать, что именно следует разуть под этим вымышленным правителем, его называют сыном Кибелы, или Земли, — той самой, которую считали матерью богов, но богов Герметико-Философских. Итак, Бахус, сопровождаемый своими вакханками и сатирами, под предводительством Силена покидает Фракию и направляется к Пактолу, сбегавшей с горы Тмол. Это равносильно тому, что философский Бахус, или сера, после того, как его растворили и сделали летучим, стремится к коагуляции, поскольку *Φρηκη*, *Фракия*, затем *τέλω*, *бежать* или *Φρεω*, означает *сильное волнение*, такое, как бывает у фиксированной материи, когда она становится летучей после растворения. Коагуляцию ничем лучше не обозначить, как словом Пактол, что значит *пактес*, *пактёω* *собирает воедино, связывать, соединять одно с другим*. От этого соединения образуется та фригийская или огненная и высушенная земля, где правит Мидас. То, что было тогда летучим, становится фиксированным или такой землей. Это Силен на территории Мидаса. Фонтан, у которого отдыхает этот сатир, — есть меркуриальная вода. Считается, что Мидас наполнил его вином, которым Силен напился, потому что эта меркуриальная вода, которую Тревизан называет также фонтаном, а Раймонд Луллий вином, краснеет по мере того, как земля становится более фиксированной. Сон Силена означает покой летучей части, а гирлянды цветов, которыми его увенчали, провожая к Мидасу, представляют собой

различные цвета, через которые проходит материя перед тем, как достичь фиксированности. Праздновавшие ими вместе оргии перед возвращением к Бахусу — это последние дни, предшествующие совершенной фиксации, которая сама по себе является концом делания. Можно даже подумать, что конец этот хотели выразить именем *Бахуса*, Δίος и υἱός, мета, данным Вакху, означающим Бог — цель, или завершение.

Поэты прекрасно описывают Пактол. Когда им нужно изобразить какой-нибудь изобильный край, они сравнивают его со страной, омываемой Пактолом, водам которого Мидас отдал свой злополучный дар. Без Пактола Крез был бы правителем с ограниченной властью, не способным вызвать зависть Кира.

По мнению аббата Бартелеми, Пактол был всего лишь невзрачной речкой, сбегавшей с горы Тмол и протекавшей по долине, и даже по городу Сард, а далее впадавшей в Гем. Живший по соседству с этими краями Гомер молчит о них. Ничего не говорит о них и Гесиод, хотя он старательно перечисляет реки Малой Азии. Уже задолго до Страбона Пактол не содержал в себе больше золота, и во все последующие столетия так и не удалось обнаружить богатств в этом ручье, выглядевшем столь щедрым на сокровища под пером поэтов. И хотя некоторые серьезные историки приписывают реке эти свойства, мы не видим, на чем может основываться аббат Бартелеми, датируя эпоху этого изобилия реки Пактол восьмым веком до Рождества Христова, когда правили предки Креза, утратившего свое государство в 545 г. до н.э. Лидия могла быть богата на золото независимо от Пактола, и богатства, обнаруженные там Крезом, ничуть не доказывают, что они попали туда из этой реки. Никогда не находили золота и на горе Тмол, и ни один историк не упоминает о наличии на ней золотых рудников. Мы заключаем, следовательно, что все это — миф.

Обрадованный возвращением своего воспитателя, Бахус одаривает Мидаса способностью превращать в золото, все, к чему тот прикоснется. Этот бог мог дать лишь то, чем владел сам; следовательно, это был бог-златодел. Это его свойство должно было бы привести мифологов к определенным мыслям, но поскольку они читали мифы только под властью предубеждений по отношению к истории или морали, то и видели в них только это. Золото — предмет вожделения скупых. На основании того, что Мидас просит у Бахуса наделить его силой получать золота сколько угодно, делается вывод, что Мидас — скупец, причем самый большой скупец среди людей. Но если бы мы обратили внимание на то, что просьбу свою он адресовал Бахусу, а тот удовлетворил ее лично, не обращаясь ни к отцу своему Юпитеру, ни к богу богатства Плутону, то естественно пришли бы к выводу, что Бахус был бог золота, златоносное начало. Это начало может трансмутировать само и передавать другим такой же дар — превращать в золото все, по крайней мере, все, что способно на трансмутацию. Когда поэты говорят нам, что в руках Мидаса все становится золотом и даже его пища, мы прекрасно понимаем, что это нужно воспринимать как аллереорию. Тогда этот факт становится естественным продолжением предыдущего. Мидас проводил Силена к Бахусу, т.е., когда фригийская земля зафиксировала часть летучего, все стало фиксированным, а, значит, трансмутирующим камнем Философов. Он получает от Бахуса способность трансмутировать, причем он мог уже делать это с серебром, но дар превращать все в золото ему мог дать только Бахус, т.к. этот бог есть камень, доведенный до красного, единственный, могущий превращать в золото

несовершенные металлы. Мы подробно объясняли это в разделах об Осирисе, а ведь все согласны, что Осирис — это тот же Бахус или Вакх.

Вспомним также, что сатиры и вакханки — это летучие части материи, циркулирующие в сосуде. Вот причина, по которой авторы этих вымыслов говорили, что Силен сам был сатир, сын нимфы или Воды и отец других сатиров, ибо нам кажется, что нельзя было лучше изобразить материю Герметического Искусства, как через образ добряка Силеня. Его грубый вид грузного мужлана кажется предназначенным для насмешек, для того, чтобы смешить детей, и, тем не менее, в нем скрыто нечто вполне превосходное, т.к. нам хотели представить его законченным Философом. То же самое можно сказать и о материи магистерия: все ее презирают, попирают ногами, иногда она даже служит детской игрушкой, как говорят Философы, ничем она не привлекает взгляд. Ее находят повсюду, подобно как нимф в лугах, в полях, в рощах, в горах, в долинах, в садах; все ее видят и все ее презирают из-за ее отвратительного вида. Она столь обычна, что ею может владеть и бедняк, и богач, причем никто этому не сможет помешать, а для ее приобретения не нужны деньги.

Таким образом, нужно последовать примеру Мидаса и оказать хороший прием Силену, которого Философы называют сыном Луны и Солнца, вскормленным Землей. Ведь *σελήνη* означает «Луна», и можно прекрасно произвести Силеня от *Селены*, заменив первое «е» на «и», как, например, *lira* была образована от *λῆρος*, *plico* от *πλῆκῶ*, *dries* от *δρέος* и т.д. с множеством других слов. Ионийцы даже часто меняли *ε* на *ι*, произнося *ἰφίστος* вместо *ἑφίστος*, *domesticus familiaris*; поэтому нет ничего удивительного в том, что такое изменение произвели и с именем Силеня.

Поскольку эта материя является началом золота, мы вправе считать Силеня отцом-воспитателем златоносного бога. Она также нектар и амброзия богов. Она, как Силен, дочь нимфы и нимфа сама, т.к. она есть вода, но такая вода, говорят Философы, которой не смочишь руки. Сухая, выжженная земля, изображаемая Мидасом, жадно пьет эту воду, а в их образующейся смеси возникают разные цвета. Это также прием, оказанный Мидасом Силену, и гирлянды цветов, которыми он его увенчал. Вместо того чтобы представлять нам Силеня большим философом, лучше было бы, чтобы мы больше проникли в замысел автора этой легенды, как если бы нам сказали, что Силен был способен производить Философов, т.к. он был той материей, над которой рассуждают и трудятся герметические Философы. И если у Вергилия он размышляет о началах мира, о его образовании и о населяющих его существах, то лишь по причине, что, если верить ученикам Гермеса, это та же самая материя, из которой в этом мире сделано все. Осадок этой бесформенной первоматерии стал началом всего¹. Это самый ценный дар Природы, ступок небесной квинтэссенции. И потому-то Эльен говорил, что хотя Силен и не принадлежал к числу богов, по своей природе он был выше людей. Т.е., нужно было считать его таким же воображаемым существом,

¹ Antiquae illius massae confusae, seu materiae primae specimen aliquod nobis natura reliquit in aquâ siccâ non madefaciente, quae ex terrae vomitibus, aut etiam lacubus scaturiens, multiplici rerum femine praegnantans effluit, tota calore etiam levissimo volatilis; ex quâ cum suo masculo copulatâ qui intrinseca elementa erueret, & ingeniosè separare, ac iterum conjungere noverit, pretiosissimum naturae & artis arcanum, imo coelestis essentiae compendium adeptum se jacet.

как и богов из мифа, как нифм, от которых, как пишет Гесиод, произошли все сатиры.

В конце концов, Мидас освобождается от неудобного дара все превращать в золото и передает его реке Пактол, обмыв себя в его водах. Именно это происходит с камнем Философов, когда приступают к его умножению. Для этого его необходимо поместить в меркуриальную воду, в которой, по словам Тревизана, должен искупаться король страны. Тут он освобождает свое суконное платье от тонкого золота. А родник затем передает братьям своим это платье и кроваво-пурпурное тело, чтобы они стали такими же, как он. Эта меркуриальная вода есть поистине вода «пактольная», потому что она должна частично коагулировать и стать золотом Философов.

ГЛАВА VI

О золотом веке

Все запутано, все сложно, все предстает перед мифологами как лабиринт, из которого им не выбраться, когда они пытаются привязать к истории то, что передали нам авторы о мифической эпохе. Все они, как один, связывают золотой век с правлением Сатурна, но когда требуется определить место, где правил это бог, эпоху его правления и причины, побудившие назвать ее *золотым веком*, возникают трудности. Лучше было бы просто признать, что все эти мифические истории всего лишь вымысел; однако в них хотят найти реальные вещи, чтобы сегодня обосновать чрезмерную доверчивость большинства древних. При этом забывают: если они опираются на авторитет таких людей, которые заработали репутацию подозрительных, тем самым показывают читателю, что им и самим не стоит верить больше. Кто может гарантировать современным авторам или тем, кто пользуется источниками, казалось верными, что они являются правдивыми и им можно верить? К сожалению, мы вынуждены признать, что все эти истории пришли к нам от поэтов, подражавших сочинениям египтян. Известно, что поэты почти все черпали из своего воображения, а историки писали о тех временах только с их слов. Геродот, старейший из известных нам, писал более чем, через 400 лет после Гомера, а Гомер гораздо позже Орфея, Лина и т.д. Никто из них не говорит, что видел то, о чем рассказывает, иначе, чем в своем воображении. Даже сами их описания полностью поэтичны. Описание золотого века, сделанное Овидием, напоминает скорее картину земного рая и населявших его людей, чем описание эпохи после всемирного потопа на земле, подверженной изменениям погоды.

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду, и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи, — в безопасности жили без судей.
И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы
С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.

Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
 Труб не бывало прямых, ни медных рогов искривленных,
 Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
 Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
 Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
 Плугом не ранена, все земля им самим приносила.
 Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,
 Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный собирали,
 Терн, и на крепких ветвях висающие ягоды тута,
 Иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера пали.
 Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
 Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.
 Боле того: урожай без распашки земля приносила;
 Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
 Реки текли молока, струились и нектара реки,
 Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.

Метаморфозы, I, 89–112

Соглашаться с Овидием, что было когда-то время, когда люди жили так, как мы только что рассказывали, значит питаться иллюзиями и вымыслами. И хотя этот поэт описал его таким, каким и должен был бы быть золотой век, это описание оказалось не по вкусу аббату Банье. По его мнению, люди, жившие таким образом, должны были существовать как дикари, без законов и без религии. Является Янус, собирает их, дает им законы; приходит счастливая жизнь, наступает золотой век. Страх, принуждение, порождаемые устрашающими законами, показались Овидию противными счастливой жизни. Для аббата Банье они — источники блаженства.

Но все же, каковы причины, побудившие древних назвать правление Сатурна золотым веком? Ни одно иное правление не было запятнано столькими пороками: войны, резня, преступления всякого вида наводняли землю в течение всего этого времени. Сатурн взшел на престол лишь после того, как сверг с него своего отца и искалечил его. Что такое не совершил Юпитер по сравнению с Сатурном, что его правление не было удостоено названия золотого века? Ведь Юпитер обошелся с Сатурном точно так же, как тот со своим отцом. Юпитер был — прелюбодей, убийца, кровосмеситель и т.д. Но лучше ли был Сатурн? Разве он не взял в жены сестру свою Рею? Разве не сожительствовал он с Филирой и с другими? Видели ли когда-нибудь более бесчеловечного правителя, пожравшего собственных детей? Правда, он не сожрал Юпитера, но не потому, что не пожелал этого: ему подсунули камень, он проглотил его, но не смог переварить его и отрыгнул. По словам Гесиода, этот камень был установлен на горе Иеликон как памятник людям. Хорош памятник, напоминающий о золотом веке!

Разве не удивительно, что такой парадокс не раскрыл глаза древним, и что все однозначно приписывают золотой век времени правления Сатурна? Аббат Банье пишет, что это был век Януса, правившего совместно с Сатурном. Наш мифолог говорит:

Этот владыка умерил жестокость их нравов, собрал их в городах и селах, дал им законы, и при нем подданные зажили так счастливо, как никогда, благодаря чему время, в которое он правил, считают счастливым временем и золотым веком.

Но, даже, если смотреть на вещи с этой стороны, то странностей не становится меньше. Невозможно, чтобы Сатурн и Янус жили в одно время, т.к. даты ни-

как не согласуются. Феофил Антиохийский уверяет нас, ссылаясь на Талла, что Кронос, именуемый латинянами Сатурном, жил за триста двадцать один год до взятия Трои, а это значит, если принять расчеты самих историков, что его и Януса разделяет более полутора века. Из этого следовало бы заключить: либо Сатурн никогда не бывал в Италии, либо он побывал там задолго до правления Януса. Тем не менее, все древние твердят, что эти властители правили в одно время. Можно было бы предположить, как это делает аббат Банье и некоторые другие, что это другой Сатурн, а современником Януса был отец Пика, Стерк, которого называли Сатурном после его апофеоза. Эти авторы забывают, однако, что Янус не делил престол со Стерком; а легенда говорит, что Янус уже правил, когда Сатурн прибыл в Италию. Следовательно, это не относится к Стерку, раз он правил вместе с Янусом. Этот самый Сатурн, который, согласно Вергилию¹, объединил диких людей — непокорную толпу, раскиданную по горам, дал им законы и назвал эту землю *latium*, где он укрылся в ней от собственного сына; он также не может быть Стерком, отцом Пика, поскольку тот был еще в младенческом возрасте, когда отец его умер. Таким образом, речь шла о Сатурне — отце Юпитера.

Учитывая, что увязать все это невозможно, естественно предположить, что автор этого мифа имел в виду не исторические события, а какую-то аллегория, смысла которой историки не разгадали. Отсюда, ни Сатурн, ни Янус и ни Юпитер никогда на самом деле не главствовали, ибо для этого нужно быть человеком, а все эти боги, о которых мы ведем разговор, существовали только в воображении авторов мифов, принимавшихся большинством народов за реальные события, ибо они чрезвычайно льстили их самолюбию. Люди бесконечно гордились тем, что их предками или правителями, или хотя бы основателями их городов были боги. Каждый народ тешил себя, как мог, считая себя выше других, потому что его бог, был величественнее и древнее. Нужно поэтому искать другие причины, по которым мнимое правление Сатурна называли золотым веком.

Именно такие причины мы находим в Герметическом Искусстве, где Философы именуют *правлением Сатурна* время, в течение которого длится чернота, потому как та же чернота зовется у них Сатурном, когда помещенная в сосуд материя становится как бы расплавленной сажей. Они говорят также, что чернота эта была входом, вратами и ключом делания; она представляет собой Януса, правящего, следовательно, совместно с Сатурном. Уже многие искали, и еще долго будут искать причину, по которой двери храма открывались перед Янусом, когда нужно было объявить войну, и закрывались, когда говорили о мире. Но Герметическому Философу найти эту причину легче, чем всем мифологам. Вот она. Чернота — это следствие растворения; растворение же есть ключ и врата делания. Она появляется лишь в результате битвы, разгорающейся между фиксированным и летучим, от сражений, которые они ведут друг с другом. Поскольку

¹ Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа,
Царства лишен своего, уstraшен оружием сына.
Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались,
Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской
Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.
Век, когда правил Сатурн, золотым именуется ныне:
Мирно и кротко царил над народами бог...

Энеида, VIII, 319–325.

вратами этими был Янус, то вполне естественно, что в храме открыли те из них, что были посвящены ему, чтобы известить об объявленной войне. Пока война длилась, врата эти оставались открытыми, но их закрывали для мира, т.к. война фиксированного с летучим идет до тех пор, пока материя не станет совершенно фиксированной. Тогда воцаряется мир. Вот почему в «Turba» сказано: *Осуществи мир среди противников, и тогда осуществится делание*. Философы даже употребляли фигуральные выражения «открывать, развязывать» вместо «растворять», и «закрывать, связывать», вместо «фиксировать». Макробий утверждает, что древние считали Януса Солнцем. Те, кто неправильно понимали это выражение, имели в виду лишь солнце небесное, управляющее временами года, а нужно было понимать это как Солнце Философов; в этом и заключается одна из причин, по которой это правление называли *золотым веком*.

В течение периода черноты, о которой мы говорили, или правления Сатурна, душа золота, по мнению Философов, соединяется с меркурием; а потому они именуют этого Сатурна *могилой Короля*, а также Солнцем. Вот тут-то и наступает правление богов, потому что Сатурн считается их отцом; и это действительно золотой век, ибо, ставшая черной, материя содержит в себе златоносное начало и золото Мудрых. Мастер же теперь находится в положении подданных Януса и Сатурна: как только появляется чернота, исчезает всякое беспокойство. До этого он неустанно трудился, вовсе не будучи уверенным в успехе. Возможно, он *блуждал* по лесам, рощам и горам, т.е. работал с различными веществами, неподходящими для нашего Искусства; возможно даже, что он *блуждал* не одну сотню раз, работая подобно Понтану над истинной материей. И тогда он начинает испытывать радость, удовлетворение и подлинное спокойствие, т.к. видит, что надежды его зиждутся на твердой почве. Разве нельзя считать это поистине золотым веком даже и в том смысле, как об этом писал Овидий, когда человек доволен жизнью, с полностью удовлетворенным сердцем и разумом?

ГЛАВА VII О ЗОЛОТЫХ ДОЖДЯХ

Поэты часто упоминали о золотых дождях, а некоторые языческие авторы приводят даже в качестве подлинного факта: на Родосе как-то выпал золотой дождь, когда Солнце остановилось здесь на ночь с Венерой. Это можно простить поэтам, но когда Страбон говорит, что на Родосе был золотой дождь при рождении Минервы происшедшей из мозга Юпитера, то для него это непростительно. Действительно, многие авторы утверждают, что тогда-то и тогда-то выпадал дождь в виде камней, крови или похожей на нее жидкости из насекомых. Многие и сегодня заявляют, что видели, как с неба сыпались лягушки, падавшие гроздьями им на шляпы вместе с апельсинами, и выпало их столько, что и земли почти не было видно. Не доискиваясь физических причин таких явлений и не пытаясь оспорить эти утверждения или подтвердить, т.к. это не относится к теме нашего труда, скажем просто, что все это могло быть. Что же касается золотого дождя, то сколько бы нас ни уверяли, вряд ли кто-либо поверит в это,

если только сам не был очевидцем такого дождя. Посему к этой легенде также следует относиться как к аллегории.

Можно назвать *золотым дождь*, когда выпадает золото или вещество, из которого его можно получить, подобно тому, как люди говорят, что идет винный дождь, если дождь выпадает вовремя, когда его желают, — то ли для того, чтобы виноград стал слаще, то ли для того, чтобы он быстрее рос. Именно такое происходит в результате циркуляции материи Философов в сосуде, куда она помещена. Она растворяется и, поднявшись в виде пара вверх сосуда, сгущается там, чтобы выпасть дождем на оставшееся внизу. Поэтому Философы называют иногда свою меркуриальную воду *обычной водой*. Они даже называли Венерой эту летучую часть, а фиксированную материю — Солнцем. Эти имена встречаются сплошь и рядом в их сочинениях.

Филалет пишет:

Наша Луна, служащая в нашем делании женой, относится к роду Сатурна; и потому некоторые из наших авторов называли ее *Венерой*.

Д'Эспанье неоднократно упоминает эту меркуриальную воду под именем *Луны* и *Венеры* и прекрасно разъясняет такое объединение Солнца и Венеры:

Предметом и целью законного брака есть порождение детей. Но для того, чтобы дети рождались здоровыми, крепкими и сильными, нужно, чтобы и оба супруга были также здоровыми и крепкими, ибо чистое и здоровое семя дает поколение, подобное ему. Такими должны быть Солнце и Луна, прежде чем возлечь на брачное ложе. Тогда-то и состоится их брак, и из этого соития родится могучий Король, отцом которого будет Солнце, а матерью Луна.

Он говорил¹, что Луна Философов — это их Меркурий, и что они дали ей несколько имен², в т.ч. «тонкая земля», «живая вода», «жгучая вода и постоянная вода, золотая и серебряная вода, наконец, *Венера* Гермафродитка. Уже одно только это определение ясно показывает, из какой природы и субстанции была создана эта мнимая богиня и как ее следует понимать; ибо греческие корни, образующие слово «Гермафродит» Ερμής, Mercurius & Αφρός, Spuma, означают «ртутная или меркуриева пена». Нет сомнения, что именно поэтому в мифе о Гермафродите говорится, что он сын Меркурия и Венеры. Утверждается, что соитие Солнца и Венеры произошло на Родосе, потому что союз Солнца и Меркурия возможен тогда, когда материя начинает краснеть, на что указывает название острова, происходящее от ρόδον — *роза*. Фиксированная материя или золото Философов, укрупнившееся и выпадающее в виде дождя, вполне резонно называется золотым дождем, поскольку без этого дождя герметическое дитя не было бы зачато.

¹ Те, которые говорят, что Луна Философов или тот же их Меркурий является обычной ртутью либо сознательно обманывают, либо сами заблуждаются.

Can. 44.

² Этот Меркурий называют различными именами, то Землей, то Водой, что происходит по разным причинам, потому что он естественным образом составлен из обоих. Первая, т.е. Земля, представляет собой *тонкую* белую Серную Землю, в которой укоренен *элемент* и сеется *Философское Золото*. Вторая, т.е. Вода, является водой жизни или пылающей водой, непреходящей, чистейшей водой — водой золота и серебра. Но этот *Меркурий* (состоящий из таких Земли и Воды), так как он содержит в себе свою серу, которую можно умножить при помощи Искусства, справедливо называется Серой Ртути. Наконец, он является драгоценнейшей *субстанцией Гермафродитской Венеры* Мудрых, которая вместо обоих полов могла представлять мужское и женское.

D'Espagnet. Can. 46.

Далее, подобный дождь выпал, когда из мозга Юпитера родилась Паллада, на что имелась та же причина: Юпитер не смог бы разродиться, не помоги ему в качестве акушерки Вулкан или огонь Философов. Если смотреть на Палладу в данном случае, как на богиню наук и учения, то относительно Герметического Искусства можно сказать, что, даже имея самую крепкую теорию и самую материю магистерия, именуемую Девой, дочью Моря или Воды или Нептуна, и топь Тритона, делание не удастся совершить без помощи Вулкана или огня Философов. Некоторые поэты говорили, что Паллада оказала сильное сопротивление хотевшему взять ее силой Вулкану. Семя его упало на землю, и в результате родилось чудовище, названное Эрихтонием, с туловищем и головой человека и хвостом дракона. Сей Эрихтоний есть результат операций невежественных мастеров, тех, кто берется за делание, не зная его начал, кто хочет работать без помощи Минервы. Они производят на свет лишь чудовищ, даже и с помощью Вулкана.

Аббат Банье утверждает, что этот Эрихтоний был в действительности афинским правителем, вступившим на престол после Амфикициона, правившего после Кранаяса, который правил после Кекропа, а этот владыка, если верить истолкователям надписей на мраморных плитах Аронделя, по хронологии Цензорина и Дионисия Галикарнасского, жил за 400 лет до взятия Трои. Аббат Банье отбрасывает эту хронологию, т.к. она не подтверждает его систему, и утверждает, что эти авторы относят слишком далеко по времени прибытие Кекропа в Грецию. Сам же он считает, что тот появился в Греции за 330 лет до Троянской войны. Но наш мифолог забыл о своем собственном расчете, помещенном несколькими страницами дальше, где, говоря о прибытии Девкалиона в Фессалию, он датирует его девятым годом правления Кекропа, т.е., как говорит наш автор, *за 215 или 220 лет до Троянской войны*. А это говорит об ошибке не менее, чем в 110 лет — по его собственной хронологии. Но даже если закрыть на это глаза, то можно ли верить ему на слово, когда он пишет, что Эрихтония считали сыном Минервы и Вулкана лишь потому, что его статуя находилась в посвященном им храме? Но мог ли этот факт послужить предметом для мифа, согласно которому Эрихтоний был совсем низкого происхождения. В этом мифе нет ничего, что было бы связано с установкой его статуи в храме.

Далее, в мифе говорится, что, увидев этого ребенка со змеиной нижней частью тела, Минерва поручила его заботам дочери Кекропа Аглавре, а та из любопытства заглянула в корзину с ребенком, и за это была наказана завистью к своей сестре, в которую был влюблен Меркурий. Однажды она решила помешать ему войти в спальню своей сестры Персы, и тогда этот бог ударил ее своим кадучеем, и превратил в камень. Нельзя не видеть, что миф этот — чистый вымысел, объяснить который можно лишь аллегорически. Невозможно предполагать, что Паллада, Вулкан, Меркурий и дочери Кекропа жили вместе, даже если считать и тех, и других реальными персонажами. Думаю, что нет смысла это доказывать. Но если посмотреть, какая связь может быть у этого мифа с Герметическим Искусством, то мы увидим, прежде всего, двух богов и богиню, которые настолько вплетены в это Искусство, что они совершенно необходимы. В том то и наука данного искусства, и следовательно благоразумно поддерживать огонь, чтобы осуществлять операции; затем — огонь Философов или Вулкан; потом — меркурий Мудрых. Если мастер раздует огонь слишком сильно, это значит, что Вулкан хочет силой взять Палладу, которую Философы часто называли их материей. Не-

смотря на сопротивление девственницы, Вулкан не прекращает своих попыток; он проникает в материю Философов и растворяет ее. Растворение это не может происходить иначе, как через этот своеобразный бой между материей Философов, именуемой девственницей, как мы уже неоднократно показывали, и огнем. Но что же из этого выходит? Чудовище по имени Эрихтоний, потому что само это имя обозначает этот предмет, т.е. схватку и землю. Нас не удивит, что родилось чудовище, если вспомнить Кербера, Лернскую гидру, различных драконов, упоминаемых в других мифах, означающих то же, что и Эрихтоний, а именно растворение и разложение. Правильно поэтому его называют сыном Вулкана и Земли, т.к. разложение это есть гниение самой земли Философов как следствие действия Вулкана или огня Мудрых.

Итак, Эрихтоний появляется из семени Вулкана. А когда нам говорят, что Минерва поручила его заботам Аглавры, запретив ей при этом заглядывать в корзину с ребенком, то вполне понятно, что данное условие запрета могло быть выдуманно только для какой-то аллегии, как и превращение несчастной женщины в камень. И действительно, мы видим здесь продолжение намека на развитие герметического делания. Аглавра значит блеск, великолепие, и Философы дают это имя своей материи, достигшей белизны и по мере того, как с нее сходит чернота. Время перехода от белого к черному — это время воспитания Эрихтония. И если Меркурий превратил девушку в камень, то это значит, что сама материя сгущается и становится камнем, когда достигает состояния яркой белизны, о которой мы говорили выше. Вот почему Философы называют ее тогда своим *Камнем, доведенным до белого, своей Луной* и т.д. Метаморфозу эту совершает Меркурий, как главная сила. Предполагается, что бог этот влюблен в Персу, сестру Аглавры, т.к. ее имя *Εῤῥω* значит роса, и тогда Меркурий Философов циркулирует в сосуде и выпадает в виде росы.

От третьего золотого дождя родился герой, но герой гораздо более знаменитый, чем Эрихтоний. Акрисий заточил дочь свою Данаю в бронзовую башню, когда узнал от оракула, что рожденный ею ребенок лишит его короны и жизни, и потому он не хотел и слышать о том, чтобы отдать ее замуж. В красавицу-узницу влюбился Юпитер. Башня ее была прочно заперта и строго охранялась, но любовь изобретательна. Привыкший к превращениям, Юпитер обернулся золотым дождем и проник, таким образом, в лоно Данаи, и от этого посещения она понесла Персея.

...Персей, от дождя золотого зачатый Данаей...

Метаморфозы, IV, 610

Когда этот сын Юпитера вырос, то он, кроме прочего, отрубил голову Медузе, а затем употреблял ее, превращая в камень всякого, кто на нее взглянет. Из капль крови, сочившихся из отрубленной головы, родился Хрисаор, отец Гериона, о котором одни говорят, что у него было три туловища, а другие — три головы.

Миф этот легко понять, если вспомнить, как мы объясняли другие золотые дожди. Нетрудно увидеть, что Даная и башня — это материя и бронза Философов, именуемая ими *медь* или *laton, laiton*; а золотой дождь — это капли золотой воды или златоносная роса, поднимающаяся при циркуляции и падающая на землю, находящуюся на дне сосуда. Можно было бы сказать даже, подобно ми-

фологам, что Юпитера принимают за воздух; но под этим нужно понимать серый цвет, называемый Юпитером, т.к. золотой дождь проявляется в течение того времени, когда материя переходит от черного цвета к серому. Персей являет плод циркуляции. Трудно понять, на каком основании аббат Банье выводит этимологию Персея от еврейского слова *Парас*. Однако правда, что оно означает «всадник» и что Персей ездил на лошади. Но зачем грекам понадобилось еще искать в еврейском языке имена, которые в изобилии имел греческий язык?

Из капель крови Медузы родился Хрисаор, а от него Герийон: это все равно, что сказать, что из красной воды Философов, которую Пифагор называет *кровь*¹, как и многие другие Философы, а Раймонд Луллий и Рипли называют *красное вино*, рождается золото или сера Философов. Известно, впрочем, что Хрисаор происходит от греческого *χρῆός* — *золото*. Это золото, растворенное в своей собственной красной, как кровь, воде, дает эликсир или Герийона с тремя туловищами или с тремя головами, потому что он состоит именно из сочетания трех начал: серы, соли и ртути. Мы подробнее остановимся на этом мифе в главе о Персее. Можно было бы включить и некоторые другие мифы; но уже и по приведенным в книге нетрудно судить об остальных.

Мы не задавались целью писать полную мифологию. Для того, чтобы доказать правильность нашей системы, достаточно объяснить самые главные и самые древние из них. К тому же ниже мы коснемся еще большего их количества, когда речь пойдет о происхождении богов.

Конец первой части и второй книги.

¹ И с четырех сторон поднимается бронза, ржавчина, железо, шафран, золото, кровь и мак. Или читаем в «Turba»: «Знайте, что у нашего делания много имен: железо, бронза, серебро, кровавая краснота и яркокрасное».

МИФЫ древнего Египта и древней Греции

раскрытые для понимания
и приведенные к одному принципу
с объяснением иероглифов
и Троянской войны

***Дом Антуан-Жозеф Пернети
монах-бenedиктинец конгрегации Сен-Мора***

Том второй

*Многочисленные мифы заключают в себе таинство
Египта; но с другой стороны они сами философским
образом унаследовали наименование Божества.*

Ориген, кн. I, Против Цельса

МИФЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Книга третья

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ

ГЛАВА I

Мы уже говорили, что мифы Греции заимствованы в основном у египтян и финикийцев. Сомневаться в этом не приходится, если положиться на твердое свидетельство древнейших авторов. Мифы служили основой религии, т.к. они ввели огромное количество богов, занявших место Бога истинного. Таким образом, знакомясь с религией египтян, греки знакомились и с их мифами. Совершенно очевидно, утверждает аббат Банье, что культ Бахуса сформировался по подобию культа Осириса; то же самое неоднократно писал и Диодор. Непристойное изображение греками Гермеса и Приапа вполне отвечало *Phallus* египтян. Церера и Кибела были греческой Исидой. Меркурий у латинян, Гермес у греков, Тевтат у галлов не отличались от египетского Тота. Наконец, ни пеласги, принесшие в Грецию, по словам Геродота, культ *Фалла*, ни сами греки не могут тягаться с египтянами по древности. И если встречаются некоторые различия в именах и в событиях мифов, то потому, что греки, имевшие большую склонность к вымыслам. С другой стороны, они, желая слыть древним народом, изменяли имена и приключения, прежде всего, чтобы никто не догадался, что эти мифы других народов, и что они переняли религиозные церемонии от этих народов. Именно с этим, без сомнения, связано то, что египетские мифы настолько искажены у греков. И то, что существует такая разница между тем, что повествуют об Исиде со слов египетских жрецов Геродот, Диодор Сицилийский и Плутарх, и тем, что рассказывают поэты о Церере, Кибеле, Диане, о Бахусе, Адонисе, — так что встает вопрос: а одни ли и те же эти божества?

Итак, если, несмотря на все эти различия, мифологи, не подозревавшие о подлинной сути этих вымыслов, признали в них одну подоплеку, хотя и в разных одеяниях, им не следовало бы приводить столь сильно различающиеся объяснения, а рассматривать все их под одним углом. Однако и историки, и мифологи так ма-

ло согласны между собой, что невозможно понять, на чьей стороне правда. Ибо если все мифы были придуманы об одном и том же, и греческие отличаются от египетских только именами да внешним оформлением, то раз объяснив мифы египетские, нет смысла давать иные объяснения мифам греческим. Если Бахус совершал те же походы, что и Осирис, и нам известно, что кроется за путешествиями этого мифического египетского фараона, то ясным становится и то, что подразумевается под походами Бахуса.

Гомера и Гесиода можно считать в определенной степени отцами мифов, т.к. они придали им форму и распространяли их с достаточным постоянством; однако придумали их не они, ведь идолопоклонство появилось на свет гораздо раньше их поэтов. Орфей, Меламп и другие наполнили ими свои произведения, и мы знаем, что и эти, и многие другие поэты так же, как и Гомер, заимствовали эти небылицы в Египте и в Финикии.

Опровергать поэтов и историков в отношении действительности существования богов и богинь как таковых — это дело христианина, рассматривающего этих богов только с точки зрения религии. Мы не ставим здесь такую задачу. Многие мифологи, видящие в них реальных лиц и принимающие их существование за жизнь людей, обожествленных народом, но имеющих прямое и обязательное отношение к истории, а также и те, кто полагает, что мифы — это аллегории содержащие мораль, даже и не подумали, что у мифов этих может быть другая цель. И те, и другие вынуждают нас рассмотреть эту теогонию и доказать, что и те, и другие ошибаются. Ведь если эти боги и богини, эти герои только вымысел, то современный христианин взял бы на себя совершенно бесполезный труд, пожелай он бороться в среде христианского мира с каким-нибудь нынешним вымышленным персонажем. Историк-хронолог построил бы свою историю на не существовавших временах, как это сделал Сэмюель Шакфорд в своей «Истории мира». А сможет ли моралист найти правила благонравия в примерах, которые могут их только испортить?

Аббат Банье долго трудился и собрал все, что поэты и историки писали для нас о богах, затем вместил все это в три тома своей «Мифологии», где он пытается доказать, что все мифы — это лишь частицы истории, искаженные несметным количеством вымыслов, примешанных к ним. Удивительно, что этот ученый, признав, что все древнегреческие мифы скопированы с египетских, все же решает рассматривать вымышленных персонажей как реально существовавших людей. Он пишет¹:

В этой книге я приведу мысли древних философов о божественном и покажу всем, что есть самое уважаемое в античности. И что, несмотря на все их ухищрения, люди всегда верили, что большинство богов были такими же смертными, как и те, кто им поклонялся; и я надеюсь, что эта часть языческой теологии будет доказана бесспорно.

Однако не так-то просто разобраться в этом смысле в происхождении богов, и потому не вправе ли мы повторить вслед за Горацием:

Право, разумнее тот, кто слов не бросает на ветер...

Наука поэзии, 140

¹ Т. V, l. 1.

Чтобы сдержать обещание, наш автор использовал все древние тексты, благоприятствующие его системе, соответственно тем обстоятельствам, которые ему требовались. И выходит так: то, что он говорит в одной главе, часто разрушает сказанное в другой, отчего произведение его полно противоречий. Доказательства тому мы приводим в нашем труде, когда описываем те же предметы, — и таких примеров набралось бы на целый том. Иногда он представляет как подлинно исторические события даже те, которые в других местах трактует как вымысел. Он признается, что Палефат и многие другие авторы очень ненадежны, и при этом он опирается на их авторитет всякий раз, когда находит, что их писания отвечают его целям. Как можно после этого полагаться на его объяснение мифов? Можно ли считать, как это делает он сам, что его объяснения безупречны? Думающий и внимательный читатель сам поймет, обоснованно ли оказывали ему доверие.

Мифы дошли до нас в сохранившихся письменных сочинениях многих древних авторов. Достаточно много о них пишут Гесиод в своей «Теогонии», Овидий в «Метаморфозах», Пигин и многие другие. Гомер¹ иносказательно описывает происхождения богов в виде золотой цепи, за которую ухватились все боги, чтобы согнать с небес Юпитера, но, говорит он, усилия их были тщетны. Большинство язычников считали Юпитера величайшим из богов; но, поскольку они ничего не говорили, или происходил он сам от себя, — то мы и рассмотрим, кто же были его отец, мать и их предки.

ГЛАВА II О Небе и о Земле

Авторы родословных богов имели лишь весьма приблизительные познания о подлинном происхождении мира, и можно даже сказать, что они вообще его не знали. Исходя единственно из понятий собственного разума, они запутывались в своих тщетных догадках, как упрекает их в том апостол Павел, и, соответственно, каждый по-разному представлял себе Бога и Универсум. Цицерон, собравший все эти идеи в своей книге «О природе богов», действительно показывает их хрупкость.

Некоторые видели Бога, как отдельного от материи, или как бесконечный и вечный разум, дающий миру движение, давший ему форму и сохраняющий мир в его способе существования; но они также предполагали и наличие при этом разуме, такой же вечной материи. По-видимому, так думали и Аристотель, и перипатетики. Платон и его приверженцы признают вечного Бога как действительную причину всего сущего, а Универсум — как следствие этой причины, произведенную Богом, когда ему этого захотелось, но не являющуюся вечной, как он.

Другие, такие, как Эпикур, полагали, что мир образовался случайно, от действия бесконечного множества атомов, которые после долгих кувырканий в пустоте соединились или сгустились, — как из молока получается масло или сыр, — но не говорят при этом, откуда могли взяться эти атомы².

¹ Илиада, VIII, 5–27.

² См.: Диоген Лаэртский, X. — *Прим. ред.*

Фалес, Гераклит и Гесиод рассматривают воду как первоматерию вещей, и в этом они согласовывались бы с книгой Бытия, если бы добавили, что хаос, или бездна, не существовал сам по себе, что некий высший и вечный разум дал ему жизнь, форму и порядок, который мы в нем видим.

Создание Универсума вершилось в таком густом мраке, чтобы мы не могли видеть, как все происходило. Рассуждать об этом и пытаться создавать системы бесполезно. Те, кто строили их или хотели поизощряться над тем малым, что нам поведал об этом Мозес, не произвели ничего удобоваримого, а иногда и просто доходили до смехотворного. Пусть все эти идеи обсуждают физики. Мы же только заметим, что, поскольку, Создатель всего сущего не был в достаточной мере известен древним философам, они, возможно, изучали природу богов лишь по сравнению с ощущаемыми вещами, чью природу и образование они стремились узнать. И вместо того, чтобы подчинить физику теологии, как весьма верно говорит аббат Банье, они основывали свою теологию только на физике.

Такие идеи сформировались из событий недостаточно истолкованных, но почерпнутых в философских принципах, которые греки смогли почерпнуть у египтян. По свидетельству Филона Библиского, переводчика труда Санхуниатона, историю древних богов написал Тавт, но это были те боги, о которых мы писали в Книге первой. Все тот же Филон признает, что даже авторы, писавшие в последующие века, смотрели на них как на аллегория. Мы уже достаточно доказывали, что Тавт или Меркурий Трисмегист признавал только одного Бога, и если он даже говорил или писал о некоторых других богах, он не верил и не хотел, чтобы кто-то поверил, что это были обыкновенные смертные люди, которых впоследствии обожествили, поскольку под страхом смерти запрещалось говорить, что они в свое время существовали как люди. Но не потому, что они, в самом деле, были людьми, а по причинам, которые мы достаточно подробно излагали, объясняя представления египетских жрецов об Исиде и Осирисе. Таким образом, все свидетельства авторов, приводимые в доказательство того, что боги были в действительности людьми, доказывают лишь, что авторы эти не знали о тайне египетских жрецов и восприняли буквально то, что имело только аллегорический смысл.

Философы и поэты часто надсмехались над этими богами. Манера, в которой они говорят о них, как нельзя более непочтительна и может лишь шокировать. По словам знаменитого Боссюэ, они делают из них чудовищ, изображают их круглыми, квадратными, треугольными, хромыми, слепыми; говорят в шутовской манере о любви Анубиса и Луны; говорят, что у Дианы был хлыст... На богов нападают люди, ранят их, заставляют их бежать в Египет, где они вынуждены скрываться в облике животных. Аполлон оплакивает Эскулапа, Кибела — Аттиса: первого согнали с небес, и он вынужден пасти стада животных; второй, низведенный до положения каменщика, не может получить деньги за работу; один — музыкант, другой — кузнец, третий — акушер. Короче говоря, им дают не достойную их работу, что напоминает скорее шутовские пьесы, и не соответствует величию богов.

Можно ли, действительно, найти что-либо более неприличное, чем роль, отводимая богам Гомером в его произведениях? Итак, если бы эти боги были когда-то правителями или даже героями, то разве позволил бы он себе говорить о них столь неуважительно? А Лукиан, разве он также не насмехается над богами в своих «Разговорах» Ювенал пишет, что ему верят только дети.

В это поверят лишь дети, еще не платившие в банях.

Сатиры, II, 152

Многие древние Философы и поэты, тем не менее признают единого Бога, высший разум, от которого все зависело и который всем управлял¹. Но поскольку мало людей думали о том, чтобы познать истинного Бога и иметь о нем истинное понимание, то, не находя ничего совершеннее неба и земли, они естественно смотрели на них как на первых богов. Из этого они сделали вывод, что воздух и небо, море и земля, реки, родники, горы, ветры должны быть родственны или близки друг другу, либо, по крайней мере, существовали в одно время, что было более вероятно, и все братья и сестры — близнецы. Но т.к. Солнце и Луна были самые красивые и необыкновенные создания, явленные нашим глазам, эти два светила стали богами почти всех народов. Если верить древним, Солнце — это Осирис египтян, Аммон ливийцев, Сатурн карфагенян, Адонис финикийцев, Бал или Бел ассирийцев, Молох аммонитов, Бахус или *Уротал* арабов, Митра персов, Беленус галлов. Аполлон, Вакх, Либер или Бахус — все они были Солнцем у греков, а Макробий доказывает это вполне убедительно, как утверждает аббат Банье.

Точно так же Луна — это Исида в Египте, Астарта в Финикии, Алилат у арабов, Милитта у персов, Артемиды, Диана, Диктинна в Греции, на Крите, Делосе и других островах. Макробий говорит даже, что все языческие божества были связаны происхождением с Солнцем и Луной. После такого признания аббата Банье разве не странно, что он хочет сделать из богов людей?

Но все же люди соглашались, что Солнце и Луна происходят от кого-то, еще более древнего, и соответственно выстраивали родословную, где первыми коренными были Небо и Земля.

Уран, чье имя по-гречески значит «небо», взял в жены свою сестру Титею или Землю и прижил с нею детей. Вот вам Небо и Земля как признанное родоначало богов. Именно их род мы и рассмотрим, как это сделал в свое время Гесиод².

Детьми этих богов были Титан, Океан, Гиперион, Иапет, Сатурн и Титаниды: Рея, Фемиды и другие. У Сатурна и Реи родились Юпитер, Юнона, Нептун, Главка и Плутон; у Сатурна и Филиры — кентавр Хирон. От болезненной операции, сделанной Урану Сатурном, родилась Венера. Юнона самостоятельно родила Гебу. От Юпитера и проглоченной им Метиды произошла Паллада. Сестра Юпитера

¹ У входа в Дельфский храм имела древняя надпись из двух греческих букв: EI, о чем у Плутарха в диалоге, посвященном этой надписи, Аммоний говорит, что слово это, EI, было самым августейшим титулом, каким удостоивали божество; что оно означает «Ты есть» и выражает неоспоримое существование высшего существа; что, этот титул не может относиться ни к какому творению, и о котором нельзя сказать в абсолютном смысле «EI»; «Ты есть», но их существование им не принадлежит, от них не зависит, подвержено превращениям и носит временный характер. В его собственном смысле это слово может относиться именно к божеству, т.к. Бог независим, создан в самом себе, неизменен, вечен, всегда одинаков и, следовательно, только о нем можно сказать, что он есть. Из этого слова (EI) Плутарх делает вывод о единстве Бога, о его простоте и о необходимости почитать его. [См.: О «Е» в Дельфах. — *Прим. ред.*]

² Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба...

Юнона родила ему Вулкана и Марса; Латона — Аполлона и Диану; Майя — Меркурия; Семела — Бахуса или Вакха; Коронида — Эскулапа; Даная — Персея; Алкмена — Гёркулеса; Леда — Кастора и Поллукса, Елену и Клитеместру; Европа — Миноса и Радаманфа; Антиопа — Амфиона и Зета; Талия — Паликов; Церера — Прозерпину.

Мы остановимся лишь на Сатурне, Юпитере и их детях и нескольких внуках, т.к. если говорить обо всех, не хватит и времени. Впрочем, даже и этого достаточно, чтобы правильно понимать назначение и тех, о ком речь идти не будет.

Поскольку родословная Неба и Земли не идет дальше них самих, если только не утверждать, вслед за некоторыми авторами, что они дети Хаоса, то говорить о них больше нет смысла. Посмотрим же, что представлял собой Сатурн, чтобы через сына узнать отца.

ГЛАВА III Легенда о Сатурне

Сатурн был последним и самым плохим из сыновей Неба и Земли. Чтобы приспособиться к приемам, применяемым Природой во всех ее действиях, древним пришлось персонифицировать две эти части, образующие Универсум. А поскольку любое зачатие предполагает соитие мужа и жены, как у живых существ, или активной и пассивной силы у неодушевленных, то Сатурну, считавшемуся живым и разумным, определили в отцы и мать сущности той же природы.

Предполагая, что Небо, находящееся у нас над головой, и Земля, по которой мы ходим, были отцом и матерью Сатурна, Гесиод и другие вряд ли хотели убедить нас, что они совершили соитие, как все живые существа. Соответственно, они сделали это, как активная и пассивная силы, как форма и материя, где Небо было мужем, а Земля женой; Небо — действующей силой, придающей форму; Земля — пассивной силой, дающей материю. Не стоит отсюда думать, будто древние дошли до того, что действительно вообразили Небо и Землю одушевленными вещами, способными зачинать живых индивидов.

Мифологи, пытавшиеся связать мифы с историей, вынуждены были сами сочинить миф, не очень беспокоясь о том, отвечает ли он тому, что древнейшие поэты говорили о Сатурне, хотя только от них и можно было узнать историю этого бога, т.к. поэты появились раньше историков. Таким образом, утверждает-ся, что Уран или Небо был властелин, настолько превосходивший все то замечательное, совершенное его отцом и предшественниками, что затмил в памяти потомства даже и имена тех, от кого он происходил. К этому добавляют, что он переплыл Босфор, пришел с оружием во Фракию, завоевал много островов, напал на другие европейские земли, дошел до Испании, пересек пролив, отделяющий ее от Африки, прошел побережьем этой части света, вернулся и достиг северных берегов Европы и подчинил себе тамошние страны. Утверждают даже, что *Ураном* его называли лишь за старание, с которым он постигал науку неба, доискивался его природы, познавал вращение и движение светил.

Если Уран обязан своим именем только этому, то надо также сказать, что Титя заслужила свое имя благодаря усердному изучению Природы и свойств земли. Но разве не ясно, что такие объяснения мало удовлетворительны? На имя *Тити* обращали мало внимания, а напрасно, т.к. с его помощью можно найти правдоподобное объяснение. Ибо, как могло случиться, что жену Урана звали именно Титей? А если они получили свои имена на таком незначительном основании, которое мы привели выше, то, как же их дети — Титаны могли провозглашать, что они — *дети Неба и Земли, полагая, что смогут снискать себе таким происхождением не меньше уважения, чем они внушали страха своей силой и мощью?*¹

Названные выше титаны были не единственные дети Земли. Рассерженная победой, одержанной богами над ней, она сделала последнее усилие и выпустила на свет из своего лона страшного Тифона, который один принес богам больше неприятностей, чем остальные братья вместе взятые; однако о нем мы уже говорили в книге первой, и поэтому вернемся к Сатурну.

Когда отец Сатурна, Уран, — пишет Гесиод в своей «Теогонии», — низверг сыновей своих титанов, связанных по рукам и ногам, в Тартар — самое мрачное место ада, то Гея, возмущенная несчастьем, обрушенным на ее детей, настроила остальных титанов против своего мужа. А самому юному из сыновей — Сатурну вручила серп из «седьмого металла», которым он оскопил Урана.

Если считать Урана и Гею детьми Хаоса, как это делали древние, то нельзя и смотреть на них как на реальные личности, а увечье Урана нельзя понимать в прямом смысле. Далее, если они Небо и Земля, то, что они могли бы породить? Несомненно, еще одно Небо и еще одну Землю, поскольку каждый индивид рождает себе подобного по своему виду. Поэтому Сатурн, Рея и их дети должны были бы быть новыми Небом и Землей. Мифологи к такому рассуждению не прибегали. Из Сатурна они сделали Время, из Фетиды морскую богиню, из Фемиды богиню правосудия, из Цереры богиню зерна, из Титана, Иапета и других много еще чего. Как потомков Атланта, этих детей Неба и Земли было восемнадцать, а жители Крита полагали, что их было шесть мальчиков и пять девочек.

Самым знаменитым из мужской половины был Сатурн. В древности его изображали как бледного старика, согбенного под тяжестью лет, с косой в руке, с драконом, кусающим себя за хвост, а другой рукой подносящего к разверзнутому рту ребенка. На голове его было нечто вроде шлема, одежды его были грязные и изорванные, он был почти лысым. Рядом с ним изображали четверых его детей: Юпитера, ранящего своего отца, и Венеру, родившуюся из отрубленной части тела.

Хотя Сатурн был младшим из детей Урана, именно он завладел государством, которое по праву старшинства должно принадлежать Титану. Напрасно пытались дети Титана противостоять растущей силе их дяди: все подчинялось ей; однако он положил конец этой войне лишь заключив мир, по условиям которого Сатурн умертвит всех детей мужского пола, которых он приживет со своей женой и сестрой Реей. Добросовестно выполняя договор, Сатурн пожирал их сам, когда они рождались. Такая же участь постигла бы и Юпитера, если бы Рея

¹ М. l'Abbé Banier. Myth. T. II, p. 22.

2 См.: Теогония, 133–187; 616–626. — Прим. ред.

хитростью не уберегла его от прожорливости отца. Она подала мужу завернутый в пеленки камень, а тот проглотил его не глядя, уверенный, что съедает Юпитера.

Обманув, таким образом, своего супруга, Рея отдала Юпитера на воспитание Корибантам, пока он не достигнет возраста, когда смог бы править. Подобными же хитростями были спасены Нептун и Плутон. Тем временем Сатурн увлекся дочерью Океана Филярой, но, застигнутый с поличным Опсой, он превратился в лошадь, а потому Филяра произвела на свет Хирона — самого справедливого и рассудительного из кентавров, которому были переданы на воспитание Гераклес, Ясон, Ахилл и пр.

Юпитер в дальнейшем безжалостно обошелся с Сатурном, т.е. так же, как тот в свое время поступил со своим собственным отцом — Небом. Говорят даже, что во время одной из ссор, которые обычно случаются у родителей с неблагоприятными детьми, Уран и Тития предупредили Сатурна, что его дети будут обращаться с ним так, как он обращался с ними, и, напуганный этой угрозой, он решил погубить всех своих детей.

Свергнутый, искалеченный Сатурн укрылся в Италии, и именно с этим связано такое ее название, как *Latium* от *latere* — скрываться¹. Неправда ли, как удивительно, что на такой маленькой части земли смог разместиться и укрыться сын столь огромного родителя. Очевидно, авторы решили так пошутить для того, чтобы придать своим городам и своему краю такую величину, которая возвысила бы их над другими народами.

Сатурн, как и его жена Рея, был одним из главных богов Египта. Некоторые авторы утверждали даже, что он был отцом Исида и Осириса. Геродот, а вслед за ним многие другие историки и почти все мифологи согласны в том, что греки заимствовали поклонение богам у египтян. Известно также, что культ Сатурна утвердился в Египте еще до того, как финикийцы начали основывать колонии в Греции. Очевидно и то, как уверяет Геродот, что не египтяне заимствовали у греков Сатурна и Юпитера. И, хотя, античность оставила нам мало сведений о времени, когда правили Сатурн и Юпитер, аббат Банье полагает, что его можно определить из родословной Девкалиона, чье правление, судя по надписям на мраморных плитах Пароса, приходится на девятый год правления Кекропа. Основываясь на своих расчетах, наш ученый мифолог определил, что Юпитер умер в 1780, а Сатурн правил примерно с 1914 г. до новой эры. Вопрос в том, является ли Сатурн, о котором он говорит, тем же, кто правил в Египте. Так, Геродот сначала упоминает восемь великих богов Египта, затем двенадцать, а нам известно, что Сатурн и Юпитер относились к числу первых. И о том, и о другом говорили как об отце Юпитера. Аббат Банье также считает, что Осирис то же лицо, что и Мицраим, сын Хама, которого он именует Аммоном. Но как бы ни смотреть на все это, очевидным останется то, что Сатурн был одним из великих богов Египта. Но если же он был фараоном этой страны, то неправильно полагать, что он правил в Греции или в Италии, т.к. луч-

1 Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа, Царства лишен своего, уstraшен оружием сына. Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались, Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.

Энеида, VIII, 319–323.

шие из древнейших авторов утверждают, что греки заимствовали культ богов у египтян, а Сатурн принадлежал к их пантеону.

Впрочем, все, что греки говорили о своем Сатурне, прекрасно подходило к Сатурну египетскому, и весьма вероятно, что только из тщеславия и самолюбия греки решили утверждать, что Сатурн и Юпитер происходят из их страны, ибо, как мы уже замечали, они хотели, чтобы все считали их потомками богов. Если бы аббат Банье и большинство древних рассуждали бы подобным образом, им не пришлось бы столь сильно утруждаться, чтобы определить эпоху правления Сатурна и других титанов, и они ясно увидели бы, что все эти мифы — чистые аллегории, а не подлинные истории, рассказанные в виде сказок.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже просто чуть внимательнее прочитать историю этих богов в «Мифологии» ученого аббата, которую мы столь часто цитируем. Сколь бы изощренными ни были даваемые им объяснения, скорее видно, как трудно следовать им, и заставлять Сатурна перемещаться по разным районам Греции, Испании, а потом и Италии; также трудно убедить себя, что кроме египетского был и другой Сатурн, тоже сын Неба и Земли, брат и супруг Реи, отец Юпитера! Сама Церера — дочь Сатурна, если верить грекам, совсем не отличается от Исиды. Другая дочь Сатурна — Веста тоже была египетской богиней. Наконец Тифон, доставивший столько неприятностей Сатурну, Юпитеру и другим богам, был Титан, причем Титан египетский, как и Прометей, — сын Иапета и племянник Сатурна, потому что Осирис назначил его правителем части этих государств во время своего похода в Индию. Поэтому достаточно сравнить все эти истории, чтобы из пояснений, приведенных нами в первой книге, и из сказанного выше заключить, что эти мифические величественные титаны всего лишь аллегорические существа.

Под Сатурном многие подразумевали Время, исходя из его имени — *Кронос*. Он тот единственный, говорят нам, что порожден или, если хотите, соразмерен движению небес. Из этой его единственности и заключают причину, почему он сделал отца своего калекой. Кроме того, это предположение основывают еще и на том, что время все пожирает. То, что рождено во времени, становится как бы его детищем, а если оно что и может пощадить, так это наитвердейшие камни, — поэтому-то и говорили, что Сатурн изрыгнул проглоченный камень, полагая, что поглотил Юпитера. «Время — свидетель всего», — говорит Овидий¹.

Таково объяснение, приводимое и некоторыми другими мифологами, ссылающимися на самого Цицерона, его книгу «О природе богов», где беседуют двое философов, один из них говорит, что этот бог управлял течением времени и временами года.

Следует признать, что такое объяснение не столь уж плохо, но и оно, к несчастью, хромает, оставляя в стороне многие из обстоятельств данного мифа. Допустим, отцом Сатурна было Небо, но как увязать с этим утверждение, что матерью его была Земля? Это значит, что Земля зачала Время? И что делает Земля для его проявления? И что для этого делает даже само Небо? — Если только не ограничиться движением планет и светил... Нам кажется, что, скорее отец Времени не Сатурн, а Солнце, а его между тем считают лишь внуком сего первого из богов.

1 См.: Метаморфозы, XV, 234. В оригинале: «Tempus edax rerum» (досл.: «время поглощает все»). — *Прим. ред.*

Именно движением солнца определяются день и ночь, год, лето, зима и другие времена года. Его можно было бы считать и самим Временем, а не сыном Неба.

И вправду, почему нужно изображать Время в виде бледного, изможденного, согбенного под тяжестью лет старика, очень грузного и медлительного, тогда как на самом деле оно быстрее ветра, и с его быстротой ничто не может сравниться, причем оно никогда не стареет и обновляется каждый миг? Говорят, что дракон или змея, которую держит Сатурн, означает год и смену его времен, т.к. он кусает самого себя за хвост; но на наш взгляд — это скорее символ молодости, потому что змея омолаживается всякий раз, когда меняет кожу, тогда как ушедший год уже не вернется. Вряд ли можно видеть и какую-либо разницу между этой змеей и теми, с которыми изображают Меркурия, Эскулапа, теми, которые охраняли Золотое руно и сад Гесперид. Отчего одна змея должна символизировать смену времен года, а другая — согласие и единство противоположностей, там — медицину, а тут — рассудительность и осторожность?

Истинное значение змеи можно узнать у египтян — родоначальников символов и иероглифов. Гораполлон¹ сообщает нам, что, желая при помощи иероглифов представить рождение вещей, их круговращение в одной и той же материи и одинаковые начала, из которых они созданы, этот народ помещал у себя перед глазами изображение змеи, заглатывающей собственный хвост. Этот же автор пишет, что для изображения вечности египтяне рисовали Солнце и Луну, или Василиска, называвшегося ими *Урей*, т.к. они считали эти светила вечными, а это животное бессмертным. Он добавляет, что изображение Исиды было символом года, как и пальма; но нигде он не говорит, что этим же символом была и змея, пожирающая свой хвост.

Нам же представляется, что отец Кирхер решил обобщить мысль Гораполлона, утверждая, что египтяне изображали мир в виде змеи, кусающей себя за хвост, как если бы они хотели показать, что все, что в мире образуется, постепенно стремится к растворению в своей первоматерии согласно известной аксиоме: *в растворении обретаем главное*. Он приближается даже к идее, которую с изображением и названием змеи связывали Герметические Философы, когда говорит, что египтяне змеей изображали четыре стихии, подобно как Философы используют змею, — как символ материи магистерия, являющейся, по их мнению, сгустком четырех стихий. То они изображают ею земную материю, превращенную в воду, или как свою серу или огненную землю, именуемую ими копью небесного огня и вместилищем, где изобилует та огненная сущность, которая производит все на свете. По их словам, эта материя, состоящая из четырех стихий, должна раствориться в своих первоначалах, т.е. в воде, и под ее действием все тела превращаются в их первоматерию. Если вам необходимо знать, какова наша материя, добавляют они, ищите ту, в которой все растворяется, ибо вещи всегда возвращаются к своим началам и состоят из того, в чем они растворяют-

1 Quod vero velut cibo, suo utatur (serpens) corpore, significatid, cumque Dei providentiâ in mundo gignuntur, ea rursum in eandem materiam resolvî, & tanquam imminutionem sumere.

Lib. 2. cap. 2.

Porro annum demonstrare volentes, Isin, hoc est mulierem pingunt: quoetjam signo Deam significant... Aliter quoque annum indicantes palmam pingunt, quod arbor haec sola ex omnibus ad singulos Lunae ortus, singulos etiam ramos procreet, ira ut duodecim ramorum productione annus expleatur.

Horapollon, I. 2. c. 3.

ся. Бернгард Тревизан в «Философии металлов» объясняет это растворение и предупреждает, что нельзя думать, будто Философы выводят четыре стихии под названием первоматерии или первоначала, они имеют в виду вторичные или изначальною от начала вещь, т.е. меркуриальную воду.

Философы часто именовали змеей или драконом как символом их материю, как это видно у Николя Фламель. А Майер представляет ее в своей четырнадцатой эмблеме и сопровождает такими стихами:

Полипы алчущие гложут свои ноги,
Заставить может голод человека есть себе подобных.
Дракон свой хвост кусает и глотает,
Как пищу поглощая сам себя.
Поработи его железом, голодом, тюрьмою,
Чтоб он себя сожрал, извергнул, умер и родился.

Таким образом, последователи Гермеса придерживались его понятий об иероглифе змеи. Сей знак они дали и Кадму, и Сатурну, и Меркурию, и Эскулапу, и пр. Говоря, что Аполлон убил змея Пифона, они подразумевали, что золото Философов зафиксировало их летучую материю. Они превратили его в Тифона — анаграмму Пифона, а в качестве его детей выступали все те драконы и чудовища, о которых говорится в мифах. Современные Философы не отступают от древних и под заглатывающей свой хвост змеей подразумевают их серу, как это мы видим у многих и, в частности, у Раймунда Луллия: «Сын мой, это сера или уж, пожирающий свой хвост, рыкающий лев, острый меч, все разрушающий, умерщвляющий и разлагающий». А вот слова автора «Розария»: «Говорят, что дракон заглатывает свой хвост, когда ядовитая и влажная летучая часть как бы сгорает, ибо летучесть змеи во многом зависит от ее хвоста». Д'Эспанье описывает змею в таких выражениях: *Когда в круг обернувшись дракон заглатывает свой хвост, он полностью себя истощает, но в конце концов превращается в камень.*

Что же до змеи вообще, то Философы говорят о ней как о меркуриальной воде, потому что обычно считается, что воды при течении извиваются, а волны повторяют движения ползущей змеи. К тому же, во второй операции магистерия змея Философов начинает растворять себя с хвоста при помощи головы, или своего первоначала.

Эти объяснения принадлежат не нам. Чтобы убедиться в этом, достаточно хоть немного прочитать труды Философов. Как говорит Фламель:

Смотрите внимательно на этих двух драконов, ибо это истинные начала философии, которые Мудрые не осмелились показать и ясно назвать собственным делом. Тот, что бескрылый и внизу, — это фиксированное или муж; тот, что крылатый и вверху, — это летучее или черная и темная жена, которая возьмет верх на время нескольких месяцев. Первый является серой или горячим и *сухим*; а второй живым серебром или *холодным и влажным*. Это Солнце и Луна из меркуриального источника и сернистого происхождения, которые постоянному огню наряжаются в королевские одеяния, чтобы победить всякую металлическую, твердую, крепкую и сильную вещь, объединившись вместе, после чего они превращаются в квинтэссенцию. Это те змеи и драконы, каких египтяне рисовали свернувшимися в кольцо, с головой, заглатывающей хвост, чтобы показать, что они вышли из одного и того же, и что оно было самодостаточно и достигало своего совершенства в своей среде и круговращении. Это те драконы, которых древние поэты заставили сторожить, не зная сна, золотые яблоки сада Гесперид. Отправившийся за Золотым руном Ясон выплеснул на дракона сок, приготовленный красавицей

Медесей. Книги Философов полны столькими упоминаниями их и нет ни одного, кто не писал бы о них, начиная от правдивого Гермеса Трисмегиста, Орфея, Пифагора, Артефия, Мориена и заканчивая всеми последующими, включая и меня самого.

Образ Сатурна, приводимый Василием Валентином, вполне сходится с мифом:

Я, Сатурн, наивысшая из планет небосвода, признаю и уверяю всех вас, господа мои, что я самый презренный и мелкий из вас. У меня большое и гнилое тело черного цвета, склонное ко многим болезням и ко всем превратностям этой юдоли печали. И все же, именно я подвергаю всех вас испытаниям; у меня нет постоянного жилища, и когда я улетаю, я забираю все, что есть похожего на меня. Я виню в своих несчастьях лишь непостоянство Меркурия, причинившего мне все эти напасти своей небрежностью и нерадивостью.

Так, один неизвестный автор¹ пишет о зарождении Сатурна:

Он подвержен многим порокам из-за своей кормилицы, он хром, но обладает при этом мягким, покладистым, мудрым, рассудительным нравом; но при этом столь хитроумен, что победил всех, кроме двоих. По причине плохого пищеварения он бледен, нездоров, согбен; он ходит с косою, т.к. подвергает испытаниям других. Он носит с собой змею, т.к. меняя и омолаживая их, так сказать, меняется сам.

Мы не собираемся отрицать, что большинство древних считали Сатурна символом времени. Хорошо знавший языческую теологию, Цицерон ясно высказывается в своей второй книге «О природе богов»:

А в Сатурне хотели видеть того, кто вмещает в себя бегущие и сменяющие один другого отрезки времени. Он ведь у греков и носит соответствующее имя — *Κρόνος*, то же самое, что *Χρόνος*, т.е. отрезок времени. А Сатурном его называли от того, что он насыщается (*saturaretur*) годами. И выдумали, будто он имеет обыкновение пожирать родившихся от него, потому что время поглощает отрезки времени и никак не насытится минувшими годами. А Сатурн был закован Юпитером, чтобы время не бежало слишком быстро; чтобы умирить его течение, на него были наложены звездные узы².

Если эти слова Цицерона доказывают тем, как и он утверждающим, что Сатурн означает только Время, то они, по меньшей мере, доказывают такую же, что Сатурн никогда не был реальным правителем Греции, а всего лишь вымышленным героем, а история о нем — это аллегория. А если таково было мнение греков, то напрасно аббат Банье и некоторые другие мифологи изощряются в рассуждениях и в доказательствах, взятых у Диодора Сицилийского и у прочих древних, чтобы сочинить из них легенду и убедить нас в ее подлинности. Сам Варрон и многие другие философы, рассуждавшие о природе богов, обнаружили столько абсурдного в сути своих легенд, что сочли совершенно необходимым прибегнуть к аллегории, дабы найти хоть какие-нибудь правдоподобные объяснения. Однако, огромное разнообразие даваемых ими толкований показывает, что им не были известны цели авторов этих аллегорий. Св. Августин находил их весьма неудовлетворительными, так как их объяснения, по его мнению, служили для того, чтобы поддержать какие-то смехотворные и экстравагантные сказки, переносившиеся таким образом на действия Природы и Универсума, и на различные

¹ Philos. Occ., ch. 12.

² О природе богов, II, 64. — *Прим. ред.*

части того и другого. Достаточно и в самом деле перечитать приведенный выше отрывок из Цицерона, чтобы ясно увидеть, что все эти объяснения совершенно натянуты. Ибо, кто может принимать звезды за веревочные узы? Кто скажет вслед за ним, что Сатурна называли так потому, что он *насыщается годами*, *quod saturnetur annis*, ведь время, напротив, не может ими насытиться? Можно ли ему дальше верить, когда он говорит, что Сатурн пожирал собственных сыновей, подобно возрасту поглощающему просторы времени? Если бы это было так, то как можно было бы сказать, что он отрыгнул камень и все остальное, что было им проглочено, выпив данный ему напиток, — поскольку прошедшее время не возвращается и никогда не возвращает то, что оно поглотило.

Легенда о Сатурне содержит вообще бесчисленное количество обстоятельств, что не может относиться ко времени. К какому времени можно отнести, например, его войны с титанами, полученные им увечья, его свержение, его бегство в Италию, его правление совместно с Иапетом, сложности с родством, ибо, куда же девать: Титана, Иапета, Атланта, Рею и других? А если самое древнее Время старше всего сущего, то, как можно говорить, что Сатурн был младшим из детей Неба и Земли?

Что же до его греческого имени Кронос, Κρόνος, которое, как утверждают, обозначает то же, что и χρόνος, tempus (время), то, по-нашему, именно в этом сходстве кроется причина ошибки тех, кто принимал Сатурна за Время. Если бы они обратили внимание на другие имена, дававшиеся греками этому богу, то увидели бы, что Κρόνος могло бы и не значить Время, т.к. имя Γῆλος, которым переводчик и толкователь труда Санхуниатона Филон Библиский называет Сатурн¹, по свидетельству Евсевия *προβήρασκεν* не имеет ничего общего со Временем. Γῆλον τὸν καὶ Κρόνον καὶ Βέτυλον и т.д., говорит упомянутый автор. Известно, что Γῆλος значит «ил, грязь», и произошло это слово от «болото», ἑλος, palus, от которого вполне могло произойти и имя Сатурна. Κρόνος может происходить от слова Κραναῖος, которым дорийцы называли родники, Κρήνη, fons. Такая этимология представляется тем более естественной, что большинство древних признавали также, как и Герметические Философы, воду первоначалом или хаосом, который они считали грязью, глиной, из которой все и вышло. Некоторые из них говорили даже, что древнейшим отцом богов был Океан или вода. Другие полагали, что Океан был лишь братом Сатурна, очевидно потому, что вода и грязь соседствуют. В таком случае вода должна быть Океаном, а грязь — Сатурном.

Герметические Философы именно так всегда и подразумевали, говоря о своем Сатурне, поскольку дали это имя своему хаосу или растворенной материи, превращенной в черную грязь, именовавшуюся ими *свинцом* Философов. Но в силу того, что эти названия *свинец* и *Сатурн* могли ввести в заблуждение химиков, Риппи так предупреждал их: «Наше начало заключено в низком, презренном веществе, которое взором не оценишь (есть ли и в самом деле что-либо низменнее грязи?). Но остерегайтесь ошибиться в отношении нашего Сатурна. Свинец, верьте мне, всегда будет свинцом».

Такими должны быть подлинные представления о боге Сатурне, одетом в лохмотья или в грязное и изорванное платье. Ибо материя магистерия находится в этом состоянии разложения и черноты и имеет вид низменной вещи, прези-

1 См.: Финикийская история, I, 1–2. — Прим. ред.

раемой, как грязь, предстающей взору в нечистом обличье, больше способной вызывать чувство отвращения и неприязни, чем привлекать взгляды. Философы, стремящиеся всегда высказываться лишь загадками или аллегориями, говорили об этой материи либо в общем, либо в частности, называя ее — *растительным Сатурном* или *Сатурнова порода*. Они говорили о ней, когда она пребывает в этом состоянии смешения и хаоса, как о материи, из которой образовывался этот хаос и эта грязь. И в связи с этим Раймунд Луллий пишет: «Она предстает нашим глазам в грязном, зловонном, заразном и ядовитом одеянии». А вот слова автора «*Saeculum aureum redivivum*»:

Из сосцов ее текут молоко и мед. Запах ее одежд для мудреца, как запах благово-
ний Ливана, безумцам же она отвратительна и противна.

Собственно, именно это растворение, которое Философы называют *редукцией тел в их первоматерию*, и послужило поводом для того, чтобы изображать символ Сатурна в виде змеи с косой, как мы об этом говорили раньше, соответственно представлениям египтян, в большинстве своем заимствованных впоследствии греками. И если утверждалось, что Сатурн съел собственных детей, то это значит, что, будучи первоначалом и первоматерией металлов, он единственный имеет способность и свойство полностью растворять их и обращать их в свою собственную природу. Потому-то Авиценна и говорит, как и некоторые другие Философы: *Вам никогда не видать удачи, если вы не превратите металлы (Философов) в их первоматерию*.

Из всех детей, пожранных Сатурном, не называют по имени ни одного, кроме Юпитера; так же и Философы не называют по имени ни одного из них до получения черноты или их Сатурна. А до того, как появится этот цвет, они называют свою материю хаосом. Синезий утверждал:

Она есть узел и связующее всех элементов, которые она содержит в себе, и она — дух, питающий и живящий все сущее, при помощи которого Природа действует в Универсуме.

Эта материя, по словам одного неизвестного автора, есть семя Неба и Земли, истинное первоначало всего телесного сущего. Сатурн — это младший из детей Неба и Земли, тем не менее, правящий, вместо наследного, старшего брата Титана.

Однако, он взошел на престол после борьбы и сражений, т.к. растворение не может происходить без ферментации. Титаны, дети Земли, суть части земли Философов, борющиеся друг с другом перед разложением. Из этого разложения рождается чернота, именуемая Сатурном, а поскольку эту черноту называют еще *Тартаром*, по причине движения и брожения частей материи *αρασσο, turbo, comoveo*, когда она находится в этом состоянии, — то и пришли к утверждению, что Сатурн низверг титанов в Тартар.

Таким образом, правление Сатурна длится столько же, сколько и чернота. И в это время он как бы пожирает все, вплоть до того камня, который ему подсунули вместо Юпитера, поскольку в нем все растворяется. Но камень, оказывается, переварить слишком трудно, и как только Сатурну дают выпить некую жидкость, названия которой миф не дает. То есть, когда водянистые и летучие части начнут подниматься вверх сосуда в виде пара и когда они сконденсируются в воду, они

опадают на земляную и черную материю, именуемую Сатурном, — словно, чтобы напоить ее, в том смысле, в котором об этом пишет Вергилий:

Время... закрыть каналы, луга утолились.

Буколики, III, 111

Либо говорят еще, что роса и дождь поят влагой землю: тогда Сатурн отгрызает проглоченный камень. Материя Философов, бывшая землей до того, как превратиться в воду от растворения, вновь начинает появляться, как только возникает серый цвет. Тогда Юпитер, как раз и являющийся этим серым цветом, а, следовательно, сыном Сатурна и Реи, поскольку он образуется из черноты, смываемой дождем, о чем мы говорили выше. Дождь этот обозначается Реей, *tēw*, fluo, fundo. После этого Юпитер свергает своего отца, т.е. серый цвет сменяет собой черный. При этом образуются все четверо детей Сатурна и Реи.

Юпитер — это серый цвет; Юнона — это пар или влага воздуха в сосуде; Нептун — это меркуриальная вода или море Философов, возникшее от гниения; Плутон или бог богатств — это сама земля, находящаяся на дне сосуда, в связи с чем древние поэты утверждали, что ад или владения Плутона находится в глубине земли. Соответственно Юпитер и Юнона оказываются выше всех и занимают небо, потому что этот серый цвет проявляется на поверхности плавающей сверху материи. Это есть небо Философов, где, как мы увидим, пребывают все боги. Нептун или вода находится внизу и, наконец, Плутон — земля, которая находится на дне, под водой. Земля эта содержит в себе златоносное начало. Сама она неподвижна и она же является основой камня Философов — источника богатств. Резонно поэтому называть Плутона богом богатств; и если Меркурию присвоили эпитет *dator bonorum*, то потому, что меркурий Философов есть движущая сила делания, та, которая совершенствует Камень. Что же касается другого сына, Сатурна и Филиры, — кентавра Хирона, то мы уделим этому внимание отдельно.

Те, кто называли Сатурн Временем, изображали его иногда с клепсидрой или с песочными часами на голове, а не в шлеме, благодаря которому некоторые из древних пытались показать его силу. Изображения Сатурна с крыльями противоречат тем, где он был связан шерстяными веревками на ногах, разве что этим хотели сказать, что крылья заменяли ему ноги. Нам кажется более вероятным, что те, кто в древности занимался аллегорическим истолкованием мифов и изображал их при помощи иероглифов, не будучи знаком с замыслом авторов этих мифов, спутали знак или иероглиф Времени с иероглифом Сатурна. Нам представляется, таким образом, что нужно различать и принимать за знак Сатурна только те изображения, которые имеют явное отношение к его жизнеописанию, не путая их с символами Времени. Мы не станем отрицать, однако, что греки и римляне считали Сатурн как Время и снабжали его атрибутами Времени, но при этом нельзя найти ни одного египетского памятника и ни одного автора, утверждающего с прочным основанием, что египтяне или финикийцы когда-либо видели в Сатурне символ Времени. Возможно, что после того, как легенды египтян были перенесены в Грецию, мало знакомые с их подоплекой художники изображали Сатурн как Время. Так неправильное истолкование мифов и, соответственно, изображение Сатурна способствовали возникновению и укоренению ошибки.

В это заблуждение не дал себя ввести ни один из Философов — последователей Гермеса. Они воспринимали Сатурн согласно понятиям египтян, и когда они вслед за ними повторяют, что ему пришлось победить своего брата Титана для завоевания престола, то говорят это т.к. знают, что фиксированное и летучее — братья; что одно одерживает верх над другим при растворении и остается хозяином положения. Таким образом, его сын Юпитер тот единственный, кто может его свергнуть, если учесть приведенные нами выше обстоятельства. Философы знают также, что прав был Гесиод, говоря, что проглоченный и отрыгнутый Сатурном камень был помещен на гору Геликон, населенную музами, ибо им известно, что сия *гора Геликон* есть не что иное, как упомянутая плавающая сверху земля, имеющая форму горы, которую можно назвать гора Геликон или *Черная гора*, ἑλικὸς, piger. Можно, собственно, назвать ее и обиталищем муз, поскольку, именно здесь кружатся и летают летучие части, о которых в первой книге говорилось, что их обозначают словом «музы», как мы это покажем ниже.

Кстати говоря, этот знаменитый камень, возложенный на гору Геликон, был описан в поэмах Орфея, Гомера и многих других. Горе этой присваивали разные названия, в зависимости от ее состояния и от изменения ее цвета в процессе делания. Когда она пропускает сквозь себя испарения, т.е. когда она обретает форму шапки, возвышающейся над суслом или виноградным соком в чане, и образует нечто вроде возвышенности, то находящаяся под ней меркуриальная вода просачивается через нее вверх, чтобы подняться в виде пара и затем выпасть росой или дождем. Ее называют горой «Ида» от греческого слова ἰδος, пот. Когда же после этого она становится белой, красивой и сверкающей, — это покрытая снегом гора, воспетая Гомером, гора Олимп, на которой живут боги. Она может быть то плавающим островом, где Латона произвела на свет Феба и Диану, то окруженной водой Нисой, где вырос Бахус, то островом Родос, где при рождении Минервы выпал золотой дождь, то островом Крит и т.д.

Герметические Философы изображают Сатурн на своих символах так же, как и древние, т.е. в виде старика с косой и с крыльями. Николя Фламель сохранил для нас в своих иероглифических рисунках изображения Авраама Еврея, но первым на них представляет нам Меркурия — молодого человека с кадуцеем и с крыльями на плечах, навстречу которому движется старик с простертыми крыльями и с косой в руке, словно он собирается ударить его ею по ногам.

Упрямый сторонник морали, что ему видится в каждом мифе, Ноэль ле Конт не терпит таких объяснений мифов, которые подчиняются другим мотивам. Он признает, что химики могут трактовать миф о Сатурне при помощи химических операций; однако, выясняется, что он, похоже, не мог отличить вульгарного химика от Герметического. Он говорит:

Поскольку каждой планете присвоили какой-то металл по причине некоторого сходства, якобы отмеченного между ними, тираны металлов или химики объяснили почти весь этот миф, соотнося его со своим искусством и стремясь таким образом сойти за последователей и учеников Гермеса, Гебера и Раймунда Луллия, придерживавшихся идей Платона... Поскольку эти губители металлов пытаются изобрести такие же и подобные ухищрения, чтобы преобразовать металлы и придать им другой вид, движимые страхом, который они испытывают к бедности, проявляемой в ужасной форме.

Называя последователей Гермеса *палачами металлов*, этот автор высказывает свое полное незнание Герметического Искусства: во-первых, потому, что Ге-

бер, Раймунд Луллий и другие Философы имеют в виду только философские, а не вульгарные металлы, предупреждая, при этом, что вульгарные — мертвые, а их металлы живые¹. В своих операциях они не следуют приемам вульгарной химии и не мучают металлы, т.к. можно быть очень хорошим Герметическим Философом и совершенно не знать вульгарной химии². Такая химия занимается только разрушением смешанных, тогда как Герметическая — стремится их совершенствовать. Герметическое Искусство ставит задачей изготовить лекарство для лечения болезней человеческого тела. Оно не обольщается возможностью немедленного получения золота, а направлено лишь на приготовление вещества, совершенствующего несовершенные металлы в золото. К тому же, Нозль ле Конт абсолютно напрасно называет Гебера и Гермеса платониками, поскольку Платон жил гораздо позже Гермеса. Возможно, этот мифолог сказал это так же, как св. Иероним говорил о Филоне Александрийском: *aut Plato philonizat, aut Philo platonizat*³.

ГЛАВА IV

Легенда о Юпитере

Если бы мы вздумали рассматривать всю мифологию, то самое время было бы говорить о Титане, Иапете, Фетиде, Церере, Фемиде и других детях Неба и Земли. Но поскольку мы будем касаться их, когда того потребуют обстоятельства, оставим их в стороне, чтобы не обрывать золотую цепь, и остановимся на Юпитере.

¹ Но эти тела (*Солнце и Луна*) не должны быть лишены их девственности, но быть живыми и одушевленными, как те, с которыми, зная их, обращается обычный человек. Ибо кто захочет надеяться и ожидать жизни от мертвого?

D'Espagnet. Arcan. Herm. Philos. Opus, Can. 21.

Под именем Луны Мудрые понимали не обычное серебро.

Can. 23.

Те, которые говорят, что *Луна Философов* или тот же их Меркурий является обычной ртутью либо сознательно обманывают, либо сами заблуждаются.

Can. 44.

² Начинаящий ученик этого Искусства должен обладать проницательным, устойчивым умом и усердно изучать эту Философию. Он также должен быть опытным в *физике*, иметь чистое сердце, добрый характер и посвящать себя Богу. И хотя он малоопытен в Химических работах, он все же должен уверенно встать на Королевский путь Природы.

D'Espagnet, Can. 7.

Ars Chemiae ejusmodi subtilitates nunc invenit, ut vix majores possint reperiri... Si hodie revivisceret ipse Philosophorum pater Hermès, et subtilis ingenii Geber, cum profundissimo Raymundo Lullio, non pro Philosophis, sed potius pro discipulis à nostris Chemistis haberentur: nescirent tot hodie usitates distillationes, tot circulationes, & tot calcinationes, & tot alia innumerabilia Artistarum opera, quae ex illorum scriptis hujus saeculi homines invenerunt et excogitaverunt.

Cosmop. Nov. Lumen Chemic. Tract. 2.

Est autem aliud Philosophorum Secretissimum opus, quod nec igne nec manibus perficitur, & ad illud revocanda sunt omnia quae dixerunt de operationibus & coloribus, &c.

Philal. Introit. apertus. cap. 18.

³ Или Платон филонист, или Филон платонист (лат.). — *Прим. ред.*

Пытаться описывать все различные представления о Юпитере, его родословную, его разные имена; также пытаться вникнуть в суть всего того, что сказали о нем историки, поэты и мифологи то ли, чтобы сделать легенду о нем менее абсурдной, то ли, чтобы признать его реальное существование, — это означало бы предпринять труд, не имеющий достаточно прямой связи с поставленной нами целью. Все это можно найти в книге первой второго тома «Мифологии» аббата Банье.

Таким образом, нам неважно, носили ли греческие властители имя Юпитер. И сколько противоречий ни возникало бы при определении времени жизни и правления сих мнимых правителей упомянутых выше ученым мифологом; мы не станем останавливаться на том, действительно ли, как он утверждает, повелитель Аргоса Апис, внук Инаха, присвоил себе имя Юпитер и жил за 1800 лет до Рождества Христова. Правда ли, что один из Астериев, критский владыка, за 1400 лет до христианской эры смог похитить Европу, дочь финикийского владыки Агенора и сестру Кадма, обосновавшегося в Греции. По словам того же автора, это произошло за 1350-1360 лет до Рождества Христова, в четвертый год правления Эллина, сына Девкалиона, правившего за 1611 лет до новой эры. И если первый из описанных фактов достоверен, то тогда признаем, что жители Крита затаили обиду и желание мести очень надолго, раз они не успокоились 400 лет.

В начале своей «Истории» Геродот соглашается с автором истории Крита Эхеменидом, что критяне похитили Европу лишь в отместку за то, что финикийцы в свое время похитили дочь Инаха Ио. Не менее удивительно и то, что Апис — повелитель Аргоса и внук Инаха, правил примерно за 1800 лет до Рождества Христова, тогда как сам Инах прибыл в страну, названную впоследствии Пелопоннесом, лишь за 1880 лет до новой эры. Вполне очевидно, что комментировать такое вот определение эпох и дат весьма затруднительно, а посему оставим и эту задачу тем, кто захочет взять на себя труд всесторонне проанализировать это ученое и тяжеловесное сочинение, сами же мы ограничимся легендой о Юпитере в самом обычном ее представлении.

Не имеет значения, как рассматривать Юпитера — то ли как египетского бога, то ли как греческого, т.к. согласно почти всех античных источников и в том, и в другом случае он — сын Сатурна и Реи, внук Неба и Земли. Титан договорился с Сатурном, что передаст ему свое владение при условии, что тот уничтожит всех детей мужского пола от Реи, и, таким образом, Сатурн пожирал их по мере того, как они рождались. Возмущенная потерей нескольких детей Рея задумала спасти еще не родившегося Юпитера. Когда этот ребенок появился на свет, она подсунула мужу вместо Юпитера запеленатый камень. Самого же Юпитера она переправила на остров Крит, поручив его воспитание Дактилям. Взявших его под свою опеку нимф звали Ида и Адрастея, а еще их называли Мелиссы. По словам некоторых авторов, его вскармливали козьим молоком, и кормилицами его были также и пчелы. И хотя в этом пересказе между авторами имеются расхождения, можно сделать общий вывод, что воспитывали его критские Корибанты, которые, чтобы заглушить плач маленького Юпитера, совершали свои жертвоприношения под звуки множества инструментов или же, как утверждают некоторые другие, сопровождали их плясками, во время которых они с грохотом били копьями о щиты.

Когда Юпитер подрос, о его существовании проведал Титан. Решив, что Сатурн задумал обмануть его и нарушить условия мира, сохраняя жизнь своим детям мужского пола, Титан, собрав своих сторонников, напал на Сатурна, захватил и заточил в темницу его и Опе. На защиту отца выступил Юпитер, разбил титанов и выпустил Сатурна на свободу. Однако неблагодарный родитель принялся строить козни против Юпитера, и тогда, тот по совету Метиды, дал выпить отцу напиток, от которого Сатурн отрыгнул сначала камень, а затем и всех ранее проглоченных им детей. К Юпитеру присоединились Плутон и Нептун, и он объявил войну Сатурну, захватил его и обошелся с ним точно так, как тот в свое время обошелся со своим собственным отцом Ураном, причем воспользовался для этого той же самой косой. После этого он сбросил его в Тартар, косу забросил на остров Дрепан, а отрубленные части тела — в море, откуда и родилась Венера.

На стороне Юпитера в его войне против титанов и Сатурна участвовали другие боги. Добиться полной победы ему помогали Плутон, Нептун, Геркулес, Вулкан, Диана, Аполлон, Минерва и даже Бахус, причем последний был изрублен в битвах на куски. К счастью, его в этом состоянии увидела Паллада и, обнаружив, что его сердце еще бьется, отнесла его к Юпитеру, который его и выходил.

Аполлон, одетый в пурпурные ткани, воспел эту победу. Юпитер, преисполненный благодарности к Весте, помогавшей ему завладеть государством, предложил ей просить у него все, что она захочет. Веста попросила сохранения девственности, а также права первого жертвоприношения. Вскоре Юпитера захотели свергнуть гиганты, начавшие с ним войну, но с помощью богов он победил их, поразил молниями и похоронил самых опасных под горой Этной. Заметим, что Меркурий не участвовал в войне с титанами, но был среди тех, кто с наибольшим пылом бился против гигантов.

Древние по-разному изображали Юпитера. Чаще всего его изображали величественной фигурой с бородой, восседающим на троне и держащим в правой руке молнию, а в левой — Победу. У ног его находится орел с распростертыми крыльями, несущий в клюве Ганимеда, или без него; причем у похищенного бога верхняя часть тела обнажена. Вот как описывает статую Юпитера Олимпийского Павсаний:

Бог сидит на троне; его фигура сделана из золота и слоновой кости; на его голове венки как будто бы из ветки оливы. В правой руке он держит Нику (Победу), тоже сделанную из золота и слоновой кости; у нее повязка и венки на голове. В левой руке бога скипетр, изящно расцвеченный различными металлами, а птица, сидящая на скипетре, — это орел. Из золота же у бога его обувь и плащ; на этом плаще изображены животные, а из цветов — полевые лилии. Трон украшен золотом, драгоценными камнями, эбеновым (черным) деревом и слоновой костью¹.

Ямвлих пишет, что египтяне изображали Юпитера сидящим на лотосе. Ливийцы изображали его либо в виде барана, либо с бараньими рогами и называли его Аммон, т.к. в Ливии, где был возведен храм этого бога, много песка. Причина, по которой его изображали там именно так, заключалась в том, что, по мнению некоторых, его нашли среди овец и баранов, когда он сошел с неба, опа-

¹ Описание Эллады, V, 11, 1–2. — *Прим. ред.*

саясь гигантов; или же сам превратился в барана, чтобы его не узнали. Мы опустим здесь другие причины, приводимые, например, Гесиодом по поводу желания Геркулеса увидеть Юпитера, или Гигином, описывающим приготовления Бахуса для отбытия в Индию.

У древних авторов, а также на сохранных временем памятниках можно увидеть и другие изображения Юпитера. Многие из них приводятся Бернаром де Монфоконом в его «Античной эпохе с комментариями и гравюрами». Однако, нельзя отрицать, что большинство символов, атрибутов и самих поз в изображении этого бога отражают фантазию либо ваятелей, либо тех, кто им заказывал такие статуи или картины. Доказательство тому мы находим у Цицерона¹:

...Мы знаем Юпитера, Юнону, Минерву, Нептуна, Вулкана, Аполлона и других богов с тем обликом, который соизвоили им придать живописцы и ваятели, и не только обликом, но и украшениями, возрастом, одеждой.

Среди всех языческих богов, культ Юпитера был самым торжественным и самым распространенным. Чаще всего ему приносили в жертву козу, овцу и белого быка, которому предварительно золотили рога. В оставленных древними описаниях Юпитера столько различий, что очень трудно составить себе о нем ясное и точное представление. Из них можно лишь заключить, что они не считали, будто этот бог когда-то жил в облике человека, хотя жители Крита, со слов Лукиана, и пытались утверждать, что Юпитер умер на их земле, и могила его находится у них². Каллимах называет критов лжецами, т.к. Юпитер жив по-прежнему и находится всюду.

Критяне все-то солгут; еще бы, и гроб сотворили
Критяне, боже, тебе, — а ты пребываешь живущим!

К Зевсу, 8–9

Некоторые, и в том числе Гораций, принимали Юпитера за воздух:

...Леденит Зевс... стужей...

Оды, III, 7–8

Феокрит в четвертой эклоге пишет:

Зевс лучезарен подчас, подчас же и дождь посылает.

Идиллии, IV, 43

Вергилий именовал его Эфиром.

Тут всемогущий Отец Эфир, изобильный дождями,
Недра супруги своей осчастливив любовью, великий,
С телом великим ее сопряжен, все живое питает.

Георгики, II, 325–327

¹ О природе богов, I, 81.

² Cretenses non solum natum apud se, & sepultum Jovem testantur, sed etiam sepulcrum ejus ostendunt.

Lucian. Sacrif.

По словам Цицерона, Еврипид также писал, что величайшим из богов следует считать Эфира. Анаксагор утверждал, что эта часть Универсума пламенная и заполнена огнем, а Эфир изливался из нее и оживлял всю Природу. Платон¹, по-видимому, считал Юпитера Солнцем. Но, когда возникла мысль представить его богом, Юпитер стал отцом богов и людей, началом и концом всего, тем, кто сохраняет и правит всей Природой по своему усмотрению². Несомненно, что именно поэтому его называли то Юпитером Олимпийским, или небесным, то Юпитером inferнальным, как это часто встречается и у Гомера, и у Вергилия. Один из древних поэтов даже сказал, что Юпитер, Плутон, Солнце и Бахус — все они одно и то же.

Тем не менее, все древние авторы согласно утверждают, что Юпитер — сын Сатурна и Реи, при этом довольно необычно то, что большинство мифологов изображают Сатурна сыном Неба и Весты, являющейся, по их мнению, Землей, так же, как Кибела, Опис, Рея и Церера; т.е., в этом случае Рея является сама себе матерью, также дочерью себе, а отсюда — матерью, женой и сестрой Сатурна. Церера, родившая Прозерпину и Юпитера, стала его женой, будучи одновременно и его матерью, и сестрой. Согласовать все это очень трудно, если не пытаться подходить аллегорически; но какую подходящую аллессию можно для этого найти, если только не применить ее к Герметической Химии, где отец, мать, сын, дочь, муж и жена, брат и сестра являются в действительности одним и тем же, видимым под разными углами зрения. Однако зачем, спросят нас, нужно было придумывать такое количество сказок о Юпитере и о других? Ответу, чтобы представить одно и то же по-разному. Герметические Философы сочинили огромное число книг в таком роде. Все их аллессии относятся к одним и тем же операциям великого делания, и все они отличаются друг от друга соответственно замыслу и фантазии придумавших их людей. Каждый из них выражал мысли так, как хотел. Врач говорил иносказательно о медицине, химик изобретал свои символы по химии, астроном — по астрономии, физик — по физике и так далее. А поскольку, по выражению Гермеса³, философский Камень обладает всеми свойствами высших и низших вещей, и нет такой силы, что могла бы про-

¹ Великий предводитель на небе, Зевс, на крылатой колеснице едет первым, все упорядочивая и обо всем заботясь. За ним следует воинство богов и гениев, выстроенное в одиннадцать отрядов; одна только Гестия не покидает дома богов, а из остальных все главные боги, что входят в число двенадцати, предводительствуют каждый порученным ему строем.

Федр.

² Первый Зевс, и он же последний, он — ярко-молнииный.

Зевс — голова, середина, от Зевса все совершилось.

Зевс — основанье земли и звездного неба основа.

Зевс — самец, и Зевс оказался женой новобрачной.

Зевс — дыхание всего, огня неустанного рвенье.

Зевс есть корень морей, Луна он и Солнце.

Зевс — царь. Зевс — владыка всего. Он — молнииный.

Всех скрывая в себе, он снова на свет многоминый

Из священного сердца вознес, свой подвиг совершая.

Фрагмент 21а (*Orficorum fragmenta*, ed. O. Kern, 1922)

³ Изумрудная скрижаль.

тивостоять ему, последователи его сочиняли такие мифы, которые могли бы подразумевать и показать все это.

Таким и изображают нам Юпитера, именуемого соответственно *Отцом богов и людей, Всемогущим*. Почти при каждом его упоминании Гесиод добавляет прозвище *Largitor bonorum*¹, указывая этим на источник и дарителя благ и богатств. Не нужно также думать, как это делают некоторые мифологи, что из-за жестокости к своим детям Сатурна перестали считать отцом богов; в то же время как жену его, Рею или Кибелу называли матерью и бабкой богов и почитали ее в этом качестве во всем языческом мире. Подлинная причина почитания, и почему этот титул оставили за Кибелой, состоит в том, что Земля Философов, из которой вышли Сатурн и другие боги, есть собственно их основой и субстанцией. Нелишне заметить, что, хотя Рею и Кибелу часто путали и считали одним и тем же, матерью богов всегда называли не Рею как таковую, а Рею как Кибелу, т.к. имя Кибела происходит от *Kύβη*, *caput* (голова) и *λίθος*, *lapis* (камень), как если бы ее называли первой, главной или самой старшей и камнем-матерью. Другие имена, даваемые этой матери богов, также взяты из различных состояний, в которых пребывает этот камень или земля, или материя делания во время начала операций.

Так, в качестве первой земли или первоматерии делания, помещенной в сосуд в начале, ее называли Земля, Кибела, мать богов и жена Неба, потому что при этом в сосуде появляется лишь эта земля с содержащимся в ней воздухом. Когда земля эта растворяется, она принимает имя Реи, жены Сатурна, от *ρ' έω*, *fluō* (течь) и еще потому, так как во время растворения проявляется чернота, именуемая Сатурном. Затем ее называли Церерой, дочерью Сатурна и сестрой Юпитера, т.к., растворившись, она снова становится землей при возникновении серого цвета Юпитера, а поскольку эта самая земля или Церера становится белой, то предположили, что Юпитер с Церерой породили Прозерпину. Весьма вероятно даже, что имя Церера происходит от греческих слов *Γῆ* и *Ε'ρρα*, каждое из которых означает «земля». Похоже, что сам Воссий согласен с такой этимологией, утверждая, что древние часто меняли «Г» на «Ц». Варрон и Цицерон полагали, что имя Церера происходит от *gerere* (нести), а Арнобий, по их словам, говорил так: *Равным образом здесь (земля) она несет в себе семя полезного плода, это провозглашает Церера*. И Гесикий подтверждает мое суждение, когда говорит: *Α'κερὸς ἔ, Ω'ω ις, ἔ, Ε'λλῆ, ἔ, Γῆρος, ἔ, Γῆ, ἔ, Απμῆτρ ἡ ἄνττῆ*. Основываясь на многих утверждениях древних авторов, можно предположить, что слово Церера греческого происхождения. Но в любом случае всем известно, что под Церерой подразумевалась земля, и эта мысль вполне соответствует представлениям о ней Герметических Философов, поскольку, когда их земля превратится в воду, они называют ее «навозной землей», в которую, по их словам, и нужно высеять зерно Философов, т.е. их золото.

Четвертое имя, дававшееся Земле, было Опис, которую, собственно, называли богиней богатств, и по праву, т.к. эта земля Философов есть основа философского Камня — истинного источника богатств.

Поскольку и древние, и современные авторы даже не подозревали о причинах, обусловивших такое разнообразие имен матери богов, они часто употребляли их, не делая между ними различия. Однако о разнице этой знал Орфей и те, кто были знакомы с тайной. Известны три гимна Орфея в честь Земли (Γει): в одном она указана как мать богов, во втором — под именем Рея, в третьем — собст-

¹ Щедрый даритель (лат.). См.: Теогония (по всему тексту). — *Прим. ред.*

венно, именем Земля. Под теми же именами указана она и в трех Гомеровских гимнах. Более того, он весьма ясно различает их, т.к. в гимне к Гее, матери всех, он называет ее матерью богов и женой многозвездного Неба, Θεῶν μητρ, ἄλλοι οὐρανὸς ἀφεψήτις. В гимне к матери богов он упоминает Рею, наслаждающуюся звуками трещоток и других инструментов — несомненно, тех, на которых играли у себя Корибанты, заботам которых она поручила Юпитера, чтобы помешать Сатурну услышать плач его сына. Гомер особо отличает Цереру, отождествляя ее с красавицей Прозерпиной и не именуя ее матерью богов, в противоположность двум другим. Наконец, достаточно посмотреть на время их рождения, чтобы убедиться, что их нужно различать и что авторы этих мифов не хотели их путать между собой и упоминали собственно Землю под этими разными именами.

Земля, жена Неба — это мать, Рея — дочь, а Церера — внучка. Такова родовая Земля Философов. Подобную аллегорию нельзя объяснить с точки зрения истории, морали или физики, учитывая, что почти все мифологи согласно различают имена Кибела, Рея и Церера, однако одного и того же понятия Земли.

Если провести различие между этими тремя богинями, как это делают античные поэты, то Юпитер действительно оказывается сыном Реи и братом Цереры. Громкие звуки бронзовых инструментов, которыми гремели, чтобы заглушить его плач, — это намек на слово *laton* и *leton*, которым последователи Гермеса называют свою материю, когда она еще сохраняет черный и серый цвета. Это та бронза, о которой столь часто говорится в герметических трудах, та латунь, которую требуется отбелить, а затем можно и не изучать книги за ненужностью. Мы встречаем эти слова почти на каждой странице книги «Turba», и мы приводили уже немало текстов по этому поводу. Это, собственно, значение слов *Cymbalum*, *Tympanum* (литавры), если иметь в виду материал, из которого эти инструменты изготовлены. Можно еще обратиться к трактату Фредерика-Адольфа Лампа «De Cymbalis veterum». Ноэль ле Конт называет их *tinnientia instrumenta* (звонящие инструменты). Под звук этих инструментов к Юпитеру слетались пчелы. Этим обычаем пользуются еще и сегодня: когда нужно вернуть в улей рой, желающих покинуть его, то бьют по котелкам, по сковородкам и т.д. Гераклес воспользовался подобными инструментами, что прогнать птиц, опустошавших Стимфальское озеро, причем было их там столь много, а сами они были таких чудовищных размеров, что своими огромными крыльями затмевали свет Солнца.

За Юпитером ухаживали нимфы Адрастея и Ида, а, кроме того, как говорят, к ним прилетали пчелы. Нимфы эти были дочерьми Мелиссы или, ее как прародительницы, пчел, и в кормилицы Юпитеру они призвали Амалфею. Мы отмечали уже, что при появлении серого цвета или Юпитера Философов летучие части растворенной материи сублимируются и в большом количестве поднимаются вверх сосуда, где конденсируются, как при дистилляции в вульгарной химии, а после циркуляции опадают на серую землю, плавающую поверх ртутиальной воды. Может ли миф представить нам эту операцию при помощи более явной и более точной аллегории, чем данное воспитание Юпитера? Сами имена обеих нимф указывают на водянистую, летучую материю, т.к. Ида походит от ἰδρος, *sudor* (пот), а Адрастея — от ἀδράω, *fugio* (убегать).

Если нам говорят, будто они дочери Мелиссы или пчел, то очевидно потому, что эти летучие части кружатся вокруг Юпитера Философов, как пчелиный рой

вокруг улья. Итак, эти летучие части питают серую землю, опадая на нее подобно росе или дождю, увлажняющему и питающему землю при проникновении в нее.

Вполне возможно, что причиной недоразумения, связанного с утверждением, что Юпитера будто бы кормила коза Амалфея, послужило греческое слово αἶξ, означающее одинаково *коза* и *буря*. Заметим, что улетучивание происходит бурно, так же, как и выпадение в виде дождя летучих частей, что, собственно, напоминает бурю, понимаемую как αἶξ, значит αἶσσω, ἔω, cum impetu feror, *быстро двигаться*. Сама эта мысль о буре в сочетании с тем, что эта земля или Юпитер Философов воспламеняется, несомненно, способствовала тому, что Юпитера снабдили молнией в качестве атрибута, т.к. бури обычно сопровождаются вспышками молнии и громом. Во всяком случае, такой образ пытается нам представить в различных местах своей «Илиады» Гомер, говоря, например, о горе Иде, на которой, по его словам, находился Юпитер. Из его описания мы узнаем, что на горе этой немало родников¹ и она покрыта облаками, которые Юпитер разгоняет громом. Он пишет даже, какими были эти облака, т.е. золотыми, похожими, как видно, на те, которые возникают при золотых дождях.

Таковы облака, нагоняемые Юпитером на гору Иду или «потеющую» гору; таковы выпадающие на нее дождь и роса; таковы и летучие части, перемещающиеся, поднимающиеся и опускающиеся подобно пчелам, летающим в поисках пищи для младенца Юпитера, лежащего в своей колыбели. Таково и молоко Амалфеи, которым Юнона кормит Меркурия, о котором Платон упоминает в своем диалоге, называемое Философами называют *молоком Девы*. О нем д'Эспанье говорит такими словами:

Омовение учит нас, как отбелить ворона и родить Юпитера от Сатурна, что происходит путем придания телу летучести или превращения тела в дух. Редукция или выпадение дождем ставшего летучим вещества, возвращает камню его душу и питает его орошающим и духовным молоком, пока он не достигнет совершенной силы.

Далее он пишет:

После того, как вода совершила семь вращений или прошла по семи кругам, на смену ей приходит воздух, совершающий столько же вращений и оборотов, пока не зафиксирован на дне, и после того как Юпитер прогонит с трона Сатурна, чтобы взять на себя бразды правления всем королевством. С его приходом формируется и получает питание дитя Философов, которое, наконец, появляется на свет с белым и ясным, как у Луны, ликом.

Приведенные слова д'Эспанье настолько отвечают рассматриваемому нами вопросу, что, кажется, будто этот Философ для того и произнес их, чтобы объяснить, как воспитывался Юпитер. Их, думаем, достаточно любому, кто захочет

1 Скоро увидели Иду, зверей многоводную мать...

Илиада, XIV, 283

Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды

Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге...

Илиада, XIV, 307–308

Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,

Видеть бессмертных отца Океана и мать Тетису.

Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.

Илиада, XIV, 301–303

применить их, оставив предубеждения. Поэтому мы оставим в стороне многие другие тексты, также непосредственно с этим связанные, и отошлем читателя к Гомеру, т.к., похоже, что именно у него д'Эспанье черпал эти мысли.

Прежде чем свергнуть своего отца, Юпитер защищал его от титанов и победил их; но, узнав, что Сатурн проглотил его братьев и строил козни ему самому, он дал ему выпить напиток, от которого тот всех отрыгнул. Тогда Плутон и Нептун присоединились к Юпитеру в борьбе против отца, чтобы он сверг Сатурна, оскоспил и низверг в Тартар вместе с бывшими на его стороне титанами. Д'Эспанье поместил всю эту историю в приведенный выше «Канон», т.к. он пишет в нем: «До тех пор, пока не успокоено низшее и не изгнан Сатурн, Юпитер не принял знак и символ управления». Перед этим он писал об отрубленных частях тела, назвав их гетерогенными акциденциями: «Избыточность представляет собой вражду, это черный Сатурн омрачает сферу Юпитера. Поэтому Сатурн отделяет синевато-серый до тех пор, пока тебе не будет благоприятствовать звезда багряного Юпитера».

Таким образом, Юпитер вззошел на трон Сатурна, отрубив те части его тела, которые послужили его зачатию; именно эти части тела Осириса не удалось найти Исиде. А под Титанами следует понимать то же самое, что и под Тифоном и его соратниками, побежденными сыном Осириса Гором. Нет смысла, поэтому, заново объяснять все это. Достаточно провести между этими историями параллель, чтобы убедиться, что все они означают одно и то же. Отца Гора — Осириса преследовал брат его Тифон, стремившийся свергнуть его и занять его место на троне. На Сатурна, по той же причине, напал его брат Титан. Тифон со своими сообщниками схватил Осириса и запер его в сундуке. Сатурн был схвачен титанами и заточен в темницу. Гор победил Тифона и убил его вместе с остальными приспешниками. Юпитер также встал на защиту Сатурна, победил титанов и сбросил их в Тартар. Самый страшный из титанов — Тифон хотел свергнуть Гора, но был поражен молнией и погребен под горой Везувий или Этной. Под этой же горой был похоронен и Энкелад, которого сами мифологи часто путают с Тифоном. Если и есть какая-то разница между двумя этими легендами, то она в том, что вторая скопирована с первой, но оформлена на греческий манер.

Одержав победу, Юпитер стал править с миром. При нем были все боги и богини, но если попытаться преломить все через историю, то мы бы попросили мифологов, которые хотели бы поддержать эту систему, объяснить, как и почему в той войне участвовали Бахус, Аполлон и Меркурий. Поскольку, будучи детьми Юпитера, они тогда либо еще не родились, либо не достигли возраста, позволяющего претерпевать военные тяготы. Тем не менее, если верить легенде, они там были, как и был там даже сын Алкмены, Геркулес, который сразил своими стрелами страшного Алкионея. Аполлон выбил гиганту Эфиальту левый глаз, а Геркулес — правый. Меркурий надел на себя шлем Плутона и убил Ипполита, а разрубленному на куски Бахусу повезло, что на него наткнулась Паллада.

Если следовать системе аббата Банье и согласиться с указываемыми им периодами — в якобы подлинной жизни Юпитера, то выходит, что этот бог начал править только после смерти Сатурна. Прожил он сто двадцать лет, из которых правил шестьдесят два. Наш мифолог пишет:

Став хозяином огромного государства, пишет наш мифолог, он взял в жены свою сестру, которую римляне называли Юноной, а греки Герой или хозяйкой, и в этом он лишь следовал примеру своего деда и отца. У Юпитера, весьма увлекавшегося

женщинами, как свидетельствует его другое имя — Зен, было тридцать две возлюбленных, и Юнона часто ссорилась с ним по этой причине. Отсюда происходит недружность этой семьи, которую столь часто упоминают поэты.

Она послала двух змей, чтобы они пожрали младенца Геркулеса. Известно, как жестоко она преследовала Ио, Каллисто, Латону и других соперниц. Впрочем, о любовных связях Юпитера говорится о периоде после его женитьбы на Юноне. Если Юпитеру было пятьдесят восемь лет, когда он женился на сестре, и тогда же он стал заводить себе любовниц, то первой должна была быть Майя, дочь Атланта, поскольку родившийся у нее Меркурий стал впоследствии посредником и посланцем Юпитера во всех его любовных похождениях. Нам представляется все же, что Юнона не так уж болезненно воспринимала неверность супруга, т.к. она кормила своим молоком даже Меркурия, а кое-кто утверждает, что она кормила Геркулеса по просьбе Паллады, и отсюда-то и образовался Млечный путь¹.

Именно она, решив отомстить Семеле, превратилась в старуху и убедила ее попросить Юпитера в доказательство его любви предстать перед ней во всем величии. Но если правда, что Юнона и Юпитер были близнецы, то ей должно было быть за шестьдесят, когда Юпитер навещался к Семеле. Можно предположить, таким образом, что ей не составило большого труда совершить свое превращение. Наконец, Геркулес был правнуком Персея — сына Юпитера и Даныи. Невозможно, следовательно, чтобы Геркулес участвовал в битвах Юпитера с Гигантами, т.к. за шестьдесят два года правления не могут смениться четыре поколения. О других моментах, невероятность которых не менее очевидна, предлагаем судить читателю.

Как бы то ни было, мы узнаем из мифа, что Аполлон, одетый в пурпурные одежды, воспел эту победу, играя на своей лире. Если эта деталь не является аллегорической, то невозможно понять, зачем нужно было так точно указывать цвет одеяний Аполлона. Вряд ли этим хотели указать на небесное солнце, поскольку оно не пурпурного цвета. Автор этого мифа имел в виду, несомненно, другого Аполлона, а из одетых в такие же цвета нам известен только один — Аполлон или Солнце, или золото Герметических Философов. Совершенно естественно поэтому было утверждать, что он воспевал ту победу, т.к., будучи завершением делания и результатом герметических трудов, он объявляет, что все трудности, препятствовавшие совершению делания, преодолены, и, отсюда он единственный, кто воспел эту победу, хотя при этом присутствовали и все другие боги. Главными из них были: Геркулес или мастер, Меркурий или Меркурий Философов, Вулкан и Веста, или огонь, Паллада, или мудрость и наука для ведения операций; сестра Аполлона Диана или белый цвет, который должен появиться перед красным, — о ней еще говорили, что она послужила акушеркой своей матери Латоне, когда та производила на свет Аполлона; и, наконец, бог Марс, или цвет ржавого железа, занимающий промежуточное место и как бы обеспечивающий переход от белого цвета к пурпурному.

¹ Не стану скрывать и другое старое предание, не столь ужасное: однажды из белоснежной груди повелительницы богов излился поток молока и оставил свой цвет на небе; это место зовут млечным: название объясняет происхождение.

Веста была ни чем иным, как огнем, а т.к. успех делания зависел от режима философского огня, то было с полным основанием сказано, что эта богиня принесла Юпитеру венец. И если она выбрала в качестве награды девственность, то потому, что в огне не бывает пятен и чище него нет ничего в мире. Легко видеть, что все, что относится к Весте, было просто иероглифом у египтян и у греков, однако римляне превратили его в своеобразный культ. Они учредили орден девственниц, именовавшихся весталками, которые должны были оставаться девственницами и вечно поддерживать некий огонь. В случае, если они поддавались соблазну или же если огонь по их небрежности потухал, их карали смертью.

Стратигема, которой воспользовался Юпитер, чтобы завладеть Юноной, и последовавший за этим их брак можно было бы считать детской сказкой, если воспринимать эту историю буквально. Все, однако, совершенно меняется, если посмотреть на описываемые события под их истинным углом зрения... Кукушка откладывает яйца в гнездо другой птицы, и та вынашивает их, а затем кормит вылупившихся из них кукушат. Когда те вырастают, они пожирают вырастивших их птиц... Было бы нелепо предположить такую неблагодарность со стороны богов и богинь, но в аллегории можно описывать все, что угодно, если это соответствует ставящейся цели. Описываемая нами аллегория вполне соответствует всем прочим аллегориям Философов в подобных случаях. Раймунд Луллий приводит ее в таких словах:

Наше живое серебро есть причина его собственной смерти, т.к. оно само убивает себя; в то же время оно убивает своих отца и мать, вырывает у них из тела душу и выпивает до конца их влагу.

Василий Валентин описывает в аллегории рыцаря, выпивающего кровь своего отца и матери. Михаэль Майер изображает в своих символах жабу, сосущую грудь женщины — своей матери, и убивающую ее своим ядом.

Юпитер был, как мы помним, братом Юноны, а философский брак может состояться только между братом и сестрой, о чем пишет, например, Аристей:

Великий король, сколько бы вы ни были король, и сколь бы плодородны ни были ваши земли, вы учредили негодные порядки в вашей стране. Ибо сочетаете мужей с мужьями, хотя известно же вам, что мужья не зачинают сами, ибо любое зачатие делается женщиной и женщиной, и когда мужья сочетаются с женами, тогда природа радуется в себе. Каким же образом, сочетая природное с чужеродным не должным образом и не так, как надлежит, хотите вы зачать хоть какой-то плод? И король вопрошал: какие же вещи приличествует сочетать? И я ответил ему: приведите ко мне сына вашего Габриция и сестру его Бейю. И король спросил: откуда знаешь, ты, что сестру его зовут Бейя? Наверное, ты маг. И я сказал ему: наука и искусство дали нам знать, что сестра его Бейя. И сколь бы она не была бы женщиной, она удобряет его, т.к. она в нем. И король спросил: зачем она тебе? И я сказал ему: затем, что без нее не будет настоящего зачатия, и никакое древо не умножится. Тогда прислал он нам упомянутую сестру, и была она красива и белолица, и нежна, и скромна. И я сказал: я соединю Габриция и Бейю.

Стоит ли еще рассказывать, как Юпитер и братья его Нептун и Плутон поделили между собой весь мир. Аббат Банье, рассматривающий, согласно своей системе, этот раздел как реальный факт, вынужден был установить пределы мира. Самые большие пределы на границах Сирии к востоку, на побережье Ливии и Мавритании к югу, берегами Испании, омываемыми Океаном к Западу.

Юпитер, пишет он, оставил себе восточные страны, а также Фессалию и Олимп. Плутон получил западные земли до конца Испании, которая, по сравнению с Грецией, страна весьма низкая, а Нептун был назначен начальником над кораблями Юпитера и управлял всем Средиземным морем.

Не нужно напрягать разум, чтобы увидеть, что такой раздел слишком плохо продуман и не выдерживает критики. Когда поэты говорят об этих трех богах, они называют их повелителями или королями, или властителями не какой-либо части мира, например, Фригии, Греции, Средиземного моря или Испании. Но именуют Юпитера отцом богов и людей, властилином Неба и всей Земли, т.е. только поверхности земного шара; Нептуна властителем всех вод, покрывающих его и содержащихся в нем; Плутона — властителем подземного мира или глубин земли, названных соответственно *империей тьмы*¹. Гомер, хорошо знавший, что мир не ограничен столь узкими пределами, *πάντα*, какие определяет ему аббат Банье, говорит о Юпитере, что тот властвовал над небом, воздухом, облаками и землей, общей для всего живого. Он говорит, что Плутон правил не нижними и западными землями, а темным мраком *ζοφον πύεντα*. Всем известно, что Испания вовсе не мрачное место. Такая характеристика скорее подходила бы латонцам и другим странам, ближе к полюсу. Но тогда пришлось бы искать причину, чтобы назвать Плутона богом богатств. Золотые россыпи Пиренеев весьма кстати пригодились ученому мифологу, который не упускает ничего из того, что может поддержать его систему.

Описываемое поэтами место пребывания Плутона никак не может соответствовать Испании. Рассказывая о битве между богами, покровительствовавшими грекам, и теми, кто был на стороне Трои, Гомер говорит, что владыка подземелья, Плутон даже задрожал под землей и спрыгнул с трона, когда Нептун сотряс всю землю с такой силой, что даже горы зашатались.

Представление Гомера о Нептуне также не согласуется с тем, которое нам преподносит аббат Банье. С Гомером согласен и Гесиод, т.к. и тот, и другой называют его *quassator terrae* (сотрясающий землю), *Ποσειδάων ἐνοσίχθων*. Не видно причины, по которой поэты стали бы так называть флотоводца, ибо, сколь бы сильным и страшным он ни был, он никогда не смог бы вызывать землетрясения повсюду или хотя бы на части земли. Но все эти черты великолепно подходят трем описываемым богам, если смотреть на них в герметическом смысле, и разделение ими власти тогда кажется совершенно естественным. Юпитер господствует, он вознесся выше всех и занимает небо Философов. Ниже находится Нептун, властвующий над морем или меркуриальной водой, над возвышающейся над ней землей, тогда как Юпитер следит за малейшими колебаниями воды, почему Нептуна справедливо и называли *quassator terrae*. Колебания эти, естественно, вполне легко передаются земле, находящейся на дне сосуда, и которую

¹ Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое все делено, и досталось каждому царство:
Жребии бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и зефира пространное небо;
Общую всем остается земля и Олимп многохолмный.

мы вместе с Философами называем Плутонем. Неудивительно поэтому читать у Гомера, что этот бог подземного мира испугался сотрясений земли, вызванных Нептуном. Если столь простых объяснений недостаточно человеку непредубежденному, то нам трудно сказать, следует ли искать для него иных.

Однако, чтобы окончательно убедить такого читателя, порассуждаем немного о том, как древние изображали Юпитера. Создается впечатление, что упоминаемый Павсанием ваятель, изобразивший Юпитера-олимпийца на его троне, решил представить очам все, что происходит в делании. Почему трон сверкает золотом и камнями, причем изготовлен преимущественно из черного дерева и слоновой кости? Почему Юпитер и Победа также сделаны из слоновой кости и золота? Почему его скипетр изготовлен из всех соединенных вместе металлов? Почему, наконец, верхняя половина туловища Юпитера обнажена, а нижняя покрыта мантией, на которой написаны различные животные и всевозможные цветы?

Пусть читатель возьмет на себя труд сопоставить это описание со всем, что мы говорили о делании до сих пор, и он сразу разглядит в черном дереве, слоновой кости, золоте три главных цвета, принимаемые материей во время операций при изготовлении магистерия. А именно: черный — ключ делания, поскольку он господствует как трон Юпитера; белый представлен слоновой костью; красный или золото Философов, обозначен золотом. Другие, менее постоянные цвета, проявляющиеся один за другим, не в качестве главных, изображаются различными животными и различными цветами, нарисованными на мантии. Взятые все вместе, эти предметы образовывали в то же время нечто вроде радуги, означавшей сочетание цветов, которое у Философов называется *павлиньим хвостом*. А поскольку этот герметический ирис появляется в тот момент, когда начинает показываться Юпитер Философов, это разнообразие красок попытались изобразить животными и цветами, нарисованными на его мантии, покрывающей только нижнюю часть. Верхняя же часть туловища была изображена обнаженной, т.к. появляется серый цвет или Юпитер сначала на поверхности, пока низ или нижняя часть еще черная или покрыта мантией, раскрашенной, как павлиньих хвост. Победа из слоновой кости и золота указывает, что фиксированное тело одержало верх над летучим, воевавшим с ним и при этом растворявшим его, разлагавшим в черноте и при улетучивании. Оливковый венец — это венец мира, обозначающий объединение фиксированного и летучего в единое фиксированное тело, такое, что они становятся неразделимы. Потому у Юпитера после победы над Сатурном уже не было врагов, и он правил вечно в мире. Еще лучше доказывает правоту нашей системы скипетр Юпитера, изготовленный из всех соединенных вместе металлов и украшенный сверху орлом. Превращение фиксированной или золотоносной части в летучую часть точнее не обозначить, чем орлом, уносящим Ганимеда. Ибо, как мы помним, превращение в летучее начинается в тот период, когда правит серый цвет. Улетучившиеся золотоносные частицы, опадающие в виде росы или золотого дождя на землю или на плавающую серую массу, прекрасно изображены нектаром или амброзией, которую Ганимед наливал Юпитеру, ибо летучая меркуриальная вода имеет ту же природу, что и ставшее летучим золото Философов, и, следовательно, они также бессмертны, как не поддается порче золото. Одного изображали как нектар или напиток, другого — амброзия или бессмертная плоть богов.

Из всех птиц был выбран орел, как по причине его превосходства над другими, так и из-за его силы и прожорливости, ибо он уничтожает, растворяет и превращает в свою собственную субстанцию все, что поедает. Говорили также, что орел это единственное из животных, могущее смотреть на солнце не мигая; возможно, потому что Меркурий Философов — это единственное летучее вещество, способное нападать на золото, одерживать над ним верх и растворять его.

Скипетр Юпитера, который символизирует металлы Философов, состоит из обычных металлов. Все они были собраны в нем, однако каждый отличался от другого, как цвета материи, проявляющиеся друг за другом, при образовании одной вещи — скипетра Юпитера, отличительного знака его власти и его владения. Жалко, что Павсаний не описывает, в каком порядке находились эти металлы относительно друг друга. Мы уверены, что они располагались в той же последовательности, что и цвета делания. То есть свинец или Сатурн, или черный цвет в нижней части скипетра; затем олово или Юпитер, или серый цвет; затем серебро или Луна, или белый цвет. Далее — медь или Венера, или желто-красноватый и шафрановый цвет; потом железо или Марс, или цвет ржавчины; и, наконец, золото или Солнце, или пурпурный цвет. Все остальное в описании слишком хорошо согласуется с нашей системой, чтобы считать наше предположение необоснованным. К тому же скипетр Юпитера-олимпийца был не единственным предметом, на изображениях древних состоящим из всех металлов. Египтяне также изображали Сераписа, используя черное дерево, как мы видим это на троне Юпитера. Всем знатокам античности известно, что под Сераписом подразумевался Юпитер, и справедливо, т.к. быку Апису давали имя Серапис после смерти, что соответствует серому цвету Юпитера, появляющегося после черного. Его же последователи Гермеса часто называли *смертью, останками, уничтожением* и придумывали соответственно аллегории, как это видно в трудах Фламеля, Валисия Валентина, Томаса Нортон и многих других.

И в заключение этой главы представим глазам читателя то, что говорит о цветах Артефий, дабы видно было, верны ли наши о том рассуждения: «В том, что касается цвета, — тот, кто не будет чернить, не сможет отбелить, ибо чернота есть начало белизны и знак разложения и разрушения; а когда она появляется, то это свидетельство того, что тело уже пронзено и умерщвлено. Вот как все происходит. При разложении, совершающемся в нашей воде, сначала появляется чернота, похожая на жирный отвар, в который бросили много перца, а когда затем жидкость эта загустеет и становится, как черная земля, она медленно белеет, если продолжать ее варить; и это происходит оттого, что душа тела плавает на воде, как сливки, ставшие белыми, и потому испарения соединяются так сильно, что больше не в состоянии исчезнуть, ибо утратили свою летучесть. Вот почему в течение делания только то и нужно, что отбелить *laton*, оставив в стороне все книги, поскольку от них вяжешься в выдумки и бесполезные и разорительные труды. Ибо эта белизна и камень, доведенный до белезны есть благороднейшее тело, которое необходимо как цель, заключающаяся в том, чтобы превратить несовершенные металлы в чистейшее серебро. Это есть тинктура ярчайшей белизны, что превращает их и доводит до совершенства, и сверкает ярким светом, который, если соединить его с телом несовершенных металлов, остается там навсегда и не может быть от них отделен.

Ты должен затем заметить, что духи стали фиксированными только в белом цвете, и, значит, цвет этот благороднее, чем те, что ему предшествовали; и его следует все время желать, потому что он в каком-то роде и отчасти есть свершение всего делания, ибо наша земля гниет прежде в черноте. Затем она очищается, возносясь и сублимируясь, а когда она высохнет, чернота исчезает, а она белее, и влажное и темное господство жены, или воды кончается. И тогда-то новое тело возрождается прозрачным, белым и бессмертным, *и побеждает всех врагов своих*.

И далее, так же, как жар, действуя на влажное, производит черноту или первый главный цвет, что проявляется. Он же, жар продолжает свое действие и воздействует на сухое, что производит белизну — второй главный цвет делания. И, наконец, все еще продолжая воздействовать на сухое тело, жар производит оранжеватый цвет, а затем красноту, которая есть третий и последний цвет совершенного магистерия». Данный текст Артефия тоже достаточно ясно показывает, почему Юпитеру приносили в жертву коз, овец и белых быков. Эти различные цвета объясняют в то же время и метаморфозы Юпитера, которые древний поэт описал следующими стихами:

Становился быком, лебедем, сатиром, золотым дождем от любви
К Европе, Леде, Антиопе, Данае.

ГЛАВА V Юнона

Выше мы уже немного упоминали о Юноне, однако, такая великая богиня заслуживает более подробного рассказа, т.к. ее брак с Юпитером, ее бра- том, сделал ее одним из величайших языческих божеств. Она была дочерью Сатурна и Реи и сестрой-близнецом Юпитера. Греки называли ее *Гера* или *Мегалэ* — хозяйка, великая. Гомер сообщает нам, что ее воспитали Океан и его жена Фетида; другие говорят, что ее воспитывали дочери реки Астериона — Евбея, Порсимна и Аэрея, иные, что она воспитывалась у Гевтов. Гомер же утверждает, что она родилась на Аргосе:

...Гера Аргивская и Афина Алалкомена.

Илиада, IV, 8

Эту честь у Аргоса оспаривали самосцы, и потому ее называли то «самосской», то «аргосской», но, поскольку родилась она одновременно с Юпитером, то случиться это должно было в том же месте.

Возлюбивший ее с младенчества, брат почувствовал, что любовь его со временем все увеличивается, и, чтобы удовлетворить свою страсть, превратился в кукушку, а позже, уже торжественно сочетался с ней. У них родился сын — Марс, а Аполлодор утверждает, что их детьми были Геба, Илифия, Аргея. Гесиод же пишет, что детей у них было четверо: Геба, Венера, Луцина и Вулкан, другие добав-

ляют к ним Тифона, а Лукиан считает, что она родила Вулкана, не познав мужчину. Указанные мифологи даже описывали все это потомство аллегорически, т.к. они говорят, что Юнона родила Гебу из-за того, что поела латук, Марса, — когда прикоснулась к цветку, а Тифона, заставив выйти из земли испарения и приняв их в свое лоно.

Юпитер и Юнона не стали образцом нежного и мирного союза: между ними постоянно возникали ссоры и брань. Юпитер питал большую слабость к женщинам и не мог терпеливо сносить упреки и ревность Юноны. Он подвергал ее всяческим издевательствам и даже подвесил за руки на золотой цепи, привязав к ногам по наковальне. Боги возмутились этим и всеми силами старались освободить ее, но тщетно¹. Лисимах Александрийский пишет, что возле Аргоса был источник Канафо, в котором Юнона раз в год совершала омовение, вновь обретая при этом девственность.

Свита ее состояла из четырнадцати нимф, но предпочтение она отдавала Ириде.

Дважды семеро нимф, блистающих прелестью тела,
Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.

Энеида, I, 71.

Юнону считали также богиней богатства, чему доказательством служат обещания, данные ею Парису, чтобы побудить его выбрать именно ее, когда она предстала на его суд вместе с Палладой и Венерой. Вот как описывает этот эпизод Гигин:

Юнона, если он рассудит в ее пользу, обещала ему, что он будет править во всех странах и превосходить всех прочих людей богатством...²

Из птиц Юноне особенно посвящали павлина, очевидно потому, как утверждают некоторые мифологи, что богиня решила украсить перья его хвоста глазами Аргуса, убитого Меркурием. Юноне посвящали также гусей и белую корову, по свидетельству Вергилия:

Собственной держит рукой Дидона прекрасная чашу
И возлиянье творит меж рогов белоснежной телицы...

Энеида, IV, 60–61

Это, несомненно, связано с тем, что у египтян корова служила иероглифическим символом Юноны.

Изображали ее обычно в сидячей позе, одетой, иногда с покрывалом на голове, со скипетром в руке, хотя чаще с подобием пики, а еще с чашей. Но, вообще, изображения Юноны не легко различать от многих других богинь. Ее един-

1 Или забыла, как с неба висела? Как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Верьь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
Но освободить не могли. приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю...

Илиада, XV, ст. 18–23

2 Мифы, 92. — *Прим. ред.*

ственный отличительный атрибут — павлин и чаша, как орел у Юпитера. Ос- тальные изображения делались преимущественно по желанию художника или капризу того, кто заказывал статую или памятник, либо же соответственно имен- ни или названию, под которым обращались к богине. Оставим перечень имен Юноны тем, кто занимается мифологией.

Приводившиеся ранее детали некоторых обстоятельств жизни Юпитера раскрывают нам и часть жизни Юноны. Зная, что представлял собой Юпитер, не трудно предположить, какой могла быть его сестра-близнец. Некоторые мифо- логи считали, что ее имя *Гера* (*Hera*) было просто перестановкой букв, и если их поставить как надо, то получался *aer* — *воздух*, и, значит, Юнона и воздух были одно и то же, и, на наш взгляд, эта точка зрения ближе других к истине. Автор, на- звавшийся Орфеем, склоняется к этому мнению, если воспринимать его слова буквально¹. Очевидно, так же думал и Вергилий, когда писал, что Юнона вызыва- ла град и гром:

Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рощу облавой;
Бурю обрушу на них, всколыхну все небо громами.

Энеида, IV, 120–123

Те, кто, согласно Гомеру, занимался воспитанием Юноны, указывают нам, ка- кой воздух следует понимать под этой богиней, а Океан и Фетида соответствуют воде. Когда их заменяют тремя нимфами, то это значит то же самое, т.к. они — дочери реки Астериона, но они еще точнее указывают на эту воду именем свое- го отца, если не знать, что Океан и Фетида сами считались богами.

Итак, Юнона — сестра-близнец Юпитера и могла родиться только одновре- менно с ним. А, поскольку, находящийся в сосуде над растворенной материей воздух наполняется поднимающимися из нее испарениями в тот момент, когда образуется философский Юпитер, естественно было персонифицировать эту паробразную, воздушную влагу. И, отсюда сочли целесообразным дать имя Ге- ры как сестры Юпитера этой летучей и постоянно движущейся влаге, зависшей, тем не менее, вверху сосуда и как бы опирающейся на землю, плавающую на меркуриальной воде. Многие мифологи, иносказательно описывавшие Юнону, чтобы применить ее к Природе, считали ее не самим воздухом, а разлившейся в нем влагой. Океан или море Философов и Фетида действительно воспитывали Юнону, ибо они предоставили материю для ее питания — это летучие части, суб- лимировавшиеся из них. Имя нимфы Аэреи, от *aëres*, *summus*, *excelsus*, указывает, что Юнона пребывала на возвышенном месте.

Так как Юпитер и Юнона родились одновременно, то не приходится удив- ляться, что Юпитер полюбил сестру с ранней молодости. По своему положению в сосуде, они были как бы неразлучны, так что, в конце концов, они решили со- четаться узами брака. Философы столь часто упоминают такой род брака между братом и сестрой, Королем и Королевой, Солнцем и Луной и т.д., что нет смысла

1 Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу...

Орфические гимны, XII, 1–3

объяснять его их высказываниями, тем более, что мы уже приводили их и, очевидно, не избежим этого в дальнейшем. Ссоры, возникавшие в этом семействе, объяснялись ревностью Юноны. Да и как могла она не поддаваться таким бурным вспышкам? Юпитер все время находился между ней и какой-нибудь нимфой, т.е. между влажными парами воздуха, находящегося в верхней части сосуда, и меркуриальной водой, над которой он плавает, и самыми чистыми частями, поднимавшимися со дна сосуда, чтобы соединиться с ним. Разве метания туда и сюда ревлившей супруги не указывает на различные перемещения паров?

Юпитеру надоели ее упреки, и он подвесил ее, как мы уже описывали. Цепь, на которой висела богиня, была из превратившегося в летучее философского золота. Тщетно пытались другие боги освободить ее, но сделать это им не удалось. Ибо цепь из ставших летучими золотых частей беспрестанно обновляется до тех пор, пока не соединится с Юпитером вместе с этой влагой. Тогда между фиксированным и летучим, между Юпитером и Юноной воцаряется мир. Наковальни, привязанные к ее ногам — это настоящий символ фиксированности, если принять во внимание их огромный вес, делающий их в этом положении недвижимыми и прочными. Естественно предположить, что тяжесть наковальни тянула Юнону к земле, чем указывается на притягивающие свойства фиксированной части, влекущей к себе летучую часть, чтобы, в конце концов, с ней соединиться.

Лисимах Александрийский и Павсаний сообщают нам, что ежегодное обречение девственности Юноной в источнике, называемым Канаф¹, представляет собой тайну, раскрывавшуюся только посвященным. Тайна же эта заключалась в том, что эта девственница Философов — это крылатая или летучая девственница, по выражению некоторых Философов, сохраняет девственность, хотя и беременна², когда вымоет себя до чистоты.

Итак, Юнона оставалась девственницей, но при этом родила нескольких детей, отцом которых не всегда был Юпитер. Рождение Тифона объясняется само собой, т.к. невозможно, чтобы поднимающиеся из земли Философов испарения не проникли в лоно тех, кто уже находится вверху сосуда.

Теперь понятно, почему Юнону считали богиней богатства. Золотая цепь, на которой она была подвешена, огонь Философов или сера, зачатая ею от Юпитера — это все источники богатства, а четырнадцать нимф, сопровождающих богиню, это средства, используемые ей, чтобы добиться своей цели, т.е. водянистые летучие части, семикратно сублимированные в каждой из этих двух операций. Ирида была любимой нимфой по той же причине, по которой было отдано предпочтение павлину, дабы поместить на его хвосте глаза Аргуса, ведь его цвета радуги гораздо более заметны в делании, чем все другие летучие части.

Можно, наконец, видеть в Юпитере и Юноне Осириса и Исиду. Они почти одинаковы, и мифологи часто путают их, т.к. египтяне тоже считали Сатурна их отцом. Юпитер, как серый цвет — это также скрытый огонь, как искра в пепле; именно он, как и Осирис, оживляет все в делании и вдыхает жизнь во влагу, и все происходит с его помощью. Отсюда и рождается Вулкан, или горнило небесного огня, что привело к мысли о том, что сей хромоногий бог ковал оружие и до-

¹ См.: Описание Эллады, II, 38, 2–3. — *Прим. ред.*

² *Recipe virginem alatum, optimè totam & mundatam semine spiritali primi masculi impraegnatam, intermeratae virginitatis gloriâ remanente gravidam.*

машиную утварь для Юпитера и других богов. На водянистую природу Юноны указывает чаша, с которой ее изображают, а также и павлин, потому что разнообразные цвета его хвоста, проявляясь в материи, показывают, что она готовится стать летучей, и что она уже растворена, о чем свидетельствует появление или присутствие Юноны.

Ноэль ле Конт признается, что химики в его время толковали мифы о Юпитере и Юноне в том же духе, что и легенды о Сатурне:

Юнона — дочь Сатурна и Опис, сестра и жена Юпитера, владычица богов, богиня богатств. Она способствует установлению брака и разрешению от бремени. Все это меркуриальная вода, именуемая Юноной. О ней говорят, что она дочь Сатурна, потому что она образовала и дистиллирует землю. Земля эта дает богатства или химическое золото, т.к. она одновременно дистиллирует Юнону и Юпитера или меркуриальную воду и осаждаёт соль на дно стеклянного сосуда и большого сосуда. Но поскольку меркуриальная вода сначала дистиллирует в сосуде Юнону, то говорят, что она родилась раньше Юпитера.

Из этих путаных слов Ноэля ле Конта создается впечатление, что современные ему химики переносили миф на их науку и полагали, как и мы, что подлинным предметом всех этих вымыслов была их наука. Но, поскольку, данный мифолог не знал герметической химии, то либо он плохо истолковывал мысли Философов по этому поводу, либо он почерпнул свои представления у химиков, знавших герметическую науку не лучше него самого.

ГЛАВА VI

Плутон и преисподняя поэтов

С какой бы стороны ни рассматривать описываемый поэтами ад, никак невозможно поместить его в Италии или в Испании, согласно аббату Банье, ни даже в Теспротии. Если взять наиболее распространенное среди мифологов мнение, то идея ада была занесена из Египта; а, по словам Диодора Сицилийского:

Вся легенда о преисподней была перенесена в Грецию из Египта Орфеем. Муки злых людей в Тартаре, пребывание безгрешных на Елисейских полях, и некоторые другие подобные представления, как пишет наш автор, явно взяты из египетских похоронных обрядов. Прообразом Меркурия — проводника душ у греков — послужил человек, которому в древности в Египте передавали тело Аписа, чтобы тот отнес его другому человеку в треглавой маске, напоминающему нам Кербера. Орфей поведал об этой традиции грекам, а Гомер пересказал ее в «Одиссее»:

Бог Гермес килленийский. В руках золотой и прекрасный
Жезл держал он, которым глаза усыпляет у смертных...

Одиссея, XXIV, 2–3

Читая у Диодора слова «в древности», можно обоснованно предположить, что этот обычай в его времена уже не существовал, а он вполне мог узнать его из народных преданий, которым не всегда можно полностью верить. Желание все

привести к своему образу мышления также могло повлиять на даваемые им объяснения.

Но, вообще, мы должны искать истоки мифического ада у авторов легенд. То, как они его описывают, никак не соотносится с Испанией, с Теспротией или с иными, но вымышленными странами, якобы управлявшимися Плутоном. Вполне возможно, что Орфей использовал египетские погребальные обряды, чтобы создать аллегорическую картину ада и сочинить миф во вкусе Philosophов, которые, как и он, строили свои собственные аллегории об усыпальницах и погребениях, чему подтверждением писания Николя Фламеля, Василия Валентина и многих других. Но при этом они имели в виду не настоящее погребение, а как символ и аллегория, подобно тем, что наблюдаются в великом делании. Познакомившись в Египте с идеями о бессмертии души, он, возможно, дал волю своему воображению, чтобы представить, что с ней станет после смерти. Однако ничто не препятствует и тому, чтобы картины владений Плутона, описываемые Гомером и большинством поэтов, прекрасно отвечали происходящему в великом делании. Ведь мы отмечаем здесь разницу в состоянии материи и убедимся в этом, рассматривая миф о сошествии в ад Энея.

Нельзя разделять представление о владениях Плутона и представление об аде, Тартар от Елисейских полей. При разделе между тремя братьями Универсума Плутону выпали мрак и черная тьма. Что же это был за мрак? Об этом пишет Гомер в разных местах «Илиады» и «Одиссеи». Это — мрачное место, глубокая пропасть, скрытая под землей, окруженная топкими болотами и реками Коцит и Пирифлегетон. Из описаний, оставленных поэтами, нашим глазам предстают лишь унылые, внушающие страх и ужас картины. Через все это нужно пройти, чтобы достичь владений Плутона, а добраться до него невозможно без помощи Сивиллы.

Согласимся, что все эти описания — сущий вымысел, и также признаем, что владения Плутона относятся к области сказок. Ибо разве можно было найти пещу в Испании или в пределах Империи для столь ужасных описаний? Разве горгоны, фурии, Эак, Минос и Радаманф жили в этих краях? Разве бывали здесь когда-либо Данаиды, Тантал, Иксион и многие другие? Действительно ли эти места расположены настолько ниже всей остальной Греции, что, как пишет аббат Банье, поэты называли их преисподней? Разве могла такая слабая причина вынудить Гомера утверждать, что Тартар расположен так же глубоко в недрах земли, как далеко удалена земля от неба? Но оставим в стороне эти и многие другие несуразности, которые мифологам столь затруднительно было бы разрешить, а посмотрим лучше, какое отношение может иметь Плутон к Герметической Философии.

Один древний поэт говорил, что под Юпитером подразумевали также Плутона, Солнце и Бахуса:

*Юпитер тождественен с Плутоном, Солнцем и Бахусом*¹.

Если Плутон то же самое, что Юпитер, а история Юпитера — лишь химическая аллегория, то и история Плутона должна быть таким же иносказанием, относящимся, правда, к какой-либо другой части делания и потому, следовательно, стали утверждать, что Плутон был сыном Сатурна и Реи.

¹ Ср.: «Но тождественен Аид (“Срамный”) с Бахусом, одержимые коим они беснуются и предаются вакхованию» (Гераклит, фрагмент 50, a1). — *Прим. ред.*

Страбон говорит, что Плутон был богом богатств. Его сестра Юнона была богиней богатств, и даже самого Юпитера считали богом, раздающим блага и богатства. Все это указывает на их тесную взаимосвязь. Из всех богов Плутон единственный остался неженатым, т.к. был столь безобразен, что отпугивал от себя всех богинь. И все же он похитил Прозерпину и отвез ее на своей колеснице, влекомой *черными* лошадьми до реки *Хемар*, а оттуда в свои владения, как это явствует из труда Клавдиана, посвященного сему похищению. В жертву ему приносили тельца. Как правило, все жертвы, приносившиеся божествам преисподней, были черного цвета¹, и даже сами жрецы, совершавшие обряд жертвоприношения, одевались на церемонию в черное, как сообщает Аполлоний Родосский. Страбон пишет, что на берегах реки Коралус, где отмечались т.н. панбеотийские праздники, сооружался один алтарь в честь Плутона и Паллады, однако причина этого оставалась тайной для народа. Часто этого бога изображали с ключами вместо скипетра.

Этот отличительный знак, встречающийся на изображениях Плутона, и внушаемое нам представление о его мрачной стране как нельзя лучше указывают на землю Философов, окрашенную в серый цвет и именуемую *ключом делания*, потому что она проявляется с самого начала. Земля эта, находящаяся на дне сосуда, досталась при разделе Плутому, которого соответственно стали звать богом богатств, т.к. она является копиями золота Философов, родником огня Природы и небесного огня, как писал д'Эспанье. По этой же причине считалось, что Плутон жил на Пиренейских горах. По представлениям древних в этих горах было много золотых и серебряных рудников; про них говорили даже с определенной степенью гиперболизации, что и горы эти и возвышенности были почти все золотые².

Аристотель пишет, что первые финикийцы, приставшие к тем берегам, обнаружили там столько золота и серебра, что ковали себе якоря из этих драгоценных металлов. Нужно ли доказывать еще больше, чтобы определить местом жительства бога богатств именно эти края? Добавим к тому же, что само название «Пиренеи» прекрасно отражало мысль о драгоценном огне земли Философов, поскольку, как видно, оно происходит от *πῦρ*, *ignis* (огонь) и *αἰνεῖω*, *laudo* (хвалить). Благодаря обладанию внутренним огнем Плутон и удостоился чести общего с Палладой алтаря в силу той же причины, по которой у этой богини был общий алтарь также с Вулканом и Прометеем.

Поскольку Плутон обосновался в преисподней или в нижней части сосуда, то его как бы презирали богини, находившиеся вместе с Юпитером в верхней части. Ему пришлось, следовательно, похитить Прозерпину. Принимая во вни-

¹ Или же ты не узришь для живых недоступное царство —
Сень стигийских лесов.

Энеида, VI, 154–155

...А после

Черных овец заколи искупительной жертвою первой.

Там же, 152–153

Овцу чернорунную в жертву

Матери дев Эвменид и сестре ее величавой

Сам Эней заклал и телицу — Дита супруге.

Стикса владыке затем алтари воздвиг он ночные...

Там же, 249–252

² Possidonius.

мание расположение его владений, считалось, что он погрузился вместе с ней на дно озера, ибо земля эта — после того, как сублимируется на поверхности меркуриальной воды, действительно оседает на дне, откуда поднималась, когда достигнет белого цвета, обозначаемого именем Персефоны или Прозерпины. Тельца приносили в жертву Плутону по той же причине, по какой приносили в жертву Осирису быка Аписа, т.к. имя Осириса означает «скрытый огонь», а Плутон является его вместилищем.

ГЛАВА VII Нептун

И у древних, и у современных ученых одинаково расходятся мнения о Нептуне. Большинство из них видят в нем лишь некое физическое существо или природное божество, обозначающее воду, над которой он властвовал. По мнению стоиков, это был разум, разлитый в море, подобно тому, как Цереру принимали за разум, разлившийся по земле, однако Цицерон признает, что не имеет понятия и даже догадки о том, что представляет собой этот разум. Если верить Геродоту, то, причисляя Нептуна к сонму своих богов, греки не заимствовали его у египтян, т.к. у тех не существовало его культа. При этом Геродот утверждает, что его всегда сильно почитали в Ливии. Как свидетельствует Лактанций, со слов Эфемера, а также Дом Педрон и ле Клер считали его живым богом, реальным лицом. Такой подход уж очень соответствовал системе аббата Банье, и отчего не принять его, и поэтому пишет, что убежден, будто Нептун происходит от титанов. Гомер и Гесиод утверждают, что он сын Сатурна и Реи, брат Юпитера и Плутона; дабы уберечь его от прожорливого супруга, Рея сказала, что разродилась жеребцом, но божественный супруг ее сожрал его, как пожирал и других своих детей. Отсюда и ведет начало легенда, согласно которой этот бог моря первым научился выводить лошадей, и о чем написал такие слова Вергилий:

И вы, Нептун, которому в подарок земля дала резвейшего коня
В ответ на стук по ней его трезубца.

Поскольку было очень трудно, если не невозможно, приписывать одному Нептуну, принимаемого за реальное лицо и за одного из Титанов, все, связанные с этим богом легенды, то поступили как обычно. То есть, предположили, что существовало несколько лиц под этим именем. Так, ливийский Нептун стал египетской венценосной особой, детьми которого были Бел и Агенор, жившей, как утверждалось, еще в 1483 г. до Рождества Христова. Но если он был египетским фараоном, то почему его не знали в Египте? А если этого бога там не знали, то, как быть с жертвой, которую решила принести Нептуну преследуемая сатиром Амимона — мать Навплия и дочь египетского Даная.

В остальном же Нептун это сын Сатурна и Реи и тот, кому посвящена данная глава, был женат на дочери Океана и Дориды Амфитрите и прижил с нею и с дру-

гими своими сожительницами большое количество детей. Ливия родила ему Феникса, Пирену, Ио, которую некоторые считают дочерью реки Инахи. Именно с этой Ио предался любви Юпитер, спрятавшись в облако, а Юнона застала их почти на месте преступления. Чтобы уберечь свою любовницу от ярости ревнивой Юноны, Юпитер превратил Ио в белую корову, а Юнона отправила за ней вдогонку Аргуса, чтобы следить за ее поведением, но после того, как Меркурий убил Аргуса, она послала овода, который так сильно мучил Ио, что она бежала по морям и по суше, пока не достигла, наконец, берегов, где обрела свой первоначальный вид и где, по мнению греков, ее почитали египтяне под именем Исида. Отсюда происходят и рога, с которыми изображали Исиду, а называли ее то Лунной, то Землей. Корова была также иероглифическим знаком Исиды, так же, как иероглифом Осириса был бык.

Нептун с Аполлоном и Вулканом построили стены Трои. Когда, нанявший их Лаомедонт отказался заплатить Нептуну оговоренную сумму, этот бог опустошил поля и сам город, а на дочь правителя, Гесиону, натравил чудовище.

Скипетром Нептуну служил трезубец, а разъезжал он в раковине, в которую была впряжена четверка лошадей или четверка морских волов. У него были синие глаза и такого же цвета были его одежды и волосы. В его честь приносили быков в жертву, как пишет Гомер:

...Резали черных быков там у моря пилосцы

Одиссея, III, 5–6

и как пишет Вергилий:

В жертву быков, эту кровь на зеленые пролили травы...

Энеида, V, 330

Такая жертва была предначертана ему Оракулом, так как рассказывали, что персы оставили в Коркире много быков, а когда они возвращались с пастбища, то один бык подходил к морю и страшно мычал. Однажды за ним туда пошел пастух и увидел там неисчислимое количество рыб тунцов. Он дал знать об этом коркирцам, и те бросились ловить тунцов, но безуспешно. Тогда они обратились к Оракулу, а тот посоветовал принести в жертву Нептуну быка, что было исполнено, и они смогли наловить рыбы¹.

Другие мифологи считают, что быков приносили в жертву Нептуну, называемому *μυκτηρς*, поскольку грохот моря напоминал бычий рев.

Нептуну приписывали сотрясения и другие необычные состояния движения, происходящие на земле и на море. Мы приводили причины такого отношения к нему в главе о Юпитере, а также и примеры описания его Гомером и Гесиодом. Геродот² называет его *terra quassator* (сотрясатель земли).

¹ См.: Описание Эллады, X, 9, 3–4. — *Прим. ред.*

² Сами же фессалийцы утверждают, что ущелье, по которому течет Пеней, проломал Посейдон. И они, вероятно, правы. Ведь если верить, что Посейдон производит землетрясение, и приписывать этому богу возникшие от землетрясений расселины, то, конечно, посмотрев и на эту расселину, можно счесть и ее делом Посейдона. Расселина эта между горами, по-видимому, возникла под действием землетрясения.

С Нептуном связывают множество любовных историй, причем, чтобы добиться успеха в своих похождениях, он часто менял свой облик, как это делал и брат его Юпитер. История всех его метаморфоз была собрана воедино Арахной. Его жена Амфитрита родила ему Тритона, а нимфа Феникия — Протея. Обернувшись рекой Энипеей, он ухаживал за женой гиганта Алоэя, Ифимедией, и прижил с нею Эфиальта и Ота. Приняв облик барана, он соблазнил Бисальтиду, а в облике быка — одну из дочерей Эола. Он стал птицей, чтобы амурничать с Медузой, дельфином, когда влюбился в Меланту, лошадью, когда решил обмануть Цереру.

У Тритона, ставшего «трубачом» и «флейтистом» Нептуна, родилась дочь Трития будущая жрица Минервы. Трития родила от Марса Меланиппа. Тритон оказался отчасти причастен к победе Юпитера над гигантами. Заслышав звуки морской раковины, в которую трубил Тритон, они от испуга обратились в бегство. В описаниях поэтов Тритон предстает нам в виде существа с человеческим туловищем, переходящим от пояса в тело дельфина, имеющего вместо ног раздвоенный хвост с завернутыми в виде полумесяца концами. Плечи его были пурпурного цвета. Римляне водрузили статую Тритона на верхушку храма Сатурна.

Мы уже много говорили о Нептуне и разобрались, почему он сын Сатурна и Реи. Он представляет собой, собственно, воду или море Философов, образующееся при растворении материи. Можно, следовательно, рассматривать его как отца рек, владыку морей и повелителя волн. Благодаря своей жидкой и текучей природе, легкости перехода в движение, он вызывает сотрясения и той земли, что находится на дне сосуда, и той, что плавает сверху. Сила и легкость, с которой несутся его кони, привели поэтов к мысли, что в колесницу его впряжена четверка, а чтобы показать летучесть этой воды, они писали даже, что кони мчатся по воде, а бога всегда сопровождают Тритон и nereиды, на самом деле указывающие на водянистые части — от слова *voīc*, *humidus* (влажный). Заметив, что вода Философов была синего цвета, из-за чего ее называли водой небесной, поэты-философы придумали, что у Нептуна были синие волосы, глаза и одежды. По причине его летучести, несмотря на его вес, т.е., на его тяжесть, Рея и заявила, что родила жеребенка, чем и объясняется его превращение в коня, когда он захотел обмануть Цереру, или землю Философов; т.к. при этом имелась в виду легкость бега лошади, несмотря на тяжесть веса ее тела. По этой же причине описывалось и его превращение в птицу. Что касается быка, то значение уже известно, и нет смысла утомлять читателя повторным объяснением.

Относительно Тритона можно сказать, что его вид и обстоятельства рождения в достаточной мере показывают, что он является тем, что получается из воды Философов; его раздвоенный хвост в форме полумесяца обозначает белую землю или Луну Философов, а пурпурный цвет его плеч указывает на тот цвет, который материя принимает за белым. Одержанная Юпитером, благодаря Тритону победа над гигантами объясняется тем, что этот бог пребывает в спокойном и мирном владении своим тронном лишь после того, как материя достигнет белизны и начнет терять летучесть.

В определенные моменты операции, по мере того, как материя совершенствуется, вода Философов становится красной, *φοῖνιξ*, *purpura*, *purpureus color* — это значит, что Нептун сочетается с нимфой Феникией, и от этого союза рождается Протей, тот самый, чьи бесконечные метаморфозы служат настоящим симво-

лом изменений, происходящих, по словам Философов, с материей магистерия. Нет сомнения, что именно по этой причине автор приписываемых Орфею гимнов говорил, что Протей является началом всех смешанных:

Ныне Протея зову, что ключами от моря владеет.
Первороденный! Явивший основы всей нашей природы,
Ты вещество изменяешь священное в множестве видов,
О многотимый, премудрый, о знающий все в настоящем,
Равно и прошлое все, и то, что свершится в грядущем,
Всем обладая, меняешься сам и все изменяешь!

Орфические гимны, XXV, 1–6

В этом же смысле изъясняется и Гомер в четвертой книге своей «Одиссеи»:

Огненнооким сначала представился львом бородатым,
После того леопардом, драконом и вепрем огромным,
Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою.
Стойкие духом, бесстрашно его мы держать продолжали.

Одиссея, IV, 456–459

Все те превращения, о которых говорит Гомер, прекрасно отвечают этой материи, т.к. ученики Гермеса дали ей те же имена, которые поэт дает Протею, поскольку они имеют в виду как принимаемые ей разные окраски, так и различные изменения, претерпеваемые ей в течение операций.

Ее называют *львом*, когда она достигает красного цвета в первом делании; *драконом* — при разложении во втором делании; *свиньей* или нечистым телом, из-за зловония, при растворении; *леопардом, тигром, павлиньим хвостом*, когда она принимает белый или красный цвет; *водой* — потому что она относится к воде; *огнем*, когда она является серной или фиксированной.

Что касается приписываемых ей Орфеем свойств, таких как быть началом всего, обладать ключами моря и проявляться во всех смешанных Природы, то Философы говорят то же самое и о своей материи. Послушаем Космополита¹:

Многим ли людям известна эта вода, и есть ли у нее собственное имя? Он (Сатурн) громко говорил мне: мало кто знает ее, но все видят и любят ее. У нее много названий, но больше всего ей подходит «вода нашего моря», живая вода, которой нельзя увлажнить руки. Я спросил у него еще: пользуются ли ею для других целей? Он ответил: ею пользуются все твари, но невидимо. Производит ли она что-нибудь, спросил я, он ответил: все сущее делается из нее, живет благодаря ей и в ней. Это начало всего; она смешивается со всем.

Автор «Германских рифм» сказал²:

Вы, кто просите у Бога дать вам камень Философов, не ищите ее в травах, в животных, в сере, ртути и минералах; не годятся для этого купорос, квасцы, соль, как не годятся и свинец, олово, медь и железо; даже золото и серебро бесполезны для магистерия; взять же нужно *Hyle* или хаос, или первоматерию, начало всего, проявляющееся во всем.

¹ Enigme aux enfans de la vérité.

² Théâtre Chymique. T. 6.

У этой материи нет определенной формы, как говорит тот же анонимный автор, но она может принимать любой вид; это — Протей древних, который, как пишет Вергилий,

...Стал превращаться опять в различные дивные вещи...

Георгики, IV, 441

Эта материя есть универсальный дух мира, влажная, тонкая субстанция, вязкий пар, однако не увлажняющий руки; от нее происходят роза, тюльпан, золото и другие металлы вместе с минералами, и вообще все смешанные. Она порождает вино в винограде, масло в маслинах, слабительное в ревене, крепящее в гранате, яд в одном, а противоядие в другом веществе, и, наконец, по словам Василия Вальсина¹, она — *все сущее во всем сущем*.

Нам осталось упомянуть еще об одной отпрыске Сатурна, но не от Реи. Это — кентавр Хирон, рожденный Филирой, как утверждает Аполлоний Родосский:

...Океанида Филира в высокие горы пеласгов
Скрылась, и там, на чужбине, Хирона громадного, частью
Богу, а частью коню родила...

Аргонавтика, II, 1239–1241

Пишет о нем и Овидий:

...И как Сатурн — жеребец — породил кентавра Хирона.

Метаморфозы, VI, 126

Суда считал его сыном Иксиона, как и других кентавров. Трудно согласиться с описанием происхождения кентавров, даваемым Палефатом, — оно настолько отдаст театром, если употреблять лексику аббата Банье; а аргументы, используемые Иоанном Цецом в противовес Палефату, не стоят большего. От историков мы узнаем, что существовали настоящие кентавры: по крайней мере Плиний² пишет, что видел в Риме кентавра, привезенного из Египта при Клавдии. Св. Иероним³ описывает гиппокентавра, увиденного в пустыне св. Антонием, направлявшимся к св. Павлу-отшельнику. Однако поэты говорят о кентаврах как о народе, а не как о нескольких отдельных чудовищных творениях Природы. Лукреций и многие другие античные авторы считали все истории об этих монстрах, полулюдях-полуконях просто выдумкой.

Ведь не живым существом порождается образ Кентавра,
Ибо созданий таких никогда не бывало, конечно...

О природе вещей, IV, 739–740

¹ 12 ключей.

² Claudius Caesar scribit Hippocentaurum in Thessalia natum, eodem die intercisse; et nos principatu ejus allatum illi ex Aegypto in melle vidimus. Compereit hominem equo mixtum, cui opinio Poëtarum Hippocentauro vocabulum indidit.

³ Sanct. Hieronim. Vita Sancti Antonii.

Также Гальен отрицает существование этих монстров. «Необходимо, следовательно, пишет аббат Банье, отнести все, что говорят по этому поводу Филострат и Лукиан (первый в «Картинах кентавриков», а второй в прекрасном описании «Картины Ксевкса»), к существам, жившим лишь на гобеленах. Так же к этому вопросу относился и Рабле. Не будем касаться здесь описаний Хирона, приводимых Ньютоном или некоторыми другими авторами. Будем следовать мифу, а из него вытекает, что этот сын Сатурна женился на Харикло — дочери Аполлона или Океана, родившей ему дочь Окирою.

Как и у других кентавров, у Хирона верхняя часть тела была человеческой, а нижняя, задняя лошади. Родился он таким оттого, что когда Рея застала Сатурна наедине с Фирирой, он превратился в лошадь, чтобы та его не узнала. Хирон стал весьма сведущ в медицине; Диана научила его охотиться, и, кроме того, он великолепно разбирался в музыке. Благодаря таким познаниям ему было поручено воспитание Ясона, Эскулапа, Геркулеса и Ахилла. Однажды он неосторожно взял стрелу Алкида, пропитанную ядом Лернейской гидры, и уколол себе ею ногу, при этом боль в ране оказалась такой сильной, что он стал из-за нее просить у Юпитера разрешения умереть. Юпитер дал ему это позволение и причислил его к звездам.

О значении имени и образа Хирона можно судить как по его отцу, рождению, виду и апофеозу, так и по его ученикам. Рожденный от мифического и герметического бога, он обязан был быть частью этого Искусства. Он даже в жены взял себе дочь Гелиоса, а от этого брака родилась другая дочь, имя которой означает быструю воду, что указывает на растворение золотоносной материи в золото. Ниже нам еще представится возможность поговорить об этом кентавре.

ГЛАВА VIII Венера

В этой главе мы будем вести речь не о каком-то ужасном чудовище вроде получеловека-полулошади. Речь пойдет о богине, по поводу которой упражнялись в воображении и комплиментах прекрасные умы всех стран мира. Богиня эта, мать Амура, родилась, по словам Гесиода, из пены моря и отрубленных частей Caelus (Небо, Уран), отсюда греки прозвали ее Α'φροδίτη, Афродитой. Гомер говорит, что она — дочь Юпитера и Дионы. Наиболее распространено мнение, согласно которому она родилась из морской пены. Зефир перенес ее в раковине на остров Кипр, а отсюда ее прозвище *Киприда*, а затем на Киферы. Где ступали ее ноги, вырастали цветы; ее повсюду сопровождали сын Купидон, игры и веселье; она приносила радость и счастье богам и людям. Столь веселое представление могло лишь способствовать приятности, с которой поэты часто писали об этой богине. Ничто не могло сравниться с ее красотой. Эту идею подхватили художники и скульпторы, употреблявшие все свое мастерство, чтобы изображать ее как прелестнейшее существо мира. «Взгляните на Венеру — творение ученого Апеллеса, говорит Антипатр из Сидона; посмотрите, как этот замечательный художник прекрасно изобразил эту пенистую воду, стекающую с ее грациозных рук и волос; потому, как только Паллада увидела ее, то держала перед

Юноной такие речи: отдадим, отдадим, о, Юнона, этой рождающейся богине все пальмы красоты». Так же суждение подкрепил Парис, присудивший Венере золотое яблоко, за что получил в благодарность прекраснейшую из женщин — Елену.

Большинство греков и римлян видели в Венере богиню любви и сладострастия. В ее честь возводили бесчисленное множество храмов, в которых служили похотливые и развращенные женщины. Култ ее был наполнен ритуалами, отвечавшими этим представлениям.

Платон в своем «Пире» допускал существование двух Венер: одной — дочери Неба, а другой — дочери Юпитера. Первая, по словам этого Философа, есть та древняя Венера, дочь Неба, мать которой неизвестна и которую мы зовем Венерой небесной. Другая, молодая Венера — дочь Юпитера и Дионы, которую мы зовем просто Венерой. Именно к ним следует относить все то, что греческие и латинские авторы говорят о двух Венерах, описывая их под разными именами. Култ обеих также был отличающимся. Полемон говорит, что култ ее в Афинах был очень чистый. *Athenienses harum rerum observandarum studiosi, et in sacrificiis Deorum faciendis diligentes ac pii Nephelia sacra faciunt Mnemosyne, Musis, Aurorae, Soli, Lunae, Nymphis, Vene i coelesti.*

Как правило, очень трудно сделать какой-либо удобоваримый вывод из того, что говорят многие авторы об этой богине, т.к. они представляют ее то развратницей, то богиней. Иногда они пишут о ней как о планете, а иногда как о страсти. Выражения, употребляемые поэтами, всегда образны. Но если уж она была столь благодетельной богиней, способствовавшей развращению людских сердец, как это нравится простым смертным, разве мог бы найтись кто-то, кто объявил бы ей войну? Сам кровавый и воинственный бог почувствовал вдруг, как пропадает вся его свирепость при виде Венеры. Стыдно было изображать Марса богом, который получал удовольствие только от уничтожения человеческого рода, и вполне естественно было наделять качествами божества Венеру, всецело занятую его продлением. И потому в Марсе видели бога войны, а в Венере богиню мира.

Египтяне и большинство древних греков считали Венеру не богиней сладострастия и разврата, а внучкой Сатурна, сестрой которой была Истина, сокрытая в глубине пещеры. Правда и то, что некоторые изображали ее женщиной большой красоты. Люди распутные, не понявшие подлинной цели авторов этих вымыслов, видят в ней лишь способ разжигания нечистого огня разврата. Не будучи знакомы с Истиной — сестрой Венеры, они решили сделать Венеру кумиром распутного почитания. Диодор Сицилийский, собравший, сколько мог египетских преданий, говорит о египетских богах, что, согласно некоторым из них, Кронос был отцом Юпитера и Юноны, а у Юпитера родились Осирис, Исида, Тифон, Аполлон, Афродита или Венера.

Приведя нам все высказывания об этой богине, аббат Банье заключает такими словами: «Если попытаться определить, что я думаю об этом мифе, полагаю, нужно искать ее истоки в Финикии. Ведь в действительности никогда не было какой-то другой Венеры, кроме Венеры небесной. То есть, планеты, носящей это имя и почитаемой на Востоке, или Астарты, жены Адониса, култ которой был смешан с култом этой планеты, или же — это одно и то же, Венеры Сирийской, четвертой по рангу Цицерона, столь знаменитой в древности. Основывая свои

поселения на островах Средиземного моря и в Греции, финикийцы принесли с собой и культ этой богини».

Но если Венера и Астарта представляют собой одно и то же божество, то придется считать планету Венеру Луной, т.к., согласно нашему мифологу, Луна и Астарта ничем не отличаются друг от друга¹. Но что же привело их к смешению? И может ли это быть основанием для того, чтобы искать происхождение Венеры в Финикии или в Египте? Однако, несмотря на все эти вопросы, Венера и Астарта могут быть одним и тем же.

Ученики Гермеса, несомненно, лучше знавшие, что думал их учитель о придуманных богах Египта, воспроизводили его взгляды точнее мифологов и не считали Венеру похотливой или стремящейся по-животному продолжать свой род. Они не принимали ее и за планету, именуемую «Венера» или *Lucifer*, появляющуюся утром до восхода солнца или вечером до захода этого светоча мира, поскольку невозможно, чтобы она родилась из отрубленных частей тела Неба и пены, или была по той или иной причине дочерью Юпитера. Вульгарные химики также не могут провести аналогичную связь меди с оловом. В общем, с какой стороны ни подходить к этой истории, никак не получается связать рождение Венеры с приведенными выше суждениями.

Михаэль Майер пишет, что древние видели в Венере вещество, без которого нельзя совершить великое дело, да и большинство Философов, как кажется, нередко воспринимали ее именно в этом смысле. Так, Фламель приводит следующие слова Демокрита: «Украсьте плечи и грудь богини Пафа, и она станет очень красивой, утратит зеленый цвет и обретет золотистый. Когда Парис увидел такой эту богиню, он отдал ей предпочтение перед Юноной и Палладой. Что же представляет собой Венера? вопрошает тот же автор. У Венеры, как и у людей, есть тело и душа; нужно освободить ее от материального и грубого тела, чтобы получить красящий дух и сделать ее пригодной для получения требуемого».

Филалет считал Венеру одним из главных компонентов магистерия². В этой связи д'Эспанье цитирует из шестой книги «Энеиды»:

...В чаще таится
Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.
Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени лощины глубокой...
.....
Только подумал он так — и сейчас же пара голубок
С неба слетела, мелькнув перед самым лицом у героя,
И на зеленой траве уселась. Немедля пернатых
Матери спутниц узнал...

Энеида, VI, 136–139, 190–193

¹ Говоря о различных Венерах, признававшихся греческой теологией, Цицерон пишет (О природе богов, III, 59), что четвертая из них, по имени Астарта, была зачата Сирией от Кипра и была женой Адониса. Он был бы ближе к истине, если бы посчитал ее за первую, о которой он говорит, что она была дочерью Неба и Света, ибо Астарта у сирийцев значила то же, что и Луна, и такое происхождение ее вполне подходит.

M. l'Abbé Banier, T. I, p. 546.

² *Vade mecum.*

Данный Философ, коему, по словам Олауса Боррихия, весьма обязаны почитатели Герметической Химии, всегда рассматривает Венеру в философском смысле. «Нужно, говорит он, приложить геркулесову силу для приготовления или сублимации Меркурия Философов; т.к. Ясон никогда не решился бы на свое предприятие без помощи Алкида. Вход охраняют рогатые животные, отгоняющие тех, кто неосмотрительно приближается к ним. Их свирепость можно смягчить только знаками Дианы и *голубками Венеры*». В своем Каноне 46 он пишет:

Эта вода — живая, постоянная, прозрачайшая, именуемая золотой и серебряной водой... Это ценнейшее вещество есть *Венера Гермафродитка* древних, обладающая и тем, и другим полом, т.е. серой и ртутью.

А вот выдержка из Канона 52:

Сад Гесперид охраняет страшный дракон; сразу за входом путник попадает к роднику чистой воды, вытекающей из семи источников и растекающейся повсюду. Напайте из него дракона магическое число раз, трижды семь, пока он не опьянеет и не сбросит с себя свои грязные и нечистые одежды. Но для этого нужно заручиться благорасположением *Венеры* светоносной и Дианы месяцевидной.

Когда Философы говорили о красках, проявляющихся в делании, давая им названия планет, имя Венеры служило для обозначения желто-шафранного цвета. Именно основываясь на таком видении, Канах из Сикиона изваял, как сообщает нам Эратосфен, статую Венеры из золота и слоновой кости с цветком мака в одной руке и гранатом в другой. После белого цвета Венера Философов принимает желтоватый цвет оболочки граната, а затем становится красной, как мякоть этого плода или как мак. К этому же относятся и слова Изиминдра:

Наша красная сера проявляется, когда жар огня проходит через тучи и соединяется с лучами Солнца и Луны. Это значит, что Венера уже победила Сатурна и Юпитера.

Таюже читаем и у Бримелла:

Наша *Венера* принимает различную окраску: в первый день шафрановую, во второй — похожую на ржавчину; в третий — подобную полевому маку; в четвертый день цвет сильно женной крови.

Термин *бронза*, которым часто пользовались древние для обозначения своей материи до появления белизны, в немалой степени способствовал заблуждению суфлеров и даже вульгарных химиков, вследствие этого принимавших медь за Венеру Философов. Однако точнее всего объясняют нам представления древних о Венере не только ее любовные связи с Меркурием и Марсом, но и ее брак с Вулканом.

Поскольку, как мы уже доказывали и докажем дальше, Вулкан является огнем Философов, то стоит ли удивляться, что он сочетался с материей Философов? И когда он застал эту богиню с богом войны, то это значило, что цвет ржавого железа так сильно слился с желтым и шафрановым цветом, именуемым Венерой, что их можно различить только после того, как красный покажется во всем своем блеске. Вот тогда-то Марс и Венера попадут в сети Вулкана, а осветившее их Солнце укажет на них, т.к. красный цвет и есть Солнце Философов.

Таково наиболее естественное объяснение вымышленной истории Венеры. И сколько бы не изощрялись мифологи, вряд ли они найдут что-либо проще. Аб-

бат Банье приводит их немало и говорит, *что ни во что не ставит толкования Палефата, т.к. он сам часто выдумывал мифы для объяснения старых. То же самое относится и к комментариям отца Ардуэна — столь же остроумным, сколь и необычным.* Наш ученый мифолог, выделяющийся среди многих других своей смелостью и плодотворностью, в данном случае не решается на смелую гипотезу и *просит извинения за то, что не имеет возможности и необходимости объяснять все написанное греческими поэтами, как в этом, так и в других мифах.*

Кроме двух Венер, о которых мы говорили — небесной и земной, древние упоминали и многих других, в зависимости от места, времени и обстоятельств, при которых они сочиняли свои истории. Но если серьезнее взглянуть во все то, что эти любители говорят о своих различных Венерах, можно легко убедиться, что, по крайней мере, самые древние из них имеют в виду одно и то же. Чьей дочерью ни была бы Венера — Сатурна или Юпитера, Солнца или морской пены, она всегда будет Венерой, или одним и тем же предметом разных аллегорий. Философы в этом подражали древним; т.к. каждый из них придумывал по ходу великого делания и его приемов аллегории, мифы и легенды. Объяснения одного отличны от объяснений другого, хотя все они подразумевают одно и то же. Завершая сейчас, мы будем рассказывать о Венере по мере объяснения других мифов.

ГЛАВА IX Паллада

Юпитер сначала взял в жены Метиду, но после того, как она предложила Сатурну напиток, от которого тот изрыгнул камень и проглоченных ранее детей, Юпитер проглотил и саму дочь Океана, когда та забеременела. Сразу же по совершении этого благого дела он почувствовал себя женщиной, оставаясь при этом богом. Пришло время рожать, и он смог разрешиться от бремени только с помощью Вулкана, прислуживавшему ему как акушерка. Бог огня ударил топором Юпитера по голове, и из раны тут же вышла юная и красивая дева, вооруженная с ног до головы. Это и была Паллада, родившаяся без матери из мозга Юпитера. Гомер называет Палладу Алалкоменой, т.к. алалкомейцы утверждали, что она родом из их города. О том же пишет и Страбон в девятой книге своей «Географии», а в четырнадцатой он сообщает, что на Родосе выпал золотой дождь, когда там из головы Юпитера родилась Минерва.

Многие считали Палладу и Минерву разными божествами. Однако Каллимах утверждал обратное и добавлял, что как отец Юпитер удовлетворял все ее желания:

Коль Паллада кивнула —
Сделано дело; одной меж дочерей даровал
Зевс Афине вершить дела отцовской властью.

Гимн на омовение Паллады, 131–133

Геродот называет ее дочерью Нептуна и озера Тритона, как доказывали ливийцы, утверждавшие также, что дева эта впоследствии отдалась Юпитеру. Тем

не менее, чаще преобладает мнение, что Паллада и Минерва — это имена одной и той же дочери Юпитера, а на древность ее указывает то, что у египтян она считалась женой Вулкана — первого и старейшего из всех богов. Авторы греческих мифов позаимствовали у египтян эту идею, и именно поэтому посвятили Вулкану и Палладе общий алтарь. Само имя *Ogga* соответствовало египетской Минерве, как свидетельствует Эвфорион, цитируемый Стефаном Византийским, и Гесихий, называющий ее еще *Онка*, очевидно указывает на причины такого к ней отношения, если верить Герарду Воссю, который, рассказывая о Тифоне, сообщает, что имя *Og* возможно переделанное в *Ogga*, означает *ussit, ustulavit* (обжигающий).

Как бы там ни было, однако существовала Минерва, почитавшаяся в египетском Саисе задолго до Кекропа, перенесшего ее культ в Грецию. Греки же со временем изменили ее биографию, в результате чего жители Алиферы в Аркадии заявляли, что она родилась и воспитывалась в их городе¹.

Паллада, Минерва и Афина были для греков одной и той же богиней, однако Минерву они считали богиней искусства и науки, а Палладу богиней войны. Она всю жизнь была девственницей. За то, что Тиресий увидел ее обнаженной, когда она купалась в роднике Иппокрены, она ослепила его, а Вулкану не удалось склонить ее утолить его страсть к ней. Паллада убила чудовищного сына Земли Эгида, изрыгавшего огонь и поджегшего леса от горы Тавр до самой Ливии, опустошив по пути Финикию и Египет.

У этой богини был в Саисе великолепный храм, писал Геродот. Праздники, отмечавшиеся в честь Паллады в Греции, назывались *Панафинскими*. Игры и состязания, сопровождавшие праздники, состояли в беге с зажженными факелами, как на праздниках Вулкана и Прометея. Впоследствии к этим прибавились и другие игры.

Все древние отождествляли Палладу с мудростью и благоразумием, поскольку она родилась из мозга Юпитера, т.к. мозг считается средоточием рассудка, без которого нельзя разрешить никакое щекотливое дело или преуспеть в великом деле, называемом по этой причине *Магистерией Философов*. Будучи, следовательно, тайной тайн, которую Господь открывает только тем, кого сам хочет облагодетельствовать, раскрывать ее всем было бы глумлением. Нужно обладать мудростью Паллады, чтобы узнать ее и сохранить. Потому Саломон говорил:

Мудрый будет изучать премудрость древних и займется пророчеством. Он будет тщательно хранить речи знатных мужей и проникнет в тонкости притч. Он откроет их скрытый смысл, и будет пытаться раскрыть то, что спрятано в притчах. Рассудительный и мудрый муж не станет распространять тайну науки.

Герметические Философы всегда придерживались этого совета и прятали свою тайну за аллегориями, загадками, иероглифами. Они следовали примеру Паллады и исправно исполняли ее наставления. Вот почему в мифах говорится, что эта богиня всегда благоволила к Геркулесу и Одиссею во всех их предприятиях.

Утверждают, что она ослепила Тиресия из-за того, что он увидел ее обнаженной в воде, подобно тому, как Диана превратила по той же причине Актеона в оленя; а все оттого, дабы убедить мастера быть сдержаннее, осмотрительнее и бдительнее, нежели эти двое безумцев, во избежание подобных несчастий.

¹ См.: Описание Эллады, VIII, 26, 6. — *Прим. ред.*

Когда, как видно из мифа, Юнона узнала о необычном рождении Паллады Юпитером, она разгневалась и в гнев своем так топнула по земле, что из нее тот же час возник Тифон, произведший на свет столь много чудовищ. Позже Аполлон пригласил Палладу на пир к Юпитеру. Она приняла приглашение, а когда съела там диких листьев салата, то лишилась своего бесплодия и со временем родила Гебу, которая иногда подносила напитки Юпитеру. Геба, таким образом, оказалась сестрой Марса и Вулкана, а позже стала женой Геркулеса после смерти сего героя. Мы уже рассказывали о Тифоне, теперь перейдем же к другим детям Юноны.

ГЛАВА X Марс и Гармония

Вслед за богиней войны Палладой, совершенно естественно появляется и бог войны Марс. Гомер и другие поэты считают его сыном Юпитера и Юноны, в этом с ними согласен и Гесиод¹. Только у латинских поэтов мы встречаемся с мифом, где говорится, что Юнона, удивленная тем, что Юпитер произвел на свет Минерву без ее участия, после этого зачала Марса, как только прикоснулась на лугу к указанному ей Флорой цветку.

Вся жизнь Марса состоит лишь из битв и любовных походов. Его связь с Венерой описана всеми поэтами. Красивейшая из богинь, Венера, отданная в жены самому уродливому из богов, Вулкану, трудившемуся, как простой работник, быстро почувствовала к нему отвращение и одарила своими ласками Марса. Вулкан же однажды застал их и связал невидимыми путами, когда Солнце осветило любовную парочку.

Мифологи включили Марса в число двенадцати великих богов Египта. В описаниях поэтов он всегда предстает переполненный жгучей желчью, и одержим воинственной яростью. Однако древние считали его неким огненным качеством, неизменным свойством смешанных, способным, следовательно, противостоять самым резким нападкам огня. Итак, если поместить Венеру и Марс в одну постель, другими словами в соответствующий сосуд и связать их невидимой, т.е. воздушной цепью, как описано в разделе, посвященном Венере, то от этого родится красивейшая дочь — Гармония, пишет Михаэль Майер². Ибо она будет образована гармонично, т.е. совершенна по весу и философской мере. Гесиод³ сообщает, что она родилась от этой связи, а Диодор Сицилийский утверждает, что она есть дочь Юпитера и Электры, одной из дочерей Атланта.

¹ Самой последнею Геру он сделал своею супругой.
Гебой, Ареем его и Илифией та подарила,
Совокупившись в любви с владыкой бессмертных и смертных...

Теогония, 921–923

² Arcana arcaniss. I. 3.

³ ... Киферея

Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье ратоборцев
В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов.

Дочь родила она также Гармонию, Калма супругу.

Теогония, 934–937

Поэты часто воспевали красоту Гармонии, а древние видели в ней божество, опекающее людей. Она вышла замуж за Кадма, сына финикийского властителя Агенора. Устроивший этот брак, Юпитер сам был на свадебных торжествах, да еще привел с собой всех богов и богинь, одаривших невесту богатыми подарками. Церера подарила ей хлеб, Меркурий — лиру, Паллада — ожерелье, платье и флейту, причем ожерелье было искусно изготовлено Вулканом. На свадьбе Аполлон играл на лире. Окончание свадьбы, однако, не было похоже на начало. После многих перипетий Кадм и Гармония были превращены в драконов. Некоторые авторы писали, что змей, пожравший спутников Кадма, был тоже сыном Венеры и Марса.

Из этого видно, что конец всех этих богов, богинь и героев прекрасно отвечает их началу — тому, что придумали и рассказали авторы этих вымыслов, чтобы истории эти воспринимались как сказки, а не как подлинные жизнеописания.

Гармония — это материя, возникающая из первых операций деяния и которую затем следует сочетать с Кадмом (от которого получила свое имя Кадмия — цинковая руда). И затем все Герметические Боги являются с подарками к ним на свадьбу, Аполлон играет на лире, как ему случалось это делать, когда он славил победу Юпитера над гигантами. В конце концов, Кадм и Гармония превращаются в змея и даже в василиска, ибо в результате делания, объединение со своим подобием, приобретает свойство, приписываемое василиску, как утверждают Философы. Вот как говорит об этом автор «Розария»:

Когда вы извлечете часть меня из моей природы, а часть жены моей из ее природы, и когда, соединив нас, вы нас убьете, мы возродимся в едином теле, чтобы больше не умирать, и мы произведем замечательные вещи.

Говоря о философском эликсире, состоящем, как мы видели, из Кадма и Гармонии, или из мужа и жены, Рипли пишет:

Из этого возникает нечто целое, становящееся при помощи Искусства небесным камнем, со столь сильным огненным свойством, что мы зовем его нашим драконом, нашим василиском, потому что подобно, как василиск убивает одним своим видом, так и наш эликсир убивает сырую ртуть в мгновение ока, стоит лишь капнуть им на нее. Он окрашивает все тела совершенной краской Солнца и Луны. Наше масло, пишет тот же автор еще раньше, получается от брака второго и третьего истечения, и мы сводим его к природе василиска.

Майер утверждает, что василиск вылупляется из яйца и, устремляя ядовитое излучение своего взгляда, заражает и убивает все живое; точно так же и наша тинктура получается из яйца Философов, и благодаря ее качествам от ее легчайшего прикосновения коагулируется весь меркурий, содержащийся в металлах. Она делает этот меркурий безумным, фиксирует его и убивает, лишая горючей серы.

Можно ли найти более точное описание? Здесь не хватает только имен Кадма и Гармонии, которые, собственно, и являются мужем и женой в приведенном выше отрывке.

Нелишне заметить также, что Марсу был посвящен знаменитый храм на Лемносе — месте пребывания Вулкана. Богу войны были посвящены также волк, собака, петух и гриф; волк и гриф по причине их прожорливости, как говорят мифологи, а собака и петух — за их неусыпность. Они, однако, были бы ближе к истине, если бы признали, что это связано с причинами, приводившимися нами в книге первой, когда речь шла об Анубисе и Македоне; т.е., что животных всегда

использовали в качестве символов составляющих магистерия Философов. Я — прекрасный, но голодный волк, говорит Василий Валентин. Я — собака Кораскена и собака Армении, говорит Авиценна и «Turba». Я — петух, а ты — курица, говорит Солнце Луне, ты ничего не можешь без меня, а я без тебя. Я — гриф, беспрестанно взывающий с горы, говорит Гермес.

ГЛАВА XI Вулкан

Мы так часто сталкиваемся с этим богом, что нет смысла пускаться в долгие о нем рассуждения. Мы уже упоминали его, рассказывая о богах Египта. Просмотрим коротко, что думали и говорили о нем греки. Согласно Гесиоду, Вулкан был сыном Юноны:

В гнев великом на это, поссорилась Гера с супругом
И, не познавши любовных объятий, родила Гефеста.

Теогония, 927–928

Некоторые авторы заявляют, что она зачала Вулкана, не познав мужчины, но Гомер¹ утверждает, что он был сыном Юпитера и Юноны, что из-за его уродливости он был изгнан с небес и приземлился на острове Лемнос. Гомер же устами Юноны описывает, как она изгнала его с Олимпа². Но Вулкан не забыл этого оскорбления и, чтобы отомстить, выковал золотой трон с секретными пружинами, которые схватывали того, кто на него садился. Он подарил его матери, которая и была схвачена им, едва усевшись на трон. Платон пишет об этом во второй книге своей «Республики».

Некоторые авторы называют Вулкана открывателем огня, тогда как другие утверждают со столь же малыми основаниями, что таким был Прометей. Согласно же Геродоту, он был древнейший среди египетских богов, а у греков он был наименее почитаем. В Греции его считали отцом кузнецов или просто кузнецом. Он ковал молнии Юпитеру и оружие другим богам. Например, он изготовил бронзовую собаку, оживил ее и подарил Юпитеру. Юпитер в свою очередь подарил ее Европе, Европа — Прокриде, а та своему супругу Кефалу. В конце концов, Юпитер превратил собаку в камень. Он заказал Вулкану выковать ящик Пандоры, чтобы передать его людям вместо огня, похищенного с небес. Вулкан попро-

1 ...Тяжело Олимпийцу противится Зевсу!
Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.

Илиада, I, 549–593

2 Мной же самую рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...
В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Но среброногая дочь Нереея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер своих воспитала.

Гомеровские гимны, II, 138–142

сил у Юпитера себе в жены, как плату за изготовленное им оружие и оказанные услуги Минерву, однако она была глуха к его просьбам и противилась его домогательствам.

Учитывая огненную природу Вулкана, ему посвящали льва. В кузнице ему помогали Бронт, Стероп и Пиракмон. Гесиод считает всех троих отпрысками Неба и Земли, другие говорят, что они родились от Нептуна и Амфитриты. Вергилий упоминает их в восьмой книге «Энеиды».

Сыновьями Вулкана были Ардал и Бротей. Ардал построил зал или храм муз у трезинийцев, а Бротей, ставший посмешищем для людей из-за своего уродства, бросился в огонь, не вынеся позора.

Помимо Венеры женой Вулкана была одна из Граций — Аглая, имя которой означает «сияющая», «краса». По Гесиоду, ее родителями были Юпитер и Эвринома.

Ноэль ле Конт, по своему обыкновению, насмехается над химиками в главе 6, книги 2 своей «Мифологии». Они утверждают, пишет он, что Вулкан — это просто сера, или живое серебро, которое не соединяется ни с чем, что не относится к их собственной природе. Однако сам же выказывает или свое невежество, или злонамеренность, когда говорит, что огонь служит только для жарения мяса или для кузнечных работ. Было бы гораздо разумнее с его стороны посмеяться над тем, как используют огонь суфлеры. Итак, он мог бы оставить в покое замечательные операции химиков — пусть даже и вульгарных. Поскольку, что стало бы без Вулкана с медициной и со столь модными ныне химическими лекарствами? Были бы возможны без него все эти стекольные работы, фарфоровые фабрики и многие другие ремесла, которыми мы так восхищаемся?

Вулкана повсюду почитали как бога огня. Некоторые из древнейших мифологов считали его огнем Природы, но, поскольку огонь в кузницах и в наших очагах более ощутим и всегда видим, люди вскоре поддались на этот обман. Имея дело или подвергаясь действию только этого огня, они привыкли считать его Вулканом, и эту ошибку еще более усугубили аллегорические истории, сочинявшиеся об этом боге поэтами, и наполненные символики обряды его культа.

Вулкан был древнейшим и величайшим богом для египтян, потому что огонь является активным началом всякого зарождения. Все обряды были созданы для отражения тайного искусства жрецов, а поскольку основной и единственной движущей силой этого искусства был огонь, то именно ему под именем *Орас* был возведен самый роскошный храм в Мемфисе, где люди считали его своим покровителем. Однако греки, больше ценившие красоту произведения, чем самого автора, не придавали Вулкану такое же значение, как египтяне. Пораженные обилием серы на острове Лемнос и считая ее началом или материей огня, они решили, что Вулкан жил на этом острове, а римляне по той же причине поместили его кузницу под горой Этна.

Зная, что воспитанием его занимались Нереиды, нетрудно понять природу этого огня и происхождение Вулкана. Но люди, привыкшие принимать вымыслы как правду, не вдаваясь во все обстоятельства и не слишком приглядываясь к ним, понимали все буквально. При этом, все же, не составляло большого труда сразу сообразить, что обычный огонь не мог быть возвращен водой, которая обычно душит его и гасит, хотя, по правде говоря, вода является в некоторой степени горючим для огня.

Египтяне, следовательно, имели в виду огонь Философов, а он, по мнению последователей Гермеса, может быть нескольких видов. Больше всех и лучше всех о нем пишет Артефий¹:

Наш огонь — минеральный, ровный, постоянный, он не испаряется, если его не слишком возбуждать; он — часть серы; получают его не из материи; он все уничтожает, все растворяет, замораживает и кальцинирует; найти его и произвести не так-то просто, и он ничего не стоит или, по крайней мере, совсем мало. Кроме того, он влажный, парообразный, разъедающий, разрушающий, проникающий, легкий, воздушный, не резкий, несгораемый или совсем негорящий, окутывающий, вмещающий, единый. Он также — источник живой воды, окружающий и содержащий место, в котором купаются король и королева. Этот влажный огонь довлест во всем делании, в начале, в середине и в конце, ибо все Искусство заключается в этом огне. Есть еще природный огонь, противоположный огонь и огонь неприродный, который совсем не горит, и, наконец, есть огонь горячий, сухой, влажный и холодный.

Этот же автор приводит в качестве примера первых трех из них огонь лампы, огонь золы и естественный огонь воды Философов. Последний является огнем противоположным, необходимым в течение всего времени делания, тогда как два других нужны лишь на определенное время. Перечислив четыре тех же вида огня, Рипли делает следующее заключение:

Разведите же огонь в вашем стеклянном сосуде, такой, который горит лучше, чем огонь обычный.

Раймунд Луллий, Фламель, Ги де Монтанор, д'Эспанье и все Философы говорят примерно то же самое, хотя и не так ясно. Д'Эспанье советует бежать от элементарного огня или от огня наших очагов, как от тирана Природы, и называет его *братоубийственным*. Другие говорят, что мастер никогда не обожжет себе пальцы, и руки его не пачкаются от угля и сажи. Из этого следует заключить, что те, кто превращает свои деньги в уголь, должны ожидать от него только пепел и дым и не надеяться на другие превращения. Эти суфлеры не знают, что такое Вулкан или философский огонь.

Несмотря на всю свою неприязнь к химикам, Ноэль ле Конт признает, что древние избрали местом пребывания Вулкана Лемнос потому, что на этом острове горячая и целебная земля. Именно отсюда к нам пришла гончарная глина, обладающая кроме прочих качеств, как говорит этот автор, свойством уничтожать глисты и служить противоядием.

Если Вулкан — это герметический огонь необходимый для течения делания, то, по крайней мере, на некоторых стадиях, следовало бы понимать, почему в мифе говорится, что он был изгнан с небес и воспитывался у Нереид. А тот, кто внимательно читает, без труда поймет и то, что мы до этого говорили о небе, земле и море Философов. Мы увидим дальше, что за оружие для богов и какие молнии для Юпитера изготавливал Вулкан. Отделение чистого от нечистого, с его помощью, довольно ясно указывает на победу богов, одержанную над титанами. Этот мифический кузнец — единственный, кому можно поручить выковать скипетр Юпитера, трезубец Нептуна и щит Марса, а, кроме того, ожерелье Гармонии и бронзовую собаку Прокриды, которую необходимо превратить в камень; поэтому

¹ De l'art secret.

Вулкан это главная движущая сила второго делания, и только он способен довести бронзу Философов до совершенного состояния Камня Мудрых.

Состояние фиксированной материи делания породило вымысел о золотом троне, подаренном Вулканом Юноне, ибо, поскольку трон служит и для отдыха, естественно было предположить, что Юнона, являющаяся, как мы говорили, летучим паром, села на него, когда она как пар зафиксировалась в золоте или в фиксированной материи Философов. Вулкан проделал эту штуку со своей матерью, чтобы отомстить ей за то, что она прогнала его с неба и сбросила на остров Лемнос. После того, как огненная земля Мудрых достигнет верхней части сосуда и улетучится вместе с паром, о котором мы говорили выше, она осаждается вниз и образует нечто вроде острова посреди моря. Именно отсюда она проявляет свое действие и дает ощутить свою силу всей остальной материи — как водянистой, так и землистой. И именно в это место бросился сын Вулкана Бротей.

Уже одни лишь имена спутников этого бога указывают на сернистые и огненные свойства материи, т.к. спутники эти — молния, гром и огонь. Но у Вулкана был и второй сын, Ардал, построивший храм Муз; ибо, когда философский огонь воздействует на материю, она улетучивается в виде паров, опадающих дождем. Вот тут-то Ардал и возводит храм Муз, т.к. его имя *ἄρδω*, *irrigo* означает «увлажняю», а сами Музы есть лишь водянистые и летучие части. И, наконец, когда про Вулкана говорят, что он хромой, то это значит, что для делания одного огня, символом которого он служит, недостаточно.

ГЛАВА XII АПОЛЛОН

Пора уже уродливому и хромоногому Вулкану уступать место блестящему Аполлону и красавице Диане. У Геродота мы читаем, что египтяне считали этих богов детьми Осириса и Исиды, а Латона была всего лишь их кормилицей. Ее относили к восьми великим богам Египта. Согласно преданию, Церера поручила Аполлона, своего сына, заботам Латоны, дабы укрыть его от Тифона. Латона спрятала Аполлона на плавучем острове, поэтому она для этой цели сделала его неподвижным. Однако греки утверждают, что родителями Аполлона и Дианы были Юпитер и Латона.

Любопытно, что Цицерон и многие мифологи пишут о существовавших четырех Аполлонах. Самый старший из них был якобы сыном Вулкана; второй же сыном Корибанта с острова Крит; третий был сыном Юпитера и Латоны, перебравшимся из страны гипербореев в Дельфы; четвертый — родом из Аркадии и звался Номионом. Если бы эти мифологи внимательно исследовали то, что древние говорили об Аполлоне, то они бы увидели, как это удалось Воссю, что этот бог есть персонаж метафорический, хотя и не сказали бы вслед за ним, что никогда не было какого-либо другого Аполлона, кроме светящего нам Солнца. Так, они признали бы, что настоящий Аполлон был выходцем из Египта, а греки придумали своего по его подобию. Разве не очевидно, что сказанное ими об их острове Делос, где родился Аполлон, взято из рассказов египтян (по свидетельству

Геродота) об острове Хеммис, где Латона спрятала Гора? По словам греков, остров Делос до рождения Аполлона и Дианы был плавучим. То же самое египтяне говорили о Хеммисе. Слышавший этот рассказ Геродот, за выдумку и принимал, ибо сколь внимательно ни наблюдал он за островом, никогда не видел, чтобы тот плавал. Греки добавляют, что Нептун ударом трезубца вытолкнул Делос из глубины моря и сделал его неподвижным, дабы предоставить Латоне, преследуемой Юноной, место, где она смогла бы разродиться. Разве не видим мы в этом верного подражания преданиям египтян о преследовавшейся Тифоном Исиде, которая, чтобы уберечь сына от жестокости своего деверя, поручила его Латоне, а та укрылась с ним на острове Хеммис?

Нет смысла, поэтому, соглашаться с существованием нескольких Аполлонов, т.к. не было никакого иного Аполлона, кроме египетского, а он, как ни рассматривать его жизнь, никак не мог быть реальной личностью, каким еще меньше могло быть дающее нам свет Солнце. Если в реальности он никогда не существовал, то велика ли разница, чей он сын: Юпитера или Бахуса, Исиды или Латоны? Точно так же не имеет значения, была ли Латона его матерью или кормилицей. Но, поскольку, об Оре, или египетском Аполлоне, мы уже рассказали, то нужно дать объяснение Аполлону греческого, и мы для этого последуем за Гесиодом:

С Зевсом эгидодержавным в любви и Лето сочеталась.
Феба она родила с Артемидою стрелолюбивой...

Теогония, 918–919

Мы должны, однако, признать, что древние не оставили нам ничего верного и определенного об Аполлоне, или Солнце, и Диане или Луне. Трудно сказать, принимали ли они их за одно и то же, или отождествляли только Солнце с Аполлоном? Считали ли они их обоих великими светильниками или же земными героями? Так, они по этим признакам не делают меж ними разницы, и у нас нет никаких точных сведений об этом.

Цицерон пишет о пяти Солнцах; первое из них как сын Юпитера и внук Эфира; второе — сын Гипериона; третье — внук Нила и сын Вулкана, в честь которого был построен город Гелиополис; четвертое — сын Аханта, родившийся на Родосе во времена героев; пятое это отец Ээта и Цирцеи в Колхиде. Можно ли быть слепым до такой степени и не видеть, что все это придумано поэтами, давшими единому Солнцу одно и то же имя, менявшееся в зависимости от обстоятельств и места, лиц и деяний, представленных ими в мифах. Разве не видно, что Солнце это сын Вулкана или Ор, хотя у них и разные имена? Если эти Солнца были богами, то зачем приписывать им то, что приличествует только людям? А если они были лишь людьми, то можно ли приписывать им то, что способно совершать только Солнце? Очень часто о Солнце, Фебе и Аполлоне говорили, как об одном и том же. Стоит немного поразмышлять над этим, и можно без труда прийти хотя бы к догадке о том, что четыре Аполлона и пять Солнц у Цицерона являются одним и тем же метафорическим и мифическим богом, рожденным от разных героев, носивших имена Вулкана, Осириса и Исиды, Юпитера и Латоны и т.д.

Когда о Солнце говорили как о естественном солнце, древние называли его оком мира, сердцем неба, повелителем планет, светилом земли, светочем, источ-

ником жизни, отцом света. Когда же речь заходила об Аполлоне, то это был бог, славившийся своим мастерством в таких искусствах, как поэзия, музыка, красноречие и, главное, медицина; утверждали даже, что именно он и изобрел их.

Для язычников было бы, конечно же, страшным преступлением не видеть в Солнце и Луне божеств. Анаксагор пренебрег опасностью для своей жизни и первым попытался исправить это заблуждение других, сказав, что солнце это всего лишь огненная насквозь глыба¹. Он доказал, что затмения случаются вполне закономерно и что это не болезнь этих богов, как считали в простонародье, думая, что избавить от нее можно стуком в медные сосуды, как пишет о том Овидий:

И хоть не застит твой лик луна...

Метаморфозы, IV, 202

Некоторые, чтобы объяснить ошибку Анаксагора, утверждают, что он говорил это в насмешку над суевериями людей, которые должны были бы видеть, что солнце не могло быть пылающим камнем и что он говорил это иносказательно, обращаясь исключительно к Герметическим Философам. Он хотел, как говорится, показать нам этим пылающим камнем на раскаленный до красноты камень или философское Солнце, о котором д'Эспанье говорит такими словами:

Дабы ничего не упустить и дабы прилежные любители Философии знали, что из этой первой серы образуется другая, которая может умножаться до бесконечности. Пусть же мудрец, коему посчастливилось открыть вечные копи этого небесного огня, бережет их и хранит со всем возможным тщанием.

Этот же автор говорит в своем 80-м Каноне:

Врожденный огонь нашего камня есть Архей Природы, сын и наместник Солнца; он смешивает, дигерирует и завершает все, главное при этом дать ему свободу.

Почти все ученики Гермеса дают своему красному камню имя Солнца; а когда при растворении во втором делании материя становится черной, они называют ее *сумрачным Солнцем* или *затмением Солнца*. Раймунд Луллий очень часто говорит об этом в своих трудах². Приведем здесь для примера лишь один отрывок из его трактата:

Предайте гниению тело Солнца в течение тринадцати дней, по прошествии которых раствор становится черным, как чернила; но внутри он будет красным, как рубин или как камень-карбункул. Возьмите же это сумрачное Солнце, затемненное от объятий его сестры или матери, и поместите его в перегонный куб вместе с его колпаком и хорошо заделанными соединениями, и т.д.

Аполлона часто путали с Солнцем, а Диану с Луной, однако в древней мифологии они различались, т.к. в древнейшие времена еще видели разницу между небесным светилом и философским Солнцем. Причиной же всех разночтений у авторов были те, кто не был знаком с предметом этой древней мифологии. Не лишне заметить при этом, что, поскольку Аполлон и философское Солнце было

¹ См.: Диоген Лаэртский, II, 3, 8; Анаксагор. Фрагменты, 59, 42, 6. — *Прим. ред.*

² Corpus ipsum solis putrefacias per tredecim dies: quibus elapsis, dissolutio erit ejusdem nigredinis, quale est atramentum scriptorium: sed intrinsecus erit tubicundissimum ranquam rubinus, vel ranquam carbunculus lapis. Accipe ergo tenebrosus solem & obscurum, cum complexu sororis, vel matris suae: pone ipsum in urinale cum alembico suo, juncturis optime alsusis, etc.

не одно и то же, то разные мнения авторов можно примирить между собой, если провести различие между небесным Солнцем и Аполлоном, руководствуясь мифологией. Таким-то образом Гомер и различает их неоднократно в обеих своих поэмах.

Миф представляет нам Аполлона как отца многих детей, прижитых им со многими женами: Каллиопа родила ему Орфея, Гименея и Ялема; Акахаллида — Дельфа, Хризора — Корона; Терпсихора — Лина, Коронида — Эскулапа, а кроме этих было еще множество других, список которых можно еще продолжать.

Говорят, что Аполлон прибыл из страны гипербореев в Дельфы, именовавшиеся поэтами пупом земли, т.к. предание гласило, что, когда Юпитер возжелал однажды найти середину земли, он выпустил одного орла на восток, а другого на запад. Летели они с одинаковой скоростью и встретились в Дельфах, и в память об этом городу посвятили золотого орла. Можно видеть, что эта история не только миф, но что в нем и вовсе нет никакого смысла, если не воспринимать ее аллегорически. Именно в таком понимании высказывались Герметические Философы, повторяя вслед за автором совета, помещенного в «Посланиях» Аристотеля:

Есть два главных камня Искусства, один белый, другой красный, и оба прекрасны. Белый появляется на поверхности вод на закате солнца и прячется до полуночи, а затем опускается на дно. Красный ведет себя наоборот: начинает подниматься к поверхности на заре и поднимается до полудня, а потом устремляется на дно.

Вот что говорит Платон в «Турба»:

Одно живет другое и одно же убивает другое, и оба они, соединяясь, остаются в союзе. Из этого возникает ориентальная краснота, краснота крови. Наш муж стар, а дракон наш молод, и он пожирает собственный хвост свой, пасть же его и хвост суть душа и дух. Душа и дух созданы из него: одно идет с востока — это сын, а старик приходит с запада.

Василий Валентин пишет:

Легкая южная птица вырывает сердце у большого восточного животного с востока. А, вырвав, пожирает его. Она дает животному крылья, с тем, чтобы они стали похожи, поэтому нужно содрать с восточного животного его львиную шкуру, а потом должны исчезнуть его крылья, и они должны попасть в великое, соленое море, и выйти из него в подобной красе.

Михаель Майер посвятил свою 46-ю химическую эмблему двум этим орлам, посланным Юпитером, а под ней написан стих:

Из ДЕЛЬФ Юпитер двух Орлов отправил
На Запад — одного, другого на Восток,
Когда нутро Земли исследовать решил.
Орлы же одновременно вернулись.
Они символизируют два камня:
Один — Восточный, Западный — другой.

Два эти орла следует толковать как белые и красные камни Герметических Философов, т.е. как материю, достигшую белого цвета, которую ученики Гермеса называют летучим белым золотом, и материю доведенную до красноты, именуюмую живым золотом.

Юпитер послал двух орлов, потому что, являясь серым цветом, появляется раньше белого и красного. И когда говорят, что один полетел на восток, а другой

на запад, это значит, что белый цвет в действительности восход или рождение герметического Солнца, а красный — его закат. Это сравнение взято еще и потому, что, когда Солнце поднимается, то проливает на землю беловатый цвет, а когда садится — красноватый.

Затем в конце полета орлы встречаются в Дельфах, чье название, по словам Макробия, происходит от греческого «Delphos solus», ибо, когда магистерий закончен, белый и красный цвета объединяются в пурпурный, который и есть философское Солнце. Заметим также, что город Дельфы был посвящен Солнцу, и, конечно же в иносказательном смысле, т.е. Солнцу последователей Гермеса.

Греческие мудрецы посвятили Аполлону золотой треножник. Его же любимыми деревьями были можжевельник и лавр, а все его одеяние, а также сандалии, были из золота. Ему сопутствовали грифон и ворон. В жертву ему приносили быков и ягнят. Его считали создателем музыки, медицины и искусства стрельбы из лука. Изображали его всегда молодым, часто с длинными волосами. Древние изображали его с Грациями в правой руке и с луком и стрелами в левой. Прозвали его Пифийским за то, что он убил из лука змея Пифона, имя которого происходит от *πῦθω*, *putrefacio* (гниение), т.к. считалось, что змей этот родился из грязи и ила, а когда Аполлон убил его, то от жара Солнца он разложился и сгнил.

Причина этого лежит в том, что Аполлон — бог золотой, горячий, огненный, и его огонь способен разлагать тела. Можно ли было подобрать для медицины лучшего бога, чем саму медицину, излечивающую все болезни человеческого тела? Мы видели то же самое, когда описывали Ора, а ведь известно, по свидетельству самих древних, что Аполлон и Ор были одним и тем же. Грации, которых он держал в руке, это иероглифический символ милостивых благ, приносимых им здоровья и богатств. Лук и стрелы указывали на излечение болезней, которые в древности изображались иероглифом чудищ и драконов.

Бык, приносившийся в жертву Аполлону, подходил также и Ору как символ материи, из коей Философы составляли свое солнечное лекарство. Золотой треножник символизировал три начала: серу, соль и ртуть, которые после совершения операций превращаются в единое вещество, опирающееся на эти три начала, как на три ноги.

По той же причине Аполлон пребывал на горе Парнас, состоящей из трех вершин, или трехглавой горе, которую поэты обыкновенно называли *двойной горой*, т.к. они имели в виду только горы Геликон и Парнас.

§ I. Орфей

Поэт Орфей — сын Аполлона, отец поэзии совершил невероятные деяния. Он приводил в движение скалы, велел доставлять себе свирепейших зверей и приручал их. Он останавливал течение рек и полет птиц. Он водил суда — и все это под аккомпанемент своей лиры. Если смотреть на Орфея только как на поэта, то можно сказать, что он совершил все это в том смысле, что он вел корабль Арго, т.е., будучи автором и рассказчиком этих сочинений, и повествовав их так, как ему нравилось. Все поэты поступают именно таким образом.

Но если смотреть на Орфея как на сына Аполлона, то это будет уже иной Орфей. Он представлял действие самого Солнца, которое по причине своего огня

и жара производит противоположные следствия, заставляя затвердевать одно и размягчать другое, как говорит Вергилий:

Глина ссыхается, воск размягчается...

Буколики, VIII, 79

Именно это и происходит в операциях Герметического Магистерия; сухая материя обращается в воду, а из воды становится землей.

Звуки лиры Орфея есть не что иное, как гармония поэзии. Наши поэты и сегодня твердят, что пользуются лирой Аполлона, а их творения, следовательно, лишь звук и действие этой лиры.

Считается также, что Орфей первым перенес верования египтян в Грецию; а Павсаний говорит, что он изобрел много вещей, полезных в повседневной жизни. Поэт и сам признается, что первым заговорил о богах, об искуплении преступлений и о многих лекарствах от болезней¹.

Лекарство, о котором он говорит, это, без сомнения, солнечное лекарство; ибо все книги по физике, дошедшие до нас под его именем, толкуют об этом. Он, в некотором роде, перечисляет их в начале упомянутой нами книги. Таковы его трактаты о происхождении элементов, о силе любви и о симпатии между природными вещами, о мелких камнях и о многих других предметах, сокрытых за метафорами и иносказаниями. Мы находим даже нечто вроде краткого перечня его мыслей по этому поводу в трактате о мелких камнях, когда он описывает жилище Меркурия как источник и средоточие всех благ. Он дает понять, что был обучен многим тайнам Природы². Некоторые из древних поэтому полагали, что Орфей был не только хорошо знаком с наукой авгуров и магов, но и сам был египетским магом. Но разве не то же самое говорили о Философе Демокрите, почерпнувшем свои познания у египтян? Как говорят, он понимал язык птиц, как и Аполлоний Тианский; и в дошедших до нас его трудах мы читаем, что если смешать и обработать кровь некоторых названных им птиц, то из этого получится змея, а если кто съест эту змею, то будет понимать язык птиц.

Большинство древних были очень легковверны, принимали все буквально, и им даже в голову не приходило усомниться в самых абсурдных вещах. Похоже, что и сам Цицерон попался на эту удочку; однако он не был и о Демокрите такого высокого мнения, как другие, поскольку пишет об этом Философе, что никто не врал с большей дерзостью: *Ценность его суждений не представляет никакой правды, одна ложь*. Гиппократ высказывался об этом совершенно иначе; он восхищался

¹ Dicere sert animus quae numquam tempore lapso
Dixi, cum Bacchi, cum Regis Apollonis actus
Sum stimulo, horrenda ut narrarem spicula & idem
Foedera cum suporis mortalibus atque medelas.

Argonaut.

² At quemcumque virum ducit prudentia cordis,
(Coetera ut omittam quae plurima maxima dicam)
Scire cupit si forte, sciet quaecumque volutant
Pectoribus tacitis mortales quaeque volucres
Inter se stridunt Coeli per summa volantes,
Infandum ut crocitant cantum mortalibus ullis,
Significantque Jovis mentem, gens nuncia sati.
Is serpentis jumi noscat firmare draconis
Sibila serpentumque sciet superare venena.

его мудростью и говорил, что у Демокрита *золотые* слова. Платону тоже очень нравилось читать Демокрита. Эти великие мужи, несомненно, понимали аллегории Философа, тогда как Цицерон о них даже и не подозревал.

Так мифические птицы, чей язык понимал Демокрит, были не чем иным, как летучими частями философского делания, которых ученики Гермеса почти всегда обозначают именами орла, грифа или других птиц. Под змеей же, рождающейся от смешения крови этих птиц, нужно понимать философского дракона или змея, о чем мы уже много говорили. Если кто поест мяса такой змеи, то он, конечно же, станет понимать язык других птиц; ибо кто решился совершить магистерий Мудрых и воспользоваться им, тот знает, что происходит с телами при приобретении ими летучести, знает, какие сражения происходят в сосуде, когда там циркулируют части материи. Такой человек прослеживает шаг за шагом разные их перемещения и знает, как продвигается делание по происходящим там изменениям. В связи с этим Раймунд Луллий заявляет, что приятный запах магистерия привлекает к верхушке дома, где совершается делание, всех окрестных птиц. Этой своей аллегорией он указывает на сублимацию Философов, т.к. при этом летучие части, обозначаемые птицами, поднимаются вверх сосуда, и создается впечатление, будто они слетаются со всей округи. В герметических трактатах полно подобных иносказаний.

Орфей описал также и свое мифическое сошествие в преисподнюю, где он посетил мрачное логово Плутона в поисках своей, страстно им любимой жены Эвридики.

Когда Эвридика спасалась бегством от любовных преследований сына Аполлона Аристея, ее укусила в пятку змея. Укус оказался смертельным, и любезная ему супруга тут же испустила дух. В отчаянии от такой утраты Орфей взял свою лиру и спустился в царство мертвых, чтобы забрать оттуда Эвридику. Плутон поддался на уговоры, и Орфею удалось бы снова ее лицезреть среди живых, если бы, движимый любопытством влюбленного, он не поторопился взглянуть на нее до назначенного срока:

Caetera narraui, quae vidi, ut Tanara edivi,
Umbrosas Distiquie dampis & tristitia regna
Confisus Cythara, uxorisque coactus amore.

Orph. Argonaut.

Вергилий упоминает об этом путешествии Орфея в четвертой книге «Георгик», а Овидий в — десятой книге «Метаморфоз».

Цицерон сообщает, что читал в одной из книг Аристотеля¹ (которая не дошла до нас), что Орфей никогда не существовал, как не существовали и Мудры.

Пусть вспомнит читатель, что мы говорили о лире Орфея, пусть вспомнит также, что этот поэт был сыном Аполлона, как и Аристей. Орфей-поэт — это мастер, описывающий иносказательно происходящее в операциях магистерия. В случае со смертью Эвридики пришлось ввести некоего Аристея, сына Аполлона, влюбленного в жену Орфея, т.к. сын никого другого не мог бы подойти для этой истории.

¹ Gnomologia Homeri, per Duportum. Напечатано в Кембридже.

Аристей или «наилучший, сильнейший» влюблен в прелести Эвридики; она убегает от него, он преследует ее, пока ее не укусила в пятку змея, и она от этого умерла. Наш влюбленный — это символ золота Философов, сын Аполлона; *Солнце — его отец, Луна — мать его*, говорит Гермес в Изумрудной скрижали. Эвридика представляет собой летучую меркуриальную воду. Философы называют их мужем и женой. Синезий уверяет нас, что тот, кто знает *ту, что убегает, и того, кто ее преследует*, знает части делания. Значит, Эвридика это то же самое, что и родник Тревизана:

Господи, говорит этот Философ, правда и то, что у этого родника есть страшное свойство, какого нет нигде больше в мире и которое так проявляется только к великодушному королю страны, которого вода родника хорошо знает, а он знает ее. Еще ни разу не было случая, чтобы король, проходя здесь, не был бы привлечен им к себе.

Чуть дальше он добавляет:

И тогда я спросил, был ли он ее другом, а она его. И он ответил: притягивает его к себе вода родника, а не он ее.

Разве не видим мы в этом прелестей Эвридики и преследующего ее Аристея? Летучая часть делает летучим фиксированное, пока дракон Философов не останавливает его бег; затем Эвридика умирает, т.е. наступает гниение или почернение, означающее мрачный мир Плутона. Летучая вода притягивает фиксированное и делает его летучим. Король страны у Тревизана — это золото, сын Солнца; а из этого вытекает, что сын кого-то другого для этого не годится. Орфей называет его также своей женой, потому что он сам сын Аполлона и, как говорит Космополит, *«эта вода играет роль женщины по отношению к этому плоду солнечного древа»*. Она сама есть дочь Солнца, поскольку она взята из его лучей, утверждает данный автор, и от этого происходит их великая любовь, их согласие и их желание соединиться.

Орфей отправляется во владение Плутона и рассказывает, что он там видел. Он смог бы вывести Эвридику, если бы он до срока не вздумал взглянуть на нее. В этом таюже истинный портрет нетерпеливых мастеров, которых томит длительность делания. Они безумно любят камень; они беспрестанно стремятся к тому счастливому моменту, когда увидят его в мире живых, т.е. вышедшим из гниения и одетым в белые одеяния — признак радости и воскресения. Но эта чрезмерная любовь не позволяет им дожидаться предписанного Природой срока. Они хотят принудить ее ускорить операции, и все этим портят. Мориен утверждает, что всякая поспешность от дьявола; и другие Философы рекомендуют терпение. Но напрасно давать советы людям, не готовым решиться следовать им: любовь глуха к словам разума. «Нужно действовать неспешно, говорит Василий Валентин, и быть осторожным с одним и тем же в нашем эликсире, не нарушая его состояния назначением какого-либо точного дня его образования; если наш плод будет сорван слишком рано, яблоки Гесперид не смогут достичь совершенной спелости... Вот почему старательный мастер, использующий чудесные результаты Искусства Природы, должен остерегаться, дабы не дать увлечь себя пагубному любопытству, убоявшись, не сорвать какого-либо плода и выпустить яблоко из рук».

Смерть Орфея, растерзанного женщинами; части его тела, разбросанные ими и собранные Музами, должны напомнить читателю аллегорию смерти Осириса и сделанные нами по этому поводу комментарии и замечания.

§ II ЭСКУЛАП

Этот бог, в свою очередь, был заимствован греками в Египте и Финикии, т.к. следы подлинного Эскулапа нужно искать именно в этих краях. Его почитали там, как бога еще до того как культ этот стал известен в Греции. Маршам полагает, что древние авторы описывают Эскулапа — фараона Мемфиса, сына Менеса, брата Меркурия первого, жившего более чем за 1000 лет до Эскулапа греческого. Евсевий тоже говорит о некоем Асклепии или Эскулапе, которого он именует *Тозортрусом*, — знаменитом египетском враче, и ему древние авторы приписывают честь открытия зодчества, утверждая попутно, что он много потрудился ради распространения в Египте изобретенной Меркурием грамоты.

Но, что бы там ни говорили об этих разных Эскулапах, мы будем придерживаться принятого в Греции мнения, согласно которому он был сыном Аполлона и нимфы Корониды, дочери Флегия. По другому преданию, его матерью была Арсиноя, но с этим явно не согласен Павсаний, утверждающий, что он был вскормлен Тригоной¹.

Лукиан и некоторые другие пишут, что Эскулапа родила не Коронида, а он вылупился из яйца вороны, что, в общем, одно и то же.

Нимфу эту, которая вынашивала бога медицины, убила из лука Диана. Затем ее возложили на костер, а Меркурию поручили извлечь Эскулапа из тела несчастной. Высказывалось мнение, что операцию эту выполнил сам Феб².

Затем Эскулапа отдали в руки Хирону, и он воспринял от знаменитого учителя науку медицины, достигнув таких высот, что смог воскресить Ипполита, разорванного собственными его лошадьми. Плутон же, обидевшись, что Эскулап не довольствуется лечением больных, но еще и воскрешает мертвых, пожаловался Юпитеру, что его владения от этого сильно уменьшаются и вообще может опустеть. Раздраженный Юпитер поразил Эскулапа молнией³. Аполлон, возмущенный убийством своего сына, в отместку уничтожил циклопов, выковавших Юпитеру ту злополучную молнию. В наказание Юпитер согнал его с неба. Оказавшись на Земле, Аполлон влюбился в Гиацинта и однажды, метая с ним диск, нечаянно убил его. Затем он отправился к Лаомедонту и нанялся к нему воевать при осаде Трои.

Эскулап взял в жену Эпиону, с которой у него родились Махаон, Подалирий и три дочери: Панакея, Иасо и Гигея. Орфей, правда, утверждает⁴, что Гигея была не дочь, а жена Эскулапа.

¹ См.: Описание Эллады, VIII, 25, 11. — *Прим. ред.*

² Феб не вынес того, что семя его обратится
В пепел сейчас, из огня и утробы родительской сына
Вырвал он и перенес к кентавру Хирону в пещеру...

Метаморфозы, II, 529–631

³ Но всемогущий Отец, негодуя на то, что вернулся
Смертный из царства теней к сиянию сладкому жизни,
Молнию бросил в того, кто лекарство создал искусно,
Феборожденного сам к волнам стигийским низринул.

Энеида, VII, 770–773

⁴ Феб-Аполлон твой отец, о мощный, блистательный славой, Ты, ненавистник болезней, Гигиен супруг бесплородный.

Культ Эскулапа был известен в Эпидавре больше, чем где-либо еще в Греции. Ему посвящали змею и дракона и даже изображали его в виде этих пресмыкающихся. На одном пергамском медальоне выбит Эскулап с Фортуной. Перед смертью Сократ принес ему в жертву петуха, а обычно ему приносили в закляние ворон, коз и т.д. Павсаний говорит, что в его храме в Эпидавре откармливали ужей, и там же стояла статуя его матери, Корониды.

Разве не правы были древние, считавшие богом медицины универсальное Лекарство? И разве недостаточно было сказать, что Эскулап — сын Аполлона и Корониды, поскольку известно, что материей этого лекарства есть начало золота, а приготовить его нельзя, не пройдя через гниение или черный цвет, называемый герметическими Философами всех времен *вороной*, *вороньей головой* из-за сопровождающего ее черного цвета? Выйти из гниения, или из черного цвета, значило родиться от Корониды, что означает «ворона».

Но бог не мог родиться, как рождаются люди. Корониду убивает Диана, и Меркурий, или Феб, извлекает из чрева несчастной ее сына. Философский Меркурий действует без перерыва и оказывает Эскулапу ту же услугу, которая была оказана Бахусу. Мать одного погибает под ударами молнии Юпитера, мать другого была убита Дианой; оба появляются на свет лишь благодаря стараниям Меркурия и после смерти матери. Мориен двумя словами объясняет эту аллегория, говоря, что белизна или магистерий, доведенный до белого, есть лекарство, скрыт в чреве черноты; итак, нельзя пренебрегать пеплом (Коронидой), потому что в нем спрятана царская диадема. По этой же причине утверждали, что отцом Корониды был Флегий, что значит *φλέγω* «я горю», а ведь всем известно, что все, что сжигается, превращается в пепел.

Те, кто утверждал, будто Аполлон сам помогал Корониде при родах, имели в виду совершенный эликсир красного цвета, подлинного сына Аполлона и самого Аполлона Философов. А если говорилось, что Диана убила Корониду, то это значит, что пепел герметиков может достичь красного цвета только после того, как *зафиксируется*, пройдя через белый цвет или через Диану Философов. Арнольд из Виллановы говорит:

Этот яркокрасный, не осязаемый сам по себе пепел, разбухает подобно бродающему тесту, и от требуемой кальцинации, т.е. при помощи ртути, горящего лучше природного огня, он отделяется от черной и тончайшей земли, остающейся на дне сосуда.

После этого использовать его нетрудно. Гермес рассказал это уже очень давно: «Наш сын правит уже одетый в красное... Наш король выходит из огня». Кормилицу Эскулапа зовут Тригоной по причине трех начал — серы, соли и ртути, из них и состоит эликсир, которым дитя Философов питается вплоть до достижения совершенства.

Воскрешения Эскулапа также иносказательны, подобно его рождению, а воскрешение им Ипполита следует понимать по разумению Философов, которые все персонифицируют. Послушаем, что об этом говорит Боннел:

Эта природа, у которой отняли влажность, становится похожей на мертвеца; ей нужен огонь до тех пор, пока ее тело и ее дух не превратятся в землю, и тогда образуется прах, как в могилах. Бог возвращает затем ей ее дух и ее душу и излечивает ее от всякой немощи. Нужно, следовательно, сжигать эту вещь до тех пор, пока она не умрет, не превратится в пепел и не станет вновь способна принять свою душу, дух и окраску.

По поводу таких воскрешений мы уже имели возможность высказаться, когда рассказывали об Эсоне. Что же до воспитания Эскулапа, то оно было таким же, как у Ясона.

Дочери Эскулапа пользовались теми же почестями, что и их отец, и были удостоены статуй греками и римлянами. Однако то, что история этих божеств вымышлена, видно из одного лишь значения их имен. Панакея означает всеисцеляющая; Иасо — лечение; Гигиея — здоровье. Эликсир Философов дает универсальное лекарство, его употребление ведет к излечению, а к нему присовокупляется здоровье. Потому-то и говорят, что два их брата были прекрасными врачами.

Что касается вороньего яйца, из которого, как говорили, вылупился Эскулап, то Раймунд Луллий так объясняет это явление: «После того как он охладится, мастер найдет наше дитя свернувшимся в виде яйца, возьмет его и очистит». А вот, что он пишет в своем «Древе Философии»: «Когда появляется этот цвет (белый), он начинает сжиматься в нечто круглое, как луна в полнолуние». Петуха посвящали Эскулапу по той же причине, что и Меркурию; ворона — из-за его матери Корониды, а змею оттого, что герметические Философы считали ее символом своей материи, как это можно видеть у Фламелья и у многих других.

У Аполлона было много детей, а если принимать его за Солнце, то число их возрастет еще больше. Мы уже упоминали Ээта, ниже еще предстоит вспомнить Авгия, а на аллегориях других можно и не останавливаться, поскольку сказанного уже достаточно, чтобы объяснить все эти мифы. Фазетон, однако, слишком знаменит и заслуживает нескольких слов. Не все авторы согласны, что он был сыном Солнца. Некоторые, в том числе и Гесиод, считают, что отцом Фазетона был Кефал, а матерью Аврора. По общему же мнению выходит, что родителями его были Солнце и Климена¹.

Как-то Фазетон поссорился с сыном Юпитера, Эпафом, а тот сказал ему, что отец его вовсе не Солнце. Уязвленный Фазетон пожаловался матери своей, Климене, и она посоветовала ему отправиться к Солнцу и испросить у него, в знак доказательства, право управлять его колесницей. Солнце поклялось Стиксом, что удовлетворит его просьбу, не предполагая, что у сына хватит духу просить об этом, и после тщетных попыток отговорить его, просьба была исполнена. Фазетон же оказался плохим возницей, Небу и Земле стал угрожать пожар. Встревоженная Земля обратилась к Юпитеру, а тот ударом молнии опрокинул юного Фазетона в реку Эридан, и он, по мнению некоторых, осушил ее, а, по словам других, превратил ее воды в золото.

Многие авторы, подобно Воссю, считают этот миф египетским, и тем самым еще больше подтверждают нашу систему; однако, если мы вслед за ними будем отождествлять Солнце с Осирисом, то не по тем же причинам. Фазетон, как и Ор, для нас есть фиксированная золотоносная часть Египетских или Герметических Философов. Когда данная огненная материя становится летучей, то она как бы оскорбляет сына Юпитера, Эпафа или воздух. Но когда показывается Юпитер Философов, эта фиксированная и солнечная часть после долгих метаний низвергается

1

...По летам и способностям ровнею был с ним

Солнца дитя Фазетон...

Побавровел Фазетон, но стыдом удержал раздраженье

И поспешил передать Климене Эпафа попреки.

Метаморфозы, I, 750–756

на дно сосуда, где находится меркуриальная вода, в которой она и закрепляется, коагулируя ее, и делает такой же золотоносной, как и сама она. Вот вкратце объяснение мифа о Фазтоне, его езды и падения в реку Эридан и осушения ее вод.

ГЛАВА XIII

Диана

Если принимать Диану за Исиду, то можно было бы просто отослать читателя к первой книге нашего сочинения, где мы объясняли мифы о египетских богах; однако мы смотрим на нее здесь как на героиню греческих мифов, сестру Аполлона, родившуюся, по словам Гомера, у Латоны и Юпитера раньше брата. Геродот и Эсхил придерживаются иного мнения, чем Гомер. Некоторые авторы утверждают даже, что еще до Луны жили аркадийцы, прозванные *Проселенами* (все равно, что «долунными»), и, что сын некоего Орхомена, Проселен, правил Аркадией, также тогда Геркулес сражался с Гигантами, и были это еще те времена, когда, как говорят эти авторы, Луна впервые показалась людям.

Не будем спорить с теми, кто считает Диану и Луну одним и тем же, т.е. ночным светилом. Кем была Латона: матерью или кормилицей? На наш взгляд, и той, и другой; а Диана действительно помогала ей при рождении Аполлона. Но, говорит миф, потрясенная тем, какую боль испытывала Латона во время родов, она попросила Юпитера оставить ее девственной навсегда, что и было исполнено. Ее прозвали Луциной или «помогающей при родах» подобно Юноне, тоже старшей сестре и двойняшке Юпитера. Считалось, что она очень любила охотиться, и, возвращаясь с охоты, оставляла лук и стрелы у Аполлона¹. Ориона, хваставшегося, будто он лучший охотник в мире, она пронзила стрелой. Орфей и многие другие называют ее Гермафродиткой. На античных памятниках ее узнают обычно по полумесяцу на голове или по луку и стрелам в руках и находящимся рядом с ней собакам. Она всегда одета в белое, и иногда ее изображают в колеснице запряженной двумя косулями. Диана Эфесская изображалась с атрибутами Земли, или Кибелы, либо, даже, самой Природы.

Латона действительно есть мать Дианы и Аполлона, т.к., согласно всем Философам, *laton или leton* — это начало, из которого образуются Луна и Солнце Философов. Наша *латунь*, говорит Мориен, ни на что не годится, если ее не отбелить. Майер изобразил свою одиннадцатую химическую эмблему в виде женщины с двумя детьми, один ребенок олицетворяет Солнце, а другой Луну, а также мужчины, моющего черные волосы и одежду женщины. Сверху начертаны такие слова:

Сделай Латону белой и разорви книги.

¹ ...Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великого милого брата
Феба, царя-дальновержца...

...Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы...

Гомеровские гимны, XXVII, 12–16

Синезий прямо объясняет, что это за *латона*:

Сын мой, милостию Божьей вы заполучили уже часть нашего камня, который есть черная голова, голова ворона или мрачная тень; на земле, как на своем основании зиждется весь остальной магистерий. Этот земной и сухой элемент называется латунь, бык, черные испражнения, наш металл.

В том же смысле высказывался и Гермес:

Азот и огонь отбеливают латунь и забирают ее черноту.

И все вместе они дают имя *латона* их почерневшей материи; а к тому же латона и Латона не могут означать разные вещи, т.к., по словам Гомера, Латона — дочь Сатурна, а латона тоже дитя Сатурна Философов. Аполлодор, Каллимах, Аполлоний Родосский, Овидий называют ее дочерью титана Кея; и это ничего не меняет в сути нашей системы, как видно из глав, посвященных Сатурну и Юпитеру.

Диана могла родиться только на Делосе, где Латона укрылась от змея Пифона. Достаточно посмотреть на этимологию имен, чтобы понять смысл сих явлений. Латона значит «забыть», «темнота». Может ли быть что-либо более темное и более черное, чем сама чернота, если воспользоваться выражением Философов? Эта чернота и есть латунь или мифическая Латона. Диана — это белый, ясный и блестящий цвет, а слово Делос, *Δῖλος* означает «светлый», «видимый», «явный». Можно поэтому сказать, что белый цвет рождается черным, поскольку был в нем скрыт, и как бы выходит из него. В мифе также отмечено, что до того, как Латона разродилась, остров Делос был плавучим, погруженным в воду, а затем вытолкнут на поверхность и оставлен навечно неподвижным Нептуном. Действительно, до родов Делос Герметиков был покрыт водой, т.к., согласно Рипли, «когда земля задрожит и затемнится, горы перенесутся и погрузятся на дно моря». Фиксация летучей материи в тот период, когда она белая, указывает на закрепление острова Делос.

Диана пронзила стрелой Ориона — сына Юпитера, Нептуна и Меркурия. Ослепший Орион смог добраться на Лемнос к Вулкану, в надежде вылечить. Вулкан сжалился над ним и повел его на восход солнца, от чего к Ориону вернулось зрение. Какую иную помощь, кроме своего искусства, мог оказать Вулкан Ориону? И каким таким искусством владел Вулкан? Неправда ли, это огонь Философов? Огонь этот придает белому цвету окраску зари или шафрана, сообщающий о восходе Солнца Философов и объясняющий нам, каким искусством был вылечен Орион. Нужно было, чтобы Диана пронзила его стрелой и остановила его бег, ибо летучая часть должна быть зафиксирована, чтобы достичь восходящего солнца.

Орфей вел себя как последователь Гермеса, говоря, что Диана — Гермафродитка. Он знал, что именуемая мужем краснота скрыта под белизной материи, названной женой; что, то и другое, соединенные в одном и том же, как признаки двуполого человека, являются гермафродитным составом, проявляющимся, когда показывается шафрановый цвет.

Что и кто не говорил бы о чувствах Дианы к Эндимиону, чаще всего считалось, что она сохранила девственность. При этом утверждали также, что она зачала от воздуха и произвела на свет росу. Но может ли девственница зачать, как положено по-природе, оставаясь при этом девственницей? Эта легенда была бы

смешной, не будь в ней иносказания. Более того, она может относиться только к операциям великого делания. Философы воспользовались одинаковой аллегорией по тому же поводу. Алфидий говорит:

Сей камень обитает в воздухе; он возносится к облакам; он живет в реках; он покоится на горных вершинах. Мать его — *девственница*, и отец никогда не знал женщины.

А д'Эспанье советует:

Возьмите чистую и ясную девственницу, пропитанную духовным семенем первого мужа, и при всем том девственность ее остается нетронутой, несмотря на беременность.

По словам Василия Валентина это очень целомудренная дева, совсем не знавшая мужчин, но которая, однако, зачинает и родит.

Разве нельзя узнать в Диане крылатую девственницу д'Эспанье? А философское дитя, зачатое ею в воздухе, по выражению учеников Гермеса, — разве это не тот пар, что исходит от Луны Философов и выпадает в виде росы, о которой Космополит сказал так: *«Мы зовем ее дневной водой и ночной росой»*.

Наконец, если уж Диана сестра-двойняшка Аполлона, родившаяся чуть раньше него, это значит, что Луна и Солнце Философов рождаются друг за другом из одного и того же, и что перед краснотой должна непременно появиться белизна.

ГЛАВА XIV

О других детях Юпитера

Этого бога справедливо считают отцом богов и людей. В мифах он так густо населил небеса и землю, что число его детей трудно сосчитать. Оставим мифологам труд по описанию всех их, а сами остановимся на некоторых важнейших.

§ I. МЕРКУРИЙ

Почти все древние единодушны во мнении о родителях Меркурия. Ими были Юпитер и Майя, дочь Атланта. Он родился в пещере Киллены¹. Павсаний же, противоречит Гомеру и Вергилию, утверждая, что это произошло на горе Корик вблизи Танагры и что новорожденного обмыли в воде, набранной из трех родников. Прочие говорят, что его взрастили на портулаке, т.к. он жирный и полон влаги. Именно поэтому, очевидно, Раймунд Луллий утверж-

1 Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленую царствует он..

Гомеровские гимны, III, 1–3

Вам же Меркурий — отец, а он на студеной Киллене

В горных лесах был зачат и рожден Юпитеру Майей...

Энеида, VIII, 138–139

дает, что это растение имеет меркуриальную природу, так же, как и большой лунник, мальва, чистотел и пролесник. Некоторые авторы заявляют даже, что китайцы умели извлекать из дикого лунника естественную жидкую ртуть.

Как только Меркурий родился, Юнона дала ему свою грудь, из которой молоко текло столь обильно, что младенец пролил его, и из пролитого молока образовался Млечный путь. По утверждению других, указание вскармливает дитя получила Опса, и с ней произошло то же самое, что и с Юноной.

Меркурий всегда считался самым бдительным из богов. Он не спал ни днем, ни ночью, и, если верить Гомеру¹, уже в первый день своей жизни он играл на кифаре, а вечером того же дня выкрал коров у Аполлона.

Может ли в этих сказках содержаться какая-либо историческая правда или мораль? Однако, если воспринимать их буквально, не помечены ли они клеймом абсурдного и смешного? Если, подобно аббату Банье и некоторым древним мифологам, смотреть на Меркурия как на реального человека, правителя из рода Титанов, то придется обвинить Гомера и других в безумии за то, что они придумали столь абсурдные вещи, необъяснимые с точки зрения истории и морали. Но если отец поэзии не бредил, то он наверняка имел в виду некую истину, сокрытую им под покровом аллегории и мифа. Требуется, следовательно, докопаться, что же это была за истина. Объяснение ей мы находим в книгах герметических Философов. Мы видим в них, что материя их искусства называется Меркурием, и то, что они рассказывают о своих действиях, есть описание жизни Меркурия. Аббат Банье признает даже, что общение с последователями Гермеса очень пригодились этому мифическому владыке, что он был посвящен во все тайны египтян, и что, в конце концов, он и умер в этой стране. Посмотрим же теперь, можно ли применить то, что говорится о мифическом Меркурии к Меркурию Герметическому.

Мать Меркурия — Майя, дочь Атланта и одна из Плеяд, произвела его на свет на вершине горы, ибо Меркурий Философов всегда рождается на высоте. Заметим, однако, что «Майя» было одним из имен Кибелы или Земли, и имя это означает «мать» или «кормилица», или «бабушка». Неудивительно поэтому, что она была матерью Меркурия, или скорее, его кормилицей, как говорит Гермес: *nutrix ejus est terra*². Поэтому Кибела считалась бабушкой богов, т.к. Майя — мать Меркурия Философов, а от этого Меркурия рождаются все герметические боги. Меркурия после рождения обмыли в воде, набранной в трех родниках; и философский Меркурий должен быть очищен и обмыт трижды в своей собственной воде, также состоящей из трех; и потому Майер³ повторил вслед за одним из древних: найдите женщину, стирающую белье, и делайте, как она.

Белье это, пишет этот же автор, нельзя выстирать простой водой, а только той, которая превращается в лед и в снег под знаком Водолея. Поэтому-то, навер-

¹ Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона...

Гомеровские гимны, III, 17–18

² Земля вскармливает его (лат.). См.: Изумрудная скрижаль. — *Прим. ред.*

³ Ты видишь женщину, что стиркой занята
И добавляет в чан воды горячей?
Ее примеру следуй, а не то познаешь поражение,
И с тела черного не смоешь грязь.

Атланта убегающая. Эмблема 3

ное, Вергилий и писал, что гора Киллен была ледяная — *Gelido culmine*¹. В этой аллегории мы видим три омовения: первое — при заливке стирального раствора, второе — при стирке белья в воде, чтобы удалить грязь, снятую мылом, третье — в чистой и светлой воде, чтобы получить чистое и белоснежное белье. «Меркурий Философов рождается, пишет д'Эспанье, с двумя первородными пятнами: первое — это грязная и нечистая земля, которую он впитал при своем зачатии, и которая смешалась с ним при коагуляции; второе пятно связано с водянкой. Это сырая и нечистая вода, укрывавшаяся между кожей и плотью; от малейшего тепла она испаряется. Но ее нужно очистить от этой земной проказы влажной баней и естественным омовением».

Юнона дает затем Меркурию свое молоко, т.к., когда меркурий очистится от своих пятен, сверху образуется вода молочного цвета, опадающая на него как бы для его питания. Сами мифологи считают Юнону влагой воздуха.

Меркурия изображали красивым молодым человеком, жизнерадостным, с живыми глазами, с крыльями на голове и ногах, иногда с золотой цепью в руках, привязав один конец которой к ушам людей, он вел их куда хотел. Часто он держал в руке кадуцея, обвитого змеем и змеей. Ему в обмен на лиру дал его Аполлон. Египтяне изображали Меркурия с наполовину черным и наполовину золотым лицом.

У герметического Меркурия тоже крылья на голове и ногах, т.к. он летучий так же, как и обычное живое серебро, которое, по словам Космополита, является лишь его незаконнорожденным братом. Из-за этой летучести Философы сравнивали свой меркурий то с крылатым драконом, то с птицами, чаще всего с теми, что питаются падалью, — орлами, грифами и т.д., чтобы показать одновременно и его растворяющие свойства; и если они называли его живым серебром и меркурием, то делали это, имея в виду обычную ртуть.

Петух служил атрибутом Меркурия по причине его храбрости и настороженности; своим криком на рассвете он извещает людей, что пора браться за работу. Его юношеский вид подчеркивал его подвижность.

Золотая цепь, на которой он водил людей куда хотел, не была, как считают мифологи, аллегорией силы воздействия красноречия на умы; но поскольку Герметический Меркурий является началом золота, а золото есть главный движитель искусств, торговли и предмет человеческих стремлений. Оно вовлекает их в любые предприятия, которые могут привести к обладанию им, несмотря на любые трудности и препятствия.

Мы уже отмечали, опираясь на слова древних, что у египтян, за всем скрывалась какая-нибудь тайна. Исследователям античности это известно, и все же они недостаточно обращают на это внимание, когда принимают за описание сохранных временем памятников Египта. Неужели же последователи Отца искусств, наук и таинственных иероглифов добивались изображения соответственно природе Меркурия только из-за дурного вкуса? Изображая его с наполовину черным и наполовину золотым лицом, а часто и с серебряными глазами, они несомненно хотели указать на три главных цвета герметического делания — черный, белый и красный, в которые окрашивается меркурий в операциях Искусства, где меркурий, по выражению Философов, есть все: *всякий ищет*

¹ «Вам же Меркурий — отец, а он на студеной Киллене...» (Энеида, VIII, 138). — Прим. ред.

в меркурии мудрость, ибо он превращает, с ним превращают и посредством его приготавливают магистерий. Его серебряные глаза поразили одного ученого академика. Он рассматривал эти глаза как тщеславное выставление напоказ богатства, считая это результатом плохого вкуса. Если бы он обосновывал свои объяснения по нашей системе, ему не пришлось бы с таким трудом доискиваться причины, по которой Меркурий изображали с серебряными глазами. Да и ко многим другим вещам, он относится, как к обычным украшениям, а другие он, по его собственному признанию, не может объяснить. Но по нашей системе легче поддавались бы пониманию, — по крайней мере, те, что не зависят от чистой фантазии художников, как правило, очень мало знающих причины, по которым вещи изображались тем или иным образом. В подобном положении оказывается и г-н Марьетт в его «Трактате о разных камнях». Для доказательства достаточно будет привести один лишь пример из «Древностей» г-на Кейлюса.

Далее сей неутомимый ученый, которому читатель как-бы обязан за сделанные им любопытные открытия относительно искусства древних, описывает нам египетский памятник, изображающий, по его утверждению, Меркурия в облике Анубиса с собачьей головой, а напротив этого Анубиса стоит Ор. Они стоят друг против друга на концах гондолы, и со стороны Ора она заканчивается головой орла, а со стороны Анубиса — головой барана. Головы этих животных представляются почтенному Кейлюсу просто украшениями. Ему, однако, было известно, что бык Апис символизировал Осириса, что Ор был сыном Осириса и что отец и сын и Солнце¹ были одним и тем же. Он говорит об этом неоднократно. Ему было даже известно, что баран был одним из иероглифических символов Меркурия.

Итак, Меркурий Философов изображен на этом памятнике в облике Анубиса и барана, что символизирует начало делания. Баран указывает также на его воинственную и сильную природу. Золото или герметическое солнце представлено здесь в виде Ора и быка — символа фиксированной материи, из которой его производят. Поэтому эти фигуры находятся там не для украшения, а для полноты иероглифа всего великого делания. Анубису же мы достаточно места посвятили в первой книге.

Кадуцей Меркурия обвивают змей и змея, изображающие две меркуриальные субстанции делания — одну фиксированную, а другую летучую, одну горячую и сухую, а другую холодную и влажную. Последователи Гермеса называют их змеями, драконами, братом и сестрой, мужем и женой, активной силой и пассивной частью, и тысячью прочими именами, означающими лишь одно и то же, но указывающими всегда на две субстанции — фиксированную и летучую. На первый взгляд у них противоположные свойства; однако, золотой жезл Аполлона, подаренный Меркурию, приводит к согласию этих змей и устанавливает мир между врагами, если следовать терминологии Философов.

Очень хорошо описывает природу этих змей Раймунд Луллий:

Некоторые элементы твердеют, конгелируются и фиксируются. Поэтому в Искусстве нашем следует соблюдать две вещи. Нужно соединить две противоположные жидкости, добытые из природы одного металла: одна обладает свойством фиксироваться, затвердевать и конгелировать; другая — летучая, мягкая и не нефиксированная. Вторая должна затвердеть, заморозиться и зафиксироваться первой; а из них обеих получается конгелированный и фиксированный камень,

¹ Мы подразумеваем под солнцем герметическое Солнце, а не то, о котором пишут мифологи.

также обладающий свойством замораживать незамороженное, мягкое делать твердым, размягчать твердое, фиксировать летучее.

Таковы эти две змеи, обвинившиеся одна вокруг другой; два дракона Фламель — крылатый и бескрылый, две птицы Сениора — одна с крыльями, а другая без них, клюющие друг друга в хвост.

На природу и характер Меркурия довольно ясно указывает и свойство вскормившего его. Меркурий, как утверждают, воспитывался у Вулкана; однако он не проявил благодарности своему наставнику за его заботу, более того — он похитил инструменты Вулкана.

Наделенный таким плутоватым характером, мог ли Меркурий остановиться на этом? Он украл Венерин пояс, скипетр Юпитера, волов Адмета, пасшихся под надзором Аполлона. Аполлон захотел отомстить, но Меркурий воспрепятствовал его желанию, лишив того лука и стрел. Как только он родился, так сразу же поборол Купидона. Когда он вырос, ему давали много поручений. Он подметал зал, в котором собирались боги. Он делал все необходимое, разносил приказания Юпитера и других богов. Он бегал день и ночь, отводя души умерших в преисподнюю и выводя их оттуда. Он главенствовал на собраниях, словом, не знал ни минуты покоя. Он изобрел лиру, приладив девять струн к черепашьему панцирю, подобранному им на берегу Нила, и первым определил три тона музыки: низкий, средний и высокий. Он превратил Батта в камень, убил камнем Аргуса, сторожившего обращенную в корову Ио. Страбон говорит, что Меркурий дал законы египтянам, обучил философии и астрономии жрецов Фив. Марк Манилий¹, в свою очередь, утверждает, что Меркурий первым заложил основы религии у египтян, установил ее обряды, открыл им причины многих природных явлений.

Какой вывод напрашивается из всего, что сказано выше? Нужно ли снова повторять то, что уже было сказано о Меркурии в первой книге? Действительно, все зависит от Меркурия; он хозяин всего; он даже покровитель жуликов, т.е. шарлатанов и тех суфлеров, которые разорились, работая с материей, называемой ими ртутью, а теперь селятся возместить свои убытки за счет кошелька невежественных и слишком легковверных глупцов; однако плутовство Меркурия не обычного сорта. Он украл инструменты Вулкана примерно так, как может обворовать учителя ученик, становясь таким же ученым и занимаясь потом самостоятельно постигнутым искусством. Он все почерпнул в школе Вулкана, и сам завладел его работой и качествами. То, что он похитил разукрашенный пояс Венеры и скипетр Юпитера, означает, что он становится то одной, то другим в течение операций великого делания.

Беспременно трудясь над очищением материи этого Искусства, Меркурий подметает зал собраний и готовит его к приему богов. То есть различных красок: черного или Сатурна, затем серого или Юпитера, цитринового или Венеры, белого или Луны, или Дианы, шафранового или цвета ржавчины — Марса, пурпурного — Солнца или Аполлона, а также и других, встречающихся на каждой стра-

¹ Ты, бог Киллены, первым создал священную науку. Благодаря тебе нам открылось все небо; мы узнали звезды, названия и пути созвездий, их силу и могущество.

нице писаний адептов. Послания богов, разносившиеся им день и ночь, — это циркуляция в сосуде в течение делания. Тона музыки и лад инструментов, изобретенных Меркурием, указывают на пропорции, вес и меру как веществ, входящих в состав магии, так и способа установления силы огня, который нужно подавать постепенно, как пишет Фламель, и в геометрической пропорции, согласно д'Эспанье. «Положите в наш сосуд одну часть нашего живого золота и десять частей золота, говорит Космополит: операция состоит в том, чтобы растворить ваш замороженный воздух одной десятой частью вашего золота. Возьмите одиннадцать крупинок вашей земли, крупицу нашего золота и две крупинки нашей, а не вульгарной Луны, поместите все в наш сосуд и на наш огонь. Результатом этих пропорций получите гармоническое целое, о котором мы уже говорили, когда речь шла о дочери Марса и Венеры Гармонии».

Работа, которую выполнял Меркурий, сопровождая мертвых в мир Плутона и выводя их оттуда, означает лишь растворение и коагуляцию, фиксацию и приобретение летучести материей делания.

Меркурий превратил Батта в пробный камень, ибо философский камень и есть истинный пробный камень, служащий для опознания и отличия тех, кто бахвалится, что знает, как совершить делание, кто оглушает остальных своей болтовней и кто не сможет подтвердить свои слова делом. К тому же пробным камнем проверяют золото, и это вполне отвечает истории с Баттом. Меркурий, говорится в мифе, похитил быков, которых сторожил Аполлон, и даже у него самого украл лук и стрелы, потом переоделся и явился к Батту спросить, не слышно ли чего об угнанных волах. Его измененная одежда — это Меркурий Философов, бывший сначала летучим и текучим, а теперь ставший фиксированным и принявшим вид порошка; порошок этот есть золото, и, по-видимому, сам не способен его производить, хотя и добывает его из других металлов, содержащих части начало золота. После их трансмутации необходимо обратиться за помощью к Батту или к пробному камню, чтобы выяснить, что сделалось с несовершенными металлами, которые тот видел до их трансмутации. Овидий приводит ответ Батта:

...«Стадо
Там под горой», — отвечал. И было оно под горою.
Внук же Атланта, смеясь...

Метаморфозы, II, 703–705

Сначала они находились на одних горах, а теперь на других; они были свинцом, оловом, ртутью, а теперь это — золото, серебро. Ибо Философы называют металлы *горой*, как указывает Артефий:

В остальном наша вода, которую я именовал выше уксусом, есть уксус гор, т.е. Солнца и Луны.

После растворения материи и разложения, эта материя Философов приобретает всевозможные цвета, исчезающие, лишь, когда она начинает коагулироваться в камень и фиксироваться. Этот Меркурий убивает камнем Аргуса.

Итак, самофракийцы заимствовали свою религию и обряды у египтян, которым их передал Меркурий Трисмегист. У тех и у других были свои боги, которых им было запрещено называть, и поэтому они скрывали их действительные имена, дав им другие: *Аксиорей*, *Аксиоцера*, *Аксиоцера*. Первое означало Цирцея,

второе — Прозерпина, третье — Плутон. Был у них еще и четвертый, *Касмил*, т.е. не кто иной, как Меркурий, по словам Дионисиодора, приводимым Ноэлем ле Контом. Эти имена, или их естественное употребление, возможно и составляли часть тайны, доверенной жрецам.

Некоторые из древних называли Меркурия трехглавым богом, определяя его как бога морского, бога земного и бога небесного; может быть потому, что он прижил трех дочерей с Гекатой, если верить тому же Ноэлю ле Конту.

13 числа месяца ноября афиняне отмечали праздник *Хозс* в честь земного Меркурия. Они смешивали разные зерна и варили их в этот день в одной посудине, но никому не позволялось их есть. Этим всего лишь указывалось, что Меркурий, которого чествовали, есть начало растительности.

Лактанций ставит Меркурия в один ряд с Небом и Сатурном, считая их великими мудрецами. Он, конечно же, имел в виду Меркурия Трисмегиста, а не того, которому Гераклес посвятил свою палицу после поражения гигантов. Именно ему посвящался четвертый день луны каждого месяца, и ему же приносили в жертву тельцов¹. Его статую вместе с другими священными символами носили по улицам в праздники, отмечавшиеся в Элевсине.

Поскольку Меркурий был одним из главных богов, обозначавшихся египетскими и греческими иероглифами, а все посвященные в его тайны обязаны были охранять их; неудивительно, что люди, не знавшие об этом, ошибались в отношении природы этого крылатого бога и числа его проявлений. Цицерон считал, что Меркуриев было несколько: один от Неба и Света; другой — сын Валента и Форониды; третий — сын Юпитера и Майи; четвертый — сын Нила. Возможно, что имя Гермес Трисмегист не было редкостью в Египте и, даже, в Греции; но всегда был лишь один Меркурий, которому можно с основанием приписать все то, что говорится о нем в мифах. И этим Меркурием может быть лишь Меркурий Герметических Философов, с которым прекрасно согласуется все, что мы до сих пор о нем писали. Именно для того, чтобы закрепить эту мысль, его и изображали с тремя головами, указывая на три начала, из коих он состоял, как пишет автор «Розария Философов»: «Материя философского камня есть вода, которую следует понимать как воду, взятую из трех вещей; ибо в ней не должно быть ничего более и ничего менее. Солнце — это муж, Луна — жена, а Меркурий — семья; и все это, тем не менее, составляет лишь один Меркурий». Уяснив, что вода эта растворяет все металлы, Философы дали Меркурию имя *Нонакрит*, от аркадийской горы Нонакрис, по склонам которой стекает вода, разъедающая все металлические сосуды.

Его считали небесным, земным и морским богом, потому что Меркурий действительно занимает небо Философов, когда сублимируется в пары или море Мудрых, которое является самой меркуриальной водой, и, наконец, в герметическую землю, образующуюся из этой воды, занимающей дно сосуда. Она, кстати говоря, и состоит из трех вещей, по словам Философов: воды, земли и небесной

¹ Трем божествам он три алтаря устроил из дерна:
Левый, Меркурий, тебе, а правый — воинственной деве,
Средний Юпитеру в честь. Минерве заклали телицу,
Богу с крыльями тельца, тебе же быка, Наивышний!

активной, огненной квинтэссенции, живящей два других начала и образующей в Меркурии средоточие инструментов и орудий Вулкана.

Мифологи, видя, что Меркурию посвящают языки жертв, не сообразили, что это делалось не по причине красноречивости сего бога. Не лучше было бы им обратить внимание на то, что языки эти сжигали во время обряда, и обряды эти нужно было проводить тайно. Вот тогда они поняли бы, что языки приносились в жертву не по причине его надуманной красноречивости, а чтобы подчеркнуть тайну, которую жрецы должны были хранить.

Таков он, этот Меркурий, столь знаменитый во все времена и у всех народов, родившийся сначала в иероглифах египтян, а затем ставший предметом иносказаний и вымыслов поэтов. Лучше всего завершить рассказ о нем словами Орфея, описывающего жилище Меркурия¹. Это был источник и хранилище всех благ и всех богатств; и всякий мудрый и рассудительный человек мог черпать из него сколько угодно. Там можно было найти даже и лекарство от всех болезней.

Только такие ясные слова Орфея могли раскрыть глаза мифологам и показать им, каким был бог Меркурий, хранивший в своем естестве начало здоровья и богатств. При этом Орфей предупреждает, что для того, чтобы найти их и завладеть ими, требуются благоразумие и мудрость. Трудно ли догадаться, какой природы могли быть эти блага, пользование которыми могло освободить человека от всех невзгод? Известны ли еще какие-либо другие камни, кроме Философского, коим приписывались бы подобные свойства? Жилище его — это сосуд, в котором его получают, Меркурий — это материя, символы которой описывались под именами и под видом быков, баранов, собак, змей, драконов, орлов и бесчисленного множества животных. Также она известна под именами Тифона, Пифона, Ехидны, Кербера, Химеры, Сфинкса, Гидры, Гекаты, Гериона и почти всех людей, ибо материя эта есть их начало.

§ II

ВАКХ ИЛИ БАХУС

Бахус был сыном Юпитера, и он достаточно известен, чтобы найти ему место в нашем труде. Матерью его была Семела. Он был тем же, что Осирис для египтян и Бахус для римлян. Потому мы и будем именовать его то Бахусом, то Бахусом, а то и Осирисом.

Семела — дочь Кадма и Гармонии — понравилась Юпитеру, и он умножил ею число своих сожительниц. Ревнивая Юнона вспылала к ней злобой и, чтобы дать почувствовать Семеле силу своего гнева, обернулась кормилицей своей соперницы Бероей и пробралась к ней, когда та уже была беременна. Затем Юнона убедила Семелу добиться от Юпитера, чтобы тот поклялся Стиксом, что сделает для нее все, чего она пожелает. По наущению Юноны, Семела попросила Юпитера явиться к ней во всем своем величии и доказать ей, что он действитель-

¹

At quemcumque virum ducit prudentia cordis
Mercurii ingredier speluncam, plurima ubi ille
Deposuit bona, stat quorum praegrandis acervus:
Ambabus valet hic manibus sibi sumere & ista
Ferre domum: valet hic vitare incommoda cuncta.

но глава всех богов. Юпитер дал ей такое обещание и на самом деле прибыл к Семеле со своими молниями и громом, превратившими в пепел дворец и ту, что жила в нем, как пишут Еврипид¹ и Овидий². Однако Юпитер решил спасти ребенка, которого носила Семела, и извлек его из чрева матери, чтобы поместить в свое бедро и оставить там на срок, необходимый для рождения. Об этом проявлении отеческой доброты мы узнаем от Овидия, хотя он и считал это мифом³. Орфей говорит, что Бахус был сыном Юпитера и Прозерпины и повторяет то же самое в гимне, называя его еще Μίσϋς, сыном Иσιды.

Бахус получил свое имя оттого, что пробил бедро Юпитера и родился с рогами; хотя, по мнению других, он был назван так потому, что Юпитер хромал все время, пока его носил, или же еще потому, что в момент его рождения пошел дождь.

Сразу же после его рождения Меркурий перенес Бахуса в город Нису на границе Аравии и Египта и отдал его на попечение нимф. Кое-кто считает, что как только Семела произвела Бахуса на свет, Кадм посадил ее вместе с сыном в деревянный сундук в виде ковчега, а запертый сундук бросил на волю волн. Сундук этот доплыл до Лаконии, где его открыли бедняки, увидевшие в нем мертвую Семелу и большого ребенка. Еще один автор (Мелеагр) утверждает, что Юпитер не сажал его себе в бедро, а он был извлечен нимфами из пепла матери, которые взяли Бахуса к себе на воспитание. Если судить по писаниям Аполлодора и Овидия⁴, кормилицами его были Гиады. Орфей был первым, кто заявил, что Бахус родился в Фивах, — очевидно и несомненно из признательности фиванцам, оказавшим ему хороший прием, когда он направлялся в Египет и не хуже принимавшим его на обратном пути. Поэтому египтяне надсмехались над греками, утверждавшими, будто Бахус был родом из их краев. Орфей же говорил, что Бахус был двуполюй, как это видно из его гимна Мисе:

1 Сын Зевса, Бахус, я — у фиванцев.
Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Поражена Зевесовым огнем.

Вакханки, 1–4

2 ...Открыто во чреве
Носит свой грех и матерью стать от Юпитера только
Хочет, что мне-то едва удалось, — в красу свою верит!
Ну так обманется в ней! Будь я не Сатурния, если
Деву любезник ее не потопит в хлябях стигийских!..
...Каким обнимает
В небе Юнона тебя, приступая к союзу Венеры,
Мне ты отдайся таким!..

Метаморфозы, III, 168–172, 293–295

3 А недоношенный плод, из лона матери вырван,
Был в отцовскую вшит — коль это достойно доверья —
Ляжку, и должный там срок, как во чреве у матери пробыл.

Метаморфозы, III, 310–312

4 Ино тайно с пелен воспитывать стала младенца, —
Тетка, Семелы сестра; потом нисейские нимфы
Приняли и молоком, в пещарах укрыв, вспоили.
Волей судьбы на земле так дело и шло, безопасно
Скрыта была колыбель два раза рожденного Вакха.

Метаморфозы, III, 313–317

Муж и жена, двуприродный Иакх, разрешающий узы...

Орфические гимны, XLII, 4

Ревность Юноны к Семеле коснулась и ее сына: она не могла смириться с тем, что Юпитер возвел его на небо, и, как уверяет нас Еврипид¹, хотела его оттуда согнать. Страшась гнева богини, Бахус решил скрыться от ее преследований. Когда он однажды отдыхал в тени дерева, его укусила за ногу змея амфисбена с головами на обоих концах тела. Бахус тут же проснулся и убил змею прутком виноградной лозы, оказавшимся поблизости. Это бегство бросало его в разные части света, причем он совершил удивительные дела, как пишет Ноэль ле Конт, со слов Еврипида. Играя, он добывал из земли молоко, мед и другие приятные напитки. Срубив ветку ферулы, он сделал так, что из нее потекло вино. Он разрубил на части овцу и разбросал куски ее тела, но они тут же срослись, овца ожила и стала пастись, как прежде.

У греческих авторов, считающих этого бога уроженцем Греции, столь мало согласия в мифах выдуманных на его счет, что лучше обращаться к Геродоту, Плутарху и Диодору, утверждающих, что Бахус родился в Египте и вырос в Нисе — городе благодатной Аравии, что он есть то же лицо, что и знаменитый Осирис, завоевавший Индию. Египтяне, как и греки, действительно признавали некоего Бахуса, но, хотя цель их иносказаний о Бахусе была такой же, они совсем иначе рассказывали о его жизни.

Так, мы узнаем, что правитель части Ливии, Аммон, женатый на дочери Неба, сестре Сатурна, отправился в страну, соседствующую с горами Керавнами, и повстречал там красавицу Амалфею. Она понравилась ему, они стали встечаться, и от этого родился у них красивый и сильный сын Бахус. Амалфею провозгласили правительницей этой страны, напоявшей своими очертаниями рог быка и прозванной «рогом Гесперид», а за свое плодородие и прочие богатства «рогом Амалфеи» — от греческого *ἀμα* и *ἄλφω*, *излечиваю все вместе, излечиваю все одновременно*.

Дабы укрыть Бахуса от гнева ревливой супруги своей, Аммон отправил его в Нису на остров, образованный водами реки Тритон и расположенный вблизи устья, под названием Нисейские ворота. Край этот был благодатнейший во всем мире: прозрачные реки орошали зеленые луга, в нем было изобилие всевозможных плодов, а виноград рос сам по себе. Температура воздуха там была настолько благоприятной, что все жители сохраняли прекрасное здоровье до глубокой старости. Берега острова покрыты были высокими лесами, в долинах всегда было прохладно, т.к. лучи солнца едва проникали туда. Приятная зелень деревьев и неувядающий ковер цветов радовали глаз, а слух улаждало беспрестанное щебетанье птиц. Словом, это была сказочная, волшебная страна, где хватало всего, способствующего полному удовлетворению человека.

Бахус воспитывался у Нисы, дочери Аристея — мудрого, рассудительного и образованного человека, взявшего на себя заботы его наставлять. Палладе по

¹ Исхитил Зевс и дивного младенца,
Возвел в богов обитель, на Олимп, —
Его согнать с него хотела Гера...

прозвищу Тритонская, т.к. она родилась у реки Тритон, было приказано оберегать Бахуса от козней мачехи.

Рея действительно завидовала славе и известности, полученными Бахусом под руководством столь видных учителей, и употребила все свое умение, чтобы излить на него хоть часть того гнева, которым она пылала к Аммону. Она бросила его и поселилась у Титанов, желая обосноваться там вместе с братом своим, Сатурном. Едва прибыв на место, просьбами и угрозами она уговорила Сатурна пойти на него войной. Аммон же, видя, что не может противостоять Сатурну, удалился на Иду, где женился на Крите — дочери правившего там одного из Куретов. Впоследствии остров получил название Крит. Сатурн завладел страной Аммона и собрал большое войско, чтобы захватить Нису и Бахуса; однако тирания его вызвала ненависть всех его новых подданных.

Узнав о бегстве отца, о беде, постигшей его страну, и о замыслах Сатурна против него самого, Бахус собрал большое войско, к которому присоединилось и немало амазонок, проявивших еще большую охоту, так как командовать ими должна была Паллада.

Обе армии сошлись врукопашную, и Сатурн в битве был ранен. Храбрость и мужество Бахуса принесли ему победу, титаны же обратились в бегство. Бахус преследовал их, пленил на землях Аммона, а затем вернул им свободу, предоставив выбор: либо встать под его знамена, либо же вернуться к себе домой. Они выбрали первое и стали почитать Бахуса за его попечительство над ними.

Побежденный и преследуемый Бахусом, Сатурн поджег город и вместе с Реей скрылся под покровом ночи, однако их вскоре настигли. Бахус предложил им жить дальше как хорошим родственникам и друзьям. Они согласились на его предложение и дали слово. Однако титанам довелось испытать на себе силу его гнева, когда они взбунтовались против него.

Одержав верх над всеми своими врагами, Бахус стал завоевывать любовь к себе своими благодеяниями. Он посетил немало стран, чтобы одарить ими всех людей; но, будучи мудрым правителем, он оставил при жене своей Меркурия Трисмегиста, дабы тот помогал ей советами; правление Египтом он поручил Геркулесу, а Прометей стал его наместником во всех державах. Достигнув индийских гор, он воздвиг там у реки Ганг две колонны; то же самое сделал и Геркулес на самой западной окраине Африки на берегах моря Атлантиды:

Решив там с двух сторон воздвигнуть пограничные столбы.

Поход этот длился три года, после чего он возвратился через Ливию и Испанию, основав город Нису в Индии.

Увлеченные пылкостью своего воображения, греческие поэты еще больше прибавили вымыслу египтян и привели недвусмысленное свидетельство истинности таких слов Горация:

...Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!

Наука поэзии, 9–10

Бахуса так славят и превозносят в их писаниях, кажется, за то только, что он научился делать вино или посадил виноград. Разве это не безумие, что древние оставили нам так мало текстов достойных внимания, но в то же время описывали вещи такие удивительные, как и мало правдоподобные, что они скорее похо-

жи на сон, чем на чудо? Если верить им, Юнона обратила на него свой гнев, что вынудило его скитаться по белу свету, и всюду его сопровождали с барабанами и прочими шумовыми инструментами лукавые демоны, Сатиры, Вакханки и Силены. В колесницу его были впряжены рыси, тигры, пантеры: так об этом, с их слов, писал Овидий¹.

Он же рассказывает, что Бахус оставался все время юным и был самым красивым из богов². По словам Исакия, древние полагали, что Бахус был юн и стар одновременно, Еврипид утверждал, что у него был Ὀῤῥῖορμορφον, женственный вид. Поэтому его обычно изображали безбородым юношей, хотя встречается также и бородатый Бахус, но иногда ему придавали вид старика.

Бахус всегда носил на себе шкуру леопарда, а вместо жезла у него был тирс. Ему посвящали кролика, дуб, плющ, вьюнок, фиговое дерево, из птиц — сороку, из четвероногих — тигра, льва, пантеру, из пресмыкающихся — змею или дракона. Женщин, участвовавших в праздниках, звали *вакханками*, *тиадами*, *мималонидами*.

В гимне, посвященном Бахусу, Гомер описывает, как в одном из путешествий на него напали тирские пираты и попытались захватить его, несмотря на защиту кормчего. Бахус превратил мачту и весла в змей, а сам обернулся львом. Охваченные ужасом моряки бросились бежать, но он превратил их в дельфинов, и они все устремились в море.

Греки добавили много и своих мифов к легенде о египетском Бахусе. Если верить Орфею³, Бахус проспал три года у Прозерпины, а когда проснулся, пустился танцевать с Нимфами.

Во всех этих вымыслах мы легко узнаем египетского Бахуса, который, по утверждению Геродота, был одним и тем же лицом, что и Осирис⁴: мы уже отмечаем это в соответствующем месте, и с этим соглашаются современные мифологи. Легко увидеть египетского бога, убитого Тифоном и его приспешниками, в Бахусе, изрубленном на куски в битве с Титанами. Разбросанные части тела сво-

1 Бог между тем, увенчав чело себе лозами в гроздьях,
Сам потрясает копьем, виноградной увитым листвою.
Тигры — вокруг божества: мерещатся призраки рысей,
Дикие тут же легли с пятнистою шкурой пантеры.
Метаморфозы, III, 666–669

...Рысей, впряженных четой, сжимаешь ты гордые выи
Силой узорных вожжей; вакханки вослед и сатиры...

Метаморфозы, III, 24–25

2 ... Ибо юность твоя неистленна,
Отрок ты веки веков! Ты всех прекраснее зришься
В небе высоком!

Метаморфозы, IV, 17–19

3 Я Бахуса подземного кличу, зову Амфиета,
Бодрствует он с прекраснокудрявыми нимфами вместе,
Спит же близ Ферсефонеи в ее священном чертоге,
Время трехлетнее Вакхово, время святое покоя.
Минут три года — и вновь поднимаешь веселые толпы,
Ты возвращаешься в гимнах...

Орфические гимны, LIII, 1–6

4 Только Исиду и Осириса (который, по их словам, есть наш Бахус) они все одинаково чтят.

История, II, 42

его супруга подобрала Исида. Паллада нашла Бахуса, когда у него еще билось сердце, и отнесла его к Юпитеру, вернувшему ему силы.

Таково краткое жизнеописание Бахуса, которого придерживаются египтяне и греки. Напомним теперь основные линии этих легенд, чтобы увидеть их связь с операциями Герметических Философов, выражаясь словами самих авторов, писавших об этом, и четко доказать, что именно великое делание есть тем подлинным предметом, который авторы имели в виду.

Рождение Бахуса в точности напоминает рождение Эскулапа; имена их матерей (Семела и Коронида) означают примерно одно и то же; одного воспитывал Хирон, другого — Меркурий, вскармливали их Нимфы, Гиады, т.е. водянистые части или меркуриальная вода Философов...

У Бахуса было две матери: Семела и Юпитер, а, согласно Раймунду Луллию, у философского дитяти два отца и две матери; он был, по его словам, извлечен из огня очень осторожно и не мог бы умереть. Юпитер принес Семеле этот огонь — тот огонь Философов, о котором говорит Рипли и который, если его зажечь в сосуде, горит сильнее и ярче, чем огонь обычный. Этот огонь извлекает плод мудрых из чрева матери и переносит его в бедро Юпитера, где он и находится, пока не созреет. Тогда сие философское дитя, образовавшееся в чреве матери благодаря присутствию Юпитера и возвращенное его же заботами, появляется на свет с ликом белым, как Луна, и поразительно красивым¹.

Описание острова, где воспитывался Бахус Философов, как бы списано с описания того острова, куда Бахус был отправлен Аполлоном. Космополит говорит:

После долгих странствий от арктического полюса волею Божьей я был перенесен на берег большого моря. Любуясь водными забавами Мелозин и Нимф и безмятежно предаваясь своим мыслям, я погрузился в сладкий сон, в котором мне пришлось замечательное видение. Я вдруг увидел Нептуна, сего почтенного беловласого старца, учтиво приветствовавшего меня и отведшего меня на красивый остров. Он расположен на юге и изобилует всем, что нужно для удобства и радостей жизни. Вергилиевы Елисейские поля лишь едва можно сравнить с ним. На побережье этого острова растут высокие кипарисы, красивые миртовые деревья и розмарин. Луга его расцвечены цветами, холмы покрыты виноградниками, оливковыми и кедровыми деревьями; в рощах полно апельсинных и лимонных деревьев; дороги обсажены лавровыми и гранатовыми деревьями, в тени которых отдыхают путники: словом, на нем собрано все, что только есть чудесного в мире.

Мы уже довольно много говорили о родителях и рождении Бахуса; перейдем же к его деяниям. Вскормленный и воспитанный Нимфами и Гиадами, т.е. летучей меркуриальной водой, которую Философы именовали *малокам*, ребенок растет, развивается, питается и крепнет, как говорит Артефий («О философском камне»). Поднесите жабу (фиксированную часть) к груди его матери и оставьте ее там, пока она не вырастет, питаясь ее *малокам*. Майер употребил слова одного из адептов, чтобы составить свою пятую герметическую эмблему.

¹ Saturno (nigredine) expulso Jupiter insignia & regni moderamen suscipit, cujus adventu infans Philosophicus formatur, in utero nutritur, ac tandem in lucem prodit, candida & serenâ facie Lunae splendorem referens.

Нет смысла приводить здесь бесчисленное множество текстов, где меркуриальную воду называют *молоком*, *молоком девственницы* и пищей дитяти. Мы не единожды показывали, что Нимфы и Гиады — это не что иное, как летучая меркуриальная вода, и можно легко понять, почему в мифе, после извлечения Бахуса из пепла Семелы, его наставником и почитателем становится Меркурий.

Бахус убил змея Амфисбена, как Аполлон убил Пифона; оба эти божества — одно и то же, как мы уже доказывали это, призвав на помощь Геродота, и как об этом говорит уже приводившийся нами один из древних авторов:

Юпитер есть тот же Плутон, Солнце и Бахус.

Следовало бы даже предположить, что и Амфисбен и змей Пифон также есть одно и то же. Но когда нам говорят, что Бахус убил его веткой виноградной лозы, а Аполлон стрелами, то стрелы эти означают летучую часть материи. Ее Раймунд Луллий почти во всех своих трудах именует белым вином и вином красным, в зависимости от достигнутой степени совершенства и согласно белому или красному цвету, принимаемому меркурием при варке. Змей Амфисбен такой же, как две змеи на кадуцее Меркурия, две змеи Эскулапа, два дракона Фламеля, один из которых муж, а другой жена, один крылатый, а другой бескрылый, являющиеся, однако, вавилонским драконом или драконом Гесперид, или тем, кто сторожил Золотое руно, или Лернейской гидрой и т.д., причем все они имели по несколько голов.

Бахус добывал из земли вино, воду и многие другие жидкости. Объяснить это чудо очень легко. Материя магистерия состоит из земли и воды: когда она растворяется и высыхает, то переходит в воду; эту воду Философы называют то молоком, то вином, то уксусом или маслом и т.д. в зависимости от того, на какой ступени операций она пребывает. Вобрав в себя кислоту, она становится уксусом. Когда она приобретает белую окраску, то это уже молоко, молоко девственницы, белое вино. Достигнув красного цвета, она становится красным вином; и все эти жидкости вытекают из земли или из земли Философов. Бахус добывает их, будучи сам фиксированной частью сей материи, называемой золотом, Фобом, Аполлоном Мудрых.

У Философов, по словам Агмона (Cod. Veritatis seu Turba), Бахус предстает бородатым и безбородым, юношей и стариком, мужчиной и женщиной одновременно: «Он безбород и в то же время с бородой; у него есть крылья, и он летает; он бескрылый и не летает; назовите его водой, — и вы не ошибетесь; но если вы скажете, что он не вода, то тоже будете правы»; потому что это гермафродитское, летучее и фиксированное соединение, и, коль так, то первое представляет собой мужа, а второе — жену; и потому ему дали имя *Рибис*.

Если взглянуть на то, как египтяне описывают жизнь Бахуса, говоря, что Амон женился на сестре Сатурна Рее, а Бахуса он прижил с нимфой Амалфеей, то можно полагать, что они обращали больше внимания на саму вещь, нежели на имена, поскольку они вполне ей соответствуют. Мифологи согласны, что египтяне не делали различия между Бахусом и Осирисом, и если они называли их родителей разными именами, то этим вымыслом они ясно доказывают, что не собились выдавать мифы за правду.

Но какова же была суть этого мифа? О чем именно в нем говорится? Все это мы объясняли выше. Однако для пушшего убеждения читателя повторим кратко легенду о Бахусе.

Город Ниса представляет сосуд; у города узкие и закрытые ворота: это — горлышко и клей, которым его закупоривают; красоты страны, цветы, произрастающие в ней, — это разная окраска, принимаемая материей. Изысканные плоды, здоровая температура воздуха, позволяющая людям жить там до глубокой старости в окружении всяческого изобилия, указывают на лекарство от всех болезней и на порошок: первое дает богатство, второе — здоровье. Аристей, пользующийся советами Паллады и приставленный заботиться о воспитании Бахуса, — это рассудительный мастер, мудро ведущий операции делания. По просьбе сестры своей, Реи, Сатурн сражается с Бахусом и терпит поражение; это чернота, как следствие растворения материи, вызванного меркуриальной водой, обозначаемой именем Рея от *réw*, *fluo* — течь; летучие части, беспрестанно носящиеся в сосуде, — это Амазонки, принесшие ему победу; и потому считается, что Менады, Вакханки, сопровождавшие Бахуса, и Музы с Амазонками, следовавшие за Бахусом, всегда распевали песни, танцевали и никогда не стояли на месте, что как нельзя лучше подходит к летучим частям, которые, постоянно отмывая материю, удаляют черноту Сатурна и являют свету белизну, знак победы. Синезий рассказывает:

Заметьте, что земля сия будет отмыта таким образом от черноты варкой, ибо летучие части легко очищают ее от воды, и так происходит завершение магистерия.

Ночью Сатурн поджигает город и совершает побег. Это означает исчезновение черного, оставляющего после себя вещество серое, как пепел, остающийся после пожара. Философы и называли его пеплом, как о том свидетельствует Мориен: «Не пренебрегайте пеплом, ибо в нем спрятана диадема короля нашего» («Беседа с королем Калидом»). Не будем задерживаться на походе Бахуса в Индию; можно вернуться к рассказу об Осирисе. Достаточно заметить, что авторы этого вымысла, описывая животных, движущихся вслед за Бахусом или впряженных в его колесницу, выбрали тех из них, у кого шкура пестрой окраски, в качестве иероглифов и символов различных цветов, проявляющихся одновременно, или друг за другом в веществе. Они взяли для этого тигров, рысей, пантер, леопардов.

У Бахуса, как говорят, был сын Стафил. Можно ли считать его чем-то иным, кроме той же самой, ставшей красной, материей, которую Философы называли белым вином, когда она молочно-белая, и красным вином, когда она приобретает красный цвет от варки? Это и есть Стафил, что значит по-гречески *σταφύλῃ*, виноград. У Стафила была дочь Рео, которая не проявила должного жестокосердия к Аполлону. Когда отец обнаружил, что дочь его понесла, он посадил ее в сундук и бросил в море, и морские волны донесли ее до Эвбеи. Рео укрылась в пещере и родила в ней сына, назвав его *Αῤῥαῖν*, от греческого «заканчивать», «свершать». У Ания родилось три дочери от нимфы Дориппы: Эно, Спермо и Элаида, которые обратились в голубей и превращали все, к чему прикасались, в вино, в хлеб, в масло, соответственно значению каждого имени.

Итак, потомство Бахуса есть, конечно, символ философского эликсира, состоящего из Аполлона, Стафила и Рео, т.к., согласно д'Эспанье, в него входят три вещи: металлическая вода или меркурий Философов, белая или красная заквас-

ка, по выбору мастера, и вторая сера — все в нужной пропорции веса и меры. Металлическая вода это Рео, по-гречески, *ρεῶ*, я теку. Вода эта впитывает в себя золото Философов, обозначенное Аполлоном, а Стафил — это вторая сера, подобно тому, как Бахус есть первая, согласно тому же д'Эспанье:

Пусть знают прилежные почитатели Философии, что из этой первой серы зачинается вторая, которая может умножаться до бесконечности.

Аний — это сам эликсир, получаемый от соития Аполлона и Рео, родившийся в пещере, т.е. в сосуде. Брак Ания с Дориппой и дети, рожденные от него, означают умножение, совершающееся только от этих двух веществ, а именно эликсира и ртутиальной воды, как говорит все тот же д'Эспанье: «Эликсир умножают тремя способами: согласно одному из них, нужно взять одну часть этого эликсира, смешать его с девятью частями его воды и поместить все вместе в хорошо закупоренный сосуд. Затем варить на медленном огне и т.д.». Трое детей Ания суть вино, хлеб и масло, т.к. в Азии считали, что им всего хватает, если у них были три эти вещи, как сказано в Священном Писании:

Ты исполнил сердце мое веселием с того времени, как у них и хлеб, и вино, и елей умножились. Спокойно ложусь я и сплю...

Пс. 4, 8

А вот слова Иеремии:

И придут они, и будут торжествовать на высотах Сиона; и стекутся к благостыне Господа, к пшенице и вину и елею...и душа их будет, как напоенный водою сад, и они не будут уже более томиться.

Иер. 31, 12

Так характеризуется действие порошка, дающего здоровье и богатство.

Немало авторов принимали Бахуса за Солнце, а Цереру за Луну, как, например, Вергилий в первой книге «Георгик»:

Ярчайшие светочи мира!...¹

или Орфей в своих гимнах:

Солнце, чье божество именуют в мольбах Бахусом².

Заметим, однако, что поэты, как правило, следуют полученным представлениям и образу мыслей простонародья; ибо если Бахус и Осирис одно и то же лицо, как мы уже достаточно это доказали, а Аполлон и Диана — это Солнце и Луна, то, как же можно утверждать, что Аполлон это сын Осириса? И что же, Солнце это свой собственный сын? У поэтов встречается множество таких нелепостей, весьма ясно доказывающих, что те, кто их выдумал, не собирались преподносить их как подлинные жизнеописания, и потому они добавляют, например, что Бахус проспал три года у Прозерпины, что он родился с рогами, был обращен во льва, умер и воскрес; что Медея оказала его кормилицам такую же услугу, как и отцу Ясона, и еще много других побасенок, которые можно объяснить только при помощи Герметической Философии.

¹ Георгики, I, 5. — *Прим. ред.*

² Цит. по: *Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. — С. 176. — Прим. ред.*

§ III ПЕРСЕЙ

Аббат Банье пишет, что найдется немного легенд древних времен, более запутанных и более сказочных, чем легенда о Персее. Очень часто она преподносит нам неразрешимые загадки. При всем том, ученый аббат решается выдвигать огромное число предположений в качестве аргументов и утверждает, что нет ничего необычного в рождении этого героя и что история жизни его подлинна.

Когда Акрисий, у которого была дочь Данаая, узнал от оракула, что ему суждено потерять государство и даже жизнь от своего внука, он возвел в своем дворце бронзовую башню и заточил в ней Данаю с кормилицей, приставив к ним надежную стражу. Неравнодушный к прелестям и красоте Данаи Юпитер придумал, чтобы добиться ее, нечто новое: он проник в башню под видом золотого дождя, соединился с красавицей и сделал ее матерью Персея¹.

Данаая все так же сидела взаперти в своей башне, родила там, и Акрисий узнал о рождении ребенка только через три года. Тогда он привел дочь к алтарю Юпитера, и та поклялась, что зачала именно от этого бога. Акрисий не поверил ей и повелел убить ее кормилицу, а саму Данаю с маленьким Персеем посадил в деревянный сундук в виде ладьи и бросил в море. Затем, по воле волн и ветров, сундук прибило к берегам островка Сериф, одного из Киклад. Там в это время ловил рыбу брат государя Диктис, в сети которого и угодил сундук. Данаая стала умолять его скорее освободить их из заточения, рассказала, кто она, и Диктис отвел ее с ребенком к себе. Правитель острова Полидект, внук Нептуна, вознамерился взять Данаю силой, однако ему мешало присутствие Персея. Тогда он послал юношу добыть ему голову Медузы под тем предлогом, чтобы дать ее в приданое Гипподамии — дочери Эномая. Персею пришлось подчиниться Полидекту. Паллада подарила ему зеркало, Меркурий — меч, Плутон — шлем и мешок, а Нимфы — крылатые сандалии. Снаряженный таким образом Персей летал столь же быстро и легко, как мысль².

¹ ...Персей, от дождя золотого зачатый Данаей...

Метаморфозы, IV, 610

Башни медный замок, двери дубовые
И бессонных собак лай угрожающий
Для Данаи могли б верным оплотом быть
От ночных обольстителей.

Но над стражем ее, робким Акрисием,
Посмеялся Зевес вместе с Венерою,
И открылся им путь верный, сдва лишь бог
Превратил себя в золото.

Гораций. Оды, III, 16, 1–8

² Был там конный Персей, дитя пышногрудой Данаи,
И не касаясь щита и держась недалеко, —
Диво великое молвить! — но был он лишенным опоры.

Сам его золотым изваял своими руками
Славный Хромец. Вкрут ног сандалии были крылаты,
Меч повисал вкрут плечей, облаченный в черные ножны,
В медную перевязь вдетый, — летел он мысли подобный.

Гесиод. Щит Геракла, 216–222

Медуза же была дочерью Форкия, младшей из Горгон, убивавших и превращавших в камень людей одним своим взглядом. В волосах их извивались змеи, изо рта торчали острые кривые зубы, похожие на кабаньи клыки, у них были к тому же железные когти и золотые крылья. Чудища сии обитали на границах Иберии, недалеко от сада Гесперид. У Форкия были и другие дочери — старшие сестры Горгон. У этих, называвшихся Граями, был на всех один глаз и один зуб. Персей начал свое приключение с них, отобрав их око и зуб и пообещав вернуть только тогда, когда они укажут ему, как найти нимф с крылатыми сандалиями. Затем он направился к Медузе, а приближаясь к ней, закрылся щитом, полученным от Паллады вместе с зеркалом. Он надел также и шлем Плутона и, глядя на Медузу в зеркало, отсек ей голову и показал ее Палладе, направлявшей его руку. От вытекшей крови Медузы родился Пегас, на которого Персей вскочил и понесся по воздуху в обратный путь. На этом пути ему удалось испробовать силу Медузиной головы. На берегу Эфиопского моря к скале была прикована на съедение морскому чудовищу дочь правителя Кефея и Кассиопей, Андромеда, в наказание за то, что ее мать имела смелость утверждать, что Андромеда не уступает красотой Нереидам. Движимый состраданием и любовью, Персей вызволил Андромеду и затем женился на ней. После этого герой отправился в Мавританию и там превратил Атланта, плохо встретившего его¹, в гору Атлас. У Атланта была дочь Мета, упоминаемая Гомером в первой книге его «Одиссеи»². В мифе говорится, что Атлант властвовал над Гесперидами и, что Фемиде как-то предсказала ему, что один из сыновей Юпитера похитит у него золотые яблоки³.

Завершив странствие, Персей привез супругу на Сериф, убил там Полидекта и направил стопы свои на Аргос. Наслышанный о подвигах Персея, Акрисий сначала скрылся в Лариссе, но Персей настиг его и потребовал вернуться на Аргос. Перед отъездом наш герой возжелал показать свою ловкость, для чего были устроены бои и игры атлетов. Персей так сильно метнул свой диск, что, по несчастью попал им в Акрисия, и тот свалился замертво, как и предсказывал оракул, так что жестокость, проявленная им к дочери и внуку, никак ему не помогла.

От крови, лившейся из головы Медузы, родился не один лишь Пегас, а еще и Хрисаор — будущий отец знаменитого Гериона, убитого Геркулесом.

Едва только Пегас родился вблизи истоков Океана, как он тут же покинул землю и вознесся к обители бессмертных. Там он и живет — в самом дворце Юпитера — и носит за ним его молнии и громы. Паллада поручила его попечению Беллеро-

1 «Если моей дорожишь ты столь мало приязню,
дар мой прими!» — говорит; и, видом ужасное, слева
Сам отвернувшись, к нему лицо протянул он Медузы.
С гору быв ростом, горой стал Атлант...

Метаморфозы, IV, 653–656

2 ...На нем обитает богиня,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который надзор за столбами имеет...

Одиссея, I, 51–53

3 ...Тот же о древнем
Помнил вещанье, из уст прозвучавшем парнасской Фемиды:
«Время настанет, Атлант, и ограблено золото будет
Древа, и лучшая часть достанется Зевсову сыну».

Метаморфозы, IV, 541–544

фонта, сына Главка, отцом которого был Сисиф, дедом Эол, а прадедом Юпитер. Оседлав Пегаса, Беллерофонт отправился сражаться с Химерой — чудищем из божественного рода, как пишет в «Илиаде» Гомер, с головой льва, хвостом дракона и туловищем козы. Из раскрытой своей пасти оно изрыгало клубы огня и дыма. Гесиод утверждает, что родителями Химеры были Тифон и Ехидна¹.

Этот миф о Химере выглядит настолько сказочным, что аббат Банье, всегда с такой изобретательностью хватающийся за любое обстоятельство, способное подкрепить его систему, не решился взять ничего из объяснений мифологов. Он говорит, что напрасно было бы ожидать от него описания чудовища, само имя которого стало созвучным с эпитетами, которыми награждают некоторых людей, называя их «химерами». И посему он осуждает Лукреция, всерьез задумавшего доказать при помощи определенных замечаний, что Химера никогда не существовала. Естественные объяснения Плутарха, Никандра из Колофона заслуживают не больше доверия, чем предположения тех, кто придает этому мифу смысл еще и морали. Однако, имеет ли ученый аббат больше прочных оснований для принятия объяснений, приводимых Страбоном, Плинием и Сервием? Он признает сам, что у Ктесия, на которого ссылаются авторы, нет никакого упоминания о Химере и, что они, очевидно, неправильно прочитали это слово. Подумаем, например, кто такие эти Беллерофонт, конь Пегас, укрощенный Минервой и приведенный ею к Персею, дабы он мог отправиться в свой поход. Можем ли мы утверждать вслед за нашим ученым академиком, что понадобилось именно такое воинское снаряжение для охоты на диких коз и змей, опустошавших луга и долины, из-за чего там нельзя было выпасать скот? Из приведенного нами текста Гесиода вытекает даже, что аббат Банье недостаточно внимательно читал этого древнего поэта, если он заявляет, что, когда у него идет речь о Пегасе, это не значит, что Беллерофонт ездил на нем.

Что же до иных обстоятельств этого мифа, то Теопомп говорит, например, что Беллерофонт убил Химеру копьем, а не из лука; а наконецник его копья был окован свинцом, и от огня, изрыгаемого чудовищем, свинец расплавился, когда герой воткнул его в глотку, так достиг нутра Химеры, и та издохла. Признаемся, что такая стратагема не могла бы прийти в голову автору, не знавшему о предмете этого вымысла. И такой автор не вставил бы ее в эту легенду, если бы не подумывал в виду и кое-что другое, кроме событий самого мифа.

Пегас стукнул копытом по двугорбой горе Парнасу, и оттуда забил источник Иппокрена, из которого пили воду Аполлон, Музы, поэты и писатели. Вода эта

¹ Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна,
Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах.
Как говорят, с быстроглазою девою той сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
.....
Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
[Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.]
Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.

пробуждает и распаляет их воображение и, наверное, именно потому Музы были столь подвижны и легки, как описывает их Гесиод¹.

Все свои сочинения поэты черпают в источнике Парнаса; источник возник благодаря Пегасу, Пегас родился из крови Медузы, Медуза — от морского чудовища, и была убита Персеем; Персей был сыном Юпитера, Юпитер — сыном Сатурна, отцом же Сатурна было Небо, а матерью Земля. То же самое можно рассказать и о Хрисаоре, отце Гериона, чьи быки пурпурного цвета были похищены Геркулесом. Таким образом, все мифы возвращают нас к Сатурну как к их началу, поскольку этот первый из богов, как начало других, является также и первоначалом операций и материи Герметических Философов.

Мы могли бы поместить еще в главу об Осирисе сделанное Гесиодом описание Муз. Оно пришлось бы кстати, чтобы подтвердить данные нами разъяснения этих божеств и убедить, что они вполне соответствуют представлениям древних о них. Но, поскольку Музы были больше известны под этим именем в Греции, чем в Египте, более оправданно было оставить их для главы о Парнасе и о том, что к нему относится. И действительно, разве какому-либо Герметическому Философу удалось бы придумать более обстоятельное сочинение, чтобы иносказательно объяснить то, что происходит в течение операций великого делания? Разве гора Геликон не есть та самая философская материя, о которой говорит Мария в своей эпистоле к Аросу: *«Возьмите траву, что растет на малых горах»*? Или та, о которой пишет в своем кратком обобщении Фламель:

Я также никогда не говорил,
Чтобы Философы три вещи²
Соединяли вместе,
Пытаясь получить меркурий
По принципу алхимиков-невежд,
Толпы непросвещенной...
.....
Нельзя наш истиннейший минерал,
Материю первичную, найти
Никак иначе, если только
На гору из семи
Нам не взобраться; туда,
Где нет совсем равнины...
.....
И там, на высоте огромной,
Узнать, не ошибаясь,

¹ С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высокою, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...
Нежное тело свое искупавши в теченьях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,
Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
Ночью они приходили и пели чудесные песни...

Теогония, 1–10

² Обычные золото, серебро и ртуть.

Траву победную и королевскую нашу,
Которую зовем мы минералом...¹

Наш Меркурий рождается между двух гор, говорит Арнольд из Виллановы; это — две вершины Парнаса или двугорбая гора. Наш *Ребис* образуется между двух гор, как Гермафродит из мифа, говорит Михаэль Майер, составивший для него свою 38-ю эмблему. Да и множество других авторов, которых слишком долго было бы перечислять, ясно, хотя и аллегорическим образом, дают понять, что их золотоносный или солнечный порошок берется и образуется из этой горы и на ней. Можно даже сказать, что гора Геликон получила свое название именно отсюда, по-гречески *Нῆλος*, Солнце и *Κόνις*, порошок, пыль, пепел и потому она была посвящена Аполлону. Те, кто считает, что название происходит от *Εἰλικός* черный, также подтверждают правильность нашей системы. И, в особенности, ту часть делания, что связана с музами или с летучими частями, проявляющимися в то время, когда материя превращается в черный порошок, о чем не забыл Гесиод.

А возведенный алтарь Юпитера, — не есть ли он сын Сатурна, Юпитер Философов, о котором мы столь часто вели речь? Также голубоватый источник, вокруг которого танцуют Музы, — разве это не меркуриальная вода, о которой Раймунд Луллий говорит, что называет ее небесной, поскольку она цвета неба? Это тот самый меркурий, который Филалет именует небом и который должен быть сублимирован, пишет он, чтобы достичь небесного цвета. Безумцы, пишет он далее, понимают его, как ртуть вульгарную. Голубизна, по словам Фламеля, указывает, что растворение еще не осуществлено, или что черный цвет уступает место серому цвету. Именно в этом источнике Тревизана омывают Музы свои нежные и тонкие тела и танцуют вокруг него; ибо летучие части, беспрестанно поднимающиеся и опускающиеся в сосуде, ниспадают в источник, чтобы обмыться в нем, и вновь выходят из него, так сказать, танцую и летая. Гесиод так описывает это:

...Обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...²

Он указывает, что происходит это в пустом пространстве сосуда: «На геликонской вершине», и он называет даже время операции, в которое материя достигает черного цвета: «*Ночью они приходили*». Поэтому и Овидий пишет, что некто, по имени Пиреней, пригласил Муз к себе в дом, так как шел дождь; он, пораженный их красотой, замыслил добиться их силой и запер их у себя, однако боги услышали их мольбы и дали им крылья, при помощи которых они ускользнули из его рук:

...Но дом Пиреней запирает.
Нам же насильем грозит. Его мы избегли — на крыльях.

Метаморфозы, V, 287–288

Мусей и другие древние утверждали, что Музы были сестрами Сатурна и дочерьми Неба, очевидно потому, что достигшая черноты материя делания — это Сатурн Философов; а когда Гесиод называет их дочерьми Юпитера и Мнемозины, то делает это потому, что летучие части носятся в сосуде, в то время, как

¹ См.: Фламель Н. Краткое изложение философии. — *Прим. ред.*

² См.: Теогония, 3–4. — *Прим. ред.*

Юпитер Философов или серый цвет, занимает место черного, обозначаемого *μῦς*, Мнемозиной — от слова гробница, могила. Как и некоторые другие, Филалет и Николя Фламель использовали аллереорию могили, чтобы указать на цвет: «Итак, эта чернота ясно указывает, что в начале материя начинает гнить и растворяться в порошок, более тонкий, чем атомы солнца, превращающиеся в устойчивую воду; и такое растворение Философы именуют смертью, уничтожением, гибелью, потому что природы меняют свою форму. Отсюда столько аллегорий о покойниках, могилах и склепах», Василий Валентин использовал иносказания в своих 4-м и 8-м ключах, а также в первой операции своего «Азота».

Разве могли древние лишиться себя удовольствия поставить Аполлона во главе хора Муз, считая Солнце Философов частью фиксированной, огненной, началом брожения, зачатия и главная часть делания, к которой стремятся летучие части и в которой они, наконец, соединяются как в центре?

От Арнольда из Виллановы мы узнаем, какое воспитание должен был получить Персей.

Требуется определенное время, чтобы она (Даная) зачала, родила и вскормила дитя свое. Так что, когда земля зачнет, терпеливо ждите, когда она разродится. Когда же сын (Персей) родится, питайте его так, чтобы был он крепким и достаточно сильным, дабы победить чудовищ и дабы мог он подвергать себя огню, не боясь его.

В этом состоянии и получил он меч Меркурия, щит Паллады и шлем Плутонa. Он может теперь отважиться напасть на Медузу и породить из ее крови Хрисора; т.е., став порошком, он победит нечистые и мышьяковые силы, заражающие собой несовершенные металлы, и трансмутирует их в золото, ибо Хрисор, *Χρυσός* значит по-гречески *золото*. Знаками этих злокачественных, ядовитых и смертельных сер являются Горгоны, и потому их изображают еще с чудовищным ликом, с волосами из вьющихся змей, с золочеными крыльями, а живут они около сада Гесперид.

§ IV

ЛЕДА, КАСТОР, ПОЛЛУКС, ЕЛЕНА И КЛИТЕМНЕСТРА

Леду, жену повелителя Спарты — Тиндарея, возлюбил Юпитер. Обернувшись лебедем, он спасся в объятиях Леды от погнавшего за ним орла, а спустя девять месяцев она произвела на свет два яйца: из первого вышли Поллукс и Елена¹, а из второго — Кастор и Клитемнестра. Первое яйцо стало источником всех напастей, якобы свалившихся на троянцев. Но, если Елена существовала только в легендах, то, что можно сказать о ее похищении? А что останется от Троянской войны? Да-

1 ...Положим, существует
Предание, что сам отец богов
Когда-то мать мою крылами обнял,
Что, лебедем прикинувшись, на лоне
Ее он скрылся, подавая вид,
Что от орла спасается...

Евритид. Елена, 16–21

Кастора и Полидевка пою, Тиндаридов могучих.
От олимпийского Зевса-владыки они происходят.
Их родила под главами Тайгета владычица Лeda,
Тайно принявшая бремя в объятиях Зевса-Кронида.

Гомеровские гимны, XVII, 1–4

лее, если Елена плод воображения, то могут ли быть более реальными Кастор и Поллукс? Это значит, что их участие в походе аргонавтов также вымысел, а ведь он состоялся, судя по словам летописцев, за сто лет до троянской войны; и это значит, Клитемнестра не была убита сыном Агамемнона, Орестом. Если забыть золотое яблоко, брошенное богиней раздора Дискордией, то не будет и спора между богами, и не произойдет похищение Елены. Таким образом, какое-то яблоко и какое-то яйцо послужили причиной тысячи несчастий. Но, признаемся честно, несчастья эти были такими же призрачными, сколь и породившая их причина. Ибо можно ли находить столько оснований, какие нашел аббат Банье, чтобы полагать, будто не следует пренебрегать *предположением* тех, кто утверждает, что Леда провела любовника в самое высокое место своего дворца, имевшее овальную форму; именно это и породило, по мнению аббата, легенду о яйце, *ῥῶν*. Нужно и впрямь очень нуждаться в подобных предположениях, чтобы самому высказывать подобные им. Смехотворность этого легко узреть, если обратить внимание на то, что, как говорится в мифе, Леда разродилась яйцом, а не в яйце. Можно ли предположить, чтобы принцесса разрешилась овальным зданием? Но оставим на время яйцо и скажем несколько слов о Клитемнестре.

Агамемнон взял ее в жены, и она родила ему Ореста. После этого Агамемнон отправился на троянскую войну, а с женой оставил своего двоюродного брата Эгисфа, приставив к ним соглядатаем некоего певца. Эгисф добился любви Клитемнестры и избавился от слишком бдительного стража. Клитемнестре также удалось избавиться от мужа после его возвращения с троянской войны, и жертвой ее преступного замысла мог бы стать и Орест, если бы не решился на бегство. Впоследствии он отомстит за смерть своего отца и деда, собственной рукой своей, убив Эгисфа и Клитемнестру в храме Аполлона. Убийство было прощено Оресту ареопагом, но когда голоса за и против этого прощения разделились поровну, он воздвиг алтарь Минерве, и она своим голосом перевесила чашу весов. Он смог затем очиститься, выпив воды Иппокрены. Однако Ореста повсюду преследовал призрак его преступления, приводя его в ужас. Тогда он спросил у оракула, как освободиться от этого наваждения, и получил ответ, что ему надлежит отправиться в страну скифов, Тавриду, похитить там статую Дианы, увезти оттуда свою сестру Ифигению и искупаться в реке с водами из семи родников.

Во время похода Орест не стриг волосы в знак траура, а остриг их уже в Тавриде, и место, где он их сложил, назвали *Акем*. Некоторые утверждают, что он спрятал волосы под камнем, на котором сидел над рекой Гифеей в Лаконии, когда избавился от чувства ужаса.

Вернувшись домой, он отдал сестру свою Электру в жены другу Пиладу, а после того, как убил сына Ахилла, Неоптолема, а сам женился на Гермione, родившей ему Тисамена. Ему удалось также добиться благосклонности Эригоны, дочери Эгисфа, с которой он прижил Пенфила, и, в конце концов, он умер от укуса змеи.

Впоследствии лакедемоняне прибегали к услугам оракула, чтобы закончить весьма неудачную для них войну с тегейцами. Оракул отвечал, что нужно искать кости Ореста в месте, где дуют ветры, где сражаются, где оружие бьющего отражается, и где находится человеческая погибель. Лихас истолковал этот ответ как указание о кузнице, где бьют молотом, и где молоток отскакивает от наковальни, где куется оружие для уничтожения человечества. Лихас действительно нашел кости Ореста и похоронил их по наказу оракула в могиле Агамемнона около храма Парок.

Следуя своей хвальной привычке, аббат Банье игнорирует все обстоятельства этого мифа, которые он не может подогнать под свою систему. В самом деле, если воспринимать все буквально, то, сколько нелепостей мы встретим в нем! Однако если объяснять мнимые преступления рода Ореста к аллегории, из которой они произошли, то все они вместе с нелепостями как бы испаряются.

Далее, в рассказе о Троянской войне мы объясним, что следует понимать под Агамемноном. Жена его Клитемнестра была дочерью Юпитера и Леды, а не Тиндарея и Леды, но родилась она именно в его дворце, если верить Гомеру и Аполлонию, и по этой причине братьев Клитемнестры, Кастора и Поллукса, звали еще тиндаридами. Родились они из двух яиц, и аббат Банье объясняет это формой верхней части дворца Тиндарея, поскольку место это по-гречески *ῶον* и *ῶν* значило «яйцо». Впрочем, разве легенды о превращении Юпитера не достаточно, чтобы утвердиться в этой мысли? Разве лебедь размножается не *ῶν* яйцом, а как-то иначе? Лучше было, разумеется, смотреть на эту басню как на чистый вымысел и понять, что и яйца эти, и Леда — всего лишь сказка.

И если уж аббат Банье сознательно принял на веру такие выдумки, то почему он не воспользовался ими для объяснения рождения Эскулапа из яйца? Он признает, что эта легенда могла возникнуть из-за имени Коронида, матери этого бога медицины, потому что Коронида означает «ворона». Что же могло помешать думать, что превращение Юпитера в лебедя привело к легенде о том, будто Леда понесла два яйца? Эта мысль была бы гораздо естественнее той, согласно которой все связывалось с жилищами овальной формы, где Леда принимала своего возлюбленного. Но нашему ученому невдомек, что авторы легенд об Эскулапе и о Леде имели в виду один и тот же предмет, т.е. материю герметического делания, которую многие Философы называли яйцом и о чем, например, так говорил Фламель: *печь — это дом и жилище цыпленка*. Гермес в своей книге о семи предметах, называемых Фламелем семью египетскими печатями, пишет, что из материи делания должно родиться яйцо, а из яйца — птица. Василий Валентин прибегает к аллегории лебедя в своих 6-м и 8-м ключах. Раймунд Луллий сообщает нам, что дитя Философов округляется в виде яйца в сосуде, и, как говорит Рипли:

Мы зовем яйцом нашу материю, ибо, подобно тому, как яйцо состоит из трех субстанций, как-то: желток, белок и покрывающая их тонкая оболочка, не считая скорлупы, так и наша материя состоит из трех, а именно: серы, соли и ртути. Из сих троих должна родиться птица Гермеса или дитя Философов, если передать ему огонь, необходимого курице для высиживания яйца.

Моский своими объяснениями не оставляет никаких сомнений относительно мифов о Леде и Корониде:

Заявляю вам, что нельзя изготовить никакой инструмент, кроме как при помощи нашего белого, звездного, сверкающего порошка и нашего белого камня, ибо именно из этого порошка делают материалы, из которых можно образовать яйцо. Философы, однако же, не захотели сообщить, если не считать аллегорий и вымыслов, что же это за яйцо или, что же за птица из него вылупится; но оно вначале яйцо вороны (Корониды), а потом уже яйцо лебедя (Леда).

Но почему же Леда разрешилась двумя яйцами, и почему из каждого яйца появилось два ребенка — один мужского, а второй женского пола? Разумеется, автор этого мифа имеет в виду две операции великого делания, а в той и в другой из них цвет меняется на белый и на красный; белый зовется женскими именами:

Луна, Ева, Диана и т.д., а красный — мужскими именами: Аполлон, Солнце, Адам и т.д. Филалет называет еще красный цвет яичным желтком, а белый — белком. Ничего нет, впрочем, более согласованного в трудах герметических Философов, чем иносказания о братьях и сестрах близнецах, т.е. родившихся из одного яйца, о чем говорит, например, Сервилий в «Turba»:

Знайте, что наша материя — это яйцо. Скорлупа его — это сосуд, а внутри белок и желток (муж и жена). Пусть мать его высиживает семь недель или девять дней, или три дня... из него выйдет цыпленок с красным гребешком, белым пером и черными лапами.

Вот такая материя этих яиц и родившихся из них детей.

Далее, Клитемнестру выдают за Агамемнона, а ее сын убивает свою мать в самом храме Аполлона при этом двери прочно закрыты. Такое гнусное злодеяние должно было бы скорее похоронить во мраке забвения, а не передаваться далее из поколения в поколение, случись оно на самом деле. Но, к счастью, случай этот — чистый вымысел, естественное продолжение предшествовавшей ему аллегории. Это придуманное преступление встречается почти во всех трактатах герметической Философии. Никакая другая аллегория не присутствует в них так часто, как эта, в которой сын убивает мать. Мы читаем, как мать убивает сына, сын убивает отца, брат разрывает на части сестру, а затем воскрешает ее... и много других вымыслов и метафор об убийствах, убийцах, отцеубийцах и пр. Такими предстают они в различных трактатах о великом делании и такими же они изображены в мифе. Мы находим здесь преступную связь отца с дочерью, матери с сыном, брата с сестрой: вспомним Кинира, Эдипа, Иокасту и др.

Чтобы еще лучше убедиться в непосредственной связи мифа об Оресте с изготовлением камня Мудрых, достаточно внимательно разобраться во всех его обстоятельствах. Почему Орест убивает свою мать в храме Аполлона да еще, заметим, при закрытых дверях? Не является ли этот храм тем самым сосудом, в котором образуется, пребывает, почитается и как бы служит предметом поклонения Солнце, Аполлон Философов? Если бы дверь этого храма не была закрыта, заперта, запечатана и крепко заделана, то летучие духи, стремящиеся вырваться оттуда, больше бы не волновались; Клитемнестра бы ускользнула, а Орест, или фиксированная часть, не смог бы совершить убийство, т.е. закрепить летучее. Гниение, именуемое меркурием, смертью, уничтожением, прахом, могилой и обозначенное именем Клитемнестры, не произошло бы, и делание осталось бы незавершенным.

Оресту простили его злодеяние, с условием, что он омоется и очистится в воде реки, текущей из семи родников, что с точностью указывает на меркурий Мудрых. Ибо, как говорит д'Эспанье,

...Как только войдешь в сад Гесперид, то тут же у ворот увидишь источник, растекающийся по всему саду и истекающий из семи родников.

Известно, что летучее обозначают женщинами. Так, когда в мифе говорится, что Орест увез из Тавриды сестру свою Ифигению, то это все равно как-бы сказать, что летучая часть переносится из верхней половины сосуда, где она перемещалась, на дно. Тут она закрепляется вместе с фиксированной частью, представленной Орестом, ярость и волнение которого означают лишь улетучивание, так как фиксированное должно стать летучим, прежде чем достигнет постоянной фиксированности согласно следующему наставлению Философов: делайте летучим фиксированное и фиксируйте летучее. Вот почему оракул указал Орес-

ту отправляться в храм Дианы: ведь белый цвет, именуемый Философами Дианой, указывает на начала закрепления материи магистерия.

Аббат Банье, и почти все другие мифологи оставляют огромное множество подробностей мифов без объяснений — то ли потому, что не могут их объяснить, то ли потому, что они кажутся им ненужными и не имеющими отношения к истории или к нравоведению. И впрямь, как объяснили бы они нарочитое стремление авторов мифа подчеркнуть, что Орест — это то же, что и Осирис, какое-то время не стриг волосы, и почему Гесиод называет Даная нимфой с красивыми волосами? Если это ничего не значит, с точки зрения истории и поучительности, то для ведения операций великого делания этот факт становится наставлением. Волосы считаются как бы чем-то лишним; кажется, что у материи магистерия есть что-то ненужное и лишнее. Но, говорит Гебер,

Искусство наше состоит не в множественности вещей; наш магистерий состоит в единственной материи, к которой мы не добавляем ничего чуждого и ничего от нее не отнимаем; мы отбираем у нее только лишнее при приготовлении.

Филалет же так объясняет это:

Вы заметите, что этот термин, *лишнее* у Гебера, двусмысленен, т.к. означает он действительно нечто лишнее, но такое лишнее, которое очень нужно деланию и которое необходимо на какое-то время отнять. Хорошенько помните об этом, ибо это большая тайна.

Некоторые Философы даже называли эту материю *волосами*, что ввело в заблуждение многих химиков, принимавших волосы за материю герметического делания. Итак, Орест должен беречь свои волосы во время похода, т.е. вплоть до закрепления Ореста, ставшего летучим, который состригает их только, когда достигнет состояния камня *акем*, т.е. материи, обретшей фиксированность камня и превратившейся в лекарство от болезней человеческой плоти, как указывает происхождение слова *акем*, *ákos*, означающего по-гречески «лекарство». В завершение рассказа об Оресте упомянем, что он был одним из потомков Пелопса, которому боги подарили барана с Золотым руном, о чем мифологи говорили, что это был жезл, покрытый золотистой шерстью.

§ V ЕВРОПА

Когда Юпитер влюбился в Европу, дочь финикийского властителя Агенора, то приказал Меркурию вызвать ее на берег моря, а сам, когда она пришла, превратился в белого быка, посадил Европу себе на спину и вплавь, достиг острова Крит. От связи Европы с Юпитером родились Минос, Радаманф и Сарпедон. Мы уже говорили выше коротко об аллегории брата Европы, Кадма, и основанного им города Фивы в Беотии, когда он разыскивал там сестру.

Минос взял в жены дочь Солнца и сестру Ээта — Пасифаю, родившую ему Ариадну и Минотавра, который был заточен в лабиринт Дедала и которого убил Тесей с помощью Ариадны.

Женщины, представляемые в мифах любовницами Юпитера, почти все носят имена, этимологически означающие «траур», «печаль», нечто черное, мрачное, темное, как могила, склеп, забытие, разложение, гниение и т.д., с чем, возможно, связано то, что авторы таких мифов представляют нам их женщинами

большой красоты. И черный цвет этому, без сомнения, не был помехой, поскольку в «Песни песней» жена говорит о себе: «Черна я, но красива»¹. *Nigra sum, sed formosa*. Имя Европа имеет весьма похожее значение, если допустить, что оно походит от *Εὐρώς*, плесень, гниль, и от *ὄλος* — сок, слизь, как если бы нам хотели сказать «испорченный, заплесневелый, гнилой сок».

Конечно же, у создателей мифов были свои причины, т.к. Юпитер Философов всегда воздействует на материю, ставшую черной или находящуюся в состоянии гниения, на что указывают эти женщины. А результатом этого становится дитя Философов, о котором говорится почти во всех книгах по-герметизму.

Юпитер превращается в белого быка, чтобы похитить Европу, когда она прогуливалась и играла с нимфами на берегу моря. Конечно, разве мог бы бык быть другой масти, если белый цвет сменяет собой черный и как бы поглощает его и вбирает в себя? Как и в мифе об Осирисе, бык есть символ фиксированной материи, ставшей летучей: он похищает Европу, когда та гуляет с подругами. Игры ее подобны танцам муз, т.е. циркуляция летучих и водянистых частей; море — это меркурий, который называют *Морем* большинство из Философов. «Я богиня великой красоты и великого рода, — говорит Василий Валентин в своем «Символе». — Я родилась от нашего чистого моря». Он же представляет море как фон почти для всех герметических знаков своих двенадцати ключей. Фламель называет этот меркурий пеной *красного моря*. Космополит пишет, что это *вода нашего моря*. У Философов, по словам д'Эспанье, тоже есть свое море, где рождается рыба, чья чешуя сверкает серебром.

Далее, Минос взял в жены дочь Солнца Пасифаю, т.е. *Πάς*, «светлую» или *Φαίδ*, «ясную». Таким образом, сын Юпитера и Европы, или серого и черного цвета, соединяется с дочерью Солнца или светом, как белым цветом. Плодом этого брака становится Минотавр, запертый в лабиринте Дедала — символе замешательства и трудностей, с которыми встречается мастер в течение своих операций. Лабиринт построен Дедалом, *Δαίδαλος*, т.к. это имя означает «искусный», «мастер». Тесей, младший из семи афинян, отправленных на поединок с Минотавром, одерживает над ним победу благодаря помощи Ариадны, на которой он впоследствии женится. Семеро афинян — это семь препятствий в делании, последнее, или самое молодое из которых убивает чудовище, фиксируя материю, а, соединяясь с ней, берет ее в жены. Когда Тесей покидает ее, и мужем ее стал Бахус, то это значит, что красный цвет сменяет белый, а Бахус, как мы уже поясняли ранее, есть лишь материя, уже достигшая красного цвета. Даже нить, данная Ариадной Тесею, была изготовлена Дедалом, ибо именно мастер, артист ведет операции, и потому Дедал должен был учиться у Минервы.

Оба сына Европы, Минос и Радаманф, стали судить тех, кого Меркурий отводил во владения Плутона: одних они обрекали на муки, а других отправляли на Елисейские поля. Разложение материи в сосуде Философов именуется смертью, как мы уже неоднократно указывали. Разложение это может совершаться только при помощи меркурия Мудрых, и отсюда некоторые из древних утверждали, что люди умирают лишь от Меркурия:

После взял он свой жезл, которым из Орка выводит
Тени бледные бог иль низводит их в Тартар угрюмый,
В сон погружает людей и спящим глаза отвязает.

Энеида, IV, 242–244

¹ См.: Песн. 1, 4. — *Прим. ред.*

Вот в этом-то гниении, образующем владения Плутона, Минос и Радаманф судят мертвых. Это значит, что, когда происходит полное растворение материи и отделение чистого от нечистого, суд Миноса и Радаманфа всегда вершится Меркурием, являющимся и исполнителем суда. Нечистые отправляются в Тартар, из-за чего их зовут *проклятой землей*, чистые же переносятся на Елисейские поля и превозносятся, как пишет Василий Валентин в своем «Азоте», Раймунд Луллий в теории своего «Древнего завета», Мориен в своей «Беседе с королем Ка-лидом» и многие другие Философы.

§ VI АНТИОПА

Миф об Антиопе сочинялся разными людьми, и все же он относится к самой что ни на есть античности. Странно, что аббат Банье не считает его древним, и якобы распространившимся уже после Гомера. По утверждению нашего мифолога, Гомер как «столь великий знаток языческой мифологии, не упустил бы случай упомянуть его в той части «Одиссеи» (кн. 2), где он повествует, как два правителя (Амфион и Зет) заперли город Фивы семью крепкими воротами и возвели между ними башни. Без этого, сколь бы грозными они не были, они не могли бы спокойно жить в этом большом городе». Во-первых, в слова эти вкралась ошибка: Гомер описывает эти деяния двух правителей не во второй, а в одиннадцатой книге. Во-вторых, аббат Банье либо не читал этого у Гомера, либо же вообразил некстати, что его слова примут на веру, и слишком смело утверждает, что в книге нет упоминания об Антиопе. Нет сомнения, что то, как поэт поэтов говорит о ней, не подходит к системе нашего мифолога. Гомер же вкладывает в уста Одиссею такие слова:

После нее мне предстала Азопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Зет; положили
Первое Фив седьмивратных они основание и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды».

Одиссея, XI, 260–265

Амфиона отдали в ученье Меркурию, и он так хорошо научился играть на лире, что нежностью звуков не только укрощал свирепых диких зверей, заставляя их следовать за собой, но мог, даже, передвигать камни, раскладывая их, как ему захочется¹. То же самое говорили и об Аполлоне, когда он построил стены Трои. Орфей тоже управлял кораблем Арго звуками своей лиры и двигал скалы.

Можно ли всерьез искать какие бы то ни было исторические и реальные обстоятельства в столь чистых вымыслах, как этот миф? И разве не злоупотребляют доверчивостью людей те, кто стремится представить его иначе, чем аллегорию? Посмотрим же, какой смысл может быть у аллегорий Антиопы и сына ее Амфиона. Про Антиопу говорят, что она дочь реки Асоп, и некоторые Философы

¹ И Амфион, говорят, фиванские складывал стены,
Двигая камни звуками струн и лирной мольбою
С места на место ведя.

называют так же свою материю, другие называют ее «Адроп», «Атроп» и утверждают, что из нее образуется ручей, родник, вода, сок, именуемый ими соком павлиноглазых (Фламель, «Желаемое желание»). Сок этот загустевает, коагулирует, затвердевает, т.е. становится Антиопой, ἄντι и ὀπός, а, значит, перестает быть соком и переходит в коагулированное, нежидкое состояние. Те, кто называют отцом Антиопы Никтея, имеют в виду тот же предмет, т.е. коагуляцию материи по окончании разложения, во время чего материя становится черной и зовется *ночью, мраком*, ибо Никтей по-гречески νύξ, значит «ночь», из чего видно, что Антиопа имеет тот же характер, что и другие любовницы Юпитера. Превращение же этого бога в сатира объясняется в главе о Бахусе.

Когда говорится, что Амфиона отдала в учение Меркурию, то это значит, что меркурий Философов управляет всем в делании, а укрощение им свирепых зверей объясняется так же, как и приручение Бахусом тигров, львов, пантер, сопровождавших его в путешествиях. Камни, сами лежащие на месте под звуки лиры, — это фиксированные части камня, ставшие летучими, которые, коагулируя, скрепляются друг с другом и образуют массу разбросанных там и сям частей.

Таковы самые знаменитые из детей, рожденных от Юпитера разными нимфами или любовницами. У него было и множество других отпрысков, легенды о которых отчасти мы уже разясняли. Это, например, братья Палики от Талии, Аркас от Калипсо, Пеласг от Ниобы, Сарпедон и Аргус от Лаодамии, Геркулес от жены Амфитриона Алкмены, Девкалион от Иодамы, Бритомартис от Карны — дочери Эвбулея, Мегар от нимфы Схитиниды, Аэлий, отец Эндимиона, от Протогении, Мемфис, женившийся на Лидии, Аркесилай от Торедии, Колакс от Гюры, Кирн от Кирны, Дардан от Электры, Гиарб, Филей и Пилумм от Гараманты, Прозерпина от Цереры, Тайгет от Тайгеты, Саон от Савоны и еще много других, перечислять всех было бы слишком долго. Один из поэтов объединил главные превращения этого бога в такие строки:

Становился быком, лебедем, сатиром, золотым дождем от любви
К Европе, Леде, Антиопе, Данасе.

Можно было бы описывать и многочисленное потомство Нептуна, Океана, больших и малых рек, и, глядя на одну лишь их родословную, можно быстро понять, что корнями этого древа или первыми звеньями этой цепи являются Небо и Земля, а Сатурн это его ствол. Нетрудно заключить, что все выведенные в этих мифах персонажи аллегоричны и указывают на материю, на цвета, на операции или, наконец, на самого мастера великого делания. Достаточно обратить внимание, что в целом персонажей мифов с женскими именами, нимф можно приравнять к летучей меркуриальной воде — до или после фиксации, а все, что имеет вид мужчины, нужно понимать как фиксированную часть, которая соединяется, действует, улетучивается вместе с летучими частями и, наконец, фиксируется с ними. Заметим также, что похищения, умыкания и т.д. — это улетучивание; браки и соития мужей и жен — это соединение фиксированных частей с летучими; результат сего соития — дети. Смерть женщин означает, как правило, фиксирование; смерть мужчин — растворение фиксированного. Очень часто героем иносказания предстает Меркурий Философов, и это значит, что создатель мифа присмотрелся к его свойствам, к его растворяющей способности, относительно летучих частей, и к его коагулирующему началу, когда необходима фиксация в операции. Тогда мы имеем дело с Тесеем, Персеем, Геркулесом, Ясоном и т.д.

Книга четвертая

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, БОИ И ИГРЫ В ЧЕСТЬ БОГОВ

Человек не может рассчитывать на свою память: с течением времени события путаются, их обстоятельства затуманиваются, и тогда на помощь приходит воображение с его изобретательностью. Устные предания, основанные на столь непрочном фундаменте, подвержены, следовательно, таким же недостаткам. Поскольку события, совершавшиеся в древности, и то, чего мы не видим, означают для нас примерно одно и то же, но, чтобы напомнить об этом, закрепить все это в нашем восприятии, нужно было представить все нашему воображению в виде чего-то осязательного, так как вещи, поражающие взгляд, гораздо глубже запечатлеваются в нашем сознании, чем то, что мы познаем через чьи-то слова:

То, что дошло через слух, всегда волнует слабее,
Нежели то, что зорким глазам предстает необманно...

Гораций. Наука поэзии, 180–181

Пользуясь этим правилом, древние, и евреи, и язычники — придумали праздники и обряды, чтобы напоминать народам о деяниях, достойных памяти и сохранения для грядущих поколений. Те из них, что напоминают людям о Творце их бытия и всех благ, служили для восхваления его в благодарность и как просьба новых благ.

Движимый сими причинами и по Божьему наказу, Моисей учредил различные праздники, которые должны были соблюдаться в определенное время и в указанные дни. К таким относятся каждый седьмой день, когда евреи должны были оставить всякий физический труд и услужение в память о седьмом дне сотворения мира, когда, согласно Писанию, Господь дал себе отдых. Пасха напоминала о смерти перворожденных Египта, истребленных в одну ночь Господним ангелом, и об освобождении их израильских предков от рабства, в котором они пребывали. Троицын день служил для воспоминания о том, что Господь сам передал Моисею на Синайской горе заповеди, соблюдаемые людьми. В праздник кущей перед глазами как бы вновь выстраивались сорок лет, проведенные сынами Израиля в пустыне.

Для всех этих потребностей очень важными стали ваение и живопись. Статуи и картины создавались искусной памятью людей. Стали изображать события и людей, участвовавших в них. Греки и римляне использовали их как памятники о замечательных деяниях. Египтяне и вместе с ними Гермес Трисмегист, пораженные земными благами, полученными от Всемогущего, создали обряды и культ для возблагодарения его и для постоянного напоминания о нем невежественным людям. Коль скоро блага эти были разного рода, то и обряды были раз-

личными — согласно предмету, которому они посвящались. Среди таких обрядов мы видим тот, что связан с быком Аписом, когда выбирался черный бык с белой отметиной, посвящался, помещался и откармливался в храме Вулкана, служа предметом культа, затем его топили в воде, хоронили и выбирали следующего. Также существовали праздники: Осириса, Цереры, Адониса и подобные им другие, как «вакханалии», «сатурналии» и т.д. Нет сомнения, что создатели сих празднеств ставили перед собой праведную цель, и только невежество народа толкало их впоследствии на их извращение. Жрецы, связанные клятвой и обязанные под страхом смерти хранить тайны, скрывавшиеся за этими культовыми проявлениями и обрядами, не подумали о том, чтобы учить народ сообразно тем понятиям, которые он должен был бы иметь.

Тайны эти они передавали друг другу двумя способами: при помощи иероглифов, обращенных взгляду человека, и при помощи объяснений аллегорий богов, богинь и героев, чью предполагаемую жизнь изображали эти иероглифы. Букву таких жизнеописаний объясняли простому люду, а смысл — тем, кого хотели посвятить. Иероглифы наследовали животных или другие нарисованные либо изваянные телесные вещи. Мистерии, подлинный смысл аллегорий и настоящий смысл иероглифов существовали, казалось, только для жрецов и для тех, кого нужно было ввести в суть вещей. Народу же довольно было и внешнего. Ему толковывали, что все это нужно затем, дабы воздать должное Богу, а все различные предметы требовались для напоминания о благодеяниях Небес. Отделяваясь такими объяснениями, они могли не беспокоиться за сохранность своей тайны. О том, что это была за тайна и почему ее нельзя раскрывать, мы уже говорили.

Итак, жрецы устраивали из тайны мистерии и, желая убедить народ, что их наставления и являются подлинными объяснениями мистерий, они придавали им такой вид, из чего было бы ясно, что они действительно относились к определенным животным, как к символам Бога и как к священным вещам. Не отдавая себе в том отчета, народ пошел еще дальше, и то, что сначала было для него символом, стало самим предметом культа. Народ стал поклоняться только изображению, вместо настоящего божества. Да разве и сейчас в наших провинциях не видим мы, как большинство крестьян столь же ревностно возносят хвалу покровителю своего прихода как самому Богу? А сколь многочисленны те из них, которые, несмотря на каждодневные поучения пастырей, выказывают больше уважения и почитания деревянной или каменной статуе святого Рока с его собакой, нежели самому Господу? Случись им заболеть, они скорее поставят свечку перед изображением какого-либо святого, чем перед святейшим причастием. Думает ли большинство из них о чем-либо другом, а не просто об изображении святого?..

В этом и есть подлинный источник ошибок, искажений и суеверий, укоренившихся у египтян. Одна ошибка тянет за собой другую, за первым искажением следует второе, и поэтому богов у них стало бесконечное множество. Начав поклоняться быку, станешь ли высмеивать того, кто так же поклоняется другим животным? Торговля египтян с другими странами и основанные ими поселения привели и там к появлению тех же ошибок. Так передавались они от одного народа к другому и охватили, в конце концов, почти всю Землю.

Поэтому не нужно ссылаться на проклятие Хама, чтобы найти первоначало ослепления его потомков, поскольку такое же ослепление постигло и потомков

Сима и Яфета, хотя и много позже. Конечно, будь у них подобная возможность, в одно и то же время, с ними случилось бы то же самое, что и с другими, а может быть и раньше. Ибо, поскольку искусства и науки начали расцветать в Египте еще до того, как стали известны в других странах, то его жители, были, следовательно, гораздо учнее и, очевидно, имели более тонкий и более просвещенный ум.

Итак, Египет стал колыбелью идолопоклонства. Геродот говорит («Евтерпа»), что египтяне первыми узнали имена двенадцати великих богов, а от них это знание было заимствовано эллинами. Лукиан категорически утверждает, что египтяне первыми стали почитать богов и совершать торжественные обряды поклонения им. Он же уверяет, что Орфей, сын Эагра и Калиопы, первым ввел культ Бахуса в Греции, а в беотийских Фивах праздники, названные по его имени — орфическими¹. Это мнение поддерживается многими другими, и все ученые согласны с тем, что культ богов начался с Египта, оттуда распространился в Финикии, затем в восточной Азии, потом в ее западной части и, наконец, на все остальные страны.

Следует, тем не менее, заметить о египтянах по этому поводу, что некий ученый англичанин² сказал о Зороастре, а именно, что они поклонялись одному единственному Богу, Творцу неба и земли; а в отношении своих придуманных богов они устраивали нечто вроде меньших церемоний культа, некоторые чисто гражданские и аллегорические церемонии. Во всяком случае, многое говорит о том, что таково было намерение создателей этих обрядов и первых жрецов, соблюдавших их. Народ же постепенно привык поклоняться как богам тому, что вначале было ему представлено лишь как существа, созданные и послушные Создателю всего сущего.

ГЛАВА I

Праздники, введенные Орфеем в Греции в честь Бахуса, известны, чаще, под именем «Дионисиевых» от Диониса.

Главный из этих праздников отмечали раз в три года и называли соответственно «трехлетним». У египтян тоже был праздник в честь Осириса, отмечавшийся каждые три года и по той же причине, т.е., по случаю возвращения того и другого из Индии. В празднествах участвовали женщины и девушки, как и в других мистериях Бахуса. Девы несли в руках тирсы (жезлы Бахуса) и бегали стайками, словно обезумев, как бы охваченные восторгом, вместе с женщинами с растрепанными волосами, дергавшимися ужасными конвульсиями в пляске. Их называли вакханками, и примерно так описывает их Овидий в «Метаморфозах».

Орфей учредил этот праздник по подобию праздника Осириса. Но почему главными на празднике Осириса были женщины и девушки? Потому, что Осириса в его путешествии сопровождали музы. О том, что означают это путешествие и музы с их танцами, мы уже говорили выше. И это была истинная причина плясок жриц Бахуса. И если в дальнейшем к ним примешалось столько неприличия

¹ См.: История, II, 81. — *Прим. ред.*

² Hyde Thomas. Religion des anciens Perses.

и мерзости, что Ликург, Диагонд и многие другие стали принимать законы, за-прещающие эти ночные сборища, хотя в том не следует винить создателей куль-товых празднеств, а ту склонность, которую человек, как нам кажется, питает к разврату и распущенности.

Считается также, что Бахус проспал три года у Прозерпины, а египтяне столько же откармливали Аписа в храме Вулкана, прежде чем его утопить.

Праздники в честь Бахуса обычно называли «оргиями». В пору, когда обряд был еще совсем простой, он заключался в том, что с процессией выносили кувшин вина, ветку виноградной лозы, увитую змеями корзину, именовавшуюся корзиной тайн, а затем следовали носилки с *фаллосом*. Заключали процессию вакханки с завитыми в волосы змеями. Рассказывали, что пустые кувшины относили в храм Бахуса на все время праздника, а по окончании его они оказывались наполненными добрым вином. Остановимся же на этом простом обряде, не приводя подробно других, добавленных со временем. С ними можно познакомиться в «Мифологии» аббата Банье, т. II, стр. 272 и т.д.

Чтобы понять намерения создателя этих празднеств, вспомним, что Осирис и Бахус — одно и то же лицо. Следовательно, оргии возникли в Египте и не благодаря Исиде, которая была таким же символическим персонажем, как и Осирис, а благодаря Гермесу Трисмегисту или какому-нибудь другому египетскому философу, приписавшему их создание воображаемой Исиде, чтобы придать этой выдумке больше веса и значения. Невозможно даже понять, как аббат Банье и другие мифологи могли приписывать их Исиде, поскольку они утверждают, что египтяне считали Исиду Луной, а на памятнике Аррия Бальбина была такая надпись: «*Богиня Исида — одна и она все сущее*». По словам Плутарха, в храме Минервы в Саисе (а надо сказать, что он отождествляет Минерву с Исидой) было написано:

Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрыва¹.

Это прекрасно согласуется с тем, что говорит эта богиня у Апулея:

Я — родительница вещей природных, госпожа всех элементов, превечное довременное порождение, верховная среди божеств, владычица душ усопших... Единая сущность моя под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами чтится Вселенной. Там фригийские перворожденные зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут аттические прирожденные насельцы — Минервой Кекропической, здесь приморские кипряне — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, троязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой, древней богиней, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнусией, но эфиопы, которых первые лучи восходящего солнца раньше других озаряют, арии и египтяне, богатые древним учением и чтущие меня соответствующими мне церемониями, зовут меня настоящим моим именем — владычицей Исидой².

Мифологи уверяют, впрочем, что Исида и Осирис носили в себе различные имена почти всех языческих богов, ибо, по их мнению, Земля, Церера, Венера, Диана, Юнона, Луна, Кибела, Минерва и вся Природа — то же самое, что Исида, почему ее и звали богиней с *тысячью имен*. Осирис, Вакх или Бахус, Аполлон,

¹ См.: Об Исиде и Осирисе, 9. — Прим. ред.

² Метаморфозы, XI. 5. — Прим. ред.

Солнце, Серапис, Плутон, Юпитер, Аммон, Пан, Апис, Адонис — все они обозначают одно и то же. Как можно соглашаться с этим и решиться на создание легенды, на то, чтобы представить ее как правдивый рассказ, и пытаться заставить поверить ему? Как можно утверждать, что Осирис и Исида на самом деле были правителями Египта и что Осирис — это то же, что Менес или Мицраим? Ибо если Исида — это Природа, то она уже не является реальным лицом, а персонифицированной Природой, и конечно не правительницей Египта. А если Исида не существовала в человеческом облике, то, очевидно, что и брат и супруг ее Осирис существовал точно так же, как и она. Следовательно, брат Осириса Тифон уже не будет Сетом Манефона. Осирис, Исида и Тифон окажутся, таким образом, лишь заимствованными героями, необходимыми для объяснения с помощью аллегорий действий Природы или операций Искусства, где пользуются теми же началами и подражают операциям Природы для достижения той же цели... Но вернемся к нашим оргиям.

Главными действующими лицами в них были женщины, т.к. они сопровождали Осириса в его походах. Они плясали, прыгали, тряслись, как бы показывая взбалтывание в сосуде водянистой летучей части, представленной женщинами, т.к. всегда считалось, что у женского пола натура влажная, легкая, ветреная и непостоянная. Характер же мужчины, напротив, считается более сухим, более горячим, более устойчивым, что привело Философов обозначать мужчиной фиксированную материю великого делания, а женщиной — материи летучие.

Женщины несли также *Фаллос*, т.е. изображение той части тела Осириса, которую Исида не смогла присовокупить к другим частям, разбросанным в свое время Тифоном. *Фаллос* этот был символом разнородных, земных, сернистых и горючих частей, которые не могут полностью соединиться с чистыми, однородными и негорючими частями, каковые должны коагулировать в единое целое при помощи меркуриальной воды, обозначаемой Исидой. Наполненный вином кувшин указывал на вино или меркурий Философов, достигшего красного цвета — главную действующую силу делания. Ветка виноградной лозы обозначает материю, из коей этот меркурий добывают. Корзина тайн — это сосуд, в котором совершаются операции великого делания, а называли ее так потому, что Философы всегда держали и держат в тайне материю великого делания и способ совершения операций. Корзина была закрыта, чтобы показать, что сосуд должен быть герметически закупорен, а то, что в ней находилось, изображалось только обвившимися вокруг нее змеями: мы видели уже, что змеи всегда считались иероглифом материи, дошедшей до разложения.

Мы можем даже согласиться с тем, как аббат Банье объясняет этих змей, т.е., что рептилии эти, которые якобы ежегодно омолаживаются, сменяя кожу, указывали на омоложение Бахуса. Но правда не в том смысле, о котором он пишет, а в смысле герметическом, т.е., что Бахус Философов доходит в делании до разложения, представляющего собой состояние старости и смерти, а потом омолаживается и воскресает, т.е. покидает прежнее состояние. В связи с этим один Герметический Философ замечал: «Нужно раздеть старика и одеть нового человека». А д'Эспанье так пишет (Сap. 50) о подготовке материи:

Нечистая и земная часть очищается влажной баней природы, а водянистая гетерогенная часть обращается в бегство огнем, тихим и благоприятным для зарождения. Так, при помощи трех омовений и очищений дракон снимает с себя свою старую чешую, вылезает из старой шкуры и омолаживается обновлением.

Похожая корзина попала после взятия Трои в руки Еврипила. Он нашел в ней маленького золотого Бахуса, и это достаточно ясно показывает, что тайна этой корзины была символом тайны златоделания, а история взятия Трои есть лишь аллегория.

С какой неприязнью и в то же время с такой безосновательностью обвиняют создателей этих праздников в том, что они стремились распространять разврат и распущенность! В прежние времена и, даже, не так уж давно еще устраивались ночные, религиозные процессии, да и ныне в городах и селах праздники их покровителю проходят при большом скоплении народа. На таких праздниках и раньше, и теперь происходит много непристойного. На них царит пьянство, а разврат вошел в обычай. Виновны ли в этом их устроители? Религиозные собрания, процессии сами по себе хорошие вещи. Правда, в них проникают извращения, но где их нет? Испорченное сердце человека — неисчерпаемый источник для них.

Девственницы, несшие золотые корзины, проходили вместе с детьми от храма Бахуса к храму Паллады, и это очевидное свидетельство того, что предмет празднеств был вовсе не разврат, поскольку Паллада была богиней мудрости и благоразумия. Этим самым указывалось, что нужно быть благоразумным, ученым и мудрым, чтобы достичь совершенства философского делания. Паллада направляла Бахуса в его путешествиях, а это значит, что мастер должен действовать благоразумно при ведении операций. Путешествие началось с Эфиопии, а закончилось Красным морем. Вспомним, что черный цвет — это начало и ключ делания, а красный цвет ртути, называемый морем, это цвет камня — цели делания.

Праздник «трехлетия» и проникшие в него извращения привели к созданию многих других такого же сорта, но с другими названиями и в других местах. Бахусийские празднества, названные так по имени Бахуса, совершались по всей Греции. Они делились на большие и малые, старые и новые, и у каждого был какой-нибудь свой особый обряд. На «осхофориях» дети выстраивались рядами и с ветками виноградной лозы в руках ходили, как на «трехлетиях», от храма Бахуса к храму Паллады, декламируя нечто вроде молитв. Такая церемония повторялась каждый год. Афиняне с приходом весны праздновали «ленею». Они переливали в эти дни вино, собирали дань с чужеземцев, состязались, кто больше выпьет, распевая песни в честь Бахуса — творца веселья и свободы. В Афинах же праздновали «фаллофории», когда по улицам на жезле носили фаллос. На конец апреля приходились «канефории», или праздник корзин, — тогда юные афинянки носили, по описанию Демарата, золотые корзины, наполненные ранними плодами земли, *приносили* в жертву Бахусу. В январе праздновались «амброзии»: в это время вино из сел привозилось в город. Римляне переняли этот праздник, назвав его *брумалии* или *бромалии* от прозвища Бахуса *Брумий* или *Бромий*. В Афинах праздновались также «асколии». Обычно в этот день надували бурдюки, бросали их на землю и танцевали сверху то на одной ноге, то на другой, при этом лучшему вручалась награда. Этот обычай тоже позже перешел к римлянам.

Вергилий описывает это во второй книге «Георгик». На этом празднике в жертву Бахусу приносили козла, т.к. эти животные объедают виноградники, и, кроме того, топтали ногами кожу, из которой делали бурдюки. Египтяне прино-

силы в жертву поросенка на праздниках *дортня* в честь Бахуса, как это описано Геродотом в «Евтерпе» (48):

Каждый египтянин закалывает в честь Бахуса вечером накануне праздника поросенка перед дверьми своего дома и затем отдает его свинопасу, который продает ему поросенка.

У них были и другие праздники в честь Бахуса, на которых поросенка не закалывали, а совершали примерно такие же обряды, как и греки, как пишет тот же Геродот:

В остальном египтяне справляют праздник в честь Бахуса почти совершенно так же, как и в Элладе (за исключением хоров). Только вместо фаллосов они придумали носить другой символ — куклы-статуэтки в локоть величиной, приводимые в движение с помощью шнурков. Эти куклы с опускающимся и поднимающимся членом женщины носят по селениям, причем этот член почти такой же величины, как и все тело куклы. Впереди шествует флейтист, а за ним следуют женщины, воспевая Бахуса.

Большинство оргий проводили ночью — вот почему на них ходили с зажженными факелами. Несших их называли *дадухами*, и роль их была одной из почетнейших. Не менее почетным было и носить «тайную» корзину. Древние, молчанию которых относительно содержимого корзины подражает аббат Банье, ссылались на религиозное почтение, сдерживавшее их в желании рассказать о нем. К чему такая таинственность, если празднества, на которых главным украшением служила золотая корзина, не были созданы для того, чтобы указать на некую тайну, которую не хотели разглашать? И какой же была эта тайна, если не той, которую доверили жрецам Египта, где и зародились обряды празднеств?

Первоначально праздники эти были учреждены в Египте в честь Осириса — того же Бахуса, главного в золотой родословной, а само событие предназначено было единственно для сохранения для потомков памяти о тайне золотого лекарства, данного им Богом. Вино, использовали в процессии как символ вина Философов, а это поспособствовало тому, что народ считал Бахуса создателем обычного вина. Такое ложное истолкование было принято повсюду, и отсюда пошли столь многие праздники в честь Бахуса, в которых можно, однако, заметить, некоторые обряды, взятые из «трехлетий», возникших в подражание египетским праздникам. Примеры таких искажений мы можем видеть и в христианском мире. Достаточно вспомнить о празднике св. Мартина, о празднике Богоявления, о карнавалах. Некоторые авторы рассматривали их как остатки язычества, но разве они создавались с той же целью, что и сатурналии и дионисии? То же самое можно сказать и о египетских праздниках, появившихся позже тех описанных нами. Египтяне, в основной своей массе не имели представления о замысле первооснователей и приняли знак за предмет, к которому тот относится, а эта ошибка привела их к тому, что они причислили к сонму божеств и самые бесполезные вещи. По этой причине Ювенал так описывал их:

Дол или поле в поместье отцов и камень священный
Из середины межи вырывает — тот камень, что кашей
Я ежегодно чту и большим пирогом в приношение...

Сатиры, XVI, 37–39

Примерно то же можно было бы сказать о греках и о римлянах, т.к. и те, и другие прибавили других богов к заимствованным от Египта, как писал Лукиан:

Nos in templa tuam Romana ecceptimus Isim,
Semideosque Canes et sistra jubentia luctus,
Et quem tu plangens hominem testaris Osirim.

De Aegypto.

Римляне в своих праздниках не обошли стороной даже болезни, как о том с упреком говорит Лактанций: *«Увы, как известно, сообразно божествам римляне придумали празднества ржавчины, плесени и лихорадки»*. Согласно Овидию, праздник ржавчины (хлебная головня) отмечался 6 числа майских календ. Ржу воспевали, чтобы она не затронула сельскохозяйственные орудия и не испортила бы урожай. Они поклонялись лихорадке, чтобы она не поразила их. Таким образом, одним явлениям поклонялись за приносимое ими добро, а другим — за то зло, чтобы они не могли им причинить. Римляне взяли и придумали себе божеств: Ромула, прозванного ими Квирином, лихорадку, ржавчину и бледность, но, кроме того, они позаимствовали у египтян и греков Юпитера, Сатурна, Аполлона, Меркурия и других великих богов.

Достоин упоминания событие, приведшее к установлению в Риме культа Эскулапа. Изнуренные борьбой с чумой, римляне обратились к книгам своих сивилл, чтобы избавиться от этой напасти. В книгах они вычитали, что нужно отправиться в Эпидавр и доставить оттуда в Рим Эскулапа, как об этом сообщают Тит Ливий, Орозий, Валерий Максим. В Эпидавр были отправлены посланцы, и там их проводили в храм Эскулапа, стоявший в пяти милях от города. В это время на улицах Эпидавра появилась змея, неслышно ползавшая по ним в течение трех дней, а затем она пробралась на корабль римлян и проникла в каюту одного из послов. Жрецы храма объяснили римлянам, что Эскулап показывается в таком виде эпидаврийцам, хотя и крайне редко, а когда он так появляется, то это всегда счастливое предзнаменование. Весьма довольные римляне пустились в обратный путь, а когда их судно причалило в Анции, змея, сидевшая до тех пор спокойно, перебралась на берег и укрылась неподалеку в храме Эскулапа. Проведя в храме три дня, змея вернулась на корабль, были подняты паруса, и какое-то время спустя он достиг острова Тибр. Змея снова уползла с корабля и укрывалась в камышах. Римляне решили, что Эскулап выбрал это место себе для жилища, и возвели на нем храм в его честь. Овидий в «Метаморфозах» рассказывает о том же. Толкует о прибытии Эскулапа в Рим и св. Августин:

Эскулап прибыл из Эпидавра в Рим, дабы заняться своим искусством врачевания в столь благородном и знаменитом городе. Мать богов, рожденная неизвестно от кого, остановилась тогда на горе Пренесте, считая недостойным разместиться в столь жалком квартале, тогда как сын ее был поселен на Капитолийском холме. Но если она действительно мать богов, то почему же некоторые из ее детей оказались в Риме раньше нее? Я был бы очень удивлен, слыша, что она — мать Кинокефала, прибывшего из Египта гораздо позже нее. Может статься, богиня Плейона тоже ее дочь? Надо бы спросить об этом ее внука Эскулапа.

Мы уже довольно объясняли, что следует подразумевать под Эскулапом, и почему ему была посвящена змея. Седьмой иероглифическая фигура Авраама Еврея, приводимая Фламельем, изображает пустыню с ползущими по ней тремя змеями и три источника: потому что змея — это символ материи, из которой об-

разуется Эскулап или золотое лекарство. Вот почему было принято считать Панакею, Иасо и Гигею его дочерьми, ибо нельзя назвать дочерьми врача излечение и здоровье — скорее они были бы детьми лекарства; т.к. врач не дает здоровье, а лишь прописывает лекарства, чтобы поправить его.

Все эти боги, придуманные греками и римлянами, происходили не от того же начала, что и египетские, неудивительно поэтому, что их родословная и их культ не точно соответствуют самым старым. Искажения, постигшие их праздники, не будут, следовательно, предметом нашего труда. Пусть же поносят сколько угодно эти неприличия, которые, в конце концов, римский сенат вынужден был осудить; пусть описывают их в самых ужасных красках добропорядочные мифологи. Мы согласны с этим, и все же полагаем, что лучше было бы оставить их в вечном забвении, нежели рассказывать о них ради того, чтобы отвернуть от них читателя.

Весьма вероятно, что в праздновании оргий сначала и, даже, в течение долгого времени не было ничего непристойного и достойного осуждения. Ибо они просуществовали века до того, как их отменили в Риме при консульстве Спурия Постумия Альбина и Квинтия Марка Филиппа, как пишет Валерий Максим, из чего можно заключить, что народ не знал о подлинной цели, поставленной когда-то учредителями празднеств.

Орфей, первым перенесший их из Египта в Грецию, был убит, как утверждают, ударом молнии, ибо он, так сказать, тем самым раскрыл тайну, доверенную ему посвященными египтянами. Если это правда, то следовало бы скорее думать, что его наказал Бог за введение идолопоклонства.

ГЛАВА II Церера

Праздники, отмечавшиеся афинянами в честь Цереры и Прозерпины, имели одинаковое происхождение; это, вопреки всему, что об этом до сих пор говорили мифологи, Церера греков ничем не отличается от Исиды египтян, и культ одной — то же самое, что и культ другой. Не следует, однако, уподобляться аббату Банье и быть уверенным в переселении Цереры или Исиды. От этого характер события не становится менее мифичным, а в Грецию и в другие страны был перенесен лишь культ, и потому Геродот писал, что дочери Даная привезли в Грецию *Фесмофории* — один из главных праздников в честь Цереры. Следовательно, автор «Хроники мраморов Аронделя» прав, считая мифом историю похищения Прозерпины и ее поиски Церерой, поскольку все это — только аллегория.

Существует мнение, что основателем Фесмофорий был Триптолем, желавший возблагодарить Цереру за то, что она научила его сеять и собирать хлеб, и плоды. Впервые праздник прошел в Элевсине и получил название *Элевсинские мистерии*. Как говорится в мифе, Церера пустилась на поиски своей, похищенной Плутоном, дочери Прозерпины и, прибыв в город Элевсин, отправилась к

его правителю, носившему такое же имя. Его жена, по имени Иона, только родила сына и нарекла его Триптолемом. Узнав, что она ищет кормилицу, Церера предложила свои услуги и была принята. Работу свою она выполняла превосходно. Днем она кормила ребенка божественным молоком, а ночью прятала его под очаг. Отец заметил, как сильно вырастал Триптолем наутро, и захотел выяснить, в чем тут дело. Увидев же, что совершает с его сыном Церера, он был настолько поражен, что не смог сдержать крик. Церера поняла, что действия ее раскрыты, отчего разгневалась, да так, что убила Элевсина, а Триптолема посадила в колесницу с запряженными в нее двумя драконами и отправила научить всех на земле, как сеять зерно. Аббат Банье лишь слегка касается обстоятельств этой легенды о Церере. Он сообщает только, что она научила Триптолема всему, что касается сельского хозяйства, дала ему свою колесницу и приказала объехать всю землю, и передать жителям столь потребное искусство. Не будучи в состоянии объяснить эти события согласно своей системе, он предпочел выбросить из этого мифа, как и почти из всех других, то, что ей противоречит или что нельзя к ней приспособить. Хороший способ выпутаться из затруднения, но пусть рассудят добрые люди, сколь прочным окажется здание, возведенное на столь зыбком основании.

К этому мифу и впрямь трудно подобрать какое-либо историческое или поучительное объяснение; ибо, что еще могли бы означать тот огонь или то молоко, которым Церера выкармливала сына Ионы. К чему отнести колесницу с двумя драконами? Но с первого же взгляда в этом мифе должно бы видеть химическую аллегория.

Действительно, Триптолем — дитя Философов, произведенное на свет Ионной, т.е. меркуриальной водой — по-гречески: ἰων, идти дождю, от чего произошло и имя Гиад, *дождливые*. Церера стала его кормилицей, потому что, как говорит в «Изумрудной скрижали» Гермес, земля — это кормилица дитя Философов.

Михаэль Майер сделал из этого свою вторую эмблему, в которой земной шар образует тело женщины от плеч до колен; из шара выступают две груди, а правой рукой женщина поддерживает ребенка, припавшего к соску груди с той же стороны. Сверху написано: *Nutrix ejus est terra* (Земля вскармливает его), а снизу:

Что же странного в том, что у сына всех мудрецов
Кормилица мать-земля? И если простые
Животные сумели таких героев взрастить,
Каким же ВЕЛИКИМ должен быть тот,
кого выкормил Шар Земной?

Молоко, коим Церера кормила Триптолема, то же самое, которое Юнона дала Меркурию, и мы уже об этом говорили. Добавим лишь несколько слов о Церере, взяв их у Василия Валентина: *«Я богиня великой красоты; из моих грудей текут молоко и кровь»*. Нет ничего необычного в том, чтобы кормить младенца молоком, но прятать его в пепле, помещать его на ночь в огонь, дабы сделать сильным и крепким, — таким средством могут пользоваться лишь в каком-нибудь саламандровом племени, отсюда Триптолем символизирует саламандру Философов и является настоящим Фениксом, возрождающимся из пепла. Это тот Триптолем, которого нужно приучить к огню, чтобы он мог, когда вырастет, устоять против самого сильного пламени.

В Природе огню могут противостоять только три вещи: золото, стекло и совершенный магистерий Философов, причем магистерий и стекло получают в огне: стекло в обычном огне, а магистерий — в Философском. Совершенства они достигают лишь от той пищи, которую получают от огня. Такого мнения придерживается большинство авторов. Арнольд из Виллановы пишет так:

Когда дитя родится, кормите его, пока оно не сможет выдерживать силу огня.

Теперь приведем слова Раймунда Луллия:

Пропитайте ваше тело огнем; умножьте воспламенение, и оно даст вам сильную тинктуру.

Д'Эспанье пишет об этом в своем 78-м Каноне:

Когда Сатурн передает правление своим королевством Юпитеру, наше дитя оказывается вполне сложившимся и проявляется с белым, спокойным и сияющим, как Луна, лицом.

Он же добавляет дальше, в 79-м Каноне:

Огонь природы, завершающий дело стихий, становится явным, а не скрытым, когда его возбуждает наружный огонь. Тогда шафран окрашивает лилию, и краска разливается по щекам нашего белого дитя, становящегося таким образом крепким и сильным.

Итак, огонь есть подлинная пища камня Мудрых. Дело не в том, как кто-либо мог бы себе представить, что огонь увеличивает камень в ширину, в высоту и в глубину и что он становится субстанцией, отождествляющейся с камнем, как это происходит с пищей, принимаемой детьми. Огонь дает ему или проявляет его красный цвет, скрытый внутри белого, так же, как селитра становится красной в огне, теряя свою белую окраску. Нет сомнения, что Триптолем — это саламандра Философов, когда он горит и созревает в огне. Он становится при этом сам огнем, землей, известью и семенем Мудрых, которое нужно высеять в его собственную и природную землю.

Авиценна пишет об этом такими словами:

Семя нужно собирать только во время сбора урожая. Философы на звали наш камень саламандрой; потому что наш камень, так же, как и саламандра, питается огнем, живет и совершенствуется единственно в огне.

Будучи далекими от мысли проходить мимо каких-либо обстоятельств этого мифа, дабы подогнать его под нашу систему, мы не оставим незамеченными и самые мельчайшие из них, и тем покажем, что наша система единственно верная. Итак, Церера прятала Триптолема в огне ночью. Значит ли это, что она хотела, таким образом, обязательно сохранить это в тайне? Вовсе нет; а дело в том, что в это время она не могла давать ему молока и должна была его чем-то замесить; а также и в том, что в это время им овладевал сон — подобие смерти. Об этом нам говорит Бонелл:

Воля Бога такова, что все, что живет, должно умереть. Поэтому смешанное, у которого забрали его влажность, становится похожим на покойника, когда он остается один ночью. Тогда-то его природе требуется огонь... Таким способом Бог возвращает ему дух и душу, освобождает от немочи; и его природа укрепляется и совершенствуется. Нужно, следовательно, жечь ее без страха.

И вправду, чего при этом опасаться, если речь идет о саламандре, которая восстанавливается, обновляется и возрождается в огне? Черный цвет — это символ ночи, знак траура и смерти, а к свету можно выйти только при помощи огня. Триптолем Философов тоже не может достичь белизны без огня. Когда он подрос, Церера убивает его отца и дает вскормленному ею дитяте колесницу с двумя драконами, чтобы он мог ездить по всей земле и учить людей земледелию.

Земледелие служит прекрасным символом операций великого делания. Недаром Философы заимствовали в нем часть своих аллегорий, подражая древним, оставившим нам свои иносказания в виде исторических повествований. Одно из главнейших доказательств того, что эти придуманные истории суть чистые аллегории, мы видим в том, что авторы мифов говорили одно и то же об Осирисе, Бахусе, Церере и Триптолеме. Осирис проехал по всей земле, чтобы научить людей ее возделывать. Бахус проделал такое же путешествие с той же целью. То же самое совершила Церера, а за нею и Триптолем, — и каждый из них должен объехать всю землю. Почему же стольким героям понадобилось в разное время учить людей искусству, которое на земле никогда не умирало и которое так важно было сохранить?

Нам, наверняка, заметят, что Бахус и Осирис были одним и тем же человеком с разными именами, а это еще раз подтверждает правильность нашей системы. По нашему понятию, Триптолем и Церера отличаются от них только с точки зрения различных состояний материи во время операций. Но являются ли эти четверо одинаковыми, если рассматривать их в исторических и поучительных аспектах? Тут следует обратиться к авторам соответствующих систем. Как бы то ни было, Бахус совершил свое путешествие на колеснице с упряжкой из диких зверей, а в колесницу Триптолема были запряжены два дракона. Тот и другой обучали людей сеять зерно и собирать затем урожай. Бахус научил их также сажать виноград и делать из него вино. Мы объясняли уже неоднократно, что представляют из себя эти драконы и дикие звери; мы следовали за ними в их путешествиях и сделали даже вывод о том, что надо подразумевать под искусством сеяния. И, тем не менее, мы коснемся этого вопроса еще раз, ссылаясь на некоторых Герметических Философов, так как никогда нелишне повторить столь важную мысль.

У пахаря есть земля, которую он возделывает, чтобы посеять в нее зерно; у Философа есть своя земля. *Посейте ваше золото в белую удобренную землю*, — говорят Философы. Василий Валентин посвятил этому свой восьмой ключ, а Михаил Майер свою шестую эмблему. Зерно не сможет прорасти, если перед этим не сгниет в земле. Мы часто говорили о гниении веществ Философов как о ключе делания. Когда зерно прорастет, ему требуется тепло для роста, ибо тепло — это жизнь всего сущего, и ничто не может появиться на свет без природного тепла. Растениям для роста требуются тепло и влага; так и Триптолему Философов требуются огонь и молоко, как о том говорит Раймунд Луллий:

Знайте, что ничто не родится без мужа и жены, и никакое зерно не прорастет и не вырастет без влаги и тепла. И этому вы должны следовать в нашем делании.

Когда из земли выходит стебель, он окрашен сначала в красно-фиолетовый, а затем в бледно-зеленый цвет. Когда на нем образуется зерно, оно белое, как молоко, а по достижении зрелости все поле становится цвета золота. Точно так происходит и с зерном Философов.

Молчите те, говорит Тревизан («Философия металлов»), которые хотят до-
быть свой меркурий не из нашего красного слуги. Читаем у д'Эспанье:

В саду Мудрых вы найдете три вида красивых цветов: пурпурные фиалки, белые и
желтые лилии и, наконец, пурпурный и бессмертный амарант. Фиалки, будучи
ранними цветами, предстанут пред вами почти сразу при входе, а поскольку их
без конца и обильно поливают золотой водой, то они, в конце концов, окрасятся
в ярчайший цвет сапфира. Остерегайтесь ускорять их зрелость. Затем, при не-
большом старании, на смену им явятся лилии, еще постараемся и увидим амарант.

Иодокс Гревер сочинил особый трактат, в котором постоянно сравнивает
манеры выращивания зерна Философов. Пытливому читателю интересно будет
познакомиться с ним. Мы же относительно воспитания Триптолема, добавим
лишь то, что говорит Фламель: «Отец его — Солнце, а мать — Луна; т.е. огненная
субстанция и субстанция водянистая. Кормилица его — земля. Он питается ее
собственным молоком, т.е. семенем, из которого он был сотворен с самого нача-
ла. Рождение происходит, когда фермент души соответствует телу, или с отбе-
ленной душой. Ему не достичь совершенства, если не поить его молоком и не ук-
реплять огнем». О нем сказано в «Turba»: *«Чтите короля вашего, вышедшего из
огня»*. Мусей считал Триптолема сыном Океана и Земли, что прекрасно соответ-
ствует зачатию дитя Философов, образующегося из земли и меркуриальной во-
ды Философов, именуемой Морем, а некоторые называют — Океаном.

Коль скоро Триптолем есть фигура вымышленная, он не может быть основа-
телем Фесмофорий. Лучше уж придерживаться свидетельства Геродота («Евтер-
па»), сообщающего, что дочери Даная принесли это празднество в Грецию и
приобщили к нему пеласгов:

Дочери Даная принесли к нам из Египта этот праздник и обряды [Деметры] и на-
учили им пеласгических женщин.

Авторы, приписывавшие их создание Триптолему, делали это, несомненно,
согласуясь с теми, кто считал Исиду создательницей празднеств египтян в честь
самой Исиды и Осириса; поэтому Триптолем был частью предметом культа, ко-
торый имели в виду основатели Фесмофорий в Греции, подобно Исиде в Египте.

Фесмофории называли мистериями как тайну, которую должны были хра-
нить посвященные. Геродот описывает это в следующих выражениях, требовав-
ших сдержанности и уважительности:

Так же хочу я умолчать и об обрядах на празднике Деметры, который эллины на-
зывают Фесмофориями, поскольку непосвященным сообщать об этом не позво-
лено.

Исида считалась также учредительницей законов в Египте. В первой книге
говорилось, что Данай привел из Египта переселенцев в Грецию и что он знал
герметическое Искусство. Поэтому самыми священными у язычников были
Элевсинские Мистерии. Приводятся также различные причины сохранения их
тайны. Так, по словам Варрона, мистерии скрыты молчанием и стенами, за кото-
рыми они происходят. Молчание, как условие, чтобы никто не мог о них расска-
зать; и проходить они должны в каких-либо стенах, чтобы видели их и знали
лишь немногие. Тома де Валуа в своем «Комментарии» к «О граде Божьем» Авгу-
стина пишет:

Три причины побуждали демонов и их жрецов держать в тайне свои церемонии. Первая, — потому что было бы легко обвинить их в плутовстве, если бы церемонии эти проходили публично, и любой мог бы рассуждать о них. Вторая, — состоит в том, что мистерии заключали в себе истину о происхождении их богов и то, что они представляли на самом деле. Например, кто был Юпитер, когда и как начали ему поклоняться, и также о других богах. Если бы все раскрыть народу, он стал бы презирать сих придуманных богов, и внушаемый ему страх рассеялся бы, что привело бы к беспорядкам в государстве. Как пишет Тит Ливий, Нума Помпилий считал этот страх столь нужным, что приказывал порождать и поддерживать его в народе. Третья причина состоит в том, что под покровом тайны совершалось такое, от чего народ пришел бы в ужас, если бы узнал об этом. Так, приносили в жертву детей и беременных женщин, дабы угодить демонам или чтобы получить их совет, как это случилось при Юлии Цезаре, о чем свидетельствует Сократ. Этот император посетил в городе Карра идолопоклонника, тайно приносившего жертвы в храме, чтобы узнать у него исход войны, которую собирался предпринять. Он увидел там подвешенную за волосы женщину с распростертыми руками и распоротыми животом и грудью. Ему показали ее печень, где он увидел знак будущей победы.

Вот она, по мнению Валуга, истинная причина таинственности всех этих мистерий; именно поэтому была придумана статуя Гарпократа, бога молчания, которую ставили у входа почти всех храмов, где поклонялись Исиде и Серапису. Варрон пишет, что и св. Августин приводил следующую причину. По его мнению, все это требовалось, дабы умолчать, что боги эти были людьми. Этот святой ученый даже писал, что у египтян считалось страшным преступлением говорить, что Исида была дочерью Инаха, и, следовательно, смертной женщиной. Причины, указываемые Валуга, выглядят очень вероятными, по крайней мере, для времен, когда в действия мистерий вкрались искажения, а идолопоклонство достигло своей вершины. Однако были ли эти причины реальны во времена создания этих церемоний? Можно ли верить, что и в более поздние времена или в век Геродота церемонии эти сопровождалась столь мерзкими жертвоприношениями? Если бы это было так, то стал ли бы Валуга именно в таких выражениях описывать их?

Впрочем, речь сейчас идет о смысле элевсинских мистерий, а не о случайных извращениях, привнесенных в них ослеплением и незнанием намерений их создателя. Если внимательно присмотреться ко всем подробностям этих мистерий, можно будет быстро убедиться, что вторая причина, выдвинутая Тома Валуга, является единственной, побудившей хранить тайну от народа и раскрывать ее только посвященным. Две другие причины возникли вместе с самими искажениями. Аллегория Сатурна, пожирающего своих детей, привела к тому, что суеверные люди, понимавшие миф буквально, вообразили, что самой лучшей жертвой для него будет человеческая. В их понимании, бог войны Марс мог получать удовольствие только от человеческой крови. Но можно ли было представлять такими же богиню земледелия, бога виноделия, мать любви и сладострастия? Мог ли создатель празднеств желать свергнуть посвященных в разврат и в разгул, если от мистов и женщин, возглавлявших торжества в честь богини Цереры, требовались большая сдержанность и даже строгое целомудрие? Совершавшиеся там очищения и омовения указывают нам, что участники их были все не так развращены, как считают отдельные авторы. Разве не знакомы нам случаи, когда первых христиан обвиняли в поклонении ослиной голове и даже в

гнусных низостях, потому что они собирались тайком, и их собрания были таинственны для язычников? Варварские слова *Conx et om pax*, истолкованные ле Клерком как *бдеть и не делать зла*, которые священник провозглашал, отпуская собравшихся, как бы гарантируют нам, что там не происходило ничего, кроме честнейших и пристойнейших деяний.

Элевсинские Мистерии были большие и малые, и, чтобы быть посвященными в них, нужно было уметь хранить великую тайну. Малые мистерии служили предварительным испытанием перед допущением к большим. Малые мистерии совершались в Агре, недалеко от Афин; большие — в Элевсине. Испытательный срок длился пять лет, и в течение всего этого времени нужно было блюсти целомудрие. После многих испытаний участник объявлялся *Мистам*, т.е. готовым к тому, чтобы стать *Эпоптам*, т.е. свидетелем самых таинственных обрядов. Но, даже, и будучи посвященным и принятым в Эпопты, человек еще не узнавал всего, ибо жрецы сохраняли в тайне еще многие знания.

Праздник посвящения длился девять дней. Каждый день проходили особые церемонии. Первый, второй и третий были подготовительные: их вместе с обрядом принятия в мисты и в эпопты описывает аббат Банье в своей «Мифологии» (т. II, с. 467). В четвертый день запрягали волов в повозку, колеса у которой были, как кажется, без спиц и походили на барабаны. Вслед за повозкой шли женщины, восклицая: «Здравствуй, мать-Богиня!», и неся в руках коробки или корзины с пирожными, белой шерстью, гранатами и маком. Смотреть на повозку позволялось только посвященным, все же остальные должны были удалиться и даже отходить от окон при ее появлении. На пятый день ходили всю ночь, пишет аббат Банье, чтобы изобразить поиски Церерой дочери Прозерпины, похищенной у нее Плутоном. На шестой день из Элевсина в Афины везли статую высокого юноши с миртовым венком на голове и с факелом в руке. Процессия сопровождала статую, называвшуюся *Иакхам*, криками радости и плясками. Седьмой, восьмой и девятый дни уходили на посвящение еще не посвященных, на благие дела или же на мольбы, обращенные к Церере. Удивительно, что г-н ле Клерк решил искать значение имени *Иакх* в финикийском языке, тогда как оно вполне естественно для греческого *Γάχω*, и означает «ликующий». Конечно же, слово это нужно было не для того, чтобы побуждать друг друга к крику; скорее этим хотели сказать: «Вакх идет», ибо *Иакх* по-гречески *Γάκχος*, значит «Вакх» или «гимн Вакху». Можно вполне предположить, что, поскольку Бахуса считали богом вина — одного из лучших творений Земли, то его решили сделать участником или хоть каким-то образом приобщить к празднествам в честь Цереры — богини земледелия. Доводы эти представляются естественными, и он действительно присутствовал на празднестве, однако в несколько ином смысле, как мы увидим ниже.

Так выглядели великие мистерии Греции, в которые, как следует из мифов, хотели быть посвящены и Геркулес, и Эскулап. Тайна их соблюдалась чрезвычайно строго, но не для того, как это утверждают ле Клерк, Тома де Валуа, Мерсий и некоторые из древних, чтобы скрыть творившиеся в них непристойности и злодеяния. Но потому что в ней содержалась разгадка исторической аллегории Цереры, ее дочери и т.д. И не потому, что из нее становилось ясно, что Церера и ее дочь были всего лишь смертные женщины, что бы там ни говорили аббат Банье и другие мифологи, ссылаясь на Цицерона, предполагавшего, что от народа хотели скрыть их человеческую природу, их могилы и многое другое такого же сорта.

Коль скоро празднества в честь Цереры были подражанием египетским празднествам в честь Исида, то именно здесь и следует искать замысел их создателей. Попутно признаем, что Церера и Исида — одно и то же лицо, как о том свидетельствует Геродот в «Евтерпе», а в «Мельпомене» он же пишет, что на празднестве Исиды ее статую возили на четырехколесной повозке. Тайна, которой окутывали празднества Цереры, должна была быть той же, которую обзывали хранить под страхом смерти египетские жрецы. Не будем повторять, в чем заключалась эта тайна. Герметические Философы сами так тщательно скрывают ее, что раскрыть ее почти невозможно, если только Бог или сердечный друг не откроет ее, по их собственному признанию. Гарпократ, держащий у рта палец, извещал уже у самого входа в храм о хранимой в нем тайне. В святилище таких храмов могли войти только посвященные. Специальный глашатай отгонял от храма профанов. Несомненно, с этим связаны слова Вергилия, сказанные по подобному поводу: *Procul ô procul este Profani*¹. Также публично предупреждали людей, имеющих за собой злодеяния, о том, что им нельзя даже присутствовать на торжествах. Даже Нерон, хоть и был императором, не осмелился явиться на них. Антоний же, напротив, пожелал быть посвященным, чтобы доказать свою честность.

Поскольку чужеземцы на церемонии не допускались, в то время как многие известные и добропорядочные люди из других стран просили о посвящении, были учреждены малые Фесмофории, чтобы удовлетворить их желание, и утверждают, что Антоний был допущен только лишь на малые. Большие же Фесмофории и были, собственно, праздником Цереры или тайны, а малые совершались в честь Прозерпины. Истинную тайну не раскрывали людям, допускавшим лишь на малые. Считается даже, что и Геракл был допущен только на них, как если бы он когда-то бывал в Афинах. Говорили, что чужеземцев не допускали на большие Фесмофории потому, что не желали, чтобы эти тайны Природы стали известны в других странах. Поэтому об этих празднествах почти нигде не знали: не то чтобы об этих торжествах и церемониях ничего не слышали, хотя бы отчасти, или не совершали их в других местах, однако чужеземцы, если не считать египтян, знали их лишь только поверхностно. Они были известны даже христианам, как об этом свидетельствовал св. Григорий Назианзин:

У нас вовсе не забирают Святую Деву; Церера не бегает в поисках ее и не приводит нам келеев, триптолемов и драконов; она частью страдает и частью действует; мне стыдно выводить на свет эти ночные жертвоприношения и делать тайну из скверны. Обо всем этом хорошо знает Элевсин, равно, как и те, кто присутствует на этих церемониях, хранящихся в большой тайне; да и вправду, они заслуживают быть погребенными в молчании.

Не зная правды сами и пользуясь лишь обычными слухами, могли ли судить люди иначе? В конце концов, то ли подражая египтянам, то ли действуя сами по себе, но в каждой стране имели свои мистерии, которые запрещалось раскрывать простому люду. Так, Валерий Максим свидетельствует, что римский правитель Тарквиний приказал зашить в кожаный мешок и бросить в море Марка Дуумвира как отцеубийцу за то, что он дал переписать Петронии Сабину гражданские тайны из отданной ему на хранение книги. Валерий Максим пишет даже, что он заслужил такую кару, поскольку такому же наказанию подвергались те, кто совершал пре-

¹ Прочь, прочь, профаны! (лат.). — Прим. ред.

ступление против богов и своего отца. Книги эти были составлены неизвестной старой женщиной или Сивиллой и показаны Тарквинию Гордому, как сообщает Аулу-Гелле. Некая неизвестная старуха, пишет он, пришла к Тарквинию Гордому с девятью книгами, содержащими, по ее словам, предсказания священных оракулов, и предложила купить их. Он счел цену чрезмерно высокой и высмеял старуху. Тогда она в его присутствии попросила огня и сожгла три из своих книг, а затем спросила у него, согласен ли он заплатить ту же цену за шесть оставшихся. Тарквиний Гордый ответил, что она, наверное, шутит. После такого ответа старуха бросила в огонь еще три книги и снова спросила, не желает ли он приобрести три последние за цену девяти. Видя упорство старухи, он заплатил ей за три книги столько, сколько она просила за девять. Старуха удалилась, и больше ее не видели. Книги эти были названы «Книгами Сивилл» и их закрыли в самом сокровенном месте храма. Были назначены пятнадцать человек, чтобы читать их всякий раз, когда требовалось спросить у бессмертных богов о каком-нибудь важном событии.

Разум человека устроен так, что чем больше скрыты от него какие-либо вещи, тем сильнее они возбуждают его любопытство. Некий философ по имени Нумений нашел способ увидеть Элевсинские Мистерии и первым описал часть их. Макробий в «Комментарии на «Сон Сципиона» пишет, что

...Сей философ был очень неприятно удивлен во сне Церерой и Прозерпиной, явившихся ему в одеждах распутных женщин. Дивясь такому виду богинь, Нумений высказал им свое удивление. Они же разгневанно возразили ему, что он сам отнял у них одежды порядочных женщин, а их продает каждому встречному.

Любознательность была свойственна не одному только Нумению; многие другие люди, немало философов и достойных мужей желали узнать смысл мистерий, но мало кто из них, если не считать жрецов и посвященных, смогли удовлетворить свое любопытство. Мы же по прошествии столь большого времени можем судить об этом лишь по пословице: *Ex ungue aestimatur leo*, т.е. то знание, что передано нам о части этих мистерий, позволит нам открыть все. При помощи знаков мы догадываемся об обозначаемом ими, а по следствию узнаем причину.

Считалось, что в Афины мистерии были завезены Эвмолпом, сыном Деиопеи и Триптолема. Мы уже видели в первой книге, что Эвмолпиды происходили от египетских жрецов и были, следовательно, посвящены в переданную им тайну. Таким образом, они и стали создателями мифов о Церере. Убедительным доказательством этому служит то, что все жрецы, называвшиеся иерофантами, были Эвмолпидами или потомками Эвмолпа. По словам Акесидора на месте Элевсина жили сначала чужеземцы, а затем фракийцы, предоставившие Эвмолпу, который был тогда иерофантом, воинов для войны с Эрехфеем. От Андротия мы узнаем, что у Эвмолпа был сын с таким же именем, у которого родился Антифем; у сына же Антифема Мусея был сын Эвмолп, учредивший обряды, перенесенные в дальнейшем в священные мистерии, а сам он тоже был иерофант. Софокл указывает на причину, по которой эвмолпиды считались главными при отправлении культа Цереры и совершении элевсинских мистерий. Дело в том, что языком Эвмолпидов был золотой ключ:

ὦν καὶ χρυσέα
κλείς ἐπὶ ἡ γλοσσα βέβακεν
προσπόλον Εὐμολπίδων.

ГЛАВА III

Похищение Прозерпины

Жители Элевсина еще показывали место, в котором Прозерпина была похищена Плутоном, а также и то, где их женщины начали распевать гимны в честь Цереры. Место это находилось возле камня, на который, как говорили они, присела Церера, *удрученная горем* от потери дочери. Камень лежал неподалеку от места, именовавшегося *Каллихор*. Для того, чтобы надуманное похищение Прозерпины не выглядело сказкой, элевсинцы утверждали, что оно произошло у них. По той же причине подобное о своей стране говорили и сицилийцы, как пишет Овидий в четвертой книге «Фастов» и другие поэты. Цицерон приводит прекрасное описание места в Сицилии, где была похищена Прозерпина, когда собирала там цветы. Но и элевсинцы, и сицилийцы принимали за правду то, что было всего лишь сказочной аллегорией, поскольку египетская Исида — она же Церера — никогда не бывала ни в Элевсине, ни в Сицилии и у нее никогда не было дочери по имени Прозерпина. Наконец, что бы там ни говорили, похищение этой дочери — это всего лишь аллегория: но касающаяся возделывания не обычной земли, а поля Философов. Если бы эта история была только аллегорией того, как сеять и убирать зерно, то зачем нужно было делать тайну из того, что великолепно знает даже простой крестьянин? К тому же мыслимо ли, чтобы в те времена, когда Церера якобы правила в Сицилии и когда она прибыла в Аттику, люди не умели возделывать землю и собирать ее плоды? Священное Писание доказывает нам обратное. Словом, не входя в слишком длинные рассуждения по этому поводу, просто посмотрим, что представляли из себя похититель Прозерпины Плутон, сама Прозерпина и ее мать Церера.

Церера обычно жила в дивной местности Сицилии, называвшейся *Энна* или «сладостный источник», как *указывали* Цицерон и Брошар, среди красивых лугов, омываемых ручьями живой воды. Диодор Сицилийский писал, что там росло множество фиалок и прочих цветов. Сравним описание места пребывания ее с тем, как Философы представляют жилище своей Цереры. Мы частью уже говорили об этом, когда рассказывали о Нисе, где воспитывался Бахус, но сейчас было бы уместно предложить это описание читателю. Вот как говорит о Сицилии Гомер:

Там беззаботно они под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без пахання и сева дает им
Рожь и пшеницу, и ячмень, и роскошный кистей винограда
Полные лозы...

Одиссея, IX, 107–111

Этот край можно было бы сравнить с Нисой, где глаз радуется и запахом наполнены красивейших цветов луга, где в изобилии растут плоды, т.к. земли орошаются чистыми источниками живой воды.

Прочитаем теперь описание Космополитом острова Философов:

Остров этот расположен на юге; он прекрасен и дает человеку все, что может быть ему необходимо из полезного и приятного. С ним едва могут сравниться Елисейские поля Вергилия. Все берега острова покрыты миртом, кипарисами и розмарином. Зеленеющие луга, усыпанные благоухающими цветами всевозможных окрасок, являют взгляду прекраснейшую картину и наполняют воздух приятнейшим ароматом. Холмы покрыты виноградом, оливковыми и кедровыми деревьями. В рощах растут апельсины и лимоны. На дорогах, окаймленных лавровыми и гранатовыми деревьями, путник найдет приятную тень, сменяющую яркое солнце. Здесь есть все, чего только можно желать.

А д'Эспанье говорит:

У входа в сад Philosophes бьет родник живой чистейшей воды, разливающейся по всему саду и орошающей его. Совсем рядом фиалки, обильно орошаемые золотистыми водами реки и окрашивающиеся в цвет красивейшего сапфира. Также растут лилии и амаранты.

Вот она — *Энна* с ее журчащими родниками чистой воды и с ее лугами, где произрастают фиалки и другие цветы. В этих вот прекрасных местах гуляла с подругами Прозерпина, и сорвала цветок нарцисса, когда на нее налетел Плутон и похитил ее, желая сделать ее своей женой и разделить с ней мир теней. Каким же представляют нам Плутона? Все данные ему имена внушают ужас, жуть, все они означают нечто черное, мрачное, словом, его изображают владыкой мрачного царства смерти и в то же время богом богатств. Имя *Адес* означало *гибель, смерть*. Финикийцы называли его Мут¹, или *смерть*. Латиняне звали его *Суманам*, сабиняне — *Соранам* или чем-то, обозначающим гроб, у других он был *Орк, Аргус, Фебруус*². Вместо скипетра он держал ключи, а в жертву ему приносили черных овец. Наконец греки называли его *Плутон* или *Плоутон*, Πλούτων — бог богатств.

Что же говорят Философы о своем Плуtone после такого красивого описания страны Philosophes? Нужно, говорят они, похитить красивую, чистую, румянощековую деву и выдать ее замуж. Соедините красавицу Бейю с Габрицием: после соития они сойдут в царство смерти. Там же — только ужас и мрак; покажется мрачное одеяние, и наш муж с женой своей будут погребены во мраке ночи. Сия чернота есть признак растворения, а растворение именуется Философами *смерть, уничтожение, погибель*. Потому одно из имен Плутона, *Адес* было взято от финикийского слова Ed или Aiid, означающего *гибель, разрушение*. Отсюда, по Фламелью, и пошли столь многие аллегории о мертвых, могилах и гробницах. Некоторые называли его *гниение, порча, тени, бездна, преисподняя*...

Нужно ли что-то добавлять к сказанному? Все подробности похищения укаывают на детали растворения Philosophes. Прозерпина собирает цветы вместе с девушками из своей свиты. Плутон замечает ее, хватает и тут же уносится на колеснице, запряженной *черными* лошадьми. Он проезжает мимо *озера* с нимфой *Кианеей*, решившей остановить колесницу, но Плутон взмахом скипетра открывает себе дорогу, ведущую в ад. *Удрученная* нимфа заливается слезами и превращается в воду. Церера — это земля Philosophes, их материя. Ее дочь Прозерпина — та же, но еще летучая материя, достигшая белого цвета. Об этом говорит ее имя Ферефата — по-гречески *φέρω я несу* и *φάω я свечу* от *Φαῖς свет*, как если бы

¹ См.: *Филон Библиский*. Финикийская история, I, 34. — *Прим. ред.*

² Этрусский бог подземного мира; в честь него получил название месяц февраль. — *Прим. ред.*

это значило «я несу свет», так как белый цвет указывает на свет и появляется после черного — символа ночи. Именно так Философы иногда называют черноту, как видим в их трудах, в частности у Филалета в его «Enarratio Methodica trium Gebri Medicinatum», изданного в Лондоне в 1648 году. Здесь он называет почерневшую материю Философов *чернотой ночи, темной ночью, мраком*; а материю, вышедшую из черноты, — *днем, светом*. Ферефата Философов, помещенная в сосуд вместе со своей матерью для получения эликсира, становится летучей и образует разные цвета. Части, улетучивающиеся с ней, — это девушки из ее свиты: в мифе говорится, что она рвала нарциссы, потому что нарцисс — белый цветок, а, поскольку, белизна его пропадает, если его сорвать, Плутон и похищает ее в тот самый миг и забирает с собой в преисподнюю. Еще до появления черного цвета во второй операции одна другую сменяют несколько различных красок; появляется небесный или синеватый цвет; затем они темнеют и становятся как бы приближающим их к черному. А потому в мифе говорится, что Плутон пришел к озеру и увидел там нимфу Кианею — по-гречески Κίανος, *синеватый*. Но, разве меркуриальная вода в сосуде не есть настоящее озеро? Похититель Прозерпины не внемлет мольбам нимфы Кианеи и мановением своего жезла открывает себе дорогу в ад. Это значит, что ставшая синеватой материя темнеет, пока не почернеет. Тогда нимфа разрыдалась и превратилась в воду, и это знак того, что совершилось полное растворение материи в воду, и нимфа Кианея исчезает вместе с синим цветом.

И вот Прозерпина прибывает в мрачное владение Плутона. Она правит там вместе с Плутоном и увидит снова свою мать лишь спустя полгода. Пока же она еще в преисподней, последуем за ее матерью.

Узнав о похищении дочери, Церера ищет ее на море и на суше. Наконец она добирается до озера нимфы Кианеи, однако, превратившаяся от слез в воду нимфа ничего не может ей сообщить. Церера увидела на воде покрывало дочери и решила, что похититель прошел здесь. Аретуса как нимфа источника, протекавшего по соседству со Стиксом, подтвердила Церере ее догадку, и в утешение убитой горем матери сказала, что дочь ее стала женой бога преисподней.

При этом известии Церера взойшла на колесницу и понеслась по воздуху к Юпитеру потребовать, чтобы тот вернул ей дочь — ведь он ее отец. Юпитер соглашается на ее возвращение, при условии, если только она не успела вкусить плодов, растущих в аду. Однако Аскалаф, единственный, кто видел, как она сорвала гранат и съела три зернышка, не сумел удержать язык за зубами. Тогда Юпитер приказал, чтобы Прозерпина жила полгода с мужем, а полгода с матерью.

Довольная судом Юпитера Церера отправилась в Элевсин. Подъезжая к городу, она присела отдохнуть на камне, а затем разыскала Элевсина — отца, вскормленного ею Триптолема, и научила его искусству сеять и убирать зерно. Прозерпина больше не упоминается, и из мифа нельзя узнать, виделась ли с нею Церера после того, как побывала в Элевсине.

Мы видели Цереру, заключенную в сосуде со своей дочерью Ферефатой. Мать ищет ее на море и на суше, ибо в сосуде имеется вода и земля. Вода образует озеро Кианею, на волнах которого Церера заметила покрывало дочери, т.е. белое пятнышко, увеличивающееся по мере того, как черный цвет исчезает. «Я изобразил лазурно-синее поле, пишет Фламель, чтобы показать, что только начинаю выходить из чернейшей черноты: ибо синий, лазурный цвет есть один из первых цве-

тов, позволяющий нам увидеть темную женщину, т.е. влагу, понемногу поддающуюся теплу и сухости... у женщины вокруг тела повязан белый пояс в виде жгута, чтобы показать тебе, что наш *ребис* станет белеть таким путем, начиная с концов, вокруг этого белого круга». Это и есть озеро Кианея с покрывалом Прозерпины на его волнах. Церера приходит к мысли, что похититель исчез в озере, а нимфа Аретуса сообщает ей, что дочь ее стала женой бога преисподней. Судя по тому, что пишет Фламель, Церера не могла ошибиться. К тому же, красновато-оранжевый цвет воды у самой кромки крута, показанного ей нимфой Аретусой, утвердил ее в этом предположении. Ибо, по словам Гвиде де Монте («Scala Philoph.»), «признак того, что черный цвет начинает исчезать, а на смену ночи приходит день и появляется первая белизна, возникает тогда, когда становится видным некий круг для волос, т.е. сажающийся на голову. Он появляющийся вокруг материи по бокам сосуда, а цвет его по краям ближе к оранжевому». Имя нимфы довольно ясно указывает на этот цвет, т.к. происходит оно от греческого Ἀῤῥῆς, *железо* и θύω, *колыхаться*. Части становятся летучими, если их взболтать, а растворение железа в воде дает оранжеватый цвет. Говорят также, что источник с тем же названием протекает вблизи Стикса; отсюда Стикс считается одной из рек ада, показываемой черным цветом.

Получив такие известия, Церера мчится на колеснице по воздуху к Юпитеру; в этом проявляется летучесть материи, начинающей в этот момент подниматься в заполненную воздухом часть сосуда. Она требует от Юпитера возвращения дочери — это тот момент, когда черный цвет сменяется серым. На смену серому приходит белый цвет, который, как мы сказали, зовется Прозерпиной или Ферефатой, а дева с этим именем, поэтому считалась дочерью Цереры и Юпитера. Юпитер обещает вернуть ее, но при условии, что она ничего не ела с того времени, как спустилась в преисподнюю; однако Аскалаф сообщает, что она съела три гранатовых зернышка. Юпитер имел основание для своих слов, а Аскалаф был единственный, кто видел Прозерпину; поскольку едва лишь красный цвет, символизируемый тремя гранатовыми семечками, начинает проявляться на белом, обратный процесс не возможен: красное будет закрепляться все сильнее. Почему Аскалаф выдает Прозерпину? Дело в том, что красный цвет выходит из оранжевого, Аскалаф же — это сын Марса, как пишет о нем Гомер, а Марс Философов есть начало красного цвета:

...Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Аресвы чада;

Их родила Астиоха в отеческом Актора доме...

Илиада, II, 512–513

Эти строки прекрасно подтверждают сказанное выше; ибо Астиоха была дочерью Фалента — от греческого Φαλός — *чистый, белый*, скала, появляющаяся в море. Поэтому Астиоха произвела на свет Аскалафа в доме Актора Азида, т.е. на драгоценном берегу, т.к. эти имена по-гречески значат Ἀκτῆ, *берег* и Ἀΐτιος, *драгоценный, ценный*; это значит также за *бесценюк*, и все это подходит к магистерии Философов: бесконечно дорог по своим свойствам, но состоящий из материи ничего не стоящей. Аскалаф же указывает на состояние материи, поскольку это слово значит — твердый, Αόκᾱλος ἄσφ. Удовлетворенная Церера уезжает в Элевсин и присаживается отдохнуть на камень *агеласт*. Это, разумеется, земля Философов, поднимающаяся вверх сосуда, улетающая, падающая на дно, где она фиксируется и объединяется в одно целое, изображаемое *агеластом* —

по-гречески *Α΄ γέλαξω*, *собирать*. Затем Церера отправляется к Элевсину, сына которого, Триптолема, она вскормила. Об этом приезде Цереры и о последующих событиях ее жизни мы уже говорили. Что же касается камня, который показывали неподалеку от Калихора в подтверждение посещения Церерой Аттики, следует запомнить раз и навсегда, что такие камни всегда являются иероглифическими знаками фиксированности материи. Вспомним о камне, проглоченном и отрыгнутом Сатурном, а затем положенном на гору Геликон, о том, которым Меркурий убил Аргуса. Вспомним о камне, который Кадм метнул в толпу вооруженных воинов, родившихся из посеянных им зубов дракона, о том, на котором, спускаясь в ад, отдыхал Пирифой, о камне, беспрестанно катаемом Сизифом и т.д.

Но вернемся к Фесмофориям. Луи Вив пишет, что на церемониях женщины и девы несли, кроме обычных атрибутов, еще и изображения богов. Главный иерофант нес изображение *Создателя*, факелonosец шел с изображением *Солнца*, священнослужитель нес изображение *Луны*, а глашатай, объявлявший о празднествах народу, нес изображение *Меркурия*.

Рассмотрим все по частям. На четвертый день торжеств по улицам воли тащили повозку с колесами в виде барабанов. Почему в нее запрягали волов? И почему колеса ее были такой формы? Дело в том, что бык, или вол, был у египтян иероглифом материи Искусства, а материя эта, обращенная в меркурий, ведет все делание. Колеса были сделаны в виде барабанов, потому что они изображали форму реторты Философов, сравниваемой Фламелем с чернильницей.

Этот глиняный сосуд, пишет он, выполненный в форме печи, зовется Философами тройным сосудом, ибо у него в середине имеется ступень с миской, полной теплой золы, где лежит яйцо Философов или стеклянная реторта, которую ты видишь нарисованной в виде чернильницы и которая наполнена изделиями Искусства.

Колеса эти изображали даже печь, которая должна иметь форму башни. Барабан же, поставленный стоймя, похож на башню. Нам не говорят, что лежало на накрытой повозке, но об этом легко догадаться по тому, что несли шедшие позади женщины. Это были пирожные, белая шерсть, гранаты и маки. Повозка была накрыта не столько потому, чтобы скрыть находившееся в ней, а чтобы показать, что сосуд должен быть закрыт герметично, указывая на черноту или черный цвет, охватывающий материю: вот почему свет не проникал туда ни в одну щель. Следом, а не на повозке, шествовали женщины, несшие пирожные, белую шерсть, показывая, что черный цвет предшествует белому, который они показывали в своих золотых корзинах. Далее шли люди с гранатами, символизировавшими гранат Философов, от которого вкусила Прозерпина. Наконец появлялся мак — последний цвет, принимаемый материей, как говорит Пифагор в «Turba»:

Из трех частей поднимается черная сажа, потом белое молоко, белая соль, белый мрамор, олово, луна; а из четырех частей восходят бронза, железная ржа, шафран, гранат, кровь и мак.

И в «Turba» говорится:

Знайте, что у нашего делания много имен, соответствующих различным состояниям, которые мы хотим описать: магнезия, сажа, сера, резина, молоко, мрамор, шафран, ржа, кровь, мак и сублимированное, оживленное и умноженное золото, живая тинктура, эликсир и лекарство и т.д.

Или у Бримелла:

Возьмите известную всем материю, отнимите у нее черноту, а затем усилие постепенно ее огонь, и появятся разные краски; в первый день шафран, во второй цвет ржавчины, в третий цвет полевого мака, в четвертый цвет ярко-красной крови; и тогда вы овладеете всем секретом.

Зевакам запрещалось смотреть на повозку и следовавшую за ней свиту, т.к. в ней символически было показано все делание, и нельзя было допустить, чтобы какой-либо профан узнал тайну.

На пятый день процессия не прекращалась по улицам всю ночь: после того как накануне была, так сказать, преподана теория делания, этот день отводился практике. Ночная процессия яснее указывала, что накрытая повозка обозначает то, что происходит, когда материя находится во власти черного цвета, — это время, как мы уже говорили, когда Церера искала Прозерпину.

На шестой день из Элевсина в Афины везли статую высокого юноши, увенчанную миртом и с факелом в правой руке. Его называли Иакх. Статую провожали громкими возгласами радости и плясками. Этот юноша был дитя Философов, сыном Семелы, самим Бахусом, который, согласно Геродоту («Евтерпа», 123), правит преисподней вместе с Церерой, т.к. он является огненной фиксированной частью материи, а она — влажной и летучей частью: *«Владыками подземного мира египтяне считают Деметру и Бахуса»*. Накануне все происходило во мраке ночи, а на следующий день Бахус как бы рождался; его считали почти погибшим в пелле, насыпанном матерью, все горевали. Но как только он появляется со знаками победы, только что одержанной им перед ужасом могилы, и с миртовым венком на голове, все сердца наполняются радостью, и каждый стремится ее показать, возглашая *Иакх! Иакх* — Бахус явился! Бахус явился! Факел в его руке свидетельствует, что он разогнал мрак. Пляски, исполняемые следом за ним, указывают на циркуляцию летучих частей перед фиксированным.

Николя Фламель воспользовался смыслом этих процессий, чтобы создать иероглифические фигуры Кладбища святых невинных в Париже, в которых, чтобы показать порядок операций и чередование цвета, он нарисовал процессию женщин и мужчин в разноцветных одеждах с такой надписью: *«Благостна Богу процессия, коль много в ней благочестия»*.

Наконец изображения Создателя, которые нес главный иерофант, указывали, что Бог — творец всего, что он сам наделил материю великого делания или золотое лекарство ее свойствами. И он их Создатель и что, поскольку, он соблаговолит передать знание об этой материи и о том, как ее получать, то и хвалу возносить нужно только ему, а не Солнцу, Луне и Меркурию, которые по сути лишь имена различных частей, составляющих эту материю. Мы рассказывали уже, что у египтян Осирис или Солнце был иероглифом фиксированной части; Исида или Луна — иероглифом летучей части, а Меркурий считался советником Исиды только потому, что все совершает Меркурий Философов, а без нее ничего добиться нельзя. Солнце отец ее, а Луна — мать, и Меркурий содержит и то, и другое, говорят Философы.

Поэты добавили к мифу о Прозерпине, что она родила быка, а Юпитер, чтобы добиться ее, превратился в дракона. Они говорят также, что бык был отцом дракона, и, таким образом, выходит, будто каждый из них был отцом другого, что кажется сначала полным парадоксом. Как может сын быть отцом собствен-

ного отца? Пусть мифологи объяснят нам положение, столь неслыханное и столь же несогласное с их системой исторических и поучительных повествований. Тем не менее, это происходит в великом делании, и в трактатах настоящих Философов нет ничего более обычного, чем такие явные парадоксы. В мифе нет ничего более непонятного, и этим подтверждается, что те, кто это выдумал, хотели скрыть нечто тайное за столь трудной для понимания аллегорией.

В том, что Церера родила Ферефату от Юпитера, своего отца или деда, нет ничего противостественного. В том, что у Юпитера был сын от Прозерпины, его внучки, — опять-таки нет чего-то чрезвычайного; ведь это всего лишь два кровосмешения, приписываемые Юпитеру, а у него были еще и другие. Но когда говорят, чтобы добиться Прозерпины, он оборачивается драконом, и из этой связи рождается бык — отец того самого дракона, то, чтобы привести все это в согласие, можно только вспомнить сказанное Гермесом:

Вы, желающие совершить деяние, соедините сына Воды — Юпитера с Buba (Бык) и вы получите скрытую тайну.

Приведем также слова автора «Розария»:

В мире нельзя сделать ничего лучше, как сочетаться со своим сыном. Соедините же меня с моей матерью, прижмите меня к ее груди, остерегайтесь смешать с нами что-нибудь чужое, и продолжайте делание; ибо ничто не сочетается лучше вещей одной природы. Меня породила мать моя, и теперь я порожаю ее. Сначала она довлеет надо мной, но я возобладаю над ней, ибо я начинаю преследовать собственную мать, пока не получу от нее крылья. Несмотря на это, природа по-прежнему сильна в ней: она кормит меня и всячески заботится обо мне, она носит меня в себе, пока я не достигну совершенного возраста.

Вот, что пишет Раймунд Луллий:

Нужно похоронить мать в чреве рожденного ею сына, чтобы он в свою очередь родил ее.

Мы говорили уже, как следует понимать драконов и быков. Все объяснение их родства заключается, следовательно, в том, чтобы знать, что существует единая материя магистерия, состоящая, тем не менее, из летучего и фиксированного. Крылатый дракон и женщина указывают на летучее, а бескрылый дракон с быком символизируют фиксированное. Меркурий Философов или растворитель Философов состоит из этой материи, которую Философы называют началом золота. Золото Мудрых рождается из этой материи, и она, следовательно, его мать. В операциях делания необходимо соединить сына с матерью, и тогда сын, бывший фиксированным и обозначаемый бескрылым драконом, делает фиксированной и свою мать, и из этого союза рождается третье фиксированное, или бык. Так дракон становится отцом быка. Если теперь соединить новорожденного с женщиной или с летучей частью, из которой он был извлечен, то получится бескрылый дракон — сын породившего его; потому что сырая материя именуется драконом до подготовки и во время каждого этапа или операции делания. В связи с этим Аристей («Turba») сказал следующее:

Камень — это мать, которая зачинает дитя, убивает его и помещает в свое чрево... потом оно убивает свою мать и помещает в свое чрево, и питает ее... Это одно из величайших чудес, о которых когда-либо рассказывали; ибо мать рождает сына, а сын рождает мать и убивает ее.

Это значит, что золото растворяется в летучем растворителе Философов, из которого оно извлечено, и тогда оно становится матерью, убивающей свое дитя. Фиксируясь, золото фиксирует вместе с собой и свою мать, и таким образом дитя рождает свою мать и одновременно ее убивает, т.к. дитя рождает ее из летучего в фиксированном состоянии, а зафиксировать летучее это значит его убить. Вот и вся тайна раскрытого нами парадокса.

Однако, зачем носили изображения Солнца, Луны и Меркурия? Мы об этом раньше уже говорили, но, видимо, требуется более подробное объяснение. Первые из решившихся на иносказательное описание золотого лекарства и материи, из которой его получают, утверждали, что материя эта обыкновенная и известна всем и всякому. А поскольку нет в Универсуме ничего более известного, чем Солнце и Луна, которым египтяне дали имена Осириса и Исида, то они и сделали две эти планеты иероглифическими знаками материи великого делания, потому что белый цвет луны и желто-красный цвет солнца соответствовали, к тому же, цветам, последовательно принимаемых материей в операциях. Не нужно думать, что они взяли их в качестве иероглифов обычных золота и серебра, разве что относительно или, как говорят, в порядке *второстепенности*. Требовалось использовать известные вещи в виде знаков вещей неизвестных, иначе люди не знали бы ни того, ни другого. Затем они прибавили Меркурия, как распорядителя, потому что он — *фактотум* делания и та середина, при помощи которого объединяют тинктуры Солнца и Луны, как о том говорят Философы. При том же Меркурий является как бы сыном материи, обозначаемой солнцем и луной, о чем говорит Гермес в «Изумрудной скрижали»: *Солнце — его отец, Луна — мать его*. Таким образом, изображение Солнца указывало на активную силу философского предмета, а Луна — на пассивную. То есть, на движущую силу и силу принимаемую, мужа и жену, выделенных из одного и того корня, числом два, отличающихся лишь формой и свойствами, но имеющих одинаковую природу и одинаковую сущность подобно мужчине и женщине. Один из них при зачатии является движущей силой, а другая — приемлющей, один — горячий и сухой, а другая — холодная и влажная. Меркурий был как бы семенем соединенных воедино двоих. Именно это и имели в виду Философы, как можно судить по их собственным высказываниям.

Автор «Розария» пишет:

Солнце — это муж, Луна — жена, а Меркурий — семя, ибо для того, чтобы совершилось зачатие, нужно соединить мужа с женой, а кроме того они должны отдать свое семя.

Обратимся к Раймунду Луллию:

Готовьте делание ваше равномерно, с тщанием и верой, и составьте смесь вашу из вещей, которые должны в нее войти, как-то: Солнце, Луна и Меркурий.

В «Розарии» читаем:

Говорю вам, что наш дракон, Меркурий, может умереть только вместе со своими братом и сестрой, но не с одним из них, а с обоими. Брат — это Солнце, а сестра — Луна.

Такие высказывания Философов довольно ясно показывают, как следует относиться к изображениям Солнца, Луны и Меркурия. Приведенные до этого слова автора «Розария» объяснили все даже тем, кто знает о делании, и как понимать взаимное родство и отцовство дракона с быком.

ГЛАВА IV

АДОНИС И ЕГО КУЛТ

Адонис стал плодом кровосмешения Кинира и дочери его Мирры. Как-то ночью кормилица отвела Мирру в спальню ее отца. Кинир познал ее и захотел увидеть ее красоту, которую кормилица так нахваливала ему. Узнав в девушке свою дочь, он так разгневался, что хотел убить ее. Но Мирра скрылась под покровом ночи и добралась до Аравии, где и произвела на свет Адониса. Соседние нимфы приняли его роды, вскармливали его в своем жилище и занимались его воспитанием. Венера настолько безумно влюбилась в него, что охваченный ревностью Марс подговорил Диану натравить на него бешеного вепря. На охоте Адонис ранил зверя и погнался за ним, но разъяренный раню вепрь сам бросился на Адониса и нанес ему клыком такой силы удар в пах, что тот упал наземь замертво. Видя, как его заливают кровь, Венера поспешила к нему на помощь. Пробегая мимо розового куста, она укололась, и кровь из раны окрасила в красное бывшие до этого белыми розы. Венера помчалась дальше и сделала все возможное, чтобы вернуть возлюбленного к жизни, но, видя, что усилия ее тщетны, она превратила его в цветок, именуемый некоторыми *анемона*, о котором Овидий отмечает просто красный цвет, сравнивая его с гранатом:

...Не минуло полного часа, —
А уж из крови возник и цветок кровавого цвета.
Схожие с ним цветы у граната, которые зерна
В мягкой таят коже...

Метаморфозы, X, 734–737

Едва только Адонис оказался во владениях Прозерпины, как эта богиня воспылала к нему таким же огнем, который еще не погас у Венеры. Венера же, горя о своей утрате, попросила Юпитера вернуть его на землю, однако Прозерпина не желала отдавать его. Тогда Юпитер предоставил разрешить спор музе Калиопе, которая, чтобы помирить меж собою богинь, рассудила, что они будут наслаждаться им по очереди, каждая по полгода.

Итак, миф предложил нашему взору еще одно кровосмешение. Овидий постарался описать его так, как это может сделать поэт, со всеми подробностями, которые только можно найти в подобном сюжете. Однако те, кто решили придать этому мифу исторический смысл, основываясь на поэтическом пересказе Овидия, разумеется, не заметили, что сам он видел в нем чистый вымысел, поскольку начинает его такими словами:

Страшное буду я петь. Прочь, дочери, прочь удалитесь
Вы все, отцы! А коль песни мои вам сладостны будут,
Песням не верьте моим, о, не верьте ужасному делу!
Если ж поверите вы, то поверьте и каре за дело.

Метаморфозы, X, 300–304

И потому аббат Банье признает, что это очень загадочный миф, и загадку эту весьма трудно объяснить во всех ее частях, из чего он заключает, что в ней переплетены исторические и природные события. Немного найдется мифов, определенные подробности которых не поставили бы аббата в такое же затруднительное положение, и напрасно он силится доказать, что Адонис не то же самое, что Осирис. Скажем больше: он одно и то же, что и Аполлон, и Бахус. Орфей сообщает нам, что ему нравится иметь разные имена, что он — муж и жена (а ведь то же говорили и о Бахусе); наконец, что Адонис дает жизнь всем смешанным.

Всезнаменитый питатель всего, и отрок и дева,
Вечно цветущий Адонис — в году, затухая, сияешь,
Рост посылаешь всему, двурогий, оплаканный, милый...

Орфические гимны, IVI, 4–6

Последняя деталь должна быть для аббата Банье, ле Клерка, Селдена и для многих других очень сложной загадкой. Как согласовать ее с историей? Посмотрим же теперь, не удастся ли герметической Философии представить этот миф в подлинном свете. Что же касается кровосмешения отца и дочери, взятого самого по себе, то мы уже неоднократно объясняли подобное и приводили высказывания Философов, в которых описываются подобные кровосмешения. Рассмотрим же теперь все события этого мифа.

Кто такая Мирра? Кто такой Кинир? Мирра происходит от греческого *μύρα*, *лью, дистиллирую*, а Кинир — от *κινύρα*, *плакать, причитать*, откуда пошло название одного *грустного и меланхолического инструмента*, *κινύρα*. Таким образом, следует считать, что Мирра означает воду или камедь, или какую-то жидкую субстанцию. Тем самым создатель этого мифа имел в виду мирру — от греческого *μύρα*, *parfum*, в свою очередь происходящего от *μύρα*, *я дистиллирую*. Известно, что Философы называют камедью, водой часть их состава, и именно ту часть, которую должен зарождать Адонис или золото Философов. Наша материя, говорит Философ («*Turba*»), это яйцо, *камедь*, дерево, вода. Возьмите белую *камедь* и красную *камедь*, говорит Мария Аросу в своем «Диалоге» и сочетайте их настоящим браком. Изиндрий пишет: смешайте воду с водой, камедь с камедью. И не стоит, наверное, приводить другие высказывания, что находятся на каждой странице в книгах Философов. Мирра, следовательно, значит не что иное, как камедь или вода Мудрых, которую они называют женой и королевой великой красоты. Ее кормилица, или меркуриальная вода Философов, отводит ее ночью к Киниру, где и совершается кровосмешение. Это и есть ночь Философов, когда, как говорят они, совершается соитие их мужа и жены. Печаль и меланхолия, обозначаемые Киниром, есть тоже одно из имен, даваемых адептами их материи, достигшей черноты. Заметьте, говорит Филалет (*Enarration method. trium Gebri medicin.*), что такие названия, как сернистая вода, ядовитая вода, ароматическая вода, воронья голова, вес, *меланхолия*, ночь, *инструмент печали*, ад, темное одеяние и т.д. — это лишь разные слова, означающие одно и то же. Что может лучше темноты, ночи, черноты вызывать меланхолию и порождать печаль? Почему Мирру называют дочерью Кинира или инструментом печали и меланхолии? Потому что она действительно его дочь. Как и Прозерпина, она была зачата в печали и меланхолии. Она была красивая, белая, сверкающая и юная, так как все эти качества свойственны камню, доведенному до белого цвета. Чтобы

получить из него эликсир, кормилица должна отвести ее к отцу Киниру, поскольку меркуриальная вода — это движущая сила гниения, во время которого Мирра спаривается со своим отцом во мраке ночи; а чтобы зачать Адониса или эликсир, необходимо, чтобы рожденный от гниения и доведенный до белого цвета камень прошел этот путь еще раз.

Предполагается, что, узнав Мирру, Кинир разгневался и хотел убить ее, но она воспользовалась ночной темнотой, и убежала в каменистую Аравию, показывая этим, что материя переходит от черного цвета к белому и закрепляется в состоянии камня. Поскольку “ночь” — это одно из имен, данных Философами черному цвету их материи, естественно было говорить, что Мирра сбежала под покровом ночи. Там она была превращена в дерево, а затем родила на свет Адониса, поскольку доведенный до белизны камень есть древо Философов, именуемое Космополитом *лунным деревом*. Плодом этого дерева стал Адонис, или золото Философов, воспринятое при рождении нимфами или наядами. Он и в самом деле рождается в меркуриальной воде, питающей его и заботящейся о нем вплоть до его совершенства.

По мере того, как Адонис растет, он становится все красивее. То же самое происходит и с цветом золота Философов, который усиливается и сверкает все ярче. В него без ума влюбляется Венера и следует за ним в охотничьих приключениях. Не может быть ничего проще: по другому и не могло случиться, Венера должна была безумно влюбиться в него и затем ходить вместе с ним, вплоть до того рокового дня, когда Адонис был убит. Рассмотрим же теперь причины событий. Вначале камень переходит от белого цвета к шафрановому, именуемому Философами Венерой. Пока держится этот цвет, материя все еще циркулирует в сосуде: это охота, во время которой Венера следует за Адонисом. Цвет ржавчины, появляющийся за шафрановым, называется *Марсам*. Далее ревнивый Марс натравливает на Адониса вепря. Адонис умирает от полученной раны, потому что в нем не осталось более ничего летучего. Венера даже и после смерти возлюбленного хранит любовь к нему, т.к. красный цвет, приобретаемый Адонисом Философов при фиксации, всегда сохраняет в себе часть шафранового цвета, бывшего в нем, когда он охотился вместе с Венерой. Розы, окрасившиеся в красный цвет кровью богини, когда она бежала на помощь возлюбленному, означают всего лишь, что белый цвет сменяется красным, проходя через шафрановый, именуемый Венерой, как мы только что указывали. Авраам Еврей, на которого ссылается Фламель («Объяснение иероглифических фигур»), считал розовый куст иероглифическим отображением смены цвета. Тот же Фламель поясняет, как понимать схождение Адониса в преисподнюю, а также любовь, которой к нему воспылала Прозерпина.

Мы довольно ясно показали уже, что Философы дают черному цвету такие названия, как *смерть*, *гробница*, *преисподняя*; но стоит, тем не менее, привести еще одно высказывание Фламеля в подтверждение нашего толкования смерти Адониса и его возвращения к Венере:

Я наделил тебя здесь телом, душой и духом совершенно белыми, как если б они воскресли, чтобы показать тебе, что Солнце, Луна и Меркурий воскресли в этой операции, т.е. стали элементами воздуха и отбелились, ибо черноту мы называли смертью. Если же продолжить метафору, то мы можем, следовательно, назвать белизну жизнью, которая возвращается только вместе с воскресением и через него.

Раненный убийственным клыком вепря, посланного Марсом, Адонис умирает: это обозначает пропитывание материи для того, чтобы ее оранжевый цвет перешел в красный цвет мака, — если добавить туда немного влаги, приводящей к временному появлению черного цвета. Фламель продолжает:

При этой операции превращения в рубиновый цвет, даже если ты и пропиты-
ваешь, ты получишь вовсе не черный цвет, а фиолетовый и синий, а также цвет пав-
линного хвоста, поскольку камень наш столь победоносен в сухости, что немедля
при прикосновении к нему природа твоего меркурия радуется природе камня,
соединяется с ней и жадно выпивает ее. А чернота, возникающая от влажности,
может лишь слегка показаться под этими фиолетовыми и синими цветами.

Итак, Адонис спускается в мрачное владение Прозерпины, и она влюбляется в него, потому с ним соединяется черное. Венера требует у Юпитера вернуть ей Адониса, и Юпитер предлагает рассудить спор двух богинь Каллиоппе, которая постановляет, что они будут видеть его по очереди, каждая по полгода. Серый цвет, т.е. Юпитер, всегда сменяет черный немедленно. Вот почему именно к Юпитеру обращается Церера, чтобы вернуть Прозерпину, Венера, чтобы вернуть Адониса, и т.д. Но почему он выбирает третьейским судьей музу Каллиоппу? Дело в том, что Адонис может быть возвращен Венере, т.е. может снова принять красно-оранжевый цвет только, если его смочить меркуриальной водой, которую Раймунд Луллий, Рипли и многие другие называют в этом состоянии *красным вином*. А Каллиоппа как раз и представляет собой эту меркуриальную воду, т.к. имя ее по-гречески *Καλλός* означает *красивый*, *ὄψος*, *сок*, *жидкость*, как если бы хотели сказать, что спор двух богинь был улажен красным соком или красивым соком. Из-за этого Фламель называет его *солнечным девственным молоком*. Очередность возвращения возлюбленного к богиням указывает на различные повторения делания для умножения, т.к. при каждой операции материя должна пройти через черный, серый, белый, оранжевый цвета, или цвет мака. Аббат Банье замечает, что, в одном из преданий, вепря, убившего Адониса, натравил на него Аполлон, чтобы отомстить Венере за то, что она ослепила его сына Эриманфа, посмеявшегося насмеяться над галантными похождениями богини. Аполлон это был или Марс, значения не имеет, потому что Марс Философов или цвет ржавчины, собственно, и есть Аполлон Философов.

Все эти выражения, взятые из самой природы вещей, доказывают, что Адонис отличается от Осириса, Бахуса и др. только именем.

Неудивительно поэтому, что его культ, учредившийся в Финикии и других местах, был сильно похож на культ Осириса в Египте. Как мы увидим далее, каждый из них помогает понять одного через другого.

Осириса и Адониса изображали в виде быков. В Финикии праздник Адониса совершался в такое же время и подобно, как и праздник Осириса в Египте. И того, и другого оплакивали, как умерших, а затем радовались, как если бы они воскресли. Адонис у финикийцев был символом Солнца, таким же символом был Осирис у египтян, и на празднествах и те, и другие шествовали с одинаковыми их изображениями.

Адонии или праздники Адониса отмечались в Финикии по подобию праздника Осириса. Длелись они восемь дней. В начале всего люди облачались в траур и во весь голос изливали свои боль и горе: со всех сторон слышались плач и стенания. В последний же день все менялось: разыгрываемая печаль уступала ме-

сто радости, проявлявшейся необычайными порывами. Еще Лукиан пишет, что египтяне пускали в море плетеную корзину, и ветры несли ее к берегам Финикии, а там нетерпеливо дожидавшиеся ее, женщины Библа торжественно вносили корзину в город, и праздник завершался всеобщей радостью.

Из Сирии культ Адониса перешел к соседям. Не было ничего роскошнее того, как обставлялись эти торжества в Александрии. Статую Адониса несли сама Арсиноя, сестра и жена Птолемея Филадельфа. Сопровождали ее самые уважаемые женщины города, неся в руках корзины, наполненные выпечкой, благовоениями, цветами и всевозможными плодами. Завершали процессию тоже женщины, несшие ковры с вышитыми на них золотом ложами для Венеры и для Адониса. Процессия направлялась к морю или к определенным источникам, куда бросали цветы, плоды и растения.

По свидетельству Лукиана, некая река вблизи Библа называлась Адонис, и ее воды окрашивались в красный цвет во время праздника. По преданию, когда в реке промывали рану Адониса, то от его крови вода стала красной.

Праздник этот тоже разделили на траурную Ἀφαισις, и Εὐρεσις радостную части. Вполне очевидно, что стенания и траур финикийцев и греков, оплакивавших смерть Адониса, явно связаны с плачем народа на празднике Цереры, когда нужно было изображать, как убитая горем мать ищет свою дочь Прозерпину. Египтяне показывали такое же горе из-за смерти Аписа. Траур длился на празднике Цереры вплоть до триумфального выноса статуи Бахуса, а на празднике Аписа — пока не был найден бык ему на замену. И там и тут на других праздниках носили примерно одинаковые изображения, корзины, выпечку, цветы, плоды и т.д. Точно так же все начинали радоваться, когда Иакх или Апис воскресал, либо когда объявляли о воскресении Адониса. Считалось, что Прозерпина проводила полгода с Плутоном, а полгода с Церерой. Так же считалось, что Адонис проводит полгода с Прозерпиной, и полгода с Венерой.

Можно ли сомневаться, что все эти разные праздники были созданы с одной целью и отличались только названием да некоторыми обрядами? Но если Церера, Прозерпина и Осирис вымышленные герои, а их жизнеописание — аллегория, то почему не отнести это же и к Адонису? Разве в одной легенде больше правдивой основы, чем в другой? Возможно ли, чтобы столь благоразумные люди, как египтяне, испытывали бы по-настоящему горе из-за смерти быка, которого они же сами и умерщвляли, а затем проявляли бы необыкновенную радость оттого, что находили быка, способного сменить его, т.к. он был черный и с белой отметиной в форме полумесяца? Любой другой бык, конечно же, не подошел бы. Нужен был бык именно с такими знаками, потому что они, несомненно, что-то значили. Нам кажется, что мы достаточно ясно доказали, что легенда о Церере была тоже всего лишь аллегорией. Мы убеждены, что всякий рассудительный человек скажет то же самое и о легенде об Адонисе, уверенный, что празднества в его честь были учреждены только затем, чтобы сохранить память о нем у потомков. Первая часть празднеств была траурной, Ἀφαισις, но почему? Плач и стенания раздавались из-за гибели Адониса и его перехода в мир мрака Прозерпины, подобно тому, как на празднествах Цереры оплакивалось похищение ее дочери и ее переселение в черное и темное владение Плутона.

Если в слове Ἀφαισις исключить букву α, (φαίω означает *являть, обнаруживать*), то получаем ἀφανής, *невидимый, скрытый*; наконец Ἀφαισις означает *праздник, церемония*, возникший вследствие события, скрытого до времени.

Но если у этих празднеств один главный действующий предмет, то, очевидно, что эта чернота, эта темнота могут относиться только к царству Плутона и Прозерпины. Мы объясняли уже, что царство Плутона и сам Плутон — всего лишь аллегория черноты, охватывающей материю Философов. Мы доказали даже, что смерть Адониса означает лишь это превращение. Из этого следует, что обряды, учрежденные в память о его выдуманной смерти, были тоже лишь аллегорией времени, в течение которого сохраняется чернота материи Философов.

Во второй части празднеств весь люд *Εὐρεσις*, *Εὐρεσις* *радовался и веселился*, и то же самое наблюдалось и на празднике Цереры. Присутствие Иакха вызывало здравицы и радостные возгласы: *Вот Иакх! Иакх здесь!*, как если бы он вернулся после исчезновения. Мы уже приводили объяснения этих событий, и нет необходимости повторять их по совершенно одинаковому поводу. Тем не менее, стоит заметить, например, что существовали определенные причины, в силу которых процессия направлялась на поиски Адониса к морю, или к источнику. Ведь создатели этих церемоний отлично знали, что можно найти только там, т.е. в море Философов или в их меркуриальной воде, которую Тревизан и многие другие называли также источником. Считалось также, что река по имени Адонис становится красной во время празднеств в его честь, поскольку, как указывают адепты, их меркуриальная вода становится красной, когда вновь появляется Адонис.

Таким образом, Адонис есть солнце Философов, затмеваемое чернотой и вновь появляющееся по мере ослабления затмения. Он — муж и жена, т.к. он ребис Философов, и всегда юн, как Бахус, в силу причин, называвшихся нами в рассказе об этом сыне Юпитера. Наконец он, — тот же Бахус, Аполлон и Осирис, служащие лишь разными именами Солнца Философов, но не дневного светила. Разве есть свидетельства того, что настоящее солнце считали одновременно мужем и женой, пусть даже и аллегорически. Мы можем согласиться, что греки поклонялись ему как божеству, поскольку они заставили Анаксагора выпить яд из-за того, что тот сказал, что солнце не бог, а горячий и горящий пламенем камень. Но следует ли поэтому считать, что Орфей или те, кто привезли им из Египта родословную богов вместе с обрядами, стремились убедить их в божественности солнца? Мы хорошо знаем, как были искажены первые обряды, пришедшие к грекам. Так же хорошо известны и заблуждения, и ошибки народа, но в данном случае речь идет о самых первых обрядах, а не о тех, что последовали за ними. Сократ ясно показал, что у него о богах иные представления, нежели у народа. Неужели же Платон и другие Мудрецы рассуждали, как простые обыватели?

ГЛАВА V

У греков было множество других праздников, таких, как праздник ламп или *Лампадофории*, учрежденный в честь Вулкана, Минервы и Прометея. Как сказано выше, все они — типично химические боги, и праздники их должно рассматривать именно в этом смысле. Общие для всех трех алтари достаточно ясно указывают, что их нужно считать одинаковыми или, по крайней мере, весьма подобными. Итак, что подразумевается под Вулканом, одним из двенадцати великих богов Египта? — Огонь, или работник, пользующийся огнем. Кто

такой Прометей? Его представляют изобретателем многих видов ремесел, требующих использования огня, как об этом устами Прометея говорит Эсхил:

Вот как все было. А богатства, скрытые
В подземных недрах, — серебро и золото,
Железо, медь, — кто скажет, что не я, а он
Их обнаружил первым и на свет извлек?
Короче говоря, одну ты истину
Запомни: все искусства — Прометеев дар.

Прометей прикованный, 500–505

Прометей — создатель ремесел. Это он похитил искру небесного огня, чтобы передать ее людям. Он показал Геркулесу путь к саду Гесперид. Орфей говорит о нем, как если бы он был мужем Реи; Эсхил пишет, что он создал лекарство от всех болезней¹. Какой другой смеси, лекарству, какому другому составу приписывали когда-либо свойство излечивать все болезни, кроме как золотому лекарству или философскому Камню?

Несомненно, существовала таинственная причина возведения общего для этих божеств алтаря, и это, очевидно, была одна и та же причина, благодаря чему соблюдались одинаковые обряды с лампами на этих празднествах. Зачем нужны были зажженные лампы, если не затем, чтобы изобразить огонь, символами которого служили Вулкан и Прометей? Но мог ли этот огонь быть огнем, горящим в кузницах и кухнях, и известным, несомненно, еще до Вулкана и Прометея, хотя их и называют его первооткрывателями?

Такое, вне всякого сомнения, происхождение огня, который греки и римляне постоянно поддерживали в честь Весты, т.к. Весту считали то Землей, то Огнем и даже богиней Огня. Диодор Сицилийский и Орфей называют ее дочерью Сатурна, о чем говорит и Овидий:

От Сатурна отца третьею Веста была...

Фасты, 286

Овидий полагал, что существовали две Весты: одна, мать Сатурна, а другая, его дочь; первую принимали за землю, а вторую за огонь:

Веста — ведь это Земля: при обеих — огонь негасимый;
И земля и очаг обозначают жилье...
Помни, что Веста — не что иное, как пламя живое...

Фасты, 267 — 268, 291

Изображений Весты не существовало, т.е., собственно говоря, и у огня нет никакого четкого изображения. Огонь формирует все сущее, он во все вдыхает

¹ Важнейшие сначала. Прежде не было
Спасенья от болезней. Ни травы такой,
Ни мази, ни питья не знали смертные
И гибли без лекарства до тех пор, пока
Я всяких смесей болеутоляющих
Не указал им, чтоб любой пресечь недуг.

Прометей прикованный, 478–483

жизнь, все живит и может изображаться только символически. Поэтому в храме Весты просто постоянно поддерживали огонь юные девственницы — весталки. Тех из них, по вине которых огонь угасал, карали смертью. Валерий Максим пишет, что понтифик Лицин приговорил одну весталку к сожжению за то, что она недосмотрела, и огонь ночью погас. Тит Ливий считает странным и, даже, чем-то сверхъестественным то, как можно было проявить такое пренебрежение, чтобы огонь хоть раз погас.

Из этого видно, с какой серьезностью относились к огню. Этот религиозный культ наверняка был завезен из Египта, где Веста и Вулкан были в большом почете, как об этом можно судить по знаменитому храму Вулкана, где содержался Апис. И даже фараонов выбирали из числа жрецов, служивших в этом храме. В других странах Вулкан был среди малопочитаемых богов, т.к. он хромал и был изгнан с небес. В Египте же, напротив, его считали одним из главных богов, ведь под Вулканом здесь подразумевали огонь Природы, дающий жизнь всему, но который символически изображали обычным огнем наших очагов. Греки же и другие народы принимали символ за саму вещь. Огни или лампы, зажигавшиеся в Египте, стали основой празднеств Лампадофорий и того огня, который у римлян поддерживали весталки. Неправильно истолкованные идеи основателей праздников стали источником многих извращений.

Точно так же легко объяснить и другие празднества, устраивавшиеся в честь богов, по крайней мере, самые древние и первые из них, т.к. праздники, ставшие их ответвлениями, появившиеся гораздо позже, как и мифы, являющиеся чистым вымыслом поэтов, не входят в намеченный нами план повествования. Мы придерживаемся здесь первоосновы вещей, а не ложного их истолкования невеждами. Нельзя судить о чистоте ключа по грязи и тине, появляющихся в воде на каком-то расстоянии от него самого. Родник может быть чистейшим, а текущие от него ручьи очень грязными из-за отбросов и плохих земель, которыми воды таких ручьев засоряются в своем течении. Такая же и разница между первоначальными мифами и теми, что были придуманы впоследствии, между первоначальными праздниками и теми, куда были внесены бесчисленные искажения.

ГЛАВА VI Игры и боги

Зрелища такого рода были освящены религией, и когда римляне переняли их, сенат издал указ, согласно которому они должны были посвящаться определенным божествам. Вошло в обычай даже приносить жертвы перед их началом. У греков было четыре главных вида игр, проводившихся в определенное время: Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские. Первые из них посвящались Юпитеру, вторые — Аполлону, третьи — сыну Ликурга Архемору, а четвертые — Нептуну. Самыми знаменитыми были олимпийские игры, проходившие раз в четыре года. Они даже положили начало собственному летоисчислению — от промежутка времени между олимпиадами. Победителям в награду вручали всего лишь лавровый, оливковый, тополиный или какой-либо другой венок; иногда в их честь сооружали статуи, а их победу воспевали по всей Греции.

Религиозные причины были не единственными, приведшими к учреждению таких игр, у них было и другое назначение. Юноши готовились на них стать воинами, и приобретали навыки военного искусства; они упражнялись здесь в ловкости, быстроте, силе и укрепляли здоровье. Наконец при помощи таких упражнений, как и посредством праздников, сохранялась аллегория в память о какой-нибудь тайне, понятной мудрым Философам и неведомой простому народу. Людей привлекали такие состязания, где примером были придуманные боги, о которых утверждали, что они в свое время побеждали на играх.

Сами игры были трех видов: конные или «курульные» — колесничные, представлявшие собой скачки на лошадях или гонки на колесницах и посвященные Солнцу и Нептуну; публичные бои и «гимнические» состязания, состоявшие из боев мужчин, женщин, зверей и посвященные Марсу и Диане, наконец, «сценические», «поэтические» и «музыкальные», на которых разыгрывались трагедии, комедии, сатира и танцы и которые посвящались Венере, Аполлону, Минерве и Бахусу.

Пятнадцать создателей этих игр, называемые Гигином в 273-ей фабуле, почти все относятся к мифическим героям: Персей, Тесей, Геркулес, аргонавты и др. Но поскольку мы довольно ясно показали, что все эти выдуманные создатели были всего лишь вымышленными образами, послужившими для сочинения аллегорических мифов Герметической Философии, — можно предположить, что подлинных создателей игр мы не знаем. Единственным таким лицом, возможно, является сын Бела, Данай, прибывший в Грецию из Египта. Что же касается таких имен, как Приам, Ахилл, Эней, то они не более реальны, чем Персей и аргонавты.

Но скажите, могут спросить нас, какое отношение имеют эти игры к вашему пресловутому философскому Камню? Признаемся, что упражнения, которыми юноши занимались к военной жизни, отличаются от тех, что требуются для медицины. Один стремится уничтожать людей, другой же — их оберегать. Однако, разве мы не знаем, что Минерва, богиня мудрости и наук, была одновременно богиней войны и сражений? Значит ли это, что военное искусство ведет к наукам или что наука ведет к военному искусству? Какое несогласие между тишиной, покоем кабинета, звоном оружия и вечным грохотом битв! Разве Аполлона, возглавляющего собрание муз, создателя поэзии и медицины не изображают победителем Тифона? Разве не изображают его с луком и стрелами в руке? Нет, не зря называли его главным победителем в этих играх. Не зря говорили, что сын Аквилона Зет и брат его Калаид были победителями состязаний на двойной флейте или в двойной гонке, что Кастор победил в беге на стадий, Поллукс в кулачном бою, Теламон и Персей в метании диска, Пелей в борьбе, Мелеагр в метании копья. Сын Марса, Кикн, победил Диодора в поединке не на жизнь, а на смерть, Беллерофонт в конных скачках, Геркулес в разных играх и боях.

Ясно, что если бы создателями этих игр были правители, их имена были бы увековечены. Посмотрим же без предрассудков, как создавались эти игры, согласно тому, что говорят об этом Гигин и многие другие. Персей учреждает игры в память о Полидекте, когда-то воспитавшем его. Геркулес учреждает игры в Олимпии в честь Пелопса, плечо которого съела Церера, когда отец несчастного Тантал подал его богам у себя на обеде; другие игры создавались по не менее мифическим поводам.

Аполлон убил юного Гиацинта (Гиакинфа), а Персей своего деда Акрисия при метании диска. Геркулес победил Антея в борьбе. По словам Гальена Аполлон и

Эскулап изобрели состязания с копьем, состоявшие в том, чтобы метнуть камень или копье, либо что-то другое с наибольшей ловкостью и дальше всех. Игры эти учреждаются то богами, а то и людьми. В них состязаются боги и одерживают победу, но и люди при этом тоже. Но что же это за боги и что за герои? Разумные существа, следовательно, ни боги, ни герои, как можно судить из сказанного ранее.

Вероятно, игры основывались некими лицами, заботившимися не столько о собственной славе, сколько о благе своей родины. Разве не удивительно, что мы этого не видим во всей языческой античности ни одной эпохи или эры, имевшей летоисчисление до олимпиад? Каким образом, на таком зыбком и сомнительном фундаменте, современные мифологи и историки осмеливаются указывать точное время и продолжительность правления властителей, живших до олимпиад? И разве мы не можем с полным основанием усомниться как в приписываемых им деяниях, так и в самом их существовании?

Некоторые из авторов делили эти времена на три части; к первой относится правление богов, ко второй — правление героев, к третьей — правление их потомков, известных властителей. О первой эпохе нам абсолютно ничего не известно, о второй известно чуть больше, а в третьей уже видны определенные периоды. По классификации Варрона, это были неизвестные времена, сказочные времена и времена исторические. Аббат Банье прав, считая такое деление справедливым лишь для греков, поскольку, как он верно замечает, у египтян и немалой части азиатских народов были сильные монархии и религиозная система, созданная в далекой древности. Боги возникли вовсе не в Греции, а она с ними познакомилась только благодаря прибывшим на ее землю египетским и финикийским поселенцам. Меркурий Трисмегист или же какие-нибудь другие египтяне с таким же именем составили историю своей религии задолго до этих переселенцев, и нам известно отношение древних к таким книгам. Следует даже полагать, что предводители переселенцев наверняка привели с собой и какое-то количество египетских жрецов, знавших язык, называвшимся священным, на котором были написаны книги. Мы уверены, что именно эти жрецы или кое-какие из обученных ими же последователей и являются истинными создателями торжеств, празднеств, обрядов и игр, о которых мы ведем разговор. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить сказанное об Эвмолпидах.

Можно было бы согласиться, что времена, непосредственно предшествовавшие олимпиадам, достаточно верно названы временем героев; не потому, что боги, богини, герои из мифов действительно жили в ту пору, а потому что в это время жили другие, более реальные герои, в воображении которых и родились боги и герои легендарные. Таковыми были Гермес и многие другие египетские философы, жрецы и фараоны; у греков это были Орфей, Лин, Меламп, Мусей, Амфион, Эвмолп и другие, ставшие авторами теогонии египетской и греческой. Они же или их последователи могли быть основателями мистерий и игр.

Очень непросто определить точное время начала олимпиад. Согласно Меркатору, это произошло в году 3164 от сотворения мира, а по мнению других — в 3189 году. Те, кто стремится согласовать прошлые эпохи с хронологией Священного письма, определяют первую олимпиаду 23-м годом судейства Дебборы. Собиравший древние предания Диодор Сицилийский утверждает, что основал их Геракл с Крита, хотя и не сообщает, в какое время. Другие полагают, что это был Пелопс; сын же его Атрей возобновил их за 1418 лет до пришествия Иисуса Христа.

По возвращении из похода за Золотым руном Гераклес якобы собрал аргонавтов на берегах реки Алфей у города Пизы в Элиде, недалеко от горы Олимп, чтобы провести там эти самые игры в благодарность за счастливый исход их путешествия. Все они дали обещание собираться там каждые четыре года для той же цели. Полагают также, что в них наступил большой перерыв, и правитель Элиды Ифит возобновил их 442 года спустя, т.е. за 775 или по другим подсчетам за 777 лет до христианской эры, что примерно соответствует времени правления египетского фараона Сабаха Эфиопа.

Каждая олимпиада насчитывала четыре полных года и отмечалась в пятнадцатый месяц, именовавшийся *Парфений* или *Аполлоний*, по словам толкователя Пиндара. Начиналась она в день полнолуния с жертвоприношений и различных обрядов. Игры длились пять дней: каждый день посвящался какой-либо игре или соответствовавшему ему бою. Как пишут некоторые авторы (Исей, Пиндар), Гераклес основал игры в честь Юпитера, наказавшего правителя Элиды — сына Гелиоса и Ифибои — за то, что он не отдал Гераклесу обещанное вознаграждение за чистку его конюшен. Гераклес потратил на игры всю свою добычу, собранную им в Элиде. Он сам установил дальность бега и определил олимпийский стадиий в 600 футов, отмеренных без сомнения его собственной ногой...

Мы увидим ниже, что Гераклеса почти всегда можно считать Мастером, иногда его же представляют меркурием Мудрых, выполняющим все в делании.

Аполлон победил Меркурия в беге на одних из игр, и в это очень трудно поверить. В мифе Меркурий изображен самым быстрым среди богов, с крыльями на голове и ногах, и таким подвижным, что он не может усидеть на месте. Аполлона же представляют молодым человеком, но в золотых сандалиях, т.е. очень тяжелых сандалиях, которые не дали бы ему бежать столь же быстро, как это делал Меркурий. Нужно полагать, следовательно, что за этим кроется какой-то другой смысл. Интересно было бы знать, как это объяснили бы мифологи. Возможно, нам скажут, что проигравший Меркурий не был Меркурием крылатым, а Аполлон был кем-то другим под именем этого бога? Это было бы никчемное объяснение, т.к. написавшие об этом событии, напротив, утверждают, что бог Аполлон победил бога Меркурия. Нет резона прибегать к таким подробностям либо же к другим, тоже неудовлетворительным. Если внимательно читать то, что мы писали в разделах об Аполлоне и о Меркурии, то будет легко понять, как такое могло случиться. Меркурий очень подвижный, а Аполлон очень тяжелый, и удивляет именно этот контраст, но победил Аполлон как раз благодаря своей тяжести. У каждого есть свое собственное оружие и своя манера сражаться. Очень часто выбор оружия диктуют обстоятельства. Меркурий убил Аргуса камнем, а Аполлон убил змея Пифона из лука. Мы объясняли уже, как это произошло, посмотрим же теперь, как могло стать, что Аполлон в своих золотых сандалиях победил Меркурия, имевшего крылья и на сандалиях, и на шлеме.

Авторы утверждают, что Аполлон победил в состязаниях в беге на первых же олимпийских играх; т.е. эти вымышленные первые игры состоялись только в воображении того человека, кто первым рассказал об этом событии. И об олимпийских играх он говорил аллегорически, т.к. они происходят в операциях делания, где самый тяжелый из богов — Аполлон — побеждает самого Меркурия, ибо Аполлон Философов или их золото оказывается в состоянии остановить летучего Меркурия и прочно зафиксировать его. Вот мы и выяснили подноготную

этой легенды и увидели, что представляет собой победа Аполлона над Меркурием. Когда же нам говорят, что первый победил второго в беге, то во фразе этой кроется двойной смысл. Можно подумать, что Аполлон бежит быстрее Меркурия и первым достигает цели, становясь победителем. Но дело вовсе не в том. Аполлон действительно бежит за Меркурием и вместе с ним, потому что меркурий Философов поначалу делает летучим золото Философов, однако, в конце концов, его фиксированность берет верх, и она сковывает летучесть меркурия, в результате чего все фиксируется, и поле сражения остается за Аполлоном, а он, таким образом, становится победителем. Могут ли быть другие тому объяснения?

Геркулес учреждает игры в память о Пелопсе. Это значит, что некий герметический Философ под именем Геркулеса учредил их с целью создать аллегория в память великого делания. О нем все занимающиеся им Философы начинают говорить только, когда материя, из коей получают золотое лекарство, достигает черного цвета и становится похожей на расплавленную черную смолу или на почерневший сок, обозначаемый Пелопсом.

После появления черного цвета в сосуде Философов начинаются состязания, но без олимпийских игр. Геркулес вызывает всех на единоборство, но никто из людей не осмеливается помериться с ним силами. На состязания является переодетый Юпитер. Геркулес решается вступить с ним в схватку. Разгорается борьба. Их единоборство длится долго, однако Юпитер, неуверенный в исходе, раскрывает свое инкогнито. Затем появляется Марс, потом Аполлон состязается с Меркурием и побеждает его. Вот так проходили первые вымышленные Олимпийские игры.

Мы уже неоднократно отмечали, что материя золотого лекарства начинает улетучиваться, когда находится в состоянии совершенного растворения, а растворение это происходит только тогда, когда материя достигнет черного цвета, при этом все летучие части циркулируют в сосуде. Это есть состязания в беге и единоборства, происходящие до тех пор, пока материя достигнет такой степени фиксированности, при которой она способна противостоять самым сильным атакам огня. Известно также, что серо-белый цвет, именуемый Философами Юпитером, появляется первым после черного цвета. Черный же цвет — это измененное одеяние Юпитера. Когда чернота исчезает, перед появлением Геркулеса, т.е. теперь Мастера, предстает Юпитер. Перед появлением темно-красного цвета, именуемого Солнцем или Аполлоном, мы видим цвет ржавого железа или Марса. В этот момент победу одерживает бог войны, но, в конце концов, Аполлон побеждает Меркурия, т.к. магистерий завершается фиксацией красного цвета.

Таким образом, эти вымышленные состязания богов на олимпийских играх справедливо считались мифом или скорее аллегорией, объяснение которой, однако, совершенно невозможно получить при помощи какой-либо системы, отличной от той, на которой строятся наши толкования. По мнению некоторых авторов, Геркулес вышел победителем во всех состязаниях, и это все равно, что назвать победителем Мастера или Герметического Философа, завершившего создание золотого лекарства.

Утверждают, что игры эти были основаны Геркулесом в честь Юпитера, и что он потратил на них все заработанное им у Авгия. Мы расскажем далее, что следует понимать под Авгием, его волами и конюшнями, очищенными Геркулесом. Итак, естественно было в таком случае посвятить игры Юпитеру, по-

скольку, как мы покажем, все это представляло собой черный цвет, за которым следует Юпитер Философов, и потому ему посвящаются полностью очищенный сын Солнца, а это объясняется операцией получения эликсира Философов.

Те, кто утверждает, что игры эти были учреждены в честь Солнца или Аполлона и Нептуна, тоже правы, так как золото и море Философов или меркуриальная вода Философов являются элементами великого делания. Различные истоки и разные основатели Олимпийских игр приходят к тому же результату, который и подразумевали первые мифы и главные празднества в честь богов.

ГЛАВА VII Пифийские игры

Считается, что Пифийские игры не столь древние, как Олимпийские, однако некоторые авторы придерживаются мнения, что они были учреждены самим Аполлоном после победы над змеем Пифоном. Аполлон же был, по крайней мере, современником Геркулеса, основавшего олимпийские игры, потому что Аполлон на первых же играх обыграл в беге Меркурия. Мы полагаем, тем не менее, что Пифийские игры несколько моложе Олимпийских, учрежденных в память о Пелопсе, являющихся началом Философско-Химического делания, а Пифийские игры были учреждены в честь Аполлона, являющегося концом и целью делания. Как бы там ни было, игры эти были основаны в честь Аполлона, в память о том, что он убил змея Пифона, родившегося из грязи, оставшейся после потопа Девкалиона вдоль реки Кефис у подножия горы Парнас. Павсаний приписывает их учреждение Диомеду, построившему храм Аполлона по возвращении из Трои в месте, где проходили игры. Другие же авторы считают, что они проводились в Дельфах задолго до этого, так как именно в этом городе Аполлон поразил Пифона из лука.

Некоторые описывали Пифона как вора и разбойника, опустошившего окрестности Дельф, где он жил, но страну эту от него избавил владыка или жрец этого бога по имени Аполлон. Другие утверждают, не приводя никаких солидных оснований, что Пифон был настоящий дракон или змей, убитый из лука неким Аполлоном. Но что это? Овидий пишет, что Пифон родился из грязи в образе невиданного змея, внушающего ужас:

Разных по виду потом животных своим изволением
Вскоре земля родила...
...О огромный Пифон, породила
Таюже тебя, и для новых людей ты, змей неизвестный,
Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!

Метаморфозы, I, 416–417, 438–440

Но разве вор, разбойник может родиться из грязи? Почему же для объяснения такого происхождения аббат Банье, столь искусный в способах проведения доводов, не сказал, что следует понимать под «отребьем»? Его объяснение могло бы показаться слишком простым. Однако может ли вор, пусть даже и родившийся от отребья, иметь невиданный образ и внушать ужас? Разве у разбойника не

такой же облик, как и у других, порядочных людей? Говорят же, что никто так не похож более на честного человека, чем плут и мошенник.

Если Пифон был настоящим змеем, то можно ли считать чем-то чрезвычайным, что человека или змею убили из лука? Нужно ли заключать из этого, что в память о столь незначительном событии кому-то пришла мысль учредить такие знаменитые игры? Да и в чью же честь? Не в честь правителя или священника, совершившего сей поступок, а в честь бога Аполлона, имевшего к этому отношение только благодаря своему имени. Не стоит пытаться искать объяснения лишь вымышленным и, конечно же, не правдоподобным мифам. Язычники смотрели на Аполлона как на бога, обитавшего на небе и на земле, и как на бога медицины и поэзии, бога, вооруженного луком. По-другому представить себе его они бы и не смогли. И хотя понять было довольно трудно, и им, даже не казалось слишком разумным оказывать такие почести богу за то, что тот убил змея, и это при том, что они даже толком и не знали, что за змей это был, и кто его убил. Некоторые, желая придать этой истории больше правдоподобия, стали утверждать, что змей якобы был то ли разбойником, то ли настоящим драконом. Но может ли такой ответ значить что-либо для человека рассудительного, прекрасно знающего, как ему следует воспринимать божество Аполлона? И можно ли вообразить, что поводом для учреждения пифийских игр стала смерть какого-то разбойника? А что сказали бы сегодня о человеке, будь он даже и королем, который вознамерился бы учредить такие игры по случаю смерти какого-нибудь головореза или мошенника? Предоставим же читателю возможность высказывать и другие рассуждения, а сами вернемся к пифийским играм.

Тифон или Пифон был змеем, родившимся из земли вблизи реки Кефис у подножия горы Парнас от удара кулаком Юноны. Мы видели уже, что Тифон положил начало целому роду змеев и драконов, упоминаемых, например, в легенде о Золотом руне, того, что убил Кадма или того, что сторожил сад Гесперид. Этот самый Тифон, как говорят, был братом Осириса и погиб от руки Гора или египетского Аполлона. Таким образом, весьма вероятно, что греческий Пифон, убитый Аполлоном из лука, был тем же египетским Тифоном, убитым Гором. Пусть читатель вспомнит, что мы писали об этом, дабы не повторяться. Заметим лишь, что сей мифический змей получил имя Пифон только после того, как был убит и разложился; ибо Философы называют обычно свою материю змеем или драконом, когда она разлагается. По этому вопросу мы упоминали уже много трудов Философов. Можно вспомнить и то, что было сказано нами о горе Парнас, и тогда станет ясно, почему Пифон был убит на берегу реки, текущей у подножия горы. Сам Овидий дает объяснение, как нужно понимать смерть Пифона. Луконосный бог, использовавший до тех пор свое оружие только при охоте на быстроногих ланей и косуль, лишил жизни чудище, заставив его выпустить свой яд из черной раны:

Бог, напрягающий лук, — он ранее это оружие
Против лишь ланей одних направлял да коз быстроногих, —
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан свой исчерпав,
Смерти предал его, и яд из ран¹ заструился.

Метаморфозы, I, 441–444

¹ В оригинале: *per vulnera nigra*; (Досл. «из черных ран»). — Прим. ред.

Что же это за *черная* рана, из которой вытек яд Пифона? Неужели этот эпитет мог быть употреблен здесь без причины? Рана не может быть черной, т.к. от текущей из нее крови она становится красной. Нельзя сказать, что этот эпитет нужен для стиха, ибо слово *nubra*, выражающее естественный цвет раны, первым пришло бы на ум и было бы таким же подходящим для такта и размера стиха. Следовательно, у Овидия была причина, побудившая его предпочесть именно эпитет *nigra*. Мы уже многократно повторяли, что в этом случае Философы объясняют о смерти их дракона, как уже писалось в главе о Золотом руне и в главе о саде Гесперид. Итак, именно в память об этой смерти Аполлон учредил Пифийские игры подобно тому, как Геркулес основал Олимпийские игры в память о Пелопсе, а означает это одно и то же. Из этого легко увидеть, насколько согласуются между собой мифы, и что у всех у них один предмет и одно происхождение.

На островах Киклады, названных так потому, что они располагались кольцом вокруг острова Делос, где, как считалось, родился Аполлон, Пифийские игры проводились в начале весны, и согласно древнему обычаю полагалось петь в честь Аполлона самый красивый из сложенных ему гимнов. Затем в обряды стали включаться различные музыкальные инструменты. Наградой победившему служил лавровый венок, т.к. это дерево было посвящено Аполлону. Некоторые авторы пишут, что в награду давались и яблоки, неизвестно, правда, какие, но также посвященные богу музыки.

В конце концов, эти игры стали похожи на Олимпийские. Вначале их проводили раз в девять лет, т.е. после завершения восьми лет, но позднее они назначались каждые пять лет, т.е. по прошествии четырех лет, и служили мерой времени жителям Дельф и окрестностей. Утверждали, что девять лет были взяты по числу нимф, поднесших дары Аполлону, когда тот освободил страну от змея Пифона; и это согласуется с девятью орлами, стреляющими из лука в цель в круге, это химический знак золота, который Сеньор взял в качестве символа великого делания.

На первых играх Кастор выиграл бег на стадий, Поллукс победил в кулачном бою, Калаид в беге, Пелей в метании диска, Теламон в борьбе, Геркулес в борьбе и в кулачном бою — и все они были увенчаны лавровым венком. Павсаний рассказывает, что на первых состязаниях победили Хрисофем с острова Крит, а затем Тамир (Фамирид), сын Филаммона. Ясно видно, что все имена этих мнимых атлетов вымышлены, как уже было доказано, ибо Хрисофем Павсания ничем не отличается от Геркулеса, символизирующего Мастера, т.к. Хрисофем означает *управляющий золотом* или *заботящийся о золоте*, *θημισεύς*, *управляющий* и *θεμῖς* и *χρῖσος*, *золото*. Не приходится поэтому удивляться, что Хрисофем одержал победу на первых Пифийских играх, поскольку эти первые состязания есть не что иное, как сами операции получения золотого лекарства, в память о чем и были учреждены эти игры. Потому-то и отличают первого победителя от второго, т.е. оттого, как утверждают, кто одержал победу на вторых играх, и которого звали Фамирид, сын Филаммона. Этим как бы хотели сказать, что победу в фактическом проведении этих игр одержало многочисленное собрание разных стран или держав. Фамирид означает по-гречески *βασιλεύς*, *торжественное собрание*, а Филаммон происходит от греческих слов *Φύλη*, *раса, племя, нация* и *ἀμῶν*, *собирать*. В операциях великого делания мастер в одиночку сражается за победу в кулачном бою или в борьбе, одержанную Геркулесом во всех играх, а лавровый венок — это награда, предложенная собранием в качестве вознагражде-

ния тому, кто станет победителем игр, которые на самом деле всего лишь аллегория. Итак, почему говорят, что Мастер стал победителем в кулачном бою и даже во всех состязаниях? Потому что золотое лекарство дает тому, кто им владеет, богатства и здоровье, в чем и состоит все полезное и приятное в жизни. Потому что лекарство это есть сила всех сил, как о том сказал Гермес, а кулачный бой начинается по-гречески *πάν, вся* и *κράτος, сила*.

Аббату Банье кажется странным, если принять во внимание уважение, которое обычно проявляли ко всем этим играм, освященным религией и посвящавшимся особо какому-либо божеству, что ни Орфей, отличавшийся высокой мудростью и глубоким знанием таинств, ни Мусей, ни разу не пожелали побороться за награды на пифийских играх. Нам же кажется странным удивление аббата Банье, поскольку хвала, приносимая им самим Орфею, как раз и объясняет его нежелание состязаться. Коль скоро Орфей и Мусей были глубоко осведомлены об этих таинствах, то они хорошо видели, что божество, которому посвящались игры, было всего лишь вымышленным, а их большая мудрость должна была воспрепятствовать им в утверждении заблуждения народа в этом отношении. К тому же они видели, что игры эти были лишь аллегорией великого делания, которое Орфей и Мусей узнали, будучи в Египте, где они познакомились и с мистериями, передав их затем при помощи аллегорий всей Греции. Итак, прекрасно зная характер этих мифических богов, обязанных своим происхождением и существованием воображению сих поэтов, нет смысла удивляться тому, что они столь же пренебрежительно относились к ним, сколь почитал их народ. Аббат Банье добавляет, что, по преданию, Гесиода не допустили оспаривать награду, т.к. он не умел играть на лире, а когда Гомер отправился на игры в Дельфы, то слепота его не позволила ему воспользоваться своим талантом певца и музыканта. У автора, поведавшего об этих двух историях, были причины именно так описывать их. Он сообщает, что Гесиода не допустили к состязаниям, и объясняет, почему: Гесиод мог петь, т.е. он мог передать пением жизнеописание этих богов и их вымышленные деяния, не зная при этом, в отличие от Орфея и Гомера, что значили эти аллегории. Он к тому же не мог играть на лире, т.е. управлять операциями Герметического Искусства и совершать делание, ибо это следует понимать именно так, как и то, что Орфей правил кораблем «Арго» играя на своей лире. Гомер же мог и петь, и играть, но по причине своей слепоты не смог это сделать.

Нет сомнения, что Орфей прекрасно знал это великое делание. Диодор Сицилийский считает его первым из греков, обучившихся в Египте. Он причисляет к ним Мусея, Мелампода, Дедала, Гомера, Ликурга из Спарты, Демокрита, Солона, Платона, Пифагора. «Еще показывают памятники, пишет Диодор, статуи, места и города, названные согласно частям их учения. Несомненно, что они изучили в Египте все науки, сделавшие их столь известными в их собственной стране; так Орфей привез оттуда много гимнов богам, оргии и миф о преисподней. Там же греки познакомились с торжествами в честь Осириса, их подобием стали праздники Бахуса, торжества в честь Исиды, и праздники Цереры, причем те и другие отличаются только именами божеств».

В этой мысли нас утверждает и Лукиан, когда говорит, что Орфей первым перенес в Грецию праздники Бахуса и учредил в Беотийских Фивах торжества, названные Орфическими. Да и сам Орфей уверяет нас, что умел совершать делание или получать лекарство от всех болезней.

Что же до Мусея, то достаточно сказать, что он отправился вместе с аргонавтами за Золотым руном, отсюда, плавал с ними так же, как и Орфей, так как сам он описывает этот вымышленный поход подобно Орфею. Гесиода не причисляют к тем, кто побывал в Египте, и лишь его труды доказывают, что он хорошо знал жизнеописание богов, которое мог почерпнуть из устных или письменных преданий своего времени. Посему он вполне мог писать и о тех, и о других, которые являются ничем другим как аллегориями великого делания, при этом, не зная его.

Гимны, распевавшиеся в честь Аполлона, были созданы в память о гимне, который пел сам Аполлон после победы Юпитера над Титанами и свержения им отца своего Сатурна. Как указывает Тибулл, Аполлон был в великолепных одеяниях:

Пышный, блестящий приди: надень нарядное платье,
Длинные кудри свои на голове расчеши.
Будь таким же, как был, когда ты, по изгнание Сатурна,
Гимны Юпитеру пел, славил победу его.

Элегии, II, 5–9

Мы уже писали, как следует воспринимать этого мифического бога, и можно быть уверенным, что Орфей и другие поэты имели в виду не то Солнце, что нам светит, и не какого-либо действительно существовавшего человека, а иероглифического Аполлона или Солнце Философов, о происхождении и деяниях которого мы уже столь много писали. Скажем же еще несколько слов о смерти змея Пифона.

Разложение змея объясняет его имя и название Пифии. Раймунд Луллий так пишет об этом:

И по сей причине нужно аллегорически сказать, что большой дракон родился из четырех смешанных стихий, поэтому нельзя понимать буквально, что он земля, вода, воздух или огонь. Он — одна природа, имеющая свойства четырех стихий.

Он может умереть только от разложения и когда его яд выходит из черной раны, ибо, как говорит Мориен:

Если он не начнет гнить и не почернеет, то не растворится. Если же он не растворится, то не пропитается своей водой, а если он не пропитается ею, то не совершится ни слияние, ни соединение.

Дракон этот был убит у подножия горы Парнас, потому что Аполлон Философов живет наверху с Музами, т.е., когда гниющая материя находится на дне сосуда, поднимающиеся кверху летучие части, обозначаемые музами, с которыми улетучивается Аполлон Философов, падают на материю вниз, чтобы пропитать ее и растворить. Эти летучие части именуют *стрелами*, потому что стрелы летают, когда их выпускают из лука, и служат как-бы для прекращения полета птиц и бега зверей.

ГЛАВА VIII

Немейские игры

Происхождение Немейских игр носит не менее мифичный характер, чем и истоки тех, которых мы уже касались. Рассказывают, что по пути в страну Золотого руна аргонавтам пришлось зайти на остров Лемнос, где Ясон, снова уходя в море, оставил Гипсипилу, родившую ему спустя некоторое время сына. Едва успев разрешиться от бремени, она стала жертвой распущенных кем-то о ней грязных слухов и, спасаясь от разъяренных женщин, убежала к морю. Там ее похитили пираты и продали Ликургу, а тот приставил ее кормилицей к своему сыну Архемору (Офелет). Когда греки, направлявшиеся в Фивы, проходили страной этого правителя, то они встретили высокородную кормилицу одну с Архемором в лесу, куда их завела жажда и желание прохлады. Они попросили ее указать им какой-либо родник, и она сама проводила их к воде, оставив ребенка на лужайке. Пока она отсутствовала, мальчика укусила змея, и он почти сразу умер. Опечаленные таким горестным происшествием, греки убили змею, устроили ребенку пышные похороны и учредили в его честь игры, получившие название Немейских по названию страны Ликурга или, возможно, родника, возле которого случилось несчастье. Другое предание приписывает создание этих игр Геркулесу, учредившему их после того, как он избавил немейский лес и близлежащий край от опустошавшего его льва, шкуру которого Геркулес носил до конца своих дней.

На этих играх проводились состязания и из других игр, только награда была другой — венок зеленого сельдерея, т.к. это растение считалось похоронным, а игры были учреждены в память об Археморе. Игры служили для отсчета времени аргейцам и жителям соседней с немейским лесом части Аркадии.

Известно, что поход аргонавтов — только лишь аллегория, а, следовательно, и знакомство и связь Ясона с Гипсипилой, ее бегство и вся ее дальнейшая жизнь так же аллегория. Понятно, что Ясон — это мастер, а Гипсипила — материя, от греческих слов ὕψος, *высота* и φιλέω, *любить*, названная так скорее потому, что эту материю собирают вверх, как говорят философы, то ли потому, что зачатие дитя философов происходит в верхней части сосуда. Разрешение ее от бремени представляет собой рождение дитя философов, а ее бегство означает улетучивание материи, так же, как и ее похищение пиратами. Прибытие ее во владения Ликурга говорит о совершенствовании магистерия. Когда Ликург берет ее в кормилицы своему сыну, это значит, что начинается вторая операция или получение эликсира. Родник, показанный Гипсипилой грекам, это источник или меркуриальная вода философов. Укушенный в это время змеей Архемор умирает, что значит: дитя Солнца философов начинает разлагаться. Наступившая смерть — это гниение и чернота. Мы, таким образом, пришли к тому, в чем цель основания Немейских игр, что преследовалось и при учреждении Олимпийских и Пифийских игр.

ГЛАВА IX

Истмийские игры

История Истмийских игр не более точна, чем и остальные. Нам неизвестно, кто их основал и в связи с чем. Но все, что о них написано, не более чем миф. Плутарх (в «Жизни Тесея») пишет, что Тесей учредил их в честь Нептуна, в подражание играм, учрежденным в честь Юпитера Олимпийца, т.е. в подражание Олимпийским играм. Другие приписывают их Сисифу, сыну Эола и брату Афаманта, основавшему эти игры в память о Меликерте, а легенда о нем передается следующим образом.

Афамант, правитель орхоменян, населявших Беотию и Фивы, прогнал свою жену Нефелу, родившую ему Фрикса и Геллу, и женился на Ино, дочери Кадма, которая тоже родила ему двух сыновей — Леарха и Меликерта. Прогнать же Нефелу Афамант решил потому, что Бахус лишил ее рассудка. Ино удалось так настроить Афаманта, что он стал преследовать сыновей Нефелы, чем вынудил их бежать на баране с Золотым руном. Юнона отомстила за эту жестокость, настав на Афаманта бешенство, от чего он стал принимать Ино за львицу, а ее сыновей за львят. Он схватил Леарха и размоzzил ему голову о скалу. Ино же убежала с Меликертом на скалу *Малурию* и прыгнула с нее вместе с ребенком в море. Тело Меликерта было перенесено дельфином в дельту Коринфа, где брат Афаманта Сисиф устроил ему пышные похороны и учредил в его честь Истмийские игры (от греч. «истма» — «дельта»). По словам поэта Архия, эти игры были учреждены в честь Палемона, а не Нептуна. Дело в том, что в мифе рассказывается еще, как Нептун сжалился над Ино и Меликертом и превратил женщину в нериду, дав ей имя Левкофея, а сына ее назвал Палемоном.

Эти игры проходили почти с теми же церемониями, что и другие, да и состязания на них были такие же. Упомянутый выше Архий говорит об этих четырех видах игр в эпиграмме, переведенной на латинский язык:

Quatuor in Graecis certamina, quatuor illa
Sacra: duo superis, sunt duo sacra viris.
Sunt Jovis haec, Phoebique, Paloemonis, Archemorique.
Praemia sunt oleae, Pineae, Mala, Apium.

Истмийские игры проводились каждый пятый год, а их победителей венчали сосновыми ветками. Жители Коринфа и Истма пользовались этим сроком для отсчета времени.

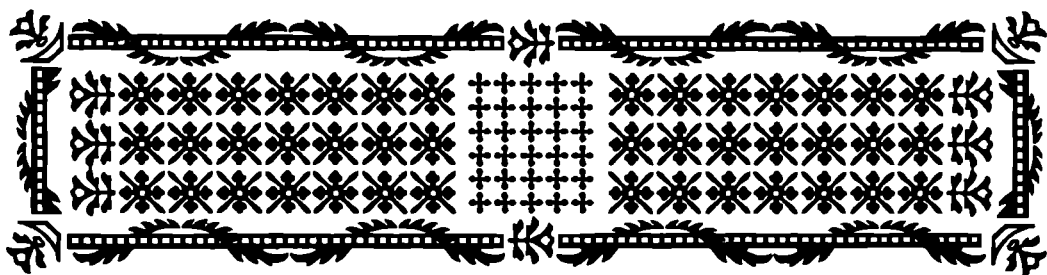
Вся эта история тоже помечена клеймом Герметического Искусства, как и те, которыми объясняют другие игры. Мы видим в ней начало легенды о Золотом руно, и этого одного достаточно, чтобы понять ее мифический характер. Но не стоит жалеть доказательств неверующим. Повторим же коротко всю историю. Имя Нефелы происходит от греческого слова *Νεφέλη*, *облако*. Нефела — жена Афаманта, сына бога ветров Эола, т.к. летучие части материи Философов поднимаются в виде испарений в сжатом воздухе сосуда. Части эти соединяются все больше, и образует облако; это означает брак Афаманта и Нефелы, так как Афамант значит *ἄμα* и *αἶα* *вместе*. От их брака родились Фрикс и Гелла. Во время

бегства с братом на золоторунном баране Гелла упала в море и утонула, а Фрикс был доставлен в Колхиду.

От брожения собравшихся в облако летучих частей приходит в движение и в волнение материя на дне сосуда, где находится золотоносная фиксированная часть материи, т.е. Золотое руно, которое тоже улетучивается с водянистой меркуриальной частью. Это означает рождение и бегство Фрикса и Геллы, поскольку Фрикс происходит от греч. Φρίξ, *волнение, шум волн*. Во время бегства Гелла тонет, потому что летучие части опадают в меркуриальную воду на дно сосуда, именуемую Философами морем, о чем говорит и имя Гелла — от греч. Εῖλος, *болото, стоячая вода*. Безумие Геллы, в которое ее вверг Бахус, означает только брожение меркуриальной материи, вызванное золотом Философов, обозначенным Бахусом, — как о том говорилось в соответствующем месте. Афамант прогоняет Нефелу и женится на Ино, которая родила ему сыновей Леарха и Меликерта. Ино — это ртуть, очищенный философским сублимированием, а Ино переводится с греч. Ἰνέω, *очищать*. От этого брака, или от отмытых, очищенных и собранных воедино частей родился Леарх, как соединение начал философского камня, ибо это имя по-гречески λίθος, значит *камень* и λεώς и Ἀρχή, *начало*, что поясняет одновременно, почему, согласно мифу, Афамант убил Леарха, ударив его о камень: по мере того как летучие части фиксируются, далее теряют способность двигаться и летучесть, являющиеся признаком жизни, тогда как покой — это признак смерти.

Видя такое, Ино с Меликертом на руках бросилась в море со скалы Молурия. Этот поступок равносильен тому, что очищенная и белая земная часть, содержащая плод Философов, падает на дно сосуда и тонет в меркуриальной воде. Все это прекрасно описал Рипли: когда земля задрожит, горы рухнут на дно моря (*dum turbabitur terra, transferentur montes in cor maris*), чем и объясняется волнение Ино и ее прыжок в море. Земля Философов выглядела до этого плавучим островом, обозначаемым скалой Молурия — по-греч. Μολέω, *перемещаться туда и сюда* и ρῶξ, *скала*. Нептун отправил Ино к Нереидам и дал ей имя Левкофея, что значит белая богиня — по-греч. Λευκός, *белый* и Θεός, *бог*; итак, когда земля опадает, она белая, а поскольку она похожа на кашу — согласно Филалету и другим Философам, то Нептун нарек Меликерта *Палемоном* — по-греч. Πάλη и вместе Πάληαπον, *суп*. Подобное мы видим и в мифе о рождении Дианы и Аполлона, поскольку там говорится, что остров Делос был плавучий, а Нептун сделал его неподвижным ради Латоны. Дельфин перенес Меликерта в дельту Коринфа, где Сисиф устроил ему богатые похороны и учредил в память о нем Истмийские игры. Похороны — это операция эликсира или завершение делания, так как Сисиф, как и Афамант, был сыном Эола, а то, что касается одного из них, относится к другому. Если приписывать создание Истмийских игр Тесею, то и его отношение к золотому лекарству будет не менее очевидно, если вспомнить, что было сказано о Тесее.

Книга пятая

О ПОДВИГАХ ГЕРКУЛЕСА

ГЛАВА I

Слава Геркулеса настолько распространилась по свету, а его многотрудные подвиги наделали столько шума в мире, что на земле почти нет уголков, где бы о нем не знали, с самых давних пор. Он всегда считался величайшим из героев, победителем чудовищ и тиранов. Было бы поэтому абсурдно и неверно пытаться оспаривать его существование, по крайней мере, в воображении Философов и Поэтов, следовавших своим идеям.

Утверждается, что Геркулес существовал как личность и, даже, что их было несколько, — и с этим можно согласиться. Скажем больше: в каждой стране был свой собственный Геркулес, и, причем не один. Но, в конце концов, где бы ни жил Геркулес: в Египте, в Финикии, в Иде, в Галлии, в Германии, или в любой другой стране, для нас здесь важен тот, которому приписывали все те труды и подвиги, о которых пойдет речь. Может быть, выходя из Фив приписали подвиги нескольких героев, носивших такое же имя? Вряд ли в это можно поверить, и, несмотря на все, можно предположить, что Геркулес — это всего лишь прозвище или атрибут всех, кто совершил эти подвиги.

Так, Тирского Геркулеса звали *Тасос*, финикийского *Десанай* или *Агенор*, греческого — *Алкей* или *Алкид*, египетского — современника Осириса и его полководца *Осохор* или *Хон*, индийского *Дорсант*, галльского — *Огмий* и т.д. Как бы ни звали всех этих гераклов в мире, они, все же, были гераклами, и каждый, что бы о них не говорили, был сыном Алкмены. Что нас удивляет, и что должно было бы удивлять всех остальных, то это то, что историки и поэты решили включить в число подвигов столь великого героя, и еще столь хвалебно описывать для потомков множество дел, привычных для любого конюха или подобного рода работника. Подумать только: прогнать птиц с острова, гремя котелками, вычистить конюшню, похитить кобылиц, задушить человека, оторвав его от земли, убить из лука орла, — неужели же это такие невиданные и необыкновенные подвиги? Или, быть может, меняется их суть оттого, что их совершил герой? Героями были Александр, Цезарь, Помпей и многие другие, однако историки сочли бы, что порочат их жизнеописание, если бы стали восхвалять дела, которые были по плечу и самому простому смертному. В таком случае смеялись бы и над героем, и над прославляющим его пером.

Другие подвиги Геракла настолько неправдоподобны, что здравомыслящему человеку странно было бы считать их подлинными. И, тем не менее, очень умные и образованные люди сохранили для нас память о них. Все это должно привести нас к мысли, что в их представлении Геракл был совсем не таким, как он обычно видится. Для них Геракл был герой, но герой мифический, потомок мифических богов, и потому они без труда приписывали ему деяния, на которые способны только вымышленные боги.

Итак, один и тот же Геракл пребывает одновременно в Египте, в Финикии, в Африке, в Индии и в Греции. Древнейший из поэтов Орфей, Гермес Трисмегист, Гомер и многие другие описывают подвиги Геракла, но ни один из них не говорит, что был его современником или видел следы его деяний. Все они лишь рассказывают о них. Можно ли верить, что Орфей, Гомер, все прочие авторы легенд и мифов описывают подвиги Геракла реальнее, чем дела их богов? Может быть, стоит принимать их за одну монету? То есть, признать, что все эти легенды — чистейшие аллегории, поскольку Орфей первым заимствовал у египтян истории об их богах и героях, и перенес их в Грецию.

В начале легенды об аргонавтах он сам говорит, что по-отдельности описал подвиги Геракла, битву Юпитера с гигантами, похищение Прозерпины, траур ее матери, а затем, как она искала ее, отдельно — смерть Осириса и печаль всего его народа. Точно так же, как Орфей стал автором и многих аллегорических легенд, выдавая их в Греции за деяния богов и героев. И если, как считают все авторы, Орфей первым описал все это, то весьма вероятно, что поэты, жившие после него, либо явно повторяли его мысли, либо, как Гомер, черпали пищу для своих сочинений из того же источника.

На какой основе могут строить свои рассуждения нынешние мифологи и их предшественники? Может быть, на пересказах тех древних мифологов, которые, не понимая аллегории первых поэтов, всеми силами пытались придать видимость истинности фактам неправдоподобным, которые можно было принять за правду, если только рассматривать их аллегорически? Какие эпохи они могли взять, чтобы определить хронологию жизни придуманных личностей, существовавших до Орфеева века? Некоторые из греков делали такие попытки, да и сейчас еще не все от них отказались. Но давайте, положив руку на сердце, спросим себя: удалось ли Бошару, ле Клерку, Мерсию, аббату Банье и стольким другим представить нам по этому поводу хоть что-нибудь, о чем можно сказать, что это было? Далее вызываем к беспристрастному читателю, не давшему ослепить себя хитроумными рассуждениями и читавшему писания этих авторов без предубеждения, как в пользу их автора, так и в пользу его систем. Увы, нет ни единого автора, рассказам которого о жизни еще до Орфея можно было бы верить. Мы исключаем отсюда Святое Письмо, так как мы ведь не описываем здесь историю израильского народа, наша цель это жизнеописание и деяния вымышленных богов и героев язычества.

Египтяне в этом смысле, как и во многом другом, опередили греков и другие народы. Они послужили для других примером тщеславия, основанного на их древности. Известны авторы, жившие на много веков позже Орфея или Гомера, которые верили египтянам на слово, поэтому хладнокровно утверждали вслед за ними, что боги и герои правили в Египте восемнадцать-двадцать тысяч лет. Что-

бы убедиться в их неправоте, достаточно проследить хронологию их богов, которую заключал, согласно Геродоту, Гор:

Так вот, такими и были все эти люди, статуи которых там стояли, а вовсе не богами. Правда, до этих людей в Египте правили боги, которые жили совместно с людьми, и один из них всегда был самым могущественным. Последним из этих правителей был Ор, сын Осириса, которого эллины зовут Аполлоном. Низложив Тифона, он стал подлинным владыкой-богом в Египте. А Осирис — по-эллински Бахус.

История, II, 144

Итак, если Гор был последним из богов, правивших в Египте, как справедливо утверждали египтяне, поскольку Гор, или Аполлон есть свершение герметического делания, или эликсир, доведенный до красного, — то в его родословной не удастся насчитать много колен. Гор был сыном Осириса, Осирис — сыном Сатурна, Сатурн сыном Урана или Неба. А чьим же сыном был тогда Уран? Таким образом, вся цепочка богов, если следовать египтянам, заключается в Уране, представляющим собой как бы корень, из которого один за другим вышли Сатурн, Осирис и Гор. Вот они, боги, управлявшие столько тысяч лет.

На самом деле, их и не могло быть больше, если иметь в виду цель, которой должны были отвечать эти аллегорические боги, т.к. в герметическом Искусстве их всего четверо, как можно было неоднократно заметить. Уран — это материя, Сатурн — черный цвет, Исида — белый цвет, Гор — красный; другими словами материя, помещенная в сосуд, это Уран, правящий, пока не появится Сатурн или черный цвет; затем Сатурн правит до прихода белого цвета в лице Исиды; и, наконец, белый цвет материи сменяется красным: наступает время Гора, которого по праву называют заключительным, т.к. красный цвет сохраняется уже постоянно и не меняется. Напрасно поэтому пытаться оспорить, отрицать или подтвердить расчеты египтян относительно времени правления этих мифических богов, поскольку и они сами, и их правление, конечно, всего лишь аллегии. Вернемся, однако, к Геркулесу.

Согласно Геродоту¹, Геркулес был одним из двенадцати богов Египта. И если сын Алкмены родом из Египта, то можно без особого риска утверждать, что греческий Алкей и египетский Геркулес могут быть одним и тем же, т.к. разные имена, даваемые одной и той же вещи, вовсе не меняют ее природу. Но в том виде, в каком он есть, согласно всем авторам, он есть сын Алкмены, а Аполлодор² сооб-

¹ «Но Геркулес — древний египетский бог, и, как они сами утверждают, до правления Амасиса протекло 1700 лет с того времени, как от сонма восьми богов [первого поколения] возникло двенадцать богов, одним из которых они считают Геркулеса». Отсюда-то, по мнению Геродота, греки и позаимствовали своего Геркулеса: «О Геркулесе же я слышал, что он принадлежит к сонму двенадцати богов. Напротив, о другом Геркулесе, который известен в Элладе, я не мог ничего узнать в Египте. Впрочем, тому, что египтяне заимствовали имя Геркулеса не от эллинов, а скорей, наоборот, эллины от египтян, у меня есть много доказательств. Между прочим, оба родителя этого Геркулеса — Амфитрион и Алкмена — были родом из Египта».

² Еще до того, как Амфитрион прибыл в Фивы, Зевс, приняв его облик, пришел ночью (превратив одну ночь в три) к Алкмене и разделил с ней ложе...

щает, что для того, чтобы произвести на свет столь великого человека потребовалось не менее трех дней и трех ночей. То же самое утверждает и Гомер¹.

Такое мнение выглядит предпочтительнее тех, кто называет его сыном Амфитриона. Алкмена понесла от Амфитриона, но, как говорят, она захотела забеременеть по собственному желанию, и тогда Юпитер, решивший исполнить ее желание, объединил три ночи в одну и провел с ней все это время.

Из этого ясно видно, что поэтам хотелось придать зачатию Геракла необычный характер, показать, что в герое этом было больше от бога, нежели от человека. Они всегда примешивали чудесное в истории великих людей, чтобы внушить к ним определенное уважение. Так, поэты рассказывают, что Паллада родилась из головы Юпитера, чтобы указать силу и проницательность ее ума.

Египтяне, первыми придумавшие все эти истории, не очень заботились о том, чтобы они соответствовали естественному течению Природы и правилам, установленным обычаями. Отсюда и возникли все надуманные супружеские измены и прочие чудовищные злодеяния, которыми переполнены их мифы и другие, что были созданы им в подражание.

Все эти деяния приписываются не только людям, но и богам, и описываются в хвалебном тоне, как если бы тем самым нам хотели сообщить, что совершали их не боги и не реальные люди, а какие-то символические персонажи, которые своими особыми именами обязаны человеческому воображению. Это дает нам понять Гермес Трисмегист в «Асклепии», поскольку он говорит там о единственном, воистину правильном, действительно мудром и совершенном Боге, от которого все происходит, который создал и управляет всем сущим. Упомянув различных богов, он указывает, что все они сотворены людьми. *Sic Deorum factor est homo* (XIII, 38). И добавляет:

Наши дальние предки пребывали в сомнениях относительно истины, касающейся богов, и не обращали внимания на благочестие и благопочитание. Однако затем они открыли искусство творить богов из некоторой материальной сущности, подходящей для этой цели и почерпнутой ими из природы космоса.

Внимательно вчитавшись в этот труд Гермеса, можно ясно понять, что египтяне признавали лишь одного истинного вечного Бога, у которого нет ни начала, ни конца. Но название «бог», употреблявшееся ими, не следует воспринимать в том же смысле, а видеть в этом следует служителей, подчиненных воле всемогущего Создателя, как их самих, так и всего сущего. Однако мы не собираемся пускаться здесь в рассуждения о религии египтян. Те, кому интересно, как они объясняют то, что воздавали божественные почести низменным вещам и тем самым позволили своим примером создать культ материализованных богов, могут обратиться к трактату доктора теологии Франкфуртского университета Пауля-Эрнеста Яблонски, вышедшему во Франкфурте в 1751 г. под названием «*Pantheon Aegyptiorum, sive de Diis eorum commentarius*».

Итак, поэты полагали, что Геракл был не похож на остальных героев. Для того, чтобы дать представление о его силе, надо было изобразить его сыном са-

¹ Зевсова сына Геракла пою, меж людей земнородных

Лучшего. В Фивах его родила, хороводами славных,

С Зевсом-Кронидом в любви сочетавшись, царица Алкмена.

Гомеровские гимны, XV, 1–3.

мого великого из богов, воспитанным со всем вниманием к начертанной ему судьбе. Нужно было придумать даже, что он мог изменять обычный ход вещей. Они, конечно же, почерпнули эти мысли у египтян, которые только этого и хотели, и совсем не беспокоились о том, соответствуют ли то, что они употребляли для передачи этих легенд, естественному течению событий. Греки иногда проявляли больше щепетильности и часто указывали на те или иные вещи или события, называя их определенными именами, как мы неоднократно это показывали через этимологию таких слов. Имя Алкей или Алкид относится к этому разряду, т.к. Ἀλκή означает *сила, мощь*. Он должен был обладать необычайной силой и крепостью, чтобы превозмочь все опасности, одолеть стольких чудовищ и выполнить все приписываемые ему труды. Недостаточно было представить его кем-то особенным, а нужно было внушить, что он уже явился на свет, наделенный незаурядной силой и храбростью. Нужно было изобразить его сыном таких родителей, которые смогли породить такого великого человека, и поэтому его объявляют сыном одного из богов; и если в матери ему дают не богиню, а смертную женщину, то имя Алкмена ясно указывает, что это была не простая женщина. Оно означает силу разума, прочность суждений, величие души, в общем, все, что необходимо, чтобы получить совершенного Философа. Ибо имя Алкмена происходит от Ἀλκή, *сила* и Μένος, *душа, пылкость разума, порывистость, храбрость*.

Таким же должен быть творец золотого лекарства, и таким его изображали те, кто дал ему аллегорическое имя Алкей или Геркулес. Древние не имели в виду что-то другое для обычных людей, так как иногда они переносили на счет Геркулеса или Мастера действия или операции Меркурия Философов. Герметические Философы часто выражаются в этом смысле и говорят: возьмите то и это, смочите, посейте, удобрите, измельчите и т.д., как если бы это действительно делал мастер, хотя сама Природа совершает это в сосуде при помощи ртути, как об этом пишет Синезий в работе «О тайном искусстве Философов»:

Заметьте, что растворять, обугливать, красить, отбеливать, пропитывать, освежать, купать, мыть, коагулировать, фиксировать, дробить, сушить, добавлять, отнимать есть одно и то же. Все эти слова значат только варить природу, пока она не станет совершенной.

И кто же все это совершает? Меркурий Философов или меркуриальная вода, согласно тому же Синезию:

Говорю вам, сын мой, что не надо вовсе брать в расчет другие вещи, потому что они напрасны; а в расчет надо брать только эту воду, которая сжигает, отбеливает, растворяет и конгелирует. Она разлагает и приводит к зачатию.

Таким образом, Мастер и Меркурий совместно трудятся для получения золотого лекарства. Те же, кто пишет об этом, относят на счет того и другого все, что они описывают по подобию, аллегории или в виде мифа свои операции, которыми материя этого лекарства обрабатывается, очищается и совершенствуется.

В этом стиле составлена и легенда о Геркулесе. По этой же причине к его братьям причисляют некоего Ификла, не имевшего себе равных в беге. Мы узнаем от Гесиода, что он ходил по воде, как по суше, а когда шел по хлебной ниве, то колосья под его ногами даже не гнулись. Ификл был также в числе первых героев, отправившихся вместе с Ясоном за Золотым руном. Все эти черты Ификла как нельзя лучше отвечают Меркурию Философов или летучей материи великого делания.

Геркулес родился в Беотийских Фивах. Город этот был построен Кадмом, причем по той же причине, по которой этот город определили родиной Геркулеса.

Чтобы придать какое-то правдоподобие легенде о Геркулесе, поэты придумали, что Юнона испытывала к нему смертельную ненависть еще до того, как он родился, и, чтобы как-то утолить ее, она прибегла к хитрости, которую следующим образом описывает Гомер:

Древле она¹ ослепила и Зевса, который превыше
 Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
 Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
 В день, как готова была счастливая мать Алкмена
 Силу Геркулеса родить в опоясанных башнями Фивах.
 Зевс, величаясь уже, говорил пред сбором бессмертных:
 – Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
 Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
 Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
 Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
 Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих, –
 Зевсу, коварное мысля, воспела владычица Гера:
 – Ложь, Эгиох! Никогда своего не исполнишь ты слова.
 Или дерзни, поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
 Что над всеми окрестными царствовать будет
 Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
 Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих. –
 Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
 Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
 Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
 Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
 Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
 Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
 Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
 В срок удержала роды, удаливших помощных Илифий.
 С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:
 – Зевс сребромолненный! Слово тебе полагаю на сердце:
 Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе должен,
 Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
 Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный. –
 Так изрекла, — и жестокая горесть ударила в сердце
 Зевса. Сватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
 Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
 Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
 Век не взйдет Обида, которая всех ослепляет.
 Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
 Ринул ее, — и упала она на дела человека.

Илиада, XIX, 95–131

Итак, в этом вымысле и есть источник власти, которую Эврисфей заимел над Геркулесом и, пользуясь которой он заставлял его совершать все его подвиги. Юнона же преследовала его с самого рождения, ибо не успел он родиться, как она натравила на него двух больших змей. Ификл испугался их и избежал опасности благодаря своей быстроте. Геркулес же схватил их и разорвал на куски. Эвмолп

¹ Ата, дочь Зевса, богиня, помрачающая рассудок людей и толкающая их на гибель. — *Прим. ред.*

(Lib. de Mysteriis) утверждает, что Юнона действительно ненавидела Геркулеса, но Паллада излечила ее от этой ненависти, да так, что убедила ее кормить Геркулеса своим собственным молоком, от чего он обрел бессмертие. Геркулес с такой силой и жадой сосал молоко Юноны, что часть его пролилась, и образовался Млечный путь. По другим легендам, это событие связано с Меркурием.

Подрастая, Алкид приобретал способности буквально ко всему, а сила его и храбрость проявлялись в любых обстоятельствах. Воспитанию его уделялось всевозможное внимание, чтобы развить его замечательный дар. Скифский пастух Тевтар научил его стрельбе из лука, хотя говорят еще, что этому он научился от Радаманфа, от Фестиадов, от Эврита. Сын Аполлона Лин приобщил его к литературе, Эвмолп к музыке, Гарпалик научил борьбе и прочим боевым искусствам. Амфитрион обучил его езде верхом, а Кастор владению оружием. Наконец, мудрейший из людей, Хирон, ученейший астроном и врач, преподавал ему свои науки, как это он сделал когда-то для Эскулапа и некоторых других.

Итак, у Геркулеса было восемь учителей, обучавших его искусствам и наукам. Было ли это слишком много для человека, над созданием которого Юпитер трудился не щадя сил три ночи и три дня? Неудивительно, что он стал великим человеком, — ведь он был сыном бога, обладал разнообразными способностями, и у него были прекрасные учителя, каждый в своем деле.

Какой замечательный герой! Стоит ли удивляться, что язычники, верившие в существование Юпитера и в его отношения с людьми, так же верили и в реальность жизни и подвигов Геркулеса, считавшегося одним из сыновей этого бога? Но когда уже в наши дни кое-кто пытается допустить и объявить действительностью то, что передает нам миф об этих вымышленных подвигах, когда нас хотят убедить в правдивости рассказов о его рождении, воспитании и всей жизни, то это значит, что они судили о доверчивости читателя по собственной мерке. Итак, если правда, что было несколько Геркулесов, нелепо приписывать одному только греческому деянию всех остальных, и напрасно было бы изощрять свой ум, дабы сделать из всего этого одну-единственную историю. Был вымышленный или реальный Геркулес в Египте — о нем упоминает Гермес в своих трудах. Этого Геркулеса Осирис назначил правителем Египта в те же времена, когда он приставил Меркурия советником к Исиде, а Прометея определил заместителем правителя, когда сам отправился в Индию. За этот период Геркулесу пришлось столкнуться с Антеем, и совершилось много других дел, приписываемых Алкиду. Если допустить реальность того и другого, можно также забыть о том, что прошло немало веков между временем, когда жил египетский Геркулес, и тем, когда жил Алкид, поскольку Геркулес египетский относится к седой древности, а греческий жил намного позже него. Каким же образом кое-кто умудряется объединить все в одну историю? Но оставим эти размышления мифологам, т.к. они не отвечают прямо нашим целям. Геркулес или, если хотите, Алкид — это всего лишь аллегорический персонаж, введенный как в египетские, так и в греческие легенды для изображения мастера или герметического Философа, проводящего операции великого делания, и приводимые далее доказательства способны убедить самого неверующего.

Если обратить внимание на происхождение Геркулеса, то мы увидим его отца Юпитера — одну из главных фигур золотой родословной. Сын унаследовал черты отца и должен в чем-то походить на него. Каков отец, таков и сын, но в

разных деяниях. Один является главным внутренним элементом, другой — элементом внешним или мастером либо, скорее, своими собственными операциями. Все Философы требуют от мастера прочных суждений, живого и пронизательного разума, большого мужества и постоянного терпения. Именно эти качества приписывают Алкиду. Мудрость, сила и ученость во власти Паллады; их требуют от Философа, и поэтому считается, что эта богиня помирила Геркулеса с Юноной. Мы говорили об этом в мифе о Ясоне и вернемся к этому, когда речь пойдет об Одиссее, поскольку эти три героя являются, собственно говоря, символом Мастера. Такого же мнения был и Аврелио Августин¹.

Мы не сомневаемся, что многие люди не видят никакой связи между легендой об этих героях и химией. Герои прославились военными подвигами и деяниями, достойными великих людей. Это были правители, и в мифе нет и намек на химию применительно к ним. Это искусство даже презирают, и занимаются им простолюдины. Людей, чьим ремеслом она стала, едва признают, да и то лишь благодаря сделанным ими полезным для общества открытиям. Многие химики — обманщики и плуты: я имею в виду суфлеров или искателей философского камня, которые, пустив прахом свои состояния, пытаются вернуть потерянное за счет доверчивости ближнего и требуют золота, чтобы золото же и произвести.

И это так, но мы ведем речь о химии более благородной, той, заниматься которой не гнушались и короли. Это не та химия, что учит получать розовую воду, полынную водку, добывать соли из обугленных растений, словом, уничтожать образованные природой смешанные. Это химия, которая призывает изучать Природу шаг за шагом, повторять ее действия и готовить лекарство, позволяющее излечивать все болезни этой самой Природы в тех трех царствах, из коих она состоит, и приводить всех индивидов к высшей степени совершенства, на которую они способны. Это такие совершенные качества, требуемые от мастера, и чего нет у большинства тех, кто занимается этой наукой; итак, согласно Гёберу, преуспеть в ней невозможно, не имея здорового во всех частях, крепкого и сильного тела, образованного и пронизательного ума, знания начал Природы. *Dicimus igitur, quod si quis non habuerit sua completa organe, non poterit ad hujus operis complementum pervenire per se, velut si coecus fuerit, vel extremis truncatus. Si vero fuerit corpus debile & agrotum, sicut febrientium, vel leprosum corpus, vel in*

1

..... Как чуден гребень из слоновой кости
Позолотой беспрерывно расчесывает нимфе волоса,
Кто мудро наставления Героям неизменно изливает,
Тем более в смирении волнения не причиняют страх
Тогда, как близ Ясона и Геркулеса Наставник мудрый;
Второй золоченый, как водоворот, означает соблазн,
Как начало ошибки, так возможно погружение в пучину:
Ибо тяжесть его глубоко проникает, как не было бы трудно
Когда кругом непроницаемая твердь, ищи средину
И все ж воистину приступая, получаем дым немалый,
Но необходим для возвращения в хаос
Подобный труд, работу совершая, худое исправляет
Заботой мастерства: в конце концов различье не уместно
Иначе лишь оно бесцельность проявляет.

Chrysop. l. 2.

extremis vitae laborantium, & jam aetatis decrepitae senum. Quomodo viam naturae ingredietur qui principia naturae ignorat: mente sit acutâ, ingenio constans, scientiâ pol-lens, judicio solido, & patiens sit artifex ne tongioris taedio temporis desperatus, opus derelinquat ante consummationem.

Гебер не единственный, кто высказывается в этом духе. Арнольд из Виллано-вы говорит такие слова:

Три вещи требуются от мастера: тонкий и знающий ум, тело, которое наделено всем, что нужно для операций, богатство и книги.

Послушаем теперь Раймунда Луллия:

Говорю вам, сын мой, что три вещи требуются мастеру: здравый рассудок и тонкий, но при этом и природный, прямой и без странностей, лишенный всяческого умствования, умелая рука, богатство, поскольку необходимы расходы, и книги, чтобы учиться.

Отсюда не без основания считается, что Ясон и Геркулес получили такое хорошее воспитание, а наставником того и другого был некий Хирон — мудрейший и ученейший муж своего времени. Что же касается возникающих трудностей, мешающих большинству достичь высокого знания этой науки, то мы отсылаем читателя к трактатам Теобальда Гогеланда, Пико делла Мирандолы и Ричарда Английского. Трактат первого из них называется «De difficultatibus Chemiae»; труд второго — «De Auго»; третьего — «Correctio fatuorum». Их можно найти в «Bibliotheca Chemica curiosa Mangeti». Нужно, чтобы химический Геркулес знал обо всем этом, прежде чем приступать к трудам мифического Геркулеса, о которых мы собираемся вести рассказ.

Мы видели уже, что Геркулес принадлежит к золотой родословной богов, а еще раньше он был современник Осириса, поставившего его правителем Египта на время своего похода в Индию; и он, будучи правителем, остановил разлив Нила, а сотоварищами его были Бусирис, Антей, Прометей и Меркурий. В предании говорится, что он убил первых двоих как тиранов. Предполагается, таким образом, что Геркулес жил примерно тогда же, когда и Сатурн, Юпитер, Осирис и другие боги. Очевидно, что греческий Геркулес не отличался от египетского, т.к. греки называли его учеником Хирона, а Хирон был сыном Сатурна и Филеры. Если это тот самый Геркулес, что ходил вместе с Ясоном за Золотым руном, то он должен был жить очень долго, поскольку, по подсчетам египтян, от правления Осириса до рождения Ясона прошло несколько тысяч лет. Что же до правдоподобия этой легенды, то все говорит о ее явной нелепости. Кроме того, мы можем судить о Геркулесе по его соратникам Меркурию и Прометею, а также по спутникам Ясона. Учителя Геркулеса тоже помогут нам лучше узнать его. Он научился, говорят нам легенды, искусству стрельбы из лука, поэзии, музыке, борьбе, ремеслу погонщика и искусству верховой езды, астрономии, военному искусству. Учителями его были Радаманф, Лин, Эвмолп, Гарпалик, Автолик, Амфитрион, Кастор и Хирон, и все эти познания помогли ему совершить все приписываемые ему поступки и дела. Все они стали следствием ненависти Юноны, хитростью подчинившей Геркулеса Эврисфею.

ГЛАВА II

Немейский лев

Первым делом, за которое взялся Алкид, стала охота на огромного льва в Немеяском лесу на горе Киферон. Охотиться на львов мог любой человек, однако именно Геркулесу определено было справиться с немейским львом, т.к. этот лев был выше других по благородству своей породы. Одни говорили, что он упал с Луны, которая является плоской страной (Анаксагор), другие, и в том числе Хризерм, утверждают, что Юнона, жаждавшая вредить, тревожить, причинять неприятности Геркулесу, волшебством привлекла на свою сторону Луну, а та наполнила корзину своей слюной и пеной, откуда и родился лев. Ирида взяла его на руки и перенесла на гору Офельт, где он в тот же день разорвал пастуха Апесанпта, как рассказывает Демодок (*Rebus Heracleae*). Лев этот был неуязвим. Восемнадцатилетний Геркулес нашел его и выпустил в него множество стрел, но они отскакивали от зверя. Тогда он взял окованную железом палицу и нанес льву смертельный удар, после чего голыми руками содрал со льва шкуру, которую затем надел и носил на себе всю жизнь.

Такой подвиг мог быть вполне совершен юным героем и заслуживал бы, чтобы его сохранили для потомков, если бы он соответствовал истории во всех ее деталях. Тот, кто не увидит здесь иносказания или иероглифического знака, который хотел скрыть автор этого мифа, окажется просто доверчивым или непроницательным человеком либо же будет упорно настаивать на своей собственной исторической или поучительной системе. Все обстоятельства этого мифа ставили аббата Банье в затруднительное положение, и потому он оставил их все в стороне, занявшись самим событием. По его словам, Геркулес охотился в Немеяском лесу на львов и убил самого большого из них, чью шкуру и стал носить. Чтобы сохранить память об этом подвиге, впоследствии стали писать, что лев этот был превращен в звезду. Действительно, в самом подвиге не было ничего слишком необычного, а требовалось сделать его памятным хоть за что-нибудь, но в таком случае надо бы объяснить, чем же лев заслужил такую честь. Если истории рождения и происхождения льва для этого было недостаточно, то Манилий Эгин и те, кто следовал его идеям, должны были бы привести другие причины. Но все эти авторы желали представить сию историю как реальный, простой и исторический факт, однако при известных обстоятельствах она выглядит совершенно сказочно или аллегорично.

Можно ли всерьез верить в существование вообще неуязвимого льва, спустившегося с луны или родившегося из ее слюны? Это значит всего лишь, что лев — фигура аллегорическая. Отсюда это чисто химический лев, почти неуязвимый и родившийся из слюны Луны. В этом нас убедят приводимые далее высказывания Философов. Мы упоминали уже, что адепты называют львом свою материю, а чтобы не возвращать читателя к началу книги, приведем цитату из Мориена («Беседы короля Калида»): «Возьмите белый дым, зеленого льва, красную альмагру и тлен покойника...» и дальше: «Зеленый лев — это стекло, а альмагра — латунь». Автор «Розария» говорит следующее:

Мы находим сначала в нашем зеленом льве зелень и нашу истинную материю, и ее подлинный цвет. Она называется также *адрон*, *азот* или зеленый *duenech*.

Дадим слово Ригли:

Никакое нечистое тело не входит в состав нашего делания, кроме того, которое Философы обычно зовут *зеленый лев*.

Автор «Совета о сочетании Солнца и Луны» сообщает, что лев этот имеет лунную природу. Точно так же, как лев — владыка зверей и самое сильное в мире животное — становится слабым и немощным из-за болезней своего тела, так и наш лев слабеет и заболевает от своей природы и лунного темперамента. Из этих высказываний видно, что мастера часто считают льва предметом или материей искусства; а поскольку последний из приведенных авторов пишет, что лев этот — нижнее солнце с лунной природой, то мы понимаем, почему в мифе говорится, что он спустился с диска луны.

Не менее удивительно, когда в мифе говорится, будто лев этот родился из слюны; но и на это были свои причины и, по всей видимости, это те же причины, которые побудили Философов употреблять подобные выражения по этому же предмету. Неизвестный автор пишет в трактате «*Aurora consurgens*»:

Некоторые Философы полагают весь секрет искусства в предмете или в материи, и дают ей различные имена, соответствующие ее совершенной природе, как это видно в «*Turba*», где кое-кто, принимая во внимание место, называет ее соком, *слюной Луны*.

Данный автор замечает, что имя «слюна Луны» было дано материи Философов, без сомнения, по причине места, в котором она находится; следовательно, оно относится и ко льву, рожденному из пены, т.к. слюна и пена есть одно и то же. Такое название материи мы находим во многих местах «Собрания» Философов, именуемой «Кодекс истины». Так, Астрат говорит в ней: кто хочет достичь подлинного совершенства делания, должен взять влагу Солнца и *слюну Луны*. Пифагор: заметьте, вы все, находящиеся в сем собрании, что сера, известь, квасцы, кутул и *слюна Луны* — суть не что иное, как серная вода и горючая вода. Анастрат: истинно говорю вам: нет ничего совершеннее, чем красный песок моря и *слюна Луны*, соединяющаяся со светом Солнца и конгелирующая с ним. Белус: некоторые называли эту воду *слюной Луны*, другие — сердцем Солнца.

Из сказанного хорошо видно, как следует понимать то, что лев родился из слюны Луны; достаточно объединить то, что Философы понимают подо львом и под слюной. В мифе говорится также, что Геркулес не смог поразить льва стрелами и ему пришлось орудовать палицей. Дело в том, что летучие части, изображаемые стрелами, не в состоянии убить или привести в гниение фиксированную материю; а чтобы показать, какою же палицей воспользовался Геркулес, в мифе сообщается, что, сделав свое дело, он посвятил ее Меркурию, ибо именно Меркурий Философов все и совершает.

Идем далее, убив льва, Геркулес содрал с него шкуру, поэтому то же самое нужно совершить и в делании, т.е. нужно очистить материю так, чтобы то, что было скрыто, проявилось: *Fac occultum manifestum*, говорят Философы и, в частности, Василий Валентин: «Нужно содрать с восточного животного его львиную шкуру, затем отрубить ему выросшие крылья и бросить его в великий соленый океан, чтобы он вышел из него еще красивее, чем был». Говорят также, что едва лев родился, как Ирида взяла его на руки и перенесла на гору Офельт: это потому, что в этот момент на материи появляются цвета ириса, а, ставшие летучими части соединяются с той частью, которая фиксируется при объединении, т.к. Офельт, *Ο'φέλλειν* значит *собирать, соединять, складывать*.

ГЛАВА III

Дочери Теспия

Слух об убитом льве достиг ушей правителя Беотии, и он решил привлечь Геркулеса к себе на службу, а для этого он отправил ему пятьдесят девственниц, надеясь получить таким способом потомство героев, которые походили бы на своего отца. Геркулес принял подарок Теспия и смог за одну ночь войти к каждой из дев. Некоторые относят это событие к тяжелойшей из работ и называют ее тринадцатым подвигом Геркулеса:

*Tertius hinc decimus labor est durissimus, unâ,
Quinquaginta simul stupravit nocte puellas.*

Факт этот слишком необычен, чтобы быть подлинным, и вряд ли кто-то сможет его подтвердить. Теофраст, возможно, единственный, кто описывает нечто подобное: он рассказывает об одном растении и пишет, что когда некий индеец попробовал его, то стал силен, как Геркулес, но, в конце концов, не выдержал подобного испытания и умер. Можно предположить, что эта история является также аллегорией, причем, которая может относиться только к великому деланию, где летучие водянистые части считаются девственными женами, а фиксированная часть — мужем, как мы это уже неоднократно объясняли. Арнольд из Виллановы говорит по этому поводу: когда земля или фиксированная часть выпьет и присоединит к себе пятьдесят частей воды, начинайте сублимировать ее на более сильном огне. Раймунд Луллий говорит об этом так же в своем «Дополнении к завещанию», гл. 53, параграф «Partus vero terra». Многие другие Философы затрагивают этот вопрос и всегда так, чтобы было понятно, что фиксированная материя — это так называемый муж, а летучая водянистая часть его жена.

Еще больше должно нас уверить в нашей правоте то, что в мифе говорится, будто все пятьдесят девушек понесли, и каждая родила мальчика: — ведь результатом философского зачатия становится рождение фиксированного камня, именуемого мужем, как мы сказали выше. Утверждается к тому же, что девы были дочерьми Теспия, и на это есть основания: материя начинает улетучиваться вслед за появлением черноты, обозначаемой смертью немейского льва. Это и есть самое счастливое предзнаменование благополучного завершения делания, по мнению всех Философов, и на это прекрасно указывает имя Теспия, происходящее от *Θέσις*, *оракул, предзнаменование, предсказание*. Возможно, именно поэтому муз называли *Тестиадами*, к тому же они же являются дочерьми Теспия, т.к. означают то же самое, как мы уже говорили в соответствующем месте.

Геркулес имел много детей от дочери фиванского правителя Креонта Мегары, были дети у него и от других женщин. Но все это потомство должно обозначать то же, что и его дети от дочерей Теспия, т.е. это то же самое, но рассказанное иначе или преподанное под другим углом. В мифе ведь говорится, что охваченный бешенством Геркулес убил (по некоторым преданиям сжег) всех своих детей. Рассказывая о вакханках и Оресте, мы говорили, что бешенство это соответствует волнению материи, возникающему при брожении, в результате чего

части ее улетучиваются. Уничтожение же их огнем означает лишь их фиксацию при помощи огня Философов.

ГЛАВА IV

Лернейская гидра

После этого трудного испытания Геркулес прибыл в подчинение к Эврисфею, а тот отправил его уничтожить гидру — семиглавое чудовище (по самым распространенным преданиям), жившее в лернейских болотах, и выросшее у источника Амимона. Вместо одной отрубленной головы у нее отрастали две новые. Но Иолай — сын Ификла, отправившийся вместе с Геркулесом, прижигал рану, как только Геркулес срубал голову, чтобы не дать вырасти новым.

Эту подробность приводит Аполлодор¹, а Еврипид в своей трагедии «Ион» пишет, что Кронидов сын поражал головы гидры золотой косой².

Напрасно пытаться понять столь явно аллегорический миф. Лернейские болота у Аргоса кишели змеями, где и жила гидра, и когда аббат Банье пишет, что Геркулес уничтожил всех змей, болота осушил и сделал их плодородными, то это плохо вяжется с описанием г-на Фурмона, посетившего эти места и сообщающего, что они по-прежнему болотистые и заросли камышом. Причем, ни один историк не упоминает о таком множестве змей. А всего-то и нужно было приглядеться внимательнее к именам, поскольку они и содержат разгадку мифа.

Слово Гидра, ὕδρα, происходит от греческого ὕδρα и ὕδωρ, вода и означает, собственно, водяную змею: змея же эта — уже известный нам Пифон, а мы уже не раз показывали, что Философы называют змеей свою меркуриальную воду. Таким образом, змея Философов — это водяная змея, гидра. Выросла она возле источника Амимона или в самом этом источнике, потому что эта меркуриальная вода обладает необычайной силой, а Амимон, Ἀΐμων означает храбрый, смелый, сильный, отважный. Жила водяная змея в лернейском болоте, т.к. меркуриальная вода есть подобие болота, полного грязи, а слово «Лерн» ясно указывает на сосуд, в котором находится эта вода, т.к. по-гречески λάρναξ значит сосуд, стеклянная или каменная урна, в которую можно наливать жидкость. Калид приводит аллегоррию болота такими словами: то, что рождается из черной металлической земли, есть универсальное начало искусства: варите же ее на огне, потом на конском навозе в течение 7, 14 или 21 день, — и она превратится в дракона, пожирающего свои крылья. Поместите его в крепко закупоренный сосуд, в печь: когда он сгорит, возьмите эти мозги и растолките их с уксусом, или с детской мочой. После этого пусть живет он в *болоте* и там пусть разлагается.

Геркулес никогда бы не смог убить эту змею, т.е. зафиксировать эту меркуриальную воду, если бы сын Ификла, Иолай, не помогал ему, прижигая огнем раны, потому что смерть этой меркуриальной воды — есть фиксация, совершающаяся при помощи огня Философов и от ее соединения с фиксированной частью — камнем; т.к. Иолай происходит от греческих слов ἰός, один и λίθος, камень, как

¹ См.: Мифологическая библиотека, II, 5, 2. — Прим. ред.

² См.: Ион, 192–193. — Прим. ред.

если бы имелся в виду единый камень. Но почему нам говорят, что Иолай, сын Ификла? Да потому, что, благодаря своей поразительной летучести, Ификл является подлинным символом Меркурия Философов, из которого образован камень или Иолай.

На месте каждой отрубленной Геркулесом головы отрастали новые: это означает улетучивание материи, повторяемое семь раз, а некоторые утверждают, что и девять, до окончательной фиксации, на это указывает и количество голов гидры. Геркулес поражал их золотой косой: могла ли она быть сделана из другого металла, если фиксированная часть, с которой соединяется летучая, представляет собой золото Философов? Отсюда, можно ли верить Лилио Джиральди, вообразившему, что этот Геркулесов подвиг был лишь осадой крепости, которую он смог взять, только предав ее огню? Нельзя принимать всерьез и историю о семи братьях разбойниках, убитых Геркулесом на лернейских болотах, предложенную господами Корчелли и Цецом, как нельзя верить и многим другим предположениям, рожденным в воображении этих авторов.

ГЛАВА V

Лань с бронзовыми копытами

Эврисфей не оставил Геркулеса в покое, но как только тот убил гидру, приказал ему добыть еще и лань с бронзовыми копытами, к тому же, с золотыми рогами, что вовсе несвойственно этому животному. Мы не будем уподобляться аббату Банье и говорить, что бронзовые копыта даны в легенде, чтобы образно показать быстроту ее бега. Скорее можно было бы уж предположить, что от этого она стала только тяжелее. Ее вымышленные золотые рога могут лишь указывать на аллегорический смысл этого мифа, но об этом мы уже достаточно писали во второй книге.

ГЛАВА VI

Победа над кентаврами

Добыв Эврисфею лань с бронзовыми копытами, Геркулес сразился с кентаврами — созданиями, родившимися от связи Иксиона с облаком, посланное ему Юпитером в виде Юноны. Эти чудовищные полулюди-полукони опустошали край, но Геркулес уничтожил их всех, после того как они разозлили его, когда он присел, чтобы выпить кружку у Фола. Мы уже упоминали, что подразумевается под кентаврами, когда рассказывали о сатирах, силенах и тиграх, ходивших за Бахусом. Остается объяснить, почему в мифе говорится, что Геркулес перебил кентавров, разозливших его в гостях у Фола. Дело в том, что неоднородные части, представляемые кентаврами, отделяются от однородной материи в тот момент, когда в ней появляются разные цвета, и это отображает Фол — от греческого слова *φῶλις*, *пестрота*, *разноцветная кожа*.

Василий Валентин (12 ключей, Ключ 9) так описывает это:

Из Сатурна, т.е. из разлагающейся материи появляется много цветов: черный, серый, желтый, красный и другие, а также промежуточные между ними. Точно так же материя Философов должна принять и выпустить разнообразие красок, перед тем как разложиться и достичь желаемого совершенства.

Что же касается кентавра Хирона, обучившего Геркулеса астрономии, то его происхождение не такое, как у других, и об этом мы уже писали. Нас могут спросить, а зачем Геркулесу нужна была астрономия? Ответим на это, что ему необходимо было знать небо, которое он должен был однажды подпереть собой, вместе Атланта. Но это было небо Философское, о чем мы тоже говорили в рассказе об Атланте и его дочерях. Алкид должен был знать земные планеты, которые ему нужно было использовать; и планеты эти не свинец, олово, железо, ртуть, медь и серебро, которым химики дали такие имена, как Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Меркурий, Венера и Луна, а металлы или цвета Философов, появляющиеся на материи во время операций делания.

ГЛАВА VII

Эриманфский вепрь

Эврисфей определил Геркулесу новое задание. В Эриманфском лесу все и вся разорял бешеный вепрь, и Эврисфей приказал Геркулесу не убить его, а доставить ему, как он это сделал с ланью с бронзовыми копытами. Вепрь этот был натравлен Дианой на поля Фокиды. На ту пору выпало много снега, и зверь скрылся в небольшом саду, где его и настиг Геркулес, связал и отвез Эврисфею. Место рождения дикого кабана указывает на его природу. Эриманф — гора в Аркадии, а с другой аркадийской горы — Киллены — спустился Меркурий. Между ними было большое сходство, т.к. меркурий Философов и эриманфский вепрь — это одно и то же. Вепрь был послан Дианой, а меркурий именуют *луной*, в связи с этим д'Эспанье пишет:

Кто говорит, что луна Философов, или их меркурий, есть вульгарный Меркурий, тот хочет обмануть, либо же ошибается сам.

Время и обстоятельства, при которых Геркулес добыл вепря, только лишь указывают на то время, когда меркурий Философов уже почти не действует: это момент, когда обильно выпал снег, т.е. когда материя достигла белого цвета.

В легенде не сказано, что Геркулес убил вепря; он просто связал его, потому что меркурий тогда еще не полностью зафиксирован и еще действует, но уже не растворяет и не опустошает, как раньше, а почти незаметно доводит материю до совершенства. И потому в мифе говорится, что вепрь устал и дал схватить себя и связать, а затем доставить к Эврисфею, как если бы описывалось, что когда мастер довел операции делания до того, что материя стала белоснежно белой, меркурий начинает превращаться в стоячую фиксированную воду. А это обозначается Эврисфеем, чье имя происходит от греческого слова *укрепивший, устойчивый, фиксированный*. Причина, из-за которой Эврисфей получил власть над Геркулесом, состоит в том, что вся цель мастера — это трудиться, по-

ка не зафиксирован меркурий. Эврисфей повелевает Геркулесом в том смысле, в котором обычно говорят, что людьми правят дела, а человеком его ремесло. Сапожник находится под каблуком башмака, часовщик часов, прокурор судебных дел, ученый в плену книг. По преданию, зубы этого вепря долго хранились в храме Аполлона, и это значит, что активные части материи магистерия Философов представляют собой начала Аполлона или Солнца Философов.

Коль скоро Эврисфей представляет собой саму фиксированность, то он должен быть сыном Сфенела, означающего силу жара солнца, от греческих *σφενος*, *сила* и *Ε'λη*, *жар солнца*, т.к. Солнце или золото Философов есть копи небесного огня, как писал д'Эспанье: «Мудрый мастер, который сможет найти эту кладезь небесного огня, должен бережно хранить ее». Что касается его силы, то сам Гермес в «Изумрудной скрижали» описывает ее:

Тонкий, легчайший огонь, возлетев к небесам, тотчас же низойдет на землю. Так свершается единение всех вещей — горних и дольних. И вот уже вселенская слава в дланях твоих... Это и есть та сила сил — и даже еще сильнее!

Но почему вепрь этот находился на горе? Мы уже объясняли это, и подтвердим сказанное словами Философов: Калид: «Идите, сын мой, в горы Индии, проникните в их пещеры и возьмите там камни, почитаемые Философами». Розин пишет: «Наш *ребис* рождается на двух горах». Разес: «Посмотрите внимательно на высокие горы справа и слева, взберитесь на них, и вы найдете там наш камень». То же самое говорят Морие и Мария: «Возьмите белую, светлую, почитаемую траву, произрастающую на невысоких горах».

Вот причина, по которой в легендах Геркулес укрощает, убивает или добывает столько диких зверей в горах. К этому числу принадлежат и немейский лев, и эриманфский вепрь. Материя, как пишет Арнольд из Виллановы в своем «Завещании», разбухает в сосуде и превращается в гору; часто и сам сосуд так называют.

ГЛАВА VIII

Геркулес вычищает Авгиевы конюшни

Разве нельзя справедливо возмутиться при виде Геркулеса в роли конюха, при этом изображаемого великим человеком, героем за то, что он вычистил стойло? Он и вправду сделал это в одиночку, за один день, что не смогли бы сделать сотни других. Но если бы такое событие было реальным, заслуживало ли бы оно войти в число подвигов героя и остаться в памяти на века? Очистить стойло от накопившегося там за долгое время навоза трех тысяч волов — это не самое подходящее дело для зятя правителя Креона, наследника Микенского государства. Но смысл этому деланию придает его трудность, на что и следует обратить внимание.

У Авгия — правителя Элиды и сына Гелиоса в стойле находились три тысячи волов. Эврисфей не желал оставить Геркулеса в покое и приказал ему убрать из стойла весь навоз за один день. Геркулес повиновался. Он прибыл к Авгию и условился с ним, что получит десятую часть от его стада, если выполнит задание за день. С работой он справился, но Авгий отказался сдержать данное обещание.

Именно во время этого задания, как сообщает Павсаний, Геркулесу, покровительствуемому Минервой, пришлось биться с Плутоном, решившим покарать его за то, что он увел из преисподней пса Кербера, а самого бога ранил.

Новая трудность, которую требовалось преодолеть, делает подвиг Геркулеса еще более примечательным. Сразиться с богом и очистить стойло в одно и то же время — сразу два дела, конечно же, заслуживали, чтобы их объединили. Плутон, который, по словам аббата Банье, был правителем Испании, оставляет свою страну и отправляется биться с конюхом из-за похищенной собаки, если действительно то, что это бог-король и король-человек, который ничуть не отличается от других людей. Плутону, разумеется, нечего было делать, кроме как покинуть свое государство, отбросить прочь свое величие и направиться в Элиду, чтобы получить там удар лопатой.

Но мы ошибаемся: у Гомера Плутон был ранен стрелой. Такая рана больше приличествует богу. От этого вся история вряд ли станет более правдоподобной, т.к. непохоже, что Плутон, сын Сатурна, жил во времена Геркулеса Критского, хотя его и называли племянником Сатурна. Сатурн, Юпитер, Плутон — египетские боги, и посему следовало бы приписать этот подвиг египетскому Геркулесу, жившему одновременно с ними: однако нигде не говорится, что египетский Геркулес когда-либо был в Элиде, точно так же, как и египетский Плутон. И если даже допустить, что сей Плутон, именуемый Гомером богом преисподней, жил в одно время с Геркулесом, то им наверняка должен быть тот самый Плутон, что, по утверждению аббата Банье, был правителем Испании, раз уж наш уважаемый автор отдает ему испанское королевство, исходя из того, что его называют богом преисподней. Причиной, принудившей Плутона, по словам Гомера, отправиться в Элиду, чтобы отомстить Геркулесу, стало похищение химерной собаки — Кербера. Аббат Банье, стремящийся, так или иначе, сделать этот факт достоянием истории, утверждает, что Кербер этот был большим змеем, жившим в логове Тенара, и Геркулес отвел его в цепях к Эврисфею. Но Гесиод и Гомер пишут, что это был трехглавый пес, причем Гесиод объявляет его даже сыном Тифона и Ехидны. Таким образом, мы предпочли бы добросовестно признать, что все это — аллегория, а не принимать за быль историю, в которой нет и видимости достоверности, поскольку Эврисфей, Геркулес, Тифон, Ехидна и сын их Кербер никогда не существовали, как не существовали Плутон, Авгий и его волы, что мы и беремся доказать.

Авгий, по преданию, был сыном Гелиоса, а имя его происходит от греческого Αὔριος, *блеск, великолепие*, — блеск и величие света суть творение Гелиоса (Солнца). Авгий также был правителем Элиды — по-гречески Εἴλη, *жар солнца*. В предыдущей главе мы объясняли, как следует это понимать. У Авгия в стойле было три тысячи волов, и Геркулес обязался очистить все за день. Работа такого рода была слишком унижительной и грязной для столь великого героя, так как кого еще можно сравнить с Геркулесом? И что может быть унижительнее для героя уборки стойла? Тем не менее, нас уверяют, что Эврисфей заставил Геркулеса выполнить эту работу, принудив его сделать за один день столько, сколько не смогли бы, возможно, сделать и сто других людей, если вспомнить, сколько там накопилось за долгое время навоза от трех тысяч волов. Работа эта, непосильна для человека даже с геркулесовой мощью, отлично доказывает, что речь идет об аллегории. Объясняя это событие, аббат Банье прибегает не к лучшим аргумен-

там. У Авгия, пишет он, было столько скота, что для него не хватало стойл, и он вынужден был оставлять стада просто на полях, так что, в конце концов, на землях его скопилось столько навоза и грязи, что они утратили свое плодородие. Гераклес же с помощью своего войска пустил по ним реку Алфей и возвратил землям былую тучность. Позволительно ли перекручивать миф по своему усмотрению, пытаясь растолковать его и подогнать под собственные идеи? Сказано ли где-нибудь у Гомера, у Гесиода или у других древних, что Гераклес был военачальником? Называет ли кто-нибудь поле стойлом? Пишет ли кто-либо об изменении русла реки Алфей? У какого писателя прочитаем мы о походе испанского войска во главе с владыкой их Плутоном против Гераклеса? А ведь именно об этом и нужно было бы говорить, если бы система аббата Банье и его объяснения мифа о Плутоне были верны. Заклучим же еще раз, что эти вола, их навоз и их стойла — все это не поле, не стойла и не стада, и бог преисподней не появлялся в Элиде.

Посмотрим же теперь, как все это нужно понимать. В мифе неоднократно говорится о волах Аполлона. Его называют их пастухом, и мы видели в главе о Меркурии, что этот бог похитил у него нескольких волов. Мы могли бы предположить, что Авгий — сын Гелиоса или Аполлона — получил этих волов в наследство. В свое время в главах об Аполлоне, Меркурии, Аписе нами было уже немало сказано об этих волах, поэтому остается объяснить, что подразумевается под их навозом. Что же касается стойла, то нам совершенно ясно, что это не что иное, как герметический сосуд.

Все Философы говорят о материи великого делания или золотого лекарства как о чрезвычайно ничтожной, презренной материи, часто смешанной с навозом; они говорят даже, что она находится на навозе, потому что в ней много мусора и нечистот, от которых ее требуется очистить. Неудивительно, таким образом, что Эврисфей поручил эту работу Гераклесу, ведь это он — артист. Слова Философов докажут это лучше любого рассуждения. Мориен (в «Беседах короля Калида») говорит:

Наши премудрые предшественники сказали, что, если вы найдете в *навозе* материю, которую ищете, вы должны ее оттуда взять; а если не найдете, то не вздумайте доставать из кармана деньги, чтобы купить ее, ибо всякая материя, покупаемая за большую цену, фальшива и бесполезна в нашем деле.

Авиценна («De anima»):

В книгах, написанных Аристотелем о камнях, мы читаем, что два их можно найти в *навозе*: один с хорошим запахом, другой — с плохим, оба презираемые и не представляющие ценности в глазах людей. Если бы их качества и свойства были известны, на них бы обращали внимание; но поскольку их не знают, то их и презирают, оставляют их в *навозе* и в смрадных местах; тот же, кто сможет соединить их, найдет магистерий.

Грациан, цитируемый Захарией, говорит то же, что и Мориен: «Если вы найдете его в *навозе* и он вам понравится, возьмите его». Автор «Розария» приводит слова Меркулина: «В источнике спрятан и засыпан камень — ничтожный, презренный, брошенный в *навоз* и покрытый отбросами». Арнольд из Виллановы: «Продается он по бросовой цене; или даже ничего и не стоит». Бернгард Тревишан: «Материя эта у всех перед глазами, но никто ее не знает, потому что ее презирают и попирают ногами». Мориен («Философия металлов»): «Перед изготовлением и совершенным приготовлением у нее смрадный и гнилой запах; но когда

ее приготовят, запах ее становится приятным... Запах у нее плохой и похож на трупный». Калид: «Камень этот низкий, черный, смердящий, и он не продается».

Но чтобы еще яснее увидеть причину, по которой в мифе камень сравнивается с навозом и появляется эта аллегория, послушаем Хейма («Послание о философских камнях»): «Камень этот, который вы желаете, это тот камень, что используется в земледелии, служащий для удобрения».

Приведенного достаточно, чтобы представить себе, что такое этот навоз Авгиевых конюшен, который Геркулесу надлежало убрать. Но для лучшего понимания добавим, что в навозе этом нужно видеть разлагающуюся материю, что вполне этому соответствует. На это указывает, впрочем, Плутон, прибывший сразиться с Геркулесом и раненный стрелой, ибо, как мы видели в главе о Плуtone, мрачное царство этого бога есть не что иное, как черный цвет, приобретаемый материей при разложении. В мифе говорится, что, когда Плутон был ранен стрелой, он удался — это значит, черный цвет исчезает по мере улетучивания материи. Работа мастера заключается, следовательно, в том, чтобы отделить чистое от нечистого, очистить материю от неоднородных частей, пропустив ее через гниение, а тогда отбросы и навоз наполнят сосуд, изображаемый стойлом, и вся эта работа будет выполнена за один день: не потому, что материя остается черной и разложившейся всего один день: — ведь три тысячи волов провели гораздо больше чем один день в стойле у Авгия, а потому, когда растворение станет совершенным и полным, нужно не больше одного дня, чтобы на материи проявился белый кружок, о котором говорилось в рассказе о похищении Прозерпины. С появлением белизны гниение прекращается, а, значит, нет больше и навоза.

Геркулес договорился с Авгием, что тот даст ему в награду десятую часть от своего стада, т.к., по словам Космополита («Притча»), судьба должна быть очень благосклонна к мастеру, чтобы он мог заполучить больше десяти частей. *Erant quidem multi qui partim tentabant illuc aquam fontis per canales deducere, partim etiam ex variis rebus eliciebant; sed frustraneus erat attentatus labor.... & si habebatur, inutilis tamen fuit, & venenosa, nisi ē radiis solis vel lunae, quod pauci praestare potuerunt; & qui in hoc perficiendo fortunam habuit propitiam, nunquam ultra decem partes potuit attrahere.* Вода, о которой говорит Космополит, должна быть выделена из лучей солнца, и счастлив мастер, который может иметь десять ее частей. Геркулес тоже требует у Авгия десятую часть его стада или волов, унаследованных этим сыном Гелиоса от отца. Почему в легенде говорится, что Авгий отказался дать их Геркулесу? Дело в том, что Авгий, как уже было сказано, означает «сияние», «свет», а это соответствует материи, достигшей белого цвета после черного, поскольку материю, доведенную до белизны, называют светом, сиянием солнца, и мы приводили в подтверждение этому не один труд Философов. Таким образом, когда на материи появляется белый цвет — символ чистоты, конюшни Авгия оказываются вычищенными. Авгий оставляет себе, обещанную им Геркулесу, десятую часть волов, поскольку операция продолжается, и еще не наступило время, когда мастер сможет насладиться трудами своими. Обиженный Геркулес разоряет всю страну Авгия. Дело в том, что при изготовлении эликсира происходит второе растворение, брожение. Геркулес нападает на самого Авгия и убивает его — так на смену брожению приходит разложение. Геркулес посвящает прах Авгия Олимпийским играм, потому что эти игры были учреждены в память о последней операции, приводящей делание к совершенству или к золотому лекарству.

Если уж очень недоверчивые раскроют шире глаза, то они ясно увидят тесную связь между всеми частями мифа. О прочности и истинности системы нужно судить по последовательному порядку ее начал и следствий. Есть ли в каком мифе хоть одно обстоятельство, не согласующееся с обстоятельствами другого мифа? До сих пор все они были в полном согласии, и вполне вероятно, что так будет и с последующими.

ГЛАВА IX

Геркулес изгоняет стимфалийских птиц

Геркулес был мастер на все руки: убил палицей льва, изловил лань, отрубил головы лернейской гидре, связал эриманфского вепря, вычистил конюшни Авгия. А Эврисфею этого мало: испытав силу и храбрость героя, он хочет теперь проверить его ловкость. На Стимфалийском озере жили птицы-чудища, нарушали покой Аркадии, и их нужно было либо уничтожить, либо прогнать. Стрелы были против них бесполезны; мало того, не было возможности их использовать. Какое же оружие надо было применить против этих птиц с железными когтями? В некоторых легендах говорится, что железными у них были и клювы, и крылья. Как же можно было поразить стрелами птиц в латах? Ничто, однако, не могло смутить Геркулеса: если что не получалось одним способом, он находил другой. Когда нельзя было убить немейского льва из лука, он взялся за палицу. Но какой прок от палицы против птиц? К ним ведь близко не подобрешься. У Геркулеса же на все случаи есть выход. В подарок от Паллады он получил бронзовые литавры, придуманные и исполненные Вулканом. Этот инструмент, называемый некоторыми бубном, производил сильный шум. Геркулес решает воспользоваться им, и этим грохотом так поразил птиц, что они поднялись и улетели на остров Аретий, как сообщают Писандр из Камира и Селевк. О том же пишет и Аполлоний:

Даже и сам Геркулес, когда он в Аркадию прибыл,
Все же не мог отогнать водяных Стимфалийских пернатых
Стрелами прочь от болот — мне пришлось самому это видеть.
Медную взял он тогда трещетку и, ею махая,
Поднял шум на скале огромной, они ж отлетели
Дальше от этих мест, поднимая крик от испуга.

Аргонавтика, II, 1052–1058

Аббат Банье, использующий любую возможность, чтобы подогнать мифы под свою систему, не упустил идею, поданную ему Мнасеем. Как и он, наш мифолог видит в птицах разбойников и воров, опустошавших села и грабивших путников в окрестностях Стимфалийского озера в Аркадии. Он рассуждает далее и утверждает, что Геркулесу удалось выманить их из леса, где они укрывались, звуками литавр, и затем уничтожить. Трудно понять, однако, на чем основывается аббат. Что у воров могут быть крючковатые пальцы и что они могут быть даже одеты в латы — в это еще можно поверить. Но может ли кто представить их себе крылатыми, с железным клювом, неуязвимыми для стрел, летающими над озером, но при этом смогли испугаться и убежать всего лишь при звуке инструмента, без сомнения знакомого им, и при виде одного-единственного человека? Ко

всему прочему, аббат Банье искусственно перенес в эти места лес, однако в мифе о нем ничего не говорится.

С другой стороны, если воспринимать эту легенду буквально, если пытаться вывести из нее какие-то поучения, то вряд ли можно найти что-либо более нелепое. Если бы кто-то захотел применить ее к физике, то неясно, как это сделать. Непонятно, какое отношение имели бы ко всему этому грохот бубна и напуганные им и от этого улетающие птицы? Если же мы будем объяснять эти рассказы тем, что происходит в операциях Герметической Химии, то все сходится как нельзя лучше, т.к. именно в этом и состоял замысел автора этой легенды. Весьма ясно доказывает нашу правоту и связь с этим подвигом Паллады и Вулкана. Аббат Банье заметил, что они могли все испортить или, по крайней мере, оказаться ненужными в объяснении этого труда Геракла по его системе, и посему, следуя своей похвальной привычке, он их из описания исключает.

Не так много существует мифических аллегорий, столь явно демонстрирующих герметическому Философу основу его искусства и то, что происходит в некоторые периоды его операций. И об этом говорят нам сами Философы, хорошо знающие, какого рода бубен изготовил Вулкан, и какие птицы обитали на Стимфалийском озере.

Бронзовые литавры есть не что иное, как латунь или бронза Философов, вырабатываемая философским огнем, т.е., другими словами, Вулканом. Бронза эта фиксирует летучие части, опуская их на дно сосуда — в озеро или в меркуриальную воду. Здесь находится остров *Аретий* или твердость, по-гречески *Αρετή, сила, храбрость, стойкость* или же, по другой этимологии, — от греческого слова *Αρης, железо* — по причине крепости железа. Ибо летучие части, обозначаемые птицами, соединяются с нелетучими, собираются в виде острова посреди озера Философов. На то, что представляют собой птицы, указывает название Плоиды, данное им уже упоминавшимся Аполлоном; т.к. Плоиды означает *плавающие в воде* по-гречески *πλώω, плавать* и *удар, вода*. Этот процесс происходит с летучими частями, когда они перемещаются под меркуриальной водой, пока их не зафиксируют бронза или литавры Философов.

Посмотрим далее, что говорит об этом анонимный автор «Совета о браке Солнца и Луны», выразивший свою мысль подобно Констанцию («Turba»):

Стремитесь искать только два вида живого серебра: один — зафиксированный в бронзе, а второй — летучий в меркурии.

Инвидий говорит (там же):

Эта сера, т.е. живое серебро, обычно летает и исчезает; оно сублимируется, как пар. Нужно, поэтому, зафиксировать его при помощи подобного ему живому серебру; т.е. нужно остановить его бегство и дать ему укрыться в нашей бронзе.

Эксимидий (там же):

Говорю вам истинно: нигде нет настоящей тинктуры фиксированности, кроме как в нашей бронзе.

Сеньор в своем «Трактате» пишет:

Есть две однородные птицы или птицы одной природы: одна мужского рода, которая не может летать, потому что огонь не имеет над нею власти; вторая — наш орел женского рода; у нее есть крылья: лишь только она способна возвысить вторую, испортив ее, чтобы в дальнейшем соединиться с ней и зафиксироваться.

Раймунд Луллий:

При помощи такой воды (или нашей бронзы) мы фиксируем птиц, летающих в воздухе. Все это делает сила нашего камня.

Почему Философы говорят, что их бронза обладает свойством фиксировать? Архимий («Кодекс истины») сообщает нам, что Венера Философов — это посланница Солнца, передающая ему показанные Марсом его владения; т.е. когда материя начинает фиксироваться, она принимает шафраново-лимонный цвет, именуемый Философами бронзой; за ним следует цвет ржавого железа, который они называют Марсом, и наконец образуется красный цвет пурпура или мака, которому они дают имя их золота или их Аполлона, их солнца. Автор объясняемого нами мифа подразумевал именно такую последовательность цветов, и, по всей видимости, его бронзовые литавры — это шафрановый цвет, а остров Аретий — цвет железной ржавчины, поскольку, как уже говорилось, Аретий происходит от греческого слова Ἀρης, *железо*.

Вот таким образом Геркулес, или мастер, с помощью Вулкана и под водительством Паллады может прогонять литаврами птиц, кружащих над озером или мутными водами Стимфалийского озера, т.е. над меркуриальной и илистой водой, содержащейся в стеклянном сосуде. Наконец, клювы, когти и крылья этих мифических птиц были, как понятно из преданий, железные, подобно тому, как у гарпий, согласно другой легенде, они были золотые. Это явно указывает на их металлическую природу. Следовательно, можно, не ломая излишне голову, найти истинный смысл этих мифов: достаточно следовать за повествованием и не исключать какие-либо описываемые события, а объединять их.

ГЛАВА X

Бешеный бык на острове Крит

Многие авторы путали этого быка с Минотавром, а Аполлодор говорит, что именно он похитил Европу. Рассерженный Нептун отправил этого быка, извергавшего из ноздрей огонь, разорить остров Крит. Эврисфей приказал Геркулесу освободить остров от быка, а само животное доставить ему. Всегда послушный приказам Геркулес, особенно, когда нужно совершить опасный подвиг, для умножения своей славы, выступил в поход без задержки, т.к. он был неутомим, что согласуется со словами, вложенными ему в уста Овидием:

Лишь бы в борьбе одолеть...

Метаморфозы, IX, 30

Итак, Геркулес прибывает на остров, находит быка, побеждает его, хватает, связывает и приводит к Эврисфею. По поводу его поведения и тех чудовищ, отводимых Геркулесом к Эврисфею, у нас возникло соображение, от которого у мифологов сразу пропало бы желание объяснять смысл всех трудов Геркулеса с исторической или с поучительной точки зрения, либо же согласно принципам вульгарной физики. Итак, Эврисфей приказывает не убивать, истреблять или уничтожать всех чудовищ, которых Геркулес должен победить, и доставлять их к

нему. Есть ли еще в мире король, над которым бы не стали смеяться, если бы он отдавал подобные приказы? Кто будет прославлять короля, приказывающего очистить от разных чудовищ опустошаемые ими края, при этом приказывать переселить их в свой собственный? На него самого смотрели бы тогда, как на чудовище, еще хуже тех, которых он приказывает добыть. Однако именно таким представляет нам Эврисфея миф, и, тем не менее, ни одному автору не пришло в голову высмеять правителя Микен. Наверняка Эврисфей был хорошим укротителем, либо же украшал чудовищами свои владения. Хотя для ухода за ними понадобился не один Геркулес, но он был такой лишь один, да и тот все время находился в другом месте и занимался новыми трудами. Бык, извергающий пламя из ноздрей, бешеный лев, сошедший с диска луны, вепрь, посланный богиней — с такими зверями нелегко справляться. Возникает вопрос: кем смог бы заменить Геркулеса Эврисфей? Если, только, в то время в его государстве не оказался некто такой же ловкий и столь же бесстрашный, как те, кто видит в изрыгающем пламя быке лишь зверя великой красоты. Эврисфею такой человек был бы весьма кстати, ибо *добрый Эврисфей*, как говорится в мифе, *был не слишком храбр и при виде эриманфского вепря поспешил убежать в свои хоромы и запереться там*.

Вот как сей мифолог объясняет то место в мифе, где описывается, как Эврисфей спрятался в бронзовой бочке. Похоже, что данный автор мало знал о смелости Эврисфея, так как приписывал ему страх, которого тот не испытывал; ведь если бы он испугался, то вряд ли стал бы отдавать новые подобные приказы Геркулесу. Быка, изрыгающего пламя, нужно бояться не меньше, чем вепря. Геркулес доставил его правителю, но в мифе не сказано, что Эврисфей убежал, едва завидев зверя. Ему нечего было бояться: поскольку он стал слишком стоек и бесстрашен, как только очутился в бронзовой бочке. Нашему читателю нетрудно в этом убедиться, если припомнить все, что мы говорили ранее о природе этой бронзы и самого Эврисфея. Отсылаем читателя также и к тому, что было сказано о подобном быке в главе о Золотом руне. Остается заметить лишь, что бык этот был послан Нептуном, а под этим мифическим богом моря следует понимать море Философов или меркуриальную воду Философов, как это уже было неоднократно показано.

ГЛАВА XI

Диомед, пожираемый собственными кобылицами

До сих пор Гераклес показывал только свою силу, смелость и ловкость. Теперь же ему придется вооружиться злобой к людям. Эврисфей посылает его во Фракию захватить тамошнего правителя Диомеда и привести его кобылиц. Этот правитель был более жестокий, чем его кобылицы, которых он кормил мясом чужеземцев, прибывавших в его страну. Гераклес не церемонился с сыном Марса. Он схватил его, бросил на съедение его собственным кобылам, затем убил нескольких из них, а остальных отвел к Эврисфею. Гераклесу, как нам кажется, следовало бы проявить хоть какое-то уважение к тому, которого он представлял. Его смелость, сила, неустрашимость и другие качества воина делали его подобным Марсу. Однако качества эти Гераклес получил не от него. К тому же, Диомед был внуком Юноны, а эта богиня преследовала Гераклеса. Он же чувствовал себя обязанным только Палладе, помогавшей ему советами, или Вулкану, снабжавшего его оружием, или Меркурию, сын которого был в свое время его учителем. С Марсом же его ничто не связывало, и потому он возвел алтарь в честь Паллады и Вулкана, а палицу свою посвятил Меркурию. Вот так, движимый местью или, скорее, подчиняясь приказу Эврисфея, Гераклес проявил бесчеловечность.

Эразм («Поговорки»), идею которого поддерживает аббат Банье, трансформировал эту легенду. Кобылицы Диомеда превратились под их пером в коней, но, поскольку, дать мифу какое-то историческое объяснение было и теперь проблематично, сии кобылицы приняли у них человеческий облик. Диомед вдруг становится отцом, а кобылицы его дочерьми, и поэтому уже без труда можно покрыть этого правителя, сына бога, позором, обвинив его в том, что он заставлял своих дочерей продаваться, а они толстели, пожирая чужеземцев, похоть которых приводила их к дворцу Диомеда. Придуманная свирепость кобылиц Диомеда была, бесспорно, чрезмерной похотливостью его дочерей. Разве это не могло пробудить желание у Эврисфея заполучить их? Продажные девы должны были послужить великим украшением его двора.

Итак, Диомед был сыном Марса и принадлежал, следовательно, к золотому роду богов. У него были свирепые кобылицы. Гераклес затем схватил и отдал Диомеда на растерзание этим кобылицам. Как мы знаем, Философы давали своей материи всевозможные имена, поскольку она — начало всего. Они могли, следовательно, аллегорически назвать ее лошадью, т.к. Разес («Послание») тоже использовал это название. Попона *лошади*, пишет он, это наше белое покрывало, а наша *лошадь* — сильный бешеный лев, укрытый этой попоной. Эта лошадь или лев есть наша материя; попона — белый цвет, принимаемый ею.

Так свирепые кобылицы Диомеда, сына Марса — это камень, достигший цвета красного мака, поскольку этот цвет следует немедленно за цветом ржавчины, и который Философы именуют Марсом. Гераклес, или Мастер, хватает Диомеда и отдает его на съедение его собственным кобылицам. Это — операция с эликсиром, во время которой материя должна снова пройти через гниение и растворение; тогда Гераклес убивает часть этих коней, а остальных отводит к Эврис-

фею, потому что одна часть летучей материи остается еще летучей, а другая переходит к Эврисфею, т.е. фиксируется. Свирепость и ярость этих лошадей указывают на подвижность и текучесть ртути. Сжираемый животными Диомед — это растворение философского твердого тела.

Далее, в мифе говорится, что Диомеда съели *собственные* кобылицы, потому что растворитель и растворяемое тело суть одной природы и рождаются из одного корня. Поэтому, как говорит Филалет («Enarratio Methodica», глава «De Spiritu dissolventa»), «никакая вода не может растворить металлические виды, если только она сама не такой же природы, если сама она не относится к той же материи и к той же форме. Отсюда, вода, которая принадлежит совсем к другому виду, чем те тела, которые она должна растворять, не растворяет природным и естественным для них растворением. Поэтому вода должна быть подобна их природе, чтобы раскрыть, растворить, возвысить и умножить их».

ГЛАВА XII

Геркулес убивает Гериона и уводит его коров

Эврисфею мало было заполучить самого красивого быка Крита, к тому же изрыгающего пламя. Он жаждал всего, а чтобы удовлетворить свою алчность, он приказывал Гerkулесу.

У Гериона — человека-чудовища с тремя головами и тремя туловищами (сына Хрисаора, рожденного из крови Медузы) было стадо коров пурпурного цвета, которых сторожил двуглавый пес, семиглавый дракон и пастух Эвритион. Эврисфею захотелось забрать себе этих коров, и он послал за ними Гerkулеса. При виде таких чудовищ задача эта показалась бы трудной любому, но не Гerkулесу: он видывал и не такое, да и послушаться приказа не мог. Итак, он отправляется в путь, убивает Гериона, сторожей стада и отводит коров к Эврисфею.

Почти все авторы, бравшиеся за объяснение этой легенды, толкуют ее по-разному. Одни, считающие Гerkулеса военачальником, пишут, что он разбил властителя, правившего островами Майоркой, Миноркой и Эбузом; по словам других, это были Тартес, Кадикс и Эрифия. Пишут еще, что он победил трех объединившихся в союз государей, считавшихся поэтому одним человеком. Следующий автор, видя, что слишком трудно предположить такой поход Гerkулеса в Испанию, предпочел сказать, что Герион правил не в этой стране, а в Эпире, и именно там его разбил Гerkулес и забрал его коров. Что можно сказать обо всех этих предположениях? Только то, что ни одно из них не является правдивым. Напрасно было бы в их подтверждение цитировать древних; их свидетельства доказывают лишь, что они разъясняли этот миф точно так же, и что древние знали о нем не более, чем наши современники. Ле Клерк, Бошар хотели было утвердиться на сказаниях древних авторов. Аббат Банье принимает все идеи, коль скоро они благоприятствуют его системе. Однако все объяснения наших авторов должны восприниматься как ложные, и они на самом деле являются таковыми, потому что не только не проливают свет на эту легенду, но и из-за того, что из них изъята большая часть подробностей, они меняют легенду до неузнаваемости. Например, в мифе сказано, что у Гериона было три туловища, и ничего не говорится о войске и битвах, но нашим

авторам хочется представить дело разгромом трех армий. Не довольствуясь таким объяснением, некий автор предполагает, что там говорится о трех правителях союзниках в подчинении у Гериона. Но при этом он не замечает, что один из них лишний, т.к. этих трое да Герион дают четыре, а это значит, что нужно было бы писать, что у Гериона не три туловища, а четыре.

Поскольку Герион — правитель, то у него, конечно же, было собственное войско, и если соединить его с войском трех других, то получится четыре отдельных войска, и мы вернемся к тому, с чего начали. Однако в мифе говорится всего об одном стаде коров, принадлежащем Гериону; но, даже, если бы в легенде речь шла о нескольких стадах, разве можно вообразить, что Геракл стал бы сражаться с коровами, приняв их, — как новый дон Кихот, за армию, готовую к битве? К тому же, коровы эти были пурпурного цвета, а сторожил их двуглавый пес. В какой стране видано было подобное? Принимая во внимание, что пастбища Эрифии не годились для откорма коров, Бошар заключает, что Герион был правителем не Испании, а Эпира.

Предлагаем читателю поразмыслить над этим рассуждением, придав ему несколько иной вид: «У короля Франции Людовика XV были красивые лев и львица, и он решил подарить их королю Англии. Это не может быть правдой — либо же Людовик XV был королем в Африке, т.к. во Франции львы не живут». Но оставим в стороне подобные нелепицы, ясно доказывающие, что ни один из мифологов так и не понял, что же именно имели в виду сочинители этой легенды. Истина вырвала признание у аббата Банье, хотя он вероятно даже не понял всего смысла относительно приводимых им объяснений других подвигов Геракла: *«Все, что греки говорят о походах их Геракла в Испанию и в Кадис, — сказки»*, заявляет этот ученый мифолог¹. Пусть же читатель не забывает об этом признании.

Герион не владел Испанией или Эпиром, а был он владыкой прекрасной страны, где правила Церера и где была похищена Прозерпина. Он был правителем Нисы, где вырос Бахус. Именно здесь и правил Герион, здесь в этом красивом краю, паслось стадо его коров пурпурной масти, охранявшиеся двуглавым псом Орфром и семиглавым драконом. Герион — это философский эликсир, достигший красного цвета, как мак, и именуемый Философами *Кораль*, потому что он есть их золото. У него три туловища, так как он состоял из трех начал: соли, серы и ртути. Отметим, что три туловища, образующие одного человека, цвет его коров, сторожа этого стада — все ясно указывает на аллегорический характер этих вымышленных историй.

Далее, двуглавый пес относится к той же породе, что и трехглавый Кербер. Семиглавый дракон это сын Тифона и Ехидны, а мы уже знаем, что это значит. Но чтобы избежать обвинений в бездоказательности, посмотрим, не помогут ли нам в толковании Философы некоторыми своими иносказаниями. Гермес говорит: «Я увидел три головы, т.е. три духа, рожденные от одного отца, ибо они составляют одно целое, образуют одно и то же, относятся к одному роду и к одной породе; одна из них находится в огне, другая в воздухе, третья в воде; это — сера, соль и ртуть». Хамуель Сеньор тоже говорит: наша водка тройная, хотя и состоит из единого, в котором содержатся воздух, огонь и вода. У этой воды есть

¹ Т. 3, р. 278

душа, именуемая золотом и божественной водой. Отец их соединил три эти головы, потому что они однородны.

Владение Гериона находится в Испании по той же причине, по которой там был помещен и сад Гесперид. Неизвестный автор, цитируемый Майером в его «Arcana arcaniss.», прекрасно воспринял идею автора мифа: Божьей милостью отец и сын пребывают в одном теле и управляют в великолепном королевстве. Между их головами показывается голова почтенного *старца*, весьма примечательного своим плащом кроваво-красного цвета. Но, впрочем, видел ли кто в природе быков пурпурной масти или же коров, которые, как сказано в мифе, пожирали тех, кто жил с ними? Не являются ли коровы этого рода как раз той растворяющей материей Философов, которая растворяет то, что помещают в сосуд вместе с ней? Разве они не той же природы, что и кони Диомеда? А имена родителей Гериона, не достаточно ли ясно говорят нам о нем самом? Имя отца его Хрисора происходит от греческого *Χρῶς*, *золото*, а имя матери, Каллироя, значит *кэлос*, прекрасная, *ῥέω*, плотная вода, т.к. автор мифа имел в виду момент достижения эликсиром красного цвета, когда растворитель или меркуриальная вода являет собой проточную воду. Она есть его начало и мать, которая, после того как растворит золото Философов или Хрисора, соединяется с ним, а от этого брака рождается Герион. Цвет серы или золота Философов — это цвет коров, а эти коровы есть то же, что и растворитель, пожирающий своих хозяев.

Чтобы похитить коров, Геркулесу пришлось убить Гериона, пса Орфра, дракона и смотревшего за ним Эвритиона; другими словами: для того, чтобы добиться фиксации, обозначаемой, как уже говорилось Эврисфеем, требуется убить или разложить те виды материи, из которых состоит эликсир. Двуглавый пес — это соединение растворимого тела и растворителя; семиглавый дракон — это семь циркулирующих или сублимаций, происходящих перед тем, как зафиксируется объединенная материя. Эвритиона недаром называют пастухом, т.к. это имя происходит от греческого слова *εἰρῆνι*, сторожить, охранять.

Однако мало было похитить быков, их нужно было привести к Эврисфею. Геркулесу предстояло пройти тысячу препятствий на долгом пути. Если бы Бошар немного поразмыслил об обратном пути Геркулеса, он вряд ли перенес бы Испанию в Эпир. Сначала Геркулес повел быков с острова Гадес в океане в Тартес, т.е. с плавучего острова на твердую землю, т.к. Гадес происходит от греческого слов *γαῖα*, земля и *δεύρω*, ездить. То же самое мы говорили уже об острове Делос. Остров находится в океане или в море, потому что меркурий Философов, в котором плавает остров Философов, адепты тоже называют морем.

ЛИГИС И ИАЛЕБИОН

Некий Лигис, брат Иалебиона, решил помешать Геркулесу увести быков, и тогда Геркулес убил его, т.е. зафиксировал определенную часть философского соединения, становившуюся летучей. Улетучивание не происходит без перемешивания материи, выражено именами Лигис и Иалебион, т.к. Лигис происходит от греческого *λείβω*, дистиллировать или *λίβυς*, ветер, несущий дождь. Иалебион значит по-гречески *ἀλαομαι αλη*, блуждание, *βίος*, жизнь. В легенде говорится, что они были сыновьями Нептуна, т.е. моря Философов.

ГИГАНТ АЛКИОНЕЙ

Добравшись до устья Коринфа, Геркулес вынужден был сразиться с гигантом Алкионеем. Гигант поднял из Красного моря огромный камень и швырнул его в Геркулеса, но наш герой отразил камень своей палицей, а затем убил Алкионея. Уже само имя Алкионей и место, откуда он взял камень, указывают на смысл этой аллегии: философский камень образуется из красной ртутиальной воды, именуемой Фламель красным морем, а имя Алкионей происходит от греческого Ἀλκή, *сила*, ὤω, *дождь*, νέος, *свежевспаханная земля*, как если бы речь шла уже о плотной земле, поднявшейся из воды и засеянной. Геркулес убил Алкионея, т.е. лишил эту землю ее летучести, а потом бросил камень обратно в море, ибо как только эта земля зафиксирована, она опускается на дно ртутиальной воды.

ЭРИКС — СЫН ВЕНЕРЫ И БУТА

Некто Эрикс, сын Венеры и Бута, также возжелал заполучить коров, похищенных Геркулесом, но Геркулес обошелся с ним так же, как и с прочими. А объяснить этот его поступок можно теми же причинами, т.к. Эрикс означает «задержка», а поскольку он сын Бута, чье имя по-гречески значит βυθός, *бездна, морское дно*, то может указывать только на материю, рожденную из воды Философов. Его вымышленная смерть в мифе — это также лишь фиксация материи.

После всех этих перипетий Геркулес привел, наконец, свое стадо к Эврисфею, т.е. довел до совершенства изготовление золотого лекарства, и в память об этом возвел две колонны на границах Иберии, чтобы обозначить ими эликсир, доведенный до белого цвета, и эликсир, доведенный до красного. Одна из колонн называлась Калпа, а другая — Алиба, и они знаменовали конец его трудов и отдых после стольких испытаний. Калпа, κάλος, значит *приятный, правильный, славный*, и παύω, *прекращать, заканчивать*. А Алиба, ἄλις *достаточно*, и βάλω, *утверждать, фиксировать, закреплять*, как если бы нам хотели сказать, что после завершения делания человек получает право на незыблемый покой.

Геркулесу пришлось преодолеть и много других препятствий — как при похищении коров Гериона, так и на обратном пути с коров к Эврисфею. Мы рассмотрим некоторые из них, чтобы показать, как малейшие детали этого мифа подтверждают нашу систему.

Когда наш герой отправился из Греции в свой поход, то в один из дней его настолько устал от солнечного зноя, что он рассердился на светило и натянул лук, дабы выпустить стрелу в этого бога. Аполлон поразился его дерзости, но в то же время был восхищен его смелостью и подарил ему огромный золотой кубок. Ферекид пишет, что Геркулес пересек в нем океан, как в лодке, но во время плаванья волны так сильно раскачивали его, что взбешенный Геркулес выстрелил из лука в самого Океана, и тот успокоился, выполнив тем самым желание героя.

Ясно, что стрела, выпущенная в Солнце, означает улетучивание золота Философов, т.к. стрелы Геркулеса, Меркурия, Дианы всегда являются символом летучести растворителя или ртутиальной воды. Потому-то Аполлон и подарил ему золотой кубок — в знак признания силы его характера, а это значит, что смелость и уверенность мастера вознаграждаются золотом Философов — целью магистерия. С его помощью мастер пересекает океан, чтобы добраться до стада Гериона, и во время плаванья стреляет из лука в беспокойный океан, после чего тот утихает. Этим нам

показано, что ртутиальная вода бурлит с самого начала операции получения эликсира, улетучивается, а затем мало-помалу успокаивается, когда материя начинает чернеть. Тогда-то Гераклес, вступает во владения Гериона и начинает свои сражения за коров.

ГЛАВА XIII

Геркулес побеждает амазонок и похищает пояс Меланиппы

После сражений с чудовищами Геркулес испытывает свою храбрость и силу против женщин. Можно было бы предположить, что Эврисфей, видя, что не может отделаться от Геркулеса, посылая его на гибельные дела, из которых тот всегда выходил со славой, решил испытать другой путь, чтобы сломить героя. Он знал, что Геркулес не чуждался прекрасного пола и не откажется выполнить приказ сразиться с храбрыми и стойкими женщинами. Впрочем, цель его экспедиции заключалась не в том, чтобы очистить хлев, гоняться в течение года за ланью, отдать кого-то на съедение, притом собственным коням, похитить стадо коров, но в том, чтобы завладеть поясом владычицы — поясом гораздо ценнее и красивее прочих. Алкид отправился на корабле, взяв себе в спутники Тесея. Когда они проходили по Бебрикии, братья Мигдон и Амик хотели было задержать наших героев, но те умертвили их, разорили всю страну и подарили ее отправившемуся вместе с ними Лику, сыну Даскила.

Наконец Геркулес достиг страны амазонок, вступил с ними в сражение и многих убил, а часть из них обратил в бегство, пленил Ипполиту, или Антиопу, и отдал ее Тесею, а повелительница амазонок Меланиппа отдала ему в виде выкупа свой знаменитый пояс, который Геркулес отвез Эврисфею.

Многие авторы, и в том числе Страбон, полагали, что амазонки никогда не существовали, а все, что о них пишут, просто сказки. Одно из доказательств их существования, приводимых аббатом Банье, со слов других авторов, состоит в том, что одна из их предводительниц по имени Пенфесилея пришла на помощь Приаму и погибла от руки Ахилла. Не будь у нас доводов лучше, мы могли бы согласиться с мнением Страбона, т.к. Приам, Ахилл и Пенфесилея — лица мифические. Как бы то ни было, поскольку Геркулес был тоже лишь вымышленным героем, то такими же вымышленными должны быть и побежденные им героини. Вся эта легенда больше похожа на аллереорию, чем на реальный факт. Станет ли когда-нибудь государь снаряжать целое войско, чтобы добыть пояс, — будь он даже из золота и алмазов? Уже такие имена амазонок, как Прокелла, *огромная быстрота*, Протоя, *необычайная проворность*, *прó, перед, в присутствии* и *воós, быстрый, скорый*, Эрибея, *ёрс, дебаты, спор*, и *веош или вош, бой* которых Геркулес обратил в бегство показывают, что они должны были означать. Ибо нет ничего резвее и подвижнее, чем летучие части, т.к. когда они сталкиваются в верхней части сосуда, то это подобно битве одной с другой. А пленил он предводительниц амазонок Меланиппу, Антиопу или Ипполиту, Келену и др. В легенде сказано, что он захватил их, т.е. зафиксировал. Поэтому там же говорится, что амазонки эти — спутницы Феба и Дианы, потому что материя Философов, доведенная до белого цвета, именуется Дианой, а до красного, названа

Фебом, теперь является фиксированной и больше не улечувивается. Оного этого было бы достаточно, чтобы сделать вывод — такова аллегория золотого лекарства.

Исходя из сказанного, необходимо видеть в амазонках тех же муз, вакханок и воинственных женщин, которые сопровождают Осириса и Бахуса в их походах. И те, и другие представляют собой лишь иероглиф летучей части материи великого делания. Вот это явление и обозначается именами амазонок, почему Антиопа значит по-гречески *αντί*, *изменение* и *ὀπός*, *сок, выделение*, т.е. перешедший из жидкого состояния в твердое и застывший, затем необходимо, чтобы после растворения материя застыла и свернулась, дабы достичь белого цвета и фиксации согласно рецепту всех Философов: *solve et coagula* и тому, как говорит Калид (в беседах с Мориеном): «Когда я увидел, как вода коагулирует сама по себе, я познал истину науки и герметического искусства».

Меланиппу называют предводительницей амазонок и утверждают, что она отдала как выкуп свой пояс, украшенный драгоценными камнями, потому что эта Меланиппа — королева Философов и их Диана. Так ее имя происходит от греческих слов *Μηνά*, *Луна* и *πλος*, *жир, полнота*, т.е. Луна в ее полной фазе или материя Философов, достигшая совершенного белого цвета. Пояс, отданный ею Гераклесу, представляет собой круг, в котором смешаны белый, красный и другие цвета, проявляющиеся вокруг белой материи в тот период, когда она начинает переходить от белого цвета к красному. Круг этот похож на описание покрывала Прозерпины. Гераклес приносит пояс Эврисфею, другими словами продолжает делание и доводит его до совершенства. Что же касается Антиопы или Ипполиты, подаренных Гераклесом Тесею, то мы вернемся к ним в рассказе о похитителе Ариадны.

ГЛАВА XIV

Гераклес спасает Гесиону от морского чудовища

О времени этого подвига Гераклеса нет единого мнения. Одни говорят, что это случилось, когда он направлялся к амазонкам, другие считают, что это произошло уже после их поражения. Третьи утверждают, что аргонавты оставили Гераклеса в Троаде, когда он сошел на берег, и отправился на поиски Гиласа, заблудившегося по пути к источнику.

Такое разнообразие суждений приводит в тупик мифологов, которым не удается согласовать время действия, как только приходится трактовать миф как исторический факт. Г-н ле Клерк считает только часть легенды действительностью, а часть аллегорией, и говорит поэтому, что юный Гилас — это всего лишь дерево. А легенда родилась из того, что Гераклес, Теламон и другие их спутники сошли с корабля аргонавтов, отправились за древесиной на гору Ида, и затем построили корабль для похода на Трою. Шум падающих деревьев, разносившийся по всему лесу, стал поводом для мифа, где говорится, как Гераклес, видя, что не может отыскать юного Гиласа, стал громко звать его на побережье. Вергилий описал это следующими стихами:

Пел он, как, возле воды оставив юношу Гила,
Звали его моряки. «Гил! Гил!» — неслось побережьем.

Буколики, VI, 43–44

Может ли читателя удовлетворить столь несвязное объяснение? Если правда то, что под юным и прелестным Гиласом нужно понимать всего лишь дерево, то интересно спросить у г-на ле Клерка, какой прелестью и каким обаянием могла обладать доска, или балка, короче говоря, кусок дерева, чтобы вызвать такую сильную приязнь Геркулеса к Гиласу? Действительно ли, ради забавы, аргонавты сошли на берег и соорудили совсем ненужный им корабль? Кто внушил Геркулесу и Теламону мысль о постройке корабля, чтобы отплыть на покорение Трои? Какая причина могла побудить их решиться на такое предприятие? В мифе об этом не говорится ни слова.

Далее, если нам скажут, что аргонавты покинули Геркулеса и Теламона на суше, а они, видя, что товарищи уплыли без них, затем построили себе корабль, такое объяснение также не будет правдоподобным. И, правда, какой же смысл был оставлять этих двух героев на берегу? А, если, даже так все и было, то разве могут два человека — пусть и с помощью еще нескольких — построить корабль? Где нашли бы они все корабельное снаряжение? Достаточно ли у них было людей для такого похода? И, наконец, мыслимо ли, чтобы шум срубленного и падающего дерева привел Вергилия и авторов этого мифа к мысли о том, что Геркулес так нежно любил Гиласа, что, отчаявшись найти его, он оглашал все побережье, выкрикивая имя своего любимца?

Легенда с таким объяснением не согласуется. В ней сказано, что Гилас пошел искать воду — и либо его разорвал какой-нибудь свирепый зверь, либо он утонул в каком-нибудь ручье. Геркулес же тщетно искал его. Если этот Гилас означает всего лишь дерево, то непонятно, почему в легенде говорится, будто Геркулес не смог его найти, но, по словам ле Клерка, затем он нашел их достаточно для постройки судна. Кому же верить: автору легенды или этому схоласту? На наш взгляд, нужно довериться автору, а читатель будет судить, правы ли мы.

Ле Клерк не без основания считал рассказ о Гиласе аллегорическим; но вместо того, чтобы просто объяснять значение имени Гилас словом *дерево*, ему следовало бы обратить внимание на то, что оно может значить и нечто другое. Потому как оно происходит от греческого слова *βύλη*, означающего не только *дерево*, лес, но и *материал*, из которого можно что-то изготовить. В связи с этим немало Философов пользовались термином *υλέ*, либо *βυλέ* для обозначения золотого лекарства, не желая раскрывать его настоящее название. Можно было бы указать здесь на многие сочинения Философов. Если же кто-то в этом сомневается, пусть обратится к «Завещанию» Раймунда Луллия, к стр. 38 трактата Филалета, озаглавленного «*Vera Confectio lapidis philosophici*», изданного в Лондоне в 1678 г.

Именно эту материю адептов и имеет в виду создатель мифа, называя ее Гиласом. Он прав, говоря, что Геркулес нежно любил Гиласа, потому что Философы отдают своей материи все свои лучшие чувства. Гилас пошел искать воду, а это значит, что материю помещают в сосуд, чтобы растворить ее в воде. Согласно легенде, Гилас — молодой человек, ибо помещаемая в сосуд материя должна быть свежей и новой, так как, если бы она была давнишней — от рождения или собранная таковой, то она никуда не годилась бы, как утверждает Хеймо и многие другие: *не поместив это внутрь, не обретишь*. Далее, Гилас утонул или был растерзан диким зверем, и Геркулес не нашел его. Это значит, что первоначально твердая материя теряет это свойство при растворении, ее форма пропадает, твердость исчезает. И так мастер, не видя ее больше в том состоянии, в котором

она пребывала до растворения, может аллегорически сказать, что она утонула или что дикие звери сожрали Гиласа, поскольку, как мы знаем, Философы часто прибегают к аллегории драконов или свирепых зверей, пожирающих людей. Этим они указывают на растворение материи то ли самой в себе, то ли их золота путем воздействия на него их меркурием. Неудивительно также, что в легенде Геркулес громко зовет Гиласа на берегу. Неверно было бы считать эти крики выражением горя, напротив, это были крики радости, изумления, подобные тем, которые издавал Тревизан, увидев, как растворилась его книжка с золотыми листами и исчезла в роднике.

Подобные этим были крики Космополита, когда он увидел, что плод солнечного дерева растворился и исчез в воде, в которую его бросил Нептун. После этого Алкид отбыл в Трою и повстречался с Гесионой, дочерью Лаомедонта, отданную на растерзание морскому чудовищу, чтобы ублажить Нептуна, разгневавшегося на ее отца, что тот не возблагодарил его за возведение стен Трои. Геркулес же вызвался освободить ее, воспользовавшись упряжкой красавцев-коней, отличавшихся своей резвостью и бывших столь легкими, что, как пишут поэты, они могли бежать по воде. Алкид сделал свое дело, однако Лаомедонт свое обещание не сдержал, за что Геркулес его и убил, затем отдал Гесиону в жены Теламону, а корону Лаомедонта передал сыну его Подарку, по просьбе выкупившей его Гесионы, после чего Подарк стал зваться Приамом.

Чтобы понять этот миф, достаточно сравнить его с легендой об Андромеде, также отданной на съедение морскому чудовищу и освобожденной Персеем. У обеих этих легенд один и тот же предмет. Нептун разорял Троаду, он был сердит на Лаомедонта. Морские же божества nereиды разоряли Эфиопию, т.к. гневались на Кассиопею — мать Андромеды. Чтобы положить конец напасти, люди обращаются к оракулу и получают в обоих случаях одинаковый ответ. Кассиопея должна отдать свою дочь морскому чудовищу, посланному nereидами, а Лаомедонт должен отдать свою дочь подобному же чудовищу, посланному Нептуном. И обе девушки покоряются своей судьбе. Появляется Персей и освобождает Андромеду. Прибывает Геркулес и вызволяет Гесиону. Персей затем убивает Финея и женится на Андромеде. Геркулес убивает Лаомедонта и отдает Гесиону в жены Теламону.

Так почему же две столь похожие легенды по-разному объясняются нашими мифологами? По их мнению, чудовищем, которому предназначалась Андромеда, был некий корсар, корабль которого именовался «китом», Гесиону же отдали самому морю. Первое объяснение не так уж плохо, ибо корабль и вправду можно назвать «Кит». Второе же объяснение не кажется столь удачным, так как никогда и никому не приходило в голову так назвать море.

Палефат приводит более весомые аргументы, но становится ли достовернее от этого его толкование? По его мнению, оба эти чудовища — пираты. В легенде об Андромеде чудовищного корсара убил Персей. В легенде о Гесионе аббат Банье снабжает Геркулеса необходимыми материалами, чтобы возвести дамбу на пути неукротимых волн моря. Не обладая талантами Палефата и аббата Банье в постройке кораблей и возведении дамб, мы считаем, что одни и те же события требуют одинакового объяснения и, к тому же, гораздо более простого. Поскольку легенда о Гесионе — это продолжение мифа о Гиласе, то вернемся к тому месту, где мы остановились.

Мы говорили, что растерзанный или утонувший юный принц представляет собой материю Философов, растворяющуюся или растворенную в воде. Процесс этого растворения и следующего за ним разложения дал Философам пищу для всех иносказаний о драконах и чудищах, змеях, волах и лошадях, пожирающих людей. В каждой мифе мы получали примеры таких иносказаний, хотя и меняющихся в зависимости от замысла автора. Можно отметить, однако, что они не меняются по существу, а все означают одно и то же.

Если дать себе труд поразмыслить и сравнить события в каждой из легенд, то можно было бы сложить из них фактически единый рассказ с примерно одинаковыми, но по-разному изложенными обстоятельствами. Один автор помещает историю в одну страну, землю и приписывает деяния какому-то лицу, другой сообщает, что событие происходит в ином месте и с кем-то другим. Первый может рассказать о чем-то, что упустил другой, как это имеет место в рассматриваемой нами легенде. В ней не упоминается Гилас: он уже утонул и забыт, а Геркулеса внезапно переносят в Трою, не объясняя, каким образом он туда добрался и что с ним приключилось в дороге. Может быть, он прибыл туда по воде? Вполне возможно, ибо читатель уже, наверное, заметил, что нет почти ни одной легенды, где не было бы сказано о море, реке, ручье, роднике или озере. Иначе и быть не может, т.к. море или меркуриальная вода Философов — это среда их операций и их главное средство. Именно эта вода и есть настоящий Нептун, отец столь многочисленного потомства; от него происходят все эти чудовища, драконы из легенд: о Золотом руне, о саде Гесперид, Медузе, Горгонах, Гарпиях и т.д. Они представляют летучие, растворяющие части, которым даны имена женщин: танцующих, поющих, рождающих остальных героев. Это и крылатые кони, и свирепые быки. Это те самые, столь легкие кони, что могут скакать по воде, которых Лаомедонт обещал в награду Геркулесу за освобождение Гесионы. Геркулес свой подвиг совершил, но Лаомедонт не сдержал слово. Точно так же не выполнил данного Геркулесу обещания и Авгий, и за это Геркулес убивает и того, и другого.

Наконец Геркулес оставляет поиски утонувшего или, как еще говорится в мифе, похищенного нимфами Гиласа, и отправляется к сыну Ила. Естественно предположить, что сыном Ила был Лаомедонт, ибо если Гилас утонул или растворился в воде, то эта меркуриальная вода стучается, мутнеет и образует, собственно, Ила — от греческого слова Ἰλὺς, *грязь*. Отсюда постепенно рождается Лаомедонт, т.е. философский камень или камень, который правит или руководит: от греческих слов λίθος, *камень*, и Μέδω, *я управляю, я руководжу*.

Из всех дев королевской крови, отобранных для морского чудища, жребий пал на Гесиону. И ее действительно отправили на съедение ему, но она была спасена Геркулесом. Это значит, что во второй операции, когда материя растворяется или подвергается действию ртути Философов, обозначаемого морским чудищем, улетучивается и поднимается вверх сосуда, как бы вырвавшись из пасти ужасной твари.

За освобождением, или за обретением летучести материи следует брак Гесионы и Теламона. Это, собственно, герметическое соитие фиксированного и летучего, соединяющихся в единую материю, после чего, по просьбе Гесионы, Геркулес вручает корону Лаомедонта Подарку, получающему впоследствии имя Приам, потому что он был выкуплен, т.е. улетучился со дна сосуда, где его удерживали. Подарок по-гречески Πόδος значит *нога* и ἀρκεῖν, *помогать*, как если бы

это означало: *освободить человека со связанными ногами*. Приам, Πρίαμος же переводится *выкупать*.

Корона Лаомедонта есть венец Короля Философов, вручаемый его сыну, — т.е. эликсир, возникающий из гниющей массы, в которой он находился как раб в темнице. По этой причине ему дали после освобождения имя Приам.

ГЛАВА XV

Геркулес убивает Антея

Из Фракии Алкид прибыл в Ливию и повстречал там гиганта Антея — сына Нептуна и Геи. Гигант это был огромного роста и обладал необычайной силой. Он жил в горах и задира́л всех путников, вызывая их на единоборство, и тех, кто имел несчастье попасть ему в руки, душил. Геркулес принял вызов Антея, и они схватились. Геркулес несколько раз бросал его на землю и думал уже, что сокрушил его, но всякий раз, когда Антей касался матери своей, Земли, он получал от нее новые силы и возобновлял схватку с новой энергией. Геркулес понял это и, подняв его над головой, вместо того, чтобы повергнуть на землю, так сильно сдавил его, что задушил.

Каких только ролей не придумывает аббат Банье для Геркулеса! В большинстве объяснений, приводимых им для подвигов героя, он представляет его то военачальником, то флотоводцем, то купцом. «Когда Геркулес решил основать поселение в Африке для налаживания торговли, пишет аббат Банье в III томе своей «Мифологии», его изгнал оттуда вначале *другой купец*, обосновавшийся в Ливии, и ставший там таким могущественным, что не было возможности его потеснить». Под пером аббата Геркулес становится Протеем. Побыв какое-то время купцом, он вновь появляется в облике героя. Судьба же его постоянно зависит от обстоятельств:

Поскольку наш герой, заявляет аббат, ловко выманил его в море, отрезал ему путь к земле, где он обретал свежие силы и войско, а затем убил. Отсюда и возникла легенда о знаменитом гиганте Антее, сыне Геи, которого пришлось задушить в воздухе, т.к., падая на землю, он черпал из нее новые силы.

Автору этого мифа не пришлось в голову найти для Геркулеса красивых и добрых скакунов в этом походе. В противном случае, аббат Банье превратил бы их в галеры, как он это сделал с тем, что Лаомедонт обещал Геркулесу. По правде, говоря, они могли бы пригодиться в морском сражении, но, очевидно, у Геркулеса их, по крайней мере, было достаточно; но они были нужны, конечно, в отстаиваемой аббатом Банье системе. Однако, в легенде нет и слова ни о кораблях, ни о предметах, которые могли бы их обозначать. Отсюда следует то, что Алкид не имел в них нужды. Да и впрямь, какой прок от кораблей для его единоборства с Антеем, когда он должен был поднять его над собой и сдавить до смерти? Если объяснение ученого мифолога соответствовало бы замыслу автора легенды, то это значило бы, что Геркулес не знал своего дела. Нельзя было совершить большей ошибки, чем заставить Антея отступать в порт, т.к. там он находил новые силы и пополнял войско. Можно ли поверить, что такой великий герой сделал такую большую глупость, да еще трижды? Такое невозможно, и потому легенда об

этом молчит. В ней говорится о схватке борцов, а не о морском сражении, о единоборстве двух мужей, а не о битве двух армий.

В легенде сказано, что Геркулес трижды бросил Антея на землю, и он вовсе не выходил на сушу. Мы знаем из нее, что Геркулес не заманивал его в море, а поднял над собой. Итак, каким бы хорошим не было объяснение аббата Банье, оно вовсе не отвечает замыслу мифа. Замысел этот гораздо проще. Уже одного имени Антея достаточно, чтобы опровергнуть нашего проницательного мифолога, т.к. оно означает *убитый в воздухе*. Оно происходит от греческих слов ἄνω, *наверху*, и θνήσκειν, *умерщлять*, или ἔω, *качать*, *осуществлять разрушение*.

Далее, в легендах Алкид часто предстает победителем единоборств, однако следовало бы разобраться в причинах этой его славы. Борьба — это схватка двух людей, где каждый стремится любыми способами повергнуть соперника на землю. Для этого нужно вывести его из равновесия, и тогда, потеряв точку опоры, его можно легко повергнуть. Вряд ли автор данной легенды намеревался показать настоящую схватку Геркулеса и Антея. Благодаря своему огромному росту и весу Антей просто раздавил бы Геркулеса. Хотя Геркулеса изображают чрезвычайно сильным, он не был таким великаном, как Антей, т.к., согласно хронологической таблице г-на Анриона, росту в нем было всего десять футов, тогда как рост Антея — при той его силе, о которой говорит легенда, составлял шестьдесят четыре локтя. Геркулес смог бы обхватить лишь палец Антея, а в лучшем случае — ногу. Каким же образом смог бы он не только поднять над землей таких размеров массу, но еще и удержать его и задушить гиганта в воздухе, — ведь сам Геркулес не доставал и до колен Антея? Таким образом, нужно воспользоваться аллегорией, что позволит нам объяснить все остальные борцовские поединки, из которых Геркулес выходил победителем.

Разумеется, Антей — фигура вымышленная, существовавшая только в воображении поэта. И хотя аббат Банье говорит нам, со слов Плутарха¹, что его останки были найдены на острове Тинге в Гибралтарском проливе, его существование от этого не становится более достоверным, т.к. он считается сыном Нептуна и Геи, а всем прекрасно известно, что такие родители никогда не существовали в человеческом обличье.

Однако Антей, о котором говорится здесь, действительно сын Нептуна и Геи, т.е. воды и земли Философов, отца и матери магистерия или камня Философов. Это камень или Антей вызывает на поединок всех чужеземцев и разбивает о скалы, в которых живет, всех, кто осмеливается схватиться с ним, ибо все, что не относится к его природе, ему чуждо и не имеет над ним власти. Его природа настолько стойка, что даже огонь не может сделать его летучим. Любое вещество другого рода, которое можно с ним смешать, разрушается и рассыпается бесследно. Только Геркулес или Мастер, которому обычно приписывают действие ртути Философов, имеет над ним власть, а поскольку этот меркурий, по меньшей мере, столь же силен, сколь и камень при изготовлении эликсира, именуемого Филалетом совершенным приготовлением камня, то нужно, чтобы между ними произошли схватки. Другими словами, этот столь стойкий камень должен стать летучим и подняться со дна сосуда. Чем дольше он там будет оставаться, тем сильнее будет его стойкость, и тем больше он будет набираться сил, оставаясь вместе

¹ Sectorio.

с матерью своей землей. Геркулесу никогда бы не удалось задушить Антея, если бы он не оторвал его от земли, т.к. материя эликсира никогда не станет разлагаться, если предварительно не сделать летучими все ее части. Но, как только фиксированная и земная часть станет летучей, Антей больше не может получать силы от матери и гибнет от рук Геркулеса. По этому поводу все Философы говорят: *«Сделайте летучим фиксированное, а затем зафиксируйте летучее»*.

Удивительно, как это аббат Банье не заметил то, что описываемый в мифе Антей ничуть не отличается от того, которого Осирис якобы назначил правителем одной из своих провинций на время своего похода в Индию. И того, и другого убил Геркулес, а это прекрасно доказывает, что греческий миф об Антее Тингийском взят и скопирован с мифа об Антее египетском, и оба Геркулеса являются одним и тем же лицом, что подтверждается также и следующей историей.

ГЛАВА XVI

Геркулес убивает Бусириса

Мы видели в первой книге, что, перед тем как отправиться в Индию, Осирис передал правление Финикией и прибрежными районами своей страны Бусирису, а правление Эфиопией и Ливией Антею. Из мифа мы узнаем, что этого самого Антея задушил Геркулес, как рассказано выше. Миф говорит нам также, что впоследствии от рук Геркулеса пал и Бусирис, для чего Алкиду пришлось перебраться из Ливии в Египет. Непонятно почему, с *чьих-то слов*, приводимых Диодором Сицилийским, аббат Банье выводит на сцену другого Бусириса — правителя Испании, убитого Геркулесом за то, что он решил похитить с помощью пиратов дочерей Геспера, брата Атланта и владыку Мавритании и Гесперитиды. В мифе ничего не говорится об этом похищении, да, впрочем, и аббат Банье скоро забывает, как пятью страницами раньше, ссылаясь на Бошара, он пишет, что Геркулес никогда и не был в Испании, да и страны такой не было в его времена. Как же может быть, что Алкид убил правителя, которого никогда не видел и о стране которого никогда не слышал? Как увязать, кроме всего этого, правление Атланта и его брата Сатурна? По словам того же Диодора, египетский Геркулес жил на самом деле в эпоху Осириса — сына Сатурна, а Геркулес, греческий, жил на много веков позже. И если именно ему следует приписывать то, что Геркулес сделал с Атлантом, то либо сей мавританский владыка был весьма стар, либо его красавицы племянницы уж слишком перезрели для того, чтобы Бусирис возжелал обладать ими.

Итак, если допустить на миг, что такой Бусирис действительно существовал, более правдоподобным было бы считать, что Антей и Бусирис, убитые Алкидом, те же самые, кого убил египетский Геркулес, но тогда Алкид и египетский Геркулес должны быть одним и тем же лицом, а это не отвечает системе аббата Банье. Однако не только в этих деталях он отклоняется от мифа. В мифе говорится, что Геркулес отправился в Египет, а не в Испанию, чтобы покарать Бусириса за бесчеловечность. Бусирис этот был сыном Нептуна и Лисианассы. Он хватал всех чужеземцев, попадавших в его страну, и приносил их в жертву Юпи-

теру. Решив отомстить столь жестокому и бесчеловечному противнику, Геркулес прибыл в Египет. Бусирис устроил ему западню, но Геркулес избежал ее и сам схватил Бусириса вместе с его сыном Амфидамантом — сообщником его жестоких деяний — и принес их в жертву на том самом алтаре Юпитера, где они закалывали свои жертвы.

Вот все, что говорится в мифе. В нем нет ни слова об Атланте, о Гесперидах, о золотых яблоках, отданных Геркулесу в награду за то, что он прогнал пиратов и убил Бусириса. Но именно в эти одежды рядит его аббат Банье. Легенда о саде Гесперид не имеет ничего общего с легендой о Бусирисе, по крайней мере, если смотреть на нее как на легенду, т.к. обе они суть иносказания об одном и том же, правда, одна из них выглядит обстоятельнее другой. Легенда о Бусирисе относится только к началу делания, до появления серого цвета — Юпитера. Легенда же о Гесперидах аллегорически пересказывает делание до конца, как это видно из главы, где мы подробно описали, как понимать историю с похищением золотых яблок из сада, который сторожили дочери Атланта или Геспера.

Бусирис был сын Нептуна и, следовательно, брат Антея, т.е. он вышел или родился из воды. По этой же причине в легенде говорится, что Осирис назначил его правителем морского побережья своих стран. Что касается его жестокости, то ее следует объяснять так же и в том же смысле, как и жестокость Диомеда, Антея и свирепость описывавшихся нами зверей. Разница между мифами состоит в том, что Диомед отдавал попадавших ему в руки чужестранцев на растерзание своим кобылицам, а Бусирис приносил их в жертву Юпитеру. Смысл же остается один и тот же, поскольку следствием этой вымышленной жестокости в мифах всегда становится смерть чужеземцев, а в делании гниение и разложение материи.

Считается, что Бусирис приносил эти жертвы, потому что серый цвет, именуемый Юпитером Философов, следует немедленно за черным, который появляется при гниении. Геркулес сделал то же самое с Бусирисом и его сыном. Дело в том, что меркуриальная вода или растворитель Философов, обозначаемый сыном и внуком Нептуна, разлагаются вместе с растворяемой ими материей и вместе меняют свой цвет с черного на серый. Убедительным доказательством соответствия нашего объяснения замыслу автора легенды служит то, что, согласно ей, Бусирис — сын Лисианассы, *λύσις* и *ἀνά* или *растворения*, т.к. слово *анализ* было составлено из тех же слов и означает оно то же самое. Мы говорили уже о Бусирисе в первой книге и потому не будем больше задерживаться на нем. О нем очень похвально отзывается Исократ, а Вергилий утверждает, что он этого не заслуживает:

...Жестокого кто Эврисфея,
Кто и Бусирида жертв ненавистного ныне не знает?

Георгики, III, 4–5

По словам Страбона¹, он не был ни фараоном, ни тираном.

¹ География, XVII.

ГЛАВА XVII

Освобождение Прометея

Геркулес был знатным скороходом: из Греции он направляется в Ливию, из Ливии в Египет, из Египта на Кавказские или Гиперборейские горы, а оттуда в другие очень далекие края. Если он действительно был военачальником, как утверждает аббат Банье, то он погубил бы немало войска в столь долгих и трудных походах, да и какая из столь мало населенных стран могла бы снабдить его нужным количеством людей. Эврисфей, чьи приказы он исполнял, был владыкой Микен, однако даже все, вместе взятые, жители его страны не смогли бы составить достаточно многочисленное войско, чтобы внушить ужас трем испанским правителям под предводительством Герiona¹. Предположим даже, что руководимые таким опытным военачальником, как Алкид, они были непобедимы, как небольшая армия Александра Великого. И, тем не менее, многие из них должны были погибнуть: то ли от трудного похода, то ли в различных битвах. С таким ослабленным войском и без пополнения (да и где его было взять, ведь Микены остались слишком далеко от Мавритании, чтобы можно было ждать помощи от Эврисфея) он ничего бы не добился. Пока аббат Банье или те, кто принимают его идеи, найдут способ объяснить нам, как Геркулес вышел из положения в этом и в очень многих других случаях, мы находим его на Кавказских горах, чтобы посмотреть, что он там делает, не забывая о том, как он туда добрался.

Геркулес был другом Прометея уже много веков, т.к. оба они жили еще при Осирисе. Геркулес был наместником всего Египта, а Прометей правил лишь одной его частью. Однажды вышедший из берегов Нил затопил эту часть страны. Прометею это событие принесло такие душевные муки, что он от отчаяния готов был покончить с собой, если бы на помощь ему не подоспел Геркулес, сумевший соорудить дамбы и остановить разлив реки. Пережившему это потрясение Прометею досталась в удел самая тяжелая и ужасная судьба, какие только возможны.

Прометей похитил у неба огонь и принес его на землю, чтобы поделиться с людьми. Юпитер решил покарать его и приказал Меркурию схватить Прометея и приковать его к одной из Кавказских гор, а там орел, родившийся от Тифона и Ехидны, ежедневно выклевывал у него печень, снова выраставшую за ночь, как пишет Гесиод, не указывающий, правда, сколько длились муки Прометея. От других авторов мы узнаем, что так продолжалось тридцать тысяч лет. Почему это утверждение не подхватывает аббат Банье? Оно помогло бы ему определить некоторые исторические эпохи. И, возможно, время освобождения Прометея как раз совпало бы с тем периодом, когда, по его мнению, жил Алкид. Но нет: *он замечает, что этот подвиг надо отнести на счет не фиванского, а финикийского Геркулеса, поскольку, пишет он, Прометей жил ранее, несколько веков до Амфи-*

¹ Мы говорим это согласно примечанию, помещенному самим аббатом Банье в III томе его труда, где он предупреждает читателя, что государства таких греческих правителей часто ограничивались городом да несколькими близлежащими селениями.

триона. От Гесиода же мы узнаем, что Юпитер сам приковал Прометея, и не прибегал для этого к помощи Меркурия.

Геркулес, хоть и был сыном Юпитера, не мог видеть без жалости ужасные муки друга и, рискуя навлечь на себя немилость грозного бога, решил освободить Прометея. Для этого он отправился на Кавказ, убил орла и снял с Прометея оковы.

Дружба была не единственной причиной, побудившей Геркулеса совершить этот поступок, ведь Прометей оказал ему важную услугу, когда Геркулес советовался с ним перед тем, как направиться в сад Гесперид. Геркулес последовал его советам и успешно осуществил задуманное. Вполне очевидно, что он не забыл об этой услуге, и благодарность сыграла не последнюю роль в этом предприятии. Словом, какими бы мотивами он ни руководствовался, дело свое он сделал.

Из родословной Прометея мы видим, что отцом его был Иапет, сын Гелиоса и брат Сатурна, мать же его, дочь Океана, звали Клименой. Не будем касаться здесь мнений мифологов об этой родословной, а станем придерживаться того, что об этом сообщают Гесиод, Гомер и древнейшие. Мы уже неоднократно объясняли, что именно подразумевали древние под Сатурном. И теперь ясно, что нужно понимать о его брате Иапете, чье имя *Γ' αἰω* означает по-гречески *греть, нагревать, размягчать* и *τεταω*, *открывать, проявлять*, ибо при гниении, когда материя достигла черного цвета, именуемого Философами Сатурном, она раскрывается, проявляется и растворяется. Поэтому то дочь Океана Климену называют его женой, т.е. летучие части поднимаются от Океана или моря Философов и являются одной из действительных причин растворения. Эти летучие части или меркуриальная вода посути — мать Прометея, как серы, или камня Философов.

Далее, в легенде говорится, что Осирис поручил ему править Египтом под началом Геркулеса, а это означает, что мастер, обозначаемый Геркулесом, управляет и руководит операциями делания. Наводнение, разорившее ту часть Египта, где правил Прометей, это — совершенный камень Философов, залитый водой на дне сосуда. Геркулес обратился к нему за советом, направляясь за золотыми яблоками в саду Гесперид, ибо, прежде чем достичь конца делания или совершенного эликсира, которым являются эти яблоки, необходимо получить и воспользоваться камнем магистерия, обозначаемым Прометеем. Похищаемый им небесный огонь — это огненный камень, настоящая копь небесного огня, как писал д'Эспанье:

Сия сера Философов — очень легкая, чрезвычайно горячая и сухая земля, в чреве которой сокрыт сильно уплотненный природный огонь... Его именуют посему *отцом и мужским семенем*... Пусть же мудрый мастер, бывший настолько удачливым, что получил во владение сию залежь *небесного огня*, хранит ее с большим тщанием.

В Каноне 121-м он пишет:

В делании есть две операции: та, при помощи которой получают серу или камень, и та, в которой создается эликсир или совершенство делания.

Это касается операций без умножения. Первой операцией получают Прометея и небесный огонь, похищенный им с помощью Минервы, а второй операцией мастер похищает золотые яблоки из сада Гесперид, как об этом уже писалось в соответствующем месте.

Далее, чтобы покарать Прометея, Юпитер обрек его быть прикованным к горе на Кавказе. Приковал же его то ли Меркурий, то ли сам Юпитер, но это не име-

ет значения, поскольку меркурий Философов образует Прометея и приковывает его к этой горе славы или, если хотите, к Юпитеру, т.к. материя начинает фиксироваться и превращаться в камень сразу же после появления серого цвета, т.е. Юпитера. Время мучений Прометея не определено. И действительно, мастер может остановиться на сере Философов, если не хочет затем получить эликсир, или добыть Золотое руно и яблоки из сада Гесперид. Но если он захочет все, то нужно освободить Прометея, и тогда он должен убить орла, выклеывающего его печень. Орел этот — летучая меркуриальная вода, и убить его можно из лука. Ниже мы узнаем, что представляли собой стрелы Геркулеса.

Согласно легенде, орел без конца выклеывал печень Прометея, но она потом восстанавливалась, потому что, если не получить эликсир, то зафиксированный камень навечно останется на дне сосуда посреди ртути и не растворится в ней. Хотя этот меркурий обладает такой силой и, можно сказать, такой «прозорливостью», что Философы называют ее драконом, волком, сатаной и обозначают соответствующим иероглифом. Эта мысль возникла также от двусмысленности греческих слов *Αἰτός*, означающего «орел», и *Ἄττος* — «ненасытный». В легенде сообщается: Прометей был прикован к скале на Кавказских горах, потому что скала обозначает собой философский камень, а слово Кавказ указывает на достоинство, почет, который ему должны оказывать, как если бы нам хотели сказать, что он был прикован к скале славы и удовольствия, т.к. Кавказ происходит от греческого *Καυχῶνται*, *прославляться и радоваться*. По этой же причине Философы дали ему имя *почитаемый камень, прославляемый камень* и т.д. Раймунд Луллий об этом пишет в своем «*Testamentum Antiquissimum*». Может показаться странным, что, говоря о Прометее, мы называем Кавказскую гору местом радости, но этому не придется удивляться, если учесть, что «философский Кавказ» — это истинный источник радости и удовольствия для достигшего его мастера.

Во всей этой аллегории о Прометее нет ничего печального, страшного или неприятного, но Философы часто прибегают именно к таким иносказаниям. Во всех трудах Геркулеса мы видим чудовищ и ужасы, да и сам он добился славы величайшего из героев лишь варварскими и бесчеловечными поступками. Красноречивым подтверждением тому являются легенды о Диомеде и Бусирисе. Однако, если смотреть на эти легенды как на аллегорию, то вся эта свирепость пропадает, а легенды предстают весьма простыми вещами, которые были завуалированы столь плотными покровами для того, чтобы скрыть их от простых людей и не подпустить к ним недостойных, которые, если бы к ним в руки попала эта тайна, использовали ее для утоления своих низменных страстей. В истории о Прометее, казалось бы, нет ничего, что указывало бы на цель ее сочинителей, но если вспомнить, что родителями орла были Тифон и Ехидна, то можно понять, что скрывается за этим образом. Василий Валентин так описал его¹:

Легкая южная птица, вырывающая сердце из груди свирепого и пламенного зверя востока.

¹ 12 ключей.

ГЛАВА XVIII Поединок Геркулеса с Ахелоем

В легенде Ахелой предстает перед нами по-разному: сначала как этолийский владыка, сын Океана и Геи, или как река, впадающая в море вблизи Эхинадских островов. Одни называют его сыном Гелиоса и Геи, другие — сыном Фетиды и Геи. Как бы там ни было, но Ахелой выбрал в жены Деяниру, на которую заглядывался и Геркулес. Между соперниками вспыхнула ссора, и Ахелой не придумал ничего лучше, чтобы устоять против силы и крепости Геркулеса, как превратиться в быка и в таком виде напасть на него. Задумано — сделано. Но Геркулес не оробел, а схватил быка за рог и вырвал его. Ахелой вынужден был уступить, однако попросил у Геркулеса обратно свой рог. Сам же он дал ему взамен рог Амалфеи.

Древние часто сравнивали реки, моря и всякие другие водоемы с быками: то ли по причине их неукротимости, то ли по причине их шума, когда они текут на быстрине, т.к. их шум похож на рев быка. Очевидно, именно по этой причине аббат Банье в объяснение легенды об Ахелое пишет о дамбе, которую, по его словам, соорудил Геркулес, чтобы преградить путь бурной реке. По его мнению, вырванный у превратившегося в быка Ахелоя рог означает отвод рукава от реки. Такие объяснения годились бы для любой другой легенды, но к данной не подходят, да и не могут подходить по его системе. В легенде говорится, что Ахелой превратился не только в быка: сначала он обратился драконом, а затем вновь вернулся в человеческий облик, как пишет Софокл:

...Меня
Сам Ахелой присватал, бог речной.
Просил отца, являясь в трех обликах:
Тельцом вбегал он, змеем приползал
Чешуйчатым, показывался мужем
Быкоголовым. С бороды косматой
Текли обильно слюни ключевые.

Трахинянки, 8–14

Овидий тоже указал образы Ахелоя, описывая Протея:

...То юношей ты, то львом на глаза появлялся,
Вепрем суровым бывал, змеей, прикоснуться к которой
Боязно, а иногда ты рогатым быком становился.
Камнем порою ты был, порою и деревом был ты.
А иногда, текучей воды подражая обличью,
Был ты рекой; иногда же огнем, для воды ненавистным.

Метаморфозы, VIII, 733–738

У Овидия — он то молодой лев, то дикий кабан, то змея, бык, камень, дерево, наконец, река и огонь. Нужно, следовательно, сравнить Ахелоя с Протеем: и тот, и другой умели менять обличье по желанию. Река Ахелой действительно существовала, но неизвестно, откуда аббат Банье взял, что в один из ее разливов в ней утонули несколько пастушек, превратившихся в острова Эхинады. Легко выхо-

дить из положения, когда в подкрепление своих объяснений сам же и выдумываешь подходящие факты.

Эту легенду объяснить не составит никакого труда, если вернуться к предыдущим толкованиям. Ахелой — река и, следовательно, вода. По некоторым легендам, он был этолийским правителем, но этот его титул качественно вовсе не меняется, если за его летучесть и растворимость Философы называют Ахелоя орлом. Он хочет взять в жены Деяниру, дочь Ойнея — повелителя той же страны. Ему ее пообещали и, даже, помолвили с ним. Вот вам два этолийских правителя, одновременно живущих в добром согласии, поскольку один обещает свою дочь в жены другому. Как увязать все это с легендой?

Следуя нашей системе, это сделать нетрудно. Ахелой — это меркуриальная вода в начале делания; Ойней — меркуриальная вода при второй операции, откуда и происходит его имя, что значит по-гречески οἶνος, *вино*. Именно это называет *вином* Раймунд Луллий почти во всех своих трудах, и его примеру часто следует Рипли. Ахелой хочет взять в жены дочь Ойнея и обручается с ней, т.к. в операции получения эликсира дочь Ойнея соединяется с меркуриальной водой. Затем является Геркулес и хочет увести невесту. Это значит, что мастер хочет получить результат делания. Предполагается, следовательно, что между Мастером и меркурием завязывается поединок. Ахелой видит, что не может оказать сопротивление Геркулесу, и превращается в змею, но Геркулес, победивший Лернейскую гидру, ничем, по сути, не отличавшуюся от Ахелоя, обернувшегося змеей, быстро справился и с ней при помощи того же оружия. Тогда Ахелой превратился в быка, столь же свирепого, как и критский бык, но Геркулес укротил его и вырвал у него рог, т.е. орудие защиты. А какое средство защиты у меркурия Философов? Это — летучесть, и отобрать ее можно путем фиксации. То же самое хотел сказать Овидий, когда описывал, как Геркулес вырвал рог у Ахелоя и бросил его на землю:

Мало того: беспощадной рукой он ломает мой крепкий
Рог, захваченный им, и срывает, чело искажая.

Метаморфозы, IX, 85–86

Ахелой не вынес позора поражения и бросился в воду, чтобы скрыться там, а наяды наполнили рог множеством цветов и плодов, так что он стал рогом изобилия. Мы уже отмечали, что когда материя зафиксируется, она опускается на дно сосуда. Известно также, что означают наяды, как известно и то, что совершенный эликсир или философский камень представляет собой подлинный рог Амалфеи, или источник всех благ.

ГЛАВА XIX

Геркулес пронзает стрелой кентавра Несса

После победы над Ахелоем Геркулес остался без соперников. Он забрал с собой Деяниру, но обратный путь ему преградили вышедшие из берегов воды разбушевавшейся реки. Не видя способа переправиться через реку, Геркулес обратился к кентавру Нессу, знавшему все броды, и попросил его перевезти Деяниру на другой берег. Несс согласился, посадил Деяниру себе на спину и поплыл с ней через реку. Однако красота Деяниры так подействовала на кентавра, что, едва ступив на берег, он захотел овладеть ею. Деянира закричала, и ее крики услышал Геркулес. Поняв намерения Несса, он выпустил в него стрелу, отравленную ядом Лернейской гидры, и убил его. Умиравший Несс отдал свои окровавленные одежды Деянире, а как она ими воспользовалась, мы узнаем дальше.

Об этом кентавре мы говорили ранее, когда рассказывали, как Юнона превратилась в облако. Кентавр родился от облака и Иксиона. Его имя означает «пурпурно-красный меркурий», т.к. происходит от греческого слова *Νῆσος*, *платье окаймленное пурпуром*. Этим указывается на момент, когда в материи начинает проявляться красный цвет, и время, когда Геркулес выпустил в него стрелу, после того, как кентавр переправился через реку, т.е. когда меркуриальная вода больше не может улечься и унести его бурными водами. Геркулес, как говорится в легенде, убил кентавра, ибо материя зафиксировалась. Кентавр отдал свой плащ, окрашенный его кровью, Деянире. Это значит, что материя белого цвета, обозначаемая Деянирой, приобретает красный цвет благодаря действию ртути Философов. Деянира отослала плащ с Лихасом Геркулесу, чтобы вернуть его любовь, т.к. заподозрила, что Геркулес бросил ее ради дочери Эврита Иолы. Геркулес надел на себя плащ, но вместо любви его охватило бешенство, в порыве которого он убил Лихаса и совершил другие страшные поступки.

Слуга Лихас, принесший плащ Несса, — это меркурий Философов. Философы, как, например, Тревизан, называют его красным слугой, а Василий Валентин и некоторые другие именуют его волком, по причине его прозорливости и растворяющей силы, и это вполне соответствует Лихасу, чье имя происходит от греческого слова *λύω*, *растворять*, и *ῥέω*, *расплавлять, размывать*. В легенде сообщается, что Деянира приревновала Геркулеса к Иоле, т.к. Иола означает цвет ржавчины, сменяющий собою белый, от греческого слова *ῥός*, *металлическая ржавчина* и *λάω*, *пользоваться*. По этой причине считается, что она заменила Деяниру. Про Иолу говорится, что она была дочерью Эврита, потому что его имя происходит от греческого слова *Εὐρύς*, *плесень, гниль, порча*, и потому, что ржавчина появляется от порчи. Деянира покончила с собой при помощи палицы своего возлюбленного, и это значит, что летучая материя, обозначаемая Деянирой, была зафиксирована фиксированной частью. Лихас был превращен в скалу, что означает то же самое.

ГЛАВА XX Смерть Кака

После того, как мы рассказали о смерти стольких существ, погибших от рук Геркулеса, многого о смерти Кака не скажешь. В легенде Как предстает сыном Вулкана, разбойником, вором, плохим человеком, как об этом свидетельствует его имя, если только оно не происходит от греческого слова *Καίω*, *гореть*, и *Καὼν*, *искра*, вылетающая при ковке раскаленного железа, — и тогда он действительно становится сыном Вулкана. А, поскольку, огонь все уничтожает, его отображали в виде Кака как вора и разбойника. Геркулес же, согласно легенде, урезонил его, и это значит, что мастер умерил огонь до необходимой степени, чтобы не испортить работу. Об этом же говорит д'Эспанье: «Огонь — это тиран и разрушитель; остерегайтесь его, избегайте сего братоубийцу, угрожающего вам очевидной опасностью в течение всего делания». Овидий пишет, что у Кака было три головы, и он извергал огонь из пасти и ноздрей. Объяснение всему этому можно видеть в рассказе о Герионе, о Вулкане, также, где писалось нами о драконе и Золотом руне, о драконе из сада Гесперид и т.д.

ГЛАВА XXI Освобождение Алкесты

Когда Медия уговорила дочерей Пелия разрубить его на части и бросить в котел с кипящей водой для омоложения, Пелий нашел там свою смерть. Одна из дочерей несчастного, Алкеста, укрылась при дворе Адмета, чтобы избежать гнева брата ее Акаста, жаждавшего отомстить за смерть отца. Акаст потребовал сестру у Адмета, однако влюбившийся в Алкесту Адмет не пожелал выдать ее. Тогда Акаст разорил страну Адмета, а самого его пленил, и Алкеста отдалась в выкуп за возлюбленного. Акаст же взял ее и убил. Адмет же упросил Геркулеса возвратить ему Алкесту. Геркулес отыскал завадевшую девушкой смерть и, сразившись с ней, победил ее, связал алмазными цепями и вырвал у нее обещание вернуть красавицу Алкесту на свет божий.

Трудно понять, как можно было пытаться исторически объяснять столь явно иносказательный миф. Рассказ о смерти Пелия и поединке Геркулеса со смертью годится разве что как сказка для детей, но, если бы аббат Банье смог проникнуть в истину, он увидел бы, что посредничество Аполлона оказалось бы нелишним для развязки.

Чтобы понять это миф, достаточно обратить внимание на значение имен его героев. Итак, у единого Моря была дочь Волнение и Движение. В нее влюбился Нептун, и она утолила его желание, понесла и произвела на свет, на берегу волнующихся и грозных вод, двух близнецов: бледного Темнокожего и Жестокосердого. Последний был изгнан братом и удалился на плавающую середину, же-

нился там на Желтухе и прижил с ней двенадцать детей, коих всех, кроме одного, истребил Гераклес, когда они пришли на помощь Блестящему и Сверкающему, сражавшемуся с Гераклесом из-за того, что не захотел отдать обещанную тому награду за очистку коровников. Желтуха потом вышла замуж за своего дядю Сильного и родила ему двух сыновей. Когда Сильный умер, его заменил бледный Темнокожий. Он то и отправил Ясона за Золотым руном. Ясон вернулся из похода с Медеей, убедившей дочерей Темнокожего разрубить его на куски и бросить в кипящую воду. Дочери так и сделали, но Темнокожий не помолодел от этого, а умер. Одна из дочерей, Сила, убежала к тому, кто еще не был побежден. Тот влюбился в нее и не пожелал отдать ее маленькому легкому Суденышку — ее брату, требовавшему выдачи сестры. Встретив отказ, он опустошил страну возлюбленного Силы, захватил его самого, после чего тот отдал ему сестру. Девушка была убита братом, и Гераклес вернул ее к жизни.

А вот тот же миф с греческими именами:

У Салмонея была дочь по имени Тиро, в которую влюбился Нептун, и его старания заполучить деву оказались не напрасны. Тиро понесла и произвела на свет, на берегу реки Эниппей двух близнецов: Пелия и Нелея. Изгнанный братом, Нелей удалился в Мессению и женился на Хлориде, родившей ему двенадцать детей, которые все, кроме одного, были перебиты Гераклесом, когда пришли на помощь Авгию. Затем Хлорида вышла за своего дядю Кретея и родила от него троих детей. После смерти Кретея его место занял Пелий, отправивший Ясона на поиски золотого руна. Ясон вернулся из похода с Медеей, и она убедила дочерей Пелия, что нужно его разрубить на части и бросить в кипящую воду, чтобы он таким способом омолодился. Дочери послушались ее и убили отца. Одна из дочерей — Алкеста убежала к Адмету, а тот полюбил ее. Брат Алкесты, Акаст, нашел ее, желая покарать за смерть отца, и потребовал выдачи ее у Адмета, но тот отказался ему ее отдать и т.д.

Зная родословную Алкесты, полезно вспомнить другие разъяснявшиеся нами мифы и провести некоторое сравнение. Мы читаем о разрешении от бремени на берегу реки и видим, кто родился: ребенок с черной кожей. Далее мы видим смерть, и пришедших на помощь Авгию, а значение его фигуры нам известно. Для того, чтобы понять, что имеется в виду в легенде об Эсоне и Пелии, достаточно присмотреться к их сыну и племяннику Ясону. Можно ли лучше избразить растворение материи, чем представить ее разрубленной на части?

Кто это сделал, и в какое время? Сделано это было в то время, когда черное, обозначаемое Пелием и его дочерьми, т.е. летучими частями, отлетает от него. Пелий остается мертвым в котле, т.к. он не может быть больше Пелием, как только утратит черный цвет. Однако у него есть сын, жаждущий отомстить за его смерть, и сын этот преследует Алкесту и разоряет страну Адмета. Брат летучих частей улетучивается вместе с ними, но у него есть твердое начало, но пока он остается летучим, это начало опустошает еще не покоренную, т.е. не ставшую еще летучей страну, а затем и само улетучивается. Далее, как только фиксированное возобладало, оно захватывает Алкесту, забирает ее с собой и убивает, т.е. увлекает ее на дно сосуда, откуда она бежала, когда стала летучей. Тут он ее убивает, она смешивается с разлагающейся материей, что и именуется *смертью*. Она остается там до тех пор, пока Гераклес с помощью Аполлона не победит смерть, т.к. фиксированная златоносная часть, обозначаемая Аполлоном Философов, трудится вместе с мастером, чтобы вывести материю из гниения и выволить ее из рук смерти, т.е. перевести ее

от черного цвета к серому. Это момент, когда Гераклес связывает смерть алмазными цепями и добивается от нее обещания вернуть Алкесту на свет божий, ибо поверхность материи усеяна в это время маленькими блестящими частицами, которые одни Philosophы называли *рыбыми глазами*, а другие — *алмазами*. Божий свет или жизнь, в которую вернулась Алкеста, есть белый цвет, следующий за серым. Ибо белый цвет именуют *светом, жизнью*, как мы уже не раз видели в писаниях Philosophов, упоминавшихся нами в этой связи при толковании других мифов. Смерть отпускает ее только в это время, т.к., согласно Филалету и другим Philosophам, гниение длится до появления белизны.

Таков простой и истинный смысл этого мифа. Напрасно аббат Банье пытается выдать его за подлинную историю. Все те обстоятельства, которые он отбрасывает как мифические, были весьма необходимы для сути аллегории, однако любое событие, не поддающееся объяснению по его системе, становится в его глазах мифом. Очевидно, аббат был очень плохого мнения о правителях, их женах и их детях, живших, по его мнению, в те времена. Все правители были тираны, убийцы, развратники, их дочери — девицы легкого поведения.

А можно ли доверять больше тем авторам, на которых он ссылается? Они не были очевидцами этих событий, и жили много столетий позже после того, как эти легенды стали распространяться. Аббат Банье сам признает, что Павсаний был настолько легковверный, что напичкал свое повествование всем, что узнавал в путешествиях, ничего не подвергая критике и не задумываясь, что из услышанного им правда, а что ложь. Палесфат, почти всегда используется нашим мифологом в качестве боевого коня, но выглядит в его глазах очень ненадежным, привыкшим выдавать собственные мысли за суть мифов, чтобы потом легче объяснять их. Может ли быть прочной система, построенная на столь зыбком основании? Нам достаточно было бы, чтобы ее опрокинуть, сделать лишь несколько замечаний, хотя бы относительно родословной героев легенд. Читателю сразу же бросилась бы в глаза бесконечная череда не выдерживающих критики анахронизмов. Но поскольку в нашу задачу не входит развенчание всех ложных систем, придуманных для объяснения мифов, оставим их другим и вернемся к нашей.

ГЛАВА XXII

Вызволение Тесея из преисподней

Эврисфей не давал Гераклесу ни минуты покоя. Все больше завидуя славе, добываемой героем в непосильных трудах, он стремился дать ему такое задание, из которого тот не смог бы выйти победителем. А посему он приказал ему отправиться в преисподнюю и привести оттуда Кербера. Гераклесу не нужно было повторять дважды, а сложность предстоящего предприятия лишь подзадорила его. К тому же он знал, что в преисподней томится его друг Тесей, и рад был бы освободить его. Но перед тем, как отправиться в путь, он счел уместным расположить к себе богов, а для этого возвел алтарь каждому из них, а именно Юпитеру, Нептуну, Юноне, Палладе, Меркурию, Аполлону, Грациям, Бахусу, Диане, Алфею, Сатурну и Рее. Затем он поехал в Этолию, где испил воды из род-

ника, названного им Летой, потому что вода эта обладала свойством вымывать из памяти все, что человек видел и делал раньше.

Итак, принеся жертвы богам, Геркулес приступил к своему предприятию, и проник в логово Тенара, пересек Ахеронт и другие реки подземного мира, наконец, достигнув, врат обиталища Плутона, где обнаружил чудовищного Кербера с тремя собачьими головами и с туловищем дракона: он был сын Тифона и Ехидны. Поскольку он сторожил вход в этот мир тьмы, то преградил путь в него Геркулесу. Однако его устрашающий вид не остановил Алкида, который одолел его и связал цепями, а сам пошел дальше. В конце концов, он нашел Тесея и спутника его Пирифоя, томившихся там за то, что они попытались похитить Прозерпину. Алкид потребовал, чтобы обоих друзей отпустили в мир живых, но Аид не соглашался отпускать Пирифоя, т.к. тот спустился в преисподнюю по собственной воле. Поэтому Геркулес оставил Пирифоя на том же камне, на котором тот сидел, увел с собой Тесея и доставил Кербера Эврисфею. Переплывая через Ахеронт, он срубил ветку с белого тополя, и сделал себе из нее венок.

Здесь-то аббат Банье и разворачивает все свое умение, призвав на помощь Павсания, Палефата и некоторых других авторов, которых он не опровергает, когда их рассказы совпадают с его системой. Однако, он не замечает при этом, что объяснения его несостоятельны. В главе о Плуtone он называет его правителем Испании, утверждая одновременно, что Аид — это тот же Плутон, но объявляет Аида правителем Эпира. Ранее он писал, что Аид является властитель Теспротии, и которого ранил стрелой Геркулес, когда он мешал ему очищать авгиевы конюшни. Таким образом, Плутон оказывается правителем Испании и Эпира, ибо Теспротия была ее частью. И конечно же, именно эти два государства образовывали подземный мир.

Но как согласовать все это с тем, что наш ученый мифолог говорил о преисподней? По его словам, она была в Египте, и он доказывает, что ее описание, которое нам оставили греки, заимствовано из рассказов египтян, и в их стране находились Ахеронт или Ахерусийское озеро, Стикс, Коцит, судьи: Минос, Эак и Радамант и т.д. Как же можно после этого утверждать, что мир теней Плутона или Аида находился в Греции или в Испании? Почему из стольких путешествий, совершенных Геркулесом и Тесеем в Эпире, ни про одно не говорится, что это было путешествие в преисподнюю, хотя, согласно нашему мифологу, греки считали Эпир преисподней, поскольку этот край лежал ниже других частей Греции, как это, желая выпутаться, предположил ле Клерк. Похоже, что аббат Банье учился у него, ибо тоже высказывает много предположений; но беда в том, что он не предупреждает об этом, а выдает их за точные и признанные факты. Но вернемся к более простым объяснениям, чем те, что предлагает ученый аббат.

Чтобы доказать, что история с возвращением Тесея есть лишь чистая аллегорическая сказка, достаточно было бы убедиться, что Геркулес и придуманный правитель Афин Тесей не могли жить в одно время. Нам возражат, что было, дескать, много Геркулесов, однако это еще требуется доказать. Но, даже, если предположить, что их было трое: египетский, индийский и греческий, то как знать, какой из них совершил этот подвиг? Это не мог быть египетский Геркулес, так как слишком много веков должно было пройти между ним и Тесеем. Это не мог быть и индийский Геркулес, т.к. он относился к тем Дактилям, кому отдали на воспитание Юпитера. Следовательно, это должен быть грек — сын Алкмены. Но

это значит, что Кербер, сын Тифона, жил со времен Осириса и вплоть до фиванского Геркулеса. А каким образом Тесей мог сопровождать Пирифоя, чтобы украсть у Плутона Прозерпину? Согласно Геродоту, мать ее — Церера — это та же Исида, с чем соглашается и аббат Банье, как мы видели в рассказе о похищении Прозерпины. Но если Церера есть Исида, то Тесей и Алкид не могли быть современниками Прозерпины. Между ними должно было пройти несколько веков; к тому же, Прозерпина была египтянкой, а наши герои — греки. Родословная Тесея и Геркулеса, приводимая аббатом Банье, ничего не доказывает. Она тем более ненадежна, поскольку древние, на которых он ссылается, сами трактуют эти факты по-разному.

Плутарх в «Жизни Тесея» и схолиаст Пиндара в оде 17 утверждают, что Алкмена была дочерью Лисидики; Аполлодор¹ заявляет, что она была дочерью Анаксы и т.д. Можно быть уверенным лишь в том, что, согласно легенде, Алкид родился через несколько месяцев после Эврисфея, сына Сфенела; что Амфитрион — брат племянницы Сфенела, Анаксы, — был дядей Алкмены, а Сфенел — дядей Амфитриона. И потому было бы противоестественно и почти невозможно, чтобы Сфенел, двоюродный дед матери Алкида мог зачать Эврисфея в то же самое время, когда Алкмена понесла Геркулеса.

И это еще не все. Мы уже довольно ясно показали в рассказе о Персее, что это аллегорический персонаж. История с Медузой явно вымышлена, как и история освобождения Андромеды. Но если Персей не существовал, то, как быть с Алкеем, мифическим дедом Алкмены и прадедом Геркулеса? Как считать Сфенела — брата Алкея, но также сына Персея и Андромеды, что значит и отца двоюродного деда Алкида? Кроме того, какое время нам могут назвать в качестве точной эпохи, чтобы можно было доказать, что сын Тантала, Пелоп, жил в одно время с Персеем; поскольку в легендах говорится, что Пелопа подали богам на пиру, и Церера съела его плечо? Отсюда, как может быть в таком случае, что сын Персея Местор сочетался с дочерью Пелопса Лисидикой? Если бы аббат Банье и авторы, на которых он опирается при составлении этой родословной, поразмыслили обо всем этом, они не были бы столь уверены в своих высказываниях, а увидели бы в этих легендах лабиринт, из которого им не выбраться. Они не осмелились бы описывать сошествие Тесея в преисподнюю и его освобождение Геркулесом как миф, основанный на подлинных событиях. Это значило бы обманывать себя и других, считая выдумку реальностью.

Одно только путешествие Тесея в Египет, чтобы убить Минотавра, должно было бы заставить усомниться в существовании этого героя, взявшего себе в пример, как говорят, Геркулеса, прослышав о его подвигах. Конечно же, Минотавра во времена Геркулеса не было, ибо Эврисфей не преминул бы отправить Алкида за ним. С другой стороны, нужно полагать, что он все же существовал во времена Алкида, т.к. афиняне обязались отправлять в Минос, на Крит по семь юношей и девушек каждые девять лет в жертву Минотавру, но Тесей не входил ни в первую, ни во вторую группу.

Как же следует понимать Тесея? Достаточно взглянуть на его имя, происходящее от греческого *Θῆς*, *служитель*, *слуга*, и вспомнить, что этим же именем Философы часто называли своего Меркурия. Тревизан в «Философии металлов» именует его «наш красный слуга»; Филалет и многие другие называют его: «наш

¹ См.: Мифологическая библиотека, II, 7, 8. — *Прим. ред.*

резвый слугитель» из-за его летучести. Это хорошо видно и по мифу, где он предстает сыном Нептуна, ибо он — меркуриальная вода. В мифе говорится, что он решил следовать примеру Геркулеса, а это значит, что меркурий действует совместно с мастером. По этой же причине в том же мифе сообщается, что Тесей отправился с Геркулесом воевать с амазонками, а Геркулес отдал ему в награду Ипполиту.

Если последовать за Тесеем, сопровождая его в походах, а затем сравнить их с походами Геркулеса, — то окажется, что они во всем похожи. Он сбросил в море Скирона, топившего в нем путников — это значит, что материя, ставшая фиксированной, как камень, опускается на дно моря Философов под действием ртути, ибо имя Скирон происходит от греческого σκίρος, *каменный*. Геркулес тоже сбросил камень Алкионы. Он отдал Диомеда на съедение его же коням, потому что тот таким же способом убивал забредавших к нему чужестранцев. Идем далее. Тесей задушил Керкиона, а Геркулес — Антея. Тесей убил Полипемона, Синиса, что значит *зло, погибель, порча*; Геркулес убил Бусириса. Тесей убил вора по имени Перифет — сына Вулкана; Геркулес тоже убил разбойника Кака — сына Вулкана. Тесей сражался с кентаврами; Геркулесу пришлось совершить то же самое. И тот, и другой очистили не одну страну от бесновавшихся там чудовищ. И у того, и у другого было по несколько жен, которых они бросали ради других женщин.

Некоторые авторы говорят, что Тесей похитил красавицу Елену, сестру Кастора и Поллукса, дочь Тиндарея.

Легенда о Тесее ставит в затруднительное положение всех мифологов, и аббат Банье признается, что в ней он столкнулся с наибольшими трудностями, чтобы упорядочить хронологию жизни героя. Действительно ли, что аллегорические события были для того придуманы, чтобы составить подлинные жизнеописания? В легендах говорится, что Тесей был в числе аргонавтов. Однако он должен бы быть уж очень старым ко времени этого похода, если, правда, что он похитил Ариадну, ставшую матерью Фоанта и бабкой Гипсипилы, которую полюбил Ясон, отправляясь за Золотым руном. Геркулес был старше Тесея и, значит, в это время достиг глубокой старости.

Утверждается также, что отец Тесея Эгей женился на Медее, а это могло случиться только после того, как Ясон привез ее из Колхиды. Сколько же лет должно было быть Эгею? Но это еще не все. Высказывают мнение, что Тесей был совсем юн, когда Эгей сошелся с Медеей, и что он переделал девушкой, чтобы его не узнала возненавидевшая его Медей. Но как же, в таком случае, мог он похитить Ариадну?

Стремясь как-то выпутаться, аббат Банье предпочитает написать, что Тесей не было в Колхиде с Ясоном, а затем он с уверенностью добавляет, что Тесей дожил до Троянской войны. Он мог бы сказать, что Тесей участвовал в ней, и мы не стали бы с ним спорить. Скажем больше: Тесей участвовал и в походе за Золотым руном, сколько бы времени ни разделяло эти два события. Все это прекрасно согласуется с нашей системой, т.к. поход за Золотым руном и взятие Трои — это лишь два разных иносказания о золотом лекарстве, а Тесей есть один из главных действующих героев для его получения.

Итак, неудивительно, что мифологи тщетно тратят столько сил, дабы придать этим аллегорическим мифам исторический смысл. Им никогда не удастся так подогнать время, чтобы мифы эти приняли вид хронологически связного исторического повествования. На каждом шагу мы сталкиваемся с несоответст-

виями, с каким бы старанием и умением они ни обходили стороной все то, что не поддается объяснению. Аббат Банье хорошо это понимал. И поэтому он не пересказывает миф во всех его тонкостях, а преподносит его по-своему. Следует, однако, отдать должное его ученым изысканиям, хотя можно пожелать, чтобы они оказались кому-нибудь полезными. Но вернемся к Геркулесу.

Зная, что представлял собой дракон Гесперид, Золотого руна, орел, выклевывавший печень Прометея, немейский лев и вообще все дети Тифона и Ехидны, можно легко понять, каким был Кербер или трехглавый пес, стороживший вход в мрачный дворец Плутона или в преисподнюю, *Αΐδων, жгучий, разъедающий*. Она обозначает растворение, происходящее с философской материей в течение времени, когда сохраняется черный цвет, именуемый адептами преисподней. Можно охотно согласиться с аббатом Банье в том, что Кербер был драконом, сидевшим в логове, поскольку Философы обычно называют его драконом, и он у них заперт в логове с одним лишь выходом, т.е. в сосуде Философов. Он служит сторожем у ворот в преисподнюю; и это значит, что для достижения черноты, являющейся началом делания или его ключом, обязательно нужно, чтобы материя растворилась.

Итак, Кербер сторожил вход в преисподнюю точно так же, как дракон Гесперид сторожил вход в сад с золотыми яблоками, а еще один дракон сторожил вход в то место, где было подвешено Золотое руно. Во всех этих легендах все эти чудища находятся у входа. Фламель посадил их даже двое, желая показать борьбу фиксированного и летучего. В других легендах говорится, что Геркулес убил этих драконов, а в данном случае он лишь связал его, чтобы отвести к Эврисфею. Но и то, и другое означает лишь одно, т.е. *связать* или *убить*, что есть метафорические синонимы, которыми также пользовались Философы, дабы указать на фиксированность. Так, Нортон в своем труде «*Crede mihi*» очень часто использует слово *связывать* в этом смысле. Неизвестный автор «*Cato-Chemicus*», Арнольд из Виллановы «Розарий» и многие другие пользуются этим словом. Геркулес же не смог бы отвести Кербера к Эврисфею, если бы не связал его или не убил в философском смысле слова. Мы объясняли уже значение этого действия в пересказе об Эврисфее и эриманфском вепре.

Связав Кербера, Геркулес продолжил свой путь и повстречал Тесея с Пирифоем. Первого он увел с собой, а второго оставил сидеть на камне, на котором его и нашел. Пирифоя справедливо называют сыном Иксиона, т.к. Пирифой значит «беспольная попытка», а известно, что Иксион безуспешно пытался амурничать с Юноной. То же самое случилось и с Пирифоем, когда он решил похитить Прозерпину. Когда он отправился вместе с Тесеем и похитил Елену, судьба распорядилась так, что она досталась Тесею, а Пирифоею не досталось ничего. Тесей лишь пообещал ему свою помощь, если тому вздумается украсть понравившуюся ему женщину. Но Пирифоею все же не удалось похитить Прозерпину, причем Тесей был с ним, и остался бы с ним и в преисподней, если бы не прибыл Геркулес и не забрал его оттуда.

Вот истинная разница между искателем философского камня и настоящим герметическим Философом. Пирифой — это образ первого, Геркулес — образ второго. Иксион, который в легенде назван сыном Флегия, по-гречески *φλέγω, гореть*, смог обнять лишь облако, так как суфлерам достается только дым, превращающий в облако результаты их трудов. Суфлер, — это сын Иксиона, также предпринимает бесполезные усилия, хотя и работает иногда с нужной материей, потому что мало иметь в спутниках Тесея, но необходимо, чтобы с тобой был и Геркулес.

Понтан в «Epistola» признается, что очень долго сам был настоящим Пирифоем, блуждал двести раз, хотя и работал с правильной материей, а все потому, что не знал он об огне Философов, пока, в конце концов, не прочитал о нем в трактате Артефия. Если кто материю сожжет, то станет Иксионом, сыном Флегия, и получит только дым, т.е. окажется Пирифоем. А результатом этого станет бесформенная и твердая, как камень, глыба, и человек тот останется с ней, как остался Пирифой на камне, где его и увидел Геркулес.

У истинного же мастера все происходит иначе. Когда он работает с настоящей материей, это значит, что он возвращает Тесея в мир живых (т.е. выводит его из черноты и доводит ее до белого цвета), когда свяжет Кербера. Об этом-то и говорится в мифе, когда там написано, что Геркулес сделал себе венок из листьев белого тополя, т.к. листья этого дерева кажутся белыми сверху и темными снизу, что является подлинным символом материи Философов, поверхность которой начинает белеть, когда нижняя сторона еще черна. Геркулес отвел затем Кербера к Эврисфею, как доставил он ему раньше немейского льва (брата Кербера), коров Гериона и других чудищ, о которых уже было сказано. В этом смысле к невежественным делателям относятся такие стихи Вергилия:

...в Аверн спуститься нетрудно,
 День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
 Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться –
 Вот что труднее всего! Лишь немногим, кого справедливый
 Царь богов возлюбил, вознесенным доблестью к звездам
 Детям богов удалось возвратиться оттуда, где темный
 Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая.

Энеида, VI, 126–132

Можно найти истинную материю Философов, скрытую ими под столь разными названиями, что распознать ее удастся только по свойствам, на которые они указывают. Прилежный мастер, стремящийся к герметической науке, должен поэтому внимательно относиться к значению сих двусмысленных названий, употребляемых Философами в их трудах. Часто, как замечает д'Эспанье, они изъясняются так, чтобы их поняли в противоположном смысле, но не для того, чтобы исказить или подделать истину, а для того, чтобы запутать ее и скрыть. И если уж они что и скрывали, так это, в особенности, золотую ветвь, которая потребовалась Энею, чтобы сойти в преисподнюю, ветвь, упоминаемую Вергилием:

Детям богов удалось возвратиться оттуда, где темный
 Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая...

 Взглядом кроны деревьев обыщи и ветвь золотую
 Рви безоружной рукой: без усилия стебель поддастся,
 Если судьба призывает тебя; если ж нет — никакого
 Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом.
 Знай и о том, что пока ты у нашего медлишь порога.

Вергилий сам пишет об этих уловках и двусмысленностях:

«...Или же ты не узришь для живых недоступное царство –
 Сень стигийских лесов». И уста сомкнула Сивилла.

Энеида, IX, 130–155

Если внимательно почитать строки поэта о сошествии его героя в ад, а затем сравнить с тем, что мы говорили до сих пор, то мы увидим здесь полное соответствие. Вергилий показывает всех вымышленных героев мифов, объяснявшихся нами, и располагает их на пути Энея в мифических аллегориях, в зависимости от места, которое они занимают в последовательности операций.

Недостаточно, однако, знать материя, нужно также уметь с ней работать, а для этого требуется Алкид, а не Пирифой, ибо Ясон не осмелился бы отправиться за Золотым руном, если бы тот не был рядом с ним, как верно подметил Августин:

Второй золоченый, как водоворот, означает соблазн
Как начало ошибки, так возможно погружение в пучину;
Ибо тяжесть его глубоко проникает.

Chrysop. L. 2

Вергилий как будто хочет указать на природное свойство земли Философов и на то, как ее следует обрабатывать, когда пишет:

Ранней весною, когда от седых вершин ледяная
Льется вода, и земля под Зефиром становится рыхлой
Пусть начинает стелеть, со вдавленным двигаясь плугом,
Вол...
Нива ответит потом пожеланьям...

Георгики, I, 43–47

Мы приводим эти стихи в применении к данному месту делания только со слов д'Эспанье, а уж этот Философ знал, как правильно применять их.

На этом мы закончим повествования о Геракле и обойдем молчанием массу других приписываемых ему подвигов, т.к. их нетрудно будет объяснить теми, о которых рассказано выше. Мы видели образ мастера в естественном виде, уверенность и твердость духа, которыми он должен обладать, терпение при ведении операций, и работу, которую он должен проделать. Ведь речь идет не о какой-то незначительной тайне, а о такой, которая заслуживает трудов и лишений. Треви-зан искал ее с девятнадцати лет и до шестидесяти двух. Раймунд Луллий никогда бы в нее не поверил, если бы Арнольд из Виллановы не доказал ему ее существование своими опытами, когда почувствовал, что не может ответить на утонченные аргументы и ученые замечания Раймунда Луллия. Сам Авиценна говорит, что он израсходовал больше масла в ночном учении ради постижения этого искусства, чем другие выпили вина. Он приводит три доказательства ее истинности и существования, последнее из которых написано такими словами:

Если бы я не видел и не касался золота и серебра Философов, я сказал бы, что магистерий Философов — это ложь; но поскольку я его вижу, то я верю и знаю, что оно истинно и действительно. (*De anima*)

Калид же поучает:

Уразумейте свойство, ценность магистерия, благодать, оказанную вам Богом, давшим вам знание о нем, и трудитесь. Бог дарует вам это не ради вашего тщеславия, разума или хитроумия; он благодетельствует так тем, кого любит. Трудитесь же во славу его, поклоняйтесь Творцу вашему, оказывающему вам столь великую благодать.

Книга шестая

ИСТОРИЯ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ВЗЯТИЯ ГОРОДА ТРОИ

В течение столетий на этот миф смотрели как на самое выдающееся событие древности. Два величайших поэта — Гомер и Вергилий воспели его со всем искусством, на которое были способны, и это не просто слова: первый сделал его темой своих «Илиады» и «Одиссеи», второй придумал продолжение, послужившее сюжетом его прекрасной «Энеиды».

Большое количество городов, которые, по преданию, были построены спасшимися от гибели троянцами, подлинность существования таких городов и множество событий, описанных поэтами, казалось бы, так прочно доказывают реальность этой истории, что трудно осмелиться усомниться в ней, а тем более отрицать. Как верно заметил аббат Банье, Вергилий во второй книге «Энеиды» так описал Трои, что когда ее читаешь, то кажется, будто ты сам попал в этот город, видишь его улицы и главные дворцы, можешь гулять там, не боясь заблудиться. О Трое писали и многие другие: Квинт Калабер, Колут, Трифиодор, Дарет Фригийский, Тит Ливий, Дионисий Галикарнассский. А Диктис Критский утверждает даже, что сам был в Трое. Можно ли не верить стольким свидетельствам? Но, невзирая на все эти доказательства, история эта выглядит столь сказочно и так сильно напоминает вымысел, созданный для проведения досуга, что никак не запретишь себе сомневаться, если присмотришься к описываемым деяниям пристальнее.

Первым говорил о ней Гомер, а все остальные писавшие о Трое, будь то историки или поэты, как бы копируют его, по крайней мере, в главном, приукрашивая свои рассказы деталями, доверившись собственной фантазии. Сколько бы Диктис Критский и Дарес Фригийский не говорили, что бывали в Трое, никто не желает верить им на слово. Аббат Банье, в этом отношении столь же недоверчивый, сколь и другие, и, посему обязан, не доверять и другим их утверждениям, но без зазрения совести ссылается на их авторитет, когда это подходит его системе. Впрочем, каждый может верить или нет. Можно верить, и это никого ни к чему не обязывает, а можно и не верить. Оставим же свободу выбора читателю. Он сам решит, ознакомившись с нашими доводами, соглашаться с нами или нет в том, что вся эта история — лишь аллегория.

ГЛАВА I

Первый довод недоверности истории Троянской войны О происхождении Трои

Основателем Троянского государства считают Дардана, хотя и не существует доказательств его жизни. Из его жизнеописания следует, что он взял в жены дочь правителя Скамандра, родившую ему Эрихтона, унаследовавшего государство после Дардана. Наследником Эрихтона стал Трос, далее правил его сын, Ил, оставивший престол Лаомедонту. Именно при Лаомедонте Юпитер прогнал с небес Аполлона и Нептуна за то, что они намеривались связать его с помощью других богов и богинь. Они отправились к Лаомедонту и взялись построить за вознаграждение стены Трои. Согласно одному преданию, все камни были одинаковы и укладывались сами собой под звуки лиры Аполлона. Некоторые, и в том числе Гомер, утверждают, что стены города возвел Нептун, пока Аполлон пас стада Лаомедонта. Овидий поддерживает первую легенду.

Вергилий пишет¹, что стены Трои возвел Вулкан. В мифе говорится также, что Лаомедонт отказался выдать Нептуну обещанное вознаграждение, что Аполлона он как бога почитал, а Нептуна презирал; и тогда Нептун разгневался и отомстил ему, настав на его страну морское чудище, принявшееся разорять земли Трои. Об этом мы уже упоминали в рассказе об освобождении Алкидом Гесионы.

Итак, перед нами три основателя Трои, три бога: Аполлон, Нептун и Вулкан, т.е. персонажи мифические, которые никогда не существовали ни как боги, ни как люди. Можно, тем не менее, приписывать создание города Трои каждому из них в отдельности и утверждать, что все эти три бога потрудились там, так как все они необходимы для совершения герметического делания, если вспомнить все, о чем говорилось ранее. Вулкан — это огонь Философов, Нептун — летучая меркуриальная вода, а Аполлон — фиксированная часть или золото Мудрых. Не стоит удивляться тому, что, как говорится в предании, камни укладывались в стены сами собой под звуки лиры Аполлона. Из легенд известно, что Орфей передвигал камни и деревья звуком такого же инструмента и таким же способом он управлял кораблем «Арго». Мы видели уже, что части, образующие магистерий Мудрых, похожи одна на другую и объединяются в фиксированную массу, именную Аполлоном или солнцем Философов, при этом фиксированная часть служит своего рода магнитом, притягивающим летучие части, чтобы присоединить их к себе и образовать фиксированное целое, т.е. камень. Именно из камня построена Троя, служащая его символом. По этой же причине в легенде говорится, что построена она была при правлении Лаомедонта, и что на него работали названные нами боги, а все потому, что целью операций есть сам Лаомедонт, озабоченный «главным камнем», «камень большой силы» — по-гречески *λῆας, ка-*

1

... Кто из богов от такого избавил пожара
Тевкров? Кто уберег корабли от Вулкановой силы?

Энеида, IX, 77–78

мень и *ме́до*, я *правлю*. По этому вымышленному правлению и этой силе Лаомедонта и присвоили титул правителя.

Если взглянуть на тех вымышленных правителей Трои, что предшествовали Лаомедонту, то в их именах мы неизбежно найдем новое доказательство того, что и их жизнеописание — также чистая аллегория магистерия Философов. Дардан, считающийся первым правителем и основателем Дардании, получившей впоследствии название «Троя», означает по-гречески *δαρδάνω*, *быть в покое, спать*. Ибо помещенная в сосуд в начале делания материя долго остается в покое и без движения. По этой причине Философы называют период, в течение которого она находится в таком состоянии, *зимой*, поскольку Природа в эту пору года как бы пребывает в спячке. Филалет говорит, что во время этой *первой* операции, называемой зимой, материя выглядит словно мертвая, меркурий замирает, проявляется чернота. Но как только она забродит и начнет растворяться, — от Дардана рождается Эрихтоний, означающий по-гречески *ἐρείκω*, *растворенный, разбитый на куски*. Измельченная и растворяющаяся материя обозначается Тросом, *τρώσκω* от *τεῖρω*, *ломать, дробить* и *τρώσς*, *дозировать* — сыном и наследником Эрихтония. Растворившись, материя становится похожей на грязь и гниль, и тогда на смену отцу своему, Тросу приходит Ил, а его имя *Ἰλῦς* означает *трясина, отбросы*, отчего Философы называли грязью, навозом свою материю в таком состоянии гниения. Ил стал отцом Лаомедонта, в правление которого Аполлон возвел стены Трои, так как материя начинает фиксироваться и превращаться в камень Философов после окончания процесса гниения.

Такова истинная подоплека происхождения Трои, история ее правителей и основателей. Поэтому неясно, на чем основывается аббат Банье, заявляя, что Дардан правил шестьдесят два года, Эрихтоний — сорок шесть, Ил — сорок, а Лаомедонт — двадцать девять. Единственно, что можно утверждать наверняка, даже, если принять его систему, так это то, что город, каким изображают Трою в момент ее падения, должен был быть уже весьма известным ранее. Но об этом нет никаких упоминаний, вплоть до того момента, как туда отправился Геракулес, чтобы вызволить дочь Лаомедонта Гесиону.

Как могло случиться, чтобы город оказался столь населенным и столь известным в такой короткий срок, и чтобы падение его последовало сразу за рождением? Можно ли было собрать достаточно людей, дабы противостоять всем объединившимся силам Греции? Даже если бы там собрались все жители Фригии, они не смогли бы продержаться и полгода, а тем более десять лет, против столь сильного и многочисленного войска.

Чтобы доказать недостоверность приводимых аббатом Банье сведений (несомненно почерпнутых у древних историков, не всегда внимательно относившихся к тому, что они описывали), достаточно их сопоставить. Аббат пишет, что у Троса было три сына, один из которых — Ганимед — был похищен Танталом, что Тантал пошел войной на Троса, а после его смерти Ил продолжил войну против сына Тантала, Пелопса. Он пишет также, что всего за тридцать пять лет до Троянской войны при Приаме город был опустошен Геракулесом, убившим Лаомедонта и захватившим Гесиону. Мы читаем у него, что Тантал жил за сто тридцать лет до взятия Трои, что у Пелопса был сын Атрей, ушедший к Эврисфею и взявший в жены его дочь Аэропу, а незадолго до Троянской войны еще и сменивший его на троне. Аббат Банье пишет, что сын Персея, Местор, женился на доче-

ри Пелопса Лисидике, что брат Местора Сфенел женился на другой дочери Пелопса — Никиппе, родившей ему сына Эврисфея.

Понял ли читатель хоть что-нибудь в этой галиматье? Можно ли всерьез верить, что сын Пелопса Атрей ушел к Эврисфею, женился на его дочери и стал правителем после того, как его убил сын Геркулеса Гилл? Возможно ли, чтобы Пелопс напал на Ила, если, согласно Плутархову «Тесею», Пелопс был прадедом Геркулеса, который убил сына Ила Лаомедонта? И если даже предположить, что Анаксо — дочь брата Сфенела Алкея — была бабушкой Геркулеса, мы столкнемся с подобной же трудностью.

Впрочем, неувязка эта не единственная. Как утверждает наш ученый мифолог, Геркулес разорил город Трои, и убил Лаомедонта за тридцать пять лет до разрушения Трои греками. Сыновья Геркулеса были еще юными, когда умер их отец. Они выросли и при поддержке Тесея, родственника и друга Геркулеса, пошли войной на Эврисфея, а Гилл убил его собственной рукой. Взявший в жены дочь Эврисфея, Аэропу, Атрей занял и трон его. У него было два сына — Менелай и Агамемнон, первый из которых женился на Елене, а второй на Клитемнестре до Троянской войны, и во время осады Трои они командовали войском осаждавших.

Нужно признать, что аббат Банье умеет делать свое дело хорошо и быстро. Ему потребовалось всего тридцать пять лет на создание, по меньшей мере, двух поколений героев; по его расчетам, поход за Золотым руном состоялся лишь за тридцать пять лет до Троянской войны, это, учитывая, что Геркулес оставил аргонавтов и отправился вызволять Гесиону. После этого похода на Трои Геркулес успел совершить за свою жизнь еще немало других подвигов. Он освободил Тесея из преисподней, как пишет аббат Банье:

Взяв много городов и выполнив труды, предписанные Эврисфеем, влюбился затем в дочь Эврита Иолу, а когда тот отказался отдать ее ему в жены, он покорила Эхалию, похитил деву, а правителя убил.

Итак, после этого похода Деянира и послала Геркулесу плащ Несса, и он умер, когда надел его на себя. Сын его Гилл был в то время еще совсем юн, но когда он вырос, то напал на Эврисфея и убил его в бою. Место Эврисфея занял Атрей, у которого родились два сына: Менелай и Агамемнон. Когда братья тоже выросли, Агамемнон унаследовал трон Атрея, женился, и у него родился сын Орест. Агамемнон становится во главе войска, собранного со всей Греции идти против Трои, — и все это происходит за тридцать пять лет. Однако вся ловкость и все комбинации мифологов идут прахом, когда они пробуют согласовать миф с какой-нибудь исторической системой, которая никогда не входила в замыслы авторов этих мифов. Достаточно приблизиться к тем корням, от которых пошли все эти ветви героев, чтобы убедиться в их мифологическом происхождении. Но мы приглядимся пристальнее к тем, кто напал на Трои, и кто ее защищал.

ГЛАВА II

**О мифологическом происхождении осаждавших
Трою и тех, кто ее защищал**

Здесь следовало бы перечислить всех героев, чьи имена и удивительные деяния описывает Гомер, Вергилий и другие. Нужно было бы познакомиться еще и с их родословными. Но для того, чтобы показать их мифическую суть, достаточно обратиться к корню их генеалогического древа. Нет ни одного из них, кто не происходил бы от Юпитера, Нептуна или какого-либо иного бога. Самый знаменитый из героев — Ахилл, был сыном Пелея и богини Фетиды. Отцом же Пелея был Эак, а матерью — нимфа Эндейда. Сам Эак был сыном Юпитера и Эгины. Фетида, как пишет Гесиод в своей «Теогонии», была дочерью Аполлона и Геи; Гомер же говорит, что она была дочерью Нереея, а тот — сыном Океана. Юпитер влюбился в Фетиду, но, узнав от Прометея, что, согласно предсказанию оракула Фемиды, родившийся у Фетиды сын станет могущественнее своего отца, Юпитер отдал ее в жены Пелею. Фетиде же — богине с серебряными ногами и дочери старика Моря, как пишет Гомер¹, очень не понравилось, что Юпитер отверг ее, да еще отдал за смертного в жены. Она пожаловалась Вулкану, чрезвычайно почитавшему ее за то, что она оказала ему весьма хороший прием, когда он был согнан с Олимпа, и затем пришел к ней. Гомер все время изображает ее богиней, и все, что он говорит о ней, особенно в двадцать четвертой книге «Илиады», вполне соответствует тому, что происходит в операциях магистерия.

Он вводит еще и Аполлона², жалующегося Юпитеру на то, что Ахилл захватил тело Гектора и не хочет отдавать. Ему отвечает Юнона: Гектор вскормлен молоком смертной женщины, а Ахилл — сын богини, которую я сама вырастила и отдала в жены Пелею — человеку смертному, но любимому богами. Дабы оказать ему честь, все были на их свадьбе, и ты сам, коварный, был на ней вместе с другими. Аполлон отвечает ей: Ахилл так кичится этим, что потерял и жалость, и стыд. Вы же все потворствуете этому тщеславному и высокомерному Ахиллу, утратившему всякое сострадание и совесть. Отняв жизнь у благородного и великодушного Гектора, он привязал его тело к колеснице, и влачил вокруг могилы своего друга Патрокла, вместо того, чтобы отдать его любящей супруге, отцу его Приаму, матери, сыну, народу его, оплакивающим его и желающим в утешение, хотя бы увидеть его, пусть и мертвого.

¹ ...И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на просторном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покори́л человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце.

Илиада, XVIII, 428.

² Илиада, XXIV, 40 сл.

Тут вступает Юпитер:

Гера, супруга! Не гневайтесь вовсе на жителей неба.
 Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор
 Меж сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
 Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
 Жертвенник мой никогда не скудел в приношениях обильных
 Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
 Но похищение оставим; возможности нет от Пелида
 Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
 Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
 Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
 Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
 Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит.

Илиада, XXIV, 65–76

Тут же в путь отправилась Ирида. Она спустилась на черное море, и все бо-
 лото при этом всколыхнулось. Она нашла Фетиду в пещере, где та сидела в кругу
 других морских богинь и плакала о несчастной доле своего сына, который дол-
 жен был погибнуть далеко от своей отчизны, в *каменистой* Трое. Встань, Фети-
 да, молвила Ирида, тебя требует к себе Юпитер, чтобы поговорить с тобой. Что
 нужно от меня этому великому богу? — отвечала та. Я не смею больше бывать у
 бессмертных: сердце мое разрывается от боли, и душа моя омрачена печалью.
 Но все же я пойду к нему, коль он того требует. С этими словами Фетида, величе-
 ственнейшая из богинь, взяла черное покрывало, и *не было в мире одеяния чер-
 ное этого*. Она ушла вслед за Иридой, а вокруг них простиралось море. Едва до-
 стигнув берега, они взмыли в небеса и встретили там Сатурна и других богов,
 сидевших вокруг него. Фетида села подле Юпитера, и Юнона поднесла ей *зало-
 тистый* напиток в красивом сосуде, произнося при этом слова утешения. Фети-
 да утолила жажду и вернула ей сосуд.

Затем заговорил отец богов и людей Юпитер, и вот, что он сказал: богиня
 Фетида, вы прибыли на Олимп в печали: я знаю, что вы удручены. Я разделяю ва-
 шу печаль, но послушайте, зачем я призвал вас к себе. Вот уже девять дней как бо-
 ги спорят о теле Гектора и об Ахилле, разрушителе городов. Мне говорят, что
 нужно забрать тело тайно, но из уважения, которое я питаю к вам, и из чувства
 дружбы, которое я буду хранить всегда, я хочу оставить Ахиллу возвращение те-
 ла, как достойный его поступок. Идите же немедленно и отправляйтесь к сыну ваше-
 му, скажите ему, что бессмертные боги и я, больше всех других, гневаемся на не-
 го за то, что он держит тело Гектора на своем *черном судне*, и не хочет отдать его
 даже за предложенный выкуп. Если он почитает меня, пусть отдаст тело. Я пош-
 лю Ириду к Приаму сообщить, что он должен сам пойти к кораблям греков и по-
 просить выдать ему тело, да захватить с собой дары, что понравились бы Ахиллу.

Сереброногая Фетида повиновалась, спешно спустилась с Олимпа; а, достиг-
 нув шатра своего сына, нашла его там проливающим слезы в кругу своих товари-
 щей, готовивших завтрак. Они для этого зарезали большую овцу с красивой и гу-
 стой шерстью. Фетида присела подле сына, обняла и приласкала его, а затем
 молвила: «До каких пор, сын мой, будете вы предаваться печали, грызущей ваше
 сердце, отказываясь от еды и сна? Я — ваша мать, и вы не сомневайтесь, что я ра-
 довалась бы, если б вы женились, но рок грозит вам скорой и жестокой смертью.

Послушайте же меня: я обращаюсь к вам от имени Юпитера. Он послал меня объявить вам, что бессмертные боги очень сердиты на вас за то, что вы не желаете взять выкуп за тело Гектора и держите его на ваших черных кораблях. Послушайтесь же меня, отдайте им тело, а себе возьмите выкуп».

Ахилл послушался уговоров матери, и сказал, что отдаст тело Гектора, как только принесут выкуп. Ирида тоже выполнила свою миссию: уговорила Приама пойти к Ахиллу с дарами, взяв с собой только одного оруженосца. Гекуба всеми силами пыталась отговорить Приама, но он не стал ее слушать, а осыпал упреками. Он взял с собой в дар Ахиллу двенадцать красивейших плащей, двенадцать великолепных ковров, двенадцать туник и десять талантов золота. Собравшись, таким образом, он пустился в путь. Увидев его на дороге, Юпитер сказал сыну своему, Меркурию: Меркурий, вам больше всего по нраву делать добро смертным; пойдите же и отведите старого Приама к кораблям греков, но сделайте это так, чтобы никто его не видел, пока он не доберется до шатра сына Пелея.

Меркурий надел свои сандалии из амброзии и золота, носившие его по морю и суше; не забыл он захватить и своего кадуцея. Обернувшись красивым стройным юношей величественного вида, он помчался в Трою, и нашел там Приама с сопровождавшим его воином. Те же удивились такой встрече, и испугались, но Меркурий успокоил их и молвил: Куда идете вы в ночной тиши? Разве не боитесь вы попасть в руки врагов ваших греков? Если кто-нибудь из них увидит вас с вашими дарами, то, как вы, уже немолодой человек, сопровождаемый одним лишь стариком, как же сможете вы защититься, если на вас нападут? Меня же не бойтесь: я пришел, чтобы защитить вас, а не чтобы нанести обиду, ибо я почитаю вас, как своего отца. По вашему виду и из ваших речей я вижу, отвечал Приам, что кто-то из богов позаботился обо мне, коль скоро они послали вас мне в провозатые. Но сделайте мне удовольствие, юноша, скажите, кто вы и кто ваши родители. — Я слуга Ахилла, ответил Меркурий, и прибыл с ним вместе на его корабле. Сам я из рода Мирмидона, а отца моего зовут Поликтор. Он очень богат и близок вам по возрасту. У него шестеро сыновей, а я — *седьмой* (Седьмой металл). Мы все семеро бросили жребий, чтобы знать, кому отправляться с Ахиллом, и жребий пал на меня. Приам спросил у него, что случилось с телом Гектора, и Меркурий сообщил ему столь хорошие вести, что Приам подарил ему красивый кубок, и попросил вести его. Меркурий отказался от подарка, но сказал, что будет сопровождать его по морю и по суше, даже до самого *Арго*. Молвив так, он вскочил в колесницу Приама, схватил вожжи и стал править лошадьми.

Наконец они достигли Корабельной башни. Стража была занята ужином, и Меркурий, усыпляющий тех, кто бодрствует, и пробуждающий спящих, погрузил их в глубокий сон. Затем он открыл ворота и провел Приама с его дарами. Они подошли к высокому шатру Ахилла, который Мирмидоны соорудили ему из словых бревен, покрыв его срезанным на лугу камышом и окружив частоколом. Ворота были закрыты толстым еловым засовом и охранялись тремя греками. Там было также три стены.

В то время Ахилл находился в шатре один. Меркурий, творящий удобства жизни, открыл старику ворота и ввел его вовнутрь с дарами. Затем он сказал ему: я — Меркурий, бессмертный бог, посланный Юпитером, чтобы служить вам провозатым и сопровождать вас. Дальше я с вами не пойду, а вернусь отсюда к себе, ибо не подобает мне представать перед Ахиллом, дабы он не увидел, что бес-

смертный бог помогает человеку. Вы же войдите, поцелуйте колени Ахиллу и попросите его отдать вашего сына.

С этими словами Меркурий унесся на Олимп. Приам сошел с колесницы, оставив на ней слугу своего, Идея. Войдя в шатер Ахилла, он бросился к его ногам, и стал просить о Гекторе. Когда они обменялись друг с другом речами, Ахилл, приняв дары Приама, отдал ему тело сына. После этого они условились о перемирии на двенадцать дней. Приам отнес тело Гектора в свою колесницу с помощью Меркурия и, вернувшись в Трою, передал его в руки троянцев, устроивших ему похороны.

Девять дней они в Трою множество леса возили;
В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра положили и бросили в пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К сруб великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собрались все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным¹ вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.

Илиада, XXIV, 784–796

Из сказанного сразу видно, что, описывая историю Троянской войны, Гомер изображал Фетиду лишь как богиню, а не как обычную женщину, и так он и воспринимал ее, как следует делать и нам, то есть мифическим созданием. Таким образом, он представляет ее дочерью морского бога Нерея, т.к. Νηρός означает глубокое и влажное место, а сосуд Философов — это тоже глубокое место, где рождается Фетида, и которую греческие поэты называли землей, а латинские — морем, поскольку имя это значит «кормилица». Юнона хвалилась, что вскормила ее, вырастила и выдала за Пелея. Это значит, что земля Философов, т.е. Фетида, пробыв какое-то время в сосуде, сочетается с чернотой, т.к. Пелей происходит от греческого слова *πέλις*, *почерневший*. Из этого союза возник Пирисой — «выходящий из огня целым и невредимым», ибо огонь материи, обращенной в меркурий Философов, выдерживает самое сильное пламя. В дальнейшем он взял себе имя Ахилла — имя гордого и надменного воина, не боявшегося никаких военачальников, греков и троянцев. Он мог себе это позволить, т.к. был неуязвим, как мы только что объяснили. Ахилл влюбился в Брисеиду, т.е. отдых, так как βρίςω по-гречески *я отдыхаю*, поскольку меркурий Философов стремится быть зафиксированным.

То, что мы пересказали из последней книги «Илиады», ясно показывает тем, кто читал труды Философов, что Гомер имел в виду лишь великое дело, поскольку он размышляет, как адепты, изъясняется, как они, и дает точное описание того, что происходит в операциях при получении эликсира, завершающих

¹ У Пернети: *черным вином*. — *Прим. ред.*

делание. И он так же завершил свою поэму. Напомним же некоторые детали, не отклоняясь от темы нашего повествования.

Юпитер посылает Ириду к Фетиде, и Ирида летит к *морю черному*: это — море или растворяющаяся материя Философов, достигшая черного цвета. Ирида находит Фетиду или землю Философов в пещере, т.е. в сосуде Философов. Ирида представляет различные цвета, появляющиеся при ферментации и растворении. Фетиде плакала, т.е. материя превращалась в воду. Выслушав Ириду, Фетиде берет черное покрывало и надевает на себя одежды, чернее которых нет ничего в мире. Философы называют черноту, которой достигает в этот момент материя, черное чернее самой черноты — *nigrum nigrus nigro*. Мы приводили в этой связи уже немало текстов Философов.

Фетиде отправилась на Олимп вслед за Иридой, причем и та, и другая были окружены морем. Это значит, что начинается сублимация материи. Море — это меркуриальная вода, над которой островом возвышается земля. Таким островом был Крит, где родился Юпитер, Делос, где на свет появились Феб и Диана.

Итак, Ирида с Фетидой являются пред очи Юпитера, и Фетиде видит там Сатурна. Это — Сатурн Философов, о котором мы столь часто упоминали.

Фетиде предстает перед богами с печальным лицом и в траурных одеждах, так как чернота есть символ траура и скорби. Юпитер требует от нее отправиться к Ахиллу и убедить его отдать тело Гектора Приаму. Она летит к нему, а в это время Ирида уговаривает Приама идти к Ахиллу вдвоем с Идеем. Перед тем, как с материи сходит черный цвет, она снова принимает различные проявившиеся еще раньше цвета. Фетиде удастся уговорить сына. Приам пускается в путь вместе с Идеем (т.е. по-гречески *ιδος, пот*, т.к. материя словно истекает потом во время растворения). Приам встречает Меркурия, и тот сам правит его колесницей. Это значит, что меркурий Философов руководит деланием, операции которого совершаются благодаря ему.

Меркурий надевает свои сандалии, потому что он летучий. Они несут его в воздухе по ветру, о чем говорит Гермес в «Изумрудной скрижали»: «*Ветер несет его, воздух носил его в чреве своем*». Меркурий пробуждает спящих и усыпляет бодрствующих, т.к. он делает летучим фиксированное и фиксирует летучее. Он открывает ворота и выпускает Приама с его дарами: ведь он — универсальный растворитель, а растворять, по словам самих химиков, значит открывать.

Он покидает Приама, а тот входит в шатер и целует колени Ахилла: фиксированное соединяется с фиксированным, а растворитель все еще летучий. Приам вручает свои дары, состоящие из ковров, тканей и золота: это те же различные меняющиеся цвета. Золото — это он сам или золото Философов. Ахилл выдает ему тело Гектора, завернув его в два самых красивых из принесенных ему ковров; это есть два главных цвета: белый и красный.

Приам возвращается в Трою с телом сына, и ожидавший его Меркурий снова правит колесницей, но что это значит, мы уже объясняли выше. Они въезжают в Трою; там раскладывают большой костер и сжигают тело Гектора, после чего собирают его белые кости: это — белый цвет или белое золото Философов. Троянцы складывают их в золотой ковчег и покрывают его пурпурным ковром: это завершение эликсира, другими словами, это достижение материей последней степени фиксированности и цвет амаранта, или полевого мака, как говорят Философы.

Этого объяснения было бы более чем достаточно для человека, не ослепленного предубеждением. Нужно лишь раскрыть глаза, дабы увидеть истину и простоту. Однако, мы имеем дело с людьми предубежденными, которым требуется больше одного доказательства, поэтому мы и не устаем их представлять. Мало показать, что Фетида, вымышленная личность; нужно убедить читателя, что мифичны также и Пелей, и другие.

Пелей, как утверждают¹, был сыном Эака и нимфы Эндей — дочери Хирона. Как могло случиться, что Эак взял в жены дочь Хирона, если Хирон, сын Сатурна и нимфы Филиры, родился задолго до того, как Юпитер искалечил Сатурна? Если даже считать их всех реальными лицами, то нельзя отрицать, что от рождения Хирона до Эака прошел не один век; значит, дочь сего кентавра должна была быть тогда весьма старой. Итак, отец ее это фигура вымышленная и, следовательно, дочь тоже, как, впрочем, и Эак, поскольку его называют сыном Юпитера и нимфы Эгины, после ночи с которой Юпитер вынужден был превратиться в огонь. В мифе говорится даже, что когда Сизиф заметил, как Юпитер приходил к Эгине, он сообщил об этом ее отцу Асопу. Чтобы уберечь ее от гнева родителя, Юпитер превратил ее в остров, носящий ее имя. После этого превращения Эгине пришлось разродиться Эаком, и это выглядело бы удивительно, если пытаться объяснять эти события с точки зрения истории, но если посмотреть на них аллегорически, то это событие будет не более удивительным, чем рождение Адониса вслед за превращением его матери в дерево мирры.

Не лишним будет напомнить, что все герои, о которых уже говорилось или будет здесь говориться, не только представляют потомков вымышленных и мифических богов, но и имеют между собой то общее, что в их родах обязательно встречаются нимфы, дочери Океана или реки. Их родословные не идут дальше пяти-шести поколений и почти все приводят к Сатурну — сыну Неба и Земли. Мы расположили в специальной таблице родословные греческих героев и троянских вождей.

Парис и Гектор Приам или Подарк Лаомедонт Ил Трос Эрихтоний Дардан Юпитер. Электра, дочь Океана и Фетиды	Елену родила Леда, жена Тиндарея, вступившая в связь с Юпитером, обернувшимся лебедем Леда родила одновременно два яйца: из одного вышли Поллукс и Елена, а из второго — Кастор и Клитемнестра	Агамемнон и Менелай Атрей или Фиест Пелопс Тантал — сын нимфы Плутон Юпитер Сатурн
---	---	--

1 См.: Описание Эллады, II, 29, 2; Мифологическая библиотека, III, 12, 6; *Пиндар*. Немейск, V, 13. — *Прим. ред.*

Мемнон Тифон и Аврора Лаомедонт Ил Трос Эрихтоний Дардан Юпитер и Электра Сатурн	Патрокл Менетий Актор Нептун <hr/> Патрокл Менетий Иапет Небо и Земля (по Гесиоду)	Ахилл Пелей и Фетида Эак Юпитер и Эгина Сатурн
Аякс, сын Оилея, один из аргонавтов	Аякс, сын Теламона Эак Юпитер и Эгина Сатурн	Диомед Тидей Эней Протей, в Фивах <i>Илиада</i> , XIV, 115
Одиссей Лаэрт Акрисий	Паламед Навплий Нептун и Амимона Сатурн	Эврипил Телеф Геркулес Юпитер и Алкмена Сатурн
Лаокоон Приам Лаомедонт Ил Трос Эрихтоний Дардан Юпитер и Электра Сатурн	Протесилай Ификл Амфитрион Алкей Персей Юпитер и Даная Сатурн	Филоктет Пеан или Аполлон Юпитер Сатурн
Нестор Нелей и Хлорида Нептун и Тир Сатурн	Идомений Девкалион Прометей Иапет и Климена Небо и Земля <i>Гесиод</i>	Идомений Девкалион Минос Юпитер и Европа Сатурн <i>Илиада</i>

Вот главные герои греков и троянцев. Мы не упоминаем здесь Аскалафа и Иалмена — сыновей Марса и Астиохи, Демофонта — сына Тесея, Эвриала — сына Мекистея, Тевкра — сына Теламона, Схедия и Эпистрофа — сыновей Ифита, Агенора — сына кормчего Анкея, Теспия, Тоанта, Тлеполема, Эвмела, Полипета и многих других — сыновей аргонавтов или самих героев, участвовавших в походе за Золотым руном. Нам не удивительно, что их представляли участниками обоих походов, учитывая, что и тот, и другой — аллегорическое описание все того же делания.

Сказочные события столь же трудно подтвердить и жизнеописанием женщин, родивших героев на свет. Электра, мать Дардана, была дочерью Океана и Фетиды. Аврора, мать Мемнона, была дочерью Геи и Гипериона. Сын Океана и Фетиды Асон был отцом нимфы Эгины. Климена, бабушка Менетия, была тоже дочерью Океана. Цирцея, с которой встретился в своих странствиях Одиссей, была дочерью Аполлона. Фетида была богиней; Эней — сын Венеры и т.д. и т.п. Абсурдно было бы пытаться понять жизнь столь мифических персонажей.

Такое же убедительное доказательство, однако, кроется, по меньшей мере, в именах троянцев, эфиопов и выходцев других народов, о которых говорят, что они пришли на помощь Приаму. Совершенно ясно, что язык фригийцев и эфиопов сильно отличался от греческого языка. Но как же случилось, что имена и троянцев, и их союзников оказываются греческими, да еще и греческого происхождения? Все дело в том, что автор всей этой аллегории Гомер был грек. Ему не составило бы никакого труда взять эти имена из эфиопского или фригийского языков. Он ведь достаточно долго прожил в этих странах и, наверняка, знал хоть некоторые из них. Почему же он не пошел по этому пути? Конечно же, потому, что не желал придавать тем самым правдоподобие вымыслу, который он как-бы выдавал за правду. Удивительно, что жившие в поздние времена историки и мифологи не пришли к такому выводу. Гомер сообщает нам, что войско троянцев состояло из солдат разных народов, говоривших на разных языках и не понимавших друг друга.

Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.

Илиада, IV, 437–438

Следует признать поэтому, что Гомер заменил греческими именами настоящие имена троянцев и эфиопов, которых привел им на помощь Мемнон. Но что побудило его на такой шаг? Если бы какой-нибудь французский поэт задумал описать знаменитую осаду Праги австрийцами, где столь славно отличились французы, защищавшие город после отступления из Баварии, и дал бы при этом французские имена осаждавшим и осажденным, то одного этого уже было бы достаточно, чтобы усомниться в реальности осады. Такому рассказу никто бы не поверил, если бы не нашелся какой-либо историк, чтобы исправить его.

А что было бы, если бы поэт, первым рассказавший об этом событии, написал бы, что все генералы и военачальники ведут свой род от Мерлюзина, Гаргантюа, Неистового Роланда, Роберта-Дьявола, «Хвастуна», Оливье — сотоварища Роланда, Иоанна Парижского и от прочих героев, существовавших только в романах? Даже если бы он называл соседние города и слободки, речки, расположение лагеря, если бы он подробно описал ежедневные труды осаждавших, назвал бы тех, кто преодолевал рвы, то разве стали бы ему верить больше? И если бы историки последующих эпох представляли это событие только на основе рассказа такого поэта или же по какому-либо устному преданию, исходящему из вымысла этого же самого поэта, то разве им верили бы больше?

Таковы, тем не менее, обстоятельства рассказа о Трое и об осаде ее греками. Геродот, названный Цицероном отцом истории, Геродот, сам выходец из Малой Азии, где, как утверждают, и был расположен Илион, пишет об этой войне только со слов Гомера и пользуясь преданиями некоторых египетских жрецов. Он, даже, высказывает сомнение в достоверности самой войны и пишет:

Из этих стихов совершенно ясно, что эпос «Киприи» не принадлежит Гомеру, а какому-то другому поэту. Ведь в «Киприях» рассказывается о том, как Александр на третий день прибыл с Еленой из Спарты в Илион:

С ветра попутным дыханьем по глади спокойного моря,

тогда как в «Илиаде» Гомер говорит о его скитаниях с Еленой. Впрочем, довольно о Гомере и «Киприях».

Евтерпа, 118

Из этих слов видно, сколь мало верил сам он в эту историю, хотя и приводит ее, ссылаясь на предания. Впрочем, он пытается доказать ее недостоверность:

«Это мне рассказывали египетские жрецы, и я сам считаю их сказание о Елене правдивым, так как я представляю себе дело так. Если бы Елена была в Илионе, то ее выдали бы эллинам с согласия ли или даже против воли Александра. Конечно, ведь ни Приам, ни остальные его родственники не были столь безумны, чтобы подвергать опасности свою жизнь, своих детей и родной город для того лишь, чтобы Александр мог сожительствовать с Еленой. Если бы они даже и решились на это в первое время войны, то после гибели множества троянцев в битвах с эллинами, когда, если верить эпическим поэтам, в каждой битве погибало по одному или по несколько сыновей самого Приама — после подобных происшествий, я уверен, что, живи даже сам Приам с Еленой, то и он выдал бы ее ахейцам, чтобы только избежать столь тяжких бедствий».

Евтерпа, 120

Геродот приводит и другие доводы в своем сочинении, где он утверждает определенно, что фригийский язык был совершенно отличен от других, и сообщает по этому поводу, что еще до правления Псамметиха египтяне похвалялись, будто они первыми появились на земле. Во времена же этого фараона споры об этом возобновились и были разрешены в пользу фригийцев следующим образом. Не видя способа найти правильный ответ, Псамметих велел принести двух новорожденных от простых, бедных родителей и отдал их на воспитание пастуху, приказав ему ухаживать за ними со всем возможным старанием, но при этом содержать их в разных пещерах. Кормить их молоком должны были козы, а пастуху было запрещено произносить в их присутствии хоть слово, с тем, чтобы, когда их речевые органы сформируются, и они достигнут возраста, когда будут в состоянии говорить, фараон мог бы узнать, на каком языке будут произнесены их первые слова.

Дело было сделано, и, когда младенцам исполнилось два года, пастух, войдя к ним, увидел, как они протягивают к нему руки и отчетливо произносят слово *бекхос*. Пастух тогда ничего не сказал, но, видя, что всякий раз, как он заходит к ним, они оба повторяют одно и то же слово, он известил об этом фараона. Фараон велел доставить их во дворец и, услышав из уст младенцев слово *бекхос*, поинтересовался, к какому языку оно могло принадлежать. Оказалось, что слово *бекхос* означает по-фригийски хлеб, и тогда египтяне согласились уступить фригийцам первенство как древнейшего народа.

Коль скоро фригийский язык настолько отличался от египетского и от греческого, то как случилось, что все троянцы и их союзники: эфиопы, фракийцы и другие носили греческие имена? Причина тому весьма проста: это значит, что их

родители были греки, т.е. в воображении поэтов и писателей Греции, описывавших взятие Трои.

Необычным в последствиях этой вымышленной войны стало то, что все герои с той и с другой стороны, за малым исключением, исчезли вместе с городом Троей и были как бы погребены под его руинами. Геродот пишет («Жизнь Гомера»), что Гомер жил примерно через сто шестьдесят лет после Троянской войны, а Гомер не говорит нам, что видел хотя бы одного из потомков стольких государей, ополчившихся против Приама. Так что же, за сто шестьдесят лет роды столь великих людей могли угаснуть бесследно, что Гомер даже в своей стране не нашел никаких их следов? Он рассказывает, например, о сыне Ахилла, Пирре, о сыне Одиссея, Телемахе и о некоторых других, но ни словом не касается их потомков, а то, что по этому поводу сообщают другие авторы, уж очень мало способно подтвердить достоверность их слов, что они и сами явно разрушают своими различными суждениями.

И впрямь, можно ли вывести что-то определенное из такого количества существующих мнений, встречаемых нами у самых древних авторов? Что же можно заключить из них? Что различий так много потому, что авторы эти не знали точного времени событий, а также отсутствие существенных исторических памятников, никаких точных воспоминаний, на которые они могли бы опереться в своих писаниях. И в мифах Гомера, и в преданиях (несомненно, появившихся под его влиянием) всегда было столько несоответствий и так мало правдоподобия, что каждый из авторов подгонял свой рассказ таким образом, чтобы придать любому вымыслу вид правдивой истории. Может ли быть правдой, говорил о самой Трое в одной из своих речей Иоанн Златоуст, что, вернувшись к себе с победой и со славой, греки были так плохо встречены, что некоторых из них даже убили. Многих с позором изгнали, да так, что им пришлось искать себе пристанище в дальних краях. Как могло случиться, что побежденные и покоренные троянцы, вместо того, чтобы рассеяться в различных странах Азии, где они имели друзей и союзников, пустились плавать по морям вдоль берегов Греции, чтобы затем основать города и государства в Италии, а некоторые, как, например, Гелен, обосновались в центре Греции? Во всем этом, утверждает Иоанн, нет ничего, похожего на правду, и нужно отказаться от известного всем предания.

Итак, следует полагать, что эти вымышленные герои с одной и с другой стороны были той же природы, что и спутники Кадма, и погибли они так же, как и были рождены, т.е. смертью представленной воображением породивших их поэтов. Достаточно вспомнить, что говорит Геродот, доказывающее неправильность расчетов аббата Банье, утверждающего, что Троянская война происходила через 35 лет после смерти Геркулеса. Мы выбрали один лишь этот пример, дабы не множить бесполезные споры. Геродот сообщает («Жизнь Гомера»), что Гомер жил примерно за четыреста лет до него и через сто шестьдесят лет после Троянской войны. Следовательно, осада Трои велась всего за пятьсот шестьдесят лет до Геродота, а, согласно расчету аббата Банье, Геркулес жил всего за 595 лет до Геродота, и это никак не согласуется с тем, что он сам пишет:

«Напротив, от Бахуса, которого считают сыном Семелы, дочери Кадма, до нашего времени протекло самое большее 1600 лет, от Геркулеса, сына Алкмены, — около 900 лет».

Согласно Геродоту, Гераклес, следовательно, жил за триста лет до взятия Илиона. Пусть же читатель сам сравнит слова Геродота с расчетами аббата Банье как относительно времени Троянской войны, так и относительно времени плавания аргонавтов, в нем, как говорят, участвовал и Гераклес.

ГЛАВА III

Причины Троянской войны

Обратимся же к причинам этой войны и рассмотрим их, как говорил Гораций («Наука поэзии») *ab ovo*, поскольку яйцо и в самом деле стало первым ее началом, а поводом послужило яблоко. Влюбившись в жену Тиндарея Леду, Юпитер превратился в лебедя, вошел к Леде, родившей впоследствии два яйца: из одного вышли Поллукс и Елена, а из второго — Кастор и Клитемнестра. Елена вышла замуж за Менелая, а Клитемнестра за Агамемнона. Такова история яйца. Разберемся же теперь с яблоком.

Когда покоренный прелестями богини Фетиды Юпитер узнал от Прометея, что, как и предсказал один оракул Фетиде, ребенок, рожденный этой богиней, будет могущественнее своего отца, то он решил выдать ее за Пелея, сына Эака, родителями которого были сам Юпитер и Эгина. Фетиде очень не понравилось, что ее отдают смертному, но такова была воля Юпитера, — и ей пришлось смириться. Юпитер лично пригласил всех богов на празднество и свадебное пиршество, чтобы придать ему надлежащую пышность. Забыта или умышленно не была приглашена только богиня раздора. В отместку за такое пренебрежение она тайно явилась на свадьбу и бросила в толпу золотое яблоко, на котором было написано: *самой красивой*. Получить его хотелось каждой из находящихся там богинь, но то ли они были не такими уж тщеславными, то ли из почтения к Юноне, Минерве и Венере, но все они отказались от яблока в пользу этих троих.

Нужно было присудить яблоко одной из них. Никто из богов, чувствуя, в каком затруднении окажется тот из них, кому доведется решать этот спор, не захотел брать на себя столь деликатное дело. Сам Юпитер отказался выбирать между своей женой, дочерью и Венерой. Он послал их под присмотром Меркурия к некоему пастуху по имени Александр, пасшему свои стада на горе Ида. Пастух этот, взявший впоследствии имя Парис, был сыном правителя Трои Приама. Богини предстали перед пастухом так, чтобы наилучшим образом показать свою красоту. Каждая из них давала ему самые соблазнительные обещания. Юнона предложила ему скипетры и венцы. Минерва пообещала наградить его добродетелью и всевозможными знаниями. Венера посулила ему самую красивую женщину на земле. Они согласились даже на те его условия, которые могли затронуть их целомудрие, но их исполнения Парис требовал для вынесения своего приговора со знанием дела. Наконец, потому ли, что венец не поразил его воображение, либо обещанная добродетель интересовала его меньше, чем прелести красивой женщины, он присудил яблоко Венере, которая и в самом деле считалась красивейшей из богинь.

Ясно, что Юнона и Минерва были раздосадованы таким решением и поклялись отомстить судьбе, отцу его Приаму и городу Трое, гибель которого была, та-

ким образом, предрешена и затем довершена. Парис дал им излить свою обиду, а сам думал дальше о том, как бы скорее осуществилось обещание Венеры. Богиня же поторопилась его исполнить и нашла случай отправить Париса в Грецию. В Спарте она привела его к тамошнему правителю Менелаю и устроила так, что супруга его — Елена, самая красивая женщина своего времени, прониклась ответными чувствами, как и желал Парис, и он похитил ее. Похищение это стало причиной войны и разрушения Трои.

В войне участвовали все боги — на стороне тех или других. По просьбе Фетиды, Юпитер долго держал сторону троянцев, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное Ахиллу Агамемноном, похитившим его любимую Брисеиду. Он грозил даже поразить своим гневом тех бессмертных, кто покровительствовал грекам. В конце концов, он собрал всех богов и богинь на Олимпе, и все они, кроме Океана, явились на его зов. Прибыли даже лесные, речные и полевые нимфы. Сам Нептун покинул морское дно, дабы поприсутствовать на совете. Юпитер объявил всем, что они могут сами решать, поддерживать Трою им или нет. Юнона, Минерва, Нептун, Меркурий — творец жизненных благ — отправились к кораблям греков. Марс, Аполлон, Диана, Латона, Ксанф и Венера присоединились к троянцам. Каждый подбадривал своих громким криком. Юпитер послал раскаты грома; Нептун вызвал землетрясение, наведшее ужас и страх на город Трою, и даже привел в беспорядок корабли самих греков, находившихся под его покровительством. Толчки были так сильны, что гора Ида зашаталась от самого своего основания. Даже Плутон затрясся от страха в глубине преисподней и, боясь, как бы свод его мрачного дворца не обрушился на него самого, он соскочил с трона и закричал страшным голосом. Аполлон пускал свои золотые стрелы в Нептуна, Минерве противостояли Марс и Венера, Юнона спорила с Дианой, а Меркурий с Латоной. Ксанф, названный так богами, а людьми прозванный Скамандром, воевал с Вулканом. Боги сражались друг с другом, а Ахилл с Гектором.

Итак, причиной похода греков и разрушения Трои стали яйцо и яблоко. Если же отбросить эту причину, и предположить, что никаких яйца и яблока не было, то, значит, не было и никакого похода греков. Ибо если не было яйца, то не было и Елены — красивейшей из женщин, достойной награды Парису, поскольку считается, что она была дочерью Юпитера, обернувшегося тогда лебедем, и родилась из яйца, а вскормлена молоком курицы или петуха. Но если никогда не было яблока раздора, то куда девать Ахилла — сына Пелея и богини Фетиды? Это значит также, что никогда не было и спора между Юноной, Минервой и Венерой. Коль так, Парис не рассудил их, Венера не получала этого призрачного яблока и не обещала в награду Елену. Если же Елена не существовала, то Парис не мог ее и похитить. Каким образом Менелаю удалось вовлечь в спор всю Грецию, чтобы отомстить за оскорбление, которое ему не наносили, и чтобы вернуть себе женщину, которой никогда не было на свете?

Более того: если мы усомнимся в реальном существовании Нептуна, Аполлона и Вулкана, основавших и построивших Трою, Юпитера, похитившего Ганимеда, Теламона, взявшего в жены дочь Лаомедонта — Гесиону, Юноны, Паллады и Венеры, зажегших факел войны, Пелея, Фетиды и богини раздора, то какие же причины останутся у греков для войны с Троей? Какой город они должны будут осаждать? А если Илион никогда и не существовал, то где правил Приам? Как следует относиться к долгим и тяжким странствиям Энея и Одиссея, ставшим, для

одного, результатом гнева Юноны, а для другого — мстью Венеры? Разве сон Гекубы не похож на сказку, точно так же, как история рождения и воспитания Париса? Согласно легендам, когда Гекуба была беременна, ей приснился зловещий сон: ей привиделось, что она носит в своей утробе факел, который должен был однажды сжечь империю троянцев. Оракул, объяснявший сей сон, указал, что сын, рожденный этой персоной, станет причиной упадка государства Приама. Когда же она родила, ребенка бросили на горе Ида, где, к счастью, его подобрала пастухи. Александр (так его называли) вырос и влюбился в красивую пастушку Энону, дочь реки Кебрены, на руках у которой Парис умер на горе Ида, после того как его ранили у стен Илиона.

Посмотрим теперь, нет ли у этого мифа более тесной связи с Герметической Философией, а не с историей, и потом рассудим, может в нем больше аллегорического, чем фактического. Гекубе во время ее беременности снится, что она носит в утробе факел, от которого должен загореться и погибнуть Илион. Мы уже не раз говорили, что герметические Философы называют *огнем, факелом, огненной залежью* свою серу, и указывали по этому поводу на герметические трактаты д'Эспанье и Филалета о трех видах лекарства Гебера. Мы говорили также, что они называют женой свою меркуриальную воду; что они сообщают о зачатии и родах; почему они называют эту воду *матерью*, как и их материю, а производимую ей серу Философов именуют *дитем*. Можно обратиться к Мориену, и станет очевидно, что вся история с Парисом прекрасно соответствует его объяснениям.

Гекуба — это меркуриальная вода или материя, от которой она происходит, а Парис — сера Философов, которую она носит в своем чреве. Ее после появления на свет оставляют на горе Ида, как говорится выше. Гора эта называется Ида, или «потеющая» вода — от греческого слова *ἰδος, пот*, ибо на ней все время появляются капли воды, словно эта философская гора потеет. Философы так сказали о ней: заприте ее в круглой прозрачной и жаркой комнате, чтобы она там *потеет* и вылечилась от своей водоболести. Об этом говорит Авиценна и многие другие Философы.

Когда Парис подросток на горе Ида, он влюбился в Энону, дочь реки Кебрены. Это можно так перевести на понятный всем язык: когда Парис вырос на потеющей горе, он влюбился в винную воду или в воду цвета вина — дочь реки, именуемую *обжигающим потом*. Вспомним, что, объясняя другие мифы, мы говорили, что меркуриальная вода становится красной, как вино, когда магистерий или сера Философов приближается к совершенству, и Раймунд Луллий, Рипли и некоторые другие дали ей поэтому имя *вино*. Энона или эта меркуриальная вода — действительно дочь Кебрена или обжигающего пота, т.к. она краснеет только по мере того, как потеет философская потеющая гора. Известно, что Энона происходит от греческого слова *ὄϊνος, вино*, а Кебрен — от слов *Κεῖω, я горю* и *ἰδρος, пот*. Парис умер на руках у Эноны от ран, полученных во время осады Илиона. Это значит, что когда сера Философов растворилась во время получения эликсира, обозначаемого аллегорией осады Илиона, то, в конце концов, зафиксировалась в меркуриальной воде цвета вина, ибо, согласно Мориену, вторая операция есть лишь повторение первой. Раны Париса означают растворение, а состояние гниющей материи эликсира обозначают Илионом от греческого слова *ἰλος, отбросы, грязь*.

Но относительно богов и богинь, мы уже говорили, как к ним следует подходить. Если внимательно взглянуть на то, что древние авторы пишут о Елене, то нетрудно увидеть, что вся история о ней — чудесная сказка, т.к. невозможно, чтобы она была молода, чтобы слыть красивейшей из женщин в свое время, когда, по преданию, ее похитил Парис. Приходится признать, что, пытаясь определить ее возраст, мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. Если, даже, согласиться со всеми хронологическими манипуляциями, продельваемыми аббатом Банье, то окажется, что во времена осады Трои Елене было за шестьдесят. Однако, последуем за аббатом Банье в его хронологических расчетах, и мы увидим, что они не согласованы, несмотря на старания, с которыми он все подгоняет под свою систему, отвергая при этом, что не подходит к ней, и принимает лишь то, что, по его мнению, может ее подтвердить.

Итак, согласно аббату Банье, Гипподамия родила Пелопсу Питфея и Лисидику. Питфей стал отцом Эфры, а Лисидика — матерью Алкмены. Аббат Банье писал ранее, что Алкмена была дочерью Анаксо и Электриона, а Местор, сын Персея и брат Электриона, женился на Лисидике, дочери Пелопса, и прижил с ней Гиппофою, которую затем похитил Нептун. Но простим ему это противоречие: когда читаешь его труд, нужно вооружаться снисходительностью¹. Эфра родила Тесея, которому, согласно нашему аббату, было не меньше пятидесяти лет, когда он похитил Елену. Похитив ее, он отправился вместе с Пирифоем добывать жену Аида Прозерпину, но был схвачен Аидом, и только Гераклес впоследствии освободил его из рабства.

После этого подвига Гераклес совершил еще множество других: освободил Алкесту; воевал с Тесеем против амазонок и подарил ему Антиопу — одну из них; сопровождал Ясона с Тесеем в походе за Золотым руном; а далее оказался в Трое, где освободил Гесиону и убил Лаомедонта. Умер Гераклес, когда ему было всего шестьдесят два года. Следовательно, от похищения Елены Тесеем до смерти Гераклеса должно было пройти около десятка лет. Но если Тесею в момент похищения было не менее пятидесяти лет, то, когда умер Гераклес, ему было уже не меньше шестидесяти. Таким образом, Тесей был на восемнадцать лет старше Гераклеса.

Но как увязать это с историей Тесея, описываемой аббатом? Тесей в ней выглядит юношей, в котором слава, благородство и великие подвиги Гераклеса зажгли рождавшуюся в нем храбрость. Он считал, что никто не может сравниться с Гераклесом, и всегда был готов слушать тех, кто рассказывал, каким был этот герой, а особенно тех, кто видел его и мог поведать подробнее о его жизни. Восхищение Гераклесом было таково, что по ночам его подвиги снились ему, а днем вызвали в нем благородную жажду соперничества и неукротимое желание походить на героя.

Если Тесею было шестьдесят лет, когда умер Гераклес, а это случилось за тридцать лет до Троянской войны, то как могло быть Тесею всего 70 лет в первый год осады Трои? Ему тогда должно было быть уже 90. А если мать его Эфра находилась в числе рабынь Елены во время взятия Трои, когда Демофонт попросил ее для себя у Агамемнона, то ей должно было быть не меньше ста пятнадцати или ста шест-

¹ Мы знаем, что аббат Банье не сам придумал все эти родословные. Но мы не должны порицать то, что он принимает их все, невзирая на их противоречивость, по той единственной причине, что эти противоречия приходится иногда, кстати, чтобы вывести его из затруднительного положения.

надцати лет. Ибо Тесея она произвела на свет лет в 15-16, а осада Трои длилась десять лет. Рассмотрим еще одно противоречие.

Допустим даже, что Тесей умер в 70 лет, в первый год Троянской войны, а Геракл умер в пятьдесят два года, за тридцать лет до ее начала. Сложив 52 и 30, получаем 82 года, т.е. возраст Геракла, если бы он, конечно, дожил до смерти Тесея. Таким образом, Гераклу было бы всего двенадцать лет, когда родился Тесей. Может ли быть, чтобы Геракл в таком возрасте истребил столько разбойников, гоняясь за ними по всей земле, и совершил столько прекрасных деяний, приводивших Тесея в восхищение и вызывавших в нем неодолимое желание подражать герою? Можно было бы сделать еще и другие замечания относительно Геракла и Тесея, но перейдем к Елене.

Некоторые из древних авторов утверждают, что, похитив Елену, и еще до своего путешествия в Эпир Тесей оставил ее беременной на попечение своей матери Эфры, и Елена родила девочку. Если дело было именно так, то Елена должна уже была выйти из детского возраста, т.к. ее братья-близнецы были уже в состоянии командовать войском. Пока Тесей странствовал, Кастор и Поллукс отправились в поход, захватили город Афиэну, освободили свою сестру и забрали ее в Спарту вместе с матерью Тесея Эфрой, ставшей отныне рабыней Елены. Елена взяла ее с собой в Трою, когда сама была похищена Парисом.

Мы говорили уже, что Елене должно было быть не менее 60 лет во времена Троянской войны, и если мы не дали ей больше, то лишь потому, что такой возраст Елены нас устраивал, чтобы доказать то, что мы ранее утверждали. Это значит, что мы воспользовались оружием аббата Банье, чтобы сразить его. Однако, если обратиться к Аполлонию и к Валерию Флакку, то окажется, что Елена должна была быть гораздо старше, т.к. они сообщают нам, что Ясон рассказывал Медее историю Тесея и Ариадны как историю прошлых времён. Так оно и было на самом деле, ибо Гипсипила была дочерью Фоанта, а Фоант — сыном той самой Ариадны, покинутой Тесеем на острове Наксосе после того, как он забрал ее с Крита, победив перед тем Минотавра.

По пути за Золотым руном Ясон остановился на острове Лемнос и влюбился в Гипсипилу, да так, что задержался там довольно надолго, поскольку Гипсипила родила ему двоих детей — Фоанта и Эвнея. Тесей также не был молод, когда похищал Ариадну. По возвращении на родину он занял место своего отца на троне, т.к. отец его бросился в морскую пучину, когда увидел, что корабль его сына плывет под черными парусами, а не под белыми, как они условились в свое время, — если поход окончится благополучно. Тесей к тому времени совершил уже все свои подвиги, которые ему приписывают, и вместе с Гераклом победил кентавров, нарушивших пир его друга Пирифея. Подвиг этот был совершен еще до того, как, по приказу Эврисфея, Геракл отправился добывать эриманфского вепря, т.к. именно перед этим он разбил остальных кентавров и насмерть поразил Хирона стрелой, отравленной ядом лернейской гидры. Охота на вепря считается третьим подвигом Геракла. Однако, согласно Геродоту («Евтерпа»), Геракл жил лет за триста до Троянской войны; и, значит, Елене должно было быть не меньше, чем ему. По крайней мере, точно известно, что Тесей похитил Елену до того, как Пирифой решил завладеть Прозерпиной. Как писал Гомер, Пирифой был сыном Юпитера, а Прозерпина — дочерью Цереры и женой Плутона, и, следовательно, дата рождения Елены отодвигается еще больше вглубь времен.

Аббат Банье считает необходимым придерживаться родословной Пирифоя, предложенной Диодором Сицилийским. Он не обращает внимания на то, что она от этого становится менее сказочной и еще лучше показывает, насколько далеко по времени отстоял Пирифой от Троянской войны. Из всех детей Океана и Фетиды, пишет Диодор, самым знаменитым был Пелий, давший свое имя одной из рек Фессалии. (Гесиод считал его самого этой рекой). Этот правитель взял в жены Креусу, родившую ему Ифея и Стилба. Аполлон прижил с ней Кентавра и Лапифа. Лапиф женился на вдове Арсиноя Эвриное, родившей Форба и Перифата. Форб стал править после отца, а, когда сам он умер, его место занял Перифат, женившийся на дочери Ифея, Астиагее, и имевший с ней много детей. Самым известным из них был Антион, который стал отцом Иксиону, взявшему в жены Клию или Дию, родившую ему Пирифоя.

Из всей этой родословной вытекает, что Пирифой (от Океана и Фетиды) является, по Гесиоду, седьмым из старейших богов и шестым от Аполлона. Чтобы доказать эту его древность происхождения, нужно было бы припомнить здесь генеалогию богов, но стоит ли повторять то, что уже было сказано раньше? К тому же, рассматривать все случаи, причиняющие столько трудностей мифологам, можно до бесконечности. Ведь многие авторитетные авторы (например, Сервий) считают, что Елену похитил Тесей, отвезший ее не в Афидну, как обычно утверждается, а в Египет, где отдал ее сыну Нептуна Протею, сыновья которого Телем и Телегон — были убиты Геркулесом за то, что лишали жизни прибывавших туда чужеземцев. Короче говоря, пытаться придать исторический вид действительно сказочным историям — значит попусту терять время. Лучше уж просто сказать, как делают некоторые писатели, что Елена была бессмертной. Так будет ближе к сказке, потому Сервий и принимает эту легенду. Кое-кто, чтобы избежать стольких непреодолимых трудностей, говорит, что греки затеяли войны с Троей не из-за Елены, а по причине похищения Гесионы, которую Приам желал вернуть. Но тогда становится нереальной вся «Илиада», хотя именно это произведение Гомера породило все остальные сочинения, относящиеся к этой теме.

ГЛАВА IV

О невозможности точно определить время Троянской войны

Древние и современные авторы так сильно расходятся в датах этого события, что привести их суждения к единому результату невозможно. Корингий и шевалье Ньютон полагают, что война случилась за 900 или 907 лет до нашей эры, а отец Сусье считает, что это было за 1388 лет до нее. Насчитывается около 40-50 мнений, которые, чтобы не указывать точные цифры, более или менее приближают, либо отдаляют от нас эти события. Об этом можно почитать у Скалигера, у отца Пето, дона Педрона, а еще в десятой главе, книги третьей «Критических размышлений об истории древних народов» Фурмона старшего.

Первым об этой войне сказал Гомер. Он использовал ее в качестве сюжета для своих «Илиады» и «Одиссеи», но в них он лишь рассказывает о бывших там богах, богинях, нимфах, не указывая на какое-либо точное время этого события

или на что-нибудь, что могло пролить на это свет. Одного только этого достаточно, чтобы прийти к выводу, что история эта — просто вымысел поэта, пожелавшего дать волю своему воображению и показать потомкам плоды своего таланта. И если правда, что эта вымышленная война есть лишь аллегория великого делания, то он мог бы описать ее и одной страницей, как говорит Космополит («Эпилог 12 трактатов»). В такой манере нет ничего необычного, ведь Дионисий Захарий тоже придумал осаду города, но сочинил об этом всего один трактат, а история самой осады у него поместилась в одной главе. Филалет написал не меньше 28 сочинений по этому поводу, а Раймунд Луллий поместил его в бесчисленное множество томов.

Те, кто писали вслед за Гомером и желали определить точное время этих сражений, должны были бы указать нам, на чем именно они основывают свои утверждения, а без таких уточнений мы вправе отклонить их, не верить им на слово и, даже, считать, что все это — лишь предположения. Геродот, историческим трудам которого, по мнению Страбона, доверять не стоит, говорит без каких-либо доказательств, что, по его мнению, Гомер жил 400 лет до него самого и через 160 лет по окончании Троянской войны. Согласно А. Желлю, от взятия Трои до рождения Гомера прошло всего сто лет. Геродот считает, что события эти происходили при египетском фараоне Протее, который во всех мифах слышет сыном Нептуна. Персонаж этот, следовательно, вымышленный, да, к тому же, время правления этого фараона тоже определить нельзя.

Одним из первых, кто попытался установить время Троянской войны, учитывая суждения Гомера, был Варрон, сделавший все возможное и употребивший всю свою смекалку на то, чтобы придать какой-то разумный вид теологии язычников, как свидетельствует св. Августин. Но свои выводы, как и многое другое, он черпал из собственного воображения, и потому св. Августин решительно опровергает его. Вергилий, по словам Варрона, пишет, что осада Трои происходила за 300 лет до осады Рима. Ливий и другие из поздних римлян также не отступали от сказанного Варроном и изображали собственно войну и время, когда она велась, как установленные навверняка, но подобные тысячам других вымышленных историй.

По сути, мы же не знаем даже, в какое время жил Гомер, не знаем, откуда он родом и где умер. И хотя Геродот описал коротко жизнь Гомера, он сам не был уверен в своих словах, т.к. часто писал «я думаю», «я предполагаю». Тома Валуа признается, что разнообразие мнений о том, что касается Гомера, столь велико, что невозможно каким-либо образом определить время, когда писал поэт. Св. Августин, Евсевий, св. Иероним, Авл Геллий сходны в том, что Гомер жил до Ромула. Евтропий утверждает, что он жил при Агриппе Сильвии — правителе Альбы. Ему наследовал Арений Сильвий, правивший 9 лет. Далее пришел Авентин Сильвий, и правил 34 года. Затем в течение 22 лет правил Прок Сильвий, и, наконец, Амулий, на седьмом году правления которого родился Ромул. Таким образом, Ромула от Гомера отделяло около 80 лет.

По словам Цицерона¹, семь городов оспаривали славу того места, где родился Гомер, и называет среди прочих Смирну, Хио, Саламин, Колофон, Аргос. Желль и некоторые другие полагали, что он родился в Египте, а Аристотель счи-

¹ Orat. Pro Archia Poëta.

тал его уроженцем острова Ио. Таким образом, те, кто по времени жили ближе всего к Гомеру, знали о нем не больше тех, кто жил гораздо позднее. Судить о его жизни можно, следовательно, только на основании догадок, а какие-либо точные сведения о нем отсутствуют.

Итак, поскольку Гомер был первым, кто описал Троянскую войну и гибель города Трои, то остальные авторы не могут сообщить нам ничего точного о времени события и о самом событии вообще, посему, не следует ли видеть в нем чистый вымысел? Когда речь идет о том, чтобы установить реальность какого-либо факта, то время должно отвечать определенной эпохе, люди — определенным образам, а вещи — определенным предметам. Известно, например, в каком году и при каком египетском фараоне родился Моисей. Мы знаем, где и при каком императоре родился спаситель наш Иисус Христос; при каких консулах был уничтожен Коринф и разрушен Карфаген, как знаем и о многих других событиях такого рода — в них никто не сомневается. Все, однако, обстоит совсем иначе с городом Троя. Ничто не убеждает нас о его существовании и гибели, кроме того, что сказано об этом Гомером и теми, кто подражал ему или писал на основании преданий, возникших из сочинений этого поэта.

Мы, действительно, читаем у Гомера, что после уничтожения Трои Эней бежал в Италию, а римские писатели не преминули воспользоваться этой легендой, дабы придать больше блеска своему городу, и утверждают, что Ромул происходит от этого героя, по крайней мере, по женской линии, т.к. в отцы ему они дают бога Марса. Все это прекрасно согласовалось с мифом. Эней был сыном Венеры, а Ромул — сыном Марса, а кому не известно, в сколь добром согласии жили между собой сии бог и богиня? Разве римляне были хуже других народов, кичившихся тем, что основателями их городов были боги? А если основатели не были богами, то люди знали, как сделать их бессмертными. И когда некий древний автор (Ювенал) насмеялся над египтянами, говоря, что этот народ радовался от того, что в его садах рождались боги, то подобное можно было бы сказать и о римлянах, и о греках, высокомерно похвалявшихся своим божественным происхождением. Св. Августин отметил это их тщеславие и так сказал о нем: «Мы читаем и нам говорят, что Рим был основан Ромулом, и что он в нем правил. Из оставленных нам писаний мы узнаем, что он был причислен к богам. Писания сообщают нам о событиях, но вовсе не доказывают их, ибо не показывают никаких памятников, никаких чудес, которые подтверждали бы, что так оно и было в действительности. Волчица, которая якобы вскормила обоих братьев, могла бы и вправду быть отнесена к чудесам; но что это за чудо, и как оно доказывает божественность Ромула? И если эта мифическая волчица была не продажной женщиной, а действительно зверем, и чудо таки совершилось с обоими братьями — то почему оба они не считаются богами?»

Некоторые авторы с легкостью утверждают, что Ромул мог быть ребенком, родившимся от старой связи Венеры и Марса, когда Вулкан связал их, застав с поличным. Другие объявляют, что Ромул родился от девственной весталки, родственницы Вулкана. Но можно ли причислять к божествам человека, начавшего свое правление с братоубийства? Известны серьезные высказывания, будто основание этой империи, и название ее были предсказаны орлом. А также и то, что город Рим оборонял и спас гусь (когда галлы напали на Капитолий). А правила им курица со своими цыплятами (тогда орел унес одного из них и уронил пря-

мо над Ливией, причем цыпленок этот оказался такой благородной породы, что римляне не осмеливались ни на одно предприятие, не посоветовавшись сначала с курами, ставшими потомками этого цыпленка).

Подобно троянцам, римляне считали Марса и Венеру богами, управлявшими их городом и их империей. Можно видеть, например, в книге III «О граде Божьем», как св. Августин взывает по этому поводу к язычникам. Удивительно, но и сейчас еще встречаются очень доверчивые люди, которые верят, что Рим — это феникс, возродившийся из пепла Трои. Могут сказать, что в это можно поверить, если абстрагироваться от божественного происхождения Энея и Ромула, но это предположение не основывается на свидетельствах кого бы то ни было из древних авторов. Те, от которых мы узнали о происхождении и основании Трои и Рима, оставили нам лишь мифические сведения об этом. На чем же современные авторы должны основывать реальность этих событий? Хорошо известно, что Рим действительно существует, но нет никаких доказательств его божественного происхождения (с этим согласны все и, даже, сам Тит Ливий).

Иначе обстоит дело с Троей. О ней мы узнали только из рассказанного Гомером. Она погибла, не оставив следов, которые могли бы подтвердить ее существование, кроме вымышленного переезда Энея и нескольких других греческих героев в Италию, о чем поведал нам тот же поэт. Но если считать мифом то, что говорит Гомер об основании Трои и о большинстве событий, происшедших во время ее осады, то почему следует больше верить тому, что он говорит о скитаниях Энея и о его прибытии в Италию? То, как устами Гомера говорят и действуют боги и богини во всех обстоятельствах, доказывает, что все это было для него просто выдумкой, и он описывал их тогда, когда это отвечало нити повествования, чтобы украсить его или блеснуть своим воображением. Таким образом, Гомер пишет об основании Илиона и о его взятии, все также мифически, и все его повествование есть игра воображения.

Зная все это, приходится только удивляться тому, как мифологи берут на себя смелость столь серьезно рассказывать нам по этому поводу так много сказок, ссылаясь только на свидетельства Павсания и нескольких авторов, которых они сами презирают. И на то есть причины, ибо их писания полны мифов, противоречий, наивных рассказов, а, кроме того, у авторов этих доказательств их утверждения было не больше, чем у наших современных мифологов. Илионская скрижаль, резбленные плиты, паросский мрамор — все эти памятники появились уже после Гомера и доказывают лишь то, что во времена их создания о Троянской войне рассказывали так же, как о ней рассказывают и в наши дни.

ГЛАВА V

Рок, довлевший над Троей

Как в самой войне греков, так и в осажденной Трое царила твердая уверенность, что город этот взят быть не может, если не предпринять чего-то, от чего зависела судьба Трои. Гомер пишет о некоторых таких возможных действиях, но вот Овидий, Ликофрон и некоторые другие древние авторы коснулись их глубже. Их можно, однако, вывести из сказанного Гомером в разных местах, где он описывает, например, как разыскали Филоктета на Лемносе, или Пирра на Скиросе, как греки следили за тем, чтобы лошади Реса не пили воду Ксанфа, и сколько опасностей они преодолели, чтобы выкрасть Палладий.

Все эти предсказания были сделаны грекам Калхантом, когда Агамемнон и другие греческие военачальники обратились к нему, чтобы узнать судьбу их похода на Трою. Калхант ответил, что города этого им никогда не видать, если не возьмут они с собой Ахилла и его сына Неоптолема; также нужно заполучить стрелы Геракла, подаренные героем перед смертью Филоклету. Далее, необходимо во что бы то ни стало похитить Палладий, тщательно охранявшийся троянцами в храме Минервы; перед осадой к стенам Трои нужно принести какие-либо из мощей Пелопса; что нужно выкрасть прах Лаомедонта; что никак нельзя давать коням Реса пить воду из реки Ксанф. Из повествования Гомера можно узнать и два других предсказания: о том, что нужно было умертвить сына Приама, Троила, а также то, что судьба города настолько зависела от Гектора, и взять его не было бы никакой надежды, пока он жив. Ко всем этим предсказаниям было добавлено еще одно: о том, что греки должны были непременно призвать в свое войско сына Геракла и Авги Телефа.

Ясно, что любой здравомыслящий человек, которому стали бы рассказывать подобные вещи, принял бы их за выдумки, да они и в самом деле выглядят вымыслом. Ибо, какое отношение могут иметь вещи столь различные и столь странные к цели греков — осаде города и разорению троянцев? Как могла послужить грекам одна из костей Пелопса и чем могла она повредить защитникам Илиона? Если смотреть на Ахилла лишь, как на героя, — отважного, воинственного, который своим искусством воина может оказать большую пользу войску, то с этим можно согласиться, поскольку он и впрямь может оказаться нужным. Но нам объясняют эту необходимость тем, что Аполлон и Нептун, строившие по заказу Лаомедонта город Трою, попросили Эака помочь им — с тем, чтобы из-за помощи этого смертного богам, строившийся ими город без данного условия был бы неприступным, но мог быть однажды взят. Нужно было поэтому, чтобы один из потомков того, кто помогал его возводить, помог его разрушить. Не было ли более естественным предположить, что внук того, кто участвовал в возведении города, из всех сил будет противиться его разрушению? Если только не усматривать ту или иную аллегорию во всем этом. Стены этого города не рушатся от звука труб: в те времена нужны были тараны, как ныне требуется не только гром пушек, но и удары ядер. Из Писания мы узнаем, однако, что стены Иерихона обрушились от одного только звука труб, в которые Иисус Навин приказал

трубить, шествуя вокруг города; но мы знаем также, что он действовал так по прямому указанию Бога, а Писание убеждает нас в истинности данного события. В стихах же поэтов нет такой достоверности; более того, их следует считать вообще вымыслом, так как они просто неправдоподобны. Рассмотрим теперь каждое из предсказаний.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ **Ахилл и его сын Пирр** **и их необходимое присутствие для взятия Трои**

Аббату Банье и приверженцам его системы весьма нелегко приспособить к ней эти предсказания, и потому он ограничивается тем, что передает их, не считая нужным приводить практически никаких объяснений. Что касается первого, то он предполагает, что Калхант, к которому обратились начальники греческого войска, выдумал это предсказание, чтобы привлечь Ахилла с его войском к осаде Трои, а для того, чтобы успешно закончить это дело, его поручили Одиссею. Однако, посмотрим на вещи в природном смысле, в каком нам представляет их миф, для того чтобы увидеть, не таят ли они в себе какую-либо аллереорию Герметической Философии.

Утверждается, что Ахилл был сыном Пелея и Фетиды. И хотя мы уже объясняли, что именно под этим подразумевается в мифе, не помешает к сказанному кое-что добавить, чтобы сделать наши доводы полнее. Пелей происходит от греческого слова *πελός*, *черный, коричневый, мертвенно-бледный*, или от *πλός*, *грязь, трясина*. Фетида считается водой. Исей говорит, что, по совету отца, Пелей стал ухаживать за Фетидой, а она, чтобы избежать его домогательств, превратилась в рыбу, известную под названием *каракатица*. Выходит, таким образом, что Ахилл рожден черной грязью и водой. Известно, что каракатица выбрасывает черную жидкость, превращающую воду вокруг нее, так сказать, в чернила. Все это хорошо отвечает обстоятельствам зачатия дитя Философов, которое, согласно Философам, происходит, когда помещенная в сосуд материя достигнет состояния черной грязи или расплавленной черной смолы. В силу тех же причин в мифе говорится, что бракосочетание Пелея и Фетиды состоялось на горе Пелион в Фессалии.

С первых же дней жизни мать Ахилла, чтобы приучить его к тяготам и сделать как бы бессмертным, кормила и воспитывала его так, как это могли делать только Церера и Фетида. На ночь она укладывала его в огонь, чтобы сжечь в нем все смертное и подверженное порче; днем же она умащивала его амброзией. Такое воспитание смог выдержать только Ахилл, а остальные ее дети погибли. За это Ахилла прозвали Пирифоем, т.е. *спасенный из огня* или *живущим в огне*. Когда Пелей пожелал вмешаться в воспитание Ахилла, Фетида оставила его, и удалилась к Нереидам. После этого Ахилла поручили заботам Хирона, чтобы тот научил его медицине и искусствам.

Узнав от Фетиды, что ему суждено погибнуть в Троянской войне, Ахилл удалился к Ликомеду, чтобы избежать своей участи. Он переоделся в женские одежды и вступил в связь с Деидамией, у которой от него родился Пирр. Когда же греки проведали от Калханта, что им необходимо заполучить Ахилла на свою сторону, они отправили на его поиски Одиссея. После долгих стараний тот

нашел его и убедил присоединиться к остальным начальникам войска греков. Это деяние относят к одному из тех, что больше всего прославили Одиссея.

Одиссея следует рассматривать как символ благоразумного и умелого в своем искусстве Мастера, или как внешнюю силу, управляющую деланием. Ахилл — это внутренняя сила, без которой невозможно достичь цели, поставленной Философом. Мы уже говорили о качествах, которыми должен обладать Мастер. Вспомним, что мы говорили об этом и что пишет об этом Гебер, чтобы увидеть в этих словах точный портрет Одиссея:

Тот, у кого нет достаточно ума и тонкого разума, способного проникать в тайные уголки Природы, раскрывать применяемые ей начала и мастерство, которыми она пользуется в своих операциях, для достижения совершенства смешанных и индивидов, никогда не откроет простой и удивительный корень нашей драгоценной науки.

Таково мнение Гебера¹, перечисляющего недостатки, делающие невозможным занятия этой наукой. Как, например, неповоротливый ум, невежество. И, как следствие его — необузданная доверчивость, непостоянство, чрезмерное беспокойство о делах, скупость, беспечность, тщеславие, неспособность к наукам. А завершает он главу эпилогом, в котором Одиссей виден, как в зеркале. Гебер так же пишет:

Мы можем, следовательно, заключить, что Мастер этого делания должен быть знаком с наукой философии Природы, которую обязан прекрасно знать. Ибо, каким бы умом и средствами он не обладал, без этого ему ни за что не добиться своей цели... Нужно поэтому, чтобы Мастер призвал себе на помощь глубокое созерцание Природы и утонченный, трудолюбивый разум. Одной только науки недостаточно, как недостаточно и одного только гения. Они необходимы вместе, поскольку они помогают друг другу. Мастер должен иметь твердую волю, дабы не метаться от одной вещи к другой, т.к. Искусство наше состоит не во множестве вещей. Существует только один камень, только одно лекарство и только один магистерий. Мастер должен быть внимателен и терпелив, чтобы не бросить наполовину законченное делание. Он не должен быть порывист и слишком нетерпелив, так как длительность делания утомит его. Пусть он знает, наконец, что постижение сего искусства зависит от Божьей силы и даруется избранным; пусть же не передает он его скупым, тщеславным, тем, кто стремится лишь утолить свои необузданные страсти; ибо Господь полон справедливости, как полон он доброты.

В свои «Метаморфозы» Овидий вводит Одиссея и Аякса, оспаривающих между собой доспехи Ахилла. Каждый из них перечисляет собственные права на это оружие, ссылаясь на совершенные подвиги и на оказанные грекам услуги. Из «Илиады» Гомера мы видим, что Одиссей может сравниться с Аяксом по своей доблести и храбрости. У Овидия же Аякс показывает свой щит, усеянный следами ударов копий и дротиков, и упрекает Одиссея в том, что его щит совсем не тронут. Как ни увещевал Аякс воинов, конечно же, ценивших его доблесть и готовых отдать преимущество столь великому герою, они все же присудили оружие Одиссею, когда услышали его речь.

О чем же он говорил им? О том, что смог обнаружить Ахилла, хотя тот и переоделся в женское платье, и привести его в войско греков. Что он победил Теле-

¹ Summa perfect. 2, part. I, c. 5

фа и вылечил его от ран. Что он взял города Аполлона. Что он стал причиной гибели Гектора, т.к. тот пал под ударами Ахилла. Что он убедил Агамемнона пожертвовать Ифигенией для блага всех. Что, несмотря на всю опасность посещения Приама, чтобы потребовать у него Елену, он не побоялся отправиться к нему с Менелаем. Что, когда греки слишком устали от длительной и трудной осады, поэтому решили покинуть поле боя, а он своими увещеваниями и упреками убедил их остаться. Что он расставил ловушки троянцам, а лагерь греков оградил от их нападений прочным валом. Что, благодаря его советам и опыту, в войске все время поддерживался достаток провианта. Именно я, добавил Одиссей, застал врасплох Долона. Я сам достиг шатра Реса и лишил его жизни. Может, это Аякс той ужасной ночью прошел сквозь всех часовых и проник не только в город, но и в самое его сердце и завладел Палладием? Это я взял город благодаря этим действиям, ибо я привел его к состоянию, когда его можно было захватить. Я доставил в лагерь Филолекта со стрелами Геркулеса, и с их помощью мы победили.

Если внимательно присмотреться к дававшимся до сих пор объяснениям различных мифов, то станет понятно, что все те деяния, на которых Одиссей основывает свое право на доспехи Ахилла, представляют собой аллегории операций магистерия Мудрых. Взглянем же на некоторые из них.

Мы говорили уже, что Ахилл — это символ огня меркурия Философов. Из мифа мы узнаем, что Ахилл был сыном Пелея и Фетиды, или черной грязи. Грязь состоит из земли и воды, а меркурий Философов получается из двух этих веществ. Согласно д'Эспанье¹:

Ее зовут то землей, то водой в разных состояниях, потому что она состоит из них обеих.

Чтобы указать на состояние сей земли или предмета Философов, над которым они трудятся, когда из него должен возникнуть меркурий, д'Эспанье приводит следующие строки из Вергилия, прекрасно отображающие растворение и гниение этой материи, обозначаемой так Пелеем, потому что она подобна черной грязи, с которой ее сравнивают почти все Философы.

...Льется вода и земля под Зефиром становится рыхлой,
Пусть начинает стенать, со вдавленным двигаясь плутом,
Вол...

Георгики, I, 44–46

После рождения Ахилла Фетида растила его, как Церера Триптолема: ночью она прятала его в огне, а днем умащивала амброзией. Не будем повторять здесь то, что уже описано в главе о Церере, — при желании читатель может к ней вернуться.

Когда Ахилл вырос, то перебрался к Ликомеду, где влюбился в Деидамию, родившую ему Пирра. Когда меркурий достигает времени начала фиксации, он, так сказать, покидает отчий дом, переходя от черного цвета к белому. В таком состоянии он переходит к Ликомеду, поскольку преобразуется в некое подобие земли, которую Философы именуют белым золотом, белым солнцем, управляющим и царствующим камнем, обозначаемым Ликомедом, происходящим от греческих

¹ Arcan. herm. Philos. opus. Can. 46.

слов *Λύκος*, *солнце* и *μέδω*, *я правлю, я забочусь*. Поэтому Ликомеда называют отцом Деидамии.

Дело в том, что фиксированная часть в этом состоянии обладает способностью фиксировать летучую часть. Как говорят Философы, она действует на летучую часть, как магнит, притягивает ее к себе, чтобы зафиксировать ее и слиться с ней в одно тело. Всем известно, что меркурий летучий. Любовь Ахилла, символа этого меркурия, к Деидамии и является этим магнитным и взаимно притягивающим свойством, благодаря которому обе части соединяются, и летучее, наконец, становится фиксированным. Обозначить это нельзя было удачнее, чем именем Деидамии, т.к. оно означает вещь, фиксирующую другую вещь, или останавливающую ее движение — от греческих слов *θεω*, *я бегу*, и *δοῦναι*, *я укрощаю, я останавливаю*.

Деидамия родила Ахиллу сына, которого справедливо нарекли Пирром, поскольку из союза летучего и фиксированного образуется сера Философов, являющаяся настоящим огнем или огненным камнем, именуемым д'Эспанье *кладью небесного огня*, а Филалетом — *природным огнем*. Алфидий говорит, что когда бегущего остановит преследующий его, бег обоих прекращается; затем они соединяются и образуют теперь одно целое, становящееся красным и огнем. Гомер описывает летучесть меркуриального огня, говоря об Ахилле, что у него легкая нога и он чрезвычайно резв в беге, *πόδας ὠκὺς πεδάρκης*. Еще точнее указывает Гомер на это свойство, когда говорит, что Ахилл приказал Автомедонту запрячь в колесницу для своего друга Патрокла двух его коней — Ксанфа и Балия, мчавшихся со скоростью ветра. Коней этих зачала от Зефира Гарпия Подарга (быстроногая), когда паслась на берегу океана. Более того, кони эти были еще и бессмертны.

Когда Одиссей убедил Ахилла присоединиться к грекам, тот собрал своих подданных мирмидонян и возглавил их вместе с Менесфием, сыном реки Сперхея, родившимся от Юпитера и красавицы Полидоры, а также с Эвдором, сыном Меркурия, бог этот имел прозвище, эпитет *ἀκῶκτης*, милостивый. Когда Эвдор вырос, то прославился своей быстротой в беге. Третим вождем мирмидонян был Писандр, которого Гомер представляет самым храбрым из всего войска, кроме Ахилла. Четвертым был старик Феникс, а пятым Алкимедонт — сын Леэрка.

Коль скоро родился Пирр или сера Философов, Ахиллу требуется приступить ко второй операции, которую Философы называют вторым деланием или эликсиром. Именно этот эликсир или способ, которого следует придерживаться при его получении, и имел в виду Гомер в «Илиаде».

Первым роковым обстоятельством для Трои стало то, что Ахилл, а за ним и его сын Пирр должны были обязательно оказаться в лагере греков для того, чтобы город был взят. Причина этого лежит в том, что эликсир нельзя получить без меркурия Философов, являющегося его главной действующей силой. Вторая операция, согласно Мориену, есть лишь повторение первой, если судить по ее результатам и видимым признакам или по тому, что происходит в сосуде, или по сменяющим друг друга краскам. Итак, Гомер сообщает, что Ахилл созвал мирмидонян и присоединился к остальным грекам. Удивительно, что Гомер начинает свою «Илиаду» с рассказа о гневе Ахилла, который, в глазах аббата Банье, выглядит просто недоразумением.

Чтобы следовать своей цели, Гомер и не мог начать по-другому, иначе ему пришлось бы перевернуть порядок вещей. Он предполагает, что первая операция завершилась. Поэтому он внезапно переходит к ссоре Агамемнона и Ахилла, вызванной требованием Хриса, жреца Аполлона, вернуть его дочь Хрисеиду. (Известно, что Хрис по-гречески значит *хρῶς*, *золото*). Аполлон вводится здесь для обозначения золота Философов. Но Агамемнон отказывается отдать ее, т.к. считает ее девственницей и желает взять ее себе в жены на место Клитемнестры.

Философы также называют ее девой. Возьмите, говорит д'Эспанье, крылатую деву, чистую и светлую, со щеками, окрашенными в пурпурный цвет¹. И все же Агамемнон прислушивается к уговорам Одиссея и возвращает Хрисеиду, но заявляет при этом Ахиллу, что взамен заберет себе у него Брисеиду, которую Ахилл любил до беспамятства. Итак, Агамемнон вручил Хрисеиду премудрому Одиссею, т.е. Мастеру, дабы тот отвел ее к отцу. Одиссею поручают эту миссию, и он возводит Хрисеиду на судно, т.е. помещает ее в сосуд. После отплытия Одиссея Агамемнон послал воинов захватить силой Брисеиду. Они нашли Ахилла в его шатре на его *черном* корабле. Он тотчас же понял, что их сюда привело, и приказал другу своему Патроклу вывести Брисеиду из ее шатра и передать воинам Агамемнона. Патрокл повиновался, а Ахилл, видя, как она уходит, залился слезами, глядя на *черное* море, и стал жаловаться матери своей Фетиде на обиду, нанесенную ему Агамемноном. Фетида слышала его стенания из глубокого *белого* моря, где она находилась со своим отцом, стариком Нереем, и сразу же взмыла со дна, как облако. Ахилл поведал ей, как, после разорения Фив, Агамемнон получил при дележе Хрисеиду, а сам он Брисеиду; как Агамемнон вынужден был вернуть Хрисеиду ее отцу, т.к. разгневанный Аполлон наслал на лагерь греков чуму. Агамемнон решил отыграться на Ахилле и силой отобрал у него дорогую его сердцу Брисеиду. Фетида также с плачем отвечала сыну: «Зачем, сын мой, я родила вас на свет и вырастила с такой заботой? Вы — несчастнейший из людей, ибо я знаю, что роковая судьба уготовила вам скорую смерть. Я все же отправлюсь к Юпитеру на *заснеженный* Олимп и постараюсь убедить его помочь вам в исполнении ваших желаний. Вы же оставайтесь на своих кораблях, не вступая ни в какие битвы, хотя гнев и направляет вас против греков. Юпитер был вчера в Эфиопии на пиру с остальными богами». С этими словами она удалилась. Тем временем Одиссей с Хрисеидой прибыли в Хрису — город Аполлона. Бросив якорь, он вручил Хрисеиду отцу ее, Хрису, а тот воззвал к сребролукому Аполлону, прося его о помощи грекам. На следующий день Одиссей поднял *белые паруса* и, пользуясь попутным *влажным* ветром, посланным Аполлоном, благополучно вернулся в стан греков.

Достаточно даже поверхностно прочитать книги герметических Философов, чтобы увидеть в сказанном Гомером ту же манеру изъясняться и все то, что происходит в сосуде с момента, когда составляющие эликсир части начинают растворяться и разлагаться, пока материя не достигнет белого цвета. Для сравнения сошлемся на следующий отрывок из д'Эспанье (Cap. 64):

Указующими средствами или признаками являются цвета, появляющиеся один после другого и показывающие Мастеру изменения, совершающиеся с материей, и развитие делания. Насчитывают три основных цвета, практически служащих как бы симптомами, за которыми нужно внимательно следить; некоторые

¹ Заметим, что у Хрисеиды, по описанию Гомера, красивые пунцовые щеки. См.: Илиада, I, 143.

добавляют к ним еще и четвертый цвет. Первый цвет — черный; ему дали имя «головы ворона» за его глубокую черноту. Когда материя начинает чернеть, это знак того, что природный огонь вступает в дело; а когда черный цвет станет совершенным, он указывает, что элементы смешались воедино и что растворение завершено; тогда зерно начинает гнить, и разлагается и становится более способным к зачатию.

За черным цветом следует белый; белая сера при этом находится на своей первой ступени совершенства: это — камень, называемый благословенным; это — белая навозная земля, в которой Философы прячут свое золото. Третий — цвет лимона, образующийся при переходе белого цвета в красный. Это как бы промежуточный цвет, в котором есть часть того и другого, как шафранная заря, предвещающая появление солнца. Наконец, четвертый цвет — красный, цвет крови, добываемый из белого единственно силой огня. Поскольку совершенная белизна легко портится, то она быстро проходит, тогда как темная краснота солнца сохраняется все время, ибо она довершает делание серы, которую Философы именуют мужским семенем, огнем камня, королевской короной, золотом и сыном солнца.

Вернемся теперь к «Илиаде» Гомера и посмотрим, соответствует ли его повествование тому, чему нас учит д'Эспанье, да и тому, о чем говорят другие авторы.

Мы видели уже, что Ахилл, символ огня меркурия, это — главная действующая сила в философском делании. Мы проследили за его жизнью до рождения Пирра в доме Ликомеда. Гомер все это пропускает и начинает с его любви к Брисеиде, т.е. с покоя или с состояния, в котором пребывает меркурий после того, как его летучести будет положен конец Деидамией. На это и жалуется Ахилл матери своей, Фетиде. После разрушения Фив, говорит он, Агамемнон получил при дележе Хрисеиду, а мне греки отдали Брисеиду.

Известно, что Фивы были конечным пунктом походов Кадма, и именно в Фивах Ахилл впервые увидел Брисеиду, чье имя, как уже говорилось, означает «спать», «отдыхать». Речь идет о выполнении второго делания, подобного первому. Таким образом, Гомер дает понять, что вещества находятся в сосуде, а операция уже началась, т.е. началось брожение материи. Брожение это приводит к движению в материи, несущему в себе угрозу меркурию или Ахиллу лишить его покоя или Брисеиды. За брожением следует растворение и разложение, вызванное золотом Философов или Аполлоном. Это — чума, насланная Аполлоном на стан греков. За чумой настанет смерть греков, или чернота, именуемая Философами смертью. В этом состоянии летучее превосходит фиксированное, а чума закончится только, когда Хрисеида будет возвращена своему отцу. То есть, когда цвет материи перейдет от черного к белому, являющемуся белым золотом Философов. Путешествие Юпитера и других богов в Эфиопию и их возвращение на засыпанный снегом Олимп могут означать лишь черноту материи и ее переход от черного цвета к белому. Слезы же Фетиды и Ахилла указывают на растворение материи в воде. Обо всем этом свидетельствует плавание Одиссея, а еще яснее говорит об этом то, что происходило в стане греков до его возвращения.

Едва лишь Хрисеида была увезена Одиссеем, говорит Гомер, т.е., как только она была помещена в философский сосуд Мастером, как Агамемнон отправляет своих воинов в шатер Ахилла за Брисеидой: так начинается брожение. Воины прибывают к его *черному* кораблю. Ахилл сидит в своем шатре, и он страшно рассержен: это — гниение и чернота, на что указывают также и мирмидоняне, будучи под началом Ахилла, как пишет Гомер. Уже сам миф дает нам понять, что

следует понимать под мирмидонянами, сообщая нам, что они родились от муравьев, т.к. муравьи — черные, а когда они все собираются в своем муравейнике, то их скопление весьма похоже на материю в состоянии черноты. По той же причине сказано, что отец Ахилла, Пелей, правил в Фтии над мирмидонянами, т.к. Пелей значит «черная грязь», «отбросы», а Фтия, *φθία* — *порча*, от греческого слова *портить*. Что касается других военачальников, командовавших мирмидонянами под предводительством Ахилла, то одна лишь этимология их имен указывает на то, что происходит в делании.

Менесфий означает покой, в котором находится материя вначале, и вид самой этой материи, поскольку это имя происходит от греческих слов *μένω*, *ждать в покое* и *βίαια*, *маленький камень*, или от слова *φάω*, *быть устойчивым и фиксированным*. Второго звали Евдор — от слова *εὖδω*, *спать*. Поэтому Гомер называет его сыном Меркурия *мирного*, добавляя при этом, что когда он вырос, то прославился легкостью бега, что указывает нам на улетучивание фиксированной материи. Третьим был Писандр или дающий пить, орошенный — от греческих слов *πίω*, *я орошаю* и *τεοσις*, *луг, орошаемое место*, и *ἀνδρῶν*, *вершина, верх*, ибо, становясь летучей, материя поднимается вверх сосуда в виде пара, а затем опадает на материю дождем или росой. Как пишет Гомер, он был самым храбрым из мирмидонян вслед за Ахиллом, и в этом поэт прав, т.к. без такой росы земля Философов ничего не произведет, точно так же, как на постоянно сухой земле никогда не прорастет зерно: земля — это вместилище семени, а дождь — его кормилица.

Четвертым военачальником был Феникс, т.е. сам камень Философов, достигший красноты. Поэтому Философы называли его Фениксом — не только из-за того, что при получении эликсира он возрождается из своего пепла, но по причине его пурпурного цвета, — ведь Феникс происходит от греческого слова *φοῖνιξ*, *красный, цвета крови*. Он как сказочная птица, носящая такое же имя. Ее называют красной по этой причине, и никто не может похвастать, что видел другую. Потому египтяне передавали из уст в уста, что птица эта прилетает в город Солнца, вьет себе там гнездо и возрождается там из своего пепла.

Пятым был Алкимедон, т.е. управляющий самой силой, или совершенный камень. Гермес (Изумрудная скрижаль) дает ему такое же имя и говорит, что это — мощь, превосходящая любую другую мощь, как только она примет форму зафиксированной земли. Но вернемся к Одиссею.

Одним из замечательнейших дней жизни Одиссея стал тот, когда он узнал Ахилла, переодевшегося в женское платье, и уговорил его присоединиться к грекам, чтобы вместе с ними разрушить город Трои. Нас спросят: какое отношение к великому деланию может иметь это переодевание? Разве в этом есть что-либо необычное или странное? Не желая идти на войну, где, как ему предсказано, он должен погибнуть, юноша решает скрыться и пользуется для этого способом, который отвечал его замыслу. Вспомним, однако, что нигде Ахилла не изображают трусом. Одного этого было бы достаточно, чтобы греки презирали его, а не считали стоящим выше других.

В самом деле, что подумали бы мы сами о юноше, сыне короля, князя или вельможи, который в то время, как собирается войско и направляется на битву или на опасную осаду, решил бы переодеться в женское платье и затесался бы в свиту властительной особы, дабы избежать грозящей ему опасности? Каким бы смелым и храбрым он ни казался до сих пор, такой поступок наверняка навлек

бы на него вечный позор. Однако, ничего подобного, не происходит. Напротив, Ахилла уважают, почитают и считают храбрейшим из греков. С чем же связан такой контраст? Напомним те объяснения, что мы приводили раньше, и все станет на свое место. Мы уже неоднократно доказывали, что Философы символизировали женским началом летучую ртутную воду, и миф преподносит ее нам под видом муз, вакханок, нимф, наяд и nereid. Вот та причина, по которой нам говорят, что Ахилл спрятался под видом женщины, ибо ртуть Философов является собственно ртутью только тогда, когда он — вода. Таким образом, Ахилл должен пройти через это состояние, чтобы лучше соответствовать делу, т.к. иначе он не сможет проникать в твердые тела и делать их летучими.

Правильно считается, что, обнаружив Ахилла, Одиссей совершил одно из главных своих дел, потому что, по мнению всех герметических Философов, растворение материи в ртутную воду представляет собой ключ делания. Ищите, говорит Космополит, материю, из которой вы можете добыть воду, но воду проникающую, активную, которая к тому же способна полностью растворить золото, без порчи, естественным растворением. Если у вас есть такая вода, то вы владеете сокровищем, в тысячу раз ценнее, чем все золото мира. С ее помощью вы получите все, а без нее — ничего. Вот почему с Ахиллом греки были всемогущи против Трои, а без него не могли сделать ничего. Как было сказано, он должен был там погибнуть и действительно погиб. Это значит, что для совершения делания нужно зафиксировать ртуть Философов, с тем, чтобы летучая часть стала одним целым с фиксированной. Фиксированная часть представлена троянцами, которых по этой причине всегда называют *укротителями коней* или же награждают эпитетами, означающими нечто тяжелое, неподвижное и способное остановить то, что находится в движении. Гомер сравнивает самого Гектора со скалой. Греки же и все, что к ним относится, напротив, всегда изображаются активными, все время в движении. Почти о всех военачальниках Гомер пишет, что они не имели себе равных в легкости бега, в стрельбе из лука и в метании копья. Их кони быстры, как ветер, кобылицы Ферета скачут так же быстро, как летают птицы; их вырастил сам Аполлон, когда жил у муз. Наконец, все, что может означать летучее, приписывается грекам, а все, что указывает на фиксированное, относится к троянцам.

Из сказанного видно, зачем было необходимо присутствие Ахилла для взятия Трои и почему, как утверждалось, его дед Эак помогал Аполлону и Нептуну строить этот город. Ведь Эак, *αἰα*, означает, собственно, *земля* или материя, используемая в делании. Материя эта, находящаяся в сосуде, начинает портиться — вот вам и государство Фтия, где правит Пелей, т.е. чернота, которая и есть порча. Из этого растворения или гниения получается ртуть Философов, т.е., от Пелея родится Ахилл. Когда сера Философов достигает совершенства, Троя построена, и кем? Эаком, Нептуном и Аполлоном, потому что сера была получена из воды и земли. Поскольку земля эта есть начало золота Философов или Аполлона, то и не удивительно, что она участвовала в операции, т.к. фиксированность серы достигается благодаря фиксирующим свойствам земли. Но, чтобы завершить делание, недостаточно иметь серу или построенный город Трою; город этот нужно разрушить, что и стало сюжетом «Илиады», где мы читаем, как после смерти Ахилла потребовался еще и его совсем юный сын Пирр, ибо, как предначертано, нужен был кто-то из рода Эака. Зачем? Дело в том, что после фиксации ртути,

обозначенного смертью Ахилла, появляется Пирр, т.е. огненный камень, как мы это уже видели выше. На фиксацию указывает имя того, кто убил Ахилла, т.е. Парис, ибо Парис происходит от греческих слов *παρά* и *ίση*, я фиксирую, я останавливаю или, если хотите, *παρίημι*, я отнимаю силу, я ввергаю в инертность.

Второй довод Одиссея, приведенный им, чтобы доказать свое право на доспехи Ахилла, состоит в том, что он взял и разрушил города Аполлона, т.е., что он совершил делание и получил камень, и, следовательно, результат делания должен остаться ему. Это значит, что без доспехов Ахилла, т.е. без проникающего, растворяющего, улечивающего действия меркурия, нельзя довести эликсир до совершенства.

ВТОРОЕ РОКОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: Трою нельзя было взять без стрел Геркулеса

Умирая, Геркулес подарил свои стрелы Филоктету и взял с него клятву никому не рассказывать о том, что стало с его телом и с тем, что ему когда-то принадлежало. Когда греки решили воевать с Троей, они обратились к дельфийскому оракулу, и тот ответил им, что без стрел Геркулеса Троей им не овладеть. Одиссей проведал, что стрелы эти у Филоктета, разыскал его самого и попросил у него стрелы. Филоктет сказал в ответ, что не знает, где они. Одиссея такой ответ не удовлетворил, и он стал требовать еще настойчивее. Тогда Филоктет ногой показал место, где лежали стрелы. Одиссей забрал их и отвез к грекам.

По другим преданиям, Одиссей уговорил и Филоктета отправиться вместе с греками и самому нести стрелы. По пути в Трою греки бесчеловечно бросили его на Лемносе из-за язвы, открывшейся у него на ноге от укуса змеи¹, когда он на Кипре искал алтарь Аполлона, где когда-то приносил жертву Геркулес и где, как сказал оракул, греки должны были также принести жертву, прежде чем приступить к осаде Трои. Другие авторы считают, что язва у него возникла от раны, нанесенной попавшей ему в ногу одной из стрел Геркулеса. Стрелы эти были окрашены ядовитой кровью лернейской гидры. Одиссею пришлось еще раз отправиться к Филоктету, хотя они и были врагами, т.к. Одиссей это один из тех, кто считал, что его нужно бросить на острове из-за раны. Но, несмотря на это, Одиссею удалось уговорить Филоктета и привезти его на войну. Да и кто бы мог устоять перед Одиссеем, хитроумным и изобретательным вождем, доводившим до конца всякое свое предприятие?

Из мифа мы узнаем, что Филоктет был знаменитый герой, товарищ Геркулеса, как и Тесей. Как пишет Гомер², Филоктет прекрасно владел луком. Поэтому греки решили, что он был самым достойным из всех, чтобы занять место Ахилла и отомстить за его смерть, и желание это было выполнено Филоктетом, убившим Париса. Несомненно, именно благодаря его искусству стрельбы из лука, на которое указывает Гомер, Геркулес оставил ему свои стрелы, подобно тому, как он посвятил свою палицу Меркурию. Стрелами он поражал чудищ издалека, а палицей сбивал их с ног, если они приближались к нему. Эти же два вида оружия нужны и Мастеру великого делания: летучее — чтобы вскрывать, размягчать,

¹ Илиада, II, 723.

² Илиада, II, 718.

растворять, проникать в твердые и фиксированные тела; фиксированное — чтобы останавливать летучее и делать его фиксированным. Неудивительно поэтому, что стрелы Геркулеса считались совершенно необходимыми для взятия Трои. Если присмотреться к обстоятельствам, при которых стрелами воспользовался Филоктет, то станет видно, что они означают именно это. В первый раз одна из стрел упала ему на ногу и причинила такую зловонную язву, что Одиссей решает оставить Филоктета на Лемносе — острове Вулкана и том месте, где сделали первую остановку аргонавты, что указывает на начало делания.

Гниение материи в сосуде происходит лишь в результате воздействия летучего на фиксированное, приводящего к началу растворения. При испарении летучего исходит зловонный запах гниения. Итак, подлинной причиной язвы у Филоктета стали эти стрелы — символ летучего. Филоктета оставили на Лемносе до тех пор, пока Ахилл был жив, т.е. пока меркурий не стал фиксированным и можно было обходиться без Филоктета; но как только Ахилл умер, потребовалось прибегнуть к стрелам Геркулеса, и потому Одиссею поручили поехать за Филоктетом и привезти его в стан греков. Таким образом, мы видим, почему его причисляют к аргонавтам. Стрелы служат для поражения издалека птиц или зверей, к которым страшно или невозможно приблизиться. Из мифов известно, что лук и стрелы были у Аполлона и Дианы. Аполлон убил из лука змея Пифона, а Диана — Ориона. Из лука же Аполлон убил Патрокла. Однако, мы уже довольно объясняли, что означают стрелы Геркулеса, в рассказах о его подвигах. Заметим лишь, что Гомер называет Геркулеса, Тесея и Пирифоя сыновьями богов и говорит, что они жили задолго до него¹, с чем не согласен аббат Банье.

ТРЕТЬЕ РОКОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Похищение Палладия

Мы немного знаем о том, что, собственно, следует понимать под Палладием. Принято считать, как писал Аполлодор, что это была статуя Минервы высотой в три локтя с копьем в правой руке и веретеном с пряжей в левой. Что это было подобие автомата, двигавшегося сам по себе. Далее он писал, когда Ил построил Илион в месте, где остановился бык пестрой масти, за которым он шел, он попросил богов послать ему какой-нибудь знак, дабы он понял, что город этот был им по сердцу. Что тогда с небес к ногам Ила упала эта статуя. Когда же он спросил у оракула о значении статуи, тот ответил ему: до тех пор, пока она будет находиться в городе, никто не сможет им завладеть. Согласно более распространенному мнению, статую эту похитил Одиссей, пробравшийся ночью в цитадель при помощи хитрости, либо другим способом, о котором, как пишет Корион, он договорился с сыном Приама Геленом. Но тот же Корион утверждает, что похитил ее только Диомед, а это не соответствует тому, как Овидий описывает речь Одиссея перед греками, упоминавшуюся нами выше. Овидий пишет также², что Палладий упал с неба на стену Илиона, а Аполлон известил, что Троянское государство будет существовать до того времени, пока в нем будет храниться Палладий. Поэтому троянцы бережно хранили это сокровище, а греки изо всех сил старались его по-

¹ Одиссея, II, 629.

² Фасты, VI.

хитить. Так обо всем этом пишут не только древние, но и христианские авторы, т.к. Арнобий, Св. Клемент Александрийский, Юлий Фирмик Матер сообщают, что Палладий был изготовлен из мощей Пелопа.

Удивительно, что люди верили столь нелепым выдумкам, и что никто не утрудил себя подумать не только о том, как могла такая статуя свалиться с неба, но и о том, существовала ли она вообще. Почему же наши современные мифологи, желающие, чтобы на них смотрели, как на людей, не способных соглашаться с чем-либо, что не было рассмотрено на суде строжайшей критики, почему же не приходит им в голову усомниться в вещах, явно свидетельствующих о чистом вымысле? Выходит, достаточно, чтобы нечто исходило только из уст древних авторов, — и прочь всякую мысль о прояснении факта? Что бы там ни говорили об этом Палладии, очень похоже, что небеса, откуда он упал, — не что иное, как изображение Гомера. Именно у него, как пишет Эльен, остальные поэты заимствовали почти все рассказанное ими. И не зря живописец Галатон изобразил когда-то Гомера, изрыгающим в кругу множества поэтов, воспользовавшихся этим запасом Гомера. Он — тот источник, из которого черпали поэты большинство мифов и предрассудков, как реки затопивших впоследствии Грецию и другие страны. Итак, следовательно, можно отнести Палладий к числу многих других вещей, не существовавших действительно, и отсюда, ставших причиной всех тех различий во мнениях, наблюдаемых у разных авторов. Никогда не существовавшая вещь непременно приведет к разным мнениям, если придется оспаривать ее существование, ее вид, место ее нахождения и ее дальнейшую судьбу. Поэтому некоторые авторы (Дионисий Галикарн., Рим. древн., кн. 2) утверждают, что Палладий не был похищен греками, что им завладел Эней и забрал с собой в Италию вместе с божествами пенатами, а грекам досталась лишь его копия. Овидий (Фасты, кн. 6) не желает становиться судьей в этом вопросе, хотя и говорит, что Палладий в его времена хранился в храме Весты в Риме. Тит Ливий (*De sec. Bello Punico*) пишет то же самое. В Риме к Палладию относились так же, как и в Трое. Их даже насчитывалось трое: один в Илии, другой в Лавинии, третий в Альбе, основанной, как говорят, Асканием. Этот город, называвшийся *матерью Рима*, был разрушен Туллом Гостилием. Вергилий не согласен с Дионисом Галикарнасским, т.к. он ясно помнит, что Палладий похитили греки.

Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно смели коснуться
Кровью залитой рукой девичьих повязок богини, —
Тотчас на убыль пошла, покидая данайцев, надежда...

Энеида, II, 166–169

Солин, как нам кажется, попытался увязать между собой все эти разные мнения и писал, что Диомед отвез Палладий в Италию, где и подарил его Энею.

Что же это была за статуя, если она действительно существовала, и что вообще можно о ней думать, видя столько противоречащих одно другому сведений? Можно предположить, что каждый преподносил эту вещь так, как это больше всего соответствовало его мыслям и ставившейся цели. А поскольку начало всем этим суждениям положил Гомер, то именно у него и следует искать правду. Но что сам он имел под этим в виду? Об этом можно судить по тем объяснениям, которые приводились нами в отношении всего остального.

Итак, Палладий был изображением Паллады, а, как известно, богиня эта симболизовала гений, рассудительность, знания в науках и искусствах. Поэтому, мы можем, не боясь ошибиться, предположить следующее: Гомер хотел показать, что без науки, разума и знания природы Мастер не сможет завершить дела. Именно поэтому возникла легенда о том, что Одиссей похитил статую; ведь Одиссей — это символ Мастера. Во всей аллегории войны за Трои его изображают умным, дальновидным, осторожным человеком, способным довести до конца начатое дело. Как пишет Гебер (*Summa perfect.*, ч. I), Мастер должен обладать всеми качествами Одиссея, знать Природу, уметь раскрывать употребляемые ею методы и вещества. Он должен знать, что удачи ему не видать, если он не добьется благосклонности Минервы. Тщетно поэтому было бы вдаваться в рассуждения о существовании этого изваяния Паллады и не менее бесполезно было бы пытаться узнать, действительно ли она сошла с неба или же ее сотворили руки человеческие. Ясно, что мудрость и знание наук и искусств — это дар Отца знания, от которого исходит всякое благо. Следовательно, Гомер и другие были правы, говоря, что Палладий спустился с небес.

ЧЕТВЕРТОЕ РОКОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО **Взятие Трои невозможно без мощей Пелопа**

Три вещи, о которых говорилось выше и которые считались необходимыми при осаде Трои, могли на самом деле иметь какое-то отношение к этому предприятию. Храбрый и доблестный воин, такой, как Ахилл, играет не последнюю роль. Стрелы — оружие тех времен — также были необходимы. Это необязательно должны были быть стрелы Геркулеса, но, как бы там не было, это были стрелы.

Далее, можно предположить, что представление греков и троянцев о покровительстве, оказываемом божеством, основывалось хотя бы на их воображении. Но, когда говорят, что мощи давно умершего человека, не считавшегося ни богом, ни даже великим героем, относятся к таким необходимым для победы предметам, то можно спросить у наших мифологов, видят ли они в этом какую-нибудь связь. Что касается нас, то признаем, что если бы мы согласились с их системами, то пришлось бы сознаться, что мы не видим в них ничего, что соответствовало бы здравому смыслу. Что могли сделать мощи мертвеца против города, у стен которого столько тысяч живых мужей истекали потом и кровью? Словом, какое отношение Пелоп имел к городу Трое? Он — сын Тантала, испытывающего, как сказано в мифе, постоянные муки из-за страха быть раздавленным скалой, нависшей над его головой, и не имея возможности прикоснуться к расставленным вокруг него напиткам и яствам. Пелоп вовсе не участвовал с Эаком в возведении Илиона. Поэтому в его присутствии не было такой же необходимости, как в присутствии Ахилла. По преданию, Тантал был сыном Юпитера и нимфы Плуто. Принимая однажды у себя богов, он не смог придумать для них лучшего угощения, чем его собственный сын Пелоп. Боги заметили это, но не возрадовались, а возмутились. Лишь Церера не разобрала, что за блюдо ей подали, т.к. была занята мыслями о своей похищенной дочери Прозерпине. Она оторвала у него плечо и съела его. Богам стало жалко несчастного юношу, и они сложили куски его тела в котел, сварив, соединили их заново — и тем вернули ему

жизнь. Съеденное же Церерой плечо они заменили слоновой костью. Это дало повод Ликофрону говорить, что Пелоп был омоложен дважды.

Таково преступление Тантала, за которое, как пишет Гомер¹, он был наказан вечной жаждой и голодом. Утолить их он не мог, хотя и стоял по шею в воде, а когда наклонялся, чтобы глотнуть, вода уходила ниже. Когда же он пытался достать рукой висевшие рядом плоды, ветер отдалял их от него. Овидий также описывает муки Тантала, но приписывает их его болтливости, поскольку, по его словам, он рассказал людям тайны, доверенные ему богами.

Души бескровные слез проливали потоки. Сам Тантал
Тщетно воды не ловил. Колесо Иксионово стало.

Метаморфозы, X, 41–42

Пелоп взял в жены Гипподамию — дочь властителя Элиды Эномая — после того, как победил его в состязаниях на колесницах. Эномай, напуганный предсказанием оракула о том, что ему суждено быть убитым собственным зятем, не хотел отдавать дочь замуж, а чтобы устранить желавших вступить с ней в брак, он ставил им опасное условие: она была обещана тому, кто одолеет его в гонке на колеснице, проигравшего же ждала смерть. Претендент начинал скачку первым, а Эномай гнался за ним с мечом в руке и, когда настигал юношу, то пронзал его мечом. Так, от его руки погибло тринадцать юношей, а прочие предпочли отказаться от своих притязаний и не подвергать себя такому же риску. Эномай обещал даже возвести храм в честь Марса и поместить в нем черепа убитых им. Пелопа все это, однако, не устрасило, но, чтобы действовать наверняка, он увиделся с Миртилом — возницей Эномая — и подговорил его, посулив награду, распилить колесницу надвое и соединить обе части так, чтобы тот ничего не заметил. Миртил так и сделал; а во время скачек колесница сломалась, Эномай упал с нее и сломал себе шею. Добившись таким образом победы, Пелоп женился на Гипподамии, Миртила же в наказание за его вероломство бросил в море. Позднее Вулкан заставил Пелопа искупить это злодеяние.

Если взять на себя труд и сравнить эту вымышленную историю с другими древними сказаниями, имеющими к ней отношение, то мы увидим, что вся она — просто вымысел. В ней говорится, что Пелопа оживили боги после того, как он был убит, а именно сварен в котле. Точно так же когда-то нимфы оживили Бахуса, а Медея — Эсона. Пир у Тантала — тоже сказка, и вряд ли кто-либо из мифологов станет доказывать, что такой пир действительно когда-то происходил. О Тантале говорят, что он выболтал тайну богов. Что же это была за тайна? На нее нам могли бы указать этот мифический пир и подававшиеся на нем яства, когда бы не было сказано, что Церера вкусила от них. Вспомним, что говорилось нами об Элевсинских мистериях, столь знаменитых в Египте и Греции, — и мы поймем, в чем заключалась сия тайна.

Очень похоже, что вся эта история аллегорична, точно так же, как легенда об Осирисе и Исиде, легенда о Церере, о Вакхе или Бахусе, об Эсоне и Медее. Поэтому-то и легенду о Пелопе следует толковать в том же смысле. Это значит, что его не зря любил Нептун, давший ему колесницу и коней, и благодаря чему он победил Эномая. Ведь летучую меркуриальную воду Философов часто называют

¹ Одиссея, II, 581.

«Нептуном». К тому же, Вулкан, которого впутывают в эту историю — как искупителя злодеяния Пелопа, еще яснее доказывает, что речь идет об аллегории великого делания. Эта идея принадлежит не нам. Об этом пишет Джованни Пико дела Мирандола (Lib. 2, с. 2. De Augo), причем, по его словам, богатства Тантала были получены им благодаря химии, что он умел добывать золото, писать на пергаменте, к тому же, Пелоп и его сыновья подразумевали под этим их государство, что нет ничего удивительного в том, поэтому Тиест пытался любыми средствами заполучить или захватить силой мифического агнца, владевшего этой тайной и переданного на попечение Атрею, — что и привело в дальнейшем ко всем известным трагическим событиям. Об этом, как пишет наш автор, упоминали поэты, Цицерон, Сенека и многие другие, однако нам они это передали под покровом аллегории.

Точно так же следует относиться и к мощам Пелопа, которые, как говорится в легенде, отличались огромной величиной. Эта аллегория основывается на том факте, что кости являются самой устойчивой частью человеческого тела, и что в делании необходима фиксированная материя, потому что она должна быть таковой или стать достаточно устойчивой во время операций, чтобы зафиксировать сам меркурий, превосходящий все своей летучестью. Известно также, что греки поклонялись земле под именем Опса и одновременно считали ее богиней богатств. Легко доказать, что имя Пелоп составлено из слов *Опс* и *Пелос*, которые мы уже не раз объясняли. Как известно, все Философы говорят, что для делания нужна фиксированная земля. Неизвестный автор «Совета о браке Солнца и Луны» приводит даже следующие слова Грациана, имеющие прямое отношение к аллегории с мощами Пелопа. «Свет, сила огня, растекающегося в сосуде, превратили мощи покойника в фиксированную известь; а после испарения влаги они обращаются в прах. Об этом прахе пишет Азират в «Turba», утверждая, что «пепел этот бесценен». О нем говорит и Мориен («Беседы с королем Калидом»), советуя не отворачиваться от праха, ибо в нем скрыта диадема короля. Именно с прахом связано пятое роковое предсказание для Трои, к которому мы и переходим.

ПЯТОЕ РОКОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

О том, что перед взятием города нужно было забрать прах Лаомедонта, хранившийся у Скейских ворот

Лаомедонт возвел стены Трои или, скорее, возвели их под его предводительством Нептун и Аполлон. Приложил к ним руку и Вулкан. Когда же он отказался отдать богам обещанное вознаграждение, Нептун оскорбился и наслал морское чудовище, наводившее ужас на страну. Успокоить же гнев бога удалось, только принеся в жертву Гесиону, которую Лаомедонт вынужден был отдать на съедение чудовищу. Гераклес же освободил жертву и убил Лаомедонта, чей прах троянцы хранили у Скейских ворот. Об этом мифе мы уже говорили, хотя праха Лаомедонта не касались.

Трудно представить себе, что нужно осквернить могилу государя и извлечь его прах, без чего совершенно невозможно было бы взять город. Если бы эта могила была укреплением, находящимся на единственной улице, по которой удалось бы войти в город, то можно согласиться, что ее требовалось бы захватить. Но ведь ничего такого о могиле не говорится. Да и к чему извлекать из нее прах?

На что он мог сгодиться? Завладеть прахом поручают Одиссею, и он благополучно справляется с этим делом. Почему выбор пал именно на Одиссея? Причину этого можно без труда увидеть в нашей системе.

Выше мы рассказывали уже о том, что для успеха нужны были мощи, и что мощи эти превращают в прах. Мощи и прах — это аллегорическое название двух вещей, необходимых для делания. Герметические Философы говорят о них очень и очень часто. Боннелл в «Turba» пишет:

Тело, из которого удалили влагу, подобно телу покойника; ему теперь нужно действие огня, до тех пор, пока оно вместе со своим духом не превратится в землю, — а в этом состоянии оно похоже на прах трупа в могиле. Жгите же без боязни эту вещь, пока она не станет прахом, таким прахом, который может принять его дух, душу и тинктуру.

У нашей латуни, как и у человека, есть дух и тело. Когда Бог очистит их и освободит от немощей, — он их прославит. И я говорю вам, сын мудрости, что если будете правильно управляться с сим прахом, он прославится, и вы получите желаемое.

Все остальные говорят то же самое. Василий Валентин дважды или трижды в такой же аллегории указывал на мощи покойников и их прах.

Итак, для получения золотого лекарства нужен прах, но прах кого-то особенного, прах Лаомедонта, т.е. того, кто построил город Трои и кто из-за этого лишился жизни. Следует знать, что значит «лишиться жизни» в понимании Философов. История Лаомедонта подобна истории потомков Эака. И он, и они трудились для возведения Трои; и он, и они должны помочь ее разрушению. Вот почему герметические авторы часто говорят, что конец делания свидетельствует о его начале, а что заканчивать надо тем, что было использовано для начала. Смотрите и думайте, говорит Василий Валентин («Двенадцать ключей»; Предисловие) о том, что вы собираетесь делать, и ищите то, что может вас к этому привести, ибо конец должен отвечать началу. Поэтому не берите вещество горючее, так как вы не собираетесь сделать из него вещество негорючее. Не ищите вашу материю среди растений, потому что, когда вы сожжете их, то останется лишь мертвый и ненужный прах. Помните, что делание начинается с одного, а заканчивается другим; но эта другая вещь содержит в себе две: одну летучую, а другую фиксированную. Обе эти вещи должны в конце концов, соединиться в одну, совершенно фиксированную, и настолько фиксированную, что она не должна бояться огня.

ШЕСТОЕ РОКОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Необходимо помешать коням Реса напиться из реки Ксанф и увести их оттуда до того, как они успели бы окунуть в нее свои головы¹.

С какой бы стороны ни рассматривать это условие, в нем все время замечаешь нечто смешное, даже, если подходить к нему с исторической точки зрения. Надо полагать, что еще перед осадой Трои греки были прекрасно осведомлены об этих роковых обстоятельствах, т.е., об условиях, при которых город этот мог быть захвачен. Поэтому, вовсе не похоже на правду, как о том думает аббат Банье, что сам Одиссей распространил слух об этом условии для того, чтобы греки по-

¹

В греческий лагерь увел горячих коней, не успевших
С пастбищ троянских травы и воды из Ксанфа отведасть.

Энеида, I, 472–473

мешали Ресу прийти на помощь городу. Для этого не нужно было особого ума, ибо всякий знает, что для взятия осажденного города нужно помешать подмоге подойти к нему. К тому же, в мифическом предсказании говорилось не о том, чтобы не допустить Реса с его войском в город, а чтобы убить его и увести его коней, пока они не напились воды Ксанфа. Если бы в наше время рассказывали такие вещи, то люди смеялись бы в лицо рассказчику, и нет сомнения, что греки точно так же могли поднять на смех Одиссея, если бы он предложил столь наивную уловку для оживления их упавшего духа.

Таким образом, нужно подойти к этому обстоятельству с другой стороны и отметить, как это сделал Гомер, что Рес прибыл к концу осады последним из всех тех, кто явился на помощь Трое, что он был сын властителя Фракии Эионея, что кони его были сильные, красивые, белее снега и быстрее ветра. В конце концов Одиссей увел их, забрав также и тела Реса и двенадцати других фракийцев, убитых Диомедом так, что никто этого не заметил. Немешает заметить, к тому же, что Ксанф был рекой Трояды, а пившие из нее животные окрашивались в желто-красноватый цвет.

В этих роковых обстоятельствах все отлично сочетается, так же, как у Гомера, и тут нет ничего смешного, если смотреть на эти вещи в аллегорическом смысле, в котором они и пересказывались. Рес появляется к концу осады, и он не должен был прибыть раньше. Его кони были белой масти, и цвет этот служит еще одним свидетельством в пользу аллегории, т.к. белый цвет указывает на начало успокоения материи и проявляется только к концу делания. Философы предупреждают мастеров о том, что нужно быть внимательным, и добиваться того, чтобы цвета следовали один за другим в определенном порядке: первым появляется черный, за ним — белый, потом — лимонный и, наконец, — красный; а если они появляются не в таком порядке, то значит огонь был слишком сильный — и все испорчено. Если слишком сильно раздувать огонь, говорит Тревизан (Philosoph. des Métaux), то на материи появляется цвет полевого мака, и черное сменяется красным. Исаак Голланд пишет, что кирпичный цвет в начале делания преобладает, но, когда материя уже подходит к совершенству, то принимает желтый цвет, переходящий затем в красный и, наконец, в пурпурный. Что же до желтого цвета, то Церус так говорит о нем в «Turba»: варите с вниманием вашу материю, пока она не примет красивый шафрановый цвет. А вот слова Боратеса: варите и смешивайте латунь с ее водой, пока она не станет цвета золотистого шафрана.

Поскольку желтый цвет указывает на нарушение процесса и на неправильные действия, если он проявляется в начале делания и еще до белого цвета, то Мастер должен приложить все свое старание, чтобы кони Реса не пили воду Ксанфа, т.е., чтобы желтый цвет не появился раньше белого. Именно это и хотел сказать нам Гомер, т.к. он говорит, что лошади были белые, и Одиссей увел их до того, как они напились. А когда Гомер утверждает, что кони эти были быстры, как ветер, то он желает тем самым указать на состояние меркурия, который пока еще остается летучим. Вот подлинная причина, по которой Гомер замечает, что Рес с фракийцами прибыл последним из тех, кто отправился на подмогу Трое. Первым явился предполагаемый владыка Эфиопии Мемнон, — это потому, что черный цвет, обозначаемый Эфиопией, появляется первым. Одновременно с этим сын Ликаона, Пандар, привел с собой зелийцев, пьющих *черную воду* Эсепы и живущих у подножия горы Иды (Илиада, II, 824). Мы знаем, что растворение ма-

терии совершается в период черноты, и что Философы часто называли свою материю *волкам*. Не стоит поэтому удивляться, что Гомер дает в предводители так называемым поглотителям черной воды некоего Пандара, или разрушителя из породы волков. Возможно, от его имени пошло слово *Pendard* (висельник), которым народ награждает подлецов, жестоких и злых людей. Затем прибыли Адраст и Амфий, сыновья Мeroпа Перкотийского, или Мeroпа, «с кожей в пятнах», командовавшие адрастеями и апесийцами. Гомер, поэтому сообщает нам: после черного цвета появился пестрый, который Философы называют *навлинным хвостом*. Вместе с апесийцами прибыли воины из Перкоты, Сеста и Абидоса под предводительством Асия или *Ἀσις, ил, грязь*, ибо после растворения материя Философов подобна грязи. После перкотийцев Гиппофой или «быстроногий конь», доставил пеласгов (или *πέλας, близко*, и *Γῆ, земля*), как если бы Гомер хотел сказать, что земля или фиксированная материя Философов улетучилась.

Сказанного больше, чем достаточно, чтобы доказать, что Гомер не без причины назвал Реса последним прибывшим на подмогу к троянцам. Проследив за перечисляемыми им греками и троянцами, можно ясно увидеть все убедительные признаки или цвета, проявляющиеся в материи, но для этого нужно перелистать совершенно всю «Илиаду», что в нашу задачу не входит.

Каким образом те, кто считает осаду Трои действительным фактом, объясняют действия Одиссея и Диомеда, решившихся вдвоем проникнуть в лагерь фракийцев, перебивших там множество воинов и самого Реса и вернувшихся в свой стан с его лошадьми, да так, что никто этого не заметил? Гомер так описывает это событие:

Рек, — и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хоревый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Все же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял гордый Одиссей и молящийся громко воскликнул:
«Радуйся жертвой, Афина! К тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракия!»

Так произнес — и поднятое все на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рес посреди почивал, и его быстроногие кони
Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.
Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
«Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.
Но начинай, окажи ты страстную силу: не время
С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывая коней,
Или мужей побивай ты; а я постараюсь о конях».

Рек он, — и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
 Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
 Воев, мечом поражаемых, кровью земля покраснела.
 Словно как лев, на стадо бесстрашное коз или агниц
 Ночью набредши и гибель замыслив, бросается быстрый, —
 Так на фракийских мужей Диомед бросался могучий;
 Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
 Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
 За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
 С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
 Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
 Прямо идя по убитым, еще не привычные к трупам.
 Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
 Реса третьего на десять сладостной жизни лишил он.
 Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
 Ночью стоял над главой — Диомед, по совету Афины.
 Тою порой Одиссей отвязывал Ресовых коней;
 Вместе узлами связал и из ратного толпища вывел,
 Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
 Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
 Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
 Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
 Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
 Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
 Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?
 Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
 Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
 «Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
 Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
 Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит».

Так изрекла, — и постигнул он голос богини вещавшей,
 Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
 Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

Илиада, X, 454–514

Спрашивается: можно ли в такое поверить? Может ли быть правдой, чтобы один человек убил двенадцать среди тысячи других, хотя и спавших, но никто ничего не заметил? Действительно ли они так крепко спали, чтобы стоны раненых не могли прервать их сон и разбудить хотя бы одного? Неужели же у них не было ни одного часового? Выходит, что можно было оттащить тела убитых и раненых по телам других, провести лошадей и действовать при этом так тихо, что никто бы не проснулся? Человек набрасывается на спящих, аки лев, рубит мечом направо и налево, и никто при этом не просыпается? Неуж-то правда, что самому Аполлону приходится кричать в ухо Гиппокоонту, родичу Реса, спавшему рядом с ним, чтобы разбудить его и побудить его объявить тревогу? Оставим возможность судить обо всем этом читателю.

Что же до нас, то, как и Гомер, мы можем сказать, что дело это было задумано Минервой и осуществлено под ее же началом, как и все дела Одиссея. Гомер постарался бы получше описать эти события, если бы хотел, чтобы мы поверили в них. Но, будучи аллегориями, они выглядят естественно.

Итак, Мастер золотого лекарства работает с ртутью Философов, и действия выполняются общие. Материя черного цвета изображает ночь и сон; убийство Реса и фракийцев обозначает растворение, как и смерть Долона. С него снимают шлем, опущенный хорьком, и волчью шкуру, потому что эти шкуры коричневого цвета и обозначают ослабление черного цвета. Одиссей цепляет их на тамариск, и сделанный Гомером выбор указывает на его намерение все точно обозначить. Тамариск — дерево средней высоты с жесткой корой, серой снаружи, красноватой изнутри и беловатой посередине. Цветет он белыми и алыми цветками. Это все соответствует тому, что поэт говорит нам: за черным цветом или растворением, обозначаемым смертью Долона, приходит коричневый цвет, сменяемый серым, а потом белым и, наконец, красным. Кому другому, как не Минерве, мог посвятить останки Долона Одиссей — ведь это она — богиня мудрости и наук?

В конце концов, Одиссей и Диомед добираются до стана фракийцев и после устроенной там бойни уводят белых коней Реса: другими словами это — улетучивание материи, происходящее после разложения, а улетучивание проявляется белым цветом. Диомед колеблется, забрать ли ему колесницу Реса вместе с его оружием, но Минерва убеждает его удалиться без колесницы. Почему? Дело в том, что колесница серебряная, а оружие в ней золотое. Диомед поэтому не мог все это забрать с собой, но не потому, что груз был слишком тяжелый. Материя, достигшая белизны, называемая Философами *луной* или *серебром*, в этот момент находится в состоянии не летучести, а фиксированности. Ее состояние еще более фиксируется, когда материя приобретает красный цвет — цвет золота Философов. Оружие лежало в колеснице, так как краснота находится внутри белизны, как утверждают все герметические авторы. Д'Эспанье пишет (Сap. 78):

С прибытием Юпитера или серого цвета дитя Философов сформировано. Оно питается в матке, и выходит наконец на свет с белым и блестящим, как луна, лицом. Затем внешний огонь приходит на помощь огню Природы и управляет элементами. *Что было спрятано, проявляется*; шафран окрашивает лилию и, в конце концов, краснота разливается по щекам окрепшего дитяти.

Уведя коней, Одиссей и Диомед возвращаются в лагерь греков; это значит, что, поднявшись при улетучивании вверх сосуда, материя снова опускается на его дно.

Таковы кони Реса, которых нужно было похитить прежде, чем они напьются из Ксанфа. Как мы видели, их нужно было похитить до этого момента, потому что материя, достигшая желтого цвета или цвета шафрана, не смогла бы улетучиться, а это — необходимое условие для совершения деяния, или взятия Трои.

К описанным роковым обстоятельствам нужно присовокупить смерть Троила и Гектора. И тот, и другой погибли от руки доблестного Ахилла. Известно, что означают имена Трос и Ил, из которых составлено имя Троил. Не возвращаясь к этому, скажем лишь, что поскольку этим именем обозначаются растворение и разложение материи, абсолютно необходимые для успеха деяния, то смерть Троила с полным основанием считалась условием взятия города Трои. Не менее необходимым условием была и смерть Гектора, т.к. он выступал главным защитником города.

Как описывает Гомер (Илиада, XXII, 121), Ахилл, подобный Марсу, шел на Гектора, с устрашающим и грозным видом, сверкающий, как огонь или восходящее солнце. Как только Гектор увидел его, он ужаснулся и, несмотря на выкачанную им до сих пор храбрость, несмотря на то, что он подбадривал сам себя,

он не смог внушить себе смелость и твердость для встречи Ахилла. Им овладел страх, и он бросился бежать. Быстроногий Ахилл устремился за ним, как хищная птица бросается на объятую страхом голубку. Гектор бежал очень стремительно, но Ахилл преследовал его еще быстрее. Так добежали они до двух истоков Скамандра, полного водоворотов и омутов. Один источник был горячим, и из него поднимался пар; другой же был всегда замерзший, даже в разгар лета. Они бежали дальше, и Ахилл, возможно, не догнал бы Гектора, если бы перед ним не возник бы вдруг Аполлон. Бог вернул ему храбрость. Пред ним появилась и Минерва в виде брата его Деифоба — и тогда Гектор стал лицом к Ахиллу. Тот метнул в него копье, но Гектор увернулся и, в свою очередь, с такой силой метнул копье в Ахилла, что оно сломалось, ударившись о его щит. Видя, что Ахилл без копья, Гектор бросился на него с мечом, но тот опередил его и мощным ударом в ключицу опрокинул на землю. Умирая, Гектор предсказал Ахиллу, что его ждет смерть от руки Париса, которому поможет Аполлон.

Нет нужды много размышлять для понимания, что бегство Гектора и погоня за ним Ахилла означают улетучивание материи. Уже приводившийся нами, Алфидий говорит, что когда преследователь остановит убегающего, он становится его господином. Ахилл и Гектор достигают обоих источников Скамандра, один из которых горячий и жидкий, а другой — застывший. Дело, как мы знаем, в том, что на дне сосуда имеются две материи: одна жидкая, а другая коагулированная, т.е. вода и замерзшая земля, образовавшаяся из этой самой воды. Добежав до источников, герои не останавливаются, а несколько раз оббегают их, как бы повторяя процесс, и это значит, что улетучивающаяся материя в сосуде неоднократно поднимается и опускается, прежде чем застыть. Поэтому Гектор остановился только, когда к нему обратился Аполлон, ибо летучая материя застывает лишь тогда, когда соединится с фиксированной. И далее завязывается поединок, в котором Гектор погибает, предсказывая при этом Ахиллу, что тот сам падет под ударами Париса и Аполлона. Подобно сказанному сей бог стал также причиной гибели Патрокла и Гектора.

Наконец, для взятия Трои совершенно необходим был сын Геркулеса и Авги — Телеф. Мы говорили уже ранее, что Геркулес — это символ Мастера. Авга означает великолепие, блеск, свет, а мы знаем, что Философы дают такие имена материи, доведенной до белого цвета, по контрасту с чернотой, именуемой ими ночью и мраком. Телеф означает «сверкающий и блестящий вдаль»; и поэтому его называют сыном Света. Он обязательно должен был присутствовать при взятии Трои, поскольку оно не может состояться, если материя не застыла.

Таковы были роковые обстоятельства для города Трои, а отсюда смысл, который следует в них видеть. Все это — мифы или, скорее, аллегории, где, если их рассматривать в таком ракурсе, не будет ничего смешного. Сторонники исторической системы хорошо это поняли и не решились объяснять их. Все случившееся — дело рук Одиссея и, как это видно из сочиненной Овидием его речи — основание для завладения им оружия Ахилла. Одиссей узнал Ахилла в женском одеянии и уговорил его присоединить свое оружие к оружию греков. Он привел в лагерь Филоктета и принес туда стрелы Геркулеса; он похитил Палладий, доставил мощи Пелопа, увел коней Реса и стал причиной, по его собственным словам, гибели Гектора и Троила, т.к. оба эти сыны Приама были убиты Ахиллом. Наконец, он убедил Телефа стать на сторону греков против троянцев, хотя тот и был

союзником Трои и врагом греков, ранивших его в битве. Правильно говорить, что он был союзником троянцев, и это достаточно хорошо подтверждает природа Телефа, или камня, достигшего белизны, т.к. он имеет фиксированную природу — как камень, достигший красноты, или эликсир, обозначающий троянцев.

Сам Гомер дает нам понять, что под Одиссеем следует понимать то же самое, что и под Геркулесом. Вот какую речь он ведет, спускаясь в преисподнюю:

Тотчас узнавши меня, лишь только увидел глазами,
Сорбно ко мне со словами крылатыми он обратился:

— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Что, злополучный, и ты, как я вижу, печальную участь
Терпишь, — подобную той, какую под солнцем терпел я?
Был я сыном Зевеса Кронида. Страданий, однако,
Я испытал без конца. Недостойнейший муж надо мною
Властвовал, много трудов на меня возложил тяжелейших.
Был я им послан сюда, чтобы пса привести. Полагал он,
Неисполнимее подвига быть уж не может другого.
Подвиг свершил я и пса из жилища Аидова вывел.
Помощь мне оказали Гермес с совоокой Афиной.

Одиссея, XI, 615–626

Сколь замечательны эти проводники Геркулеса! Именно они руководили и Одиссеем в его действиях. Минерва всегда находится рядом с ним. Оба героя были благодарны богам. Одиссей принес в жертву Минерве останки Долона, и при этом он сказал богине, что почитает ее за лучшую из обитателей Олимпа и что она единственная, кому он принес такую жертву. Она же называет Одиссея самым умным, самым хитрым и самым пылким из людей (Одиссея, кн. 13, ст. 292):

Был бы весьма вороват и лукав, кто с тобой состязаться
Мог бы в хитростях всяких; то было бы трудно и богу.
Вечно все тот же: хитрец, ненасытный в коварствах! Ужели
Даже в родной очутившись земле, прекратить ты не можешь
Лживых речей и обманов, любимых тобою сызмательства?
Но говорить перестанем об этом. Ведь оба с тобою
Мы превосходно умеем хитрить. И в речах и на деле
Всех превосходишь ты смертных; а я между всеми богами
Хитростью славлюсь и острым умом. Ужель не узнал ты
Дочери Зевса, Паллады Афины? Всегда ведь с тобою
Рядом стою я во всяких трудах и тебя охраняю.

Одиссея, XIII, 292–301

Этим словам всегда соответствуют действия Одиссея. Он всегда предстает умным, осторожным человеком, ничего не делающим не подумав, которому все удастся. Таков или таким должен быть герметический Философ, берущийся за геркулесовы труды или за работу Одиссея, т.е. за великое делание или золотое лекарство. Напрасно пытался бы он их выполнить, не будь у него всех качеств этих героев. Напрасен будет его труд, если он не знает, из какого вещества был построен город Троя, если он не знает корней родословной Ахилла. Философы же так скрывали ее под столькими разными именами, что нужно было обладать проницательностью и гением Одиссея, чтобы изучить и разобраться в ней.

Именно такое множество имен, по мнению Мориена, и вводит в заблуждение почти всех, кто пытается узнать ее. Пифагор в «Turba» говорит, что вся наука герметического Искусства заключается в том, чтобы найти некую материю, превратить ее в воду и соединить эту воду с телом живого серебра и магнезии. Ищите, говорит Космополит, такую материю, из которой вы смогли бы получить воду, растворяющую золото естественным и коренным образом. Если вы ее найдете, вы станете обладателем того, что ищут столько людей и что лишь немногие находят. У вас окажется в руках самое ценное сокровище.

Таковы суть в точности или где-то примерно указания, даваемые герметическими авторами об этой материи. Нужно иметь голову не одного Эдипа, чтобы распознать ее в их речах. Нет сомнения, что вещество это весьма распространенное и известное очень многим, раз уж они так тщательно скрывают его, делают все возможное, чтобы спрятать его и не допустить, дабы его распознали. Нет сомнения также, что и операции достаточно доступны, поскольку Космополит и многие другие уверяют, что их можно описать не на нескольких страницах, а в нескольких строках и, даже, в нескольких словах. И вот эту-то вещь, которую можно описать столь малым количеством слов, Гомер умудрился растянуть на всю свою «Илиаду». В подтверждение этого Космополит говорит, что тот, кто знает великое делание, найдет достаточно материала на бесчисленное множество томов.

Так, рассказывая об осаде Трои и об обращении ее в пепел, Гомер лишь аллегорически описал, как поместить в сосуд Париса и Елену, т.е. материю, и что там происходит во время операций. Он изображает мужчину и женщину, потому что материя частью фиксирована, а частью летучая, частью активная и частью пассивная. Сосуд — это храм Аполлона Тимбрийского, где Ахилла убил Парис. Такое прозвище Аполлона связано с тем, что у растения или кустика тимбра (чаберник), стебли покрыты довольно жестким пушком багряного цвета. Мы видели уже, что цвет этот является признаком окончательной фиксации материи. В этот момент город Троя может быть взят, а большинство находящихся при этом героев удаляются в чужие страны, как это сделали Эней, Диомед, Антенор и многие другие, основавшие повсюду новые государства. Этот исход указывает на действие пороха, способного образовывать государства и сажать на трон правителей, т.е. превращать различные металлы в золото, именуемое королем всех металлов. Тревизан («Философия металлов») использовал эту аллегория именно в таком смысле, как и Василий Валентин («Азот Философов»). И в самом деле, если смотреть на золото как на короля металлов, то основывать новые королевства в далеких краях и будет значить: превращать в золото металлы, имеющие очень мало общего с ним.

Итак, главными героями «Илиады» являются Парис, Елена и Ахилл, а за ними идут Гектор и Пирр. Одиссей выступает как советник греков, т.е. тот, кто ведет операции. Ахилл — это внутренняя сила или врожденный огонь материи, который какое-то время находится в спячке, но затем пробуждается и начинает действовать. Его в конце концов убивает Парис, которого постоянно упрекают в легкомыслии и вялости, но который, тем не менее, выказывает время от времени большую храбрость. Рыжевласый Пирр наследует отцу своему, Ахиллу, и разрушает город Трою. Рыже-красный цвет волос Пирра указан был не зря, ибо Гомер прекрасно знал, что город Троя будет взят или, что делание завершено, когда

эликсир приобретает красный цвет. Пламенный характер Ахилла — это причина, по которой поэт изображает этого героя храбрым, доблестным, все время в движении и почти постоянно в гневе. Из-за его сходства с огнем нам говорят, что щит его был изготовлен Вулканом. В связи с этим его называют Пирифоем, т.к. огонь этот живет в самом огне и не сжигается им. После того, как он убил Гектора, самого доблестного из троянцев, тело героя было выкуплено на его вес за золото. Когда же Ахилл погиб от руки Париса, то греки тоже выкупили его труп таким же образом.

Но разве могли эти герои быть выкуплены иным способом, коль скоро сами они были золотые и потомки золотоносных богов? Столь же естественно воспринимается и известие о том, что останки их были помещены в золотые гробы и покрыты тканью пурпурного цвета. Тело Ахилла было передано Бахусом Фетиде. Причину этого поступка мы узнаем из легенды о Бахусе, поскольку именно этот золотой бог наделил Мидаса способностью превращать в золото все, к чему он прикоснется. Ахилл после смерти своей вступил в брак с Медеей на Елисейских полях, а, как известно, Медея владела тайной омоложения стариков и излечения недугов — и поэтому более удачного союза нельзя было придумать, так как Ахилл Философов обладает такими же свойствами. Еще при жизни ржавчина его оружия вылечила рану, нанесенную им же Телефу.

Мы узнаем Пирра во множестве трудов герметических Философов, однако обратимся здесь лишь к Раймунду Луллию (Test. Th. or. c. 81):

Природой этого красного начала является очень тонкая и легкая субстанция; состав ее горячий, сухой и проникающий.

Сей Философ не единственный, кто, как нам кажется, имел в виду в своих аллегориях то, что происходило при осаде Трои. Василий Валентин называет в своем описании витриола имена Париса, Елены, Гектора и Ахилла. Многие авторы высказывают об этой войне мысли подобные нашим и говорят о ней в том же смысле.

Мы не утверждаем, что в «Илиаде» Гомера описывается только это. Известно, что это его произведение, точно так же, как и «Одиссея», всего лишь аллегория, но аллегория, задуманная отчасти, чтобы объяснить физические тайны Природы, а отчасти, чтобы передать потомкам науку о политике. Именно в силу их второго значения Александр так высоко ценил творения Гомера, всегда возил их с собой и клал их в изголовье на ночь. И если говорить откровенно, то можно ли быть уверенным, что на произведения Гомера смотрели бы как на искуснейшее творение человеческого разума, даже если бы люди поверили, что он считал реальными все те нелепости, которые он описывает, а таюже и супружеские измены, убийства, кражи и другие гнусности, приписываемые автором богам и богиням? В его описании боги внушают нам бесконечно больше презрения, чем уважения. Их речи, оскорбления, звучащие из их уст, и многое другое убеждают нас, что он создавал свое произведение как аллегорию, ибо нельзя поверить, что столь великий человек отзывался бы в таком тоне о богах, в существование которых верил. Он был уверен, что умные люди смогут отделить зерно от плевел и увидят сокровища так искусно скрытые под покровом.

Таким образом, в творениях Гомера должно видеть, по меньшей мере, четыре вещи: иероглифический или аллегорический смысл, скрывающий самые великие тайны физики и Природы. Только Философы натуралисты и те, кто по-

знал Герметическую Науку через теоретические размышления или через практику, способны понять истинный смысл. Одни восхищаются в этих произведениях тысячами поражающих их воображение деталей, тогда как другие не обращают на них внимания. Политики находят в них замечательные правила для королей, вельмож, чиновников и вообще для людей всех сословий. Поэты видят в них плодovitый гений, удивительную способность фантазировать, сочинять сказки и все прочее, что относится к богам и героям. Для них — это неисчерпаемый источник вдохновения. Ораторов приводит в изумление благородная простота его повествования и естественность автора речи.

Вполне возможно, что Гомер привнес кое-что из истории в свою «Илиаду» и «Одиссею»; но сделал он это, чтобы придать своим аллегориям больше правдоподобия, как это делают еще и сейчас большинство сочинителей романов. Правда упрятана во множество вымыслов и так замаскирована, что увидеть ее очень трудно. Если посмотреть под таким углом зрения на существование некоего города Трои за несколько веков до Гомера, то можно будет сказать, что его разрушение стало канвой Гомеровой аллегории; однако, из этого не следует, что написанное им об этом событии соответствует действительности. Дионисий Захарий, живший в шестнадцатом веке, поступил так же, как Гомер: он писал об осаде некоего города, но при этом не называет его, хотя рассказывает о событии, как о действительном факте. *Разница между двумя авторами* заключается в том, что француз предупреждает читателя, что пишет иносказательно, тогда как грек предоставляет читателю самому догадаться об этом.

Из всего, что высказано до сих пор, надлежит сделать вывод, что в «Илиаде» Гомера мало, а то и вовсе нет исторических фактов и, напротив, много аллгорий. Доказательства тому налицо. Предположим, следуя Геродоту («Vita Homeri»), что Гомер жил примерно через сто шестьдесят лет после взятия Трои. К тому времени, наверняка, уже не было в живых никого из потомков в первом колене и почти никого из потомков во втором колене тех, кто при этом взятии присутствовал. Известно, что согласно обычному течению жизни за сто шестьдесят лет сменяются, по меньшей мере, четыре поколения. Следовательно, нереально, чтобы Гомер достоверно знал описываемые им события, а в особенности, обстоятельные подробности действий каждого из вождей. Мы уже не говорим о бесконечных появлениях богов и богинь, о молниях, выпускаемых Юпитером, о землетрясении, вызванном Нептуном, при котором сам Плутон был объят ужасом на своем троне в преисподней.

Оставим в стороне и схватки, происходившие между бессмертными. Все понимают, что это — просто как вымысел поэта. Однако, иначе воспринимаются действия Аякса, Агамемнона, Менелая, Диомеда, Одиссея, Мемнона, Гектора, Париса, Ахилла, Патрокла и прочих. Что означают камни, которые сии герои бросают друг в друга? Значит ли это, что такие герои дрались, как это проделывают ныне всякие бродяги, вместо того, чтобы воспользоваться своим оружием? Гектор убил Эпигея камнем (Илиада, кн. 16, ст. 577). Когда Патрокл увидел двигавшегося к нему Гектора, он взял копье в левую руку, а правой поднял белый камень и поразил им прямо в лоб возницу Гектора Кебриона, от чего тот свалился наземь (Илиада, кн. 16, ст. 734). Аякс тоже опрокинул Гектора ударом камня в грудь, а камень этот был из тех, к которым на берегу привязывали корабли (Илиада, XIV, 418). Точно так же и Гектор сразил Тевкра (Илиада, VIII, 327): до этого всего лишь

один воин бросил камень в другого, но, очевидно, Аяксу и Гектору понравилось именно так поражать противника. После копий они забрасывали один другого камнями, но какими именно? Они бросали не те легкие камешки, что валяются под ногами, а глыбы размером с мельничный жернов, производившие такое разрушительное действие, как если бы их сбрасывать с горы (Илиада, VII, 265). Диомед, бывший, по меньшей мере, столь же мощным, сколь и Аякс, задумал поразить Энея таким большим и тяжелым камнем, который не подняли бы и двое мужчин. Однако же этот сын Тидея поднял его сам и метнул с такой легкостью, что тот угодил в бедро Энею, от чего тот наверняка был бы сражен, если бы Венера, будучи его матерью, не поспешила ему на помощь (Илиада, V, 302).

Итак, можно ли верить Гомеру? Не напоминает ли нам это книгу Рабле, описывающую деяния Пантагрюэля, который, забавы ради, сам водрузил на четыре столба камень размером в двенадцать туазов в объёме? Мы встретим у Гомера и сотню других столь же неправдоподобных историй, хотя никто в них почему-то не сомневается. Следует верить на слово поэту, поскольку он не приводит никого, кто подтвердит его рассказы. Возможно, что ему и не на кого было сослаться, так как, каким бы не было — слабым или плохим описание истории им столь знаменитой осады, *Гомер смог бы привести из нее лишь несколько отрывков, подтверждающих его собственные сочинения, либо же о том же мог бы написать и кто-либо другой.*

Надлежит согласиться поэтому, что Гомер черпал все в своем воображении, поскольку то или иное устное предание могло действительно хранить в памяти поколений некие замечательные деяния греков с обеих сторон, но не в таких подробностях, которые мы находим у Гомера. Хотя, из тех мест, которые он описывает, какие-то да должны были бы существовать. Однако из-за того, что невозможно объяснить, например, как случилось, что Мемнон прибыл из Эфиопии на помощь Приаму, возникло множество различных суждений, которые, вместо того, чтобы просто указать на событие, делают его только еще более сомнительным.

Не слишком-то просто, пишет аббат Банье, определить, кто он был и откуда родом, поскольку ученые в этом вопросе сильно расходятся. Так, например, Перизоний и Фурмон старший положили немало труда на изучение данного вопроса. Оба они ссылаются в своих заключениях на авторитет древних авторов. Друг с другом же во мнениях они не сходятся, и нам оставили, следовательно, одни только предположения. Неуверенность Перизония подтверждает слабость его выводов. Фурмон в своих «Размышлениях об истории древних народов» считает, что доказал, при каком египетском фараоне была взята Троя, отдавая предпочтение не греческим историкам, а Манефону. При этом он не считает Тифона греков и его сына Мемнона тем человеком, что правил тогда в Диосполисе. Впрочем, резонно вопрошает аббат Банье, на каком основании можно утверждать, что тогдашний египетский фараон был родичем и союзником Приама, правившего во Фригии, и что он послал из Фиваиды своего сына с двадцатитысячным войском на выручку столь отдаленному городу, о котором, вероятно, никогда слыхом не слыхивал? Правившие в те времена египетские фараоны, особенно фараоны Диосполиса, гордились своей силой, своими богатствами, своей мощью и свысока смотрели на других владык, не желая сравнивать себя с ними.

Согласимся, что вымыслы и мифы, наполняющие эту историю, в которых она как бы утопает, должны, по меньшей мере, вызывать к ней подозрение. Что же касается городов и местностей, описываемых Гомером, то, кроме того, что

большинство из них никогда не были обнаружены ни Страбоном, ни прочими географами; само существование их до Гомера может означать лишь то, что вымысел был подогнан к их местоположению, и поэт придумал их основателей и правителей по подобию египтян, кичившихся тем, что их фараонами были боги вплоть до Ора — сына Исиды и Осириса.

Мы указывали ранее, ссылаясь на Диодора Сицилийского, что древние поэты — Меламп, Гомер, Орфей и другие давали местностям название, отвечавшее их учению. Несомненно, что те из них, которые позднее обнаружить не удалось, были вымышлены, и происхождение большинства остальных объясняется именно так. Достаточно убедительное тому доказательство мы находим в приведенной нами этимологии. Она подтверждает слова Диодора, так как полностью согласуется с предполагаемыми нами истоками «Илиады». Впрочем, это даже единственный способ привести к согласию все различные мнения авторов по этому вопросу. По крайней мере, в этом отношении многие рассуждения о неясных и сложных местах в поэме Гомера становятся ненужными. Единственное, что может нам оказаться полезным, это многие другие моменты историй, которые как раз и проясняют трудные для объяснения места у Гомера. Авторы таких сочинений показали нам, сколь неустанно они трудились и снискали тем самым уважение публики. Их труды — это факелы, свет от которых рассеял лишь тьму, укрывавшую имена этих авторов. Если рассудить, они сделали что могли, добросовестно трудясь, не зная сна и отдыха, в стремлении принести пользу. И в этом им нужно отдать должное.

Признаемся, положи руку на сердце: авторы этих рассуждений и древние поэты, у которых они черпают свои доводы, одинаково плохо понимают Гомера. Наглядным доказательством этому служит то, что все они обращались к одному и тому же источнику, но у всех, впрочем, различные мнения.

Думается, стоит предложить объяснить Гомера герметическому Философу, изучавшему Природу и занимающемуся теорией и практикой своего Искусства или кому-нибудь, кто, как я, долго изучал их труды, чтобы попытаться понять значение их иносказаний, уяснить их загадочный стиль, расшифровать их иероглифы, убедиться в том, имеют ли их произведения и Искусство действительный предмет, определить, заслуживает ли эта наука столь сильного презрения, и, наконец, беря их суждения и высказывания в сочетании и согласовании друг с другом, пролить свет на столь непонятную науку, — то, я уверен, мы не найдем там противоречий одного другому. Они одинаково объясняли один и тот же предмет. Именно многократное применение ими разных отрывков мифов к своей материи и операциям натолкнули меня на мысль написать эту книгу. Я видел их согласие в обращении к мифу и с удовольствием отметил, что у всех герметиков одинаковые принципы. Из множества авторов, пишущих о Герметической Философии, я не нашел ни единого, кто противоречил бы другому (я имею в виду тех, кто познал эту науку, ибо всех остальных в расчет не беру). И если создается впечатление, что они противоречат друг другу, то это потому, что они пишут загадками, и читатель принимает операции не за те, которые на самом деле описывает автор. Один утверждает то, что якобы отрицает другой, а все потому, что они рассматривают вещи с разных точек зрения. Один называет водой то, что другой именует

землей, поскольку их материя состоит из того и другого, и поочередности становится водой или землей.

Далее, чтобы закончить то, что мы хотим сказать об «Илиаде», посмотрим еще раз на героев и обстоятельства, в которых они действуют. Мы увидим, собственно, одного только Одиссея, который своей рассудительностью, советами, речами, а часто и деяниями управляет всем и за все отвечает. Осведомленный о нависшем над Троей роке или об условиях, без которых город было бы невозможно взять, он выполняет их сам и заставляет выполнять греков. То же, что совершает он, суть именно действия мастера. То, что делают греки и троянцы, это то, что происходит в сосуде Философов при помощи Искусства и самой Природы. Одиссей все готовит, выполняет часть действий, а греки действуют, когда он указывает им. За ним следует Ахилл, как внутренняя сила, без которой Природа не сможет действовать в сосуде, ибо он является главным его распорядителем. Именно благодаря ему материя растворяется, разлагается и достигает черноты. Поэтому Гомер сообщает, что Ахилл укрылся в своем *черном* корабле. Эвриал, Менесфей, Тоант, Идомей, Подарк, Эврипил, Полипет, Протой, Крефон, Орфилох и большинство греков прибыли на черных судах. Протесилай, который был якобы убит в самом начале, содержится зарытым в черной земле. Наконец, Одиссей — это единственный человек, о котором Гомер пишет, что нос его корабля был красного цвета; что он взял черный корабль, чтобы отвезти Хрисеиду к отцу ее Хрису, а на обратном пути поднял белые паруса. Еще одним героем выступает Пирр или Неоптолем, и мы уже рассказывали, в связи с чем. Парис — тот, с кем быются греки, дабы вернуть Елену, ставшую предметом стольких мук и трудов. Остальные действующие лица были предоставлены лишь для украшения, а также, чтобы сделать вымысел содержательным. Это — Агамемнон как главный вождь, Аякс как храбрый воин, и Диомед как спутник Одиссея. Прочие заполняют эпизоды, которые пришлось выдумать для придания правдоподобия вымыслу. Для этой же цели введены местности Греции, Фригии, Фракии и т.д.

Существовала Троя или нет, была она разрушена или нет, — правдой является то, что «Илиада» Гомера похожа на прекрасный вымысел. На нее следует смотреть так же, как на подвиги Геркулеса и как на мифы о богах и героях. Не нужно, отсюда, судить о реальности факта по тому, что о нем говорят авторы, жившие после Гомера, ибо они появились лишь через много веков, сами все черпали у него и, несмотря на все это, не могут прийти к согласию между собой. Некоторые пытались исправить у Гомера то, что не смогли объяснить, другие спорили с ним, не замечая, что тем самым лишь усугубляют нереальность факта. Если опираться на свидетельство Геродота, то троянская война могла быть только вымыслом, поскольку Елена, из-за которой, как полагают, она возникла, находилась тогда в плену у египетского фараона Протея. А ведь Цицерон называл этого автора отцом истории как по причине его древности, так и в силу осмысленности самого труда и манеры, в какой он написан.

Может быть, мы должны больше верить другим языческим авторам, принявшим самые смехотворные мифы за правду, слепо копировавшим Орфея, Лина, Мелампа, Мусея, Гомера и Гесиода, беря у них пищу для собственных сочинений. Известно, что источником всех мифов был Египет, а египтяне похвалялись, что они пришли к ним от Исиды, Исиде от Меркурия, Меркурию от Вулкана.

Но, если, все же, кто-то хочет упорствовать в том, что под покровом этих мифов кроется историческая правда, то пусть хотя бы согласятся со мной, что истории эти служили для создания аллегорий и даже иносказаний о самых скрытых и тайных вещах. Так поступали Парацельс, Фернель и многие другие, и потому их сочинения оказывались непонятными почти для всех. В системах тех, кто пытался объяснять мифы с точки зрения исторической или поучительной, имеются непреодолимые трудности, и они сами признаются, что не могут ни разобраться в них, ни разрешить. В нашей системе таких трудностей нет. В ней все заполнено, все просто, все естественно. Это, по крайней мере, то, что составляет ее преимущество перед другими и что должно убедить рассудительных и непредубежденных людей, что она является единственно верной.

ЭНЕИ В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Всем известно, что хотя «Энеида» Вергилия — это бесспорно лучшая из латинских поэм, она представляет собой, тем не менее, подражание Гомеру. Поэтому читатель не удивится, что мы присовокупили к «Илиаде»¹ отрывок из «Энеиды». Вергилий следует ее идеям и дает волю воображению, однако не отклоняется от предложенной ему Гомером канвы. Он просто присвоил ее себе своей манерой обращения с ней. Мы же не претендуем на то, чтобы приписывать Вергилию все знания Герметической Философии. Он, без сомнения, почерпнул в другом месте то, что он пишет о ней, как он проделывал это и со многим другим. Можно было бы также предположить, что Вергилий имел о ней некоторое представление, понимая, что есть предмет «Илиады» и «Одиссеи», — и рассматривал их лишь как аллегории золотого лекарства. Возможно, он находился в положении многих ученых, которые прилежным и сознательным изучением герметических авторов приобрели подлинные, хотя и неопределенные понятия о материи и об операциях этого Искусства, но которые не брались за дело, если не имели некоего друга, способного указать им, что это за материя, чтобы устранить их нерешительность для начала и продолжения трудов, необходимых для успеха². Не удивляет поэтому, что Вергилий вставил в свою «Энеиду» некоторые, относящиеся к деланию зарисовки, как, например, сошествие Энея в преисподнюю. Д'Эспанье («Arcanum Herm. Philosophiae opus»), Авгурелли («Chrysopoeia»), Филалет («Introitus apertus») и многие другие философы переняли описанное Вергилием и весьма удачно воспользовались им в составляемых ими трактатах о великом делании. Следовательно, мы не без основания указываем на эти мысли у Вергилия и будем следовать применению, которое дали эти авторы, в наших объяснениях произведения поэта.

¹ Уместно заметить, что само выражение «Илиада» использовалось многими авторами, чтобы указать на конец, завершение чего-то. В этом смысле его использовал Космополит. *Ita etiam*, — пишет он в своем первом Трактате: *generosa natura semper agit usque in ipsum iliadum; hoc est, terminum ultimum, postea cessat*.

² Тот же Космополит в «Эпиллоге» говорит, что все объяснил в своих двенадцати Трактатах и привел все основания и естественные доказательства потому, чтобы богобоязненный и стремящийся к сему Искусству читатель мог легче понять все, что он видел с Божьей помощью и что он сделал без какого-либо обмана и мудрствования. Невозможно достичь цели этого Искусства без глубокого знания Природы, если только Бог особой милостью не соизволит открыть ее или если какой-либо душевный друг не раскроет тайну.

Сойдя на берег в Куме (Энеида, VI, 2), Эней направил свои стопы к храму Аполлона и к жилищу страшной Сивиллы, которую этот бог направляет и открывает ей грядущее. Вход в храм был украшен изображением полета Дедала на смастеренных им крыльях, посвященных им впоследствии Аполлону, в честь которого он возвел сей храм. Там виден был также лабиринт, построенный Дедалом на Крите, чтобы запереть в нем Минотавра, труды и тяготы, которые нужно было претерпеть, чтобы победить чего и выйти из лабиринта, нить, переданную для этого Ариадной Тесею¹.

Картины эти поразили Энея, и он все время останавливался, чтобы рассмотреть их, но жрица объявила ему, что у него нет времени на эту забаву. Он отправился к месту, где Сивилла изрекала свои прорицания, и, прибыв туда, увидел ее в состоянии одержимости, охватывавшем ее всякий раз в такие моменты. Сопровождавшие Энея троянцы оцепенели от ужаса. Сам Эней затрясся при виде ее и со смирением обратился с молитвой к Аполлону. Он напомнил ему, как сам бог всегда оказывал особое покровительство троянцам, и стал просить не отказать в нем и на сей раз. В благодарность же пообещал возвести два мраморных храма — один в его честь, а другой в честь Дианы², как только обоснуется в Италии со своими спутниками. Он обязался даже учредить праздник Аполлона и отмечать его с наибольшей пышностью. После этого он обратился к жрице и попросил ее не писать свои пророчества на отрывных листках из опасения, что их унесет ветром, и их не удастся собрать.

Наконец заговорила Сивилла и предсказала Энею все трудности, которые ему встретятся, и препятствия, которые ему доведется преодолеть как на пути, так и при обустройстве в Италии³. Она, однако, уговаривала его не теряться, а

¹ Замечательно украшение этого храма, и неудивительно, что он привлек внимание Энея. Мастер не станет долго раздумывать над таким предприятием, как великое дело, когда приходится, как это случилось с Захарием (Opuscul), принимать последнее решение, не встречающее никаких противоречий у авторов. Не только операции и их порядок представляют собой лабиринт, откуда очень трудно выбраться, но и сами творения Философов образуют лабиринт еще более запутанный. Великое дело очень просто, если верить описывающим его авторам. Так говорят все они, а некоторые уверяли даже, что это — женская забава и детская игра. Однако Космополит замечает, что когда они говорят о простоте его, то имеют в виду, что оно простое для тех, кто его знает. Другие авторы утверждали, что легкость эта относится только к операциям, следующим за приготовлением ртути. Этого же мнения придерживается д'Эспань: «Нужен Гёркулесов труд, чтобы сублимировать ртути или первый раз приготовить его, ибо без Аликса Ясон никогда бы не пустился в путь за Золотым руном». Авгурелли (Chrysor. l. 2) говорит об этом следующими словами:

*«Второй золоченый, как водоворот, означает соблазн
Как начало ошибки, так возможно погружение в тучину;
Ибо тяжесть его глубоко проникает».*

Мы уже объясняли миф о Минотавре и Тесею. Можно воспользоваться и им.

² Поскольку Аполлон и Диана были главными богами Герметической Философии, т.е. материей, доведенной до белого и до красного, то Эней с полным основанием обращается к ним и обещает возвести им храмы. Твердость мрамора указывает на фиксированность материи, а обоснование Энея в Италии означает конец трудов мастера или завершение делания.

³ Трудности, возникающие на пути к такому обустройству, немалые, ибо столько людей пытаются и пытались пройти его, но безуспешно. Мы можем судить об этом по тому, что пишет Понтиан (Epist.), сообщающий, что он терял дорогу больше двухсот раз, трудился очень долго с настоящей материей, хотя не добился успеха, потому что не знал требуемого огня. Эти трудности перечисляются, например, в трактате Тиболта Голландского.

стремиться к цели с еще большим упорством. При этом предсказания ее¹ были полны двойного смысла, туманны и не легки для понимания, так как она облакала правду в темное и почти непроницаемое покрывало.

Эней отвечал Сивилле, что ему известно все, что может с ним случиться, что он уже подумал и готов на все. Но поскольку, сказал он, его уверяют, что именно здесь вход в мрачное царство Плутона, я очень желал бы увидеть отца моего Анхиса, коего спас я от огня, не взирая на тысячи летящих в нас стрел, и который, не глядя на свой возраст и немощь, смело пошел навстречу тем же опасностям, что и я, и был рядом со мной во всех предпринятых мною трудах. Он сам посоветовал мне отыскать вас и попросить об этой милости. Вы, которую Геката направила для этого сюда, не откажете в исполнении моих желаний. Ведь Орфею было позволено спуститься за его дорогой супругой. Кастор и Поллукс ежедневно спускаются туда и возвращаются наверх. Тесей проник туда, чтобы похитить Прозерпину, а Гераклес забрал оттуда Кербера. Все они были дети богов, и я тоже сын небожителей.

Сивилла ответила ему: сын Анхиса и богов, в преисподнюю можно спуститься, врата этого мрачного места открыты днем и ночью; но трудно вернуться оттуда и выйти в мир живых². Мало найдется таких, кто может это сделать. Нужно быть сыном богов. Нужно своими высшими добродетелями уподобиться

¹ Такая манера изъясняться расплывчато и неясно свойственна всем Философам. Нет ни одного из них, кто бы не употреблял ее, и именно потому наука эта так трудна, и обучиться ей почти невозможно по описывающим ее трудам. Послушаем, что говорит об этом д'Эспанье (Cap. 9): «Пусть тот, кто любит истину и кто желает познать сию науку, выберет немногих авторов, но тех, кто отмечен в нужном месте. Пусть с подозрением примет он все, что кажется ему легким для разумения, особенно в *таинственных* названиях вещей и в тайне операций. Истина сокрыта за семью замками, а Философы лишь тогда говорят правду, когда изъясняются запутанно. Всегда имеется хитрость и некий обман в тех местах, где они, как кажется, говорят с наибольшей искренностью». Он говорит также (Cap. 15): «Философы имеют обыкновение выражаться двусмысленно и неясно; очень часто они как-бы противоречат сами себе. И если они таким способом объясняют свои тайны, то не потому, чтобы исказить или уничтожить истину, а чтобы скрыть ее за всеми этими околичностями и сделать ее менее видимой. Вот почему в их писаниях так много синонимов, омонимов, и отчего они могут ввести в заблуждение. В их обычае также изъясняться иероглифическими и полными загадок знаками, мифами и символами». Достаточно почитать таких авторов, чтобы познать этот язык. Что касается мифов об Орфее, Тесее и Елене, то мы их уже объясняли ранее.

² Сивилла справедливо говорит, что вход в это место открыт и днем, и ночью, ибо Философы утверждают, что делание можно совершать в любое время и в любом месте. Но войти туда недостаточно; нужно знать операции, уметь извлекать меркурий и догадаться, о каком меркурии говорят Философы. Именно так понимает д'Эспанье эти слова Сивиллы: *Pauci quos aequus*. Ибо, как говорит сей же автор (Cap. 36), чтобы помешать понять, о каком меркурии ведут речь Философы и упрятать его в еще более темный мрак, они описывают его так, как будто он существует в нескольких видах, и называют его меркурием во всех проявлениях делания, где он присутствует, и в каждой операции. После первого приготовления они именуют его своим меркурием, и сублимированным меркурием во втором, которое называется первым. А поскольку авторы вовсе не упоминают об этом первом, то они называют этот меркурий меркурием тел или меркурием Философов, потому что тогда в него снова входит солнце. Все становится хаосом. Это — их Ребис. Это — их «все», потому что все, что нужно для делания, находится в нем. Порой они даже называют меркурием свой эликсир или абсолютно фиксированное лекарство, хотя название «меркурий» годится для летучей субстанции. Итак, чтобы преодолеть трудности, нужно быть сыном богов и в точности следовать указаниям Сивиллы, если хочешь дважды пересечь реку Стикс и дважды увидеть обиталище Тартара, что значит приготовить камень или серу, а затем эликсир. В каждой операции один раз виден черный Стикс и мрачный Тартар, т.е. материя, доведенная до черноты.

бессмертным или, по крайней мере, заслужить милость всегда справедливого Юпитера. Посреди этого места стоят непроходимые леса, окруженные черным Коцитом. Но раз уж вы столь сильно желаете дважды пересечь реку Стикс и дважды увидеть мрачную обитель Тартара, я согласна удовлетворить ваше желание. Слушайте же, что вам нужно сделать для удачного исхода дела, и хорошенько запоминайте то, что я скажу.

Среди густых ветвей тенистого дерева прячется одна гибкая ветка с золотым стеблем и листьями. Она посвящена Прозерпине. Найти ее можно в любом лесу, в любой роще, в любой долине, покрытой растительностью¹. Проникнуть же в подземный мир нельзя, не сорвав эту ветку с золотыми плодами. Это — подарок, который хочет получить Прозерпина. Найти его можно всегда, ибо, стоит сорвать эту ветвь, как на ее месте вырастает другая из того же металла. Глядите же во все глаза, чтобы найти ее, а когда найдете, хватайте ее. Сорвать ветку не составит труда. А если судьба будет к вам благосклонна, ветка покажется вам сама. Ес-

¹ Дерево это — то же самое, на котором было подвешено Золотое руно, — мы видим здесь ту же аллегория, которая объяснялась во второй книге. Трудность в том, чтобы узнать ветку, ибо Философы, как говорит д'Эспанье, уделяли больше внимания тому, как скрыть эту золотую ветвь, чем что-либо другое. Сорвать же ее, пишет он же, со слов Сивиллы, может тот, кто

*Maternas agnoscit aves
— Et gemira cui forte columba
Ipsa sub ora viri coelo venere volantes.*

Неудивительно, что Философы столь старательно прятали эту золотую ветвь, потому что она у всех перед глазами, находится везде, все ею пользуются и все идет от нее. Ее знают млад и стар, говорит автор трактата «Gloria mundi». Она в полях, в лесах, в горах и долинах. Но все проходят мимо, ибо она выглядит просто обыкновенно. Чтобы сорвать ее, не нужны ни сила, ни железо, а необходимо знание делания. Ветка эта та же, что и растение, именуемое *Moly*, которое Меркурий дал Одиссею, дабы вырвать его из рук Цирцеи.

*Sie utique loquutus Mercurius praeiit remedium
Ex terra evulsum; et mihi naturam ejus monstravit.
Radice quidem nigrum erat, lacti autem simile flore;
Et Moly ipsum vocant dii; difficile vero effossu
Viris utique mortalibus.*

Мы видим здесь, что и Гомер, и Вергилий не противоречат друг другу, но первый указывает более точно на вещь, т.к. описывает цвет корня и цветка. Древние авторы, догадывавшиеся, что Гомер писал иносказательно, не догадались поискать это растение среди других. Они полагали, что Гомер хотел указать таким способом на эрудицию и красноречие. Об этом можно почитать у Евстафия (fol. 397, lig. 8) или у Феокрита (Идиллии, IX, 35). Они пытались доказать это даже при помощи еврейского языка, т.к. многие из них считали, будто Гомер хорошо знал и его, и кульговые церемонии евреев. Этой мысли придерживается Филострат (*in Heroicis*; fol. 637). См. также: Фотий (Biblioth. Fol. 482), Дюпор (Gnomolog. Homeric), Ноэль ле Конт (Mythol. 1.6. ch. 6. Antholog. Fol. 103). Плиний Старший полагал, что растением этим был «кинокефал», по-латински — *Antirrhinum* или «бычья морда». Л'Эмери в своем «Словаре растений» считает, что *Moly* — это разновидность чеснока, описывая ее под названием *Moly*. Птолемей Гефестион также говорит о ней (l. 4. Collat. cum Scholiis Sycorhron, v. 679). Можно обратиться и к Максиму из Гира (§ 19), но никто из них не попал в цель. Гомер действительно писал иносказательно, но он имел в виду цвета, появляющиеся в материи великого делания во время операций. Корень у этого растения черный, потому что Философы называют корнем и ключом делания черный цвет, возникающий первым. Белый цвет, следующий за черным, — это цветы растения или белые розы Авраама Еврея и Николя Фламелья; лилия д'Эспанье и многих других; нарцисс, сорванный Прозерпиной, когда ее похитил Плутон, и т.д. Отсюда видно, почему не нужны сила и железо, чтобы сорвать растение.

ли же она будет против вас, все ваши старания окажутся тщетными. Тогда не смогут ни сила, ни железо.

Сделать же вам надлежит вот еще что. Вы, конечно же, знаете, что мертвое тело одного из ваших друзей заражает весь ваш флот. Пойдите же и похороните его. А искупления ради принесите в жертву черных животных. С этого вам и нужно начать¹. Затем вы сможете увидеть Стигийские болота и страну, недоступную живым. Эней вернулся от нее в полной задумчивости вместе со своим верным спутником Ахатом. На берегу они обнаружили труп Мисена, сына Эола, которого утопил Тритон, сбросив его на скалы в море (если, однако, этому можно верить). Итак, они принялись за исполнение указаний Сивиллы и отправились в старый лес нарубить там дров для костра. Пока они трудились, Эней жадным взглядом окидывал лес, стремясь увидеть золотую ветвь, о которой поведала ему Сивилла.

В это время к нему подлетели две голубки и сели на лужайку. Он узнал птиц, посвященных его матери, и, возрадовавшись всем сердцем, обратился к ним такие слова: Будьте моими проводниками и отведите меня в то место леса, где растет эта золотая ветвь. А вы, богиня, мать моя, не оставляйте меня в моей нетвердости.

¹ Прозерпина требует, чтобы ей преподнесли эту золотую ветвь, а без нее невозможно даже и добаться до нее. Но прежде чем сорвать ее, нужно похоронить того, который всегда был рядом с Лектором до самой его смерти и которого Тритон погубил среди морских скал. Это значит, что нужно поместить в сосуд меркурий, застывший камнем в море Философов, и продолжать режим делания. Тогда материя будет готова к разложению и к философскому погребению, как поступили спутники Энея с телом Мисена, ибо он возложил заботу о похоронах на них, а сам в это время искал золотую ветвь. Нам известно, что следует разуть под смертью и похоронами, — об этом уже немало было сказано в предыдущих книгах. Вергилий, не желавший выдавать эту историю как правдивую, а представлявший ее в виде чистой аллегории, предупреждает об этом читателя раз и навсегда словами: *Si credere dignum est*. Таким образом, Эней мог увидеть реку Стикс и мрачное царство Плутона только после погребения Мисена. И только во время похорон, пока троянцы оплакивают тело погибшего, осыпают костер черными листьями, обмывают труп и умащивают его, Эней находит желанную ветвь, путь к которой ему указывают две голубки.

Мориен («Беседы короля Калида») в нескольких местах упоминает об этом смрадном теле, которое необходимо погresti и которое он называет *гнилью мертвеца*. Филалет в своем трактате «De vera confectione lapidis» употребляет такие же слова и говорит, что сало, свинец, масло Сатурна, черная магнезия, огненный яд, мрак, *Тартар*, черная земля, навоз, черный покров, смрадный дух, гниль мертвеца, зловонное испражнение — все это синонимы, означающие одно и то же, т.е. материю, доведенную до черноты.

Что касается голубок, то такую же аллерию использовал д'Эспанье, когда указывал (Сap. 42, 52), что вход в сад Гесперид охраняется дикими зверями, которых можно улажить только атрибутами Дианы и голубками Венеры. Об этих голубках неоднократно говорил и Филалет в трактате «*Introitius apertus ad oclusum Regis palatium*». Без них, утверждает сей автор, невозможно добиться успеха. Если обратить внимание на то, что означают атрибуты Дианы, то можно увидеть, что проникнуть без ее помощи в обиталище Прозерпины не намного легче, чем взять город Трои без стрел Геркулеса. Вот поэтому к Энею прилетели голубки и улели под сень раздвоенного дерева, скрывающего золотую ветвь. Космополит (Сap. 42, 52) так пишет об этом дереве: «Наконец Нептун привел меня в лут с садом, в котором росли несколько достойных внимания красивых деревьев. Среди них выделялись своей высотой два дерева, *выросших из единого корня*, одно из которых было увешано сверкающими, как солнце, плодами под золотыми листьями, плоды же второго были белые, как лилии, а листья — серебряные. Нептун называл одно *солнечным*, а другое *лунным* деревом».

Подлетев к Энею, голубки уселись на лужайку — это лут, описанный Космополитом. Они улели от входа в зловонную преисподнюю, т.к. во время разложения материя улечивается. Они сели под солнечное дерево, а это значит, что летучести настает конец, как только летучие части зафиксируются в материи, именуемой Философами *залотам*.

С этими словами он пустился в путь, внимательно следя за знаками, которые ему подавали голубки, и ступая строго за ними. Они взмыли вверх и улетели так далеко, как только может видеть око. Но, подлетев ко входу в зловонную преисподнюю, они быстро отлетели от него и сели, как того хотел Эней, на раздвоенное дерево с ветвями золотого цвета.

Когда Эней увидел столь желанную ветвь, он сорвал ее и понес в жилище Сивиллы. Затем он вернулся к своим товарищам, совершавшим погребальный обряд над Мисеном. Хориней собрал его прах и поместил в бронзовую урну¹. Эней соорудил ему могилу и отправился к Сивилле, следуя ее наставлениям. Логово ее находилось на возвышенном каменистом месте у черного озера, окруженного непроходимым лесом. Над местом этим не могли спокойно пролетать даже птицы², ибо сверху логова из зияющей дыры подымались до самого свода небес черные зловонные испарения, от которых птицы падали прямо в эту дыру.

Эней затем заклал четырех черных быков, вызывая к Гекате, сила которой ощущается в небе и в преисподней. Он преподнес черную овцу в жертву Ночи — матери Эвменидов — и сестре ее Земле. Далее он принес в жертву телицу Прозерпине, а напоследок принес жертвы Плутону.

Сивилла вошла в эту страшную дыру, и Эней твердым шагом последовал за ней. Они двигались в темноте, подобно той, что наступает в конце дня, когда уже нельзя различить цвет предметов. Вход в это место преграждают заботы, тревоги, болезни, смерть, сон и сновидения. Тут можно видеть различных чудовищ, таких, как, например, Кент-авры³, двухвидные Сциллы и сторукий Бриарей, Лернейская гидра, Химера, Горгоны, Гарпии и Мрак о трех туловищах.

¹ Вергилий не указывает, что прах Мисена был помещен в золотую или в серебряную урну, как, согласно Гомеру, это было сделано с прахом Гектора и Патрокла. У Вергилия прах Мисена поместили в урну бронзовую — и не без причины. Это есть все три вида состояния, в котором находится материя, и они совсем разные. Состояние, изображаемое Мисеном, — первое из трех. Это — само время, когда материя разлагается, и тогда философы называют ее *бронзой, латонью*, которую нужно отбелить. Отбелите латону и порвите ваши книги, после этого они вам не нужны, говорит Морием («Беседы короля Калида»). Знатки этого искусства называют ее в таком состоянии *молочным соком, свином, Сатурном*, а иногда *медью* или *бронзой*, из-за черного цвета ее загрязнения, от которого ее следует очистить. Сим способом, пишет Филалет в своем пересказе трактата Рипли, вы получите черную, затем белую, потом цитриновую серу, которая наконец становится красной и выходит из одной и той же матрицы металлов. Потому философы говорят: «Если бы вы даже не знали все остальное, если вы можете распознать нашу латунь или бронзу...». «Варите же эту бронзу, добавляет Филалет, сославшись на трактат Рипли, варите бронзу и избавьте от черноты, пропитывая ее и орошая, пока она не побелеет». Наша бронза, говорит Джон Дастен, сначала варится и чернеет, и так становится нашей латонью, которую нужно отбелить. Эта та самая бронзовая урна, куда поместили прах Мисена. Останки Патрокла положили в серебряную, а останки Гектора — в золотую урну, т.к. первый означал белый цвет материи, именуемой *серебром* или *белым золотом*, когда она пребывает в этом состоянии, а второй указывал на цвет красный, именуемый *золотом*.

² Птицы, пролетающие над отверстием логова, служившим входом в преисподнюю, падали туда, потому что улетающая материя, обозначаемая птицами, вновь падает на дно сосуда, после того как поднимется до его верха. Пустое пространство между материей и верхом именуется Философами *Небом*; они также называют *Небом* и окрашивающуюся материю.

Чернота, охватывающая материя, не могла быть обозначена лучше, нежели жертвоприношениями и заклинаниями животных, совершаемыми Энеем для Гекаты, Ночи и Плутона.

³ Вергилий изображает здесь лишь под одним углом зрения все, что мифы содержат в себе отвратительного, ужасного и устрашающего. Создается мнение, будто он хотел показать нам, что у всех этих разных мифов одна и та же цель, что это — аллегории одной и той же материи, и напрасно было бы.

Таков путь, ведущий к реке Ахеронту, где полно ила Стикса и песка от Коцита. Воды эти стережет ужасающего вида Харон; борода его наполовину белая, грязная, сваливающаяся; вместо одежды на нем замызганные лохмотья; именно он перевозит на другую сторону прибывающие тени.

Бесчисленное множество теней бродили и носились по берегам реки и беспрестанно просили Харона перевезти их. Он же грубо отталкивал тех, чьи тела не были погребены; но все же через какое-то время сажал их в свою лодку¹.

Сивилла с Энеем продолжили свой путь (ст. 384) и приблизились к Стиксу. Увидев их со своей лодки, Харон с такими словами обратился к Энею: кто бы вы ни были, вы, прибывшие во всеоружии на берег сей реки, ответьте, зачем вы здесь? Уходите; здесь пристанище теней, тьмы и сна. Мне не позволено пускать живых на мою лодку; мне пришлось раскаиваться за то, что я пустил сюда Геркулеса, Тесея и Пирифоя, хоть они и были сынами богов и людьми необычайными. Первый имел смелость связать Кербера, сторожившего Тартар, и увести его с собой; двое других же вознамерились похитить Прозерпину. Видя гнев Харона, Сивилла отвечала ему: успокойтесь, не распаляйтесь, мы здесь без каких-либо воинственных намерений. Пусть страж лает вечно в своем логове, если ему это нравится, и пусть Прозерпина спокойно и сколько пожелает находится у дверей Плутона, мы тому мешать не станем. Эней — герой, известный своим почитанием богов, и привело его сюда только желание повидаться с отцом. Если же столь благочестивое желание на вас впечатления не производит, то узнайте же эту золотую ветвь. И Эней извлек ее из складок своего одеяния.

пытаться искать этому различные объяснения. Именно эту цель мы поставили себе в нашем труде, и все наши усилия направлены только на это. Можно припомнить те из них, что приводились выше; очевидно, что все эти чудовища толковались нами одинаково, т.е. растворением, происходящим пока материя черна; мы брали доказательства в трудах Философов и объясняли их сообразно справедливости; к ним можно, следовательно, обращаться. Но Вергилий шаг за шагом прослеживает то, что происходит в делании, и постепенно ведет нас. От чудовищ он переходит к реке Ахеронту с ее илистыми водами, образующими грязь или навоз Философов; а мифы о реке Коцит указывают на части материи, соединение которых дает камень. Далее он приводит нас к Харону. В его описании нельзя не узнать грязносерый цвет, следующий сразу же за черным. Всклоченная серая борода старика, покрывающие его тело грязные лохмотья представляют собой символы, весьма легко поддающиеся пониманию. Данный ему указ самому пройти тени за черным илистым Ахероном совершенно ясно указывает, что невозможно перейти от черного цвета к белому без промежуточного серого. Еще лучше указывают на то же, каким был Харон, его отец Эреб и мать Ночь.

- ¹ Очень трудно было бы найти для объяснения улечивания материи во время и после гниения более выразительную аллeгорию, чем аллeгория блуждающих теней, носящихся по берегам Стикса; это явление поясняет самое себя. Однако, почему Харон отказывается перевозить души, чьи тела не были погребены? Причина этому весьма проста. Пока летучие части блуждают и носятся в верхней части сосуда над озером Философов, они еще не соединены с землей Философов, переходящей от черного цвета к серому, обозначаемому Хароном; земля эта плавает подобно плавучему острову и послужила поводом для изображения челна. Когда по истечении времени эти летучие части соединяются с землей, блужданию их приходит конец, и они возвращаются туда, откуда вышли, и смешиваются с другими. Вергилий исключительно хорошо показал, что следует понимать под этим погребением, т.е. соединением носящихся в воздухе летучих частей с теми, что находятся на дне сосуда и от которых они были отделены. *Sedibus hunc reser ante suis, et conde sepulcro.* (Прежде приоткрой ему дай в глубокой гробнице) — пишет Вергилий (152), говоря о Миссене и о тенях (327):

На берег мрачный нельзя переплыть через шумные волны
Прежде тенью, чем покой обретут в могиле останки.

При виде ветви Харон смягчился, а рассмотрев ее как следует, направил свою лодку к тому месту на берегу, где стоял Эней. Он отогнал от лодки тени, пригласил в нее Энея с Сивиллой и перевез их на другой берег илистой реки. Там же сидел трехглавый Кербер, страшный лай которого слышен во всем владении Плутона. Завидев Энея, он расправил в его сторону ужей, торчавших у него из шеи, но Сивилла усыпила пса, кинув в его раскрытую пасть усыпляющее снадобье, приготовленное из меда и прочего¹. Кербер жадно проглотил снадобье, и оно быстро возымело действие. Пес растянулся на земле, заняв все логово своим огромным телом. Эней тут же сошел на берег и проник во вход.

Сделав несколько шагов, он услышал плач и крики младенцев, которых беспощадная смерть оторвала от материнской груди, стоны несправедливо осужденных на смерть; у каждого здесь свое определенное место, и каждый будет подвергнут допросу Миноса. Рядом с ними те, кто сами покончили с собой, когда им наскучила жизнь, которой теперь они хотели бы наслаждаться, даже если бы им пришлось работать на самых тяжелых работах и жить в крайней нужде. Там и тут можно видеть массу других, проливающих горькие слезы: любовников и любовниц, смерть которым причинили хлопоты и заботы; Федра, Прокрида, Эрифила, Пасифая, Лаодамия, Кеней и Дидона. Завидев ее, Эней бросился к ней и заговорил с нею, но извинения героя не произвели на нее впечатления. Дидона повернулась к нему спиной и убежала к супругу своему Сихею, который отвечал на ее любовь полной взаимностью и желал утешить ее печаль.

Далее Эней проследовал туда, где находились прославившие себя ратными делами. Первым очам его предстал Тидей, а за ним Партенопей и Адраст. Затем среди троянцев, погибших на Троянской войне, он увидел Главка, Медонта, Терсилоха, Антенора, любимца Цереры Полибета и возницу Приама, Идея. Большинство греков, увидевших Энея с его сверкающим оружием, были охвачены страхом; одни бросились бежать, иные принялись кричать. Он увидел сына Приама, Деифоба, и не смог удержать при этом вздоха, т.к. у того были жестоко изрублены уши, нос и руки².

¹ Нет нужды повторять здесь то, что было сказано нами во второй книге о снадобье, данном Медеей Ясону, чтобы усыпить дракона, охранявшего Золотое руно. Читатель ясно видит, что это две совершенно одинаковые аллегории, которые, следовательно, надлежит толковать и понимать одинаково; и это служит новым доказательством, подтверждающим нашу мысль о сошествии Энея в преисподнюю. Поставленный сторожить сад Гесперид дракон также имеет с этим весьма тесную связь, ведь Кербер был их братом, как и они — детьми Тифона и Ехидны. Лернейская гидра, змей Пифон, Сфинкс, Химера были порождены теми же отцом и матерью, что и Кербер. Это родство объясняет, что они из себя представляли и как следует их воспринимать.

² Это перечисление увиденных Энеем теней, очевидно, приведено здесь лишь, чтобы украсить рассказ и сделать его более занимательным; однако, то же самое нельзя сказать об описании Тартара. Тисифона — жестокая исполнительница мук, на которые боги осудили преступников, и сами преступники указываются посредством назначенных им мук. Мы видим тут титанов, Ота и Эфиальта — двух огромных гигантов, о которых говорит Гомер (Одиссея, кн. II), Салмонея, Тития, Лапифов, Иксиона, его сына Пирифоя и его друга Тесея, Флегия и др. Возникает даже мысль, что Вергилий указывает на кое-кого из людей, живших в его время, приводя преступления, в которых их обвиняла молва, и указывает их под именами, заимствованными в мифе. Поэтому Вергилий не говорит, что Эней был там, но, что Сивилла рассказала ему, что там происходит. Описание Тартара словно нарочно выполнено так, чтобы указать на суфлеров и искателей камня Философов, работающих без принципов и проводящих всю свою жизнь в утомительных трудах, приносящих им лишь болезни и нужду. Мы говорили уже, что символом этого является Пирифой. О других можно сказать, что этот признак в них выражен еще сильнее. Иксион, обнявший лишь облачко, привязан там к вертящемуся без остановки колесу, и этим нам указывают, что суфлеры извлекают из трудов своих только пар и дым от

Они завязали беседу, но Сивилла, опасаясь, что она на долго затянется, предупредила Энея о близости рассвета, а время, выделенное на такие действия, уходит. Эней, — сказала она ему, — вот уж кончается ночь, а мы теряем время на слезы. Здесь дорога¹ раздваивается: одна — ведет к стенам дворца Плутона и к Елисейским полям, а другая, левая, — в Тартар. Эней поднял глаза и внезапно увидел высокие стены, возведенные на скале по левую руку, омываемой стремительной огненной рекой, именуемой Флегетон, с шумом катящей камни по своему руслу. Напротив находились высокие и широкие ворота с двумя алмазными колоннами по бокам, которые не смогли бы ограничить железом даже и небожители. Железная башня вздымалась ввысь, а ее вход день и ночь охраняет Тисифона.

Далее старая Аполлонова жрица молвила Энею: пора продолжить наш путь и завершить начатое дело; я уже вижу стены жилища Циклопов и врата сводчатого дворца, где мы должны возложить золотую ветвь. Они двинулись дальше и, подойдя к воротам, Эней омыл свое тело и водрузил ветвь в порог. После этого они вошли в сие благодатное место, где вдыхаешь только благовонный воздух и где воцарилось само блаженство.

Там пребывают троянцы, пожертвовавшие собой ради своей родины, жрецы Аполлона, славные своей благочестивой жизнью, надлежащим образом восхвалявшие своего бога; те, кто создавал какое-либо искусство или занимался им, те, кто совершал добрые дела²; у каждого на лбу белая ленточка и такого же цвета

используемых ими материалов, и что это — люди, обреченные на вечную и бесплодную работу. Сизиф там катит огромный камень, с невероятными усилиями поднимает его на вершину горы и, когда ему кажется, что он его вот-вот установит, камень вырывается из его рук и скатывается к подножию горы, и он снова спускается за ним и возобновляет свой труд со столь же малым результатом. В этом и состоит подлинная сущность наших трудолюбивых суфлеров, работающих денно и ночно в надежде на удачу, т.к. они полагают, что находятся на правильном пути; но после многих тягот, когда они почти уже достигнут ожидаемой точки — то разобьются их сосуды, то приключится что-либо иное, и они оказываются на том же месте, с чего начинали; они, однако, не ропщут, надеясь, что в следующий раз все у них получится лучше. Данаиды, беспрестанно набирающие воду, которая тут же выливается из их худых сосудов, представляют тех, кто постоянно берет в своей или в чужой мощине ценности, которые просто пропадают, после чего остаются только сосуды, в которых эти ценности испаряются и исчезают. По ним можно судить и о других.

¹ По дороге, ведущей в Тартар, идут люди, о которых мы только что говорили; по дороге же, ведущей к Елисейским полям, идет Эней и вместе с ним герметические Философы. Первые у самого входа попадают на Тисифону и фурий, а в конце их ждет лишь зловонная атмосфера, темное и мрачное пристанище, тяжелая и бесплодная работа. Вторые же, напротив, уверенные в себе, т.к. проводницей им служит Сивилла, с самого начала видят стены и ворота дворца Бога богатства; очам их предстает все самое приятное, что есть у Природы. Можно вспомнить по этому поводу то, что говорилось нами, со слов Философов, о пребывании Бахуса в Нисе, а Прозерпины на Сицилии, — это те же Елисейские поля, но названные по-другому.

Достаточно оплакать, подобно Энею несчастливую судьбу тех, которые, не имея проводницей жрицу Аполлона, идут по дороге Тартара; однако следовать за ними нельзя; даже и смотреть на них было бы пустой тратой времени: лучше идти своим путем и водрузить золотую ветвь.

Поднималась заря, когда они увидели стены дворца; т.е. черный цвет, означающий ночь, начал уступать место белому, именуемому философским светом и днем. Они устремились дальше и, когда дошли до ворот, Эней воткнул свою золотую ветвь, т.к. материя в таком состоянии несовершенной белизны начинает застывать и, следовательно, превращаться в золото Философов. Вот почему пишут, что Эней воткнул золотую ветвь в порог ворот, ибо ворота эти обозначают вход в дом подобно тому, как цвет несовершенной белизны служит знаком начала фиксации.

² Они вошли затем в это пристанище усад, радости и удовлетворения, у каждого из жителей которого на голове белая диадема. Вот незаметное продвижение делания, вот сменяющие друг друга

диадема. Сивилла обратилась ко всем и, в частности, к Мусею с такими словами¹: Скажите нам, блаженные души, скажите нам, почтеннейший Мусей, где можем мы увидеть Анхиса? В каком уголке здешних мест нашел он себе пристанище? Нас привело желание повидать его, побудившее пересечь большие реки преисподней. Нет у нас постоянного жилища, — отвечал им Мусей, — все мы живем также и на этих приятных взору берегах; но, коли вам будет угодно, взойдем на эту возвышенность и перейдем на другую сторону.

Мусей взошел вместе с ними и показал им сверкающие поля, блеск которых слепил глаза. Они спустились затем с другой стороны и увидели Анхиса, внимательно разглядывавшего тени троянцев и прочих, что должны присоединиться к бессмертным. Он, несомненно, перебирал в уме тех, кто был связан с ним кровными узами, их положение, нравы, дела. В этом своем занятии он заметил направлявшегося к нему Энея, и щеки его окропились слезами радости. Он протянул навстречу ему руки свои со словами: вот вы и пришли, и сыновья любовь помогла вам преодолеть все тяготы столь трудного пути; я вижу вас и говорю с вами, я считал каждую минуту до встречи с вами — и надежды мои не остались тщетными. Сколько земель вы прошли и морей переплыли! Сколько опасностей вы испытали! Как сильно беспокоился я за вас! Я очень боялся, чтобы планы ваши не нарушились Ливией². Эней отвечал ему: С тех пор, как нас разлучила смерть, сердцем моим завладела печаль, вы все время были в моих думах, и неукаротимое желание повидать вас привело меня сюда. Я оставил свои суда у Тирренских берегов, не тревожьтесь о них; позвольте мне обнять вас и не лишайте меня этой радости. Выражая таким образом свои чувства, он проливал обильные слезы. Трижды протягивал он руки, чтобы обнять отца, и трижды тень Анхиса, похожая на картинку во сне, растворялась в его руках.

Во время их беседы Эней увидел в долине рощу. Окруженная со всех сторон рекой Летой, она была спокойным местом пристанища для здешних обитателей, и бесчисленное множество теней из всех стран носились по воздуху везде, похо-

различные оттенки красок. Мы видели черноту, представленную ночью, мрак логова Сивиллы в виде черных вод рек преисподней и растворение материи чудищами, живущими по берегам этих рек; серый цвет, изображаемый бородой Харона и его грязными одеждами; несколько более выраженный белый цвет в виде света, распространенного утренней зарей, а также появление стен дворца. Вот, наконец, полностью проявляется белый цвет в виде белых повязок и диадемы обитателей Елисейских полей.

1 Сивилла обратилась со своими словами к Мусею, но почему? Дело в том, что Мусей считается одним из тех, кто почерпнул в Египте знание золоченой генеалогии богов и кто, возможно, первым перенес в Грецию их теогонию. Он говорил об Аполлине или о золоте Философов так, как это и надлежало делать; он даже занимался Искусством, которое учит добывать его и говорить о нем. Поэтому ясно, что Сивилла вовсе не случайно обратилась к нему, чтобы найти то, что искал Эней.

2 Ливия находится к западу от Египта; это часть Африки, называвшаяся встарь Олимпией, Океанией, Корифией, Гесперией, Ортигией, Эфиопией, Киренной, Офиуссой. Анхис справедливо замечал, что боялся за Энея из-за Ливии, ибо самой трудной частью делания, по словам всех Философов, является та, которой следует придерживаться, дабы достичь черного цвета и выйти из него; т.к. чернота есть ключ делания и первая прочная окраска, которую должна приобрести материя; она — знак растворения и гниения, которые обязательно должны предшествовать всякому рождению. Если слишком сильно раздувать огонь, указывают Философы, красный цвет опередит черный; цветы сгорают, а ожидания окажутся напрасными. Уделите же все ваше внимание, добавляют они, режиму огня; варите материю, пока она не станет черной, т.к. это признак растворения и гниения; когда же вы этого достигнете, продолжайте трудиться, чтобы отбелить вашу латунь (*fulvalem, Enarrat. Method. p. 86*); и после того, как она станет белой, возрадуйтесь, что время тягот прошло: *daelbate latonem, et numpite libros*.

дя на рой пчел, которые погожим летним днем разбиваются на группы и облетают лилии и цветы, украшающие луга¹ Пораженный увиденным, Эней спросил, что это за река и что за люди рассыпались по ее берегу. Анхис разъяснил ему все такими словами: С самого начала некий огненный дух был вдохнут в Небо, Землю, Море, Луну и титановы или земные звезды; этот дух дает им жизнь и поддерживает их; затем растекающаяся по всему телу душа приводит в движение всю массу. От этого появились все виды людей, четвероногих, птиц и рыб; этот огненный дух есть начало их крепости; сам он — небесного происхождения, а общается им семенем, произведшим их. Далее Анхис проводил их в гущу увиденного всеми множества теней. Поднявшись на небольшую возвышенность, чтобы лучше видеть весь этот люд и провести их одного за другим перед собой, он указал Энею на всех тех, кто должны были в будущие времена стать его потомками в Италии и поддерживать славу троянцев.

Конец

¹ Такое нарочитое стремление Вергилия назвать сначала лилию — цветок необычайно белого цвета и редко встречающийся в лугах — объясняется, как кажется, лишь необходимостью подтвердить мысль о доведенной до белизны материи, показанной им прежде при помощи белых повязок на челе обитателей Елисейских полей. Можно даже было бы сказать, что он не идет дальше в описании делания, если бы он не писал, что луга украшаются и многими другими цветами. Сколь бы разнообразными не были эти цветы в целом, известно, что если взять каждый из них по отдельности, то все они обычно белые, желтые, красные, либо же с каким-либо оттенком этих красок. Вергилий обозначил белый цвет именно лилией; и ограничился общими словами для указания двух других, характеризующих продолжение делания до достижения красного. Это абсолютно подтверждается ответом Анхиса Энею. Огненный дух, разлитый в материи, это тот самый дух, который герметические философы называют в своем магистерии совершенным, который они называют таюже микрокосмом или малым миром — как средоточие всего, что есть совершенного в макрокосме. Дух этот, говорят они, есть начало всего; все сделано из него; он производит вино в винограде, масло в оливках, муку из зерна, семя в растениях, раскраску цветов, вкус продуктов; он — коренное и живительное начало смешанных и всех тел; это — воплощенный универсальный дух, проявляющийся согласно различным видам личностей в трех царствах Природы. Как говорит д'Эспанье, магистерий — это жила небесного огня. Следует при этом заметить, что Вергилий предусмотрительно отличает земные звезды от небесных, дабы читатель не перепутал их; именно поэтому он назвал их титановыми, т.к. известно, что титаны были сыновьями Земли. Земными звездами являются металлы, которым Химия дала имена планет. Вергилий добавляет, что огонь этот имеет небесное происхождение, ибо, согласно Гермесу («Изумрудная скрижаль»), отец его — Солнце, а мать — Луна. Все герметические философы вторят ему в этом. По этому поводу можно было бы собрать целую книгу высказываний, да и в этом труде мы привели немалое их число. Когда же, таким образом, магистерий достигает совершенства, то он становится сим сосредоточенным огнем, этим пламенным духом Природы, владеющим способностью исправлять несовершенство тел, очищать их от того, что есть в них нечистого, оживлять их крепость и производить все те действия, что приписываются ему Философами. Это, наконец, некое лекарство духа, ибо оно избавляет того, кто им владеет, от всех страстей скупости, тщеславия, зависти, ревности и прочих, беспрестанно тиранящих человеческое сердце. И вправду, коль скоро ты владеешь источником богатства и здоровья, чего более можно желать на свете? Никто бы не стремился к почестям, будь они связаны с нищетой. Не станешь завидовать добру и удаче ближнего, если у тебя самого есть чем удовлетворить себя и разделить это с другими. Философы, следовательно, правы, говоря, что герметическая наука принадлежит людям осмотрительным, мудрым, набожным и богобоязненным; и, что если они не были таковыми, когда Бог позволил им овладеть наукой, то стали такими в дальнейшем.

www.atanor.com.ua

По вопросам реализации обращаться по тел.:

8 066 264 06 76, +38095 274 60 50

roks787878@mail.ru

Дом Антуан-Жозеф Пернети

Мифы Древнего Египта и Древней Греции

Технический редактор: Сергей Береза

Компьютерная верстка: Алина Чижевская